

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

PSlav 467.26 ($\frac{1852}{5-8}$)

C.B.
1884
[AHM:HW]

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

15789
5/5/41

1. ~~ОТДЕЛ~~
Алуж. кооп. с. сударсти.
Алуж. с. с. с.
ОТДЕЛ *А. С. В.*
ИЗВ. № *13011*
ШИФР. _____

МОСКОВСКИЙ ТЕЛЕГРАФЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Николаемъ Полевымъ.

Часть сорокъ четвертая.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,

при ИМПЕРАТОРСКОЙ Медико-Хирургической Академіи.

1832.

^Δ
PSlav 467. 26 ($\frac{1832}{5-8}$)
✓

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,
съ тѣмъ, чтобы по ошпечатаиіи представлены были
въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. Москва,
Апрѣля 23 дня 1832 года.

Цензоръ и Казалеръ Левъ Цетмаевъ.

МОСКОВСКИЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

ПОХОДНЫЯ ЗАПИСКИ

ВАСИЛЪЯ МИРОШЕВСКАГО.

Отправленіе брига Охты изъ Мальмы въ Египетъ. Наваринъ.
Занитъ. Жена и дѣти Марко Воццари. Модонъ. Плаваніе
возлѣ береговъ Кандіи. Прибытіе въ Александрію.

Едва успѣли мы освободиться изъ карантин-
на (*), какъ бригъ нашъ получилъ повелѣніе, не-
медленно отправиться съ Англійскимъ фрега-
томъ Галаписею въ Александрію, и слѣдовать
за нимъ и въ прочія мѣста, если того потре-
буютъ обстоятельства.

11-го Января (1828-го года) по утру, когда
мы спали вытягивались изъ гавани, попался
намъ на встрѣчу Англійскій бригъ, буксиремый
гребными судами, и мы увидѣли на немъ Рус-
скаго курьера. Не получая около трехъ мѣся-
цевъ извѣстій изъ Россіи, съ какими нестерпѣ-

(*) По прибытіи изъ Корфу въ Мальту.

ніемъ ожидали мы новостей о любезномъ опечесствѣ! Но, къ сожалѣнію, мы не могли вполнѣ удовлетворить свое любопытство: Капитанъ брига едва на нѣсколько минувъ имѣлъ время съѣхать на берегъ, и возвращаясь объявилъ, что Государь Императоръ прислалъ награды за Наваринское сраженіе. Справедливое возмездіе, полученное тѣми, которые оказали себя достойными почестей, доставило намъ живѣйшее удовольствіе. Слава тому, кто умѣетъ служить опечесству; слава Монарху, умѣющему цѣнить заслуги.

Вышавшись изъ гавани, мы вступили подъ парусы, и направили путь къ берегамъ Морей. Крѣпкій, попушный вѣтръ принесъ насъ въ двое сушокъ къ мѣсту, ознаменованному уже неоднократно гибелью Турокъ и славой Рускихъ (*). Входъ въ Наваринскую губу имѣетъ около семи сотъ сажень ширины; при входѣ на правой сторонѣ построена крѣпость, на скалѣ горы; съ лѣвой стороны входа сдѣлано небольшое земляное укрѣпленіе; битва 8-го Октябрия доказала на опытъ, какъ ничтожны сія укрѣпленія.

(*) Къ Наварину (древній Пилосъ). — Наваринъ разстояніемъ отъ Мальмы около 360-ти Итальянскихъ миль; онъ во время Турецкой войны, веденной Графомъ Орловымъ-Чесменскимъ, былъ взятъ и разрушенъ Рускими.

Подходя къ Наварину, мы зарядили всѣ пушки, дабы въ случаѣ, когда Турки вздумали-бы салютовать намъ ядрами, плашью имъ пою-же почешью; но дѣло не дошло до такихъ учинившихъ привѣщивій. Фрегатъ не имѣлъ надобности идти въ губу, но подойдя къ ней, легъ въ дрейфъ. Мы сѣдали поже и между тѣмъ наблюдали движеніе Турокъ.

Въ губѣ Наваринской видѣли мы военный бригъ, стоящій возлѣ крѣпости, и въ нѣкошоромъ отдаленіи отъ него 74-хъ пушечный корабль, безъ мачтъ, и съ проломленнымъ бортомъ. Это былъ одинъ изъ сшарыхъ знакомцевъ союзнаго флота. Между тѣмъ Турки, увидѣвъ насъ, высыпали шолпами на крѣпость. Можно ли вообразить, съ какими чувствами смотрѣли они на флаги, развѣвавшіеся недавно предъ ихъ крѣпостью при громѣ пушекъ, и при освѣщеніи гибельными для нихъ огнями!.. Безъ сомнѣнія, при первомъ взглядѣ на насъ, страхъ и ненависть слились въ душахъ ихъ въ одно мучительное чувство, для кошораго нѣтъ наименованія.

По прошествіи получаса, фрегатъ и бригъ свялись съ дрейфа и поплыли въ Зантъ. Отъ Наварина до Занпа около семидесяти миль. Мы плыли уже около двухъ сушокъ, но не прошли и половины этого разстоянія: сперва прошивный

вѣтеръ, а попомъ шпиль (*) насъ задерживали. Чѣмъ дышать? Отчаливъ отъ береговъ и пускаясь на непостоянную стихію (эмблему нашей жизни), должно имѣть большой запасъ шерстяна. На прѣшнихъ сушкахъ мы увидѣли Заншъ, и благодаримъ судьбу еще и за то, что остальную половину разсѣпанія прошли довольно скоро.

Заншъ назывался въ древности Закинеъ. Этотъ островъ всегда славился плодородіемъ, и пошому во время военныхъ эпохъ въ Греціи, часію служилъ сборнымъ мѣстомъ для войскъ. Здѣсь и Діонъ, изгнанный изъ Сиракузъ Діонисіемъ, назначилъ соединеніе своимъ войскамъ, набраннымъ противъ сего пирана.

Зная, что Заншъ называютъ цвѣткомъ Леванта, я ожидалъ увидѣти здѣсь природу во всей роскоши; но подходя къ сему острову, и видя голыя горы, думалъ, что обманулся въ своемъ ожиданіи. Но когда мы обогнули мысъ, то по другую сторону его виды совершенно перемѣнились: зазеленѣли горы, покрытыя оливными рощами, и посреди ихъ величественно возвысились кипарисы. Мы приближались къ городу, разстилающемуся въ видѣ полумѣсяца у подошвы горы, на вершинѣ которой построена крѣпость. Однимъ словомъ, городъ съ окрест-

* Совершенная тишина на морѣ.

кошпанимъ представлялъ прелестную картину. Мы бросили якорь на рейдѣ. Взявъ зрительную трубу, я любовался, разсматривая мѣстоположенія; но вдругъ ужасный предметъ, появившійся мнѣ на глаза, принуждаетъ меня бросить трубу и наблюденія, и вмѣсто пріятныхъ впечатлѣній въ моемъ сердцѣ, оставляетъ самыя горестныя. Я увидѣлъ на вершинахъ горъ, въ шрехъ или чепырехъ мѣстахъ, вистлицы, на кошорыхъ вистли, въ желѣзныхъ клішкахъ, человѣческіе остовы. Мнѣ сказали, что сіи повѣшеніе были Греки, уроженцы Занша, подвергнувшіеся наказанію въ 1820 году за возмущеніе, въ кошоромъ убили одинъ Англіійскій солдатъ....

Но окончивъ наши разсужденія, и, чтобы не терять времени, поспѣваемъ скорѣе осмотрѣть Заншъ, въ кошоромъ мы остановились весьма не надолго. Въ полдень я съѣхалъ съ брига на берегъ и пошелъ осматривать городъ.

Онъ снаружи кажется гораздо лучше и болѣе; внутри не очень красивъ. Въ немъ одна только порядочная улица, прочія-же очень шѣсны; дома не высокіе, большею частію въ два этажа, и такъ-же какъ и въ Корфу, почти всѣ старыя и запачканныя, архишекшуръ самой простой. Ходя по улицамъ, встрѣчалъ я много наряженныхъ и въ маскахъ (это было время карнава-

ла). Сія маски, видя Рускихъ, изъавляли необыкновенный воспоргъ; вообще всѣ Ионическіе Греки чрезвычайно любяшъ насъ. Въ Корфу они также неоднократно доказывали намъ свою приверженность, но съ большею оспорожностію, пошому что бояшя раздражити Англичанъ, у которыхъ подъ властію. За то, почти каждый Грекъ Ионической республики (*), при одномъ имени Англичанина, напомнишъ вамъ быстрымъ измѣненіемъ своей фізіономіи прелестный смѣхъ великаго Корнеля, и вы скажете:

Je les ai vus pâlir d'horreur et rougir de colère.

Я всходилъ на гору, гдѣ построена крѣпость, и опшуда мнѣ представилась картина, еще прелестнѣе той, которая опкрывается съ рейда. Весь городъ, гавань, горы въ разнообразныхъ положеніяхъ, украшенныя, какъ я уже упомянулъ, оливами и кипарисами, и внизу на нѣсколько верстъ прелестная долина, покрывая зеленью и чрезвычайнымъ множествомъ виноградника — весь эшопъ очаровательный видъ, подъ яснымъ лазурнымъ небомъ, приводилъ меня въ какое-то сладостное упоеніе. Мысль о сча-

(*, Ионическая республика также справедливо носитъ это названіе, какъ и Султанъ именуетъ себя братомъ солнца и дядею луны.

сѣмъ объятелемъ сихъ мѣстъ мелькнула въ головѣ моеѣ, но снова вѣялицы попались на глаза мои, и шалкій вздохъ вырвался изъ груди: мечта исчезла!

Осмотрѣвъ городъ и окрестности, я собрался вечеромъ ѣхать на бригъ (въ это время въ Заншѣ не было шешра). Я спросилъ провожавшаго меня Грека, нѣтъ-ли въ Заншѣ еще какогонибудь занимательнаго предмета, котораго я не видалъ? — Здѣсь жена Марка Бодцари — опивчалъ онъ; — мы можемъ побывать у нея; она мнѣ знакома. — Съ величайшимъ удовольствіемъ принялъ я предложеніе добраго Грека.

Маркъ Бодцари былъ человѣкъ великій въ своемъ родѣ, и безъ сомнѣнія, все, что имѣешь отношеніе къ людямъ, возбуждающимъ наше удивленіе, должно казаться намъ занимательнымъ.

Орелъ Сулім (*), ополчивъ своихъ соотечественниковъ прошивъ угнетавшихъ ихъ ширановъ, далъ поработенной Греціи примѣръ, какъ должно дѣйствовать герою, жертвующему собою для блага отечества, пренебрегающему всѣмъ опасностямъ, и сквозь тысячи смертей спре-

(*) Такъ называли храбраго Марка соотечественники его, Суліомы.

мѣщемуся смѣло къ предположенной цѣли. Битва при Карпинессъ была послѣднею въ его жизни. Онъ, съ двумя силами отборныхъ воиновъ, напалъ ночью на многочисленный Турецкій лагерь, разсѣявъ въ немъ ужасъ и смерть, ворвался въ малапку Пашы, убилъ сына его, и уже гоштовился запечатлѣть побѣду смертію самого Пашы, когда роковой выстрѣлъ Араба (*) раздался, и храбрый Беццари палъ, обагренный кровію, палъ увѣнчанный громкою славою, и друзья Греціи оплакиваютъ еще шеперь его кончину :

..... L'enfant de la victoire ,
L'honneur de la patrie et si cher à sa gloire ,
Descendu triomphant dans la nuit des tombeaux,
A. terminé le cours de ses nobles travaux.

Такъ выразился поэтъ, прославляя смерть Марка ; впрочемъ, геройскіе подвиги сего любимаца Беллоны не прекратились съ его смертію: они возбудили соревнованіе въ сынахъ Греціи ; духъ героя одушевляеиъ его сподвижниковъ, и они блистательно довершаютъ начатое имъ.

Мы отправились къ его семейству. Възошедши по лѣснницѣ, я очутился въ небольшой ко-

(*) Одного изъ прислужниковъ Пашы

иванъ , и увидѣлъ очень милыхъ дѣтей , копорые учились за столомъ , сполывшимъ по срединѣ . « Эпо при дочери Марка , » сказалъ мнѣ Грекъ , « а сынъ его воспитываеися въ Швейцаріи . » Между шѣмъ вошла въ комнату и жена героя . Она приняла меня съ ласкою ; рѣдкое добродушіе было написано на ея лицѣ . Она средняго роста и имѣетъ прекрасные черные глаза ; по наружности кажется ей не болѣе шрицати двухъ лѣтъ . Я говорилъ ей объ участіи , принимаемомъ Рускими въ судьбѣ несчастной Греціи , и о всеобщемъ уваженіи къ памяти храбраго ея супруга . Изъявивъ свою благодарность , она сказала , что теперь всѣ Греки возлагають свою надежду на Рускихъ , и ошъ нихъ ожидають возстановленія своей независимости ; что она съ неперпѣніемъ желаетъ возвратиться на свою родину , и видѣть ее свободною . Принишвѣ , что я взглянулъ на портретъ , висѣвшій на стѣнѣ , она сняла его , и показывая мнѣ , сказала , что эпошъ портретъ снятъ съ сына ея , предъ отправленіемъ его въ Швейцарію , и ниѣтъ съ нимъ большое сходство . Малышка предспавленъ въ національной одеждѣ Грековъ , съ пистолешами за поясомъ . Судя по портрету , лицо его очень пріятно .

Жена Марка Воццари недавно пріѣхала въ Занцъ изъ Анконы . Сперва была она въ стѣ-

свенномъ положеніи ; но пожертвованіями друзей Греціи состояніе ея обезпечено. При ней теперь при маленькія дочери ; старшей , кажешся , не болѣе девяти лѣтъ , а меньшая родилась въ Анконѣ , уже послѣ смерти своего отца.

Смотря на доброе, пріятное лицо жены Марка , я думалъ о храбромъ ея мужѣ. — По видимому , ты былъ счастливъ , храбрый Боццари , съ доброю женою ; дѣши свои милы ; дни свои шекли спокойно въ нѣдрахъ любимаго семейства ; но ты оставилъ домашній кровъ , пріюшь благополучіа ; ты мыслилъ , что не должно гражданину предаваться покою , когда отечество его несчастливо и спонешъ подъ игомъ рабства. Это мысли , достойныя героя ! Миръ праху твоему , храбрый Боццари ; вѣчная слава твоему имени !

Перецѣловавъ дѣшей героя и поблагодаривъ жену его за ласковый пріемъ , я съ умиленіемъ разстался съ ними.

Ночью пришла изъ Корфу Англійская корветша , на кошорой находился Лордъ Оберъ-Коммисаръ Ионической республики Генераль Адамъ , имѣвшій надобность отправишься въ Модонъ , для переговоровъ съ Ибрагимомъ Пашею. Фрегатъ Галашея и бригъ нашъ проспоали въ Завишѣ еще суши , и 16-го числа по утру , вмѣ-

спѣ съ пришедшею корвешною и еще однимъ Англійскимъ бригомъ, отправились въ Модонъ, куда и прибыли на другой день, въ 5-мъ часу по полудни. Крѣпость Модонъ въ двѣнадцать Италіянскихъ миль отъ Наварина; она стоитъ у подножія горъ, на низкомъ мысу; волны орошаютъ ея стѣны; крѣпость сія изъ дикаго камня; стѣны ея не высоки. Она построена Венеціанами и не представляетъ ничего отличнаго. Приближась къ ней, мы увидѣли расположенные на скалахъ горы Турецкіе лагери, въ кошорыхъ, какъ намъ сказали, было войска около четырнадцати тысячъ. Небольшой бѣлый домикъ, построенный на нѣкошоромъ возвышеніи, видѣнъ былъ болѣе прочихъ; послѣ мы узнали, что онъ служилъ жилищемъ Ибрагиму. Такъ-то война перенесла гордаго и сладоспращнаго Пашу изъ пышнаго серала въ уюшную хижину!

Когда мы спали у крѣпости на якорь, Генералъ Адамъ поѣхалъ къ Пашѣ на берегъ. На другой день мы со всѣхъ судовъ салютовали крѣпости, и она отвѣчала намъ равнымъ числомъ выстрѣловъ; послѣ того Г. Адамъ ѣздилъ опять къ Пашѣ, со всѣми Капишанами судовъ, и былъ принятъ весьма хорошо.

Мы простояли у Модона двое сутокъ, и по полученіи на фрегатахъ Галашею отъ Ибрагима Паша бумагъ, для доставленія въ Александрію,

снялись 24-го числа съ якоря и поплыли къ берегамъ Египта.

Вѣтеръ ночью благопріятствовалъ намъ, и мы на другой день по упру подошли къ Кандіи (древній Кришъ). Близъ нея, на небольшомъ островкѣ, который есть не что иное какъ голый каменный утесъ, построена крѣпость Карабуза. Это мѣсто было сперва пристанищемъ пиратовъ; но Греческое Правительство успѣло выгнать ихъ. Здѣсь близъ береговъ видѣли мы останки разбитаго судна, и послѣ узнали, что это былъ Англійскій фрегатъ Камбріанъ, разбившійся у сихъ скалъ за мѣсяцъ до нашего сюда прихода.

Гористые берега Кандіи не представляютъ со стороны Карабузы никакой привлекающей каршины : вездѣ голый камень.

Штиль задержалъ насъ возлѣ этого скучнаго мѣста до вечера. Часу въ 9-мъ вѣтеръ засвѣжѣлъ, и мы, поплывъ вдоль береговъ Кандіи, хотѣли обогнуть ее вѣнъ Архипелага; но предъ разсвѣтомъ, встрѣтивъ крѣпкій противный вѣтеръ, ворошились и старались обойти ее съ другой стороны, ш. е. Архипелагомъ; однакоже вѣтеръ и здѣсь насъ помучилъ. Когда мы обошли снова Карабузу и завернули за одну изъ скалъ, недалеко отъ города Каней, то

бригъ нашъ кружился болѣ часа на одномъ мѣстѣ; вѣтры безпрестанно перемѣнялись, и начинали дуть съ разныхъ сторонъ; едва мы успѣвали поворочить парусы въ одну которуюнибудь сторону, вѣтръ, какъ-бы въ насмѣшку намъ, шуже минушу перемѣнялся и заставлялъ насъ снова ворочаться и возишься съ парусами.

Берега Кандіи, гдѣ споимъ упомянутый мною городъ Канея, имѣютъ виды совершенно особенныя отъ прочихъ, которые возлѣ Карабузы. Канея, лежащая въ долинѣ близъ горъ, окруженная кипарисными и оливными рощами, кажется съ моря очень пріятною. Она занимаетъ почти то самое мѣсто, гдѣ была въ древности Сидонія, резиденція мудраго Миноса. Отсюда, далѣе внутрь острова, идетъ долина, изобилующая всѣми произведеніями природы, свойственными здѣшнему краю. Извѣстно, что Кандія очень плодородна, и если-бы освободить ее изъ рукъ Турокъ, то безъ сомнѣнія она сдѣлалась-бы вскорѣ однимъ изъ самыхъ богатѣйшихъ острововъ Средиземнаго моря, только не подъ покровительствомъ Англичанъ. Жителей на ней считается теперь около 300,000; величина ея около двухъ сотъ квадр. миль.

Идя перемѣнными вѣтрами, мы на другой день увидѣли въ шуманѣ высокую Иду, просла-

вленную рожденіемъ Юпитера. Гора сія находится почти въ самой срединѣ острова.

Двое сушокъ лавировали мы близъ береговъ Кандіи; погода была пасмурная, въперъ проливной и довольно крѣпкій; даже и воспоминанія, раждающіяся при видѣ древняго Крипа, сіюль славнаго во времена баснословныя, не могли развлечь скуки. Многихъ мажросовъ указивало: я нѣсколько разъ замѣчалъ, что при проливномъ вѣтрѣ и небольшая качка скорѣе причиняетъ болѣзнь, нежели при попушномъ самая сильная. Въ первомъ случаѣ, поглядывая безпрестанно на флюгеръ, ждешь перемѣны вѣтра, и если видишь, что онъ не перемѣняется или становится еще проливнѣе, то невольная досада, присоединяясь къ безпокойству качки, увеличиваетъ болѣзнь. Напротивъ того, когда вѣтеръ благопріятствуетъ, то надежда достигнуть скоро пристани, и удовольствіе, происходящее отъ исполненія желанія, развлекаютъ неприятнымъ образомъ и заставляютъ почти забыть качку и болѣзнь. Причина этому очень естественная: сила воображенія. На третью сушку погода нѣсколько прояснилась. Вечеромъ, стоя на ютѣ, я любовался снопя на густыя, бѣлыя облака, которыхъ края горѣли разноцвѣтными огнями; изрѣдка сверкала молнія. Часу въ 8-мъ, когда уже было довольно темно, нашелъ

небольшой шквалъ съ дождемъ. Шквалъ былъ попушимъ, и мы поплыли настоящимъ курсомъ. Между тѣмъ небо становилось мрачнѣе и мрачнѣе; часа чрезъ два снова нашелъ шквалъ, и гораздо сильнѣе прежняго, съ ужаснымъ градомъ; ночь сдѣлалась самая темная; только сверканіе молній освѣщало мракъ. Не должно предполагать, что такое зрѣлище возбуждаетъ одинъ ужасъ: для человѣка, ознакомившагося съ бурями жизни, не спрашивъ никакія бури природы; напрошивъ того, онъ имѣющъ для него особенную прелесць. Мракъ ночи, блескъ молній, бурныя волны и ушлое судно, несущееся посреди ихъ — картина величественная и чрезвычайно занимательная! Не можешь-ли она служить вѣрнымъ, разительнымъ изображеніемъ жизни человѣческой?

Всю эту ночь налетали шквалы, довольно сильныя; но мы, закрѣпивъ почти всѣ парусы, и принявъ всѣ нужныя предосторожности, не опасались ничего. Два шкала съ градомъ были сильнѣе прочихъ; одинъ, ночью, о кошоромъ я упомянулъ, а другой на разсвѣтѣ. Впрочемъ, они не сдѣлали намъ никакого вреда; только за темною ночью мы потеряли изъ виду фрегаты Галашею; но на другой день (27-го числа), поспавивъ сколько было возможно парусовъ, и

Мартъ 1832.

2

шедши по 17-ти верстѣ въ часѣ , снова его догнали. Въперѣ , цѣлыя суши сіи , благопріятствовали намъ , и 20-го числа , ушромъ , мы были отъ Александріи въ двадцати Итальянскихъ миляхъ ; но береговъ еще не видали. Послѣ полудня , когда осталось до города не болѣе 10-ти миль , показалось , какъ будто выходящее изъ волнъ моря , зданіе : это былъ дворецъ Паши. Вскорѣ послѣ того спалъ показывавшся городъ , и наконецъ открылись низкіе , песчаные берега Египта.

В. Мирошевскій.

ПЕРВОЕ ДѢЙСТВІЕ

изъ Шекспировой Трагедіи : *Король Лиръ.*

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА :

Лиръ , Король Британскій.

Король Французскій.

Герцогъ Бургундскій (Бургундъ).

Герцогъ Корнуолльскій (Корнуолль).

Герцогъ Альбанскій (Альбани).

Графъ Кеншъ.

Графъ Глостеръ.

Эдгаръ , сынъ Глостера.

Эдмундъ , побочный сынъ Глостера.

Куранъ , придворный.

Старикъ , ошкупщикъ Глостера.

Лекарь.

Дуракъ.

Освальдъ , дворецкій Гонериллы.

Офицеръ , при Эдмундѣ.

Джентльменъ , изъ свиты Корделіи.

Герольдъ.

Слуги Корнуолля.

Гонерилла

Регана

Корделія

} дочери Лира.

Рыцари , служащіе при Лирѣ , офицеры , посыльные , солдаты и свита.

Дѣйствіе въ Британіи.

2*

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

*(Тронная во Дворцѣ Лира).**Входятъ : Кентъ , Глостеръ и Эдмундъ.*

КЕНТЪ.

Я думалъ , что Король больше любишь Герцога Альбани , нежели Корнвалля.

ГЛОСТЕРЪ.

Оно такъ всегда казалось намъ ; но теперь , при раздѣлѣ Королевства , не видно , кого изъ Герцоговъ онъ больше цѣнишь ; ибо равенство часшей такъ возвышено , что ни того ни другого смѣшливость не могла-бы сдѣлать выбора одной изъ нихъ.

КЕНТЪ.

Не сынъ-ли это вашъ , Милордъ ?

ГЛОСТЕРЪ.

Его воспитаніе , Сиръ , мнѣ должно было признаться на себя. Я такъ часто краснѣлъ , признавая его , что теперь ужъ прикраснѣлся къ тому.

КЕНТЪ.

Я не понимаю васъ.

ГЛОСТЕРЪ.

Сиръ ! машь этого молодого человѣка поняла.

.

Что ? вамъ это ошибкой пахнетъ ?

Кентъ.

По моему, пусть ошибка останется ошибкой,
когда она принесла такой прекрасной плодъ.

Глостеръ.

Но у меня, Сиръ, есть сынъ законный, нѣсколь-
ко постарше этого; онъ, однакожь, не больше
мною любимъ.

.
.
.

Знаешь-ли ты этого благороднаго Лорда, Эдмундъ?

Эдмундъ.

Нѣтъ, Милордъ.

Глостеръ.

Милордъ Кентъ. Ошибыи помни въ немъ почтен-
наго моего друга.

Эдмундъ (*Кенту*).

Готовъ къ вашимъ услугамъ, Милордъ.

... Кентъ.

Я долженъ любить васъ, и желаю познакомиться
съ вами покороче.

Эдмундъ.

Постараюсь, Сиръ, сдѣлаться шого доспойнымъ.

Глостеръ.

Онъ девять лѣтъ былъ за границей, и опять
ошправившись. — Король идешь.

(*За театромъ слышны трубы*).

Входящъ : Лиръ , Корнвалльскій Герцогъ , Альбанскій
Герцогъ , Гонериалла , Регана , Корделія и Свѣта.

Л и р ъ .

Король Французскій и Бургундскій Герцогъ !
Ты , Глостеръ , ихъ прими !

Г л о с т е р ъ .

— — — — Исполню волю , Государь , швою.
Глостеръ и Эдмундъ (уходятъ).

Л и р ъ .

Межъ тѣмъ мы объяснимъ свой планъ не-ясный.
Подать сюда мнѣ каршу ! — Знайте , что
Мы дѣлимъ Королевство на три части ,
И швердое намѣренье нѣтемъ
Освободишь , на старости , себя
Отъ всѣхъ заботъ и дѣлъ ; препоручишь
Все силамъ молодымъ , а межъ тѣмъ ^{цѣни} ,
Снявъ бремя , будемъ смерти ждашь . Сынъ нашъ
Корнвалль , и ты , не меньше милый сынъ
Альбани , мы , рѣшишельно , сей часъ
Хотимъ извѣстнымъ сдѣлать вѣно каждой
Изъ нашихъ дочерей , чтобы шперъ
Предупредишь всѣ будущіе споры.
Король Французскій и Бургундскій Герцогъ ,
Великіе совѣтшники въ любви
Ко младшей между дочерьми моими ,
Давно живутъ у насъ , какъ женихи ,
И нашего ошвѣша ожидають .

Скажите, дочери мой, (намъ мы
 Намѣрены теперь сдатьъ власть свою,
 Земель доходы, суеши правленья)
 Кто, спросимъ мы, изъ васъ насъ больше любите?
 Чтѣмъ большую мы доброту свою
 Тамъ показати могли, гдѣ больше встрѣтивши
 Она достоинства. Ты, Гонерилла,
 Дочь наша старшая, скажи намъ прежде.

ГОНЕРИЛЛА.

Сирѣ! я люблю васъ больше, чѣмъ словами
 Вамъ это въ состояннѣ изъяснить;
 Чѣмъ свѣтъ очей, свободу и пространство;
 Чѣмъ все, что можешь быть въ цѣлѣй какой,
 Богатымъ, рѣдкимъ; столько-жъ, сколько жизнь
 Съ красой, здоровьемъ, славой, честью;
 Какъ только дочь отца когда любила,
 Или отецъ встрѣчалъ любовь, для коей
 Дыханье бѣдно, рѣчь нѣма. Люблю васъ
 Я выше всякой степени любви.

КОРДЕЛИЯ (съ стороны).

Что дѣлаетъ мнѣ? любите, и бытъ безгласной!

ЛИРЪ (показывая на картѣ).

Всѣхъ сихъ земель, оутѣ этой, вотъ, черты,
 До этой, здѣсь, съ тѣнистыми лѣсами,
 Богатствами полей, глубокихъ рѣкъ,
 Луговъ неизмѣримыхъ, госпожѣ
 Мы дѣлаемъ тебя: себѣ и своему
 Потомству это въ родъ и родъ!

Что говоришь вторая наша дочь,
 Любезная Регана наша,
 Жена Коривалла Герцога? Скажи!

РЕГАНА.

Изъ одного съ сестрой мешала я,
 И той-же съ ней цѣны. Въ отпрыскомъ сердцѣ
 Моемъ я нахожу, что изъясняешь
 Она мою, по сущности, любовь,
 Лишь очень коротко: а для меня —
 Противны наслажденья всѣ, какія
 Тончайшее намъ чувство доставляетъ,
 И я могу быть счастлива одной
 Любовью только къ вамъ, родители мой.

КОРДЕЛИЯ (съ сторону).

О бѣдная Корделия! Но нѣтъ!
 Я не бѣдна: я знаю, что любовь
 Моя богаче, нежели языкъ.

ЛИРЪ (Реганѣ).

Тебѣ, съ своими; вѣкъ владѣшь вошъ этой
 Богатой прешью странъ прекрасныхъ нашихъ!
 Не меньше въ ней пространства, удовольствій
 И цѣнностей, чѣмъ въ той, какая
 Утверждена за Гонериллой. — Ну!
 Ты, наша радость, (хоть и послѣ всѣхъ,
 Но шѣмъ ни чушь не меньше) въ молодую
 Любовь которой вкрасѣся соревнуютъ
 Король Французскій и Бургундскій Герцогъ;

Что скажешь ты , чтобъ получишь ошъ насъ
Треть лучшую прошивъ сестерь ? Скажи !

Корделія.

Я ничего , родисьель !

Лиръ.

Ничего ?

Корделія.

Да , ничего.

Лиръ.

Изъ ничего не выйдешь ничего.
Еще скажи !

Корделія.

Несчастливая ! языкъ
Мой высказать не можешь сердца. Я
Люблю васъ шакъ , какъ дочь должна : ни больше ,
Ни меньше.

Лиръ.

Какъ , Корделія ? Поправь
Ты рѣчь свою ; иначе повредишь
Она швоей форшунъ.

Корделія.

Добрый Лордъ мой !

Вы дали жизнь мнѣ , дали воспитанье ;
Меня любили вы ; и я съ моею
Вамъ спороны плачу , какъ долгъ велишь ;
Покорна вамъ , люблю васъ , почишаю.

Что-жь для сестеръ мужа, козь говорятъ
 Онъ, что васъ однихъ на свѣтъ любящъ ?
 Когда судьба мнѣ судишь выйдши за мужъ,
 То Лордъ, котораго рука возьмешь
 Мою, возьмешь съ ней вмѣстѣ половину
 Моей любви, мнѣхъ заботъ и долга.
 Я, вѣрно, никогда не выйду за-мужъ,
 Чшобы любящъ, какъ сестры, одного
 Ошца.

Л и р ъ.

Ошъ сердца-ль говоришь ты ?

Корделія.

Да, Милордъ.

Л и р ъ.

Такъ молода и нечувствительна ?

Корделія.

Такъ молода и искренна, Милордъ.

Л и р ъ.

Ну, пусть ! Но пусть-же искренность швоя
 Тебѣ и вѣномъ будешь ! Ибо я,
 Клянусь священными лучами солнца,
 Гекапы таинствами, мракомъ ночи,
 Всей силой сферъ, которая даетъ
 Намъ бышіе и насъ уничтожаетъ,
 Чшо опрекаюсь я ошъ всѣхъ заботъ
 Ошца, родства, ошъ свойственности крови,

И сердцу моему чужой счисляю
 Тебя, съ сихъ поръ, на вѣкъ! Жестокий Скинь,
 Или шомъ, своихъ кто собственныхъ съдастъ
 Дышей, чтобъ ушолъ твой голодъ, будешь
 Моей душѣ такъ близокъ, жалокъ, милъ,
 Какъ ты, моею бывъ дочерью когда-то.

К е н т ъ.

Мой добрый Государь!

Л и р ъ.

Молчашъ, Кеншъ! не ходи между дракономъ
 И бышенствомъ его! Я больше всѣхъ
 Его любилъ, и въ нѣжности ея
 Ко мнѣ надѣялся найдши покой свой.

(Корделия)

Вонъ! и нигдѣ чтобъ не видалъ тебя!
 Пусть такъ меня спокоитъ гробъ, какъ я
 Беру отъ ней ошечское сердце!
 Французскаго звать Короля! — Ну, кто-жь
 Идетъ? — Бургундскаго звать Герцога!
 Коривалль! Альбани! вы себя возьмите,
 Къ приданнымъ дочерей моихъ, и эшу
 Треть! Пусть на ней женишься ты гордостью,
 Которую она проспросердечьемъ
 Зовешь! Вамъ совокупно обонимъ
 Даю я власть мою, права, и все,
 Величество себя чѣмъ окружаетъ.
 Оставивши сто рыцарей, которыхъ

Вы на себя должны взять содержанье ,
 Изъ мѣсяца мы въ мѣсяць будемъ жить
 У васъ , попеременно. Мы себѣ
 Лишь оставляемъ имя Короля
 И шипла. Власть , доходы , и всѣмъ прочимъ
 Распоряженье — пусть все будетъ ваше ,
 Любезные сыны ; а въ подтвержденье
 Того , корону эту раздѣлише
 На части межъ собой.

(Даетъ имъ корону).

К Е Н Т Ъ.

Внѣчанный Лиръ ! тебя
 Всегда я почиталъ , какъ Короля ;
 Любилъ , какъ своего отца ; тебѣ ,
 Какъ господину я служилъ , и , какъ
 Великаго заступника въ моихъ
 Тебя моливахъ поминалъ —

Л и р ъ.

Согнуть , натянуть лукъ — посторонись !

К Е Н Т Ъ.

Спускай ужъ лучше , хоть стрѣла пронзятъ
 Мнѣ сердце : пусть невѣжливъ будешь Кентъ ,
 Когда безуменъ Лиръ. Чего ты хочешь ,
 Спарикъ ? Ужель ты думаешь , что долгъ
 Бояться будешь говоришь , когда
 Внимаешь лести власть ? Нѣтъ ! ошкровой
 Должна быть честность
 Уничтожь

Свой приговоръ, и , лучшимъ разсужденъемъ ,
Останови сѣпую безразсудность.

Я жизнью въ томъ своей тебя клянусь !
Дочь меньшая тебя не меньше любишь ;
И не съ пустымъ тѣ сердцемъ , конхъ тихій
Не слышенъ голосъ въ пустошѣ.

Л и р ѣ .

Твоею жизнью , Кентъ ! Ни слова больше !

К е н т ѣ .

Жизнь мнѣ всегда была залогомъ только ,
Который долженъ я противъ своихъ
Враговъ нести. Я не боюсь лишиться
Ея , для безопасности своей.

Л и р ѣ .

Чтобъ не видалъ тебя я больше !

К е н т ѣ .

Лиръ !

Размысли лучше , и позволь остаться
Мнѣ нѣшой вѣрною своихъ очей.

Л и р ѣ .

Ну , Аполлонъ свидѣтель . . .

К е н т ѣ .

Аполлонъ

Свидѣтель , Лиръ , что по напрасну ты
Клянешься именемъ своихъ боговъ.

Л и р ѣ .

Вассаль-измѣнникъ ! *(схватывается за мечъ)*

Герцогъ Альбани и Корнвалль.

Дражайшій Сиръ ! остановишесь !

К е н т ѣ .

Изволь !

Убей врача твоего , а плиту
 Болѣзни гибельной отдай . Раздѣль
 Своей ошати ; нѣ до тѣхъ поръ , пока
 Дышашъ я буду — буду говоришь
 Тебѣ : ты худо сдѣлалъ .

Л и р ѣ .

Выслушай

Меня , измѣнникъ ! Вѣрностью швоей !
 Ты выслушай меня ! — Какъ ты хотѣлъ ,
 Чтобы нарушили свою мы клятву
 (Но мы и въ жизнь не дѣлали того) ,
 И съ гордостью чрезмѣрной стали межъ нашимъ
 Судомъ и нашей властью (но того
 Ни правъ нашъ допустишь , ни санъ не можетъ) —
 Такъ нашу власть оправъ , и вошь награда !
 Пять дней тебѣ даемъ , чтобы ты взялъ мѣры ,
 Себя отъ всѣхъ бѣдъ жизни обезпечить ;
 А на шестой — ты долженъ удалиться
 Изъ Королевства . Если черезъ десять
 Дней твой изгнанничій скелеть найдушь
 Среди владѣній нашихъ — ша минуша

Есть смерть своя ! Иди ! Клянусь тебе
Юпитеромъ , что такъ шому и бышь !

К е н т ъ .

Прощай , Король ! Когда швое желанье —
Свобода тамъ живешь , а здѣсь изгнанье .

(Корделия)

Подъ кровь тебя да примушь боги свой ,
Дѣвица ! Истина ошвѣтъ была швой .

(Реганъ и Гонерилла.)

А ваша рѣчь богашая словами ,
Любви пусть оправдаешся дѣлами .
Такъ , Принцы , вѣмъ ошъ Кенша вамъ : *прости !*
Онъ будешь тамъ , какъ здѣсь , себя вести . (*уходитъ*)

Входятъ : Глостеръ съ Французскимъ Королемъ ,
Бургундскимъ Герцогомъ и свитой .

Г л о с т е р ъ .

Король Французскій и Бургундскій Герцогъ
Здѣсь , Государь .

Л и р ъ .

Милордъ Бургундъ !

Сперва мы обратимся къ вамъ , который
Съ сямъ вѣдѣшъ Королемъ искалъ руки
Одной изъ нашихъ дочерей . Какого ,
По самой меньшей мѣртъ , съ нею вѣна
Намѣрены вы шребовать , или
Любовный поискъ свой оковчишь ?

Б у р г у н д ъ.

Ваше

Величество! Я не желаю больше
Того, что предложили сами вы,
И не намѣренъ предлагать вамъ меньше.

Л и р ъ.

Бургундскій, прямо благородный Герцогъ!
Когда ее любили мы, то такъ
Ее цѣнили; а теперь — цѣна
Ея упала. Вошь она, Сирь! Если
Что-либо въ этомъ, нѣсколько показномъ
Твореньицѣ, или все оно, съ прибавкой
Не-милости отъ насъ — и ничего
Ужъ больше — можешь быть по вкусу вамъ,
Такъ вошь она, и ваша!

Б у р г у н д ъ.

Я не знаю

Сказать что...

Л и р ъ.

Сирь! ее со всеми вы
Пороками, лишенную друзей,
Опцовской ненависти дочь, у насъ
Проклятые взявшую на мѣсто вѣна,
Отвергнушую словомъ роковымъ,
Хошите взять, или оставишь?

Б у р г у н д ъ.

Внчанный Лиръ! прошу простить меня!
Я, при такихъ условияхъ, не рѣшусь.

Л и р ъ.

Ну такъ оставьте-жь, Сирь, ее : я силой,
 Которая меня произвела,
 Клянусь, что объявилъ вамъ все ея
 Богатство !

(Королю Французскому)

Что-жь до васъ, Король великій,
 Я-бъ не желалъ такъ далеко отъ вашей
 Уйдши любви, и васъ женить на томъ,
 Чтѣ ненавижу; для того прошу васъ
 Любовь свою къ другому обратишь,
 Васъ болѣе достойному предмету,
 Чѣмъ эта тварь, которую природа
 Почти стыдится признавать своей.

Французскій Король.

Я виѣ себя отъ удивленья !
 Неужели она, до самой сей
 Минуты бывъ безцѣннѣйшимъ для васъ
 Сокровищемъ, предметомъ похвалы,
 Бальзамомъ старости, всего мнѣй,
 Всего дороже, сдѣлала, въ одно
 Сіе мгновенье, что-либо такое
 Постыдное, чѣмъ развязашь могла
 Столь многосложные узлы любви ?
 Или ея, конечно, преступленье
 Должно быть глушно такъ, что въ немъ она
 Чудовищемъ является ужаснымъ ?
 Или ваша прежняя любовь прищворна.

Мартъ 1832.

3

Чтобы тому на счетъ ея повѣрить,
Такой бышь долженъ вѣры я, какой,
Безъ чуда, мой разумокъ поселишь
Во мнѣ не можешь никогда.

К о р д е л і я.

Я, Ваше
Величество прошу, по крайней мѣрѣ,
(Хотя я лишена таланта плавно
И гладко говорить, чего въ душѣ нѣтъ:
А что въ душѣ, то дѣлаю я прежде,
Чѣмъ выскажу въ словахъ) извѣстнымъ сдѣлать,
Что не порокъ, убійство, или подлость,
Не дѣло гнусное, нль шагъ безчестный,
Лишили вашей милости меня,
Любви, но именно тошъ недоспашокъ,
Который я богатствомъ почишаю:
Мой не молящій взоръ, и тошъ языкъ,
Безъ коего я очень рада бышь,
Хотя бышь безъ него — пошери сподвижъ
Любви мнѣ вашей.

Л и р ѣ.

Лучше-бы тебѣ
Не жишь, чѣмъ не поправилься мнѣ *лучше* !

Французскій Король.

И въ атомъ все? Заспѣчивость природы,
Которая не можешь изъяснить
Того не рѣдко, что желаешь дѣлать?

Милордъ Бургундъ ! что скажете Принцессъ ?
 Любовь не есть любовь, когда она
 Съ разсчетами мѣшается, и цѣль
 Изъ виду надлежащую шеряешь.
 Она сама себя приданымъ.

Б у р г у н д ъ.

Вѣнчанный Лиръ ! вы согласишесь лишь
 Дать предложенную мнѣ часть, и я
 Здѣсь за руку Корделію беру
 Бургундской Герцогиней.

Л и р ъ.

Ничего !

Поклялся я, и твердъ въ своей я клятвѣ.

Б у р г у н д ъ (*Корделіа*).

Мнѣ очень жалко васъ : вы такъ опца
 Лишились, что должны лишиться мужа.

К о р д е л і я.

Напрасно беспокоишся Бургундъ.
 Когда любовь его въ разсчетахъ вѣна,
 Я никогда женой его не буду.

Французскій Король.

Прекрасная Корделіа ! ты очень
 Богата, будучи бѣдна ; избрана,
 Хотя опринуша, и шѣмъ милѣй,
 Чѣмъ больше пренебрежена. Тебя

И добродѣтели твои беру
 Я здѣсь. Не запрещають намъ законы
 То поднимаешь, что бросаю другіе.
 О боги, боги! Чудно! хладъ презрѣнья
 Въ другихъ — во мнѣ огонь любви, почтенья.
 Дославшись мнѣ безъ вѣна, дочь твоя,
 Лиръ, естъ Царица Франціи, моя!
 Князя Бургундіи водообильной
 Купишь не можешь у меня
 Дѣвицы сей, ничѣмъ не оцѣнимой.

(Корделии)

Скажи прости безжалостнымъ душамъ.
 Здѣсь бросивъ, лучшее найдешь ты тамъ.

Л и р ъ.

Король! Она твоя шеперь! Возьми!
 У насъ нѣтъ дочери такой, и мы
 Не будемъ видѣть вѣкъ ея лица!
 Идите-же — безъ милосши, любви
 И безъ благословенья отъ отца!
 Пойдемъ, Бургундъ мой благородный!

(звукъ трубъ)

Лиръ, Бургундскій Герцогъ, Корнуолль, Альбани,
 Глостеръ и свиха уходящъ.

Французскій Король.

Проспишесь съ вашими сестрами.

Корделія.

Ошца каменья дорогіе! васъ
Корделія съ слезами ошавляетъ.
Я знаю васъ, и, какъ сестрѣ, мнѣ ваши
Назвашь пороки очень непріятно
Тѣмъ именемъ, какимъ ихъ называютъ.
О, поступайте вы съ ошцемъ, какъ должно!
Его вручаю чувствамъ вашимъ я,
Которыми вы такъ ему хвалились.
Но нѣтъ, увѣ! когда-бы у него
Была въ любви, я предпочла-бы его
Гораздо лучшей участи. Простите!

Гонериλλα.

Не дѣлай приказаній намъ на счетъ
Того, что дѣлашь долгъ повелѣваешь.

Регана.

Старайся Лорду угодить, который
Тебя по милости фортуны взялъ.
Покорностью ты для ошца скупилась;
И стоишь не имѣшь, чего лишилась.

Корделія.

Раскроешь время, хитрость что таишь.
Пороки кто свои скрываешь, шѣхъ
Вослѣдствіемъ осмѣиваетъ стыдъ.
Желаю вамъ всѣхъ благъ!

ФРАНЦУЗСКІЙ КОРОЛЬ.

Пойдемъ, прекрасная Корделія! —

Французскій Король и Корделія уходятъ.

Г О Н Е Р И Л Л А.

Сестра! я хочу сказать тебѣ не мало кое-чего, что очень близко касается насъ обоихъ. Я думаю, отецъ нашъ отсюда выйдетъ къ ночи.

Р Е Г А Н А.

Безъ всякаго сомнѣнія, и къ вамъ; а на слѣдующій мѣсяцъ къ намъ.

Г О Н Е Р И Л Л А.

Ты видишь, какъ онъ переменчивъ на старости. Мы это знаемъ не изъ маленькаго опыта. Онъ всегда любилъ нашу сестру больше нежели насъ; и, удивительно, по какой пустой причинѣ теперь отвергъ ее!

Р Е Г А Н А.

Это болѣзнь его лишь: но онъ всегда зналъ только поверхностно самого себя.

Г О Н Е Р И Л Л А.

Въ лучшіе годы, пользуясь лучшимъ здоровьемъ, онъ всегда былъ вспыльчивъ: вѣдь послѣ этого намъ надобно ожидать отъ него не только слабостей

долговременной привычки, но, вѣдѣвъ съ шѣвъ, и
своеправнаго упрямства, неразлучнаго съ болѣзнен-
ною и брюзгливою шаросшью.

Р Е Г А Н А.

Вѣроятно и мы ошѣдаемъ его своеправія въ
шакомъ вкусъ, какъ изгнаніе Кенша.

Г О Н Е Р И Л Л А.

Не разъ еще доведешся услышать шакое про-
щанье, какъ съ Французскимъ Королемъ. Пожалуй-
ща, станемъ дѣйствовать за-одно. Если отецъ
нашъ, при шакомъ расположеніи, будетъ еще имѣть
власть, шо ошказъ короны его шолько позоръ для
насъ.

Р Е Г А Н А.

Мы еще объ эшомъ подумаемъ,

Г О Н Е Р И Л Л А.

Намъ надобно сдѣлать что нибудъ, пока еще го-
рячо желѣзо.

(уходятъ)

С Ц Е Н А В Т О Р А Я.

Зала въ замкѣ Графа Глостера.

Входящъ Эдмундъ съ письмомъ.

Э Д М У Н ДЪ.

Природа! Ты мнѣ божество! Твоимъ
Законамъ рабъ я! Изъ чего я буду

ГЛОСТЕРЪ.

Кеншъ изгнанъ, шакъ! съ Французскимъ Королемъ
Разстался въ гнѣвъ Лиръ! уѣхалъ ночью!
Сдалъ власть свою! Остался при одномъ
Лишь содержанъ! И все эшо вдругъ!
Эдмундъ! здоровъ-ли ты? Чшо новостей?

Эдмундъ *прятетъ письмо.*

Съ вашего позволенія, Милордъ, ничего.

ГЛОСТЕРЪ.

Для чего съ такою заботливостью стараешься
ты спрятать эшо письмо?

Эдмундъ.

Я не знаю никакихъ новостей, Милордъ.

ГЛОСТЕРЪ.

Какую ты бумагу чисталъ?

Эдмундъ.

Ничего, Милордъ.

ГЛОСТЕРЪ.

Ничего? Такъ для чего-же было съ такимъ страхомъ и поспѣшностью класть ее въ карманъ? *Ничего* не имѣешь надобности шакъ прятаться. Покажи ее сюда! Скорѣй! Если шамъ *ничего*, шакъ очки твои не будутъ нужны.

Эдмундъ.

Прошу васъ, Милордъ, прослите мнѣ! Это письмо отъ моего брата; я его еще не дочиталъ; но изъ прочитаннаго вижу, что вамъ нейдешъ читать его.

Глостеръ.

Подай мнѣ письмо!

Эдмундъ.

Я сдѣлаю оскорбленіе, удержу-ли его, ошдамъ-ли вамъ. Содержаніе, какъ я опчасши понимаю его, не дѣлаешъ чесши сочинилелю.

Глостеръ.

Покажи сюда! Покажи сюда!

Эдмундъ.

Я надѣюсь, въ оправданіе своего брата, что это писалъ онъ мнѣ для испытанія моей добродѣтели.

Глостеръ. читаетъ:

Эта вѣжливость и уваженіе къ старости лѣтъ пригной, то жизнь намъ несносна въ самыя лутшія лѣта наши; — не даетъ намъ въ руки нитія, пока мы, пришедши въ старость, дѣлаемъ не способны имъ пользоваться. Я нагиаю погитать глупымъ и сумасброднымъ раболѣнствомъ зависимость

отъ престарѣлаго тирака, который владѣетъ не потому, что имѣетъ власть, а потому, что это терпѣть. Приходи ко мнѣ; я хотѣлъ-бы съ тобою побольше объ этомъ поговорить. — Если-бы нашъ отецъ сналъ до тѣхъ поръ, пока я разбудилъ-бы его, то ты навсегда могъ-бы пользоваться половиной его доходовъ, и поживалъ-бы себѣ, какъ любезный братъ твоего Эдгара. — Ба! Заговоръ! — Сналь до тѣхъ поръ, пока я разбудилъ-бы его; — ты-бы навсегда могъ пользоваться половиной его доходовъ. — Сынъ мой Эдгаръ! Его рука могла эшо написать? Въ его сердца, въ его душѣ эшо могло родиться? Когда ты получишь письмо? Кшо его принесъ?

Эдмундъ.

Мнѣ его не приносили, Милордъ. Тушъ употреблена хитрость. Я нашель его въ своемъ кабинетѣ; оно было брошено на окно.

Глостеръ.

Ты знаешь, что эшо рука швоего брата?

Эдмундъ.

Если-бъ содержаніе было хорошее, Милордъ, шо я-бы поклялся, что рука его; судя-же по эшому, я желалъ-бы вѣрить, что эшо не онъ писалъ.

Глостеръ.

Эшо его рука.

Эдмундъ.

Его рука, Милордъ; но я надѣюсь, что его сердца нѣтъ въ содержаніи.

Г л о с т е р ь.

Не вывѣдывалъ-ли онъ у тебя прежде когда нибудь на счетъ этого?

Эдмундъ.

Никогда, Милордъ. Часто, однакожь, слышала я, какъ утверждалъ онъ, что, когда сыновья уже въ совершенномъ возрастѣ, а отцы спаряются, тогда отецъ, по праву, долженъ оставаться на попеченіи сына, а сынъ распоряжать его доходами.

Г л о с т е р ь.

О извергъ! извергъ! Эта самая мысль его и въ письмѣ! Подлый извергъ! Безчеловѣчный, проклятый, гнусный извергъ! хуже, нежели гнусный! Поди ты, същи его! Я возьму его подъ стражу! Презрѣнный извергъ! Гдѣ онъ?

Эдмундъ.

Я навѣрно не знаю, Милордъ. Если-бъ вамъ угодно было удержавъ гнѣвъ свой противъ моего брата, пока вы, ошъ самого его, почтите узнаете о его цѣли, то это было-бы всего лучше для васъ; напропавъ, если вы, обманувшись въ его намѣре-

нѣмъ, употребише насильственные мѣры, то эшимъ можете нанести великое пятно собственнѣй чести вашей, а сына вашего совершенно вооружить противъ васъ. Я смѣю отвѣчать за него моею жизнью, что это онъ писалъ мнѣ единственно для испытанія моей къ вамъ привязанности, а не съ другимъ какимъ-либо опаснымъ намѣреніемъ.

Г л о с т е р ъ.

Ты такъ думаешь?

Э д м у н д ъ.

Если только не будетъ противно чести вашей, то я поставлю васъ въ такомъ мѣстѣ, откуда вы будете слышать нашъ съ нимъ разговоръ объ этомъ; собственный слухъ вашъ удовлетворитъ вашему желанію; и эшо не дальше нынѣшняго вечера.

Г л о с т е р ъ.

Онъ не можетъ быть такимъ чудовищемъ!

Э д м у н д ъ.

И не есть, безъ сомнѣнія!

Г л о с т е р ъ.

Противъ отца своего, котораго онъ такъ нѣжно, такъ искренно любитъ! Небо и земля! — Эдмундъ! Сыщи его! Вывѣдай отъ него, прощу тебя! сдѣлай

шакъ , какъ внушишь тебѣ собственное твое благо-
разуміе ! Я готовъ отдать все свое имѣніе , чтобы
только узнать истину !

Эдмундъ.

Я сей часъ его сыщу , Милордъ ; все сдѣлаю шакъ ,
какъ только возможно будетъ , и обо всемъ извѣщу
васъ .

Г л о с т е р ъ .

Эти послѣднія зашмѣнія солнца и луны не пред-
вѣщаютъ намъ ничего добраго . Пусть знаніе при-
роды изъясняетъ ихъ шакъ и сякъ ; но сама при-
рода часто страдаетъ отъ ихъ дѣйствій . Любовь
хладѣетъ ; дружба разрывается ; братья вражду-
ютъ ; въ городахъ бунты , въ селахъ раздоръ ,
во дворахъ измѣна ; и узы , связывающія отца
съ сыномъ , распоргаются . Мой извергъ оправды-
ваетъ предсказаніе ! Вотъ сынъ прошивъ отца ! Ко-
роль выступаетъ изъ границъ природы : вотъ отецъ
прошивъ собственнаго порожденія ! Ошжили мы
лучшія времена . Хищности , пришествіе , измѣ-
на , и всѣ бѣдствія разстройства и безпоряд-
ка , не давая намъ покоя ни на минушу , преслѣду-
ютъ насъ до самыхъ могилъ нашихъ . Сыщи это-
го изверга , Эдмундъ ! Оно тебѣ не сдѣлаетъ ни-
какого вреда ; употреби все стараніе ! И благо-
родный , прямодушный Кенъ изгнанъ ! Его пре-
ступленіе — честность ! Удивительно ! удивительно !

(Уходитъ).

Эдмундъ.

Это прекрасная глухота на свѣтъ, что, когда
мы бываемъ нездоровы фортуной (чужу причиною
часто бываешь невоздержность нашего поведенія),
то обвиняемъ въ нашихъ несчастіяхъ солнце, луну
и звѣзды: какъ будто мы бываемъ бездѣльниками
по необходимости; глупцами, по небесному при-
нужденію; плушами, ворами и измѣнниками, ошъ
дѣйствіи сферъ; пьяницами, ажецами и
по неизбѣжной зависимости ошъ вліянія планетъ;
и вѣтъ шѣтъ, въ чемъ только видна порочность
наша, по божественному содѣйствію.

.
.

Эдгаръ . . .

(Входитъ Эдгаръ).

А ошъ шушь и есть, какъ кашаспрофа въ спа-
риной нашей комедіи. Моя роль — бездѣльниче-
ская задумчивость, со вздохами, какъ у сумасшед-
шаго изъ Бедлама. О! эши зашмѣнія — предвѣст-
ники эшихъ разспроішвъ! Фа, соль, ла, ми (*).

(*) По изъясненію Бурнея, эшо такое нееспешивенное
послѣдованіе поновъ, что древніе музыканты запреща-
ли упошребленіе онаго. Эдмундъ, говоря о зашмѣніяхъ,
какъ тудесахъ и знаменіяхъ, сравниваетъ разспроіштво
и безпорядки погдашніе съ нееспешивенными и оскор-
бляющими слухъ звуками: фа, соль, ла, ми.

ЭДГАРЪ.

Какъ тебѣ свое ли здоровье, братъ Эдмундъ? Въ какія важныя размышленія углубленъ ты?

ЭДМУНДЪ.

У меня, братъ, въ головѣ чистанное мною на этихъ дняхъ предсказаніе о сѣдствіяхъ этихъ зашпѣній.

ЭДГАРЪ.

Тебя это занимаетъ?

ЭДМУНДЪ.

Я тебѣ говорю, что все описываемое сбывается, къ несчастію; какъ напр. безчеловѣчіе дѣтей и, родителей, смерть, голодъ, разрывъ старинныхъ дружествъ, раздоры въ государствѣ, угрозы и проклятія противъ Короля и вельможъ, ненужная недовѣрчивость, изгнаніе друзей, разсыпаніе войскъ, расторженіе брачныхъ союзовъ, и, мало-ли чего еще.

ЭДГАРЪ.

Давно-ли ты слѣдуешь сектѣ звѣздочетовъ?

ЭДМУНДЪ.

Полно, полно! Когда ты видѣлъ въ послѣдній разъ отца?

ЭДГАРЪ.

Вчера вечеромъ.

ЭДМУНДЪ.

Говорилъ-ли ты съ нимъ?

ЭДГАРЪ.

Да, цѣлые два часа.

ЭДМУНДЪ.

Хорошо вы разстались? Не замѣтилъ ты ни какого неудовольствія прошивъ тебя, въ словахъ его, или на лицѣ?

ЭДГАРЪ.

Совершенно никакого.

ЭДМУНДЪ.

Припомни, чѣмъ-бы ты могъ оскорбить его; и сдѣлай милость, берегись попадаться ему на глаза; пусть время нѣсколько смягчитъ гнѣвъ его, кошорый шеперь такъ пылаешь, что самое зло, тебѣ имъ сдѣланное, едва уймешь его.

ЭДГАРЪ.

Вѣрно какой нибудь бездѣльникъ оклеветалъ меня.

ЭДМУНДЪ.

Этого-то я и боюсь. Сдѣлай милость, будь въ безпрестанной осторожности, пока гнѣвъ его не много утихнетъ. Да лучше всего, пойдемъ въ мои комнаты; я такъ сдѣлаю, что ты оштуда услышишь, какъ Милордъ будетъ о тебѣ говорить. Иди, пожалуй-ста! Вотъ тебѣ мой ключъ. Если вздумаешь выйдти, выходи вооруженный.

Мартъ 1832.

4

ЭДГАРЪ.

Вооруженный , братъ ?

ЭДУНДЪ.

Братъ ! мой совѣтъ тебѣ къ лучшему ; выходи вооруженный. Я не честный человѣкъ , если думаю сдѣлать тебѣ что нибудь доброе. Я тебѣ намекнулъ только о томъ , что видѣлъ и слышалъ , но ни малѣйшаго не даю еще понятія о грозящей опасности. Сдѣлай милость , иди отсюда !

ЭДГАРЪ.

Ты пошчасъ будешь ?

ЭДУНДЪ.

Я стараюсь услужить тебѣ въ этомъ дѣлѣ.

(Эдгаръ уходитъ).

Отецъ , котораго легко увѣрить ;
И благородный братъ ; въ немъ ошъ природы
Такой къ злу не способный нравъ , что онъ
Противу зла не знаетъ подозрѣнья.
Надъ глупой честностью его , мои
Уловки верхъ берутъ. Я вижу дѣло !
Когда рожденья право не даетъ мнѣ
Земель , такъ пусть мой умъ ихъ дастъ.
Мнѣ честно все , было-бы лишь подѣлать.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Комната во Дворцѣ Герцога Альбанскаго.

Входятъ : Гонерилла и Дворецкій.

ГОНЕРИЛЛА.

Отецъ прибилъ моего Дженшлемена за то , что
онъ выбрали дурака его?

ДВОРЕЦКІЙ.

Да, Миледи.

ГОНЕРИЛЛА.

Клянусь днемъ, ночью! Мучишь онъ меня!
Что часъ , то новая , смотри проказа!
И все вверхъ дномъ! Терпишь у меня
Нѣтъ больше! Рыцари его начали
Распушничать; а самъ онъ насъ бранишь
За всякую бездѣлицу. Когда
Съ охоты возвращающся онъ , не выйду
Къ нему я; ты скажи , что не здорова.
Не худо , если ты съ услугой-шо
Не будешь торопливъ. Я отвѣчаю
Сама.

ДВОРЕЦКІЙ.

Я слышу , ѣдетъ онъ , Миледи!

(Рога трубятъ за театромъ).

и*

ГОНЕРИЛА.

Не слушайся, дѣнись себѣ, какъ хочешь!
 Да и другіе пожь! Желала-бъ я
 Съ нимъ перемолвишь! Ежели ему
 То не понравится, ну такъ пускай
 Къ сестрѣ моей идешь! Она, я знаю,
 На эшотъ разъ однѣхъ со мною мыслей:
 Подъ властію не бышь! Пустой шарикъ!
 Еще владѣть правами хочешь, кон
 Ошдалъ онъ. Нѣтъ! клянусь моею жизнью!
 Дѣшми опяшь сѣдые спановаясь
 Глупцы — и надобно ихъ удержишь,
 Когда они хотяшь употреблять
 Во зло ласкашельства. Ты-жь не забудь,
 Чшо слышала.

ДВОРЕЦКІЙ.

Очень хорошо, Миледи!

ГОНЕРИЛА.

Холодность къ рыцарямъ между собой
 Показывашь должны вы. Чшо ужъ льйдеть
 Изъ эшого, нѣтъ нужды. Всѣмъ скажи такъ!
 Желала-бы имѣть причины я,
 Да и должна имѣть, чшобъ объяснишься.
 Сестрѣ моей я шотчасъ напишу,
 Чшобъ сдѣлала, какъ я. Готовъ къ обѣду!

(Уходятъ).

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

*Зала тамъ-же.**Входишь Кентъ , переодѣтый.*

Когда лишь такъ-же хорошо приму
Другой я голосъ , коню рѣчь моя
Измѣнится , намѣренье тогда
Мое само собой достигнешь цѣли ,
Для коей видъ я свой перемѣнилъ.
Ну , Кентъ изгнанникъ ! Если можешь ты
Служишь въ помъ мѣстѣ , гдѣ ты осужденъ ,
(О , еслибъ это такъ !) то швой Король ,
Котораго ты любишь , будешь
Тебя въ большихъ заботахъ видѣшь.

*Рога трубятъ. Входятъ : Лиръ , Рыцари и
Свита.*

Л и р ъ.

Чтобъ ни минушы я не ждалъ обѣда !
Иди , неси шопчасъ ! (*слуга уходитъ*).
Ну ! ты что такое ?

*К е н т ъ.**Человѣкъ , Сиръ.**Л и р ъ.*

Что-жь ты за человѣкъ ? Чего ты отъ насъ хо-
чешь ?

КЕНТЪ.

Я ни больше, ни меньше, какъ такой человѣкъ, какимъ кажусь. Я могу вѣрно служишь тому, кто будешь имѣть ко мнѣ вѣру; любишь того, кто честенъ; дѣлаешь время съ тѣмъ, кто уменъ. Говорю мало. Я боюсь судовъ, могу рубиться, когда того избѣжаешь не лзя, и не ѣмъ рыбы (*).

Лиръ.

Кшо ты?

КЕНТЪ.

Честный малый, и такой бѣдный, какъ Король.

Лиръ.

Если ты такъ бѣденъ для подданнаго, какъ онъ бѣденъ для Короля, то ты довольно бѣденъ. Чего ты хочешь?

КЕНТЪ.

Службы.

Лиръ.

Кому хотѣлъ-бы ты служишь?

КЕНТЪ.

Вамъ.

(*) Въ царствованіе Елисаветы Капюлики были почитаемы — и не безъ причины — врагами государства. Отъ того вышла поговорка: *Онъ тестный теловѣкъ и не ѣстъ рыбы*, т. е. онъ другъ государства и Простестантъ, ибо рыбу употребляли Капюлики.

Л и р ь.

Знаєшь-ли ты мене, любезный ?

К е н т ь.

Нѣтъ, Сирь ; но вы живете въ вашей наружности то, что я охотно желалъ-бы назвать Государемъ.

Л и р ь.

Что-жь это такое ?

К е н т ь.

Повелительность.

Л и р ь.

Какія службы можешь ты отправлять ?

К е н т ь.

Я могу хранить честную тайну ; ѣздить верхомъ , бѣгать ; рассказать кое-какъ сказку ; спровоцировать не мудреное порученьце ; я способенъ ко всему , къ чему способны обыкновенные люди ; а лучшее во мнѣ — рачительность.

Л и р ь.

Какихъ ты лѣтъ ?

К е н т ь.

Не такъ молодъ , Сирь , чтобы полюбить молодку за пѣсенку , и не такъ сшаръ , чтобы вляпаться въ нее , за что попало. Я ношу на плечахъ своихъ сорокъ восемь лѣтъ.

Л и р ь.

Оставайся у меня! Ты будешь служить мнѣ! Если ты не меньше понравишься мнѣ послѣ обѣда, то я не разстанусь съ тобой. Обѣдай! Эй! обѣдай! Гдѣ мой плушъ? Дуракъ мой? Поди ты, позови сюда моего дурака.

(Входитъ Дворецкій).

Ты! ты! эй! гдѣ дочь моя?

Д в о р е ц к і й.

Извините... *(уходитъ).*

Л и р ь.

Что онъ тамъ говоритъ? Позвать назадъ повѣсу! Гдѣ мой дуракъ? а? Какъ будишо всѣ позаснули. Ну что? Гдѣ эшотъ уродъ?

Р ы ц а р ь.

Онъ говоритъ, Государь, что дочь ваша не здорова.

Л и р ь.

Почему-же онъ, рабъ, не воропился ко мнѣ, когда я звалъ его?

Р ы ц а р ь.

Онъ ошвѣчалъ мнѣ, Государь, просто на просто, что онъ не хочеть.

Л и р ь.

Не хочеть?

Рыцарь.

Государь ! Я не знаю почему , только съ Вашимъ Величествомъ , по моему мнѣнію , обходясь безъ должнаго вниманія ; притѣшно великое уменьшеніе вѣжливости къ вамъ , какъ вообще въ прислугѣ , шакъ и въ самомъ Герцогѣ , и въ дочери вашей .

Лиръ.

А ? Въ самомъ дѣлѣ ?

Рыцарь.

Прошу васъ , Государь , простишь мнѣ , если я ошибся , ибо долгъ мой не позволяеть мнѣ молчать , когда я думаю , что оскорбляють Ваше Величество .

Лиръ.

Ты только напоминаешь мнѣ то , что я самъ замѣнилъ : я замѣнилъ , недавно , самое холодное невниманіе ; но я боате винилъ шущъ щекошливую свою подозрительность , нежели видѣлъ несомнѣнный признакъ умысленной холодности . Я посмотрю еще ! Но гдѣ мой дуракъ ! Я его не видалъ два дня сряду .

Рыцарь.

Съ тѣхъ поръ , Государь , какъ молодая Принцесса уѣхала во Францію , дуракъ очень похудѣлъ .

Лиръ.

Ни слова больше о томъ ! Я то замѣнилъ довольно ! Поди , скажи моей дочери , что я хочу гово-

ришь съ нсю; а шы поди, позови сюда моего дурака!

(Входитъ Дворецкій).

А! сударь, сударь! Пожалуйте сюда! Кто я шакой, сударь?

Дворецкій.

Милединый отецъ.

Лиръ.

Милединый отецъ? Милордовъ шы подлець!! . . .
! рабъ! бездѣльникъ!

Дворецкій.

Никакъ нѣтъ, Милордъ; прошу извинишь!

Лиръ.

Ты смѣешь косишься на меня, подлая тварь?
(Бьетъ его).

Дворецкій.

Я не дамъ бишь себя, Милордъ.

Кентъ *(сбивая его съ ногъ).*

И съ ногъ сбивъ нѣтъ, шелудивецъ!

Лиръ.

Благодарю тебѣ, бращецъ! шы мнѣ служишь, и я буду любить тебя.

КЕНТЪ.

Ну! поднимайся! да поскорѣй вонъ! Я научу тебя *размнать*. Убирайся-ка вонъ! А если хочешь еще разъ выхърать ослинную долгошу свою, такъ подожди; но вонъ! пошелъ! — Съ умомъ ты? Такъ...

(*Выталкиваетъ вонъ Дворецкаго*).

ЛИРЪ.

Ну, любезный! благодарю тебя! вошь тебѣ за-
дашокъ за твою службу.

(*Даетъ Кенту деньги*).

(*Входитъ дуракъ*).

ДУРАКЪ.

Позволь мнѣ нанять его. Вошь тебѣ мой кал-
пакъ!

(*Даетъ Кенту калпакъ*).

ЛИРЪ.

Чшо эшо, плутишка! Для чего эшо?

ДУРАКЪ.

Послушай, брашець! Всего-бъ лучше тебѣ взять
мой калпакъ.

КЕНТЪ.

Почему-же, дуракъ?

ДУРАКЪ.

Почему? Пошому, что ты пристаешь къ паршѣи
шого, что самъ въ не милосш. Право, если ты
не можешь улыбайся по вѣпру, то шотчасъ схва-
щишь насморкъ. Ну, возьми-жь мой калпакъ. Вошь
видишь, эшотъ пріѣшель прогналъ двухъ своихъ до-
черей, а шретсьей, прошивъ воли своей, далъ бла-
гословеніе. Если ты будешь служишь при немъ,
то шебъ надобно носишь калпакъ мой. Какъ ты
думаешь, кумъ, вѣдь я желалъ-бы имѣшь два кал-
пакъ, и двухъ дочерей?

Л И Р Ъ.

Для чего-жь шакъ, брашець?

ДУРАКЪ.

Для шого, что догда я ошдалъ-бы имъ все свое
имущество, шо калпаки оставилъ-бы себѣ. Вошь
одинъ у меня. Попроси другаго у дочерей своихъ!

Л И Р Ъ.

Берегись плеши, дружокъ!

ДУРАКЪ.

Правда шакая собака, кошорая должна лежать
въ будкѣ; ее надобно плешью; а Леди-гончая мо-
жешь стояшь подлѣ камина и

Л И Р Ъ.

Убійственная пилуя для меня!

ДУРАКЪ.

Послушай! я хочу шебя выучишь рѣчи.

Л и р ъ.

Хорошо.

Д у р а к ъ.

Замѣчай-же куманѣкъ.

*Меньше показывай, больше имѣй;**Меньше рассказывай, больше умѣй;**Меньше взаймы дай, большимъ владѣй;**На своихъ на двохъ полегоньку гуляй,**Но побольше гнѣдка для того запригай.**Не слишкомъ отоважно въ фортунку играй;**Трактировъ не навѣщай;**Меньше другимъ вѣрь, а больше самъ знай.**Да портѣже тетире стѣны оставляй.*

Такъ и будешь больше имѣть, чѣмъ дважды

По-десять больше чѣмъ двадцать однажды.

Л и р ъ.

Это ничего, дуракъ.

Д у р а к ъ.

Ну, такъ оно похоже на слово стряпчего, ко-
шорому не заплашили: вы мнѣ ничего не дали за
то. Кумъ! можешь-ли ты употребить *ничто* на
это *нибудъ*?

Л и р ъ.

Конечно нѣтъ, братецъ: изъ ничего не лзя ни-
чего сдѣлать.

Д у р а к ъ (Кенту).

Пожалуй-ста, скажи ему, что этому равняю-
ся доходы его Королевства; онъ дураку не повѣ-
ришь.

Л и р ъ.

Досадный дуракъ !

Д у р а к ъ.

Знаешь-ли ты, мой голубчикъ, разницу между досаднымъ и пріятнымъ дуракомъ ?

Л и р ъ.

Нѣтъ, брашецъ. Поучи меня.

Д у р а к ъ.

*Кто посоветовалъ тебѣ
Земельки-то свои раздать,
Поставь его сюда ко мнѣ,
Иль самъ изволю на мѣсто стать.
Два эти дурака тотчасъ
Предстанутъ въ лицахъ передъ насъ.
Одинъ — здѣсь въ рябомъ казакѣ;
Другой — отсель не вдалекѣ.*

Л и р ъ.

Такъ ты меня, братъ, дуракомъ называешь?

Д у р а к ъ.

Всѣ другіе шила свои ты отдалъ; а съ этимъ ты на свѣтъ родился.

К е н т ъ.

Онъ не повсе дуракъ, Милордъ.

ДУРАКЪ.

О, нѣтъ! Лорды и великіе господа не соглашающ-
ся на это. Если-бъ я имѣлъ монополію (*) на глу-
пость, то они захотѣли-бы участвовать въ ней.
Да и барыни не дадутъ мнѣ одному воспользоваться
вполнѣ всею глупостью. Онѣ все понемножку бу-
дутъ ее опщипывать у меня. Дай мнѣ яичко, кумъ,
а я тебѣ дамъ двѣ короны.

Лиръ.

Что-жъ это будутъ за короны такія?

ДУРАКЪ.

Ну, я разобью яичко на двѣ равныя половинны,
и вымѣ ихъ — вотъ тебѣ и двѣ яичныя короны.
Когда ты ломалъ свою на двѣ части, и обѣ оп-
давалъ, тогда ты переносилъ осла черезъ грязь
на спинѣ своей. Мало было ума въ твоей лысой
коронѣ, когда ты опдавалъ свою золотую. Если я
говорю это такъ, какъ я, такъ вели того плешью,
кто первый по замѣшишь.

Худой настала годъ дуракамъ:

Всѣ съ глупость мудрецы пустились,

(*) Здѣсь осмѣивается тогдашнее злоупотребленіе
монополій и корыстолобіе придворныхъ, которые,
обыкновенно, участвовали въ привиллегіяхъ на оныя,
Уарбуртонъ.

*И, давъ смѣшной покрой ужамъ,
Смѣшными тварями являлись.*

Л и р ъ.

Съ какихъ поръ у тебя такая привычка распѣ-
вать?

Д у р а к ъ.

Съ тѣхъ поръ, куманёкъ, какъ изъ двухъ твоихъ
дочерей стало у тебя двѣ матери, и когда ты
пмъ далъ розгу
. ! то —

*Онъ отъ радости мгновенной
Зплакали; а я сталъ пѣть,
Съ пѣтали, что Король потенный
Мой будетъ въ дуракахъ сидѣть.*

Пожалуй-ста, куманёкъ, найми учителя, чтобъ
училъ швоего дурака лгать. Я-бъ съ охотой учился
лгать.

Л и р ъ.

Если ты будешь лгать, пласть, такъ мы тебя
прикажемъ бить.

Д у р а к ъ.

Я удивляюсь, какое у тебя родство съ твоими
дочерьми: онъ хотяшь меня бить за то, что я
говорю правду, а ты хочешь меня бить за то,

что я буду лгать; а иногда меня бьютъ за то, что я молчу. Я лучше-бы желалъ быть чѣмъ-нибудь другимъ, нежели дуракомъ; но все я не желалъ-бы быть побою, куманѣкъ. Ты обрѣзалъ умъ свой съ обѣихъ сторонъ, а въ серединѣ ничего не оставилъ. Вошь идетъ одинъ обрѣзокъ.

Входитъ Гонерилла.

Лиръ.

Что это значишь, дочь моя? Что-же дѣлаетъ своя повязка (*)? Мнѣ кажешся, съ недавняго времени у тебя показалось слишкомъ много морщинъ.

Дуракъ.

Ты былъ славный мальчикъ, когда не имѣлъ надобности заботиться о морщинахъ ея; теперь ты кружокъ безъ цифры. Я лучше тебя шеперь. Я дуракъ, а ты — нуль. Но, извините! я придерживу свой языкъ; (*Гонерилла*) ваше лицо мнѣ такъ приказываетъ, хоть вы и ничего не говорите.

(Поетъ)

Тоди, дади!

Ни жлглаго, ни корки у кого,

Тотъ будетъ въкъ свой безъ кое-чего. —

.....

Указывая на Лиру.

Эшо гороховая шелуха!

(*) Повязка, которую употребляли для расправляванія морщинъ на лицѣ.

Г О Н Е Р И Л Л А.

Не только этошъ шущъ, Сирь — вы ему
 Позволиа ужъ все — но и другіе
 Изъ вашей наглоѣ свинпы, безпресанно
 Заводяшъ ссоры, и въ такомъ распушствѣ
 Живушъ, какого здѣсь не лзя терпѣшъ. Сирь!
 Я думала, что, сдѣлавъ это вамъ
 Извѣстнымъ, вѣрно исправленье ихъ
 Увижу; но, шеперь, я опасаюсь,
 По этому судя, что говорили
 И дѣлали недавно сами вы,
 Вы покровительсшвуеша шакой
 Ихъ образъ жизни, и его поблажкой
 Поддерживаеша. Когда ужъ шакъ,
 То строгость ошанавливанъ начнетъ
 Развращъ, и, цѣлью доброе имѣя,
 Вамъ можешъ нанесши шо оскорбленье,
 Которое, иначе, бышъ моглобъ
 Сшмдомъ, но, въ крайности, оно
 Благоразумія поступокъ.

Д У Р А К Ѣ.

Въдь ты знаешъ, кумъ, что
Мухоловъ кукушкѣ дотоль ѣсть даетъ,
Пока ему дотка головку сшюуетъ. —
 Ну, свѣчу вынесли, и мы ошались въ пошмахъ.

Л и р ѣ.

Дочь-ли ты наша?

ГОНЕРИЛЛА.

И, Сирь! чшобы вамъ употребить-шо въ какую нибудь пользу здравый разсудокъ вашъ и бросить эши сшранности! Вы опъ нихъ, съ нѣкотораго времени, сами на себя не похожи.

ДУРАКЪ.

Можешъ-ли оселъ не знать, когда повозка тащитъ лошадь. — Ихъ, Анюта! я люблю тебя (*).

ЛИРЪ.

Знаешъ-ли кто здѣсь меня? Нѣтъ! эшо не Лиръ! Лиръ шакъ ходишь? Такъ говоришь? Гдѣ глаза его? Или его разсудокъ слабъ, или чувства ошмѣли. Сплю я, или нѣтъ? А! безъ сомнѣнiя эшо не шакъ. — Кто можешъ сказать мнѣ, кто я? Тѣнь Лира? Я желалъ-бы знать эшо! Ибо признаки шого, что я Король, что я знаю и понимаю вещи, суть ложныя доказательства шого, что у меня есть дочери.

ДУРАКЪ.

Которыя изъ тебя сдѣлають покорнаго отца.

ЛИРЪ.

Ваше имя, прекрасная дама?

(*) Whoop, Jug! I love thee. Припѣвъ изъ одной Англiйской пѣсни.

ГОНЕРИЛА.

Сирь! полно вамъ! недоумѣнье
 Такое, роду одного съ другими,
 Недавними проказами отъ васъ.
 Прошу васъ въ почтении понять слова
 Мои: въ такихъ почтенныхъ, старыхъ
 Лѣтахъ, вамъ должно-бы разумнымъ быть.
 Вы держите сто рыцарей при насъ,
 Людей такъ дерзкихъ, наглыхъ и распутныхъ,
 Что зараженный нравственностью ихъ
 Дворецъ нашъ эшто — дворъ спалъ постылой.
 Жизнь сладострастная, эпикурейство,
 Харчевнѣ дѣлають егѣ подобнымъ
 Или больше, нежели дворцу,
 Живешь въ которомъ Герцогъ. Самъ позоръ
 О скоромъ обузданьи говорить!
 Позвольше-жь шой (которая безъ просьбы
 Взять можешь то, что просить), васъ просить,
 Чтобъ уменьшили свишу вы свою,
 И чтобы тѣ, которые при васъ
 Останутся, по вашимъ были старымъ
 Лѣтамъ, и знали-бы себя и васъ.

Лиръ.

Адъ и діаволы!!

Сѣдлайте лошадей! сзывайте свишу!
 Проклятое исчадье! Я тебя
 Не буду беспокоить! У меня
 Еще есть дочь.

ГОНЕРИЛЛА.

Людей моихъ вы бьете ;
Распутная-же ваша сволочь шѣхъ ,
Кто лучше ихъ , имѣшь слугами хочешь .

Входитъ Альбани.

Лиръ.

Увы , къ кому приходишь слишкомъ поздно
Раскаянье ! А , Сирь ! и вы пришли ?
Была то ваша воля ? Сирь , скажише ! —
Готовишь лошадей моихъ ! —
Неблагодарность ! о , мраморосердый
Діаволь — въ дѣтищѣ являясь , ты
Гнусный чудовища морскаго .

Альбани.

Прошу васъ , успокойтесь , Сирь !

Лиръ. *(Гонериллѣ)*

Проклятое исчадіе (*) ! лжешь ты !
При мнѣ ошличный все народъ , кошорый
Во всѣхъ подробностяхъ свой знаетъ долгъ ,
И свяшость сана въ точности возможной
Блюдешь . О , малозначащій проступокъ ,
Какимъ гнусно-ужаснымъ для меня
Въ Корделии ты показался . Ты ,
Подобно пышки колесу , составъ
Природы изуродовалъ моей ,
Исторгъ изъ сердца моего всю нѣжность ,
И желчи плалъ въ него . О Лиръ , Лиръ , Лиръ !
(бьетъ себя въ голову)

(*) Въ подлинникѣ: Detested kite, проклятый коршунъ .

Бей въ эту дверь, кошорая шуда
 Безуміе впустила, а ошшуда
 Умъ выпустила! Ну! людей моихъ!

А л ъ в а н и.

Милордъ! невиненъ я; не знаю даже,
 Что сильно шакъ могло разгнѣвать васъ.

Л и р ѣ.

Вышь можешь шакъ, Милордъ. — Слышь, слышь меня,
 Природа! Добрая, услышь меня,
 Богиня! Уничтожь опредѣленье
 Свое, когда судила ты сей швари
 На свѣтъ производишь дѣшей. Пошли
 Ей въ ложесна бесплодность! Изсуши
 Въ ней органы ращенія, и пусть,
 Такъ изуродованъ, составъ ея
 Не принесешь ей во всю жизнь плода
 Ей въ чесшь! а если понесешь она —
 Изъ желчи образуй дшпя ея!
 Пускай оно живетъ, и будетъ ей
 Неслыханной на свѣтъ мукой! Пусть
 Оно на молодомъ четъ морщины
 Ей наклеимшь; горючихъ слезъ струями
 Бразды прорѣжешь на ея щекахъ;
 Всъ матери труды, благодѣянья
 Въ насышку и презрѣнье обратишь!
 Пускай она почувствуетъ, какъ зуба
 Зѣтиного язвительный ѣмъ —
 Дѣшей неблагодарныхъ! Ёдемъ! ёдемъ!

уходитъ.

А л ь в а н и.

О боги милосердые! отколы
Все это происходишь?

Г о н е р и л л а.

Совсѣмъ не безпокойся о причинахъ.
Пускай капризъ его то дѣлаешь,
Къ чему безуміе вѣдешь. *(опять входитъ Лиръ.)*

Л и р ъ.

Какъ, пятьдесятъ изъ свѣты въ разъ одинъ!
Въ шеченье двухъ недѣль!

А л ь в а н и.

О чемъ вы, Сиръ?

Л и р ъ.

Скажу тебѣ я. *(Гонериллѣ)* Жизнь и смерть! мнѣ
стыдно,

Что ты имѣешь силу колебать мое
Такъ мужество; что эти слезы, воть,
Горючія насильно изъ моихъ
Выгустъ очей и дѣлають тебя
Достоинной ихъ. — Погибель на тебя!!
Не заживающія никогда

Проклятія родимельскаго язвы,
 Да поразяшь всѣ чувства у тебя!
 Глупые, старые глаза! заплачье.
 Еще объ эшомъ вы! Я вырву васъ,
 И брошу вмѣстѣ съ каплями воды,
 Изъ васъ текущей — глину растворять!
 А! вошъ къ чему пришло! Пусть будешь такъ! —
 Но у меня еще оспалась дочь;
 Она, увѣренъ я, добра; она ушѣшишь
 Меня. Услышавъ эшо о тебѣ,
 Она своими, звѣрское лицо
 Твое, руками изорветъ. Увидишь
 Ты, что опять я буду то, чѣмъ бышь,
 Ты думаешь, на вѣкъ я ошказался;
 Увидишь! я тебѣ за то ручаюсь!

Лиръ, Кентъ и Свита *уходятъ*.

Гонериλλα.

Милордъ! ты эшо замѣчаешь?

Альфили.

Я не могу пристрастнымъ бышь, при всей
 Моей къ тебѣ любви.

Гонериλλα.

Пожалуй-сша не безпокойся. — Ну,
 Освальдъ! (*дураку*) Ты, плушь скорѣе, чѣмъ дуракъ,
 За господиномъ поспѣшай своимъ.

ДУРАКЪ.

Кумъ Лиръ , кумъ Лиръ ! подожди меня ; возьми дурака съ собой.

*Въ рукахъ была-бъ лисица у кого ,
И догъ покроя съ этой одного ,
Съ нихъ шубки снять я-бъ попросилъ того ;
Для казлака будь крюкъ лишь моего . —
Ну — — — догоняшь я кума своего ! —*

ГОНЕРИЛЛА.

Онъ въ полномъ-ли умѣ ? Сто человекъ !
Прекрасная полишка — позволить
Ему имѣть въ готовности съ собой
Сто рыцарей ! На то , чтобы при всякой
Фантазій , зашѣ , при малѣйшемъ
Неудовольствіи , онъ могъ свое
Поддерживать ихъ силой сумасбродство ,
И нашу жизнь въ рукахъ своихъ имѣть .
Освальдъ , я говорю !

АЛЬВАНИ.

Ты , можешь быть , боишься слишкомъ .

ГОНЕРИЛЛА.

Страхъ лучше вѣры . Лучше напередъ
Я отвращу тотъ вредъ , который мнѣ

Грозить , чѣмъ буду въ страхѣ ошъ вреда.
Его я знаю сердце. Чтò пакричала
Онъ , я сестрѣ писала. Будеть-ли
Она держать его , и съ нимъ еще
Сто рыцарей , когда я объяснила ,
Что это не идеть. — Ну , что Освальдъ ?

(Входитъ Дворецкій).

Ну, шо письмо къ сестрѣ шы написалъ ?

Д в о р е ц к і й.

Оно гошово.

Г о н е р и л л а.

Возьми съ собой людей и поѣзжай !
Увѣдомъ шы подробно обо всемъ
Ее , чего я опасаюсь , и прибавь
Самъ ошъ себя , чтобъ было пояснѣе.
Ступай , и сколько можно возвращайся
Скорѣй !

(Г е р ц о г у .)

Нѣтъ , нѣтъ. Милордъ ! Такую тихость ,
Учтивость и такой пвой образъ жизни
Хоть я не осуждаю , съ твоего ,
Однакожь , позволенья — больше шы
За недостатковъ смысла сподишь брани ,
Чѣмъ похвалы за тихость нрава.

А л ь б а н и.

Какъ далеско шы видишь , не скажу я.
Стремясь къ лучшему , мы часно поршимъ
Хорошее.

ГОНЕРИЛЛА.

Нѣтъ! ужь тогда...

А л ь в а н и.

Ну, ну,

Чѣмъ кончишся.

С Ц Е Н А П Я Т А Я.

(Во дворѣ Герцога Альбани)

Входятъ : Лиръ , Кентъ и Дуракъ.

Л и р ъ.

Слунай ты съ эшимъ письмомъ впередъ , въ Глосстеръ , и не говори дочери ничего , что ты знаешь; отвѣчай только на то, что она будетъ спрашивашъ у тебя по содержанію письма. Если твоя рачительность не шороплива , то я буду шамъ прежде себя.

К е н т ъ.

Я не буду спать , Милордъ , пока не доснаваю
вашего письма.

Д у р а к ъ.

Если-бъ мозгъ былъ у насъ въ пятакахъ , подвергался-бы онъ опасности имѣть мозоли ?

Л и р ъ.

Конечно , брашецъ.

Д у р а к ъ.

Ну , такъ радуйся , пожалуй-ста ! Твой умъ никогда не будешь ходишь въ башмакахъ съ ошвернутыми задниками.

Л и р ъ.

Ха ! ха ! ха !

Д у р а к ъ.

Ты увидишь , что другая дочь твоя обойдется съ шобою ласковѣ : ибо , хотя она походишь на эшу столько-жъ , сколько кислица на яблоко , но я могу сказать , что я могу сказать.

Л и р ъ.

Ну , что ты можешь сказать , шалунъ ?

Д у р а к ъ.

Она будешь вкусомъ походишь на эшу такъ , какъ кислица на кислицу . — Можешь-ли ты сказать , для чего носъ у человѣка посрединѣ лица ?

Л и р ъ.

Нѣтъ.

Д у р а к ъ.

Да для того, чѣмъ имѣть глаза по обѣмъ спонанъ носа, и чего не можешь человекъ нюхать носомъ, такъ чѣмъ глазами высматривать.

Л и р ъ.

Я ее (*) обидѣлъ....

Д у р а к ъ.

Можешь-ли ты сказать, какъ устрица дѣлаешь свою раковину?

Л и р ъ.

Нѣтъ.

Д у р а к ъ.

И я имѣю; но я могу сказать, для чего черепаха имѣетъ домикъ.

Л и р ъ.

Для чего?

(*) Корделію.

Д у р а к ъ.

Для чего? Для того, чтобъ пряшашъ шуда свою головку, а не для того, чтобъ подарить еѣ дѣш-камъ своимъ и носить рожки свои безъ чехольчика.

Л и р ъ.

Я забуду свою природу! — Такого нѣжнаго ошца! — Гошвы-ль мои лошади?

Д у р а к ъ.

Твои ослы пошли за ними. — Причина, почему семь звѣздъ не больше семи звѣздъ, есть прекрасная причина.

Л и р ъ.

Потому, что ихъ не восемь?

Д у р а к ъ.

Да! именно! — Ты-бы могъ играть *добраго* дурака.

Л и р ъ.

Назадъ взять насильсипвенно! Чудовище — ~~небла-~~годарность!

Д у р а к ъ.

Если-бъ ты, кумъ, былъ мой дуракъ, то я-бъ тебя билъ за то, что ты сосшарѣлся прежде времени.

Л и р ъ.

Какъ это?

Д у р а к ъ.

Тебѣ-бъ не должно было дѣлаться спарикомъ, не
дѣлавшись прежде умникомъ.

Л и р ъ.

О небо милосердое! не дай
Мнѣ впаснѣ въ безуміе. Терпѣнье мнѣ
Пошли! я не хотѣлъ-бы быти безумнымъ! —
Входитъ рыцарь.
Ну, что? готовы лошади мои?

Р ы ц а р ъ.

Готовы, Государь!

Л и р ъ.

Поѣдемъ, братъ! —

Конецъ перваго дѣйствія.

Василій Якимовъ.

Харьковъ. 1831.

—*—

ПРИМѢЧАНІЕ КЪ ПОВѢСТИ:

Аммалатъ-Бекъ.

Описанное выше происшествіе не выдумка. Имена и характеры лицъ сохранены въ точности; Автору Повѣсти остается только сказать нѣсколько словъ на счетъ измѣненія испи- ны въ нѣкоторыхъ подробностяхъ.

Аммалатъ-Бекъ, участвовавшій въ нѣсколь- кихъ набѣгахъ на Русскія владѣнія, былъ вы- данъ головою, приведенными въ покорность Акушлинцами, самому Главнокомандующему Кав- казскимъ Корпусомъ, Генералу ошъ Инфанте- ріи Ермолову, въ бытность его въ Акушѣ, 1819-го года. Авторъ заставилъ Аммалата сдѣ- лать впаденіе съ Чеченцами за Терекъ, что- бы вставить картину горскаго набѣга.

Полковникъ В., находившійся тогда въ ка- чествѣ Свипискаго офицера при Главнокоманду- ющемъ, упросилъ его помиловать Аммалатъ- Бека, и взялъ съ собою въ Тифлисъ, училъ его, воспиталъ его, любилъ его какъ брата. Съ нимъ, послѣ многихъ походовъ, пріѣхалъ Ам- малатъ въ 1822-мъ году и въ Дербентъ, когда по смерти Полковника Ш—ва, назначили В-го

Командиромъ Куринскаго пѣхотнаго полка. Убилъ онъ своего благодѣшеля въ 1823, точно такъ, какъ описано. Читапелъ замѣшмтъ, что Авпоръ, не желая растянутъ повѣшм на чешмре года, сжалъ прокшесствія въ два года. Просмтъ у хронологовъ извшенія.

Что касается до завязки повѣшм, она цѣлкомъ доспалась Авпору изъ рукъ молвы, и онъ не стелъ за необходимое объявлять на нныя главы своего сомѣнія. Пылкія спрасм здѣсь вовсе не рѣдкостъ, а мщеніе — свашпня для каждаго Мусульманина: это канва. Досукая рука могла вышивашъ на ней какія угодно арабески; исполашъ ей, если они сохранили Воспочную свѣжестъ. Впрочемъ, нмѣ многіе очевмды говормш, что они не однажды смшшам, какъ В. онмсывалъ знойную спрасм Аммалаша къ Селшанешъ, которая славмлаеш въ горахъ красомою. Да и мудрено-ль, что молодой Бекъ, смшшашъ по горахъ Аваріи, влюбмлся въ прекрасное лмчико дочери Аварскаго Хана, хомя ей, по спрогой моей выкладкѣ, не могло въ 1819-мъ году бытъ болѣе 14 лѣтъ: дѣвушкм созрѣвающъ на Кавказѣ немомвѣрно рано. Молва повѣшмвуешъ, что самъ Аварскій Ханъ пребовалъ опш Аммалаша головы В., вмѣсто на-лмму (вѣна) за дочь. Авпоръ сохрмнмлъ народное преданіе, но помѣспмлъ и увѣреніе намкм, Мартъ 1832.

истинно бывшее и наиболѣе убѣдившее Бека. Смерть Султанъ-Ахметъ Хана случилась точно въ скоростн послѣ убійства В. Авторъ ускорилъ ее для большей игры страстей. Отказъ, какъ говорятъ, послѣдовалъ отъ Ханши, ибо Аммалашъ не заснулъ уже Султанъ-Ахмета въ живыхъ. Чшо-же касается до звѣрскаго гробокопства Аммалаша, и въ этомъ не ошсунулъ Авторъ отъ рассказовъ ни на шагъ. Послѣ похоронъ, на другую ночь, могила Полковника Ш—ва, за годъ умершаго, была разрыта по ошибкѣ: ее приняли за могилу В.; трупъ вытащили и опрубили у него голову и руку. Объ этомъ до сихъ поръ съ негодованіемъ вспоминають всѣ солдаты.

Аммалашъ скипался долго въ горахъ, преслѣдуемъ совѣстію. Потомъ ушелъ въ Турцію, былъ въ Истамбулѣ; въ 1828 дрался въ Бранловѣ противъ Рускихъ; отшуда, передъ взятіемъ города, бѣжалъ въ Анапу, и тамъ умеръ въ томъ-же году. Авторъ разговаривалъ съ поварихомъ почти всѣхъ его спранспивій, однимъ Каракайдагскимъ Бекотъ.

Въ заключеніе сказать должно, что онъ былъ красавецъ собой и съ счастливѣйшими способностями. Всѣ анекдоты объ его удачливѣ въ стрѣльбѣ и скачкѣ, описанные въ 1-й главѣ, до

сихъ поръ ходящъ въ Дагестанъ; однимъ словомъ: ему не доспавало для счастья только швердаго характера и ошкровеннаго сердца. Селтанеша до сихъ поръ прелестна собою, и живучи въ Бурной крѣпости съ мужемъ своимъ, Абдулъ-Мусселимомъ, свела съ ума не одного Рускаго. Въ утѣшеніе тѣхъ, копорые будущъ жаловаться, что Авторъ переморилъ всѣхъ героевъ повѣсти, онъ почтеннѣйше извѣщаетъ, что Селтанеша находится теперь въ цвѣтущемъ здоровьѣ, и живетъ, послѣ погрома Тарковъ Русскими войсками, у мапери своей въ Аваріи.

Сентябрь, 1831 года.

Даггестанъ.

Ideen über die Politik, den Verkehr und den Handel der vornehmsten Völker der alten Welt, etc.— De la Politique et du Commerce des peuples de l'antiquité, etc. (О политикѣ, сношеніяхъ и торговлѣ Древнихъ народовъ. Соч. Геерена).

(Продолженіе)

Происхожденіе торговли, такъ-же, какъ начало обществъ, шляется во мракъ отдаленныхъ временъ. Вообще, мы можемъ сказать, что въ потребностяхъ человеческихъ, и мѣнѣ произведеній, бывшей слѣдствіемъ сихъ потребностей, скрыто начало торговли. Но исторически не можемъ мы рѣшить самыхъ важнѣйшихъ вопросовъ: когда, напримеръ, простая мѣна, употребленіемъ драгоценныхъ металловъ, какъ мѣры цѣнности предметовъ, сдѣлалась торговлею? Какъ распространилось сіе между народами, и какія были постепенно слѣдствія сего, для торговли и образованности? Когда и гдѣ начали бить первую монету? и проч.

Торговля въ древности была особенно однимъ изъ главныхъ двигателей общественныхъ, и рѣшительно отличалась отъ новѣйшей, своею сущностью и самыми предметами.

Древнимъ извѣстны были только три главные земные материка (Continente), составляющіе Старый свѣтъ. Касаясь одинъ другаго, не отдѣляемые

общими морями, хотя и заключаая въ себѣ произведенія нѣсколькихъ большихъ морей, они естественно производили различіе древней торговли отъ новой: она была собственно *сухопутная* (Landhandel); морская присовокуплялась уже къ ней непосредственно; когда напропавъ новѣйшая торговля, послѣ открытія Америки, главнѣйше морская (Seehandel). Открытіе Новаго Свѣта составило рѣшительную эпоху въ Исторіи торговли. До сего событія, отъ самыхъ древнихъ временъ, она была единообразна. Но послѣ открытія Америки опустѣли складочныя мѣста на Средиземномъ морѣ, оставлены были вѣковые пути черезъ восточныя и другія страны, и мореплаваніе приняло новый образъ дѣйствій.

Естественно, что страны, болѣе богатныя произведеніями, должны были и болѣе отпускать. Европа, до владычества Римлянъ, кромѣ Греціи, южной Италіи и южной Испаніи, была не важна для торговли, ибо немного могла она отдавать въ обмѣнъ. Греція и Римъ торговали только для собственнаго потребленія, и также немного имѣли предметовъ для обмѣна. Отъ того воспоки Азіійскій и сѣверъ Африки были главными мѣстами дѣйствій торговыхъ. Но безмѣрное, сухопутное пространство сихъ машириковъ, физическое состояніе ихъ, обширныя степи, и кочевыя орды, были сильными препятствіями, для преодоленія коихъ торговля принимала извѣстныя условія и формы. Для сего основывались многочисленныя общества (или *караваны*) торговцевъ, назначались

удобныя мѣста для ихъ сборищъ, и такимъ образомъ устанавливались постоянныя пути, мѣста складокъ по онымъ, и въ мѣстахъ сихъ складокъ основывались города, впоследствии дѣлавшіеся цѣлью путешествій религіозныхъ, когда въ нихъ построены были храмы, обогащаемые движеніемъ множества участниковъ торговли.

Всѣ сіи необходимыя условія шорга Древнихъ поясняютъ отдаленное появленіе, богатство и поспѣшную силу извѣстныхъ мѣстъ. Здѣсь причины богатства Вавилона и Александріи. Измѣненія политическія не измѣняли сущности торговыхъ путей и сношеній.

Но караванная торговля требуетъ великаго количества животнохъ, носящихъ тягости. Верблюды, сей *корабль пустыни*, по выраженію Арабовъ, способнѣе всѣхъ другихъ животнохъ для каравана. И тамъ, гдѣ всегда водятся сіе животные, торговля была дѣятельнѣе. Даже кочующія орды — воспитатели верблюдовъ, принимали особенное участіе въ торговлѣ, доставляя вскормленныхъ ими верблюдовъ, какъ средство перевозить тяжести.

Но сколь ни способенъ верблюдъ къ перевозу тяжести, соими верблюдовъ не могутъ однакожь поднять груза одного корабля. Отъ шого древняя торговля долженствовала ограничиваться предметами наименѣе громоздкими, и многія полезныя произведенія Восточа, хотя и были извѣстны Древнимъ, но въ обороты торговли не входили. Сарацинское пшено, селитра, сахаръ, не вывозились

погда изъ Индіи. Напримѣръ, купцы старались возить драгоцѣнные, но легкіе товары: прямыя коренья, благовонія, дорогія ткани, драгоцѣнные камни и металлы.

Но если морская торговля и не была у Древнихъ главною, намъ не лѣзя, за всѣмъ тѣмъ, упустить ее изъ вида. Главное ошдѣчїе древней морской торговли, ошъ новѣйшей, состояло въ томъ, что она составляла *прибрежное плаваніе* или *каботажъ* (Küstenschiffahrt). Не въ томъ, что не знали компаса, но въ естественномъ положеніи Стараго Свѣта заключается причина, по которой много вѣковъ прошло, пока человѣкъ дѣрзнулъ плыть къ неизвѣстной ему цѣли, черезъ океаны, когда умозрѣніе довело его до мысли о существованіи новыхъ земныхъ материковъ.

Но такое понятіе о мореплаваніи Древнихъ не должно заставлятъ насъ думать, что оно было рѣшительно грубое и ничтожное. Нью-Фоундлендская рыбная ловля, и Нью-Кесшльская перевозка землянаго угля сушь лучшія училища для Англійскихъ моряковъ. И самыя путешествія Португальцевъ въ Индію, мимо мыса Доброй Надежды, были въ сущности прибрежныя плаванія.

Средиземное море (считая *Черное море* частью его) и *Индійскій океанъ* (съ *Чернымъ моремъ*, какъ заливомъ его, между Аравією и Африкою, и заливами *Персидскимъ* и *Индійскимъ*) были поприщемъ мореплаванія Древнихъ. Окруженное плодотворнѣйшими и образованнѣйшими странами, устьиное островами, и лежащее между широкими земными

нашериками, Средиземное море было главнымъ мѣстомъ сношеній между обитателями всего Свѣта. Будь вмѣсто сего моря *отель*, какъ въ срединѣ Азіи, народы остались-бы варварами. Такъ непослужимое Провидѣніе связуетъ цѣль событій и причины съ слѣдствіями.

Индійскій океанъ также способенъ былъ для плаванія, по множеству острововъ, и постояннымъ *муссонамъ*, которые, съ Мая до Октября, давали способы плыть отъ Африки къ Малабару и Цейлану, а въ другіе шесть мѣсяцевъ обратно (*).

Древняя торговля имѣла вообще систему гораздо простѣе новѣйшей. Многихъ установленій, безъ коихъ нынѣ не могла-бы существовать торговля, тогда вовсе не знали. Люди хотѣли довольствоваться нѣкоторыми потребностями необходимыя, или прихоти роскоши. Мѣняли вещь за вещь, или продавали, стараясь продать дороже. Торговля была существенно мѣна товара (*Waarenhandel*), и самое золото брали на вѣсъ, а не по цѣнности, не въ монетѣ, хотя монета существовала, и до насъ дошли Финикійскія, древнія Персидскія деньги и Греческіе дарикіи. Торговли деньгами (*Geldhandel*), нынѣ столь обширной, почти во все не было. Въ древности не знали также вексельныхъ оборотовъ,

(*) *Муссонами* (*Monsons*) называются вѣтры, постоянно дующіе въ Индійскомъ океанѣ и въ Арабскомъ заливѣ, полгода отъ Сѣвера и Юго-Запада, а другіе полгода отъ Сѣверо-востока и Юга.

ибо, связанные съ общественнымъ кредитомъ, денежные обороты и финансовые учеты тогда не были изысканы, такъ-же какъ и *почты*, необходимая связь оборотовъ торговли нмѣвшейся. Сложная машина государственнаго и частнаго кредита была изобрѣтена впоследствии. Въ древности, каждое государство собирало подати, и въ случаѣ нужды прибѣгало къ простому займу, удачивая оный пошомъ, такъ, какъ частный, человекъ просто *покупалъ* и *продавалъ* товаръ. Въ первобытной простотѣ, занятія не были притомъ дѣльными. Торгъ комиссіонный и перевозка товара не раздѣлялись: купецъ былъ начальникомъ корабля, или каравана своего, комиссіонеромъ своимъ, и даже защитникомъ своего достоянія въ пути.

Предметы торговли, какъ уже мы замѣтили, должны были ограничены и малосложны.

Хлѣбъ составлялъ предметъ главнѣйшій, для мореплаванія Древнихъ. Вино, требуя облегченныхъ способовъ перевозки, не могло быть предметомъ особенно обширнаго торгова сухопутнаго. Масло, ткани, благовонія, составляли изысканнѣйшіе предметы торговыхъ дѣлъ.

Не должно полагать, что для изысканій о политикѣ и торговлѣ Древнихъ народовъ, время Македонской и Римской монархій представляетъ важнѣйшее, и наиболѣе поучительное поприще. Когда одинъ народъ покоряетъ всѣ другіе, тогда прекращается это разнообразіе политическихъ формъ, составляющее отличительный характеръ Древно-

они, и торговля подвергается принужденію и игу могущества. Историкъ надобно взявъ эпоху, болѣе отдаленную, когда существовали характеристическія народныя разнообразія, и въ самой высокой степени процвѣтала мирная торговля каждаго изъ Древнихъ народовъ. Періодъ *предшествовавшій и современный Персидской монархіи* всего болѣе удовлетворяетъ изыскателя въ сихъ отношеніяхъ, и, слѣдовательно, онъ всего болѣе заслуживаетъ обширнѣйшій и подробнѣйшій разборъ. Торговля Александрій, такъ какъ и другія событія, произведенныя Македонскою и Римскою полишикою, могутъ быть послѣ того весьма легко изъяснены. Возносясь ко временамъ отдаленнѣйшимъ, находимъ мы всѣ народы на ихъ самобытныхъ мѣстахъ. Берега Средиземнаго моря были повсюду населены народами-мореплавателями и промышленниками. Карфагенъ обладалъ обширною частію Африканскаго берега, и старался поддержать власть надъ торговлею во внутренней Африкѣ; сдѣлавъ изъ своихъ пристаней главный путь, черезъ который достигали къ Африканцамъ чужеземныя произведенія. Кириней, владычествовавшая надъ восточною частію Африканскаго берега, была соперницею Карфагена. Проникъ нею обитали Сицилійскіе и Италійскіе Греки, и богатыли, обрабатывая пучную почву своихъ земель, и едва успѣвая производить масла и вина столько, чтобы можно было удовлетворить имъ потребление сосѣдней Галліи и безмѣрной Африки, въ коняхъ столько что водворялись тогда сіи произведенія. Этруски владѣли большею частію

Италиі, и поддерживали себя на Средиземномъ морѣ, не смотря на зависть Карфагенянъ. Во власти Римлянъ былъ только одинъ Лаціумъ; но корабли ихъ посѣщали Африку, и съ Карфагенянами заключены были у нихъ торговые договоры. Торговая внутренней Галліи находилась въ рукахъ Марскайцевъ, самыхъ мирныхъ и счастливыхъ Греческихъ колонистовъ. Въ Испаніи процвѣтали Гадесъ, и другія колоніи, Финикійскія и независимыя, откуда смѣлые мореплаватели дерзали пускались даже въ открытый океанъ. Греція, и особенно Коринѣ, Аѣны и Іонійскія ихъ поселенія, владѣли торговлею морей Эгейскаго и Чернаго; даже недоступный Египетъ, гдѣ существовалъ еще шронъ Фараоновъ, открылъ Грекамъ вольную гавань въ Навирахисѣ. Надѣясь овладѣть Финикією и Сирією, Монархи Египетскіе перешли изъ Мемфиса въ Савсъ, и выдвинули флоты свои на два моря. Побѣдоносные Цари Ассирійскіе и Вавилонскіе не дозволяли ринуться дикимъ народамъ изъ средины Азіи. Насильственнымъ переселенію, средство изобрѣшенное въ самомъ младенчествѣ деспотизма, для утвержденія за собою завоеваній, только умножало тогда взаимное сближеніе и торговлю народовъ. Гордый Вавилонъ, самымъ положеніемъ предназначенный обладать Азіискою торговлею, и быль средоточіемъ оной, являлся тогда обителью образованности и промышленности, а Тиръ, и другіе города Финикійскіе, поддерживали права свои, и гавани ихъ были пушями главнаго шорга Европы и Азіи. Послѣ первобытныхъ бурь древности, сія торговля мало пострадала отъ владычества Пер-

совѣ. Тогда получила Азія свое внутреннее, политическое устройство, и по великимъ путямъ оной безъ затрудненія странствовали отъ Сардеса до Вистра и Персеполиса. Развалины чертоговъ Царей Персидскихъ, гдѣ на праздникахъ повелителей, некогда въ нихъ обитавшихъ, представлены народы, пришедшіе предъ троны ихъ, каждый съ своимъ произведеніемъ, служащъ донныя доказательствомъ дѣятельной тогдашней промышленности народовъ, и мудрой политики ихъ владыкъ. Присовокупите къ сему торговлю южной Африки и Эіопіи, съ Карфагеномъ и Тиромъ, посредствомъ каравановъ, чрезъ Африканскія и Аравійскія степи, и сія эпоха представитъ вамъ такое зрѣлище общественной жизни, дѣятельности, и торговыхъ отношеній между народами величайшей и прекраснѣйшей части зѣмнаго шара, что оно возбудишь невольное удивленіе наблюдателя.

Сею мастерскою картиною заключаешь Гееренъ свое Введеніе. Оно отражаетъ въ себѣ все, что пошомъ раскроется въ его швореніи, ибо здѣсь указаны всѣ главныя шочки, отъ коихъ идетъ Гееренъ въ дальнѣйшихъ своихъ изслѣдованіяхъ и изображеніяхъ. Сія эпоха, говоритъ онъ, не составляетъ крайняго предѣла историческихъ временъ. Это только часть шей яры, въ которой ярій свѣтъ Исторіи начинаетъ шеряться во мракъ, шѣмъ болѣе обрѣтается для насъ, чѣмъ болѣе можемъ мы изяснить его. Не будемъ погружаться во глубину мрака, въ которомъ не можешь руководить насъ свѣтильникъ исторической критики,

но нѣсколько лучей онаго будущъ однакожь освѣщать для насъ и сей недоступный мракъ, когда собственно изслѣдованія наши отнесутся ко времени болѣе приближенному, историческому.

Кажется, и сихъ выписокъ доспашочно-бъ было, дабы чинашелемъ можно было понять, какъ предѣлы, такъ самую сущность и основаніе Гееренова шворенія. Но, чтобы познакомиться въ большей полноствѣ съ характеромъ Геерена, какъ историка, писателя, и изслѣдователя, мы почитаемъ необходимымъ изложить здѣсь общій взглядъ Геерена на Азію, ибо въ немъ увидишь чинашелей наши, какъ превосходно умѣеть Гееренъ сливать географическія свѣдѣнія съ историческими изслѣдованіями, и прилагать теоретическія идеи свои къ практическимъ фактовъ.

Болѣе всѣхъ другихъ частей Стараго Свѣта, Азія обращаетъ на себя вниманіе историка-философа, котораго занимають не отдѣльныя изученія Исторіи того или другаго народа, но общность *Исторіи Человѣчества*. Въ Азіи является первая заря сей Исторіи, и въ послѣдствіи вѣковы, когда мракъ совершенный покрываетъ Африку, и Европа медленно изъ онаго освобождается, надъ Азією разливъ свѣтъ яркій, представляющій великіе перевороты, коихъ была она позорищемъ, хотя иногда и не въ равной ясности, однакожь всегда доспашочно для полученія идеи объ оныхъ, и для выводовъ, въ коихъ заключается Исторія Человѣчества. Чѣмъ далѣе идемъ мы въ Исторіи, чѣмъ болѣе

считаемъ преданія народовъ о происхожденіи ихъ и первобытномъ жребіи, и чѣмъ болѣе понимаемъ различія внѣшняго ихъ развитія, тѣмъ болѣе убѣждаемся, что все это приведетъ насъ въ Азію: тамъ была общая колыбель чедовѣческаго рода. Какъ ни возвысился, или какъ ни унизился чедовѣкъ въ другихъ частяхъ свѣта, подъ чуждымъ небомъ, отъ обстоятельствъ благопріятныхъ, или неблагопріятныхъ — вѣчный шипъ Азіи лежишь на немъ. Самая Исторія знаній, не смотря на всѣ усилія Запада обогатить ихъ, и напечаталѣшь на нихъ клеймо оригинальности, всегда приводитъ насъ на Востокъ. Тамъ находимъ мы, наконецъ, начало, не только нашей божественной Вѣры, но и всѣхъ другихъ Религій, только развивавшихся и усиливавшихся въ другихъ частяхъ свѣта.

Природа удивительно благопріятствовала Азіи географическимъ положеніемъ. Проспираясь на Сѣверъ до крайняго предѣла обитаемости чедовѣка и жизни шворенія, Азія объемлетъ все пространство климатовъ умеренныхъ, а южными островами досязаетъ до экватора. Европа кажется только дополненіемъ Сѣверо-Западной Азіи; Африка, палимая зноемъ, представляетъ въ объемѣ своемъ самую малую часть земель, подобныхъ самой обширной части Азіи.

Безмѣрное пространство Азіи, четыре-кратно превосходящей Европу, и почти четвертью обширнѣйшей Африки, могло бытъ, и было, величайшимъ позорищемъ, гдѣ жизнь природы одушевленной

и неодушевленной, являлась во всемъ разнообразіи, во всей красотѣ. Вся Европейскія произведенія находились въ Азіи, и только промышленность Европы можете уравнивать ея произведенія съ Азійскими. Африканская природа производительна, но она однообразна, и, напримѣръ, какое величайшее разнообразіе одной видимъ въ Азіи: сличите произведенія обширныхъ степей Монгольскихъ, цвѣтущихъ долинъ Кашемирскихъ, знойныхъ странъ Бенгала, благоухающихъ лѣсовъ Цейлана, и снѣжныхъ горъ и льдовъ Сѣвернаго берега Сибири!

Сличите пошомъ средства сообщенія въ Азіи и Африкѣ. Какъ замѣчательны эти огромные заливы, особенно на югѣ, гдѣ живутъ наиболѣе образованные народы, данное протяженіе оныхъ внутрь земель, и огромныя рѣки, въ оныя впадающія! Положеніе земель и расположеніе водъ, конечно, было одною изъ главныхъ причинъ, что Азія не погребена въ песчаныхъ пустыняхъ, прерывающихъ сообщенія въ Африкѣ. Степи Азіи, (кроме Аравіи, которая по природѣ и мѣсту собственно принадлежитъ къ Африкѣ, отдѣляясь только отъ нея прорывомъ водъ, составившимъ Черное море) не грозятъ путешественнику гибелью, устрашающею его въ песчаныхъ волнахъ Африки, гдѣ только берега, отдѣляясь непрерывною цѣнью приморскихъ горъ, даютъ приютъ торговлѣ и гражданственности. Единственная нестая степь Азіи закрываетъ собою Кашай, какъ будто отдѣлая въ немъ будущее рѣшеніе су-

дебъ, для грядущихъ періодовъ Исторіи Человѣчества.

Дабы лучше узнатьъ природу самой Азіи и обитателей оной, надобно прежде всего обозрѣть положеніе горныхъ Азійскихъ хребтовъ. Два изъ нихъ идутъ отъ Запада къ Востоку, и, переплетаясь съ Сѣверными и Южными отраслями, составляютъ, такъ сказать, скелетъ, на который наложена вся поверхность Азіи. Первый хребетъ, бывшій почти неизвѣстнымъ для Древнихъ, простирается къ южной Сибири (*Алтай*), начинаясь отъ Каспійскаго моря, и отбрасывая съ сего мѣста цѣпь горъ на Сѣверъ (*Ураль*). Довольно высокій (отъ 6 до 7000 фузовъ), проходящій всю южную Сибирь, расширяющійся по мѣрѣ приближенія къ востоку, онъ охватываетъ наконецъ землю Тунгусовъ, и соединяется съ сѣвѣрною цѣпью горъ. И донынѣ многое еще не изслѣдовано въ восточной онаго части. Южный хребетъ (*Таавръ*), бывшій болѣе извѣстнымъ въ древности, идетъ также отъ запада къ востоку, начавшись въ Малой Азіи, простираясь черезъ Арменію (откуда, уже при значительной высотѣ, простирается отъ него, также къ сѣверу, особая цѣпь горъ, *Кавказская*, и слѣдуетъ по сѣвѣрной Персіи, до восточныхъ границъ древней Согдіаны. Здѣсь дѣленіе его на двѣ отрасли — сѣверо-восточную и юго-восточную. Обѣ составляютъ край песчанаго моря, извѣстнаго Иродоту, и нынѣ называемаго степью *Гобійскою*. Сѣверо-восточная отрасль (часть древняго Иммауса, нынѣ *Белуръ-Дагъ*) есть сѣверная

граница сей степи, и проходитъ черезъ землю Эйгуровъ, Монголію и Чжунгарію, соединяясь у предѣловъ Сибири съ Алтаемъ. Главная-же отрасль, юго-восточная, ограничиваетъ сѣверъ Индіи, шлется черезъ Тибетъ, и шлется въ средній Китай, на берегахъ Тихаго моря. Ея названіе измѣнялось въ разныхъ мѣстахъ: въ Бухаріи, это *Мустагъ* (*снѣжная гора*, другая часть древняго Имауса); Индійскую цѣпь горъ Древніе называли *Паропамизъ*; горное прошиженіе отъ Кабульскаго пика образуешь наконецъ *Гималайскія* горы — величайшую высошу земнаго шара, превышающую Кордильерскія горы, и простирающуюся до 25,000 футовъ надъ поверхностью моря. Множество малыхъ горныхъ отраслей идетъ отсюда къ югу, въ Малакку и къ Коморинскому мысу, образуя собою скелеты полуострововъ Индійскихъ.

Два важные вывода являются намъ изъ разсмотрѣнія горныхъ Азійскихъ хребтовъ: *теченіе рѣкъ*, и *расположеніе высотъ и плоскостей Азійскихъ*, поясняющее различіе климата, почвы и самыхъ обитателей Азіи.

Начинаясь въ огромныхъ узлахъ горныхъ хребтовъ, великія рѣки извиляются изъ нихъ по всѣмъ направленіямъ Азійскихъ странъ. Въ Алтай заключены родники рѣкъ Сибирскихъ, величайшихъ въ Старомъ Свѣтѣ: *Иртыша*, *Енисея*, *Лены*, бывшихъ неизвѣстными Древнимъ. По широкому наклоненію Сибири, къ Сѣверу, сіи рѣки изливаются въ Сѣверное море. — Четыре южныя Азійскія рѣ-

Мартъ 1832.

7

ки были знамениты издревле. Выходя изъ вѣдръ Тавра, *Эвфратъ*, *Тигръ*, *Индъ* и *Гангъ* льются къ югу, и впадаютъ въ Персидскій заливъ и Индiйское море. Соединенiе Иммауса и Мустага даетъ начало двумъ огромнымъ рѣкамъ къ западу (*Гiонъ*, или *Оисъ*, и *Сиръ-Даръ*, или *Яксаршъ*), и двумъ къ востоку (*Гоангъ-го*, или *Желтая рѣка*, и *Янгъ-Тзе-Кіангъ*). Вѣроятно, двѣ первыя впадали прежде въ Каспiйское море, хотя нынѣ вливаются онѣ въ Аральское озеро. Присоединише еще къ Азiйскимъ рѣкамъ и *Волгу*, ибо и она не только содѣйствовала полишическому дѣленію Древнихъ Азiйскихъ народовъ, но была при томъ такимъ путемъ, по которому разливались образованіе, торговля и роскошь различныхъ Азiйскихъ странъ.

Разсматривая пространство Азiи, раздѣленное горными хребтами, находимъ въ ней три части, совершенно отдѣльныя и различныя одна отъ другой.

Сѣверная часть, Сибирь, простирается отъ подошвы Алтая до льдовъ Сѣвера. Она была почти неизвѣстна Древнимъ, а потому не войдетъ въ наши изслѣдованія. Ея малочисленные обитатели, рыболовы и звѣроловы, любопытны для наблюдающаго, показывая, что человекъ можетъ быть обитателемъ самыхъ приполюсныхъ странъ, хотя самъ видитъ всѣ неудобства своей жизни, и надеется, что за гробомъ наградишь его за трудъ и бѣдствiя обильная ловля звѣрей, и довольство мяса и крѣпкихъ напшковъ. Но для Исторiи обще-

ственности, образованія, и торговли, здѣсь мало труда. Соображая преданія грубыхъ туземцевъ, ихъ природу и языки, видимъ, что это должны были обломки великихъ народовъ южной Азіи, войною, или другими обстоятельствоми, заброшенные въ сѣвѣра сѣвера.

Но средняя часть, между Алтаемъ и Тавромъ, для насъ болѣе замѣчательна. Здѣсь обитають Монгольскіе народы, Калмыки, Чжунгары, и другіе туземцы, сѣмь различныхъ породъ. Теченіе рѣкъ далеко не простирается на все сіе пространство, а пошому и не дѣлаешь его равно способнымъ къ земледѣльству. Будучи самою высокою страной въ мірѣ, земля обилуетъ здѣсь тучными пажитями, но безлѣсна, и раздѣлена на пестрые оазисы, окруженные дикими степями и горами. Жители, разсѣянные во множественныхъ племенахъ, суть пастыри стадъ неисчислимыхъ, доставляющихъ имъ пищу и одѣаніе. Кочуя по обширнымъ пространствамъ степей, не имѣя жилищъ постоянныхъ, они должны были навсегда сохранить первобытнѣй, патриархальнѣй бытъ обществъ. Переходя въ деспотизмъ, сей бытъ не рѣдко подчинялъ то или другое изъ племенъ сихъ народовъ желѣзной волѣ одного геніальнаго ихъ соплеменника, мгновенно превращавшаго родичей своихъ въ рабовъ, и покорившаго ихъ руками окрестныхъ племена. Изъ среды сихъ покорившей являлись пошомъ люди съ испанскою волею, и подъ именами Кировъ, Ашшилъ, Тимуровъ, гибельнымъ пошокомъ исторгались изъ

степеней своихъ въ другія страны. Цѣлыя кочующія народонаселенія шли тогда за ними на югъ и западъ, и нѣсколько разъ рѣшали жребій Азіи, Африки и Европы.

Третья часть Азіи, вообще называемая южною, заключаетъ въ себѣ земли южной оспрасли Тавра, страны дадѣе на югъ, и Малую Азію; словомъ: все пространство Азіи отъ 40° широты до тропика, дадѣе коего, уже въ жаркомъ климатѣ, протягиваются еще три огромные полуострова — два Индійскіе и Аравійскій. Здѣсь богатѣйшія и обильнѣйшія въ мірѣ земли: Малая Азія, Персія, отъ Тигра до Инда, Индостанъ сѣверный, и два Индійскіе полуострова, по сѣ и по югу сторону Ганга, Тибетъ и Китай. Природа истощила здѣсь все свои блага. Кромѣ немногихъ бесплодныхъ, или гористыхъ мѣстъ, орошенная множествомъ рѣкъ, лежащая въ благословенномъ климатѣ, богатая разнообразіемъ всѣхъ царствъ природы, золотомъ, серебромъ, шелкомъ, дорогими благовоніями, сія часть Азіи долженствовала быть тѣмъ мѣстомъ, гдѣ человѣкъ началъ свое *высшее бытіе* въ здѣшнемъ мірѣ. Исторія показываетъ намъ, что издревле зналъ онъ здѣсь выгоды общественности и блага образованія, никогда не забывалъ ихъ, и отсюда перенесъ ихъ въ Европу. Сюда передаетъ преданіе начала земледѣлія, винодѣлія, городовъ, и первобытныхъ человѣческихъ обществъ. И здѣсь есть также степныя пажити, на коихъ нѣрѣдко донынѣ бывающъ раскинушы шатры кочующихъ орды,

даже близъ стѣнъ большихъ городовъ. Но сіи орды суть пришельцы, изъ средне-Азійскихъ и Аравійскихъ степей, или народы-пастухи, сошедшіе съ горныхъ высотъ. Замѣчаніе, важное для всей Азійской Истории: по праву гостепріимства, или по праву завоеванія явившіеся, сіи кочевые народы всегда оканчивали однакожь здѣсь шѣмъ, что перемѣняли свое кочеванье на оскѣдность, и бродящую жизнь на бытъ, болѣе прочный и спокойный. Сороковой градусъ широты можно рѣшительно почестъ предѣломъ между пастушескою и земледѣльческою жизнію народовъ. Наше замѣчаніе можешь бытъ подвержено частнымъ исключеніямъ, но общность его неоспорима. Здѣсь раздѣляется Кавказъ, Согдіана, Монголія — земли народовъ кочевыхъ и дикихъ, отъ Арменіи Бактріаны и Кшайя — земель, обитаемыхъ народами, издревле оскѣдными и образованными.

Какъ ни многочисленны и ни всеобщы были политическіе перевороты въ Азіи, но удивительное *однообразіе* сихъ переворотовъ составляетъ отличительную черту различія исторіи Азіи отъ исторіи Европы. Всегда видимъ мы въ Азіи быстрое возвышеніе великихъ имперій, столь-же быстрое паденіе оныхъ, и принятіе прежнихъ формъ общественныхъ новыми властителями, замѣнявшими упавшія государства своими, новыми, великими государствами.

Сии перевороты были мгновенны, внезапны, и неосуществленны, производимые движеніями побѣдоносныхъ народовъ изъ средней Азіи. Вотъ первое

условіе для истиннаго познанія исторіи и установленія Азіійскихъ.

Мы сказали уже, что средняя Азія, по физическому положенію, наполнена кочевыми и полудикими племенами. Но они занимають, кромѣ того, сѣверную Азію, горныя вышины въ средней, и почти весь Аравійскій полуостровъ. Образъ жизни ихъ, и природа земель, ими обитаемыхъ, должныствовали образовашь изъ нихъ побѣдоносныхъ завоевателей, приучая ихъ къ войнѣ, перенесенію трудностей похода, давая средства образовашь конницу, и всегда имѣть съ собою подвижное хозяйство и пропитаніе. Окрѣпившіе въ мѣлкихъ междоусобіяхъ, покорные волѣ великаго деспота, какъ шучи саранчи вылетали они изъ степей своихъ, и спускались съ горъ, на благословенныя долины Персіи и Индіи, покоряли все своему мечу, и плѣнные обиліемъ завоеванныхъ ими странъ, навсегда забывали свою неблагодарную, дикую отчизну. Ознакомленіе съ искусствами, роскошь, нѣга, вліяніе климата измѣняли ихъ нравы. Побѣдители принимали образъ жизни и бытъ побѣжденныхъ, шѣмъ легче, что кочевой человѣкъ не знаетъ отчизны: она тамъ гдѣ онъ—не знаетъ и праотческихъ нравовъ и постоянства любви къ нимъ: онъ гоповъ мѣнялъ ихъ на то, что для него кажется лучше. Но первобытная характеристика все однакожь сохраняешь коренныя сѣды. Отъ того всегда образовывалась особенная общественность, изъ смѣшенія прежняго варварства побѣдителей и нравовъ побѣжденныхъ. Чѣмъ быстрее былъ переходъ, шѣмъ

сильнѣе было желаніе роскоши, и успѣхъ ослабленія и испорченности нравовъ. Изъ прежнихъ жилищъ варваровъ выходили пошомъ новыя, накопившіяся шамъ орды, сокрушали владычество своихъ предшественниковъ, и въ свою очередь испышывали ихъ учась.

Вотъ, за исключеніемъ эпохи Македонскаго владычества, общій очеркъ исторіи сей части Азіи. Разсмотримъ исторію владычества Ассирійскаго, Вавилонскаго, Персидскаго, Парянскаго, Сарацинскаго, Монгольскаго и Турецкаго — онѣ оправдають нашу идею.

Узнавъ такимъ образомъ происхожденіе великихъ Азійскихъ имперій, мы естественнo приводимся къ слѣдующимъ замѣчаніямъ :

1-е, что онѣ не могли бытъ постепенны, и, напрошивъ, вдругъ развивались безмѣрно, такъ, что въ одинъ человѣческій вѣкъ, подкрѣпленная удобствомъ завоеванія и жадностью добычи, начиналась великая имперія, дѣлалась исполинскою, и оканчивалась мыслью о покореніи цѣлаго свѣта, исполненіе которой никогда не могло бытъ достигнуто, но невольнo изумляетъ однакожъ въ исторіи послѣдователей Мугаммеда, или рабовъ Чингисъ-Хана.

2-е, что побѣдители не могли вдругъ основывать прочныхъ политическихъ постановленій. Начиналось военнымъ деспотизмомъ. Области отдавались во власть полководцевъ, собиравшихъ налоги, или плащившихъ оклады, съ присвоеніемъ неограниченной

частной управы. Иногда на семь положеніи оставлены были даже прежніе, побѣжденные властители земель, или ихъ пошюки. Такъ было у Персовъ и у Монголовъ. Но сего не должно приписывать ни великодушію, ни челоуколюбію: здѣсь причина невѣжество и варварство побѣдителей.

3-е, изъ сихъ военныхъ образованій являлись въ послѣдствіи политическія. Остѣлость, роскошь, привычка къ яравамъ и обычаямъ покоренныхъ странъ, дѣлали изъ суровыхъ воеводъ изнѣженныхъ сапрановъ. Скрѣпленные общою властію главнаго деспота воедино, покоренныя области иногда сохраняли и поддерживали опѣльно все разнообразіе прежнихъ своихъ, частныхъ формъ. Такъ, подъ властію Персовъ оставались даже республики въ Малой Азіи (Финикія, и Іонійскія колоніи Грековъ).

Но все это не поясняетъ еще намъ вполне того: почему сія деспотическая форма владычества постоянно оставалась, развивалась и обновлялась въ Азіи, въ теченіе столькихъ вѣковъ?

Основаніе было заключено въ самомъ источникѣ владычества народовъ-побѣдителей. Патриархальная власть малаго племени необходимо должна была переходить въ свирѣпый деспотизмъ при расширеніи объема племени. Отъ одного властителя, она распространялась наконецъ на все его племя, и поддерживалась только жестокою волею и отсушствіемъ всякаго посредства, между главою племени и его рабами.

Далѣ , Религія владычествующаго народа , включая всѣ другія , должна была содержать умы въ вѣчномъ оцѣпѣніи , будучи непремѣннымъ условіемъ господствующей власти.

Наконецъ — важная причина находилась въ самомъ семейномъ бытѣ Азіійцевъ. Многоженство всегда должно было вести къ гражданскому деспотизму. Неоспоримо , что нравственное состояніе семейнаго быта народовъ отражается на ихъ общественномъ бытѣ. Ничто болѣе многоженства не прешаствуетъ нравственности и домашнимъ добродѣтелямъ—источникамъ гражданскихъ добродѣтелей. Деспотизмъ начинается въ нѣдрахъ семействъ , ибо жена является въ немъ рабою , а мужъ полнымъ властелиномъ. Отцы семействъ также повинуются высшему деспоту , и бытъ иначе не можешь , ибо его власть есть ручательство за ихъ власть. Любовь дѣтская переходить въ униженное рабство , и любовь къ отечеству существовать не можешь. Все сливается въ мѣлкія интриги и необузданныя страсти , ведущія къ жестокости и насилию. Такимъ образомъ всего чаще деспотъ повинуется здѣсь рабу , хотя по наружности совершенно повелѣваетъ имъ , а насилие дѣлается закономъ , служа единственнымъ оплотомъ слабости. Серальское управленіе всегда было причиною бѣдственныхъ спрасей и гибели , въ Сузѣ и Персеполѣ , Исфагани и Константинополѣ.

Здѣсь скрывается глубокая , и едва-ли не главная причина единообразія деспотизма въ Азіи , и

вмѣстѣ съ шѣмъ невозможности его въ Европѣ, гдѣ ширани и деспотъ всегда будутъ такимъ-же исключеніемъ изъ общаго правила, какое добрый благодѣтельный монаръ составляетъ между деспотами въ Азіи. Религія, законы, семейственные отношенія, ведущія къ уравниенію властей, и гражданству — таковы свидѣтельства, что Европа назначена для полнаго проявленія высшаго назначенія человѣческаго, когда Азія представляетъ намъ только величайшее проявленіе силъ и средствъ природы. *Въ Азіи только могъ ошъ нея отдѣлиться, и только отдѣлиться могъ ошъ нея человекъ.* Въ Европѣ онъ созналъ свое достоинство и узналъ свое истинное назначеніе.

(Окончаніе впродъ).

СОВРЕМЕННАЯ БИБЛИОГРАФІЯ.

РУССКАЯ ЛИТТЕРАТУРА.

— *Стихотворенія Виктора Теплякова*. М. 1832.
Въ ш. Селивановскаго. XII и 196 стр. in-8 (*).

Говорятъ, что въ наше время не лзя сдѣлать себѣ имени мѣлкими стихотвореніями, и въ доказательство указываютъ на пустое поприще Лирической Поэзіи Русской, гдѣ осеннимъ лебедемъ мелькаютъ иногда люди съ дарованіемъ, но именъ славныхъ нѣтъ, за исключеніемъ двухъ-трехъ, старыхъ служителей Аполлона. Съ одной стороны, это справедливо, ибо точно время наше во многомъ идетъ наперекоръ Поэзіи вообще, а не одной Поэзіи Лирической. Но если не отрицать въ человѣкѣ силы ума и воли, то едва-ли можно сказать, что въ наше время нѣтъ Поэзіи. Человѣкъ, при всѣхъ измѣненіяхъ обстоятельствъ, не перестаетъ быть человекомъ, сдѣдственно всегда обладаетъ тѣмъ, что даровано ему свыше; и сдѣдственно

(*) Замѣчательно, что въ этой книгѣ по крайней мѣрѣ четвертая доля бѣлой бумаги: такъ напечатано просторно!

обладаетъ въ наше время Поэзією. Онъ не былъ-бы полнымъ человѣкомъ безъ Поэзіи, шакъ-же какъ безъ сердца, безъ ума, или, въ физическомъ отношеніи, безъ рукъ, безъ слуха и языка. Но истина сія претруетъ ограниченій, ибо хотя Поэзія есть не умирающій элементъ человѣка, однако не всегда является она въ его книгахъ и пѣсенкахъ. Всему есть свое время.

Въ книгѣ Г-на Теплякова мы находимъ доказательство, что и въ наше время есть средство быть хорошимъ писателемъ мѣлкихъ стихотвореній. Чувство и вкусъ видны почти въ каждомъ произведеніи сего Писателя. Всякій убѣдится въ томъ, заглянувши въ его книгу. Но сего показалось недостаточнo Издателю *Стихотвореній* Г-на Теплякова: онъ написалъ Предисловіе къ онимъ, гдѣ, сказавъ по своему поже, что сказали мы въ началѣ сей спашь, даетъ знать въ заключеніе, что и Г-нъ Тепляковъ — Прозѣ. Намъ кажется выводъ сей не совсѣмъ логическимъ, хотя мы и безъ него сказали, что Г-нъ Тепляковъ точно обладаетъ дарованіемъ неподдѣльнымъ. И шакъ, безъ разногласія съ Г-мъ Издателемъ въ семъ отношеніи, мы займемся нѣкоторыми частями его Предисловія, гдѣ изложилъ онъ свою сншему.

« Мы ни подъ какимъ видомъ, говоритъ Г-нъ Издатель, не можемъ безусловно согласиться съ « шими, кои почишаютъ Поэзію разсвѣтомъ общесвѣснаго существованія... Когда можешь успа-
« ртъ душа и сдѣлаться предметомъ пренебреже-

« нія для тѣла, движимаго ея могуществомъ?...
 « Нѣтъ сомнѣнія, что вѣкъ, воспитанный сими
 « атлетами (Байрономъ, Валтеромъ Скоптомъ,
 Барантомъ, Шатобрианомъ, Беранже, Лапласомъ,
 Мальтебрёномъ, Наполеономъ (*), не можетъ сляш-
 « комъ высоко мыслить о барашкахъ Г-жи Дезуль-
 « ерь, о холодномъ мраморномъ *парикѣ* Буало, о на-
 « *крахмаленной Поэзіи Расина*; нѣтъ сомнѣнія, что
 « Поэзія Сердечкиныхъ, надписи на ошеѣнички со-
 « бачекъ, пряничные стихи на то, на другое,
 « суть анахронизмы самые неизвинительные; но
 « Тассъ, но Шекспиръ, но Корнель, будутъ все-
 « гда, не взирая на совершенное различіе вкуса и
 « времени, усладою сердца, истинно благород-
 « наго. »

Мы выписали всѣ положенія Автора, чтобы чи-
 татели могли судить о нихъ вполнѣ. Разсмотримъ
 выписанное нами.

Неужели Авторъ не убѣжденъ, что Поэзія есть
 удѣлъ юности человѣческой, разсвѣтъ обществен-
 наго существованія? Если онъ очень молодъ, то
 соѣтujemy ему пожить еще десятокъ или два лѣтъ,
 и потомъ взглянуть на свои строки. Да! только
 чистая, не омраченная тѣнью общества юность
 доступна Поэзіи! Только тѣло здоровое, юное по-
 винуется могуществу ея! Общество одряхлѣвшее,
 и даже только возмужалое, плешворно для Поэта,

(*) Что за сближеніе именъ!

- убійственно для всѣхъ живыхъ помышлений : эшо гробъ дарованія. Авторъ думаешь, что душа не можешь устать? Могущество ея не можешь сдѣлаться предметомъ пренебреженія для тѣла?.. Напрасно. Призываемъ въ свидѣтельство всѣхъ стариковъ, опягченныхъ жизнію : посмотрите на нихъ ! У эшого-ли исковерканнаго карточью и сабельными ударами инвалида горитъ въ душѣ поэзія? У эшого-ли придворнаго , изъязвленнаго еще болѣе всякаго ветерана , осталось чувство къ поэзіи? У эшого-ли честолюбца , истратившаго жизнь и силы на службу своей страсти , не иссохли душа и сердце? Наконецъ, у эшого-ли сына Поэзіи , который говоришь :

И неестественнымъ стремленьемъ

Весь міръ въ мою тѣснился грудь !

Карпиной , звукомъ , выраженьемъ ,

Во все хотѣлъ я жизнь вдохнуть !

У него-ли остались сіи чувства, послѣ нѣсколькихъ десяшковъ лѣтъ борьбы съ жизнью? Неужели Шиллеръ , который подъ конецъ жизни спарался самъ разрушить ее ; неужели Тассъ , истерзанннй страданіемъ ; неужели нашъ Озеровъ , нашъ Башушковъ ; неужели Борнсъ , Байронъ , Гольдсмитъ , Шериданъ ; неужели тысяча другихъ примѣровъ не убѣдятъ Автора , что время юности есть единое время Поэзіи ? Эшого мало : не ошдѣльныя лица , но цѣлые народы подтверждаютъ сію истину. Много-ли поэтовъ видимъ мы въ одряхлѣвшей Греціи , при владычествѣ Римлянъ ? Гдѣ поэмы въ Римѣ

при Императоръ Θεодосіи Великомъ? Не Пруденціусъ-ли, не Клавдіанусъ-ли будутъ ихъ представлятелями? Гдѣ могущественные поэты Арабскіе въ наше время? А Испанія и Португалія нашего времени? А сама Италія? Если всѣ сіи доказательства, теорія и практика, не убѣдятъ Автора въ ошибочности его положенія, то эшо будетъ уже вина, по крайней мѣрѣ, не наша.

Далѣе Авторъ утверждаетъ, что нашъ вѣкъ, воспѣванный ашлешами, не высоко мыслитъ о Дезульерѣ, Буало и Расинѣ. Я пожалуй-бы о вѣкѣ нашемъ, ибо презрѣніе къ симъ Поэтамъ напоминаетъ мнѣ презрѣніе неразумнаго мальчика къ шаррику, склоненному къ землѣ годами. Но вѣкъ нашъ не виноватъ въ томъ, что взводитъ на него Г-нь Издашель. Нашъ вѣкъ знаетъ различіе между дарованіями Дезульеръ и Расина, Тасса и Шекспира; онъ никогда не назоветъ Буало такъ, какъ называетъ его Г. Издашель. *Накрахмаленная Поэзія Расина!*... Это интересно слышать отъ человека, коего современники не написали еще ничего, что было-бы можно приблизить къ изящнымъ созданіямъ Расина. Кто намъ далъ право оскорблять память сего великаго Поэта? Не Ансело-ли? Не Викшоръ-ли Гюго? Не Грильпарцеръ-ли, или Раупахъ? Или ужъ не Г-нь-ли Хомяковъ, со своимъ перекрахмаленнымъ *Ермакомъ*? Дѣши, дѣши!..

Лучше, не оскорбляя недоступныхъ намъ *слазъ*, признаемся смиренно, что мы болѣе нашихъ предшественниковъ виноваты въ безплодіи современной Поэзіи. Мы сами едва-ли не смѣшнѣе Г-жи Дезуль-

ерь. При понятіяхъ своего вѣка, она занимала не самое послѣднее мѣсто въ современной Поэзіи; а мы, при нынѣшнемъ состояніи Криштики, при утонченности, философскомъ разборѣ всѣхъ движеній души и сердца, мы еще не можемъ понять, не можемъ открыть истинной сферы своей Поэзіи! И особенно у насъ, нашимъ милымъ соотечественникамъ, право нечѣмъ погордиться. Предисловіе къ Стихотвореніямъ Г-на Теплякова, и самыя Стихотворенія сіи могутъ навести насъ на важное открытіе, отъ чего происходитъ мѣлкость и бѣдность нашихъ дарованій. Въ вѣкъ, не благосклонный для Поэзіи, въ вѣкъ умственного переворота, мы только научились презирать прошедшее — что было и необходимо, для совершеннаго разрыва съ онымъ и для перехода въ вѣкъ новый — мы зашвердили нѣсколько фразъ изъ иностранныхъ писателей, и въ нашей общественной, *мыслиней* жизни хотимъ находить Поэзію! Нѣтъ! на такомъ основаніи нельзя создать храма Поэзіи: наше зданіе еще долго останется не довершеннымъ, ибо въ то время, когда мы взлѣзаемъ на подмостки, чтобы класъь камни вверху, сводъ всего зданія обрушивается незамѣтно для насъ самихъ. Намъ еще надобно жить, жить *своею* жизнію, ибо опыты опцовъ и брашъевъ не помогутъ намъ, шакъ-же какъ не помогаютъ они никому. Мы теперь въ возрастѣ пятанадцатилѣтняго ребенка, въ которомъ есть способность ко всему прекрасному, но способность только *въ возможности*. Дайте сначала погорѣть и зашихнуть нашимъ страстямъ.

Глядя съ сей точки зрѣнія , кто не согласится съ Г-мъ Ястребцевымъ , что «стѣны городовъ не сооружаются уже нынѣ отъ звуковъ лиры , какъ стѣны Оиваскія ?» Г-нъ Издашеля называетъ сіе умствозаніемъ одностороннимъ , и въ доказательство упоминаетъ о Гёте , Байронѣ , В. Гюго , Пушкинѣ , въ коихъ есть призваніе свыше , хотя они и современники наши . Но развѣ отрицаетъ что Г. Ястребцевъ ? Говоря о воспитаніи вообще , онъ хочетъ , чтобы дѣти наши воспитывались сообразно требованіямъ нашего положительнаго и философскаго вѣка ; развѣ не справедливо требованіе сіе ? Философія безъ опытныхъ знаній не только мечта , но гораздо хуже : это именно тошнотъ недостатковъ , которыми страдаетъ нашъ вѣкъ , и который надобно испробовать . У насъ на все есть требованіе , вслѣдствіе теорій ; но нѣтъ никакихъ средствъ , когда дѣло доходитъ до примѣненій къ теоріи . Это порождаетъ пустоту въ умахъ и сердцахъ , это производитъ у насъ прошиворѣчія во всемъ , за что ни возьмемъ мы ; наконецъ , это есть источникъ и нашего безплодія въ Поэзіи . Примѣры Г-на Издашеля не доказываютъ ничего , ибо если Ломоносова драли за уши въ Холмогорахъ , когда онъ просиживалъ ночи за книгами , то изъ этого не слѣдуетъ еще , чтобы со всѣми поэтами надобно было обходиться также . Онъ , вытѣстъ съ наименованными Издашелемъ поэтами , составляетъ исключеніе , ибо такіе люди всегда прошиворѣчаютъ окружающему ихъ , вдувъ своими пушинами , и сами шворають вѣкъ свой , или , точнѣе сказать , угадываютъ требованія онаго . Въ самомъ дѣлѣ — Гёте

Мартъ 1832.

8

первый изъ Нѣмцевъ обратился къ народности, на перекоръ Французской школы Виланда; Байронъ былъ осмѣянъ за свои первыя произведенія, и умеръ далеко отъ отечества — шакъ ладилъ онъ съ ними! Гюго произвелъ переворотъ передъ глазами нашими! Пушкинъ... подождемъ, чѣмъ кончитъ онъ свое поприще. Начала его были также на перекоръ вкусу времени.

Въ ожиданіи лучшаго будущаго, публика должна быть признательна Г-ну Теплякову за то, что представляетъ онъ ей. Но дѣло Кришки — безпристрастно, хладнокровно смотрѣть и на современниковъ, и на людей прошедшихъ поколѣній.

— *Двадцать четыре часа чувствительной женщины*, или важный урокъ. Сочиненіе Княгини Констанціи С. переводъ съ Французскаго. Спб. 1831. Въ ш. Н. Греча. XII и 148 стр. in-8.

— *Избранныя письма Якова Ортиса*. Переводъ съ Итальянскаго. М. въ ш. П. Кузнецова. 1831. 332 стр. in-16.

Оба сіи романа изданы уже нѣсколько мѣсяцевъ, и оба остались какъ будто незамѣченными въ публикѣ и въ Журналахъ. Между тѣмъ, это два весьма замѣчательныя сочиненія. Постараемся дать читателямъ нашимъ понятіе объ Авторахъ сихъ двухъ книгъ и о самыхъ книгахъ ихъ.

Княгиня Констанція Сальмъ-Дикъ принадлежишь къ небольшому числу умныхъ и ученыхъ писательницъ. Она родилась въ Нантѣ, 7 Ноября 1767 г., и въ 1789 году вышла за-мужъ за Хирурга Писселе.

Пріѣхавши съ нимъ въ Парижъ, она съ успѣхомъ занималась Литтературой. Всѣ знаютъ ея пѣсню: *Bouton de Rose*, положенную на музыку Прадеромъ. Ея лирическая трагедія: *Сафо*, съ музыкою Маршени, была представлена болѣе ста разъ. Сверхъ того извѣстна ея *Камилла*, драма въ 5 дѣйствіяхъ, и множество стихотвореній мѣстныхъ, изъ коихъ упомянемъ объ одномъ: *Épître aux femmes*. Стихи ея были печатаемы въ альманахахъ, въ Журналахъ, и изданы два раза особенною книгою. Еще болѣе достойны вниманія прозаическія сочиненія Княгини Сальмъ-Дикъ (Г-жа Пипеле вышла вѣнцомъ за Графа Сальмъ-Дика, возведеннаго въ 1816 году въ достоинство Князя). Ея Похвальные Слова и Академическія Рѣчи возбуждали вниманіе. *Eloge de Lalande* была сочинена по желанію самого Лаланда, который впоследствии доставилъ Автору примѣчанія. Есть много и другихъ прозаическихъ сочиненій Княгини Сальмъ-Дикъ, но самое извѣстное изъ нихъ: *Vingt-quatre heures d'une femme sensible*, вышъ переведенное на Русскій языкъ. Оно отличается прелестнымъ слогами. Завязка и содержаніе этого романа очень просты, но милое чувство женщины видно во многихъ мѣстахъ. Княгиня Сальмъ-Дикъ, обладающая многими пріятными дарованіями и очаровательнымъ умомъ, была въ дружбѣ съ ошлнчѣйшими людьми своего времени. Читатели наши узнають ее изъ слѣдующаго письма П. Л. Курье, писаннаго въ Апрѣлѣ 1811 года.

«Графиня! Скоро минетъ тысяча лѣтъ, какъ вы не слыхали обо мнѣ. Сначала, при мѣсяца бо-

агла у меня руна, самымъ несноснымъ образомъ; потомъ другіе случаи разспромили мою систему жизни, и я право не знаю, сколько времени я не писалъ ни къ кому, ни даже къ вамъ, со всѣмъ желаніемъ мнѣ ошъ васъ извѣстія. Судя поному, что писали вы мнѣ, давно, изъ своего замка Дика (помните-ли вы это?), я полагаю, что вы теперь въ Парижѣ, и заняшы двумя драгоценными предметами: изданіемъ вашихъ сочиненій, и свадьбою вашей дочери. Это важно для васъ, какъ для наперника и автора. Узнавши, что я еще существую въ мірѣ, вы, въ свое время и въ своемъ мѣстѣ, конечно напишете мнѣ о слѣдствіяхъ вашихъ заботъ; если-же и нѣтъ важныхъ событій, то извѣстите меня по крайней мѣрѣ о своемъ здоровьѣ. На влошъ счешъ ваше письмо не слишкомъ разувѣряешъ меня, хотя вы и говорите, что освободились ошъ своей послѣдней, тяжелой болѣзни. Это уже другая, сколько мнѣ извѣстно, другая въ два года, когда я оставилъ васъ. Не говорю уже о прежней, которую помню очень живо. Можно-ли шакъ часто бышь нездоровой! Вы крѣпки; природа наградила васъ сложеніемъ, при которомъ не надобно знать болѣзней. Не слишкомъ-ли поддаешесь вы Медицинѣ? Берегитесь и будыше увѣрены, что это искусство есть одинъ изъ бичей человечества. Мольтеръ смѣялся надъ нимъ, но право это совсѣмъ не смѣшно. Наконецъ, что скажу вамъ? Мнѣ пришла вша мысль, и не зная, кого обвиняшь въ измѣненіяхъ вашего здоровья, виню ихъ, шо есть Медиковъ. Не боюсь приписывать имъ зла болѣе, не-

хотят они дѣлають его ; но если только они минуютъ васъ — прощаю имъ все остальное.

« Противъ намѣренія своего , я провелъ эту зиму въ Римѣ , тихо , увѣрю васъ , безъ жару , безъ холоду , безъ скуки (она была отъ меня за тысячу миль) , и слава Богу , безъ друзей ! Да , Графиня , я разуверился въ дружбѣ , какъ въ Медицинѣ , и все по опыту. Я не сдѣлался отъ этого ни болѣе сварливымъ , ни болѣе мизантропомъ ; напротивъ , готовъ жить со всѣми ; но позвольте быть безъ дружбы , милостивые государи ; не надо друзей : я не хочу быть въ дуракахъ. Слѣдственно , я провелъ этою зимой шесть мѣсяцевъ въ Римѣ , самыхъ лучшихъ , какіе только возможны въ настоящемъ моемъ положеніи. Теперь отправляюсь въ Неаполь , откуда располагаю воротиться въ Парижъ.

« Немногое расскажу вамъ о путешествіяхъ своихъ , пошому что нѣтъ ни любопытныхъ замѣчаній , ни приключеній. Я двигаюсь тихонько , не для наблюденій , ибо не намѣренъ продавать описанія своего путешествія съ атласомъ , а для наслажденія , хоть не много , прелестью климата и годового времени. Въ самомъ дѣлѣ , я останавливаюсь на концѣ каждого поля ; уже недѣля какъ я здѣсь (въ Альбано) , а когда отправлюсь далѣе , не знаю. А что останавливаетъ ? Весна , какой , право , не знаете вы. Эти дѣла , эти воды , это озеро , эти виды не имѣють подобныхъ. Какъ-бы желалъ я описатьъ вамъ все это , и повѣрьте , что было-бы чѣмъ ошаманиться въ описательномъ родѣ ;

но, вы поэтъ, вы не любите поэтической прозы; сверхъ того, вы не *жительница полей*, а еще менѣе лѣсовъ. Мои прохладныя тѣни, мои прозрачныя ручьи усыпили-бы васъ безъ подушки. Вы думаете, что живущъ только въ Парижѣ.

« Впрочемъ, и Парижъ имѣетъ свое достоинство, особенно когда вы тамъ, и для того-то я хочу пріѣхать туда прежде вашего отъѣзда въ Дикъ, гдѣ вы, какъ кажется, готовы проводить каждое лѣто; но чтобы заспать васъ въ Парижѣ, прошу воображать, что я спѣшу туда. Ёду *tourant et baguenaudant*, какъ говоритъ Рабсле, до Неаполя; а тамъ, сдѣлавши то, что надобно сдѣлать, увидѣвши, что надобно увидѣть (все дѣло не многихъ дней), возвращаюсь въ Парижъ, скачу сломя голову, въ Парижъ, къ вамъ, Графиня. Явлюсь шакъ, какъ есмь въ дорогѣ, пилигримомъ. Это видѣніе позабавитъ васъ, ибо предупреждаю, что пугаться нечего.

« Кажется, не нужно пояснять, что значатъ слова мои: не надо дружбы. Это говорю я человѣческому роду, на который въ правѣ жаловаться; говорю своему калпаку, подобно слугѣ у Мольера. Одинъ древній сказалъ: *Друзья! нѣтъ болѣе друзей*. Не ошибался-ли онъ? Или не появился-ли снова эшошъ родъ? Эшо должны объяснить намъ вы, Графиня. Если есть въ мірѣ друзья, то конечно у васъ. »

Изъ этихъ немногихъ строкъ, мы узнаемъ характеръ сочинительницы *Двадцати четырехъ часовъ чувствительной женщины*, узнаемъ лучше не-

жеди изъ самой полной біографіи. Женщина, бывшая въ такихъ умныхъ, дружескихъ сношеніяхъ съ опидичтѣйшими людьми своего времени, съ Лаландами и Курье, вѣрно была достойна ихъ вниманія и уваженія. Жаль, что Русскій Переводчикъ не очень уважилъ ея славу, дурно передавши намъ прелестный разсказъ ея романа. Переводъ его не даетъ никакого понятія о подлинникѣ. Это грубый, часто смѣшной, вездѣ тяжелый пересказъ легкихъ, вѣрныхъ фразъ свѣтской, образованной Француженки.

Избранныя письма Якова Ортиса, знаменитое произведеніе Уго Фосколо, называющіяся въ подлинникѣ: *Послѣднія письма Якопо Ортиса* (Ultime lettere di Jacopo Ortis. Миланъ, 1802). Не знаемъ, почему Русскій Переводчикъ измѣнилъ заглавіе, не упомянулъ объ имени Автора, и пропустилъ многія мѣста подлинника. Впрочемъ переводъ его не совсѣмъ дуренъ, хотя напечатанъ варварски, на обверточной бумагѣ. Въ немъ Русскіе читатели пріобрѣли замѣчательную книгу, достойную любви и тщанія по многимъ отношеніямъ.

Уго Фосколо явился на сцену литературную и политическую въ самый разгаръ Французской Революціи. Одаренный отъ природы необыкновеннымъ умомъ, огненною душою и страстями знойными, сынъ гордой Венеціанской Республики, потомокъ знаменитыхъ *Фосколовъ*, онъ былъ явленіе современное и своенародное. Намъ, жителямъ холоднаго Сѣвера, только изученіемъ можно постигнуть всю пылкость, весь огонь Итальянца, ибо нашъ ледя-

ной составъ расплодился-бы онъ страстей, кипящихъ въ жителѣ Юга. Но каковъ долженъ быть человекъ сихъ странъ, почитаемый излишне пылкимъ и между своими земляками? Каково должно быть бурное пламя, пожирающее его, когда оно еще усилено обстоятельствами? Вошъ съ какой шочки любопытно разсматривать произведенія Уго Фосколо.

Излагая жизнь Курье, мы замѣтили, что онъ былъ совершенное порожденіе Революціи: Уго Фосколо тоже самое подъ Итальянскимъ небомъ. Не входя ни въ какое сравненіе между сими необыкновенными писателями, скажемъ, что высокія дарованія ихъ были подавлены обстоятельствами. Уго Фосколо обладалъ необыкновеннымъ даромъ стихотворства, и еще болѣе замѣчательною способностью созданія. Онъ былъ Поэтъ, во всемъ значеніи слова — и не произвелъ ничего прочнаго, великаго. Всѣ сочиненія его были произведеніями случаевъ современныхъ. Только немногіе гении бываютъ независимы отъ обстоятельствъ, и Уго Фосколо не принадлежитъ къ числу ихъ. Выступивъ на поприще литературное писателемъ драматическимъ, онъ писалъ послѣ сего патріотическія оды, политическія рѣчи, кидался въ Военное Искусство, въ археологическія изслѣдованія, и кончилъ поприще свое сдѣлавшись участникомъ Англійскихъ *Обозрѣній*. Во всѣхъ сочиненіяхъ его видно дарованіе рѣдкое, но нигдѣ нѣтъ соображенія глубокаго, ошдѣлки окончательной, бывающихъ удѣломъ душъ болѣе спокойныхъ. Одно чувство

преобладаетъ имъ вездѣ: тоска по гибнущемъ отечествѣ, и скорбь, что онъ не въ силахъ вырвать его изъ безднъ гибели! Чувство благородное, ибо любовь къ отечеству есть самая высокая, первая, безсмертная добродѣтель чловѣка общественнаго; но, штъ не менѣе, дарованіе принимаетъ онъ эшого направленіе частное, и уже не развивается въ полной, свободной силѣ своей. Вошъ недостатокъ всѣхъ сочиненій Уго Фосколо, недостатокъ жизни его, отразившійся во всемъ, что дѣлалъ, писалъ, чувствовалъ онъ. Эшого недостатка замышленъ, или, лучше сказать, явленъ и въ сочиненіи его: *Письма Ортиса*.

Тоже волненіе, коимъ была ознаменована жизнь Уго Фосколо, волненіе души, пребывающей чего-то и не удовлетворенной ничѣмъ, знаменуетъ и сіе созданіе. Нѣкоторые кришки рѣшительно говорили, что *Письма Ортиса* есть подражаніе Гётеву *Вертеру*, ибо въ обоихъ сочиненіяхъ одинакія лица, одинакая завязка, одинакій ходъ; но другіе утверждаютъ, что мнѣніе сіе неосновательно, и что, писавши свой романъ, Уго Фосколо даже не читалъ еще *Вертера*. Мы не можемъ рѣшить сего спора, но думаемъ, что Авторъ *Писемъ Ортиса* могъ сочинить свой романъ и не читавши *Вертера*, ибо, во-первыхъ, два писателя могутъ вѣствоваться на одинакой почвѣ зрѣнія, въ одинакихъ обстоятельствевахъ, и создашь нѣчто одинакое; во-вторыхъ, *Письма Ортиса* сходны съ *Вертеромъ* болѣе наружно, чѣмъ внутренно. Германскій Поэтъ изобразилъ одну страсть, въ посвященномъ

ея развитіи, и письма Вертера суть не иное что, как дневникъ пламенной страсти, ведущей ко гробу. Напрошивъ, Писатель Итальянскій изображаетъ борьбу многихъ страстей, и кто скажетъ, что главная изъ нихъ есть любовь? Прежде всего, онъ хотѣлъ выразить нѣсколько патристическихкихъ мыслей, и во время угнетенія своего отечества не могъ представить ихъ иначе, какъ закрывъ посторонними предметами. Если принять сіе положеніе (а оно совершенно справедливо), то упрекъ въ подражаніи разрушается самъ собою, ибо въ поэтическомъ созданіи форма не главное. Можно взять событіе, которое уже было изображено поэтически, и представишь его въ новомъ видѣ, создашь вновь. На этомъ основана вся Историческая Поэзія. Судьба Ифигенія, бѣдствія Эдипа, Коріоланъ, Карлъ Смѣлый, и множество другихъ историческихкихъ и мифологическихкихъ предметовъ, были обрабатываемы разными писателями; но кто упрекалъ ихъ въ подражаніи другъ другу? Правда, что упреки сіи слышались и слышатся искони, но отъ такихъ людей, которыхъ мнѣнія въ дѣлѣ критики значатъ не много. Великаго Гёте обвинили въ кражѣ предмета для *Германа и Доротен* и для *Reineske Fuchs*. Даже *Вертеръ* его былъ почитаемъ заимствованіемъ изъ *Новой Элоизы* (*).

(*) «Безъ Элоизы не существовалъ-бы и Нѣмецкій *Вертеръ*. Основаніе романа тоже, и многія положенія (situations) въ *Вертерѣ* взяты изъ Элоизы; но въ немъ болѣе натурны.» *Сотин. Карамзина*, Т. III. стр. 157-я.

Но это все равно, что назвать жизнь Кромвеля подражаніемъ Юлію Цезарю, а Наполеона подражаніемъ Александру Великому. Логика шаже.

Оставимъ этотъ споръ, который не ведетъ ни къ чему при оцѣнкѣ поэтического произведенія. Будемъ смотрѣть на *Письма Ортиса* просто какъ на произведеніе оригинальное, и мы убѣдимся, что его породила душа самобытная, но угнетенная, подавленная страстями и отношеніями. Для насъ, иностранцевъ, недоступна красота слога сего романа. Читая его, въ подлинникъ-ли, или въ переводѣ, мы видимъ

. . . разыгранный Фрейшлицъ
Перстами робкихъ ученицъ.

Но Итальянцы восхищаются самымъ изложеніемъ въ романѣ Фосколо. Слогъ его созвученъ всѣмъ волненіямъ страстей, одушевляющихъ и лица, и самого Автора. Еще болѣе восхищаетъ ихъ патрістическій жаръ, сверкающій въ каждомъ примѣненіи, въ каждомъ облачкѣ задумчивости сего Писателя. И дѣйствительно, если посторонняя цѣль вредитъ всему созданію его, то она же даетъ ему и очарованіе неизъяснимое. Вообразите Итальянца, благороднаго, возвышеннаго, пылающаго подобно его Везувію, въ задумчивости, надъ гробомъ отечества, ибо деспотизмъ Наполеона, и вообще Французовъ, былъ гробомъ жизни Италіи. Надобно умѣть переселяться во всѣ положенія, во всѣ страсти, надобно много космополитическаго чувства, чтобы понять сію прелесть намъ, незнакомымъ съ подобными ощущеніями, возросшимъ въ

славъ народной , и почитающимъ себя выше всѣхъ прошивностей судьбы.

Посему-то , мы не думаемъ , чтобы романъ Уго Фосколо обратилъ на себя вниманіе у насъ въ Россіи. Его прочтутъ и поймутъ немногіе , и въ этомъ будетъ виноватъ самъ Авторъ , сдѣлавшій произведеніе свое слишкомъ одностороннимъ , слишкомъ Итальянскимъ и современнымъ.

Мы никогда не почитаемъ нужнымъ излагать содержанія разсматриваемой книги , если это романъ , ибо такія изложенія похищаютъ и у публики и у Автора многое ; штъ менте станемъ мы излагать содержаніе *Писемъ Ортиса*. Довольно указаній , которыя сдѣланы выше сего.

Жизнь Уго Фосколо была безпокойна и несчастлива. Онъ родился въ 1773 году , близъ острова Занза , на фрегатѣ. Послѣ ученія домашняго и университетскаго , подѣ руководствомъ Чезаротти и другихъ извѣстныхъ ученыхъ , онъ нѣсколько времени шелъ дипломатическимъ путемъ , былъ въ военной службѣ , и вслѣдствіе многихъ непріятностей долженъ былъ оставить свое отечество. Последние годы свои провелъ онъ какъ изгнанникъ , въ Англіи , гдѣ и умеръ въ 1827 году. Важнѣйшія сочиненія его , кромѣ *Писемъ Ортиса* : *Рѣчь къ Лионскому Конгрессу* (Orazione a Bonaparte pel congresso di Lione) , превосходное произведеніе новѣйшаго краснорѣчія ; Трагедія : *Тіестъ* , сочиненный имъ на 20-мъ году жизни ; Ricciarda ; Ajace ; Discorso sul teatro di Dante , образцовое произведеніе кришкики , и

наконецъ другое, большое сочиненіе о Дантѣ, изданное послѣ смерти Автора. Кромѣ того, Фосколо написалъ множество стихотвореній лирическихъ, изъ коихъ многія прекрасны. Въ послѣднее время онъ помѣстилъ въ Англійскихъ *Обозрѣніяхъ* нѣсколько статей, ошлщающихся изыскашельно-стію, умомъ и превосходнымъ изложеніемъ.

— *Система Логикъ*. Сочиненіе Фридриха Бахмана. Переводъ съ Нѣмецкаго. *Часть вторая*. СПб. 1832. Въ т. К. Крайя, 429 стр. in-8.

Въ 20-й книжкѣ Телеграфа на 1831-й годъ, мы упоминали о появленіи въ свѣтъ *Первой Части* сего важнаго сочиненія. Съ особеннымъ удовольствіемъ извѣщаемъ о появленіи *Второй*, которою заключается Русскій переводъ, ибо Г-нъ Переводчикъ не посчелъ нужнымъ переводить третью часть Бахманова сочиненія, гдѣ находится *Исторія Логикъ*. Можешь быть особенныя причины заставили Г-на Переводчика удовольствоваться двумя частями; но тѣмъ не менѣе публика наша терпѣтъ хорошую книгу въ третью часть Бахмановой Логикъ. Впрочемъ, двѣ части содержатъ въ себѣ всю Логикъ, то есть все, что написалъ Бахманъ собственно о Наукѣ.

Мы слышали, что книга сія введена въ Духовныя Училища. Если это справедливо, то — честь и слава просвѣщенному Начальству Духовныхъ Училищъ! Оно поняло прежде другихъ нашихъ учебныхъ заведеній, что время Баумейшеровой Логикъ миновалось, и что настала новая эпоха ученія,

когда необходимы такія философскія , безпристрастныя изложенія Науки , какъ Бахманово изложеніе Логики.

Вторая Часть сія переведена шодь-же искусно и тщательно, какъ *Первая*. Подвигъ немаловажный.

ЗАМѢЧАНІЯ

оъ Индійскомъ Архипелагѣ (*).

Острова Индійскаго Архипелага были первоначально населены , вѣроятно , выходцами съ Азійскаго материка , и конечно изъ странъ , находящихся между Сіамскимъ заливомъ и Кишаемъ. По крайней мѣрѣ таково мнѣніе общее. Оно подтверждается преданіями , и сношеніями , кажется , су-

(*) Извлеченныя изъ книги: *Memoirs of the life and public services of Sir Thomas Stamford Raffles*. London 1830. Реффлесь былъ Губернаторомъ остр. Явы съ 1811 по 1816 годъ , и Бенкулена съ 1817 по 1824. Его *Исторія остр. Явы*, пролившая новыи свѣтъ на первобытную Исторію Индійскихъ островитянъ , извѣстна всему ученому міру. Реффлесь род. въ 1781 году, посреди моря на кораблѣ; скончался въ Лондонѣ , въ 1826 году.

ществовавшими въ древнѣйшія времена между главными государствами Индійскаго Архипелага и Королевствами Сіаомъ, Лаосомъ и Чампоу. Въ томъ-же удостовѣряють нѣкоторыя сходныя черты въ характерѣ, языкѣ и обычаяхъ тамошнихъ различныхъ народовъ. Въ наше время не лзя дѣлать основательныхъ предположеній о времени первыхъ переселеній съ материка : когда восточный полуостровъ будетъ лучше извѣстенъ, тогда, можетъ быть, узнаемъ многое.

Отъ кого получили первую образованность дкія племена, поселившіяся на островахъ сего Архипелага: отъ Египетскихъ, или Индійскихъ выходцевъ? Вопросъ, не разрѣшенный удовлетворительно; однакожъ, нѣтъ сомнѣній, что острова сіи были посѣщаемы купцами Восточной Индіи. По всей вѣроятности, Молуккскіе острова, изобилующіе пряными распеніями, прежде другихъ возбуждали корыстолюбіе Индійскихъ купцовъ и получали отъ нихъ нѣкоторую образованность. Языкъ жителей сихъ острововъ, превосходящій надъ языкомъ жителей острововъ соседственныхъ, и писмена, даже и теперь носяція на себѣ нѣкоторый признакъ Санскритскаго происхожденія, показываютъ довольно ясно, что тамъ зажглась первая искра образованности. Вскорѣ островъ Целебесъ началъ также пользоваться симъ преимуществомъ, и быстро превзошелъ въ образованности ближніе острова. Начальники онаго, вспомошествоваемые предприимчивымъ духомъ подданныхъ и страстью ихъ мореплаванію, простирали свое вліаніе къ сѣве-

ру до Филиппинскихъ острововъ, а къ западу до Малаккского пролива. По преданіямъ, ошъ одной изъ ихъ экспедицій произошло названіе *Малайцевъ*. Когда Савира Гедингъ, славнѣйшій воитель Целебескій, говоритъ преданіе, простирая свои завоеванія на западъ, тогда, восходя съ флотою по одной изъ рѣкъ острова Суматры, онъ былъ опшавленъ нѣкошорыми изъ воиновъ своихъ. Они соединились съ шуземцами и основали во внутренности острова государство Менагкабу. Эши воины принадлежали къ самому нисшему классу жителей, и Савира Гедингъ употреблялъ ихъ для доставленія на флотъ дровъ, почему и назвали ихъ *Малай*, ошъ словъ: *Мала*, приносишь, и, *Ай*, дрова. Ошъ сихъ-то бѣглецовъ, прибавляетъ преданіе, произошли Малайцы. Сходство между Целебесцами и Малайцами въ наружныхъ черпахъ, характеръ, обычаи, нарядъ, и презрѣніе къ Малайцамъ, донныя сохранившееся въ жителяхъ Целебеса, кажется, подтверждаютъ сіе происхождение. Какъ-бы то ни было, но Малайцы, обитающіе на полуостровѣ Малаккѣ и островахъ Зондскихъ, такъ-же какъ жители острововъ: Целебеса, Борнео и Молуккскихъ, должны быть почитаемы однимъ и тѣмъ-же народомъ, который говоритъ однимъ языкомъ, и сохраняетъ народный характеръ и обычаи, хотя разбросанъ на обширномъ пространствѣ. Надобно замѣшить, что исключая государство Менагкабу, находящееся во внутренности острова Суматры, Малайцевъ находишь только на берегахъ различныхъ острововъ, нами упомянутыхъ. Внутреннія земли сихъ острововъ, и полуострова Малакки, на-

селены народами, совершенно ошанчными отъ Малайцевъ, говорящими инымъ языкомъ, употребляющими письма, не похожія на Малайскія, и имѣющими свои собственныя установленія.

Во всѣхъ странахъ Малайскихъ, относительно богослуженія, установленія брака и наследства, соблюдаются законы Курана, съ большею или меньшею правильностью, смотря по степени вліянія, какое имѣли шамъ Арабы, обратившіе Малайцевъ къ Исламизму. По всѣмъ другимъ предметамъ законодательства слѣдуютъ народнымъ уставамъ, составленнымъ въ разные времена начальниками странъ Малайскихъ, и называемымъ *Ундангъ-Ундангъ*, что значить: установленіе. Каждая, нѣсколько пространная область, имѣетъ свой *Ундангъ-Ундангъ*; однако всѣ сіи уставы согласны въ главнѣйшихъ пунктахъ, и разность ихъ состоитъ только въ немногихъ, легкихъ измѣненіяхъ, сообразныхъ мѣстности. Нѣкоторые *Ундангъ-Унданги* почти исключительно говорятъ о предметахъ финансовыхъ и торговыхъ, какъ-то объ образованіи шажоженъ и постановленіяхъ касательно морскихъ пристаней; другіе, напротивъ, относятся къ важнѣйшимъ частямъ законодательства гражданскаго и уголовнаго; законы о невольничествѣ занимаютъ во всѣхъ значительное мѣсто.

Важнѣйшія области Малайскія, на восточномъ берегу острова Суматры, суть: Сіакъ, Палембангъ, и Ахимъ. Законодательство сего послѣдняго королевства отличается чрезвычайною строгостью уголовныхъ законовъ, которые, вѣроятно, были

Мартъ 1832.

9

первоначально заимствованы у древнихъ туземцевъ, но послѣ приняты всѣми Малайцами пролива Малаккского, и можешь быть вѣншали жителямъ кровавыя расположенія, замѣчаемыя въ ихъ нравахъ.

Главныя области Малайскія на полуостровѣ суть: къ западу Гуэда, Малакка, Хогоръ; къ востоку Трингано, Пашани и Пагангъ.

Малайцы полуострова вѣрнѣе нежели островитяне сохранили народный характеръ, нравы и обычаи. Обитая въ странѣ, гдѣ природа снабжаетъ ихъ безъ труда всѣмъ необходимымъ, они безпечны до крайней степени: какъ скоро у нихъ есть нѣсколько рису, для удовлетворенія голода, тогда ничто не можешь принудить ихъ къ работѣ. Привыкнувъ съ малолѣтства носить оружіе, видѣшь собственную безопасность въ личной своей храбрости, и спрашиться также одной храбрости, Малаецъ умѣетъ повелѣвать своими страстями и скрывать свои впечатлѣнія; но шѣмъ не менѣе онъ чувствуетъ малѣйшее оскорбленіе, помнитъ его, и если отлагаетъ на время свою месть, то никогда не отказывается отъ нея вовсе. Любя выше всего независимость самую неограниченную, онъ ненавидитъ правильныя формы образованныхъ обществъ, и если его хотяшь ограничить ими насильно, онъ бѣжитъ въ лѣса, и предпочитаетъ лишенія, трудности дикой жизни всѣмъ наслажденіямъ, кошорыя должно купить пожертвованіемъ свободы.

Вообще Малайцевъ укоряють въ предашельствѣ, свирѣпыхъ нравахъ, спрасии къ грабежу, и въ не-

насытнѣмъ корыстолюбію; и все это не безъ основанія. Различныя причины способствовали къ укорененію между ними сихъ пороковъ: во-первыхъ междоусобія, коимъ часто подвергаются всѣ Малайскія области, потому что правители оныхъ не имѣютъ власти, достаточной къ поддержанію спокойствія, и потому что нѣтъ закона, которымъ руководствовались-бы въ порядкѣ насильствованія, что даетъ поводъ къ кровавымъ спорамъ при всякой перемѣнѣ правителя; во-вторыхъ, домашнее рабство, со всѣми своими пагубными слѣдствіями, какъ-то войнами, которыя безпрестанно происходятъ у различныхъ предводителей, единственно съ тою цѣлію, чтобы имѣть плѣнниковъ и продавать ихъ въ рабство; въ-третьихъ, недостатокъ въ гражданскихъ и уголовныхъ законахъ, общихъ всѣмъ областямъ Малайскимъ, и недостатокъ въ торговыхъ установленіяхъ, предупреждающихъ произвольные поборы въ морскихъ пристаняхъ; наконецъ, привычка къ морскому грабежу.

Морской грабежъ не только не почитается у Малайцевъ преступленіемъ, но и находится еще въ славѣ, въ почести; это, по ихъ мнѣнію, самое приличное занятіе для сыновей начальниковъ, и для молодыхъ, благородныхъ людей; это средство къ обогащенію, употребляемое ими послѣдними. Начало зла относится къ временамъ ошдаленнымъ: всѣ древнѣйшія пѣсни и преданія Малайцевъ прославляютъ морскихъ разбойниковъ и начальниковъ разбойническихъ экспедицій. Исламизмъ не только не истребилъ склонности Малайцевъ къ морскому

грабежу, но еще и укрѣпилъ ее, сдѣлавъ, такъ сказать, закономъ, ибо Шенхи и Сеинады Арабскіе, распространяющіе на Востокъ религію Мугаммеда, прежде всего стараются внушать, что нѣтъ ничего сшоль праведнаго, какъ грабить и убивать невѣрныхъ; но, поелику главные народы восточнаго материка, какъ-то Сіамцы, Кишайцы, Кохинхинцы, и большая часть племенъ, населяющихъ острова восточные, не приняли Исламизма, то Малайцы всюду находятъ случай заниматься морскимъ грабительствомъ, не упрекая себя въ совѣстности. Они такъ привыкли къ этому занятію, что развѣ многочисленный и сильный флотъ заставитъ ихъ отказаться отъ онаго.

Съ-каждымъ военноплѣннымъ обращаются Малайцы какъ съ рабомъ, и тотчасъ употребляютъ его къ домашнимъ занятіямъ, или велятъ ему беречь сшада и обрабатывать землю. Но шуть положеніе его еще не слишкомъ шягостно: оно становится гораздо хуже, когда господинъ продаетъ его купцамъ Арабскимъ, Кишайскимъ или Голландскимъ, что и дѣлаетъ онъ тотчасъ, какъ скоро дають ему порядочную цѣну. Морской разбой и судбные приговоры дѣлають снабжають рынки невольниками; первый пошому, что люди съ купеческихъ кораблей, взятые разбойникомъ, всегда дѣлаються рабами, а вторые пошому, что законъ наказываетъ потерей свободы многія пресшупленія и даже простую несостоятельность должника. Къ несчастію, высокая цѣна рабовъ сильно подшрекаетъ корыстолюбіе Малайскихъ начальниковъ, побуждая

ихъ всевозможно размножашъ судебныя приговоры и распри съ сосѣдями. Почти на всѣхъ купеческихъ корабляхъ Арабовъ служащъ невольники, и когда господа ихъ имѣють надобность въ напросахъ, то обыкновенно они похищаютъ людей, хитростью или силою, на тѣхъ островахъ, къ коимъ пристають для торговли или для покупки провизіи.

До введенія Исламизма на Востокъ, Малайцы сдѣлали уже много успѣховъ въ образованности, и, какъ мы уже сказали, у нихъ были установленія, по видимому принадлежащія къ отдаленной древности. Сіи установленія имѣють болѣе сходства съ Индійскими уставами, чѣмъ съ законами Исламизма, и Малайцы, даже принявшіе религію Мугаммеда, крѣпко привержены къ онымъ. Отъ сего происходитъ всегда упорная борьба, между приверженцами къ древнимъ Малайскимъ установленіямъ, и Гаджами и Шенхами, которые желали-бы совершенно истребить оныя и замѣнить обычаями Мусульманскими. Вообще, Мугаммедово ученіе не успѣло глубокихъ корней на островахъ Востока. Въ внутренности земель почти исключительно господствуетъ идолопоклонство; только на берегахъ есть Мусульмане, но и шѣ, находясь въ частыхъ сношеніяхъ, или съ Китайцами, которыхъ множество въ окрестности, или съ Европейцами, показывають гораздо меньше нетерпимости, чѣмъ Мусульмане Арабскіе, Турецкіе или Персидскіе, и не очень величаются строгимъ исполненіемъ обрядовъ, предписываемыхъ Кураномъ.

БАТТАСМ.

Сей народъ обитаетъ на островѣ Суматрѣ, занимающаго довольно большое пространство земли, ограниченное къ сѣверу Королевствомъ Ахимскимъ, къ югу Королевствомъ Менаггабу, къ востоку и западу моремъ. Въ округахъ прибрежныхъ почти нѣтъ жилищей, но во внутренности сплошныя деревни, и все народонаселеніе простирается до двухъ милліоновъ душъ. У Баттасовъ есть правильный образъ правленія и народныя собранія, гдѣ важную роль играетъ краснорѣчіе. Баттасы храбры, гостепріимны, чрезвычайно опікровенны и пріемодушны въ дѣлахъ. Языкъ и письмена ихъ, такъ-же какъ законы и обычаи, нахвещаются, имѣютъ признаки Индійскаго происхожденія; не лзя сказать того-же о ихъ религіи. Они признаютъ Всевышняго Бога и поклоняются ему, называя его Дибата Асси Асси, обожая при нисшія существа, созданныя имъ, и называемыя: Башара Гуру, Сири Пада и Мангала Булень. Народъ сей, какъ видимъ, довольно образованный, ибо у него письмо и чтеніе въ общемъ употребленіи, народъ сей — чело-вѣкоядцы! Это показалось-бы невѣроятнымъ, если-бы не было рѣшительно утверждено свидѣтельствомъ Сира Томаса Реффлеса, который посѣтилъ страну Баттасовъ, объѣзжая островъ Суматру, и былъ тамъ принятъ дружески. Начальники народа сказывали Сирѣ Томасу, что соображеніе ихъ ѣдая мясо чело-вѣческое не имѣетъ склонности, и не

отъ заѣрства правоу, но единственно исполняя законы и установленія своихъ предковъ, и стараюсь не удалиться отъ древнихъ обычаевъ. Законъ даетъ имъ право ѣсть непріятелей, убишыхъ въ сраженіи и взяшихъ въ плѣнъ. Онъ также осуждаетъ нѣкоторыхъ преступниковъ бытъ съданными за-живо. Преступленія, за которыя изрекають сей приговоръ, суть: нарушение супружеской вѣрности, ночная кража, и бракъ Бамбаса съ женщиною одного и того-же поколѣнія, почитаемый кровосмѣшеніемъ. Въ этихъ различныхъ случаяхъ, обвиняемый судится своимъ поколѣніемъ. Если признають его виновнымъ, то начальники, помѣшавъ дни два или три, приглашаютъ народъ какъ-бы на празднество. Обвиненный выводится на публичную площадь и привязывается къ столбу. По данному знаку, обвинитель прежде всѣхъ подходитъ къ нему и отрѣзываетъ ему уши; за нимъ слѣдуютъ другіе, съ ножами; каждый отрѣзываетъ у несчастнаго какую нибудь часть шкуры, и на мѣстѣ съѣдаетъ ее. Въ заключеніе, когда уже все сожрано, начальник отрѣзываетъ голову осужденнаго и съ торжествомъ уноситъ ее, тщательнo сохраняя изъ сей головы мозгъ, которому приписываютъ чудесную силу. Женщины исключены изъ этого ужаснаго празднества, пошму что право ѣсть мясо человѣческое принадлежитъ однимъ мужчинамъ. Хотя сіи послѣдніе предпочитаютъ его всякой другой пищѣ, но ѣдятъ только въ случаяхъ, предписанныхъ закономъ. Впрочемъ, какова-бы ни была причина осужденія, но обиженная сторона всегда имѣетъ власть спасти виновнаго отъ страшнаго наказанія и да-

ровать ему жизнь: въ семь случаевъ онъ дѣлается рабомъ обвинителя. Сиръ Томасъ Шамфордъ справлялся, часто-ли случаются сіи казни; ему отвѣчали, что въ Таппанули, главномъ мѣстѣ государства, бываешь оныхъ отъ пятидесяти до шестидесяти въ годъ. По великому числу череповъ, видѣнныхъ имъ передъ домами, въ деревняхъ, черезъ которыя привелось ему протѣзжать, онъ заключаетъ, что казни сіи должны совершаться часто, во всей странѣ Башшасовъ, развѣ за исключеніемъ мѣстъ, находящихся въ сосѣдствѣ Европейскихъ колоній. Начальники поколѣній Башшасовъ неохотно отвѣчали Сиру Томасу на вопросы о подобныхъ предметахъ, и онъ увѣрился, что они почти стыдятся сами своего варварскаго закона. Въ самомъ дѣлѣ, законъ сей рѣзко противорѣчитъ ихъ правамъ, широкимъ и крошечнымъ.

У Башшасовъ есть нѣчто въ родѣ духовнаго начальника: онъ называется Са Синга Мага Раджа, и живетъ въ Бакарѣ. Ему должно наблюдать нѣкоторую воздержность, напримѣръ не ѣсть свинаго мяса и не пить *туаги*, крѣпкаго напитка, весьма любимаго Башшасами. Хотя онъ и не окруженъ большимъ великолѣпіемъ, однако его уважають за сверхъестественную, приписываемую ему силу. Въ общественныхъ бѣдствіяхъ народъ обращается къ нему и проситъ его заскупленія.

Островъ Пуло Ніасъ.

Онъ находится къ западу отъ Суматры, подъ первымъ градусомъ сѣверной широты, и подъ 95°

восточной долготы отъ Парижскаго меридіана. Почва его чрезвычайно плодородна; холмы покрыты дѣсами кокосовыхъ и другихъ, прекраснѣйшихъ деревьевъ; въ долинахъ родится рисъ, каршофель, анъ, перецъ и кофе.

Рису, масла, кокосовыхъ орѣховъ и перцу вывозится съ сего острова въ годъ почти на 45,000 рупій; продажа невольниковъ ежегодно доставляетъ около 70-ши или 80,000 рупій. Въ сѣверной части острова торговля находится въ рукахъ Малайцевъ и купцовъ Акимскихъ, заведшихъ поселенія при гаваняхъ острова. Особенно Малайцы умѣли заслужить довѣренность туземныхъ начальниковъ, которыхъ не хотѣли и дѣла имѣть съ чужеземными купцами иначе, какъ черезъ ихъ посредство. На югѣ острова жители сами торгуютъ съ кораблями, приходящими въ ихъ гавани.

Дома на Пуло Ніасѣ деревянные и по наружности хороши; деревни достойны вниманія по своей чистотѣ: онѣ находясь на высотахъ и сообщаясь между собою по дорогамъ, обсаженнымъ деревьями. Въ каждой деревнѣ есть двѣ общественныя бани: одна для мужчинъ, другая для женщинъ. Оружія, употребляемыя жителями, и шкани, въ которыхъ они одѣты, приготовляются на самомъ островѣ, и снѣпень ихъ совершенства показывается довольно высокое процвѣтаніе фабрикъ.

Жители Пуло Ніаса высоки ростомъ, красивы и стройны. Они дѣйствительнѣе и сильнѣе нежели большая часть шропическихъ народовъ; характеромъ кровожаденны; жадны къ корысти, но щадительно

соблюдаютъ свои обязательства и не знаютъ снѣсти къ игрѣ, столь общей между жителями восточныхъ острововъ. Государство ихъ раздѣлено на множество округовъ и поколѣній, концы начальники, независимые одни отъ другихъ, часто бывають въ войнѣ. Сіи начальники обладаютъ властію почти безграничною и почитаются владѣльцами земли. Законы у нихъ строги: убійство, непозволенное обращеніе съ женщинами и кража наказываются смертію, или невольничествомъ для всего семейства преступника; всѣ другія преступленія имѣють возмездіемъ простую пеню.

Торговля рабами есть истинная пагуба для острова Пуло Ніаса: ихъ вывозятъ ошшуда ежегодно около тысячи пяти сотъ, и по большей части покупають ихъ купцы Кыпайскіе и Ахимскіе. Упомянутыя нами осужденія, и право кредиторовъ продавать несостоятельныхъ должниковъ, доставляютъ много невольниковъ; но требованіе тѣмъ не удовлетворяется, и потому (въ чемъ сознаются сами Раджи, или начальники) большая часть выводимыхъ невольниковъ бывають лишены свободы совершенно незаконно. Корысть и просьбы купцовъ заставляють Раджей употреблять всѣ возможные обманы, хитрости, и часто даже насиліе, для доставленія себѣ невольниковъ и удовлетворенія своего корыстолюбія.

Когда купецъ проситъ у Раджи довольно большое число невольниковъ, за долги, сдѣланные жителями округа, то ему обыкновенно отвѣчаютъ: «Теперь нѣтъ невольниковъ, но если подождешь нѣ-

сколько дней , то сотню дамъ.» Послѣ этого , начальникъ немедленно посылаетъ къ Раджамъ внутреннихъ земель , и вскорѣ къ нему приводящъ назначенное число невольниковъ. Вѣроятно , Раджи внутреннихъ земель достаютъ ихъ , глядя за ними , какъ за дикими звѣрьми. По крайней мѣрѣ достоверно , что прибытіе кораблей купеческихъ къ Пуло Ніаса , служитъ знакомъ къ грабежу и насилію внутри острова.

Жители Пуло Ніаса не много знаютъ идей религіозныхъ. Впрочемъ , они вѣрятъ Всевышнему Сущему , называя его Сумбанъ Кишъ , или властителя неба ; но понятія ихъ о немъ чрезвычайно сбивчивы. Въ домахъ у нихъ есть деревянные идолы , родъ Ларъ , ошъ конхъ ждущъ они какого-то покровительства , но не обожаютъ ихъ. Они также вѣрятъ волшебству и чарамъ. Когда надобно утвердить договоръ или обѣщаніе торжественною клятвою , они отрѣзываютъ голову у свиньи , и просятъ у неба такой-же смерти тому , кто измѣнитъ данному слову. Замѣчательно , что религіозныя вѣрованія жителей Пуло Ніаса имѣютъ мало общаго съ вѣрованіями , вообще господствующими на Востокѣ. Изъ этого было-бы можно заключить , что островъ сей съ ранней поры былъ лишенъ сообщенія съ материкомъ , и что по своему положенію онъ уклонился ошъ вліянія религій , въ разные времена господствовавшихъ въ Индіи. Исламизмъ внесенъ сюда уже очень поздно ; да онъ и не сдѣлалъ много прозелитовъ. Европейцы никогда не покушались основать поселенія на этомъ остро-

въ. Онъ часто подвергается вторженіямъ морскихъ разбойниковъ; онъ испытываетъ всѣ бѣдствія, слѣдующія неотступно за торгомъ невольниками; однакожь онъ находится на такой степени процвѣтанія, которая даетъ высокое понятіе о дѣятельности и промышленности жителей.

Островъ Целебесъ.

Главные орды на островъ Целебесъ, суть Макасары и Бужун. Они храбры, предприимчивы всѣхъ другихъ народовъ Восточныхъ, и столь славны своею вѣрностью, что владѣтели Сіама, Камбоджіа, и прочихъ государствъ, нанимають ихъ цѣлыми отрядами въ шлохранители себя.

Извѣстно, что на всемъ Востокѣ, единственныи образъ правленія есть деспотизмъ единовластный. Но въ нѣкоторыхъ частяхъ острова Целебеса встрѣчается и совершенно другой видъ правленія: это избирательная монархія, которая ограничена наследственною аристокраціею. Въ ашихъ государствахъ предоставлено Совѣту, болѣе или менѣе многочисленному, и составленному изъ избранныхъ членовъ старшихъ фамилій, назначать Короля, однакожь съ тѣмъ условіемъ, чтобы Король непременно принадлежалъ къ семейству Королевскому. Тотъ-же Совѣтъ завѣдываетъ финансами и назначаетъ перваго Министра; онъ имѣетъ право даже отнять у Короля его корону. Безъ согласія Совѣта, Король не можетъ принять никакой важной дѣлы. Должности высшаго народоправителя и главнокомандующаго арміею тамъ существовать не

могутъ вѣстѣ; но если Король, въ военное время пожелаетъ самъ предводительствовать войсками, то ему позволяютъ отречься на время отъ престола, и на мѣсто его назначаютъ Регента, который, вѣстѣ съ Совѣтомъ, управляетъ государственными дѣлами. По окончаніи войны, Король слагаетъ съ себя предводительство арміею, и снова восходитъ на престолъ. Довольно странный обычай, что женщины и малолѣтніе могутъ быть возводимы въ высшія достоинства государственных: тогда Верховный Совѣтъ назначаетъ къ нимъ попечителя или помощника, который и правитъ должностями, принадлежащими имъ по названію. Начальники областей назначаются Королемъ; ихъ власть ограничена Совѣтомъ, раздѣляющимъ съ ними обязанности управленія.

По всей вѣроятности, прежде говорили на островѣ Целебесѣ однимъ языкомъ; но вслѣдствіе политическихъ переворотовъ, соперничающія государства, Гоа и Бони, сдѣлались главными на островѣ, и отъ сего установились два различныхъ нарѣчія. Макаassarское, которымъ говорятъ въ Королевствѣ Гоа, чрезвычайно нѣжно, хотя и не такъ богато, какъ нарѣчіе Буджи, употребляемое въ областяхъ Королевства Бони. Письмена въ обоихъ нарѣчіяхъ почти одинаковы. Въ Макаassarскомъ согласныхъ болѣе нежели въ нарѣчіи Буджи; въ обоихъ прибавляютъ къ словамъ, кончающимся на согласную, букву *а*, или *о*, дабы смягчить произношеніе.

И на языкѣ Буджи, и на Макаassarскомъ есть много сочиненій: это или краткія Исторіи различ-

ныхъ государствъ острова Целебеса , со времени введенія Исламизма , что совершилось въ шестнадцатомъ столѣтїи ; или *Галигасы* , какъ называющія собранія древнихъ преданій ; или пѣсни и поэтическія произведенія , прославляющія любовь, войну и охоту. Есть также истолкованіе Курана , и много сочиненій, переведенныхъ съ Яванскаго и Китайскаго языковъ.

Свѣдѣнія сіи находящіяся въ перепискѣ Сира Томаса Реффлеса. Они чрезвычайно замѣчательны своею новостью, и еще шѣмъ , что достоверны въ высокой степени, ибо не много людей имѣли столь удобные случаи наблюдать предметы, описываемые Сиромъ Томасомъ , и, еще сверхъ того, немногіе имѣли его просвѣщенный умъ и взглядъ. Въ заключеніе , представляемъ сдѣланное имъ описаніе знаменитаго дерева *Богонъ-Упасъ*.

« Дерево , доставляющее славный ядъ *Упасъ*, растетъ въ округѣ , находящемся на восточной оконечности острова *Явы*. Оно принадлежитъ къ классу Лянневыхъ Монаесіа. Это одно изъ величайшихъ деревьевъ , расшущихъ въ лѣсахъ острова *Явы*: стволъ его возвышается на шестьдесятъ и даже на восемьдесятъ футовъ ; вокругъ его нѣтъ вѣтвей. Оно покрыто бѣлою корою , которая надѣ почвы имѣетъ болѣе дюйма толщины. Когда кору надрѣзать , то изъ надрѣза вытекаетъ большое количество соку , похожаго на молоко : изъ него-то приготавливаютъ ядъ *Упасъ*. Приготовление яду есть

шайна , извѣстная только жителямъ того округа , гдѣ растетъ сіе дерево ; изъ внутренней кожицы молодыхъ деревъ сего рода дѣлають шканъ , обыкновенно носимую бѣдными людьми. Одежда изъ такой шкани невыгодна , ибо если ее намочишь дождь , то она производитъ жестокой свербѣжъ. Когда срубають старое дерево , такъ что изъ него вдругъ выходитъ много соку , то оно дѣлаеть окружающую атмосферу вредоносною : приближающіеся къ ней получаютъ сыпь , впрочемъ не столько опасную , сколько непріятную. Исключая сей случай , къ Богонъ-Упасу можно прибавляться , и даже взлѣзать на него , безъ всякой опасности. Несправедливо , будто оно умерщвляетъ всѣ окружающіе прозябаемыя. Оно бываетъ окружено шравою и растеніями , такъ-же какъ и всякое дерево. Ядъ , пригошляемый изъ Богонъ-Упаса , причиняетъ неминуемо смерть.

УСТАВЪ КАЗИМІРА,

Короля Польскаго (*).

Казиміръ Божію милосшію Король Польскій, Великій Князь Литовскій и Русскій, Княже Пруское и Жомоншоскый и иныхъ. Чинимъ знаменито симъ нашимъ листомъ. Эшо какъ посмотришь или чтучи услышишь. Ижъ мы съ Князьми и съ Паны Рады нашего Великаго Князьства Литовскаго и съ всемъ посполешвомъ согадавши оурядили семо шакъ шшо слицомъ прівѣдушъ тапя: Будешли чимъ плашиши ино заплашиши испинну. Пакли чого оу домоу не будешъ. А будешли то жона вѣдала здѣши оужо и зрослими жоною и дѣши заплашиши самага нашибѣнцію. А шшо боудушъ малыи дѣши ниже семи годовъ шын (sic.) вшомъ невинно. Пакли злодѣи неимѣши будѣшъ чимъ плашиши ино и лица оу дворъ не пмашъ. Воротиши испсцю оу кого оукрадѣно. И просоки по-

(*) Списанный однимъ изъ знапоковъ древностей Русскихъ и Польскихъ, и важный для Истории нашей Юриспруденціи. Мы за долгъ почитаемъ благодарить почтенную особу, доставившую сей любопытный актъ для помѣщенія въ Телеграфъ. *Изд.*

ловину вергнути а злодѣа на обѣщеніе, а просока по
 сшарому. А вкого будетъ украдѣно шшо судьи прі-
 судяшъ. Ино право заплашиши истцю а пономъ
 исподаръ шаши шюю віну свою бери, а коли выда-
 душъ жоноу любо дѣши шашинѣй. А оу коцѣ судьи
 скажюшъ, а пономъ возможшъ ли ся вину піті а
 любо Осподаръ ихъ усхочешъ выкупіші и онъ мо-
 гушъ ся выкупити. А боудешъ ли шого дому ста-
 рыхъ шаши шого и онъ домовыми спашны плати.
 Олидобы не было чимъ плашити здому ино жоною
 и дѣши платити какъ у верхоу пісано. А коли бы
 злодѣи шшо оу кого оукравъ, а и гдѣ украдено, шамъ
 его оухващяшъ сѣіцомъ о онъ удомъ не прінялъ, жона
 и дѣши шого не поживали, злодѣй шерпи а жона и
 дѣши и домъ ихъ невіненъ. А коли злодѣй издому оу-
 крадешъ шшо и потѣряешъ а либо шшо извесшъ, о
 кромѣ жоны и дѣшей, или домовыми спашкы, шшо
 шого шаши вхосное заплашити, а жона и дѣши и
 спашкы женѣки опѣ шого порожни. А коли чело-
 вѣкъ оузлодѣйствъ оупадешъ, а будешъ сподаръ его
 шое вѣдалъ, а любо и снимъ оудѣлъ имѣлъ, а боу-
 дѣшъ на шо доводъ и тошъ такъ шерпятъ какъ ко-
 торый злодѣй. А которы боудешъ лежні держати
 оу своемъ дому тайно, а сусѣдно околици не опо-
 вѣдашъ, а вшомъ часоу шшо оу кого изганешъ, а
 боудешъ на шо давашъ аже лежніи дряжалъ: ино
 дати помоу ранъ другимъ и шрешни, ижбы шого
 лежня поставилъ а ихъ себѣ извѣлъ. А пакли на ранъ
 на посѣднни не пославилъ, заплашити, а шого ищи,
 а нашодъ и праву поставити, недѣи исправляется,
 а шо оуже заплачено. А коли бы нашъ челоуѣкъ а
 виноу далъ Князькому, или Паньскому или Болар-

скому чоловѣку, а въ кошоромъ повѣше надъ нашимъ ли намѣстничествомъ, или Тивуньствомъ, и нашему Намѣстнику, а любо Тивоуноу обослаши и жбы нашему чоловѣку сталися право, а пакли оускочешъ на обши слѣдъ ино имъ на обши судъ пуспишъ и ранъ даши. А боудешли на нашомъ чоловѣцѣ, Князь-кый или Паньскый или Боярскый люджи чого искаши ино тому соудъ а право предъ нашими намѣстники и шивоуны, кошорый ошъ насъ гдѣ дрожащъ. А нашимъ оурядникомъ даши право на обѣ стороны. А кошорому чоловѣку Князькому или Паньскому или Боярскому до Князькыхъ и до Паньскихъ или до Боярскихъ людей дѣло ино эшо ищешъ на комъ. Ъхати ему искаши правомъ предъ Осподаремъ его, а не оудѣлаешъ ли права ино обчи судъ ранъ положить со обоу сторонъ, а вожды оудѣлати и справедливости. Пакли будешъ нѣкоторыи ошводиши, ино намъ даши децькою, а коли злодѣя выдадушъ исправу, а чимъ его оузымятъ казниши по его дѣломъ. А кому шатя выдадуюшъ, а шотъ не оускочешъ его казниши, а оускочешъ на немъ заплашоу побрати а его пуспиши, а любо его собѣ вневолу вѣзати, а на то будешъ доводъ, то шоуже исправу высту-паетъ и намъ и спаны радою нашею. Великаго Князьсшва Лишовскаго, о томъ погадавъ какъ его казниши, а исказниши его чого будешъ достоинъ, а надъ злодѣемъ милости не надобѣ. А хто оукра-дешъ выше полукопья, а любо каровоу шого оузвѣ-чиши. А кошорый пѣрвое оукрадѣшъ, а дошуля будешъ некрадывалъ, ино за первую шашьбу виною его казниши, аже будешъ ниже полтины, домовыи рѣчи кралъ, домовымижъ рѣчами плавши, хошя

пань пѣрвѣ оукралъ , ано его обѣснн. А которыи
хотя первое оукралъ , а паньская шѣшба коня оу-
кралъ слнцомъ привѣдоушъ шого узвѣснн. А коли
шаша привдушъ и на кого сонъ усочншъ , а домоу-
чатся шашьбы , а боудешъ перво шого крадывалъ и
кому плачнвалъ , а околиця та будешъ вѣдашъ и
безнця обѣснн. А пакн сонъ усочншъ на шого
а лнца не будешъ , а пѣрво будешъ , оукралъ. И
околиця будешъ первое его злодѣйство вѣдашн , а
будешъ нѣкому не плачнвалъ , нно ллашншн ему
шатбоу нстнцю и внну. А смертноу внною не
казнншн коли шашъ дасться на муку зеліе злое а
знанннкы будутъ добрыи на него , сонъ усочншъ ,
а будешъ пѣрвѣ и шого крадывалъ , а либо мучн-
валъ , а нсвѣдомо шо околицн , нно шого зелейніка
хотя не домучашся , нно его обѣснн. А коли еслн
паробькн оукрадушъ шшо оукого. А какъ оусемъ
лншу верху пісано , какъ за которую шашьбу каз-
нншн , коли первое украдѣшъ нно его не вѣшашн
и заплашншн бондоу его , а не будешъ бонды , нно
Осподаръ за него заплашншъ , а паробка казнншн
и пробншн , а коли нмѣлъ часто краснн послѣ шо-
го выше подукопья , нно его оузвѣснн. А шакожъ
кому будешъ до кого какое дѣло боудешъ земно дѣ-
ло нно вѣданы побратнн. А боудоушъ ннын которын
дѣла , нно суднн побратнн , а нскашн правомъ а по-
рубовъ и наездовъ не надобъ нкому же чннншн. А
которын бы самн собѣ порубы дѣлали , а либо на-
езды и чнннлн , нно комоу сталася крнвда шощъ
нмаешъ ся намъ жаловашн. И пакн не прнгодншся
нашъ у Велікомъ Князьствѣ Літвьскомъ , и онъ нма-
ешъ паномъ радѣ нашой жаловашн. И велешн предѣ

собою мощно поставитъ. А и досмотрѣть боудѣтъ ли шо того чинимъ. А оусадити его оуказнь и держати до нашего несчастнаго приеханія бо шошь исправа земьского. А надъ права сягнулъ какъ верху писано , мы пань саяемъ ся съ паны радою нашою Великого Князьства Литовскаго смошримъ того , какою казнью того казниши. А коли бы два мѣлся правовашъ а озьмоушь собѣ ѣздоки и соуан, ино оучинити имъ ронъ , а даши вѣдомо за чопыри недѣли , штобы ся оба два згашовили атомуу рану передъ шми судьи , судьямъ и ѣздокомъ тамъ выѣхати на реченое мѣсце. А которыи бы изъ двоу шыхъ сущажаевъ , не выѣхалъ шошь безъ суда виновашъ , а которыи выѣхалъ того оправити вшомъ чого будешъ искаши. И ажъ коли пригодилася бы наша земьская слоужба , а либо болѣсть шымъ того не испрашишь. А коли бы хто коня а либо клячу знашолъ блоудящую , или инныи которыи речи изнайденныи , сповѣдаши околиця незнайдесть лица испецъ до 3-хъ дновъ ино повѣсти на Королевскый Дворъ по давномуу до пѣреемъ свой возми. А пакли которыи упаштъ восхочешъ собѣ покорышловашъ а боудешъ на то доводъ , шошь шакый злодѣй какъ который будешъ люди выводити , а либо челадъ невольною , а увашатъ слѣцомъ , того нашибѣнцію , а изнайдестьли сонъ , ино шомуу право , какъ у семъ листу верху писано потому его судити. А пакожъ гдѣ которыи мосты мошівали , за дядю нашего Великаго Князя Вишовша и за Великаго Князя Жинимонша , шу бы и инѣ каждыи свои мостовници замостили и задѣлали какъ надобѣ , а штобы не мѣшкали сегожъ лѣта удѣлали. А на чьей дѣланицы

щекота ся станешъ , образишь ногу изломишь , шо-
моу плашишь. А пакли которыи незадѣлають сво-
иѣ дѣльницѣ сего лѣта , а исплошишь шомъ ис-
права выступишь , на томъ намъ вины десять руб-
лей. Проможъ како у семъ нашомъ листу выписано,
по шому бы еше листу рядили.

А исшого не выступали (*).

(*) Выписано изъ находящейся въ Румянцовскомъ
Музеѣ *Кормчей книги* (№ 3, въ концѣ. Въ сей-же
Кормчей находилъсѣ и хорошій списокъ *Устава о су-
дахъ церковныхъ*). Не это-ли узаконеніе называесть
Г-нъ Воспоковъ (*Разсужденіе о Славянскоиъ азыкъ*,
въ ч. XVII *Трудовъ Общества Любит. Росс. Словесн.*,
стр. 48 и сл.) Судебникомъ Казимира (IV), Короля
Польскаго, принадлежащимъ Графу Н. П. Румянцову?
Но Г-нъ В. приводитъ изъ Судебника нѣкоторыя слова,
конхъ здѣсь нѣтъ, какъ то: *Судебникъ, Судомиръ*.

С М Ъ С Ъ.

Объ изданіи новыхъ книгъ. — Мы получили извѣстія, что въ скоромъ времени будутъ изданы на Русскомъ языкѣ слѣдующія любопытныя книги :

1-е. *Serapionovy bratya*, сочиненіе Гоффмана. Одинъ молодой Русскій ученый, живущій по дѣламъ службы въ Ревелѣ, перевелъ сію книгу, которая шеперь или печатается, или очень скоро поступитъ въ печать. Онъ прислалъ намъ ошрывки изъ своего перевода: читатели наши увидятъ ихъ въ слѣдующихъ книжкахъ Телеграфа, и безъ нашего предупрежденія увѣрятся, что Русскій переводъ очень хорошъ. Появленіе одного изъ лучшихъ сочиненій Гоффмана, во всей самобытной красотѣ онаго, будетъ истиннымъ праздникомъ для читающей публики Русской, ибо изъ Французскаго перевода она не можешь получить полного, вѣрнаго понятія о неподражаемомъ Гоффманѣ. Лёв-Веймаръ, Французскій переводчикъ, при всемъ искусствѣ своемъ, не такъ передавалъ Гоффмана, какъ-бы надлежало. Въ доказательство упомянемъ, что переведя изъ самой *Serapion's Bröder*, нѣсколько повѣстей, онъ оставилъ безъ перевода большую половину книги, кажется,

не имѣя для этого причины. Онъ выкинулъ изъ нея разсказъ, связывающій повѣсти, и смѣшалъ переведенное съ отрывками изъ другихъ сочиненій Гоффмана; сверхъ того, изъ самыхъ повѣстей, нѣкоторыя онъ оставилъ, а изъ другихъ выпустилъ не только цѣлыя страницы, но и цѣлые эпизоды. Не по такому плану трудился Русскій Переводчикъ. Онъ перевелъ всю книгу, вполнѣ, какъ она есть. Такихъ-то переводовъ и желаемъ мы, ибо настало время изучать гениальныхъ писателей не поверхностно. Книга сія будетъ любопытна не для однихъ незнакомыхъ съ Нѣмецкимъ языкомъ, но и для тѣхъ, кто читалъ ее въ подлинникѣ, и кто желаетъ чувствовать на родномъ языкѣ тѣ идеи, тѣ образы, которые пѣлиаи его въ чужомъ мірѣ.

2-е. *О винодѣліи и винной торговлѣ въ Россіи*, сочиненіе П. И. Кеппена.

Мы получили отъ почтеннаго Автора слѣдующее извѣдомленіе о новомъ, важномъ трудѣ его:

«Книга сія поступила въ печать. Посвятивъ нѣсколько лѣтъ сочиненію оной, я успѣлъ воспользо-ваться матеріалами, доступными не для каждаго изъ нашихъ писателей. Кромѣ официальныхъ свѣдѣній, и рукописныхъ, уцѣлѣвшихъ для насъ документовъ, я изложилъ по сему предмету все, что могъ обрѣсти какъ въ отечественной Исторіи, такъ и въ иностранныхъ сочиненіяхъ, всѣ извѣстія объ употребленіи вина, о торговлѣ онымъ и о мѣрахъ къ разведенію винограда съ древнихъ временъ понынѣ. Надѣясь, что любители отечественной

Исторіи и Статистики не откажущъ мнѣ въ справедливой и снисходительной оцѣнкѣ сего труда, я имѣю честь уведомить ихъ, что книга сія будетъ содержать въ себѣ, по исчисленію типографщика, отъ 20-ти до 22-хъ печатныхъ листовъ. Типографія обѣщается довершить печатаніе сего сочиненія въ Августѣ мѣсяцъ сего года.»

Вмѣстѣ съ симъ Авторъ прислалъ намъ обзорніе предметовъ, вошедшихъ въ составъ его книги. Выписываемъ изъ онаго нѣкоторыя главы, желая болѣе познакомить читателей нашихъ съ новымъ трудомъ Г-на Ксппена: Отдѣленіе I. Похвалы винограду и вину, встрѣчаемыя въ Русскихъ лѣтописяхъ и народныхъ пѣсняхъ. — Первые извѣстія объ употребленіи винъ въ Россіи. — О древней торговлѣ винами. — Вина церковныя; вина Французскія. — О поддѣлкѣ винъ. — Нынѣшнее состояніе виношорговы въ Россіи. — О разведеніи винограда въ Астрахани. — Попеченія Петра о винодѣліи. — Садовая Коншора въ Астрахани. — Извѣстія путешествовавшихъ Академиковъ о виноградникахъ въ Россіи. — Учрежденіе казенныхъ училищъ винодѣлія. — Усовершенствованіе винодѣлія въ Крыму. — О количествѣ вина, выдѣлываемаго въ Россійской Имперіи. — О сорсахъ винограда, разведенныхъ въ Крыму, въ Астрахани, въ Кизлярѣ, въ землѣ Войска Донскаго, въ Югозападной Россіи. — О мѣстахъ, способныхъ для разведенія винограда и для винодѣлія въ Россіи. — Исчисленіе нѣкоторыхъ средствъ къ распространенію и улучшенію въ Россіи винодѣлія, и проч. и проч.

Мы выписали означеніе весьма немногихъ спашей книги Г-на Кеппена; но изъ немногихъ указаній видно уже, что сочиненіе сіе будетъ полезно и важно, какъ для хозяевъ, такъ для Сташишниковъ и даже для занимающихся Исторіею.

Подписка на книгу Г-на Кеппена принимается: въ *С. Петербургѣ* у А. Ф. Смирдина, въ книжномъ его магазинѣ; въ *Москвѣ* у А. С. Ширяева, и въ Коншортъ Московскаго Телеграфа. Цѣна *шесть рублей ассигн.* за экземпляръ.

Во Французскихъ Журналахъ объявляютъ, что вскорѣ будутъ изданы, книгопродавцемъ Госселе-номъ, любопытныя книги: *Исторія Великобританіи*, сочиненная В. Скоштомъ, Дж. Мекиншошемъ и Т. Муромъ, въ переводъ Г-на Дефокопире; романы: *Стелло*, сочиненіе Альфреда де Виньи, *Литтературная жизнь*, сочиненіе Жанена, и еще много другихъ, возбуждающихъ пріятныя надежды произведеній современныхъ писателей. Вообще нынѣшній годъ у Французовъ богатъ литературными явленіями. — Для насъ Рускихъ интересно, что Госселенъ, между прочимъ, обѣщаетъ издать *Петра Выжигина*, въ переводъ Г-на Ферри де Пиньи, и — кто-бы думалъ? *Князя Курбскаго*, сочиненіе Б. М. Оедорова, переведенное тѣмъ-же! Ясно напечатано въ объявленіи: *Le Prince Courbysky, par Fedoroff, 4 vol.* — Мы, Рускіе, имѣемъ еще самое неясное понятіе объ этомъ романѣ, и даже не знаемъ, на-

писанъ-ли онъ, а Французы объявляютъ его уже въ переводѣ!

— *О церковномъ пѣніи въ Симоновомъ Монастырѣ.*—
Во многихъ мужскихъ монастыряхъ Греко-Россійской Церкви, пѣніе имѣетъ свой особенный характеръ, истинно сообразный священнымъ обителямъ опшельниковъ. Но Московскій Симоновъ Монастырь представляетъ рѣдкое явленіе въ семь родѣ. Попеченіями одного изъ братьевъ знаменитой обители Симоновской (уваженіе къ высокой скромности не дозволяетъ намъ наименовать сего необыкновеннаго человека), тамъ составленъ хоръ, коего пѣніе возвышаетъ душу и переноситъ слушающаго въ какой-то неземной, священный міръ. Голосовъ не много; но гармонія ихъ такъ уладившаяся, характеръ ихъ пѣнія такъ соотвѣтствующій священнымъ словамъ, возглашаемымъ во время священнослуженія, что, кажется, искусство не много можетъ идти далѣе. Это привлекаетъ въ каждый праздникъ, и особенно въ дни достопамятныхъ служеній (какъ-то на Спирасной недѣлѣ, во время Пасхи, и проч.), безчисленное множество благоговѣйныхъ слушателей. Ни отдаленіе, ни погода неблагоприятная не удерживаютъ жителей Москвы отъ посѣщенія Симоновскаго Монастыря: тамошній храмъ всегда полонъ усердныхъ мошельщиковъ, ибо превосходное пѣніе братьевъ располагаетъ душу къ молитвѣ истинно благоговѣйной, и къ забвенію всего мірскаго. Кто не имѣлъ еще наслажденія слышать Симоновскихъ пѣвчихъ, тому советуемъ отправиться туда при первомъ случаѣ. Высокій

Покровитель всего прекраснаго, Государь Императоръ, въ бытность Свою въ Москвѣ прошедшею осенью, удостоилъ слушать пѣніе брашна Симеонова Монастыря, и приказалъ изъявить имъ Свое Высочайшее благоволеніе.

Извѣстія изъ Tobольска.

Пишутъ изъ Tobольска, что тамъ ожидаютъ скораго полученія полуприбора метеорологическихъ инструментовъ, заранее гордятся надеждою, что тамошняя атмосфера, столько тысячъ лѣтъ дичавшая безъ ученой отчетности, будетъ введена въ общую табель наблюдательной науки. Сею услугою г. Tobольскъ будетъ одолженъ просвѣщенной заботливости Г-на Генераль-Губернатора Западной Сибири И. А. Вельяминова, который потчасъ, какъ было ему доложено о начавшейся продажѣ вѣрныхъ инструментовъ изъ инструментальной палаты Академіи Наукъ, поспѣшилъ выпискою ихъ, дабы положить начало неоспоримымъ наблюденіямъ. Спозднее пріятно упомянушь при семъ случаѣ, что, уже нѣсколько лѣтъ, Tobольскіе любители чтенія пользуются важными книгами изъ библіотеки сего-же достопочтеннаго главнаго Начальника и соревнователя просвѣщенія. Иные изъ Русскихъ представляютъ Сибирь то странною невоздѣланною, наравнѣ съ Березовымъ или Обдорскомъ, то странною неосмотрѣнною — пускай ихъ представляютъ! Но мы

(Сибиряки) честь имѣемъ удостоверить, что площадь Тобольской губерніи, въ настоящее управленіе, снята топографически, въ уѣздахъ: Тюменскомъ, Ялуторовскомъ, Курганскомъ, Ишимскомъ, Тарскомъ и частію Тобольскомъ, подобно какъ на всемъ пространствѣ Омской Области, и снята съ точностію и искусствомъ. Нынѣшнею весною (1832 г.) началась военно-топографическая съемка въ Тюкалинскомъ уѣздѣ, равно и въ степныхъ округахъ. Такимъ образомъ, отъ оз. Чановъ и крайнихъ предѣловъ степи, до самаго слиянія Иртыша съ Обью и до Туринска, къ С. З., вся поверхность земли перейдетъ въ картоны Депо Картъ и Главнаго Начальства Западной Сибири. Можетъ-ли Сибирь не чувствовать благой попечительности мудраго Правительства и совершивша воли его? (Сообщено).

НАМЕРЬ-ОБСКУРА.

№ 5.

ОБЩЕСТВО БЕЗЗУБЫХЪ ЛИТТЕРАТОРОВЪ.

(Окончаніе).

Лишь только крышя дрожжи Г-на Городничаго показались на углу улицы, люди, стоявше на стражѣ, дали знать Гуру Филашичу и Аѳесу Насоновичу. Они, съ другими Членами, опсправились встрѣчать знаменишаго поспышеля у крыльца, и торжественно ввели его и супругу его въ залу. При первомъ шагѣ ихъ, капельмейстеръ ударилъ линейкою, и страшно заревѣли трубы, лишавры, басы, скрипки. Игранъ былъ прелестный Польскій, Верстовскаго: *Что если-бы однакожъ я, и тогда дѣвушкой родился.* Къ музыкѣ пристали голоса, и хоръ запѣлъ слѣдующія слова, сочиненныя Гуromъ Филашичемъ:

П о л ь с к і й.

О Музы ! вознесите гласъ —
Грядешъ, грядешъ вашъ покровитель,
Грядешъ обрадовать онъ насъ ,
Въ сію ученія обихать!

Съ нимъ Музы пляшуть и поють,
И громко, громко восклицаютъ ;
Ему вѣнки лавровы вьютъ ,
Супругъ счастья желаютъ.

Ликуй, ликуй, нашъ славный градъ ,
И рѣки радостно пекутъ !
Насталъ часъ славы и ошрадъ ,
Наукъ, ученія защищъ.

Мы рады всѣ чашать , писать ,
Другіе жертвовать гошovy ,
И станемъ градъ нашъ просвѣщать ,
Честь, славу шѣмъ получимъ новы !

Всѣ присутствовавшіе были чрезвычайно довольны , ибо , замѣтите , Гуръ Филапытъ въ стихахъ своихъ искусно умѣлъ польстить самолюбію каждого. Во время пѣнія понесли на подносахъ чай , кофе , и проч. — Это угощеніе касалось однако-же только первыхъ рядовъ собравія , не пошому, чтобы скупились, и не хо-

пѣли угощаніе всѣхъ бывшихъ въ залѣ, да и по Уставу положено угощаніе всѣхъ безъ различія; но до заднихъ рядовъ не могли никакъ и ничего донести: сидѣвшіе въ первыхъ рядахъ все сѣдали, выпивали, и кромѣ того, прятали еще въ карманы и ридикюли конфекшны и фрукшны. Это, говоряшъ, и въ столицѣ, на большихъ торжественныхъ праздникахъ, бываешъ. Подумаетъ, что гости ничего сроду въ глаза не видывали: шакъ рвутъ они съ подносовъ, что желая донести подносъ до главныхъ гостей, обыкновенно сидящихъ впереди, служитель припужденъ поднимать его выше головы. Впрочемъ, у насъ всѣ остались довольны: и сидѣвшимъ назади доспалось по чашкѣ чаю, хотя уже спиваго и жидкаго, а шакже по конфекшѣ. Объ этомъ забошилось нѣсколько молодыхъ Сотрудниковъ, кошорые за шо и приняты въ Общество, что у нихъ есть бѣлые, шелковые тулкі, башмаки, и шапо-клаки. Имъ въ обязанность поставлено угощать посѣщителей въ торжественныхъ собраніяхъ.

Пока играла музыка, пѣли пѣвчіе, и ѣли и пили посѣщители и Члены, сѣвшіе вокругъ стола, пріятно было разсмотрѣть собраніе.

Впереди предспавлялся намъ длинный столъ, покрытый сукномъ, на кошоромъ спояли великолѣпные бронзовые подсвѣчники, съ восковыми

свѣчами , и чернилицы , съ перьями , а также лежали книги и бумаги. Вокругъ него сидѣло болѣе 20-ти почтенныхъ Членовъ , сидыхъ и полусидыхъ , въ мундирахъ , фракахъ , съ разнообразными физиогноміями , на которыхъ однакъ одинаково были начерпаны важность , глубокомысліе , умъ. — Яркое освѣщеніе залы , музыка , пѣніе , служители и Сопрудники, угощавшіе публику , и песнрая толпа посѣтителей, увеличивали важность и великолѣпіе. Тушъ въ первыхъ рядахъ , въ полныхъ мундирахъ, сидѣли чиновники, Г-нъ Городничій, также дамы ; за ними шорчали бороды купцовъ , подлѣ шляпокъ дамъ; тамъ видѣнъ былъ пучекъ семинариста, подлѣ кудрей на головѣ франца, и длинныхъ косицъ и несприженной головы студенса. Испанская бородка и закрученные усы ошпавнаго гусара , въ венгеркѣ , являлись рядомъ съ тоненькими бакенбаршами, питочкою протянутыми опѣ ушей ко рпу приказнаго, одѣтаго въ вицъ-мундиръ, и пѣшивую головою сельскаго дворянина, въ нанновомъ фракѣ , или густыми , распрепанными бакенбаршами, сюршучкомъ и палочкою проѣзжаго изъ Москвы помѣщика. Смотри на все это , невольно приходила въ голову мысль , что собраніе наше есть настоящее изображение Русскаго общества.

Наконецъ , музыка и пѣніе умолкли. Громкія рукоплесканія раздались въ залѣ. И они проле-

шли, какъ все пролещаетъ въ здѣшнемъ мѣрѣ. Тогда Секретарь началъ чтеніе протокола обыкновеннаго собранія Общества, бывшаго предваришельно. Вотъ онъ :

« 18... года, ... дня, Общество беззубыхъ императоровъ имѣло свое первое, предварительное, обыкновенное собраніе, въ которомъ,

1, былъ прочитанъ и подписанъ Членами Уставъ Общества.

2, Членъ А. О. Подликовъ предложилъ изъяснить Гурѣ Филашовичу Спиходушину и Асету Насоновичу Грамовдову благодарность, за труды, подъятыя ими при составленіи Устава. Положено : Секретарю приготовить проектъ сей благодарности, и рассмотреть оный въ особомъ Комитетѣ.

3, Избранъ балопродавцемъ въ Президентъ Общества Гурѣ Филашовичъ Спиходушинъ (сладуетъ резать всѣхъ другихъ чиновниковъ, избранныхъ изъ Членовъ Общества).

4, Президентъ Общества предложилъ, что покровительство просвѣщенію и любовь къ наукамъ почтеннаго Г-на Городничаго обязываютъ Общество покорнѣйше просить Его Благоудіе принять на себя званіе Почетнаго Члена. Положено : предославить Президенту загото-

вишь бумагу по сему дѣлу, и войдши въ надлежащія сношенія съ Его Благородіемъ.

5, Представлены пожертвованные купцомъ Долгосумовымъ 15 рублей, Тугоуховымъ 2 рубля серебромъ, неизвѣсною особою джигана спулѣвъ, съ кожаными подушками, помѣщицею Громкокриковою щетка и пара щипцовъ, а мѣщаниномъ Усердовымъ 100 рублей. Положено: Г-дъ Долгосумова и Тугоухова причислишь къ Благотворителямъ Общества, на чію и заготовишь имъ дипломы; Г-жѣ Громкокриковой и неизвѣстной особѣ изъявишь (и изъявлена) благодарность; а мѣщанина Усердова, хотя и слѣдовало-бы причислишь къ Благотворителямъ, но такъ какъ онъ мѣщанинъ, то Общество сего сдѣлать не можетъ, допустивъ въ среду сословія, гдѣ участвуетъ лучшее дворянство и богатое купечество. Поэтому деньги его взявъ, а ему предоставишь право, если онъ выйдетъ въ купцы, искашь тогда званія *Благотворителя* Общества.

6, Библіотекаръ представилъ пожертвованныя отъ разныхъ особъ книги, а именно: *Похороженія Мирамона*; *Альманахи: Цефей, Вѣнокъ Грацій, Альбомъ Сѣверныхъ Музъ, Улыбка весны, Майскій листокъ, Уранія, Сиріусъ, Зимцерла, Сѣверная Лира*; книги: *Способъ, извѣданный опытомъ*, превратитъ въшреную и упря-

ную жену въ постоинную и послушную ; *Сказка о двѣнадцати бутылкахъ* , о вѣдьмѣ , прохажемъ мальчикѣ , купцѣ , и прохажемъ солдатѣ ; *Нравственная соль* , шо ешь : случаи , мысли , и изрѣченія , изъясненныя полишмически , юридически , и индѣ исторически , но съ вѣкошорою умѣренною криптикою , при чемъ помѣщено 36 снѣшекъ для любопытшества ; *Цветки Цицерономъ* ; *Студентъ Клаусъ кандидатъ* ; *Котъ во адѣ* ; Трагедіи : *Пьянство* , *Храбрые повара* , *Эдипъ Царь* ; Комедіи : *Дворянствующейся купецъ* ; *Рогоносецъ по воображенію* ; *Женихъ битъ и доволенъ* ; *Кто въ кого родится , тому на томъ жениться* ; *Мощенники* ; *Прибытіе Наполеона во адъ* , и другія . Положено : изъявишъ (и изъявлена) пожертвовавшимъ благодарность .

7 , Секретарь представилъ о необходимосшмъ имѣть для Общества Адресъ-календарь . Положили : выдать Секретарю сумму , сколько потребуется на покупку , и деньги записать въ расходъ .

8 , Президентъ объявилъ , что Казначей представилъ ему о сдѣланіи крючковъ къ книжнымъ шкапамъ ; но какъ онъ призываемыхъ къ поругу масперовъ объявлена цѣна высокая , шо и просилъ онъ сдѣлать окончательное распоряженіе . Положено : уполномочить Казначея сдѣлать

переторжку, и о послѣдующемъ представившъ Обществу.

9, Представлены пожертвованія: бюстъ Сократа и чучела мыши. Положено: чучелу препроводить въ Музей, а бюстъ поставить въ залъ собранія; но какъ у сего бюста отбишъ носъ, то предварительно призвать хорошаго лѣщика, и носъ Сократу придѣлать.

10, Президентъ предложилъ, что такъ какъ, по неосторожности служителей; при метеніи комнашъ легко 'можеть бытъ что нибудь въ залъ собранія повреждено, то не должно-ли опрягать Экзекутора, дабы онъ всегда при метеніи находился? Положено: имѣть о семъ сужденіе въ слѣдующемъ засѣданіи Общества.»

По прочтеніи сего протокола, читано было письмо Гура Филашча къ Г-ну Городничему, и ошвѣтъ на оное. Прилагаю при семъ вѣрные списки съ шого и другаго.

П и с ь м о.

Позвольте мнѣ начать прошеніемъ прощенія Вашего Благородія, что я отвлекаю васъ отъ важнѣйшихъ занятій и дѣлъ; но, въ увѣренности на снисходительное и благосклонное ваше благоволеніе, осмѣливаюсь я дерзнуть имѣть счастье представивъ вашему благоусмотрѣнію,

какъ-то изъ послѣдствій чести жить буду все-
преданнѣйше изъяснишь.

Милость и покровительство, коими всегда ознаменовывалось великое поприще вашей до-
снотавной, и чести, и пользѣ опечесства по-
священной жизни, преисполняютъ сердце высо-
кими помышлениями о снисхожденіи вашемъ. По-
сему и дерзость моя, то есть, чтобы вы сдѣ-
лали честь Обществу беззубыхъ липтерапо-
ровъ, такъ-же какъ я всепокорнѣйше Вашему Бла-
городію объяснилъ уже, и за симъ въ крѣпкой
надѣждѣ обрадовать почтенныхъ моихъ сочле-
новъ. — Съ истиннымъ, наиглубочайшимъ по-
чтеніемъ, и высокою, совершенною преданно-
стію, имѣю счасіе пребыть наивсегда, В. Б.
и проч.

О т в ѣ т ъ .

Отношеніе ваше, отъ . . . числа, получен-
ное мною того-же числа, имѣвъ удовольствіе
прочитать, и очень пріятно, милостивый госу-
дарь мой, чтобы быть Членомъ Общества, ка-
ковое вы устроили, и тѣмъ наипаче, что сіе
очень лестно, чтобы быть въ такомъ обще-
ствѣ, поелику находишься въ собраніи почтен-
ныхъ людей, съ каковымъ чувствомъ я наве-
гда въ совершенномъ удовольствіи воспріимаю.
Съ ист. почтеніемъ, и проч.

По прочтеніи оных писемъ, всѣ Члены встали изъ-за стола, и пошли принести личную благодарность Г-ну Городничему, и поцѣловать ручку его супругѣ. Все сіе сопровождалось рукоплесканіями зритель, и было принято весьма благосклонно. За тѣмъ всѣ сѣли прежнимъ порядкомъ, и Гуръ Филамъ началъ приговариваться читать Рѣчь, на открытіе Общества. Пока онъ кашлялъ, оплевывался и ошмаркивался, зрители шолковали о томъ, какъ искусно, кратко и ясно сочинены были письма, и старались узнать: кто ихъ составилъ? Гуръ Филамъ мастеръ на Риторикѣ, стихи, и прозу литературную, но дѣловые и учивыя бумаги совсѣмъ не его дѣло, а также и Г-нъ Городничій — чиновникъ и судья ошличный, но до грамоты небольшой охотникъ. Вамъ, М. Г., должно быть извѣстно, что иное дѣло писать стихи и прозу, иное быть чиновникомъ и судьей, и опять таки иное *бумаги писать*. Въ нашемъ Училищѣ, скажу для примѣра, превосходно сочиняють ученики (не говорю уже объ учителяхъ) стихи и прозу, въ какомъ угодно родѣ. Дайте имъ только *тему*, какую хошите: опишеть пріятности весны; изобразить чувства умирающаго добродѣтельнаго человека; изложить прелесть прогулки; сочинить похвальное слово, кому нибудь, или, чему нибудь; показатъ славу Россіи, или доказатъ необходимость добродѣ-

ишли — все это игомъ сдѣлающъ, и прекрасно. О стихахъ я не говорю; потому, что пишу немного и пребудется смысла и учености. Обыкновенно, спаваясь сперва лѣсенкой рѣзми, подъ рядъ: *радость, мечта, сладость, красота*. Разумѣется, что послѣ этого прибрать спрочки къ приемамъ бездѣлка. Но, самый лучший ученикъ, вышедши изъ Училища, не умѣетъ написать простой, не-лиштературной записочки, не знаетъ даже правописанія, и письменно — умѣя разложить и сложить рѣчь Цицерона — не сдумѣетъ выпросить себѣ хлѣба порядочно. — Но Гуръ Филашичъ наконецъ крикнулъ: все умолкло, сотни ушей выпянулись, и онъ провозгласилъ:

«Коликое было-бы сіе величественное, и купно достойное умиленія зрѣлище, если-бы я могъ, сердца ваши, Мм. Гг., собравши, и души ваши соединивъ во едино, не только взору вашему васъ самихъ предсказать, но и изъясненіемъ оное дополнить, словами вамъ изобразить! Явилось-бы тогда усердіе ваше къ пользѣ и славіи ошества; показалось-бы тогда учаспіе ваше въ просвѣщеніи; означилось-бы соревнованіе бытъ сподвижниками добра; ознаменовалась-бы радость ваша, что въ снѣгахъ благословенной ошчизны начинаютъ процвѣтать Науки и Искусства, гремятъ лиры поэшовъ, раздаются зву-

ки индивидовъ , слышашся учености посвящен-
нымъ бесѣды и наслаждается взоръ, слухъ, вкусъ,
осязаніе и обоняніе Изычными Искусствами и
Художествами,

« Великое открылось , и преславное , для по-
шомковъ нашихъ дѣло : довершать начатое на-
ми , и сѣяныя нами сѣмена просвѣщенія соби-
рая , въ житницы ума складывать , и себя обо-
гащать ! Но славно и намъ , Мм. Гг. , быть дѣ-
лателями , на шомъ великомъ поприщѣ , кото-
рое открываетъ Наука , озаряетъ умъ , устраи-
ваетъ Искусство , созерцаетъ потомство , по-
кровительствуетъ Начальникъ нашего города и
его почтенные Сотоварищи , освѣщаетъ слава ,
облегчаетъ пожертвованіе , и упучиваетъ , опло-
дотворяетъ , взрываетъ , увлажжаетъ , и благо-
словляетъ наше и ваше усердіе ,

« Нѣтъ сомнѣнія , что великое опечесство ,
или лучше сказать , опчизна , то есть , городъ
вашъ , цвѣтетъ , благоденствуетъ , красуется
славою и просвѣщеніемъ . Кто смалъ-бы въ этомъ
сомнѣваться , того да причислитъ общій гласъ
къ измѣнникамъ , опчизно-ненавистникамъ и зло-
дѣямъ . Только отвергнувшій правы благіе и до-
бродѣтели праопеческія осмѣлятся сказать , что
мы не перегнали , не опередили всѣхъ наро-
довъ въ мірѣ ; что есть народы просвѣщеніе ,
богатѣе , добродѣтельнѣе , славнѣ насъ ; что

Европейскіе народы, всравненіи съ нами, не нищіе, не буины, не безбожники, не невѣжды. Я даже сомнѣваюсь: являть-ли будущіе вѣка что-либо намъ подобное! Раскроемъ-ли лѣтописи минувшаго: мы съ незапамятуемыхъ временъ блистали славою, богатствомъ и просвѣщеніемъ. Доказано, что языкъ Славянскій былъ потъ самый языкъ, коимъ говорилъ Адамъ. Предки наши, копьемъ и мечемъ вписавшіе имя свое въ Исторію, какъ говоришь Г-нъ Тапищевъ, переписывались съ побѣдителемъ свѣта, Александромъ Македонскимъ, и, вѣроятно, иногда уже обладали липптерапіурою, богашою и великою. Въ Холмоградѣ, гдѣ нынѣ почтовая станція Бронницы, на Петербургской дорогѣ, находилась главная библіотека, или книгохранилище Славянское. При Владимірѣ были уже у насъ Академіи; при Ярославѣ недоставало мѣста для книгъ въ Княжескихъ перемахъ. Возмемъ-ли послѣ шого нашу Лишптерапіуру—чего не находимъ? Исчислимъ-ли Пимшовъ, Орапоровъ, Ишпориковъ, Любослововъ, Любомудрцевъ нашихъ, отъ Симеона Полоцкаго до Трилуннаго, отъ Лазаря Барановича до Толмачева, отъ Поликарпова до Руссова, отъ Лызлова до Вознесенскаго, отъ Епифанія Славенецкаго до Меморскаго—колько именъ великихъ, коликое сіяніе вишійства, любознанія, мудровѣдѣнія!

«Честнолюбиво было-бы себя называть достойными послѣдователями таковыхъ мужей на поприщѣ Россійскаго слова, но если мы умолчимъ, то каменіе возопіюшъ. Здѣсь, Мм. Гг., вижу я цвѣтъ нашего Дворянства, Купечества, Разночинства, и радостно вопію: Се сыны пвом, возлюбленная отчизна! се сыны пвом!

«Сказалъ Сенека: Nulli praeclusa virtus est. Такъ и мы не исключимъ себя — поревнуемъ, подѣйствуемъ, не спершимъ, вырвемся, уйдемъ, убѣжимъ изъ предѣловъ молчанія. Возложимъ нашъ оиміамъ на алтарь просвѣщенія и Словесности, Наукъ и образованности.

«Вашего покровительства пребуемъ мы только, почтенный и знаменитый Начальникъ града, вашей благосклонности, Мм. Гг., вашего усердія, Благопворишеля! Безъ наградъ, безъ почестей ничего не лзя создать; такъ, какъ безъ дождя безплодствуюшъ нивы, безъ поощренія скудѣешъ поэзія, шупѣешъ наука, косноязычествуетъ проза, молчишъ Исторія, заблуждается Философія, и — даже умираешъ Грамматика.»

Гуръ Филашъчъ низко поклонился; музыка грянула; рукоплесканія поширали спѣшны залы. Въ заднихъ рядахъ даже кто-то закричалъ: *фора!*

Тотчасъ Квартальный пошелъ опискивать шалуна : эшо былъ Коллежскій Регистраторъ Петрогризовъ, очень умный и дѣловый человѣкъ, но зашибается хмѣлькомъ. Его увели. Чтобы утѣшить непріятное впечатлѣніе сего событія, Членъ Недопыкинъ началъ читать своего сочиненія басню : *Гора въ родахъ*. Къ сожалѣнію, онъ заикается. Самое эффектное слово, въ последнемъ стихѣ, послѣ вопроса :

Но что родилось, мнѣ скажите поскорѣе,
И поощажьте, и поощрите,
Не мучьте только лишь —

« Мышь ! » надобно было произнести сильно, напористо — а онъ заикнулся, и тщетно старался выговорить. Мы слышали только : *мы... мы... мь...* и видѣли усилія мускуловъ лица его, пока съ трудомъ вышло изъ его рта роковое слово — *мышь* !

Слѣдующая за тѣмъ пьеса : *Ода на заложеніе дома помѣщикомъ Золотохвостовымъ*, также переводъ Горациевой оды утѣшили за неудачу. Потомъ читано было ученое разсужденіе Агаша Насоновича, о томъ, что дважды два *только четыре*, а не пять. Оно было прекрасно, но немножко длиновато, и довольно таки надоемо.

Потомъ, какъ будто желая доказать, что Общество соединяетъ въ себѣ всякаго рода дарованія, молодой Сотрудникъ Грошевиловъ читалъ свою пьесу: *Воспоминанія* — самую романтическую. Особенно понравилась строфа:

Безумства юнаго безкрылыя желанья,
 Мечта минувшаго, тяжелый думы слѣдъ,
 Мои бывалыя, живыя бушеванья,
 Страсшей и призраковъ давно загложшій цвѣтъ,
 Обманъ надеждъ моихъ, и славы обольщенья,
 Любви, вина и слезъ живыя наслажденья —
 Васъ нѣтъ, давно васъ нѣтъ!

Тутъ приготовился было читать свое *Исследование о разлитіи комара отъ мошки*, Членъ Носоклюевъ. Но Общество не разочло, что собраніе продолжалось уже часа три, все было выпито и съѣдено, зрители большая часть зѣвала, и тихонько уходила. Когда-же Г-нъ Носоклюевъ началъ, то Г-жа Городничиха поднялась, за нею вспалъ Г-нъ Городничій, и всѣ вдругъ вскочили, загремѣли стульями. Гурь Филиппычъ велѣлъ замолчать Г-ну Носоклюеву, и со всѣмъ Обществомъ спѣшилъ провожать знаменитыхъ гостей.

Въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ было изъявлено ошъ Г-на Городничаго, и другихъ почет-

ныхъ постигшихъ, ихъ удовольствіе. На другой день Гуръ Филанитъ, съ нѣсколькими Членами, тѣмъ же вѣзъ ихъ благодарить, и сѣла у себя обѣдъ, гдѣ много было здоровъ Общества. Теперь во всемъ городѣ только и разговоровъ, что объ Обществѣ.

Вопшъ, М. Г., описаніе знаменитого события, доказывающаго любовь къ просвѣщенію, и успѣхъ его въ нашемъ городѣ. Если вамъ угодно будетъ помѣстить въ Камеръ-Обскуръ это описаніе, то я не премину доставлять вамъ извѣстія о дальнейшихъ успѣхахъ Общества. Они несомнѣтельны, послѣ того, что я имѣю честь изобразить вамъ, и сказать какъ о цѣли, такъ и о трудахъ Общества. —

—*—

ОБОЗРѢНІЕ

СОВРЕМЕННЫХЪ РУССКИХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

«Массену убили! Массену взяли въ плѣнь! Массену убили и сожгли!» Такъ восклицали газеты и Журналы, во время оно, когда Массена одерживалъ победы. Но храбрый защитникъ Генуи продолжалъ здравствовать и побуждать. Тоже говорили и писали о Русскихъ Полководцахъ, когда побѣдныя знамена Русскія развѣвались на берегахъ Рейна. Слѣдовательно, не новость поминальные клики и злобщанія людей побѣждаемыхъ. Это утѣшаетъ ихъ въ жребіи часто горькомъ и всегда непріятномъ. Не думая сравнивать съ историческими событіями нашихъ ничтожныхъ распрей, мы напомнимъ читателямъ, что поже случилось и съ *Московскимъ Телеграфомъ*, о которомъ противники его часто говорили и говорятъ, что онъ умираетъ, что онъ умеръ, что половина его показываетъ сухощу, чахощу, что веселія нападенія его на Коспромской слогъ и пустословіе недоумокъ отражаются въ ихъ глазахъ судорогами умирающаго,

что книжки его, въ коихъ печатаются статьи Книне, Гершеля, Марлинскаго, суть послѣднія дыханія больного, а не громкое и благородное опроверженіе ихъ ложныхъ предсказаній. Судьба, угодно было сыграть жестокою шраги-комедію! съ этими жеиророками; они сами сползались до сродна, скончались всѣ, до единаго, такъ что *Москоескій Телеграфъ*, о котораго протавники такъ явсто говорили, что они взяли его въ плѣтъ, убили и сожгли, осматривался къ 1831 году единственныи Журналомъ въ Москвѣ. Но въ тоже время вышла на журналное поприще пародная батарея Г-на Надеждина, названнал *Телескомъ*. Это названіе оказалось еще слишкомъ улыиымъ для такого Журнала; и съ нынѣшняго года онъ издается подъ заглавіемъ 1832-й *Телескомъ*.

Сказавъ читателю, что эиотъ Журналъ издается сочиницедемъ нѣвѣстныхъ статей *Вѣстника Европы*, въ коихъ обаннлн Русскихъ писателей шо въ проповѣданіи *нигиизма*, шо, естѣ матеріализма, шо въ *срамныхъ картинахъ*, шо въ нелюбви къ отечеству, и все эио боашавымъ, надушымъ, варварскимъ слогомъ, мы могли-бы избавишь себя отъ дальнѣйшихъ замѣчаній. Но издавая *Телескомъ*, Г-нъ Надеждинъ оказалъ въ своихъ статьяхъ невѣдніе; стоишь проследушно-жалкое, что читая Журналъ его, мы не разъ смѣились отъ чистаго сердца, и хошимъ заставить улыбуиуться нашимъ читателемъ:

Смѣяться право не грѣшно,
Надъ шутъ, что истинно смѣшно.

И какъ было не смѣяться!.. Начавши исторически излагать появленіе *Телескопа*, духовнаго наслѣдника *Галатея*, и *Вѣстниковъ Европы* и *Московского*, обративши на минушу къ прѣшлогоднеѣ исторіи его, то есть къ подвигамъ его въ 1831-мъ году. Разверните какую угодно книжку сего Журнала за 1831-й годъ, и исчислите всѣ ошибки, всѣ вздоры, наполняющіе оную!.. Для шутъ, и именно для шутъ, кто не читалъ сего уродливаго Журнала, или читавши былъ въ сладкой дремотѣ, загляните въ какой нибудь номеръ онаго, и замѣтите кой-что, мимоходомъ, ибо замѣчанія на все опилили-бы у насъ слишкомъ много времени и мѣста.

Вышелъ № 14-й *Телескопа* на 1831-й. Посмотрите: что въ немъ. *Замѣчанія о Дендерскомъ Зодіакѣ*, статья Г-на Гульянова. Не будемъ говорить о содержаніи сей статьи. Извѣстно, что Г-нъ Гульяновъ соперничаетъ съ Шамполліономъ и состоитъ въ числѣ Членовъ Россійской Академіи; но по-Русски онъ не пишетъ. Вѣроятно и сію статью онъ прислалъ къ Издателю *Телескопа* на Французскомъ языкѣ, а тотъ перевелъ ее. Не знаемъ, каково переведены фразы Г-на Гульянова; но по находящимся тутъ выпискамъ и переводамъ фразъ Шамполліона видимъ, что Г-нъ Надеждинъ ни сколько не

знаетъ Французскаго языка. Просимъ покорно вслушаться : Шамполлионъ говоритъ : « Les cartouches, renfermant ce titre sont presque toujours accolés, ou mis en rapport avec un second cartouche, contenant le nom propre des Empereurs. Mais quelquefois aussi on trouve ce mot dans des cartouches absolument isolés. » Издатель Телескова перелодитъ : « *Рамочки, заключающія сей титулъ, находящіяся почти всегда въ сопряженіи, либо въ сношеніи съ другою рамкою, заключающею собственные имена Императоровъ. Но иногда титулъ сей находящіяся также въ рамкѣ совершенно одинокой.* » Каково? Г-нъ Издатель не вѣдаетъ, что cartouche значить не *рамочка*, а *овальный обводъ*, *оваль*, украшеніе вокругъ надписи ; renfermant не *заключающія*, а *заключающія въ себѣ* ; accolés не *находятся въ сопряженіи* (по-Русски это неистинность), а *соприкасаются* ; mis en rapport не *находятся въ сношеніи*, ибо сіе послѣднее слово употребляется только въ отношеніи къ предметамъ одушевленнымъ или предполагаемымъ плаковымъ. Тутъ-же измѣнена мысль Шамполлиона, будто бы сказывающаго, что въ соприкасающемся овалѣ находятся имена Императоровъ; Французъ говоритъ: иль. Isolé значить не *одинокій*, а *отдѣльный*. Дайте словомъ *одинокость* переведено : particularité ; Zodiaque circulaire, (что значить : *круглый Зодіакъ*) назвать *сферическимъ Зодіакомъ*. Развѣ кругъ и сфера одно и тоже?.. Но вотъ еще блестящій прирѣзъ знанія Г-на Надеждина: «D'après la belle gravure, publiée dans la Description d'Egypte. . . » Какъ вы думаете переведены слова : la belle gravure? Прекрас-

ная *гравировка*! И *вошь* *вед. мрзза* *вполнѣ*! Судя по прекрасной *гравировкѣ*, изданной въ *Quintanin Египта* (Э!).) И такъ *Издатель Телескопа* не знаетъ, что *эстампъ* и *гравировка* такъ-же различны, какъ *книга* и *изданье*. *Шамволіонъ* говоритъ объ *эстампѣ*, находящемся въ *Описаніи Египта*, а нашъ ученый о *гравировкѣ*!

Но если плохо въ *Издателя Телескопа* знаніе Французскаго языка, то не лучше и знаніе иностранныхъ Литтературъ. Вотъ неоспоримое сему доказательство. Говоря (въ 14 N°) о повѣстяхъ Цшокке, онъ утверждаетъ, что «Цшокке есть одинъ изъ достойнѣйшихъ соперниковъ или сверстниковъ В. Скошты.» Бѣдный В. Скошты! Съ кѣмъ на ряду не спавши его Г-нъ Надеждинъ! «Его романы имѣютъ столько *самобытной оригинальности*, отличающей на себя *легать* родной Швейцарской природы, что творецъ ихъ, кажется, не имѣлъ никакой нужды въ предшественникѣ на своемъ поприщѣ. Талантъ его былъ *свѣтлымъ* и *звучнымъ эхомъ горъ*, служившихъ для него колыбелью. Ихъ живописная простота и неукрашенное величіе отражаются въ его картинахъ, и проч. Повѣсти Цшокке суть не иное, какъ прекрасные *отрыски Швейцарской души* его. Сынъ свободныхъ горъ (!), умщенный долгою днѣй, завыцаваетъ въ нихъ юному потомству плоды мудрой опытности, приобретенной чрезъ постоянное, спокойное наблюденіе надъ природою и жизнію.» Жаль намъ *Издателя Телескопа*, но мстница пребудетъ разочаровать его. Пусть

узнаеть онъ, что Цшокке не уроженецъ, не воспитанникъ Швейцаріи, и сѣдовашельно ни горъ свободныхъ, ни сѣтлаго эха сихъ горъ, ни отрывковъ души Швейцарской, ни прочихъ нецѣпостей, конии Г-нъ Надеждинъ хотѣлъ сказать, что въ твореніяхъ Цшокке отражается Швейцарія, не могло бытъ, да и нѣтъ у него. Почти нѣ въ одной повѣсти своей не рисовалъ онъ Швейцарскихъ нравовъ и природы Швейцарской. Лучшія повѣсти его изображаютъ Французовъ, Англичанъ и Нѣмцевъ. Цшокке роднася, воспитывался и жилъ до зрѣлаго возраста въ Германіи; долго скитался съ труппою странствующихъ актеровъ; писалъ драмы, изъ коихъ *Абеллино* и до сихъ поръ остається на театрѣ; попомъ сдѣлался онъ и утвердилъ свою славу какъ писатель историко-политическій. Особенныя обстоятельства заставили его переселиться въ Швейцарію, но съ Швейцарами онъ не ладилъ и не ладишь до сихъ поръ. Скажите послѣ этого, ошъ чего же привидѣлся Издашель Телескопа въ повѣстяхъ Цшокке *Швейцаризмъ*? И можно-ли ему судить о Литературныхъ явленіяхъ такъ *наслышно*, такъ безомщечно? И можно-ли вѣрить послѣ этого ему, если онъ скажеть, что *видитъ и чувствуетъ* то или другое?

Жаль, что нѣтъ мѣста здѣсь поговорить о разборѣ *Рославлева*, помѣщенномъ въ той-же книжкѣ, и о другихъ стапьяхъ. Но довольно и того, что написано. Читатели видяшь, что Издашель *Телескопа* судить по наслышкѣ, незная предметша; ви-

дишь то, чего не лзя видѣть; переводятъ съ Французскаго, не зная сего языка; издаеъ Журналъ, не умѣя писати по-Русски. Последнее видно изъ выписокъ къ нашей синашѣ. Онъ не знаетъ согласенія словъ, не знаетъ силы и значенія оныхъ, и потому сближаетъ *воюющія* отъ *отгаанія* слова. Совѣтуемъ ему почаще заглядывать въ *Словарь Россійской Академіи* и не писать: о *Юріѣ*, *Эгипетѣ*, *катедра*, *Литтрофѣ*: ашо прошииъ Правонисанія.

Запасшись предварительными свѣдѣніями о *Телескопѣ*, посмотримъ, каковъ онъ въ нынѣшнемъ году.

(До другой статьи.)

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ (*).

Le bleu de ciel est fort à la mode pour les chapeaux du matin. Un bouquet blanc de fleurs de serres, posé dans les nœuds de ruban bleu.

On ne porte de voiles que par goût. Ils ne sont plus du tout objets de modes ni de parure, même en négligé on n'en voit pas, ou très peu.

Les capotes de batiste blanche, conservent encore leurs demi-voiles de dentelle, ou imitation, hauts d'un demi-quart.

Une étoffe dont on avait déjà vu quelques pièces l'été précédent et qui a reparu cette année avec beaucoup de distinction, est une percale rouge, à dessins noirs. — Elle est principalement destinée aux enfans qui ne peuvent porter rien de plus élégant. On trouve de ces étoffes dont le fond, d'un rouge pur et brillant, n'est couvert que d'un léger dessin quelquefois relevé de traits ou de points blancs; avec un pantalon blanc, une pélerine de jaconas ou batiste qui laisse le transparent, c'est une charmante toilette. — Les femmes en font aussi de jolis peignoirs, ou des redingotes négligées.

Une jolie forme de canezou de batiste est : plat devant et sur les épaules où il n'y a point de couture. Le dos est légèrement froncé à la pointe que cache la ceinture; les bords sont garnis de dents rondes allongées, posées

(*) Въ Парижѣ до 1-го Іюня (и. ст.)

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ.

Пуне sur l'autre comme des écailles ; elles sont bordées d'une petite dentelle et jointes au corps du fichu par un entredeux brodé. Le col très-grand, est rond, en biais ; les devants plats passent sous la ceinture.

Depuis que les boucles de ceinture sont moins portées, on revoit de longs pans noués derrière aux robes habillées. Des coques plates pour celles négligées.

Des fichus plats en batiste ou mousseline faits en pointe devant et derrière, ou à pans très-courts, sont souvent garnis d'une petite bande de mousseline brodée, à un seul rang.

Les plus jolis tulles sont à mailles doubles et dessins de blonde, à quelque pas ils ont toute la légèreté des blondes de soie.

En général, les changemens sont insensibles des autres saisons à celle-ci. Ce qu'il y a de bien arrêté, c'est l'extrême simplicité. Les manches sans aucun poignet ; point de ganses sur les épaules pour joindre les devans avec le dos. Pour le négligé, beaucoup de peignoirs ou redingotes à pélerine.

Для упренныхъ шляпокъ въ большой модѣ цвѣтъ голубой-небесный. На нихъ бываешь изъ бѣлыхъ оранжерейныхъ цвѣтовъ букетъ, находящійся въ баншахъ голубой лентой.

Вуали носятъ только кто хочетъ, ибо они теперь не составляютъ предмета моды, или наряда. Даже за-просто, ихъ вовсе не надѣвають, или надѣвають очень рѣдко.

Парижскія моды.

На шляпках-капошахъ изъ бѣлаго батиста, еще встрѣчаются полу-вуали, изъ настоящихъ или поддѣльныхъ кружевъ, но очень короткіе.

Еще прошедшимъ лѣтомъ появлялась одна ткань, которая и нынѣ снова въ большой модѣ: это красивый перкаль съ черными узорами. Особенно для дѣшей употребляется онъ, и ничего нѣтъ прелестнѣе для нихъ. По красному, блестящему полю бываютъ на немъ маленькіе узоры, иногда отшитые бѣлыми почками или полосками. Съ бѣлыми панталонами и съ прозрачною пелеринкою изъ жаконеша или батиста, это нарядъ прелестный. И женщины дѣлають изъ сей ткани прекрасные пудрмантели, или ненарядные реденгоши.

Вотъ прелестная форма батистоваго каньзу: на груди и на плечахъ, гдѣ нѣтъ швовъ, гладко; на спинѣ небольшія складки къ углу, который уходитъ за поясъ; края убраны круглыми, продолговатыми зубчиками, наложенными въ видѣ чешуи одинъ на другой, обшитыми небольшимъ кружевомъ, и присоединенными къ самой косынкѣ вышивкою. Воронникъ каньзу большой, круглый, двойной; передніе концы гладкіе уходящъ подъ поясъ.

Съ тѣхъ поръ какъ прижки на поясахъ почти вышли изъ употребленія, опять явились длинныя полосы, завязываемыя у нарядныхъ платьевъ назадъ; у ненарядныхъ гладкіе узлы.

Косынки гладкія, кисейныя или батистовыя, угломъ напередъ и назадъ, или съ самыми маленькими полями, часто бываютъ убраны узенькою полоскою вышивкой кисей, въ одинъ рядъ.

Лучшій шюль двойной, съ блондовыми узорами : въ нѣсколькихъ шагахъ онъ имѣешь всю легкость шелковыхъ блондъ.

Вообще перемѣнь большихъ нѣтъ въ настоящее время года. Главное, что во всемъ наблюдается чрезвычайная простота. Рукава безъ всякихъ украшеній; у швовъ къ спинкѣ, на плечахъ, нѣтъ никакихъ снурковъ. Запросто носятъ много пудермантелей или реденгошовъ съ пелеринами.

На приложенныхъ картинкахъ :

Дама. Шляпка изъ волнистой шкани, украшенная цвѣтами. Реденгошъ de rou de soie. — Другая дама въ полупраурѣ: шляпка баспояная съ перомъ; плащъ изъ кашемира.

Мужина. Шляпа шелковая; сюршукъ суконный; панталоны казмировые.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по оппечаташи представлены были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Москва, Мая 17 дня 1832 года.

Ценсоръ и Кавалеръ Левъ Цвѣтаевъ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ АВГУСТА СЕМЕНА.

№ 36 Моск. Гвард. 1832.

Sto. Negro.

T. c. laevis.

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

ОБЪ ЭНЦИКЛОПЕДІЯХЪ.

Сочиненіе Гизо.

Энциклопедія, Греческое слово, значитъ: *кругъ ученія* (*ἐν*, въ; *κύκλος*, кругъ; *παίδεια*, ученіе, знаніе), или *всеобщее ученіе*, шо есть собраніе всѣхъ человѣческихъ знаній.

Смыслъ слова сего показываетъ, что Энциклопедія, въ строгомъ смыслѣ, есть сочиненіе невозможное. Родъ человѣскій не знаетъ всего; но что извѣстно ему, того заключить въ книгу не могъ-бы ни одинъ человѣкъ, ни одно общество людей. Слѣдственно слово: *Энциклопедія*, въ буквальномъ и философическомъ смыслѣ, есть не иное что какъ ложъ самолюбія и гордости нашего ума.

Съ половины послѣдняго столѣтія не перестаютъ однакожъ издавать Энциклопедіи, и публика всегда принимаетъ ихъ благосклонно. Въ странахъ, совершенно различныхъ вѣрованіи-

Мартъ 1832.

ами, правами и гражданскими установленіями, были начаты и выполнены подобныя предпріятія. Въ наше время, стремленіе сіе не только не ослабѣваетъ, но еще распространяется и усиливается; во Франціи, въ Германіи, въ Англіи, въ Америкѣ, при многихъ, уже изданныхъ Энциклопедіяхъ, издаются или приготавливаются новыя. Подъ разными заглавіями, сочиненія сего рода умножаются непрерывно, и почти всѣ съ успѣхомъ.

Неужели это прихоть, припадокъ энтузіазма, свойственные уму человеческому? И неужели никто не подумалъ, что подобное сочиненіе есть невозможность? Неужели писатели и публика еще надѣются, первые заключить все въ одну книгу, а другая имѣть въ одной книгѣ все, что можно знать?

Нѣтъ, во всѣхъ отношеніяхъ! Прихоти ума не бываютъ такъ обширны и продолжительны. Начало моды на Энциклопедіи принадлежитъ не намъ. Духъ, породившій въ послѣднемъ столѣтіи первую Энциклопедію нашу, вышертъ даже сильное противодѣйствіе. Ни одна ошибка, ни одинъ пропускъ сей Энциклопедіи не остались безъ уликъ. Гнѣвно и даже несправедливо осуждали кичливую суестьность самаго предпріятія, и теперь, въ семъ отношеніи, не можетъ быть никакого обольщенія, никакой химерической надежды.

Но Энциклопедіи продолжаются, и даже шѣ люди, которые обвиняютъ ихъ въ причиненномъ имъ злѣ, хотятъ исправить оное изданіемъ новыхъ Энциклопедій.

Ясно, что упорство столь общее и непобѣдимое, должно имѣть основаніемъ причину, болѣе могущественную, нежели гордое намѣреніе нѣсколькихъ философовъ. Вѣрно, Энциклопедіи не просто сочиненія либерашурныя и ученныя: народность ихъ показываетъ что нибудь иное.

Вопросимъ время перваго ихъ появленія.

Много было говорено о Философіи осмнадцатаго столѣтія, о новостяхъ идей оной, о безмѣрныхъ успѣхахъ, какіе при ней оказалъ умъ человѣческій. Правда, что тогда были новыя идеи, были искусные философы, были успѣхи умственные; но это не главная сторона XVIII вѣка, не главный характеръ его. Теорія чувственности и господства народнаго столь же древни какъ міръ; Декартъ въ Метафизикѣ могущественнѣе Кондильяка; самъ Руссо болѣе оригиналенъ своимъ дарованіемъ нежели мнѣніями. Если не говоришь о Естествознаніи, то XVIII-й вѣкъ былъ на поприщѣ наукъ не шѣмъ вѣкомъ, когда совершены важныя открытія и незабвенныя труды.

Его слава и достоинство въ томъ, что онъ открылъ и принялъ практическія послѣдствія

своихъ идей , что онъ соединилъ Науку съ обществомъ. Въ изученіи истины самой по себѣ , и въ смыслѣ чисто умственномъ , другіе вѣка представляютъ болѣе оригинальности и глубины ; но сей вѣкъ первый сказалъ , что истина должна управлять міромъ. Это вѣкъ примѣненія , гораздо болѣе нежели теоріи , вѣкъ образованности , гораздо болѣе нежели Науки. Немногое останется отъ его ученій ; но онъ безвозвратно измѣнилъ состояніе Человѣчества.

Надобно-ли для сего доказательство неопровержимое? Посмотримъ , въ какомъ видѣ тогда представлялась уму человѣческому Наука , и съ какимъ расположеніемъ тогда изучали ее. Вѣка предшествовавшіе , и особенно XVII-й , предавались сему изученію съ безкорыстіемъ простодушнымъ и искреннимъ ; умы искали истины безъ всякаго предначертанія , безъ всякой скрытой мысли , единственно для удовольствія знать истинное , ничего не ожидая и не требуя отъ него болѣе. Но ихъ знанія , ихъ идеи , не имѣли никакого существеннаго , практическаго дѣйствія ; никогда не вооружались ими для дѣйствованія на міръ вѣншній , или для сужденія объ ономъ. Въ отношеніи къ общественному порядку , ученія оставались безъ послѣдствій , истина безъ силы. Оснадацатый вѣкъ , напротивъ , занимался науками нравственными не для

нихъ самихъ , и не безкорыстно. Въ немъ , назрѣніе , чуждое Наукѣ , явно занимаетъ умы : въ Философіи , въ Испоріи , они идутъ къ цѣли , напередъ опредѣленной ; имъ нужны нѣкоторые послѣдствія ; истина для нихъ средство ; они опыскиваютъ ее , какъ доказательство въ пользу защищаемаго дѣла , какъ оружіе для битвы. За шо , Наука отдѣлалась практической , истина могущественною : онѣ уже не въ удаленіи отъ міра существеннаго ; онѣ разсматриваютъ его , судятъ о немъ , убѣждаютъ его покориться ихъ законамъ. Право требуетъ власти надъ сущестующимъ ; ученія спановлялися событіями.

Дочери осмнадцатаго вѣка, Энциклопедіи означены пѣтъ-же характеромъ. Ихъ предметъ успѣхъ обществу , болѣе нежели успѣхъ науки. Какъ трудъ философическій , не могутъ онѣ имѣть большаго значенія ; но какъ средство образованія , онѣ заключаютъ въ себѣ достоинство безмѣрное : въ томъ ихъ истинное свойство и причина ихъ успѣха.

И можетъ-ли Энциклопедія быть сочиненіемъ философическимъ ? Въ ней , по необходимости , нѣтъ единства. Пусть люди , сближенные одинаковостію мнѣній и желаній , соединятъ свои труды и дѣйствуютъ вмѣстѣ , въ одинакомъ направленіи , на своихъ современниковъ : въ обществѣ трудъ ихъ будетъ нѣкоторое практическое

ское единство, которое можешь дать сему. труду определенное направленіе и произвеси важныя послѣдствія. Оно существуетъ и въ Энциклопедіи. Но ошъ такого несовершеннаго, грубаго единства, годнаго только для дѣйствования, далеко еще до единства чистаго, истиннаго, господствующаго въ умѣ поэта, художника, философа, единства, которое сближаешь, объемлешь, живишь всѣ части созданія огромнаго, и дѣлаешь изъ него, можно сказать, тѣло одушевленное, сообразное во всѣхъ частяхъ своихъ. Только мысль одного человека порождаетъ такое единство. Никакой союзъ, никакое искусственное сближеніе не произведутъ этого. Общество философовъ сколько-же въ силахъ дать міру философическое сочиненіе, сколько общество поэтовъ эпопею или трагедію.

Наши Энциклопедисты не хотѣли сознаться въ этой невозможности. Они жили во время самолюбія и надеждъ; они надѣялись привести въ систему всѣ знанія человѣческія, и хотѣли сдѣлать сочиненіе свое не только средствомъ для дѣйствія, но и памятникомъ. Они вздумали начать систематическою классификаціею знаній человѣческихъ, и таблица, похожая на Баконovu, должна была дать Энциклопедіи великій характеръ общности и единства.

Какая странная мысль: помѣстивъ такую

таблицу въ началѣ словаря, гдѣ спашьмъ сбросаны въ безпорядкѣ, по случайностямъ алфавита! Назначишь систему для хаоса! Посредствомъ указаній при каждой спашьмъ, думали пособишь этому неудобству, и связать Энциклопедическое дерево съ самою Энциклопедіею. Но такими механическими хитросплетеніями не лѣзя достигнуть единства: можете спавишь нумера, по законному порядку, на разбросанныхъ членахъ, сдѣланныхъ разными художниками и сваленныхъ въ кучу, но въ этомъ нишо не узнаеть спашуи. Не смотря на всѣ указанія, дерево Энциклопедическое и Энциклопедія остались чужды одно другой. Единство было приклеено къ фронтиспису, но оно не проникло въ памятникъ.

Да напрасно и проникло-бы оно туда! Если-бы, не слѣдуя простому азбучному порядку, расположили всѣ спашьмъ ученымъ образомъ, по классификаціи Бакона и Даламбера, то Энциклопедія не сдѣлалась-бы опъ этого сочиненіемъ философическимъ: въ ней все не было-бы единства истиннаго.

Для единства мало одной классификаціи. Всѣ классификаціи дѣлаются только для того, чтобы поставишь предметъ въ нѣкоторый порядокъ, посредствомъ коего умъ можешь ихъ видѣть, понимать и легко удерживать въ памя-

ши. Такимъ образомъ получаемое единство, совершенно вѣднѣе, практическое, бываеиъ почти всегда искусственнымъ, произвольнымъ; до него достигаюиъ тысячу разныхъ средствъ. Кто не знаетъ, что для всѣхъ наукъ, физическихъ, историческихъ, и даже нравственныхъ, изобрѣтали и употребляли множество различныхъ классификацій, которыя всѣ, единожды установленныя и принятыя, имѣли одно и тоже достоинство: служить руководствомъ для ума и пособіемъ для памяти? Предметы могутъ быть разсматриваемы со многихъ сторонъ и соединяться въ различныхъ отношеніяхъ. Классификація, основанная на томъ или другомъ отношеніи, будетъ достигать своей цѣли непрерывно разнымъ образомъ.

Къ этому роду классификацій принадлежиъ и Энциклопедическое дерево Бакона и Даламбера. Они искали для него основанія въ различіи умственныхъ способностей; они различали память, разумъ и воображеніе, и классифицировали Науки и Искусства по отношеніямъ ихъ къ той или другой изъ сихъ способностей. Не разсматривая здѣсь достоинства самаго основанія сей классификаціи; не изыскивая, значаиъ-ли подобныя различія умственныхъ способностей чтонибудь другое, кромѣ средства наблюденія и изученія, всякій знаетъ, что

классифицировать Науки и Искусства можно по множеству различныхъ началъ. Напримѣръ, можно было-бы найти средства для классификаціи въ мірѣ вѣшнемъ, а не въ умѣ человѣческомъ, и раздѣлить Науки и Искусства по предметамъ. Общее различіе трехъ царствъ, то есть природа неорганическая, органическая и животная, сдѣлались-бы такимъ образомъ основаніемъ Энциклопедическаго дерева, столь-же обширнаго, столь-же правильнаго, какъ изобрѣтенное Даламберомъ и Бакономъ, которое основано на различіи нашихъ способностей, болѣе произвольномъ, и можетъ быть болѣе пустомъ. Также, въ противоположности міра и человѣка, зрѣлица и зришеля, въ я и не-я, можно было-бы найти основаніе классификаціи, взятой, подобно ихъ классификаціи, въ мірѣ внутреннемъ, однакожь весьма отличной отъ нея. Можно было-бы еще раздѣлить Науки и Искусства по ихъ генеалогіи, въ порядкѣ ихъ рожденія и развитія. Если разсматривать сіи классификаціи съ точки зрѣнія истинно философской, то всѣ онѣ подвергнутся осужденію; но практически, всѣ онѣ имѣли-бы почти одинакія преимущества и произвели-бы одинаковое слѣдствіе.

Даламберъ самъ очень чувствовалъ это и сѣпшилъ объявить. «Какъ въ общихъ гаршахъ «земнаго шара, нами обитаемаго, говоритъ

«онъ, предметы бывають сближены болѣе или
 «менѣе, и представляють различный видъ, со-
 «образно почтѣ зрѣнія, на кошорую глазъ на-
 «веденъ географомъ, дѣлавшимъ карту, такъ
 «и форма дерева Энциклопедическаго зависятъ
 «отъ почки зрѣнія, съ кошорой будемъ смо-
 «трѣть на литературную вселенную. Можно
 «изобрѣсти столько-же различныхъ системъ для
 «знаній человѣческихъ, сколько планиглобій раз-
 «личныхъ проекцій..... Мы совершенно убѣждены,
 «что въ подобномъ раздѣленіи всегда будетъ
 «господствовать произвольность, и потому не
 «думаемъ, чтобы наша система была един-
 «ственной или лучшая..... Слѣдственно, наше-
 «му Энциклопедическому дереву не должно при-
 «писывать такой важности, какой мы сами не
 «видимъ въ немъ: это раздробленіе знаній, ко-
 «шорая можно пріобрѣсти; раздробленіе по-
 «верхностное, если основываться на немъ,
 «полезное, если пойдуть далѣе.» Въ сущности:
Энциклопедія, Дидеро выразилъ ту же мысль.
 Сіи умы были выше своихъ собственныхъ про-
 изведеній, и оба не хотѣли быть обвиняемы въ
 томъ, что будто они не понимали истиннаго
 характера труда, отъ кошораго *Энциклопедія*,
 по крайней мѣрѣ какъ философическое сочиненіе,
 ожидала однакожь всего своего единства.

Классификаціи тогда только имѣють суще-
 ственную и ученую значительность, когда онѣ

бывають выраженіемъ идеѣ, слѣдствіемъ системы, касательно самаго основанія вопросовъ, принадлежащихъ Наукъ. Тогда ихъ достоинство зависитъ отъ достоинства идеѣ, выражаемой ими, или системы, производящей ихъ. Напримеръ: Физіологъ, опиравъ общій законъ явленій живыхъ, и ихъ отношеній къ организаціи, извлекаетъ изъ сего классификацію живыхъ существъ, и она уже не будетъ трудомъ произвольнымъ, не будетъ принадлежать къ порядку, чисто вышнему: она представитъ простое и первоначальное явленіе, управляющее сею частью природы, въ его различныхъ формахъ и во всѣхъ его подраздѣленіяхъ. Но сіи, истинно философскія классификаціи, по необходимости, бывають ограничены; только въ наукахъ отдѣльныхъ можно надѣяться достигнуть оныхъ. Для Энциклопедіи, подобная классификація невозможна, пошому что она имѣла-бы предметомъ всю общность явленій и существъ; она потребовала-бы, чтобы человекъ обнялъ всеобщую систему вселенной и открылъ въ ней начало или основаніе; чтобы онъ поставилъ себя въ средоточіе единства высшаго и безконечнаго, для разсмотрѣнія всѣхъ предметовъ, и для понятія соединяющей ихъ связи. Границы его могущества и Науки неизвѣстны; однакожь онъ не простирающа шакъ далеко.

Слѣдственно, Энциклопедія не можетъ быть системою правильною, полною, шрудомъ истинно философическимъ; въ ней можно достигнуть только несовершеннаго, произвольнаго, наружнаго единства; а единство истинное, котораго попребовала-бы она — выше силъ человѣческихъ.

По крайней мѣрѣ, можетъ-ли она служить прямымъ средствомъ для великихъ и быстрыхъ успѣховъ въ Наукахъ?

Въ этомъ да позволяешь усомнишься, особенно по двумъ причинамъ, которыя, по видимому, противоположны, однако ведутъ къ слѣдствію одинакому.

Не лзя постигнуть, до какой степени простирается безкорыстіе и удаленіе отъ всѣхъ чуждыхъ видовъ въ шрудѣ людей, посвящающихъ себя какой-бы то ни было наукѣ. Они любящъ ее и занимающъ ею для нея самой, для одного наслажденія открывать истину, побуждаемые благородною жаждою знанія, эшимъ возвышеннымъ преимуществомъ нашей природы; занимающъ — не говорю: безъ всякой мысли о личной пользѣ, но — безъ всякаго примѣненія, не думая, что ихъ шруды могутъ имѣть какое нибудь иное послѣдствіе. Кажется, что человекъ можетъ достигнуть истинны, только со-

средоточивъ для сей цѣли всѣ свои силы; онъ не долженъ развлекать себя въ этомъ великомъ намѣреніи никакими отдаленными помыслами и предначертаніями. И только подобное безкорыстіе, забвеніе міра внѣшняго и себя самого, бывающъ награждаемы успѣхами; только они производятъ важныя усовершенствованія въ наукахъ. Пусть укажутъ на великія ученые открытія, на великія истины, явившіяся отъ чего нибудь иного, а не отъ единой любви къ наукѣ и истинѣ! Во всѣхъ наукахъ, во времена древнихъ и новыхъ, Платонъ и Архимедъ, Ньютонъ и Декартъ, Лагранжъ и Гаусъ, всѣ, чье имя воспоминаешь о завоеваніяхъ человѣческаго ума, могутъ быть приведены въ доказательство, что Провидѣніе, въ удивительномъ раздѣленіи даровъ, награждаетъ шоржествомъ только чистоту стремленія.

Но всякая Энциклопедія, до нѣкоторой степени, есть трудъ практическій, начинаемый съ извѣстнымъ намѣреніемъ, для міра внѣшняго; въ ней Наука не можетъ быть ни единственною, ни даже главною цѣлью. Не такъ зараждается вдохновеніе къ открытію системъ міровъ, или къ изслѣдованію тайнъ судьбы человѣческой! Для такихъ трудовъ пошребны: совершенное ошверженіе всякихъ преднамѣреній и полный разгулъ мысли, освобожденной отъ бремени мірскихъ помышленій.

Нужна и будущность личной, ясной, нераздѣльной славы. Великія ученые опкрытія не бывають дѣломъ обществъ и общинъ; это плодъ уединенныхъ размышленій; онъ и долженъ бытъ вознагражденъ нераздѣльнымъ вниманіемъ и участіемъ публики. Но Энциклопедія есть трудъ безитрный и не принадлежащій никому: каждая наука перяется тамъ въ полнѣ другихъ наукъ, каждый человекъ въ полнѣ другихъ людей; каждый можетъ тамъ видѣть, какое малое мѣсто занимаетъ онъ, со своимъ знаніемъ, въ океанѣ человѣческаго познанія. Это очень хорошо для униженія гордости Акивіадовой, но не слишкомъ ободриительно для внушенія людямъ ученымъ того спраспнаго усердія, которое заставляешь ихъ забывать относительную важность трудовъ, и думать только о благородной цѣли — завоеваніи истины.

Наконецъ, люди, раздвигающіе предѣлы наукъ, не могутъ обращаться, и никогда не обращаются къ той многочисленной публикѣ, для которой надобны Энциклопедіи: они идутъ въ пушь отъ почки, на коей находишься знаніе между учеными, пишутъ только для ученыхъ, и сочиненія ихъ такъ-же исключительны, какъ и публика, могущая судить ихъ. Энциклопедія занимается всѣми предметами, и для читателей всякаго рода; но такого поприща не изберешь для себя творецъ истинно-ученаго опкрытія.

Однако, просвѣщеніе сосредоточивается въ одномъ фокусѣ для того, чтобы разливаясь по всему міру. Цѣль Науки не одно удовлетвореніе благороднаго любопытства. Истина столько же обильна, сколько прекрасна: не многіе могутъ открывать ее, но всѣ могутъ знать и пользоваться ея благодѣяніями. Успѣхамъ человѣческаго ума должны соответствовать успѣхи человѣческаго рода. Человѣкъ, разсматриваемый въ его земномъ существованіи, живетъ и трудится для образованности, для развитія и улучшенія быта общественнаго. Здѣсь начинается истинное дѣло Энциклопедій; здѣсь можно открыть всю полезность оныхъ.

Прежде всего, скажемъ о ихъ самомъ общемъ дѣйствіи: онѣ имѣютъ благородное преимущество, однимъ величіемъ представляемаго ими зрѣлища пробуждаютъ, распространяютъ, укрѣпляютъ въ публикѣ вкусъ и уваженіе къ Наукѣ, что, можетъ быть, есть первое, и, безъ сомнѣнія, необходимое условіе для образованности и успѣховъ оной. Какъ великіе и сильные памятники даютъ высокое понятіе о народѣ, воздвигнувшимъ ихъ, и заставляютъ удивляться ему изъ рода въ родъ, такъ и сей памятникъ трудовъ ума человѣческаго возбуждаетъ въ душѣ глубокое чувство о правахъ и могуществѣ нашего ума. Разсмотрѣвъ ближе это зда-

ніе, мы увидимъ въ немъ недоспапки, несоразмѣрность, упущенія, можетъ быть даже непрочность основанія; но тѣмъ не менѣе справедливо, что общее впечатлѣніе, производимое имъ, бываетъ нравственно, и, если смѣю такъ выразиться, образующе (*civilisante*): чувствуешь почтеніе къ знанію, любовь къ истинѣ, уваженіе къ умственному порядку, усердіе къ службѣ человѣчеству. Это впечатлѣніе, такъ-же какъ все въ мірѣ, можешь быть и опасно: можешь внушить гордость, глупую самонадѣянность, можешь увлечь людей въ самыя пагубныя заблужденія, но, вообще, благое преимуществуешь и въ свойствахъ его и въ дѣйствіяхъ; только временамъ успѣховъ и славы можешь принадлежать оно, и вѣкъ, неспособный къ сему впечатлѣнію, былъ-бы близокъ къ самому печальному, къ единому истинному паденію: у него не было-бы умственной жизни.

Энциклопедіи поддерживаютъ сію жизнь, питаютъ, развиваютъ даже въ пѣхъ умахъ, которые никогда-бы не знали ея, и, можетъ быть, никогда не пожелали-бы узнать. Θεологъ-Философъ, членъ Шотландіи, Г-нъ Чалмерсъ сдѣлалъ вѣрное замѣчаніе, что въ потребностяхъ умственныхъ бываетъ не такъ, какъ въ физическихъ, которыя тѣмъ нестерпимѣе, чѣмъ долѣе не удовлетворяютъ ихъ. Если не уполяшь го-

лода, жажды, то они безпрестанно увеличивающа и дѣлающа наконецъ несстерпимымъ мученіемъ; но въ нравственнѣй природѣ чловѣка вѣтъ этой неодолимой, неуклонной потребности: она грубѣетъ, когда ничто не раздражаетъ ея, и чѣмъ болѣе удаляютъ отъ нея приличное питаніе, тѣмъ болѣе привыкаетъ она обходиться безъ него. Пагубное дѣйствіе невѣжества состоитъ въ томъ, что чловѣкъ наконецъ теряетъ чувство своей ничтожности и желаніе вырваться изъ оной. Если, напротивъ, умъ его приближается къ истинѣ, онъ становится безпрерывно болѣе жаднымъ къ ней, и если нравственнѣй природѣ нашей необходимо возбужденіе, то, въ замѣну сего, она имѣетъ преимущество не знать ни истощенія, ни пресыщенія, ни даже усталости; трудъ удваиваетъ ея силы, а наслажденіе желанія. Энциклопедія, дѣлая доступными тысячи идей для многихъ, которые не подумали-бы, и, можетъ быть, не услышали-бы о нихъ никогда, распространяющъ, и, такъ сказать, приводящъ повсюду возбужденіе, необходимое для нашего ума. Сочиненія ошдѣльными достигаютъ единственно до тѣхъ людей, которые ищутъ ихъ и уже напередъ хотѣющъ пользоваться ими. Но посредствомъ Энциклопедій, знанія всѣхъ родовъ сами идутъ на встрѣчу читателямъ: взгляды занимающагося

Мартъ 1832.

12

Исторіей можешъ пастъ на спашью о Философіи; ошискиваніе какого нибудь шермина, можешъ обрапитъ вниманіе на пракпическое объясненіе цѣлаго Искусства. Словомъ, это великая умшвенная выспавка, гдѣ слѣдствія всѣхъ прудовъ ума человѣческаго вдругъ представляющія любопытному, и зовушъ его вниманіе.

Я знаю, и пошому поспѣшилъ сказать, что такимъ образомъ не зараждаешся просвѣщеніе основательное, и что желающій сдѣлать предметомъ своего изученія какую либо науку, непременно долженъ искашь ее въ ошдѣльныхъ сочиненіяхъ. Но въ Наукѣ, шакъ-же какъ и въ обществѣ, образовался многочисленный классъ, который не посвящаешъ ей всей своей жизни, однакожь не хочешъ и не долженъ ошашься чуждымъ для нея; онъ спремилъ просвѣщать свой умъ, онъ умѣетъ находить удовольствіе, хошя-бы въ мимоходномъ разсмашриваніи истины. Этому-шо среднему классу умшвеннаго міра особенно посвящающія Энциклопедіи, въ коихъ находишъ онъ знанія соединенными, сокращенными, и, шакъ сказашь, выкроенными по его мѣркѣ, ибо распростираишь въ нихъ далѣе, и дѣлаешъ обширѣйшія изысканія, у него нѣтъ ни досуга, ни возможности. Много было говорено

о значительности сего класса въ мірѣ поли-
шическомъ; въ нашихъ фабрикахъ и мануфакту-
рахъ произведеніи всѣхъ родовъ, ежедневно бо-
лѣе и болѣе, прииваются къ потребностямъ
и средствамъ сихъ людей; по какому-же нель-
пому исключенію не могутъ тѣ-же люди имѣть
правъ и силы въ мірѣ умственномъ? Неужели
съ ихъ удобствами, съ ихъ вкусомъ въ дѣлѣ
ученія не должно совѣщиваться, не должно обра-
щаясь на нихъ вниманія потому, что Наука не
есть исключительное и главное ихъ занятіе?
Даже процвѣтаніе высшихъ наукъ тѣсно свя-
зано съ учеными успѣхами среднего класса.

.
.
.
.
.
.
.

Впрочемъ, здѣсь-то оказывается прямое и
благодѣтельное дѣйствіе Энциклопедій. Онѣ уни-
чтожаютъ преграды, раздѣляющія разныя науки,
и заставляють одну не оставаться въ невѣдѣ-
ніи о другой. Долго въ мірѣ ученѣмъ господ-

существовало раздѣленіе на касты. Какъ между учеными и народомъ не было почти никакого сношенія, такъ-же шочно люди ученые были почти совершенно чужды одни другимъ: медикъ, юристъ, ееологъ, эрудишъ, арписшъ, каждый жилъ заключившисъ въ своемъ ученіи, какъ монахъ въ своемъ Орденѣ. Науки, шѣсно связанныя предметомъ и средсшвами, напримѣръ Медицина и Хирургія, были шпрого раздѣлены. И ошъ шого-шо, за исключеніемъ людей геніальныхъ, каковы Декаршъ, Гассенди, Лейбницъ, умъ ученыхъ вообще не оплщался обширностію и свободою. Чѣмъ болѣе распространялись занятія, гдѣ необходимо примѣненіе Науки къ потребностямъ обыкновенной жизни, шѣмъ болѣе становились досадны и разишельны неудобсшва этой опшельпической классификаціи. Энциклопедіи уничтожаютъ ее: онѣ дѣлаются связію въ наукахъ, вводятъ въ нихъ духъ общесшвенности, сближаютъ художниковъ съ учеными, пракшиковъ съ философами, и наконецъ даютъ каждому ученому средство узнать безъ продолжительныхъ усилій то, что не соспавляетъ предмета особеннаго его изученія, узнать по крайней мѣрѣ столько, чтобы объемъ его новаго познанія, его идей, обратился наконецъ въ пользу его шрудовъ. Главная выгода Университетовъ и Академій состоитъ въ

помѣ , что всѣ ученые памѣ вмѣстѣ , совѣщающіяся , спрашивающіяся , спорящія , одушевляющіяся и просвѣщающія другъ друга. Если книга можетъ замѣнить живое общество , то это Энциклопедія : она , такъ сказать , окружаетъ ученаго пустынноика свѣдущими и благосклонными товарищами , съ которыми онъ можетъ совѣщаться во всякое время ; она не допускаетъ , чтобы отдѣльная жизнь и исключительность его изученій заперли въ тѣсныя границы его идеи и знаніе.

Говорить-ли наконецъ о ихъ практической и общей пользѣ , о многообразномъ наученіи , о безчисленныхъ свѣдѣніяхъ , которыми доставляющія онѣ и которыми примѣняющіяся къ столькимъ обстоятельствомъ , къ столькимъ потребностямъ жизни ? Въ большихъ городахъ , среди всѣхъ удобствъ , всѣхъ богатствъ общества человеческого , слишкомъ забывающія , что общество семействъ , независимыхъ , достаточныхъ , у коихъ занятія не оплнимающія всего времени и способностей , живутъ въ положеніи совершенно иномъ , въ деревнѣ , или въ маленькихъ городахъ , въ удаленіи отъ всѣхъ пособій Науки и промышленности , тѣснящихся вокругъ насъ. Тамъ-то познается цѣна этой домашней Науки , которая въ нѣсколькихъ то-

нахъ переносится въ самую глубокую пущину. Нѣтъ сомнѣнія, что она ошибочна и не полна; въ примѣненіяхъ ея часпо можно ошибиться; но, за всѣмъ тѣмъ, она просвѣщаетъ и еще чаще указываетъ путь; она облегчаетъ въ заботахъ, въ скукѣ, въ удаленіи; она укрѣпляетъ воображеніе; наконецъ, между тысячами разсѣянныхъ человѣкъ и великими хранилищами Науки, она устанавливаетъ родъ умственной связи, коюрой важность и дѣйствія трудно оцѣнить.

Чтожь такое все это, какъ не явленіе образованности, какъ не сама образованность? Энциклопедіи принадлежатъ къ тѣмъ безчисленнымъ средствамъ, коюры употребляетъ, для совершенія своего труда, сила усовершенствованія и успѣха. Успѣхъ есть удѣлъ человѣческаго рода. Одна и та-же сила изобрѣла и Энциклопедіи, и письмо, и книгопечатаніе, и Журналы, и мореплаваніе, и каналы, словомъ: всѣ средства вещественнаго и умственнаго сообщенія между людьми. Такъ стремились она все непрерывно къ своей цѣли, состоящей въ томъ, чтобы болѣе и болѣе развивать природу человеческую, и каждый день призывать большее число участниковъ къ дѣятельности ума и къ наслажденію благами общественнаго быта.

Нужно-ли окончательное доказательство, что дѣйствительно таковы польза и истинное назначеніе Энциклопедій? Пусть разсмотрѣтъ различныя мнѣнія прошивъ ихъ: одни нападаютъ на Энциклопедіи какъ на шрудъ философскій, и эти нападенія почти всегда справедливы; другіе осуждаютъ ихъ какъ средство образованности: это почти всегда неосновательно, ибо сколько-же можно обвинять самую образованность; сколько Энциклопедіи. При первой изъ сихъ почекъ зрѣнія осуждаютъ въ Энциклопедіяхъ невозможность исполнить то, что обѣщаетъ ихъ заглавіе; осуждаютъ разнообразіе въ направленіи каждой статьи, даже и тогда какъ практическое единство было-бы сохранено въ оныхъ; осуждаютъ несоразмѣрность частей, изъ коихъ нѣкоторыя слабы и обрѣзаны, другія доведены до излишняго развитія, и проч. и проч. При другомъ взглядѣ, намъ говорятъ, что Энциклопедіи передаютъ Науку не вполне, на удачу, не зная пригласивъ къ ней умы и могутъ-ли они употребить ее надлежащимъ образомъ, если даже они и хотятъ, и требуютъ ея; что черезъ это, Энциклопедіи способствуютъ, или по крайней мѣрѣ благопріятствуютъ умственной дѣятельности несвоевременной, несоразмѣрной съ обществальствами; развиваютъ въ цѣломъ обще-

сшвъ , и слишкомъ поспѣшно , идеи , которыя
рождаются въ высшей сферѣ и не должны-бы
выходить изъ оной , не подвергнувшись испы-
танію во времени ; что онѣ производящъ мно-
го полу-ученыхъ , пораждаятъ высокоуміе , лег-
комысліе въ мнѣніяхъ , въ ученіи , и всѣ недо-
умки въ частныхъ лицахъ ; всѣ опасности ,
какія могутъ угрожать при томъ народамъ.
Не стану оспаривать такого множества важ-
ныхъ обвиненій. Ограничусь вопросомъ : Есть-
ли хоть одно изъ сихъ обвиненій , котораго не
льзя было-бы обратиться противъ книгопечатанія,
противъ Журналовъ и газетъ , противъ дѣя-
тельнаго обращенія идей и капиталовъ , однимъ
словомъ : противъ самой образованности? Спра-
ведливо , что она не освобождаетъ человѣка
отъ всѣхъ пороковъ , и общества отъ всѣхъ
опасностей ; напротивъ , она развиваетъ всѣ
склонности его природы , всѣ опасности его
судьбы. Согласимся въ этомъ ; но тѣмъ не ме-
нѣе останемся справедливо , что образова-
ность есть жизнь человѣчества , законъ , цѣль ,
слава его дѣятельности на землѣ ; что народы ,
у коихъ цвѣтеть она , побѣждаютъ величайшія
испытанія , переживаютъ величайшія бѣдствія ;
а тѣ , у коихъ она оспанавливается , гибнутъ
и умираютъ , даже посреди мира , безъ случай-
ностей и безъ непріятелей. Кто осмѣлится ска-

зашъ, что надобно удушашъ образованношъ ?
Кто спанешъ ошвергашъ средсва къ ея развишію ?

Но, если здѣсь достоинство и выгода Энциклопедій, то ошсюда-же должны происшешъ и законы ихъ сочиненія. Онѣ должны бышъ понимаемы и сосшавляемы какъ средство образованношши, а не какъ сочиненія философическія.

При эшомъ намѣреніи, ихъ основаніемъ должны бышъ два условія: надобно, чтобы онѣ, 1-е, были приноровлены къ публикѣ; 2-е, въ почтеношши передавали предлагаемыя идеи и познанія.

Простое означеніе сихъ условій уже показывашъ, что первыя Энциклопедіи, а между ними и Французская, не удовлетворяли онимъ, или по крайней мѣрѣ не удовлетворяюшъ шеперь.

Съ одной спороны, онѣ были, въ самомъ дѣлѣ, такъ огромны и дороги, что не могли проникнуть всюду, гдѣ чувствовалась въ нихъ надобность; съ другой, онѣ остаюшся неподвижны, среди образованношши, непрерывно идущей впередъ. Ихъ можно уподобить нашимъ спашистическимъ вѣдомосшамъ, которыя оо-

синавляющся шакъ долго , что бывъ окончены , уже не показывающъ онѣ сосполнія государствъ , и шакимъ образомъ теряющъ , по крайней мѣрѣ опшасши , свое достоинство , свою пользу.

При первомъ взглядѣ , кажешся , что эпощъ двойной недоспащокъ неизбѣжимъ въ Энциклопедіяхъ , и что не лзя лспшпться сдѣлать ихъ доступными великому числу людей , и способными , какъ сама Наука и образованность , къ усовершенствованію и успѣху. Но ничего не бывало ! Если до сихъ поръ онѣ еще не могли вполнѣ соопвѣпствовашъ своему назначенію , шо конечно опъ того , что на нихъ глядѣли ложно , думая сдѣлать ихъ , въ одно и тоже время , философическимъ сочиненіемъ , и средспвомъ образованности , памятникомъ , и орудіемъ.

Для того , чтооы Энциклопедія была сочиненіемъ философическимъ , хотя по наружности , было-бы необходимо не только заключишь въ нее всю общность знаній человѣческихъ , шо есть сдѣлать каждое слово языка предметомъ спашья , но и придашь всѣмъ , или почти всѣмъ спашьямъ нѣкоторую обширность , нѣкоторое значеніе философическое. Со стороны чисто практической , для пользы общей образованно-

сти , большая часть статей должна была-бы заключать въ себѣ только сокращеніе основныхъ идей и важнѣйшихъ истинъ предлагаемаго предмета. Дать о всѣхъ предметахъ , всѣмъ читателямъ , хотя нѣкоторыя свѣдѣнія , было-бы уже предпріятіе довольно обширное. Но первые Энциклопедисты , занятые однимъ величіемъ своей первоначальной мысли , никакъ не рѣшились-бы писать такимъ образомъ только для публики , собственно такъ называемой : они хотѣли писать для ученыхъ , для ученаго міра. Въ основаніи , первую и главную мысль всего сочиненія была польза практическая , желаніе образованности ; но при исполненіи , въ каждой статьѣ отдѣльно , превозмогало намѣреніе философическое , литературное , и каждый авторъ хотѣлъ чтобы его читали для него , и чтобы чтеніе сіе прославило его умъ и знаніе. Важность предмета не входила въ соображеніе. Отъ того , многія статьи , не важныя или частныя , были изложены въ обширнѣйшемъ объемѣ , и въ тоже время , отъ противоположнаго дѣйствія той-же причины , предметныя важныя , истинно полезныя для всѣхъ , не были развиты надлежащимъ образомъ. Слѣдственно , относительная обширность статей была , такъ сказать , на оборотъ противъ ихъ важности , и Энциклопедія получила двойной недостатокъ ,

сдѣлавшись неполною и чрезмѣрною, слишкомъ поверхностною и слишкомъ ученою.

Сначала, дѣйствія этого двойнаго недоспашка были мало замѣчаемы, и даже мало существенны. Предпріятіе было ново и смѣло; оно давало умамъ движеніе необычайное; оно, такъ сказать, полными горстями кидало на публичную площадь идеи и свѣдѣнія, дополѣ заключенныя въ тѣсную сферу. Съ неслыханными усиліями старался доставать себѣ Энциклопедію; она быстро возвысила среднюю цѣну общихъ знаній. Жадность и успѣхъ были такъ велики, что многіе почивали удовлетворенными всѣ потребности.

Нынѣ обстоятельства перемѣнились. Съ одной стороны, движеніе не столь быстро, ибо оно, по крайней мѣрѣ во Франціи, опчаспи достигло своей цѣли; съ другой, умы стали болѣе претовательны; затрудненія каждаго вопроса извѣспнѣ; нынѣ хопяпѣ размысленій болѣе глубокихъ, науки болѣе точной и полной; время неограниченнаго самолюбія миновалось вмѣстѣ съ пылкою довѣрчивостію. Недоспашки первыхъ Энциклопедій сдѣлались чувспвинительнѣе и существеннѣе, нежели были во время первыхъ изданій сего рода.

Но не одно это: сама публика перемѣнилась.

.....

..... Образовался новый средній классъ, болѣе многочисленный и въ общности болѣе богатый чѣмъ прежде; но богатство лицъ въ немъ рѣже. Въ нравственномъ порядкѣ совершился такой-же переворотъ: склонность и жажда къ просвѣщенію объемлющъ кругъ обширнѣйшій; но рѣже встрѣчающіеся люди, которымъ продолжительные и удобные досуги давали-бы средство предаваться размышленію, ученію, безъ всякой иной цѣли, кромѣ желанія образовать свой умъ и опилчипься знаніемъ. Слѣдственно, теперь гораздо болѣе семействъ, которымъ необходима Энциклопедія для первоначальнаго познанія; но, можетъ быть, гораздо менѣе такихъ, которые охотно взяли-бы, во всемъ объемѣ ея, за Энциклопедію, подобную большой Энциклопедіи прошедшаго столѣтія.

Тоже явленіе видимъ въ большей части странъ Европейскихъ , ибо одного естественнаго хода образованности было достаточно , чтобы привести къ нѣмъ-же, хотя и менѣе видимымъ, слѣдствіямъ.

Нигдѣ не дали себѣ отчета въ происходящихъ событіяхъ ; но испиникшъ общественныхъ потребностей явился всюду , ибо вездѣ почувствовали , хотя и не объяснили себѣ причинъ , что первая Энциклопедіи въ наше время не годится , и что надобно дѣйствовать по новому плану.

(Окончаніе въ слѣд. книгѣ).

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ РОМАНА :

Семейство Хоумскихъ (*).

.... Въ числѣ гостей былъ и знаменитый Сундуковъ. Онъ уже успѣлъ припрятать двухъ дочекъ своихъ. Одну изъ нихъ выдалъ онъ за промотавшагося и пожилаго Князя Буасекова. Молодецъ сей не имѣлъ ничего, былъ часто боленъ, глухъ до крайности, и жилъ на хлѣбахъ у шестя, кошорый, въ вознагражденіе убытковъ своихъ, имѣлъ удовольствіе говорить : Дочь моя Книгиня Прасковья Тимоѣевна. Другая, извѣстная намъ Глафира, вышла за-мужъ за извѣстнаго-же намъ Чадскаго; но онъ успѣлъ уже поссориться съ шестемъ и кинуть жену

(*) Въ 1830-мъ году, Авторъ сего прекраснаго произведенія доставилъ намъ два отрывка, которые и были помѣщены въ Телеграфѣ. Печатающій теперь прешій отрывокъ, съ особеннымъ удовольствіемъ спѣшимъ мы извѣстить читателей, что весь романъ вполнѣ печатается, и выйдетъ въ свѣтъ въ Іюль мѣсяцъ сего года. Надѣмся угодить симъ извѣстіемъ многимъ, спрашивавшимъ у насъ; словесно и письменно: *когда издастся Семейство Хоумскихъ?* *Изд-*

свою : она возвращалась по прежнему въ родительскій домъ.

Сундуковъ былъ Предводителемъ Дворянства, и гошвился черезъ два дни принимашъ у себя въ деревнѣ и угощашъ одного знашнаго вельможу, начальника своего, который ѣздилъ ревизовашъ ввѣренный ему край. Всѣ великолѣпныя приготовленія къ пришествію и угощенію уже были сдѣланы; но Сундукову хотѣлось, чтобы болѣе украсишь свой праздникъ, пригласишь къ себѣ поболѣе людей, что называется, *валяж-ныхъ*. Пронскій былъ Превосходительный, имѣлъ звѣзду и множество орденовъ. Сундуковъ униженнѣйше, почти до земли кланялся и просилъ Его Превосходительство осчастлививши его своимъ посвщеніемъ, вмѣстѣ съ Ея Превосходительствомъ Софьею Васильевною. Пронскій рѣдко живалъ въ провинціи; ему хотѣлось изъ любопытства видѣть, какими образомъ помѣщики; подобные Сундукову, угощаютъ вельможъ въ своихъ деревняхъ; онъ обѣщаль быть у него. Въ это время подали Пронскому карту играть въ вистъ, и Сундуковъ отправился приглашать прочихъ.

Звалъ онъ разными манерами, смотря по чинамъ и богатству. Къ иному подходилъ говоря: Милосии прошу ко мнѣ откушашъ; другаго ударялъ по плечу, и говорилъ: «А что, брашъ!

не хочешь обѣдать у меня съ Его Высокопревосходительствомъ ? Ась ! Ну, знаю, знаю, брашецъ ; какъ не хотѣшь ! » прибавлялъ онъ шѣмъ, которые благодарили его за сдѣланную имъ честь. « А ты что сморишь на меня шакъ приспально ? И тебѣ хочешся ? Ну, Богъ съ тобою ! прїѣзжай, прїѣзжай ; домъ у меня большой : всѣмъ мѣсто будешъ. Да смори-же, не будь такимъ рохлею, какъ шеперь : изволь мундиръ надѣшь. » Съ чиновниками уѣзднаго города обходился Сундуковъ совсѣмъ иначе ; они были всепокорнѣйшіе его слуги, пошому что, по милости его получили занимаемыя ими мѣста. « Эй, вы ! смориште : не зѣвашь ; прїѣзжайте всѣ въ мундирахъ и пораньше, » говорилъ онъ имъ. « Его Высокопревосходительство хотѣлъ бытъ ко мнѣ часу въ первомъ, за шѣмъ чтобы передъ обѣдомъ осмошрѣшь вновь выпроенную по иностранному манеру деревню мою. Его Высокопревосходительство хочешъ пошчасъ послѣ обѣда ѣхать, но авось мы разными забавами кое-какъ его удержимъ ; шолько на это надѣяться не лзя. Ежели онъ не будешъ соглашашся, то вы пошчасъ послѣ обѣда скачите спремглавъ въ городъ, да смориште, чтобы все было чисто и подмешено въ присущивенныхъ мѣстахъ. Разбитыя стекла, заклеенныя бумагою, пошчасъ всшавить ; полы вымышь, со споловъ чернильными пышна соскоблишь осто-

Мартъ 1832

43

рожно, чтобы не стереть краски, и чтобы на каждомъ сползъ стояли чернильницы и несочиницы, и, сохрани Богъ! чтобы не было помадныхъ банокъ вмѣсто чернильницъ. Я тебѣ, Кузьма Петровичъ, давно говорилъ — продолжалъ Сундуковъ; обращаясь къ Секретарю Узднаго Суда — и далъ денегъ, а ты, я думаю, пропилъ ихъ» — Помилуйте; Ваше Высокоблагородіе, Тимоѣй Игнатьевичъ! — ошъивчалъ Секретарь. — Давно все куплено, но я не отдавалъ подъячимъ: боялся, что они разобьютъ или украдутъ; а для такого торжественнаго случая чернильницы и несочиницы непременно будутъ поставлены. — «Тошоже, братецъ, смотри ты у меня. Да послушайте! пожалуста займитесь подъячими: чтобы все они были умыты, чтобы волосы у нихъ были расчесаны и приглажены, ногши обстрижены, бороды выбриты; чтобы на всехъ были бѣлыя рубашки; подтвердите имъ также, чтобы, когда Его Высокопревосходительство войдетъ, все низко ему кланялись, чтобы никто въ присутствіи его не осмѣливался сморкаться въ руку, харкать и плевать на полъ; чтобы ни у кого не было разодранныхъ на локтяхъ рукавовъ; чтобы сапоги были у всехъ крѣпкіе и не замараны въ грязи: лучше эшакиихъ канальцевъ прогнать проспо изъ Суда, а то, сохрани Богъ! ежели Его Высокопревосходительство увидитъ такой безпорядокъ, бѣда да и все шумъ.

Онъ не столько взыскиваетъ за упуцденіе и медленность въ дѣлахъ, какъ за нечистоту и неоприятность. Пожалуста, чшбм вездѣ было подмешено и усмано пескомъ; Его Высокопревосходительство вездѣ ходилъ и самъ лично своими глазами все осматриваетъ. Впрочемъ все, что Его Высокопревосх. болѣе всего любитъ, кажется сдѣлано. Видѣ сполю въ канцелярскихъ комнашахъ уже выкрашены желшою краскою?» — Какъ-же съ: вездѣ выкрашены — опвѣчали Судья и Секретари.

«Ну, а шы, Г-нъ Исправникъ!» продолжалъ Сундуковъ: «что дорога въ нашемъ уѣздѣ, гдѣ Его Высокопревосх. поѣдетъ?» — Ужъ въ эпомъ будьте покойны! Не только всѣ мосты и гаши исправлены, но и горы срышы, и дорога вса вычищена, и даже пыль мешлами смешена: весь уѣздъ поголовно былъ высланъ — опвѣчалъ Исправникъ. — Говорятъ, на меня хошатъ подавать много просьбъ казенные крестьяне и одиодворцы, потому что до помѣщичьихъ имѣній, особенно-же гдѣ живутъ сами господа, я не касался; но вы, Тимошей Игнатъевичъ, всегдашній милосливецъ и благодѣтель, защитите меня. — «О! брашецъ, въ эпомъ будь увѣренъ. Просипо: кшо подаситъ просьбу, или осмѣлился жаловаться, прямо заковайтъ да и въ шюрью. Бездѣльники! да о чемъ имъ жаловашь-

ля? Теперь рабочая пора.... Ну что за важность? Успѣюшъ еще убрать хлѣбъ и тогда, какъ Его Высокопревосходительство уѣдетъ.»

« Чего ожидаешь, ежели имѣніе настоящаго дворянина, воспитаннаго въ правѣхъ хорошей нравственности, перейдетъ въ руки взяточника или плута? »

Неизвѣстный.

Но, прежде чѣмъ мы приступимъ къ описанію праздника, даннаго Сундуковымъ, исполнимъ наше обѣщаніе: расскажемъ исторію постепеннаго его возвышенія, и посмотримъ, какими средствами нажилъ онъ большое состояніе.

Въ самую блистательную эпоху его величія еще жили старики, помнившіе его отца мѣщаниномъ и цѣловальникомъ; даже и до сего времени двоюродные братья героя нашего, Тимофея Игнатьевича, оспались въ мѣщанствѣ. Склонность къ мошенничеству обнаружилась въ отцѣ его съ малолѣтства. Онъ искусно приворовывалъ, но не тратилъ краденыхъ денегъ на лакомство, или на какойнибудь вздоръ, а пряталъ ихъ, зарывалъ въ землю, въ опшдаленномъ углу родительскаго огорода, и въ лунныя ночи, попихоньку, ходилъ пересчитывать краденныя деньги. Однажды отецъ подмѣшилъ это, выко-

палъ деньги и спрячалъ къ себѣ; но увидѣвъ , что любимый сынъ его Игнашка въ опчаяніи , такъ что чуть не наложилъ на себя руки, онъ поспѣшилъ показать ему деньги его, и, не спрашивая , откуда досталъ онъ ихъ , увидѣвъ , что взялъ къ себѣ , только для того , чтобы другіе не украли; а у него будущъ онъ въ сохранности, и онъ всегда можетъ спросить на нихъ и скупить.

Между тѣмъ Игнашка выросъ , возмужалъ , женился на мѣщанкѣ-же , однакожъ съ хорошимъ приданымъ , и вступилъ въ промыселъ цѣловальника въ одномъ богатомъ однодворческомъ селеніи. Тутъ раскрылись всѣ великія его способности : онъ безсовѣстно обиралъ несчастныхъ однодворцевъ , спаввалъ ихъ съ кругу, давалъ вино въ долгъ , приписывалъ , потомъ взыскивалъ , бралъ за безцѣнокъ домашній ихъ скотъ и хлѣбъ , а съ ними просто снималъ шулуны и кафтаны ; но , не ограничиваясь однимъ ремесломъ цѣловальника , онъ ссорилъ однодворцевъ между собою , научалъ ихъ подавать просьбы другъ на друга , за тѣмъ , что обыкновенно при слѣдствіяхъ бывающъ сходки шариковъ и сзывающа поняшы изъ другихъ деревень. Мѣсто такихъ собраній назначается обыкновенно подлѣ кабака , и пошому , ежели ссора не оканчивалась мировой , то есть всеобщимъ опьяненіемъ

спариковъ , поняшихъ и обоихъ соперниковъ , то и безъ этого бывала ему всегда большая пожива отъ часныхъ сходокъ, пошому что оканчивашь слѣдствіа однимъ разомъ Земскіе Суды не любяшъ.

Но самый главный барышъ получилъ Игнашка цѣловальникъ отъ одного, имъ самимъ изобрѣшеннаго плушовства: онъ часто, на сходкахъ, толковалъ спарикамъ, шо естъ самымъ оплечнымъ и избраннымъ изъ всей деревни дуракамъ и пьяницамъ, что они зѣваки, ибо не опискиваюшъ земли, насильно захваченной сосѣдними помѣщиками у ихъ предковъ. «А что малый! Вѣдь Пафнуіевичъ дѣльно гупаритъ. Что имъ зѣваемъ?» восклицали эти велемудрые Архоншмы, воспламененные словами, и еще болѣе виномъ его. Онъ поддерживалъ ихъ и наконецъ взялся доставить имъ хорошаго повѣреннаго. Нѣсколько сходокъ, шо естъ пьисшва, было, чшобы слушапъ плуша повѣреннаго, кошорый имъ доказывалъ и толковалъ, почему ихъ дѣло правое, обнадеживал, что они навѣрное ошнимушъ у помѣщиковъ землю. Они слушали его, ничего не понимали и пили вино Пафнушъича. Опашъ были сходки, чшобы разложишъ, по скольку собратъ съ души на хлопошы повѣренному; пошомъ часто возобновлялись собранія смхъ мудрецовъ для слушанія описокъ повѣреннаго,

въ какомъ положеніи ихъ дѣло: все это умножало пьянство и набивало карманъ Игнашки, который не оставлялъ припомъ употреблать и прочихъ обыкновенныхъ средствъ цѣловальничьихъ, каковы: подпалкиваніе подъ руку, лишній начепъ на выпившагося изъ ума человека, и безсовѣстное подливаніе воды въ вино. Но все это еще было ничто въ сравненіи съ тѣмъ, когда по процессу однопорцевъ пріѣхалъ къ нимъ въ село Землемѣръ съ Земскимъ Судомъ, повѣрять землю въ напурѣ: шупѣ Игнашки въ сундукъ полилась золотая рѣка. Кромѣ того чинъ Землемѣръ былъ самъ знаменитая пьяница, и безъ зазрѣнія пилъ простое вино въ видѣ ерофея, онъ цѣлый мѣсяцъ продолжалъ повѣрку, то есть ежедневное пьянство. Всякій день собирались появные и рабочіе люди на межу, и сходки шариковъ; всѣ къ вечеру бывали мѣршвецки пьяны. Однакожъ Землемѣръ, какъ говоришь пословица, гулялъ, а дѣла не забывалъ: онъ масшерски бралъ взятки съ мужиковъ, уверяя, что рѣшитъ дѣло въ ихъ пользу. Но помощникъ Землемѣрскій, который все дѣлалъ у пьянаго своего начальника, наконецъ прямо сказалъ несчастнымъ, которыхъ они грабили цѣлый мѣсяцъ, что ничего не будетъ, ежели они не дадутъ двухъ тысячъ рублей, и что безъ того они яхъ чему не приступятъ и на другой-же день уйдутъ. По сему важному случаю опять была

сходка, разумѣется, у кабака. Спарики не знали, что имъ и придумашь. Деревня вся была ограблена, шакъ что не шолько двухъ тысячъ, шо естъ слишкомъ по рублю съ души, но и по десяти конѣекъ вновь собрать было не лзя.

Именно эшого-шо давно и ожидалъ Игнашка цѣловальникъ, и по его наущенію Землемѣрскій помощникъ наложилъ шакую безсовѣстную дань. Игнашка предложилъ мужикамъ двѣ тысячи рублей, но съ шѣмъ, чтобы они опдали ему въ наймъ на десяшь лѣтъ свои опдаленные, шакъ называемые, *загонтики* и *смажки*, шо естъ около 500 десятишинъ общей земли, кошорая, говорилъ онъ имъ, далеко отъ селенія и совсѣмъ имъ не къ рукамъ. Спарики съ-цѣла топчасъ согласились. Игнашка вынесъ имъ деньги и съ ними формальную бумагу о сей опдачѣ, заблаговременно приготовленную, написанную по формѣ и засвидѣтельствованную въ Судѣ, шакъ что опказаться и нарушить условія никакъ было не возможно.

Деньги топчасъ были доставлены Землемѣру, кошорій обѣщалъ не далѣе какъ на другой-же день опрѣзать имъ всю землю у помѣщиковъ. Съ ушра собралось шроекъ 20-ть, съ колокольчиками, и человекъ 400 поняшихъ, верхами. Землемѣръ съ-позаранку наръзался, съ большимъ шрудомъ взлѣзъ на шѣлегу, и со всѣмъ корше-

жемъ, окруженный старостною, десятишскими и многесипвомъ однодворцевъ верхами, ошпразился на межу.

«Вошъ эшо все ваше!» кричалъ Землемѣръ, наслу поворачивая языкомъ, но показывая на обѣ спороны руками. «Эй вы, православные, споронніе люди, поняшые! слышите-ли? Вошъ эшо все ихъ!» — Какъ-же, башюшка Ваше *Благоуродіе*, слышимъ-ста — опивѣчали поняшые, снявъ шляпы. — «Да какъ-же, Ваше *Благоуродіе*, шутъ господскій домъ и усадьба?» — спросилъ сшароста. — Все ваше, говорю я вамъ. Экой болванъ! говорятъ шебъ, все ваше! — продолжалъ Землемѣръ, прикладываясь къ шпофу съ ерофеичемъ, который былъ посшавленъ для него въ штегъ. — Все вамъ опдаю: и господскій домъ, и усадьбу: все долой! — «Много благодарны за милосшъ швою — говорили просшосердечные однодворцы. — «Ну, а вошъ эшошъ дальній лѣсокъ: пожалуй намъ, башюшка; лѣсокъ-шо больно хорошъ.» — Какой лѣсокъ? — продолжалъ Землемѣръ, кошорый опъ чрезмѣрнаго упошребленія ерофеича потерялъ равновѣсіе и упалъ въ штегъ. — «Вонъ шотъ дальній лѣсокъ.» — Вашъ; возмаше его — прибавилъ онъ не смощри, пошому что вино совшмъ усыпшало его, и онъ лежалъ расштанувшимъ въ штегъ. — Все ваше! ну вошъ все, что глазами окинешъ, все вамъ

опдаю. Знай меня, все ваше! помѣщиковъ долой, все берите; бей въ мою голову: я за все отвечаю! Да кто пропавъ меня осмѣлился спорить? Я казенный человѣкъ: опдаю вамъ, да и шолько! — бормошалъ онъ сквозь сонъ, и потомъ такъ сильно захрапѣлъ, что подводчикъ его оспановился.

«Что-жь намъ теперь дѣлать?» спросили однодворцы у помощника. — Онъ вамъ отвѣлъ землю: вотъ и дѣло кончено — отвѣчалъ помощникъ. — «Такъ мы теперь-же отберемъ все у помѣщиковъ; свеземъ ихъ хлѣбъ къ себѣ, разломаемъ и раззоримъ дома ихъ и усадьбы.» — Онѣтъ: этого не могли дѣлать; подождите и пришлите къ намъ въ городъ повѣреннаго вашего. Земля въ напурѣ осмолѣла, а шамъ все пойдетъ своимъ чередомъ. — Помощникъ, сдѣлавъ имъ сіе наставленіе, велѣлъ взять пьянаго Землемѣра въ городъ, и самъ туда-же отправился: а однодворцы возвратились по домамъ, прославляя великодушіе *Межеваго*, что отвѣлъ имъ такъ много земли, которую они вѣкъ никогда не получили-бы въ свое владѣніе. Остался въ барышахъ Землемѣръ, Помощникъ его, Земскій Судъ и больше всѣхъ Игнатка цѣловальникъ. Онъ ту же самую землю, которую взялъ у однодворцевъ за двѣ тысячи на 10-ть лѣтъ, послѣ имъ же отдавалъ въ наймы ежегодно по 10-ши рублей за десятину.

Вопшъ какъ часто и очень часто поспунають крючокшворцы! Плущм пользующся незнаіемъ въ дѣлахъ и протосердечіемъ невинныхъ и пестасшныхъ поселянъ, завлекають ихъ въ пустые процессы и раззоряють.

Такимъ образомъ богатство, благопріобрѣтаемое цѣловальникомъ Игнашкой средствами, шоль честными, ежедневно увеличивалось. Между шѣмъ отецъ его умеръ, и ему, какъ старшему въ семьѣ и смышленому сыну, поручилъ весь свой домъ, капишалъ, нажишой мѣлочной торгшвлею, и меньшихъ двухъ брательевъ. Одного изъ нихъ Игнашка, вскорѣ послѣ смерти отца, постарался ошдашь въ рекруты, а съ другимъ поссорился, завелъ шажбу, и шопш былъ очень радъ ошдѣлаться отъ него, получивъ можешъ быть десятую часть того, что ему слѣдовало. Вопшъ и еще умножилось богатшство Игнашки черезъ погубленіе и раззореніе родныхъ брательевъ.

Хозяинъ его, узздный откупщикъ, велъ худо дѣла свои. Цѣловальникъ Игнашка предлагъ ему услуги, снабжалъ его въ крайности деньгами, показывалъ необыкновенное усердіе, и шакъ подбился, что откупщикъ совсѣмъ ввѣрился ему и сдѣлалъ его главнымъ повѣреннымъ. Тушъ имѣлъ онъ случай еще блистательнѣе показать свои способности, цѣощралъ изъ-подъ

руки подавашъ на него ложные доносы о корчемствѣ въ сосѣднихъ уѣздахъ, брать взяшки съ цѣловальниковъ и позволялъ имъ плутовать; словомъ : обманывалъ хозяина, обворовывалъ, и въ самое короткое время привелъ его въ совершенную неспособность, пустилъ по міру, а самъ сдѣлался вмѣсто его хозяиномъ.

Нѣсколько сроковъ сразу держалъ онъ одинъ опкупъ и умѣлъ очень искусно вести свои дѣла; устроилъ, съ пособіемъ друзей, непозволительныя выспавки на границѣ уѣзда, и продавалъ въ нихъ вино дешевле; нашелъ нѣкошорыхъ помѣщиковъ въ сосѣдственныхъ уѣздахъ, принявшихъ на себя благородную должность быть его агентами : они брали отъ него бочки съ виномъ и продавали сами, въ подрывъ своимъ опкупщикамъ; умѣлъ запускать многихъ винокуренныхъ заводчиковъ и завести съ ними несправедливыя пижбы въ корчемствѣ; припѣснѣлъ сдатчиковъ, обманывалъ цѣловальниковъ, построилъ самъ огромный винокуренный заводъ изъ казеннаго лѣсу, который былъ названъ негоднымъ къ произрастанію; словомъ : успѣлъ шакъ скоро и шакъ искусно разбогатѣть и наворовать шакую кучу денегъ, что не зналъ, куда съ ними дѣваться.

Въ это время, какъ по обыкновенно съ шакого рода богачами, пришло ему въ голову же-

ланіе бытъ дворяниномъ. Припомъ-же, куда лучше упошребить капиталъ свой, какъ не на пріобрѣтеніе недвижныхъ имѣній, которыя у знатныхъ господъ тогдашняго и нынѣшняго времени всегда можно покупать за безцѣнокъ? Онъ нашелъ въ одномъ ошдаленномъ уѣздѣ бѣднаго дворянина одной съ нимъ фамиліи. За весьма умѣренную цѣну согласился эпошъ дворянинъ признать Игнашку Сундукова своимъ родственникомъ и помѣспить его въ свою родословную. Съ друзьями все можно сдѣлать; припомъ-же доказательсва Игнашки были шакъ ясны, шакъ краснорѣчивы, шакъ убѣдительны, что невозможно было сомнѣваться въ его дворянствѣ. Онъ съ попомомъ своимъ, по еспъ съ героемъ нашего повѣспіованія, сыномъ Тимошкою, котораго уже давно начали величать Тимоѣеимъ Игнашьевичемъ, признанъ былъ по всей справедливости происходящимъ ошъ благороднаго рода Сундуковыхъ, и, не смотря на то, что родные его племянники оспавались мѣщанами, ему выдана была Дворянская грамоша. Тогда поштупилъ онъ въ гражданскую службу, и, занимаясь по прежнему воровспвомъ и грабительспвомъ по ошкупамъ, споль усердно служилъ, что вскорѣ удосшоенъ былъ повышенія въ Офидерскій чинъ. Сынъ также обнаружилъ большія дарованія, достойныя его папеньки: былъ во всемъ самымъ благонадежнымъ сподвижникомъ

его, и даже во многомъ превзошелъ своего опца, то есть, выдумывалъ такіа мошенничества и вѣроломства, которыя шому и въ голову не приходили. Онъ также, какъ природный Дворянинъ, скоро вышелъ въ чины.

Давно у опца и сына было въ помысленіи купить, изобильныя землею и лучшія въ уѣздѣ, деревни, до пяти тысячъ душъ, у богатаго и знашнаго Кнзя Милославскаго, который никогда не выезжалъ изъ Петербурга, служилъ при Дворѣ, любилъ проживать деньги, однакожъ, имѣя большое сословіе, довольствовался малымъ obroкомъ, и крестыане его были первые богачи въ уѣздѣ. Какимъ образомъ присупишь къ этому дѣлу? Чесъ изобрѣтеніа принадлежала сыну цѣловальника, Тимоеею Игнасьевичу, и онъ взялъ на себя свершишь весь подвигъ. Прежде всего онъ отправился въ тѣ деревни, подружился съ управителемъ, поилъ его, дѣлалъ ему всякіа услуги, обѣщалъ, что ежели успеетъ купить все имѣніе, то дастъ ему купчую безденежно на особую деревню, триста душъ. Управитель пришелъ въ искушеніе, и, подъ руководствомъ Тимоеея Игнасьевича, началъ дѣйствовать, сталъ грабить и приписывать крестыанъ, объявилъ имъ, что получилъ приказаніе отъ помѣщика посадить ихъ на барщину, и вздумалъ отбирать у нихъ землю; крестыане, подстре-

жаемые лазутчиками, подосланными къ нимъ отъ Сундукова, не хотѣли слушаться. Именно это и было надобно. Тотчасъ послано объявленіе въ Земскій Судъ, что крестьяне вышли изъ повиновенія. Всѣ гарпіи и вампиры явились немедленно усмирять ихъ. Началась *сексуція*, какъ говорятъ въ деревняхъ, то есть, хвастали и ковали правыхъ и виноватыхъ, сѣкли, дѣлали пощипанія. *Ходоковъ*, отправленныхъ отъ міра въ Петербургъ, къ барину, съ челобитною на управителя, поймали на дорогѣ, и, какъ главныхъ возмущителей, сковали и посадили въ тюрьму. Въ то же время послалъ управитель эскадръ къ Князю, что въ деревняхъ его сдѣлался бунтъ, отъ того, что онъ требовалъ уплаты оброка, столь незначительнаго по ихъ состоянію, и «что они окаянные, забывъ всѣ отеческія милости и милосердіе Его Княжескаго Сіятельства, оштрафовались въ сѣпи дьявола, который попушалъ ихъ и заставилъ бунтовать противъ милосердаго отца своего.» Вскорѣ послѣ отправленія эскадры и самъ Тимоѣей Игнашевичъ. Сундуковъ поскакалъ въ Петербургъ.

Онъ повезъ съ собою много наличныхъ денегъ, но не вдругъ бросился съ предложеніемъ купить нѣміе несчастнаго Князя, котораго Сундуковы въ совѣтѣ своемъ расположились обмануть. Камердинеръ его былъ подкупленъ; онъ сообщалъ

имъ, какъ и когда удобнѣе открышь башарен. Онъ передалъ имъ, что баринъ чрезвычайно огорченъ извѣстіемъ о бунтѣ своихъ крестьянъ и называетъ ихъ неблагодарными, попому что онъ всегда поступалъ съ ними какъ отецъ (отеческія милосши его заключались въ томъ, что онъ никогда въ деревняхъ своихъ не бывалъ, нуждъ крестьянскихъ не зналъ и отдавалъ все на жершву управителю-мошеннику).

Дѣла Кнзя были уже давно разстроены; по необходимости надлежало ему продать нѣкоторую часть имѣнія, для запламы долговъ. Онъ рѣшился сбыть эти деревни и поспѣшилъ объявить о томъ въ газетамъ, покажутся еще слухъ, что мужики бунтуютъ, не сдѣлался гласнымъ; но Тимоѳей Игнапьевичъ, какъ искусный ловецъ, еще все выжидалъ благопріятнаго случая. Ему извѣстно было чрезъ камердинера, кто являлся торговать и какую предлагали цѣну. Тотчасъ разными способами старался онъ опиводить покупателей: иному объявилъ, что крестьяне бунтуютъ и совершенно раззорены; другому внушалъ, что имѣніе малоземельное и не выгодное. Между тѣмъ, разглашая, что Князь совершенно разстроился въ дѣлахъ своихъ, онъ скудалъ за полцѣны векселя его, которые вдругъ представилъ ко взысканію и настоятельно потребовалъ уплаты. Князь самъ долженъ былъ

пригласить его и убѣждать объ отсрочкѣ или сдѣлкѣ, предлагая ему свои деревни; но Сундуковъ отказывался отъ покупки, оговариваясь тѣмъ, что мужики бунтовщики и совершенно раззорены. Въ первый разъ уѣхалъ онъ, не соглашаясь ни на отсрочку, ни на покупку.

Запруднительное положеніе Князя часъ отъ часу увеличивалось. Сундукову было извѣстно, что у него совершенный недоспашокъ въ деньгахъ и онъ въ отчаяніи, тѣмъ болѣе, что при Дворѣ назначены были по какому-то случаю праздники, и ему надобно было, чтобы не осрамиться, сшить по крайней мѣрѣ шри или чепыре дорогихъ Французскихъ кафшана (въ то время еще не было придворныхъ мундировъ). Сверхъ того обязанъ онъ былъ дать большой праздникъ на дачѣ, въ день рожденія жены своей. Въ долгъ никакъ не вѣрилъ; съ женою дѣлались безпрестанные спазмы и исперика, когда онъ объявлялъ, что не имѣетъ возможности, за недоспашкомъ денегъ, дать праздникъ, къ которому она уже многихъ пригласила. Словомъ: такое спеченіе бѣдственныхъ обстоятельствъ было слишкомъ тягостно для чувствительнаго сердца Князя. Сундуковъ воспользовался стѣсненнымъ его положеніемъ и купилъ имѣніе за безцѣнокъ; а къ довершенію всего, по ошибкѣ сдѣлалъ купчую не на имя сво-

Мартъ 1832.

его отца, у котораго кромѣ его еще были дѣти, но на собственное свое имя.

По прибытіи въ пріобрѣтенное имъ столь честнымъ образомъ вѣнне, началъ онъ штиъ, что не только не отдалъ 300 душъ, общинныхъ соумышленнику его, управителю Князя, но выгналъ его изъ дома, и, обвиняя въ разныхъ злоупотребленіяхъ, остановилъ всѣ его пожизки, и завелъ съ нимъ процессъ, такъ что все, что шотъ наворовалъ во время управленія, перешло по процессу къ Сундукову. Крестыиъ онъ скоро *усмирилъ*: ошобралъ кшо побогаче, и называя ихъ буншовщиками, присвоилъ себѣ все ихъ имущество; иныхъ продалъ въ рекруты (шогда было сіе позволено); другихъ сослалъ на поселеніе; дѣтей ихъ взялъ во дворъ; отдалъ иныхъ въ разные мастерства; изъ другихъ сшормировалъ вокальную, инструменшальную и роговую музыку; произвелъ нѣкоторыхъ въ пѣвчіе, акшеры, шанцовщики, шо есть, положилъ основаніе многочисленной шеперешней дворнѣ своей.

Такихъ образомъ, замышочные крестыиане въ скоромъ времени праведены были въ нищешу; большая часть земли у нихъ ошобрава; заведена значительная господская запашка; усшроеиъ огромный винокуренный заводъ, на кошоромъ крестыиане упошреблены были въ работу. Ииъ

и прежде никогда не приходило въ голову бунтовать, а въ шеперешнемъ положеніи еще меньше: все было тихо и спокойно. Въ два или три года, мѣтніе Сундукову само собою совѣтъ окупилось. Съ ошцемъ онъ скоро примирился въ шомъ, что купилъ мѣтніе не на его, а на свое имя: онъ показалъ ему ошибку въ данной ошъ него довѣренности на полученіе капиша-ловъ изъ Опекунскихъ Совѣтовъ; однакомъ не упоминалъ о шомъ, что передъ онѣздомъ въ Петербургъ, онъ-же самъ сочинилъ и далъ под-писать ошпу сію довѣренность. Тимоеей Иг-нашнѣтъ клался своему родителю, и снялъ со стѣмъ образъ, цѣловалъ его въ подшверженіе своей кляшвы, что онъ не воспользуется ошиб-кою, и раздѣлилъ все поровну съ братьями и сесшрами. Ошецъ не вѣрилъ его кляшвамъ, ви-дѣлъ явную злоумышленность, но онъ уже спа-вовался спаръ, ему нуженъ былъ по обшир-нымъ дѣламъ его и оборонамъ такой искусный помощникъ; по необходимости показывалъ онъ видъ, что вѣритъ. Впрочемъ, хорошее мѣтніе его объ Тимоеей Игнашнѣвнѣтъ оправдалось по-слѣ самымъ событіемъ. Не только не раздѣлилъ онъ сего мѣтнія поровну съ братьями и се-сшрами, а присвоилъ все себѣ, но и вошелъ, во смерти ошца своего, во всемъ оставшемся послѣ него, въ участіе, и получилъ наравнѣ съ вротчимъ. Ссора и вѣчная вражда между нѣтъ и

брашьями и сеспрами, была слѣдствіемъ сего ; но Тимоеей Игнашьевицъ мало объ этомъ безпокоился , и чтобы нашишь побольше богатства , почиталъ всякія средства позволишельными.

Вопшъ Тимоеей Игнашьевицъ сдѣлался уже богатшійшимъ помѣщикомъ въ уѣздѣ. Чтобы прикрышь низкое свое происхожденіе и войдши въ родство съ знашними , онъ спарался женишься на дворянкѣ извѣстной фамиліи. Въ семействѣ Князя Развращова , который прожилъ все имѣніе, нашелъ онъ предметъ своихъ исканій. Спаршая дочь его , довольно пожилая, Княжна Ольга Петровна , рѣшилась забышь знашность и соединишь судьбу свою съ богатымъ сыномъ цѣловальника. Супружество ихъ , какъ и должно было предвидѣшь , не могло бышь счастливымъ ; но выигралъ въ этомъ случаѣ одинъ Сундуковъ. Онъ достигнулъ своей цѣли — всупилъ въ родство съ знашними , а бывшая Княжна ошиблась въ своихъ ожиданіяхъ : мужъ держалъ ее спрого и не давалъ денегъ на мотовство ; слѣдствіемъ сего были безпрестанныя ссоры : они жили какъ кошка съ собакой. Жена ненавидѣла его , и , раздраженная скупосшію мужа , вѣсмъ гласно жаловалась , называя себя несчастною , проклинала судьбу свою , не иначе именовала Тимоеея Игнашьевица , какъ *цѣловальникъ отродѣ* ; и даже спаралась возсмановишь дѣшней

тропикъ него. Но онъ , не взирая ни на что , шеспивовалъ поспоянно избранною имъ дорогою , обманывалъ и поступалъ вѣродомно со всѣми , не исключая рѣшишельно никого , ни даже собственннхъ дѣшей своихъ.

Онъ богашѣлъ частъ опъ часу болѣе и болѣе , и безпресшанно покупалъ деревни , спольже чесшными и благородными способами , какъ у Квизы Милославскаго. Въ скоромъ времени большая часть уѣзда ему принадлежала. Осшавшихся помѣщиковъ онъ припѣснѣлъ , или склонѣлъ на свою спорону. Давая имъ взаймы деньги и попомъ угрожая взысканіемъ , онъ заспавлялъ ихъ бытъ безмолвными ; словомъ : онъ всѣхъ завоевалъ , и , разумѣеся , нѣсколько выборовъ сряду былъ безсмѣннымъ Предводителемъ ; ему всегда подносили бѣлые шары. Партію имѣлъ онъ сильную , пошому что бѣдныхъ дворянъ возилъ въ губернскій городъ , къ выборамъ , на своихъ лошадяхъ , обмундировывалъ , поилъ и кормилъ на свой счетъ , но и въ эшомъ случаѣ не шерѣлъ расчешовъ. Ерофеичъ для пойла ихъ пригошновѣлъ у него дома , изъ своего вина ; пиво было также домашнее ; множеспво мерзлыхъ куръ , гусей , утокъ , свиинны , и прочаго , достпѣвалось къ нему въ городъ изъ его деревень , слѣдовательно и содержаніе партіи не шѣлъ дорого спюило. Порядочные и благонамѣренные

дворяне именно потому только не ѣздили на выборы, что знали напередъ безуспѣшность усилій своихъ противоемать Чингисъ-Хану Сундукову. У него заблаговременно, еще передъ началомъ выборовъ, собирался въ деревнѣ Сеймъ, на которомъ опредѣлялъ онъ, кому быть Судьею, Исправникомъ и Засѣдателями. Никто не дерзалъ противиться ему, и назначаемые имъ самимъ чиновники, бывъ ему всѣмъ обязаны, и опасаясь навлечь на себя гнѣвъ милосердца и покровителя своего, были всегда покорнѣйшими и послушнѣйшими слугами его. Онъ дѣлалъ въ уѣздѣ все, что хотѣлъ, и горе было тому помѣщику, который не преклонялъ передъ нимъ выи своей! Въ имѣніи такого дерзновеннаго, непремѣнно, или находили мертвыя шѣла, или ловили бѣглыхъ, и крѣстьяне его были пристанодержателями.

Распространяя далѣе свои *завоеванія*, Сундуковъ употребилъ во зло благонамѣренное по-
снаноженіе Правительства, которое назначило награды въ поощреніе благомыслящихъ, дѣлающихъ пожертвованія изъ своихъ избытковъ на богоугодныя заведенія. Сундуковъ выстроилъ огромную больницу въ уѣздномъ городѣ своемъ; во паружности тамъ все казалось прекрасно: кровати были поставлены; въ аптекѣ находились банки съ золотыми надписями; была кух-

ни, щегольски опдѣланная; словомъ : все было чудесно ; только болѣлые являлись труда по на-
раду , изъ здоровыхъ крестыянъ или дворовыхъ
людей Сундукова , на короткое время , когда
прѣзжали начальники или знашые чиновники
черезъ городъ ; послѣ они опять *выздоровѣла-*
ли , и никогда ни одного болѣлого изъ чудесной
больницы Сундукова не находилось.

Хотя онъ получилъ крестъ за сіе заведеніе ,
но честолюбіе его постепенно возрастало : ему
хотѣлось еще награды. На большой дорогѣ , въ
деревнѣ , гдѣ была всегдашняя его резиденція ,
онъ выстроилъ все на иносправный манеръ.
Каменные , красивые крестыянскіе дома были
покрышы черепицею ; пергдѣ каждымъ разведены
небольшіе садики и посажены фрукшова де-
рева ; внутри все было чисто и опрышно ; пе-
редъ домами усыпано пескомъ ; земледѣльческія
орудія и штеги стояли подѣ особымъ навѣ-
сомъ. Среди деревни сдѣлана была площадь ,
вымощенная камнемъ , на которой выстроилъ
Сундуковъ башню съ высокою каланчею , для
ома на случай пожара. Нѣсколько заливныхъ
шрубъ , бочекъ съ водою и всѣ нужные пожар-
ные инструменшы стояли подлѣ , также подѣ
навѣсомъ. Въ башнѣ сей находилась главная
воштанныя коншора и запасный магазейнъ , куда
собирался мірской хлѣбъ. Тамъ же хранились го-

лубые и сивіе крѣстьянскіе кафтаны, красныя рубашки, шляпы и копы или сапоги: все это крѣстьяне его обязаны были надѣвать на пошолько время, когда помѣщикъ показывалъ посѣщителямъ свою деревню, а пошомъ все отбиралось обратно въ магазинъ. Огромная церковь стояла на возвышеніи; кругомъ ея разведенъ былъ Англійскій садъ. Дома Священника и причта были также каменные, крытые черепицею, и прекраснаго фасада. Господскій великолѣпный домъ находился на высотѣ, противоположной церкви. Службы, садъ, оранжереи — все одно другому соотвѣтствовало и представляло блестящую наружность. Сувдуковъ пригласилъ къ себѣ Его Высокопревосходительство начальника своего, и приготовилъ ему праздникъ, съ нѣмъ намѣреніемъ, чтобы онъ самъ лично изволилъ видѣть, въ какомъ порядкѣ и какъ чудесно устроена его деревня. Послѣ этого надѣялся онъ убѣдить Его Высокопревосходительство представивъ его къ наградѣ, какъ примѣрнаго помѣщика, въ поощреніе, чтобы и другіе приучали крѣстьянъ своихъ къ такому-же порядку, чистотѣ и опрятности, какіе заведены у него.

« Je suis dévoué de cœur, et d'âme aux
« personnes de condition; je me plais à
« leur être utile et agréable de quelque
« manière que cela soit. »

Le Sage.

« Я преданъ всею душою и всѣмъ серд-
« цемъ знатнымъ людямъ; за честь
« себя пославая быть имъ полезнымъ
« и пріятнымъ всякими средствами. »

Лесажъ.

Софья не поѣхала на праздникъ Сундукова. Алексѣй также оспался съ больною женою; но Фамусова не хотѣла пропустить случая видѣть, какъ будутъ угощать Его Высокопревосходительство. Она боялась опоздать и поѣхала очень рано. Пронскій желалъ также посмотрѣть всѣ провинціальныя *продѣлки* при угощеніи вельможи, и чтобы имѣть возможность, издали и не бывъ никѣмъ замѣченнымъ, дѣлать наблюденія, не надѣлъ ни звѣзды своей и ни одного ордена.

« Помилуй, другъ мой! » сказала ему жена его. « Какую безсовѣстную шутку хочешь ты сыграть съ Сундуковымъ! Онъ именно звалъ тебя такъ униженно для мебели и для украшенія своего праздника, чтобы послѣ говорить: « И не одинъ Его Высокопревосходительство поспѣшилъ меня: на моемъ праздникѣ были и дру-

«гіе кой-кто *лямогники*.» А ты не надѣваешь своей звѣзды. — Запѣмъ-то и не надѣваю, чтобы не быть замѣченнымъ—опыталъ Пронскій.— Я знакомъ съ героемъ, для котораго дается праздникъ; онъ уменъ, и шутчасъ, какъ меня увидятъ, переимѣнитъ свой шонъ; а мнѣ хочется смотрѣть на него во всемъ его блескѣ, какъ онъ, не опасаясь никакихъ замѣчаній, поступаетъ съ своими подкомандующими и въ кругу подобострастныхъ, для которыхъ одинъ взглядъ или одно слово его есть законъ. — «Посмотри: Сундуковъ будешь въ большой на тебя прешептѣи; ты уничтожаешь всѣ планы его,» продолжала Софья. — Пускай его сердится! Я ѣду не для того, чтобы имѣть честь присутствовать на его праздникѣ, а для собственнаго своего удовольствія. Я совѣтъ не намѣренъ быть дѣйствующимъ лицомъ: хочу просто наблюдать разнообразныя фیزیогноміи — опыталъ Пронскій со свѣхомъ, прощаясь съ женою и садясь въ коляску.

Подѣзжая къ деревнѣ Сундукова, встрѣтила-ся онъ съ Графомъ Чесноновымъ, Адъютантомъ вельможи. Пронскій зналъ и уважалъ этого молодого человека. Онъ остановилъ его. «Помилуй, брашецъ, куда ты скачешь отъ праздника?» сказалъ онъ ему. «Ты разрушаешь всѣ мои надежды: я думалъ провести это время съ те-

бою.» — Мнѣ очень жаль, что я самъ лишень удовольствія быть съ вами — отвѣчалъ Графъ Чесноновъ. — Но я сѣйшу къ мамушкѣ, которая не очень здорова. Чшожъ до праздниковъ, то они мнѣ надобны до смерти: скоро мѣсяцъ путешествую я съ Генераломъ; желудокъ мой испортился и голова болѣшъ опъ всего, что вижу и слышу. Въ ушахъ безпрестанно раздается: *прославимъ, прославимъ!* Онъ нагальникъ и отецъ. *Мы сплелемъ ему вѣнецъ, изъ признательныхъ* (или: шакого-шо уѣзда) *сердецъ.* Или: *Восхищается онъ естъ насъ;* или: *Славься нѣжный къ намъ отецъ!* А въ одномъ уѣздѣ пропѣли: *Славься нѣжная къ намъ мать!* — Пронскій помиралъ со смѣху. — Однакожъ, иногда зпла нѣжная мать — продолжалъ Графъ Чесноновъ — весьма не нѣжно поспушаетъ съ дѣтьми своими. Не даѣе какъ вчера, былъ я свидѣтелемъ уморительной и выѣстѣ съ шѣтъ очень непріятной сцены. Генералъ осматривалъ сосѣдственный съ здѣшнимъ уѣздный городъ. Еще передъ ошѣздомъ своимъ получилъ онъ жалобу на какое-шо, уже слишкомъ наглое, злоупотребленіе Суда этого уѣзда. Онъ взялъ жалобу съ собою, съ шѣтъ чшобы лично, на мѣстѣ, разсмотрѣть все дѣло. Какъ будто нарочно, при первомъ вступленіи въ Судъ, начали его сердить: онъ нашелъ ужасную нечистоту на крыльцѣ и на лѣстницѣ. Ни что въ мірѣ шакъ не можешъ взбѣснѣть его, какъ безпорядокъ ша-

кого рода. Потомъ, при входѣ въ Канцелярскую, въ Судѣ гнѣвъ его усилился: онъ нашелъ запачканные сшолы, вѣсто чернилъницъ какія-шо банки, дурной запахъ, нечистыхъ, въ изорванныхъ и изношенныхъ серпукахъ подъячихъ, сидящихъ на изломанныхъ спулахъ, на коробкахъ и сундукахъ, гдѣ хранились дѣла, словомъ: вездѣ отвращительную нечистоту и беспорядокъ. Онъ обратился на Секретаря, бранилъ его воромъ, разбойникомъ, душегубцомъ, общалъ ему примѣрное наказаніе; словомъ: шакъ былъ взбѣшенъ, что чужъ не бросился его бить. Потомъ вошелъ въ Судейскую, и не ошвѣчая на поклоны Судьи и Засѣдашелей, сѣлъ на Президеншское мѣсто и потребовалъ шо дѣло, объ кошоромъ доведено было до его свѣдѣнія передъ ошѣздомъ изъ губернскаго города. Сгорича, онъ не имѣлъ шерпѣнія ничего чшашъ и шолько перевершывая листы бранилъ, какъ можно хуже, Судью и всѣхъ Присущшвующихъ. Судья ошѣлился напомнишь ему, что онъ Дворянинъ и Шшабъ-ошцдеръ. «И шы ошѣливаетшся еще говорить?» закричалъ на него Генераль. «Какой шы Дворянинъ! Благородные люди не дѣлають шакихъ мерзостей. Пошелъ вонъ ошсюда!» Выгнавъ Судью, принялся онъ за Засѣдашеля, сшоявшаго ближе къ нему. «Какъ шы ошѣлился подписать шакое незаконное рѣшеніе?» — Кшо? я, Ваше Высокопревосходительство? Не

знаю, подписывалъ-ли я; а впрочемъ, ежели Судья подпишетъ и Секретарь скрѣпитъ, то что-же нашему брату оспаслся дѣлать?—«Какъ что? Болванъ! должно смотрѣть, что подписываешь, и не соглашаться на то, что прописивно законамъ.»—А почему мнѣ знать, Ваше Высокопревосх., что прописивно законамъ? Секретарь подбираетъ ихъ, а намъ надобно только подписывать.—«Вотъ поди, полкуй съ этимъ осломъ. Давно-ли ты служишь здѣсь Засѣдателемъ?»—Еще первый выборъ. Я недавно вышелъ изъ военной службы. Да что, позвольше правду сказать Вашему Высокопревосх., ежели нашему брату ссориться, то надобно умереть съ голоду. Вотъ я еще жалованья копѣйки не видалъ; все вычитается за штрафы, а со всѣмъ пѣить живу покаместъ кое-какъ.—На это Генералъ, бывъ вновь разсерженъ за другое, не успѣлъ дать отвѣта: онъ замѣтилъ, что въ дверяхъ другой комнаты, гдѣ помѣщался Земскій Судъ, Исправникъ, бывшій въ ссорѣ съ Судьею, подслушивалъ, шоржесествовалъ и вмѣстѣ съ своими Засѣдателями потихоньку посмѣивался. Генералъ слышалъ много проказъ и объ Исправникѣ: вызвалъ его и Засѣдателей на сцену, разбранилъ какъ не лзя больше, и въ сердцахъ вышелъ изъ Суда. Коляска его была готова у крыльца; онъ побранилъ еще Городничаго, и прямо по-

ѣхалъ въ дорогу. — «Воптъ за дѣломъ прїѣзжалъ въ Судъ!» сказалъ , пожимая плечами, Пронскій.

— Только началъ было онъ понемногу успокоиваться въ коляскѣ — продолжалъ Графъ Чесновъ — какъ вновь былъ взбѣшенъ при одной дурной переправѣ черезъ рѣку, на поромѣ; а къ довершенію всего, шутъ-же подали ему крестьяне жалобу на Исправника , который безсовѣстно во всемъ ихъ приписываетъ: собравши съ нихъ деньги на мостъ , положилъ ихъ къ себѣ въ карманъ; моста не дѣлаетъ и позволяетъ поромщикамъ брать съ нихъ-же , что имъ захочется. Вы можете вообразить , что досадилось Исправнику: онъ ругалъ его немилосердо , записалъ фамилію и поздравлялъ навѣрное солдапомъ. Вдругъ этакъ подлець надаешь предъ нимъ на колѣни. «Батюшка, Ваше Высокопревосходительство! прости насъ великодушно! будешь нѣ въсто ошца и мапери! клянусь вамъ , вѣкъ этого не буду дѣлать.» — Вснать, мерзавецъ! — опивчалъ ему Генералъ. — И пресупленіе и раскаяніе одинаково гадки! Сей часъ ошдай крестьянамъ деньги ихъ , мостъ сдѣлай на свой счетъ , а сего-же дня подай въ ошсставку; иначе я тебя не прощу. — Милосердый ошець и милосшвецъ! — сказалъ Исправникъ вешавая. — Все непременно будешь сдѣлано. Пожалуйте ручку.» Сколько

ни былъ сердитъ Генералъ, но послѣ этого насилу ногъ удержавшись отъ смѣха, отвернулся отъ него, и пошелъ садиться въ коляску.»

Пронскій съ негодованіемъ слушалъ сей разсказъ. «И это дворяне!» вскричалъ онъ. «Однакожь разсуди самъ, любезный Графъ, безпристрастно: можно-ли какому нибудь хорошему человѣку брать на себя должности по выбору? Почему швой Генералъ, по однихъ поданнымъ къ нему просьбамъ, не изслѣдовавъ и не распросивъ, позволилъ себѣ ругать немилосердо Дворянъ? Почему ему знашь, точно-ли справедливы эти жалобы? Ну что, ежели который изъ нихъ точно невиненъ, каково ему было слышать незаслуженныя ругательствя?» — Конечно это правда — отвѣчалъ Графъ Честоновъ. — Я не оправдываю такого предосудительнаго злоупотребленія власни начальника; но его точно можно извинить. Здѣсь открылись ему шакіе ужасы, что хошь кого должны были вывесить изъ терпѣнія. Впрочемъ, воля ваша, почтенный Николай Димитріевичъ, а всему причиною то, что хорошіе, благонамѣренныя Дворяне уклоняюся отъ выборовъ, и собственное спокойствіе свое, семействъ своихъ и имѣнія предаюшъ на жертву мерзавцамъ. Вы не можете повѣрить, до какой степени достигли здѣсь злоупотребленія. — «Очень вѣрю и согласенъ съ тобою; но ни кому ни

надобно забываясь : всякій обязанъ знать мѣру своей власи и не выходить изъ границъ — возразилъ Пронскій. — Но это не наше дѣло ; каждый разсуждаешь и поступаешь по своему образу мыслей. Скажи : ты проѣзжалъ мимо деревни Сундукова ? Тамъ, говорятъ, чудеса приготовлены.» — Вы сами увидишь; не спану говорить ничего ; только повѣрьте : изъ всего, что вамъ представится, самое гадкое и отвратительное самъ хозяинъ. Я не могу равнодушно сморгнуть на этого мерзавца. — «Помилуй, братъ! ежели не сморгнешъ равнодушно на всѣхъ мерзавцевъ въ здѣшнемъ мѣстѣ, то надобно большую часть жизни провести зажмуривъ глаза. Да за что онъ такъ сильно возбудилъ негодование твое пропивъ себя?» — Кромѣ того, что вся жизнь его есть цѣль злодѣйствъ, послѣднее вѣроломство его съ общимъ нашимъ знакомымъ, Александромъ Андреевичемъ Чадскимъ, превосходящее всякое вѣроятіе. — «Какъ! съ Чадскимъ? Какимъ образомъ могли они сойтись и гдѣ онъ теперь? Я такъ давно потерялъ его изъ виду.» — Онъ живетъ не далеко отсюда, въ маленькой своей деревенькѣ, оставшейся у него отъ всего большаго его состоянія. По несчастію, у него было значительное имѣніе по близости отъ Сундукова, который, по обыкновенію, сдѣлалъ планъ пріобрѣсти это имѣніе, и употребилъ извѣстныя и всегда одинакія свои

средства. Онъ зналъ, что Чадскій былъ ничего не долженъ; скупилъ векселей его, за безцѣномъ, писалъ на прѣмъ, и пошталъ представилъ ко взысканію. Чадскій прѣхалъ къ нему просить ошеровки. Этимъ воспользовалась дочь его Глафира; она довольно умна и большая кокетка; словомъ: Чадскій былъ заведенъ ею, спалъ съ нею, получилъ согласіе, а въ приданое за нею Сундуковъ отдалъ его-же векселя, но заставилъ вѣдѣть Чадскаго переписать ихъ на себя имя. Чадскій нашелъ въ женѣ своей пренебрежительную, сварливую, злую женщину, которая мучила его, но имѣла однакожъ большое вліяніе на его нравственность. Вы знаете, какой вспыльчивый былъ у него характеръ? Въ самое короткое время она шакъ его переѣлила, что онъ сдѣлался тише воды, ниже травы, и я часто со смѣхомъ напоминаю ему стихи Хемницера:

Да чѣмъ-же малаго шакъ усмирили?

Женни.

Но представьте, что сдѣлалъ съ нимъ пошленный павенька. Онъ заставлялъ, обманомъ, или не знаю какими средствами, дочь свою передать векселя мужа на свое собственное имя, и представилъ ихъ ко взысканію. Чадскій ничего не зналъ и не вѣдалъ; вдругъ, въ одно прекрасное утро, прѣзжаетъ къ нему въ деревню

Мартъ 1832.

15

Земскій Судъ, съ объявленіемъ, что имѣніе его продано за долги и принадлежнъ уже Тимоѣю Игнатьевичу Сундукову. Вы можете вообразить, до какой степени пораженъ былъ Чадскій шакимъ невѣроятнымъ вѣроломствомъ. Онъ поѣхалъ къ доброму пастырю, разбранилъ его какъ каналью, но шѣмъ все и кончилось: поправить ничѣмъ было не лзя; имѣніе перешло въ вѣчное и пошомспвенное владѣніе Сундукова. Жену свою, подозрѣвая въ злоумышленности, не смотря ни на какія оправданія, онъ прогналъ отъ себя, и объявилъ рѣшительное намѣреніе, вѣкъ не видаваться съ нею. Происшествіе это сильно распростомло, и безъ того уже слабое, здоровье Чадскаго: онъ часто бываетъ боленъ и шакъ цоспарѣлъ, что его узнать не лзя.—«Хорошъ, дорошъ, Г. Сундуковъ, молодецъ хоть куда!» сказалъ Пронскій, качая головою. «Нѣшъ, еще не скоро у насъ въ Россіи общее мнѣніе будетъ уважено и послужитъ наказаніемъ мерзавцамъ.» Однакожъ, ежели вы хотите заспать праздникъ и всѣ *продѣлки* Сундукова съ самаго начала и во всемъ блескѣ — продолжалъ Графъ Честомовъ, вынимая часы — то пора вамъ ѣхать: герой праздника шеперь скоро явится.

(До слѣд. книжки).

CC LX глава изъ III части Странника.

Много разъ слышала я, долго и сама думала, что и поэтъ созданъ для разнообразія въ мѣрѣ, что и онъ, подобно всѣмъ художникамъ и ремесленникамъ, существуетъ для промысла, но... что-же скажу я прошивъ этого молодому мѣну? Вопросимъ Оракула...

Но до Оракула далеко,
Далеко, милые друзья!
Дойдши сего дня до Востока,
Мнѣ кажется не въ силахъ я,
Но вѣсть! Для васъ, мои богини,
Какъ мысль крылатая паря
Черезъ Аравійскія пустыни,
Черезъ горы, степи и моря,
До мѣстъ гдѣ теплится заря,
Достигну я!.. Достигну, дѣши!
Шалуны!.. Ночь уже пролетѣла
Тму разстояній и сполѣпій,
И слава Богу живъ и цѣлъ.
А вы?.. устали?.. о малюпки!..
Какъ жаль мнѣ васъ! какъ не пенять!
Ну для чего, затѣмъ вамъ брать
Съ собой въ дорогу предразсудки?..

Тяжелая ноша, избави Богъ, какая тяжелая ноша! сказать-бы и Александръ Васильевичъ, Русская душа, великая душа, чистая, огненная душа!

Но вошь храмъ Аммона, вошь Оракулъ; слушайте оцѣвъ его:

Погибни въ помѣтѣ оспашокъ чувства,
Пусть въ жизни все ему на зло,
Кто даръ счищаетъ за искусство,
А трудъ души—за ремесло!
Я жизни сей не рабъ презрѣнный,
Я проводникъ того огня,
Который движетъ всей вселенной
И съ неба льется на меня!

А. Вальтманъ.

—NON—

— *Ермакъ*, трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, съчиненіе Алексѣя Хомякова. М. Въ ш. Селивановскаго. 1832. 167 стр. in-8.

Въ наше время, теорія Драматической Поэзіи разсмотрѣна, объяснена, изслѣдована до высокой степени совершенства. Надобно быть знакомымъ съ твореніями знаменитыхъ Критиковъ, освѣтившихъ внутренній смыслъ Драмы Древней, Шекспировской и Классической, чтобы вѣрно судить о явленіяхъ Драмы Новой. Такого благородное назначеніе, такая сила истины: раскрываясь передъ умственнымъ окомъ немногихъ, счастливыхъ любителей своихъ, она, избирая ихъ своимъ органомъ, черезъ нихъ распространяетъ свѣтъ свой на всѣхъ, безъ исключенія. Впрочемъ, не будучи ни волшебствомъ, ни чарованіемъ, истина и должна существовать для всѣхъ людей, ибо иначе она не была бы истинною. Вслѣдствіе сего закона, теорія Драмы въ наше время существуетъ одна, для всѣхъ, за исключеніемъ немногихъ, упрямыхъ и лѣнивыхъ умовъ, подобныхъ Алеутскимъ островитянамъ, которые лежа въ десяти шагахъ отъ ручья свѣтлой воды, жалуются на жажду и умоляютъ прохожаго согнать ихъ съ мѣста и заставить напиться. Но гдѣ возбуждательный прутъ для нашихъ лѣнивцевъ? Оставимъ ихъ лежать на мѣстѣ и обратимся къ своему предмету.

Почти всѣ главные теорическіе вопросы Драммы рѣшены. Остаеся пояснить немногое и согласишься въ неоконченныхъ вопросахъ о единствѣхъ, о выборѣ прозы или стиховъ, и подобныхъ предметахъ. Но это уже частности, которыя каждый народъ долженъ рѣшать отдѣльно для себя, сообразаясь съ своимъ языкомъ, своею частною привычкою, своими обычаями. Напримѣръ, развѣ богъ Поэзіи могъ-бы передѣлать Французскіе Александрійскіе стихи въ пышнотопные безъ рифмъ, но Французамъ это невозможно, ибо несвойственно съ обыкомъ ихъ слуха.

Не странно-ли однакожъ, что теорія столь хорошо объясненная, согласная съ умомъ и требованіями всѣхъ, однимъ словомъ: истинная теорія нашей Драммы, не имѣешь никакихъ практическихъ доказательствъ, ни у насъ, ни у Французовъ? Въ самомъ дѣлѣ, осмотришься и укажишь хоть на одно произведеніе современное, которое было-бы достойно теоріи Шлегелей, Шплеровъ, Экштейновъ, извлекающихъ ее изъ безсмертныхъ твореній Шекспира, Кальдерона и первобытныхъ драмъ, столь близкихъ, столь сообразныхъ идеалу Искусства? Нѣтъ, ничего нѣтъ! Ни В. Гюго, ни А. де Виньи, ни Пушкинъ не удовлетворяють насъ. Отъ чего? Неужели теорія новая недоступна для нашихъ силъ? Безразсудно было-бы подтверждать сіе, но не совсѣмъ къспаша было-бы и намъ предаться изслѣдованію столь огромнаго вопроса въ статьѣ, гдѣ главная цѣль наша: показать настоящее мѣсто *Ермака* въ современной Драмѣ. Мы по необходимости

должны объясниться кратко. Новая теорія не произвела ни одного великаго созданія, именно потому, что она еще слишкомъ нова. Гдѣ изложена сія теорія? Въ полемическихъ спорахъ, гдѣ оспаривали прежнюю Классическую теорію, гдѣ разрушали вѣское зданіе чотворной Драмы многихъ подражателей Древнимъ. Но когда время разрушенія было временемъ созданія? И могутъ-ли съ творческимъ спокойствіемъ принятыся за созданіе новаго шѣ руки, которыми на полѣ спора были враговъ? Оканчивались-ли въ одно, въ два, даже въ три поколѣнія всенірныя перевороты? Мы только разрушители въ Драмѣ. Безъ внутренняго сознанія, наши Драматическіе писатели находились подъ вліяніемъ Классической Драмы, еще болѣе нежели они воображаютъ себя. Причина понятна: они составили теорію свою изучая образцы чужеземныя; но по глубокимъ впечатлѣніямъ, по воспитанію, по привычкѣ оспались Классическими Французами. Не изъ души, глубоко проникнутой событіями родными или современными, явилась наша новая Драма, которой у насъ образцы *Борисъ Годуновъ* и *Ермакъ*. Скажемъ мимоходомъ, что главный недостатокъ *Бориса*, по мнѣнію насену, въ томъ, что Авторъ его слишкомъ материально подражалъ Шекспиру, не сообразивъ различія временъ и народовъ, и различія источниковъ, изъ коихъ черпалъ нашъ Поэтъ и Шекспиръ.

Ермакъ, по времени сочиненія, едва-ли не старшее *Бориса*, и, во всякомъ случаѣ, онъ отрясъ много же древа, которое родило трагедію Пушкина. Авторъ *Ермака* принадлежитъ къ новой школѣ Русскихъ Драматистовъ; онъ проникнутъ духомъ пре-

образованія ; онъ принадлежитъ къ реформаторамъ старой Трагедіи. Припомъ , дарованіе его чрезвычайно замѣчательно. Все это обязываетъ насъ заняться тщательнымъ разборомъ его трагедіи, дабы увидѣть: до какой степени простерлись наши успѣхи въ дѣлѣ драматической реформы ?

Сбросивъ съ себя оковы единства, вступительнаго акта, изложенія, Академическихкихъ ситуаций, и проч., Авторъ могъ дать полную свободу своему воображенію, и думать объ одномъ, необходимомъ единствѣ *дѣйствія*, объ одномъ интересѣ общемъ ; во всѣхъ частяхъ драмы, которыя должны принадлежать къ одному, главному событію. Но, воля ваша ! я не умѣю представить себѣ, что можно приходило въ восторгъ систематически, какъ то дѣлывалось прежде, и, по видимому, дѣлается нынѣ. Сначала авторъ задаетъ себѣ тему: напишетъ трагедію, ибо стихи пишутся у него легко и хорошо. Давай искажи предмета ! Прежде, бывало, для этого бросался къ Софоклу, къ Эврипиду, къ Корнелю, къ нѣкоторымъ другимъ, не столь славнымъ и шѣмъ болѣе пригоднымъ трагикамъ ; не то, начинають перебирать всю Греческую и Римскую Баснословную Исторію; иногда обращаются и къ бѣднымъ соотечественникамъ, но съ однимъ условіемъ: Игоря, Олега нарядишь въ шлемъ и доспѣхи Французскаго рыцаря, Князень Русскихъ преобразишь въ придворныхъ дамъ Французской Кроролевы, а бородастыхъ прислужниковъ ихъ и неловкихъ прислужницъ въ неопредѣленныхъ существъ, извѣстныхъ подъ характернымъ названіемъ наперсниковъ и наперсницъ. Зашѣмъ, всего ближе бывало, взять *Федру*, *Андро-*

маху Расинову, или *Замру*, *Альиру*, *Тамиреда*, *Вольшера*, или *Дюсисовы* подражанія Грекамъ, и половину стиховъ перелесши изъ нихъ, а остальное только расположить по плану которойнибудь изъ означенныхъ трагедій, и дополнивъ нѣкоторыми своими изобрѣшеніями (каковы: сонъ *Димитрія Самозванца*, пріемъ Посла Ташарскаго въ *Димитрія Донскаго*) и не многими стихами. Послѣ этого оставался одинъ трудъ: писать — и писали, и дописались до того, что сами начали смѣяться надъ собою. Вотъ правила, вотъ путь: прѣжняго воспорга и вдохновенія! Но при нынѣшней теоріи Драмы, другое требованіе, другія условія. Разрубивъ путь условныхъ законовъ, поэты наши подвѣрглись законамъ, гораздо болѣе и совсѣмъ иначе тяжелымъ. Опъ нихъ прежде всего требуютъ вдохновенія истиннаго. Взыскательность простирается до того, что даже хощашъ, чтобы поэтъ одушевился не мыслью написать то или то, а предметомъ поэтическимъ, который явившись въ радужныхъ цвѣтахъ воображенію, облекся-бы Искусствомъ въ осязаемыя формы и явился въ видѣ гимна, романа (эпопея нашего времени) или драмы, смотря по свойству своему. Опъ сего-то происходитъ въ наше время и наклонность къ Исторической Поэзіи, ибо сочиненіе, какого-бы то ни было рода, будетъ ближе къ истинѣ поэтической, когда основаніе его взято изъ происшествія невымышленнаго, по извѣстному закону, что никогда воображеніе человеческое не изобрѣщетъ такого поэтическаго событія, на нѣхъ шмыска представляетъ намъ Исторія, или дѣйствительность, и по тому, что міръ со-

временный представляеть мало возможности къ поэтическому одушевленію. Въ историческомъ романѣ, напримѣръ, основаніе готово: уиѣйше только найти поэтическія стороны его, уиѣйше развить голый, безспасный разсказъ Исторіи. Тоже условіе и въ трагедіи. Почти всѣ произведенія Шекспира изашы изъ Исторіи или изъ народныхъ преданій. Какъ великій геній, Шекспиръ, можешь бытъ безошчетно, провидѣлъ истину, оправданную теоріей, ибо въ Искусствѣ, шакъ-же какъ въ наукахъ, событія всегда предшествоуютъ системѣ. Чтобы узнать теорію электричества, надобно было прежде похитить искру изъ громоносныхъ облаковъ. Чтобы увидѣть истинное основаніе Драмматической Поэзіи, надобно было постигнуть безсмертныя созданія Драмматическаго генія. Это одинъ изъ славнѣйшихъ подвиговъ новой теоріи Изящнаго, гдѣ путь драмматическаго поэта столь-же различенъ отъ пути Французскихъ Классиковъ, какъ различны наши дороги съ колеями, по коимъ дѣлають паровыя кареты, отъ ненадежныхъ, грязныхъ дорогъ, по коимъ влчались рыдваны и повозки нашихъ праѣдовъ.

Авторъ *Ермака*, какъ видимъ изъ самаго созданія его, обладалъ всеми сими качествами. У него нѣтъ единства времени и мѣста, нѣтъ шестисложныхъ ямбовъ съ рифмами, нѣтъ натяжки въ изложеніи. Онъ былъ вдохновленъ предметомъ историческимъ (мы не хотимъ сказать: онъ избралъ предметъ историческій, ибо починаемъ Г-на Хомякова поэтомъ), и что гораздо важнѣе, историческій

предметъ , служащій основаніемъ его трагедіи , заключаетъ въ себѣ истинную поэзію. Сверхъ того , Русь , дикія красотою и полудикіе обитатели Сибири , слава и народность предмета , яркія краски отечественныхъ нравовъ — все представляло богатую жатву для его поэтического воображенія , для его изящной кисти. Любопытно послѣ сего видѣть , какъ воспользовался онъ своимъ предметомъ и до какой степени возвысился въ полетѣ своей.

Завоеваніе Сибири : вотъ слова , нераздѣлимыя съ именемъ Ермака , доставившія ему безсмертіе и народную славу. Цыперо буйныхъ Ашамановъ разбойничьихъ , Ермакъ Тимофеевъ , Иванъ Кольцо , осужденный на смерть за злодѣйства , Никита Панъ , Матвій Медерякъ , Яковъ Михайловъ , были ужасомъ береговъ при-Воджскихъ. Не одни окрестные жители мирныхъ селъ , но и воинственные обитатели улусовъ шептались ихъ имени. Кровавая слава Ашамановъ достигла слуха умныхъ богачей своего времени , купцовъ Спрогоновыхъ , которыми Іоаннъ Грозный далъ граматы на обладаніе безмѣрными пустынями , внизъ по Камѣ , отъ земли Пермской до рѣки Сымы , и по берегамъ всей Чусовой , дозволялъ ставить остроги , вѣсить огнестрѣльный снарядъ и войско на собственномъ издѣвленіи , словомъ : какъ умный политикъ , Іоаннъ сдѣлалъ ихъ владѣтелями непризнанныхъ странъ , но направилъ подвиги ихъ къ своей пользѣ. Не храбрые воители , но смѣлѣвые , предприимчивые люди , Спрогоновы рѣшились при-

звать Ермака , съ буйными его товарищами-разбойниками , и написали къ нимъ ласковое письмо , убѣждая покинуть ремесло поганое , взять оружіе за дѣло Православнаго Царя , и щѣмъ заслужить отъ него пощаду и помилованіе въ прежнихъ злодѣйствахъ , а отъ опечества честное примиреніе. Подувъ благородное призваніе Спрогоновыхъ , Ермакъ заплакалъ отъ умиленія : аки черта освѣщаетъ намъ душу смѣлаго завоевателя , ибо видимъ , что не одно мужество шанлось въ ней , но и добродѣтели болѣе возвышенныя. Признаюсь , что для меня Ермакъ , плачущій надъ призывомъ въ честную службу , шогательнѣе , краснорѣчивѣе Цезаря , который проливалъ слезы передъ изображеніемъ Александра Великаго. Я вижу , въ Цезарѣ , сквозь шуманъ не разразившихся еще страстей , честолюбца ; въ Ермакѣ , грубомъ , отчаянномъ разбойникѣ , благородную душу , которой было доступно раскаяніе , и которую расстрогивала мысль о примиреніи съ опечествомъ :

О слезы раскаянья ! Вами

Душа мирится съ небесами.

Извѣстны послѣдствія Ермаковой службы у Спрогоновыхъ : онъ завоевалъ Царство Сибирское , возложилъ новый вѣнецъ на главу Россійскаго Государя , и наконецъ погибъ въ неравной борьбѣ , ища сошны , сражался съ тысячами , и противоборствовалъ не однимъ воинамъ въ полѣ битвы , но и каждаму непріязненному , и врагамъ скрышнымъ , и году. Исторія Ермака составляетъ краткій , но блестя-

цій эпизодъ въ Исторіи Россійской, и тѣмъ выгоднѣе она для поэта, что онъ находить въ ней цѣлое, полное событіе, сіяющее поэзіей въ самомъ простомъ, безыскусственномъ разсказѣ. Посмотримъ, что сдѣлалъ изъ нея Авторъ трагедіи *Ермакъ*.

Онъ не хотѣлъ видѣть того, что видимъ мы, и что, вѣроятно, видятъ всѣ. Онъ не хотѣлъ воспользоваться высокою простотою подвиговъ своего героя, не хотѣлъ изобразить въ Ермакѣ завоевателя Сибири: онъ ввелъ его въ трагедію, основанную на вымыслѣ, раскрасилъ историческое событіе любовью, проклятіемъ отца, небывалой измѣной товарищей Ермаковыхъ, заслонилъ его воздушною невѣстою завоевателя Сибири, протѣщателемъ Шаманомъ, и проч. и проч. Надобно разсказать весь ходъ трагедіи, чтобы читатели видѣли все это вполнѣ.

Сибирь завоевана. Дѣйствіе ошнрывается въ сплнѣ Ермака, гдѣ, какъ видно, ошъ нечего дѣлать, завелась уже вражда и распри. Начавъ такимъ образомъ свою трагедію, Авторъ произвольно лишилъ ее цѣлости, отрѣкся отъ самаго высокаго подвига Ермака, рѣшающагося оставить ремесло разбойника и выкупить прежнюю жизнь нодами, великими дѣлами. Главная ошибка, что черезъ это Авторъ уничтожилъ единство дѣйствія въ жизни Ермака, и безъ всякой причины оторвалъ поэтическое начало того, на что рѣшился и что выполнилъ соей исполнить шемныхъ дѣловъ и народныхъ преданій. Посатъ этого было уже необходимо за-

защѣ и пушашъ узлы нѣтъ гнѣмыхъ , вѣтхихъ нишей любви , нѣтъны , проклятія , и прочихъ , вѣчныхъ принадлежностей Классической Трагедіи . И вотъ онъ пушается . Казаки , сторожа сѣнанъ , разсуждають , что Ермаку не одобровашъ , ибо является много злыхъ предвѣстій ; завидѣвъ Ерманъ , Казаки *отходятъ отъ него подалѣ* . Начинается длинный монологъ , гдѣ Ермакъ исчисляешъ мученія души своей и , наконецъ , засынаешъ . Входящъ Мещерякъ и Заруцкій (Есаулы , какъ называешъ ихъ Авшоръ) , вѣтспѣ съ нѣсколькими Казаками . Мещерякъ стараешся привести въ сомнѣніе воиновъ , но они худо вѣряшъ ему . Оставшись съ Заруцкимъ , Мещерякъ сказываешъ , что онъ пишашъ ненависть къ Ермаку за умерщвленіе брата и за разрушенныя надежды бышъ Ашаманомъ (хошя въ Ишторіи онъ вездѣ именуешся Ашаманомъ) , а Заруцкій намекаешъ , что онъ врагъ Ермаку за оскорбленіе , за обиду — какого рода ? неизвѣстно . Между шѣми , вообразиле неоспорожность ! Они и не замѣтили , что Ермакъ подѣ нихъ , спитъ , и бредишъ во снѣ . Мещерякъ хващашся за кинжалъ , но Заруцкій останавливаешъ его , и Мещерякъ успокоиваешся . Онъ ведешъ идши коварному товарищу возмущашъ Казаковъ . Онъ онышъ занесъ-было кинжалъ , но входитъ вѣрный Кольцо . Перемолвка между нимъ , въ кошери Кольцо совѣтуетъ Мещеряку бѣречъся , потому что онъ давно проникъ его замыслъ . Эта шещенная угроза остаешся безъ всякихъ послѣдствій . Просынаешся Ермакъ , и Кольцо извѣщаешъ его , что при входѣ въ сѣнанъ , Сибирскій идешъ Посолъ . Отправивъ за нимъ Мещеряка , Ермакъ остаешся еъ

Кольцомъ и въ продолжительномъ разговорѣ опровергаешь подозрѣнія вѣрнаго товарища пропавша Мещеряка, и рассказываешь видѣнный сонъ, предзнаменующій ему (Ермаку) смерть. Наконецъ, онъ говоритъ, что Кольцо долженъ ѣхать къ Юванну и вручить ему *жезлъ Сибири*. Радость и мечтанія. Расстрогавшись, Ермакъ рассказываетъ, что на Волжскихъ берегахъ живетъ *она, она*, которую любилъ онъ больше жизни, и что съ нею живетъ проклятый его отецъ. — Ермакъ отвергъ миръ и условія Кучума; Казаки, возмущенные Заруцкимъ, кричатъ: *Смерть, смерть Ермаку! — Разите!* говоритъ Ермакъ, снявъ шлемъ. Разумѣется, такая трагическая выходка обезоруживаетъ безумцевъ, ибо она уже множество разъ обезоруживала Грековъ и Римлянъ во Французскихъ трагедіяхъ. Первому дѣйствію конецъ. Читатели видятъ, сколько въ этомъ дѣйствіи *эффектныхъ* сценъ! Два раза кинжалъ занесенъ надъ Ермакомъ; Ермакъ во снѣ предвидитъ судьбу свою; Казаки бунтуютъ и преклоняются при одномъ словѣ Ермака. Дѣйствіе второе на берегахъ Оки. Ольга и Софья (настоящая Классическая наперсница), придутъ у порога хижины. Софья поетъ прелестную пѣсню, извѣстную всѣмъ и оканчивающуюся куплетомъ:

Но онъ преступникъ, онъ убійца;

О немъ и плакать мнѣ не лзя,

Ахъ, растворись моя гробница,

Опирайся широкъя земля!

Этотъ преступникъ и убійца — Ермакъ ; эта Ольга — она, онъ, о кошорой Ермакъ говорилъ Кольцу. Софья уходитъ , обѣщая придти , когда смеркнется , но будучи совершенно лишнимъ лицомъ , уже не является на сцену. Тимошей , отецъ Ермака , выходитъ съ жалобами на самого себя , раскаяваясь въ проклятіи , произнесенномъ сыну. Вдругъ откуда ни взялись Казаки. Они весело возвращаются съ Царскими милостями къ завоевателю Сибири , и тутъ опять идешь эффектная сцена , гдѣ все дѣйствіе держится на ничоткѣ : Казаки шутятъ старика разсказомъ о завоевателѣ , а старикъ вспоминаетъ , что и его сынъ хотѣлъ быть завоевателемъ ; шутко ни онъ , ни они не произносятъ имени Ермака : а Боже сохрани ! эшимъ уничтожилось-бы цѣлое дѣйствіе. Мало того: еще приходитъ Кольцо , и опять мучитъ старика ; наконецъ , уже кой-какъ дѣло объясняется , и Тимошей , вѣстивъ съ Ольгою , спѣшитъ въ Сибирь , къ сыну. Все это второе дѣйствіе совершенно не нужно, излишне; выкиньте его, и трагедія не пошерлеть ничего , кромѣ нѣсколькихъ гармоническихъ стиховъ. Дѣйствіе третіе въ ставкѣ Ермака , который проповѣдуетъ свое предчувствіе о смерти. Приходитъ Мещерякъ , и между ними завязывается длинный разговоръ , гдѣ Ермакъ говоритъ о близкой смерти своей , называя Мещеряка *другомъ* , а шутъ утѣшаетъ его , напоминая о любви , о славі ; но тщетно. Заруцкій приноситъ вѣсть (разумѣется ложную) , что Царь простилъ вѣсть , а Ермака осудилъ на смертную казнь. Ермакъ великодушно слышитъ спрашиваемый приговоръ ,

и оставшись съ Мещерякомъ , опять разсуждаешь о слабѣ , и уже не хочешь смерти : онъ готовъ воспротѣившись велѣнію Царя . Мещерякъ подстрекаетъ его . Ксшаши является колдунъ , Шаманъ , и предлагаешь Ермаку вѣнецъ , будто-бы скрытый отъ Кучума и предопредѣленный ему . Мещерякъ усиливаетъ желаніе возмущиться противъ законной власти ; Ермакъ колеблется , и требуетъ минушимъ размышленія ; оставшись одинъ , читаетъ длинный монологъ , и опровергаетъ всѣ льстивыя обоощенія Шамана , который удаляется съ угрозами . И это претіе дѣйствіе можно почестъ вовсе лишнимъ . Къ чему оно , даже по плану самого Автора ? Развиваются-ли имъ характеры ? Завязывается-ли интрига ? Ничего не бывало . Если не жалѣешь хорошихъ стиховъ Автора , то и претіе дѣйствіе можно выкинуть , не повредивъ трагедіи . Дѣйствіе четвертое ошкрывается совѣщаніемъ Заруцкаго и Мещеряка , разумѣется о гибели вождя ихъ . Шаманъ приходишь и составляешь съ ними планъ сей гибели . Но вотъ Казаки , вотъ Тимофей , Кольцо , Ольга . Тимофей умираетъ отъ усталости , но ждетъ сына , который шутъ и есть . Чшожь ? Узнали , бросились другъ къ другу ? Какъ-бы не такъ ! Безъ эффектной сцены ? Нѣтъ , Мм . Гг . ! Ни Тимофей , ни Ермакъ , не узнають другъ друга , говоряшь на трехъ странидахъ , и дѣло не подвигается впередъ . Ольга входишь на сцену , вскрикиваешь : Ермакъ ! и шутъ-шо уже начинаюшся лобызанія , признанія , утѣшенія ; шарикъ постепенно слабѣетъ , и Ермакъ , принявъ отъ Кольца дары Царскіе , въ угоду шарика наряжается въ броню ; шотъ утѣшается .

Мартъ 1832.

16

сына — и умираешь вмѣстѣ съ четвертымъ дѣйствіемъ. Узнавши четыре дѣйствія, читатель все еще не видишь, къ чему все это сплетеніе? Гдѣ тошъ Ермакъ, котораго знаешь онъ изъ Исторіи? Посмотримъ, что заключаешь въ себѣ дѣйствіе пятое. Не будешь-ли тамъ оправданіе уму и душѣ. Мещерякъ встрѣчается съ Шаманомъ. Они сговариваются, какъ напасть на Ермака, съ войскомъ, собраннымъ вѣрными всевѣдущимъ Шаманомъ, и уходятъ въ лѣсъ. Ермакъ и Кольцо на прощаніи, ибо Ермакъ идетъ въ новый походъ. Онъ опять предчувствуетъ свою смерть, и Кольцо самъ предчувствуетъ ее, однакожъ уговариваетъ начальника обратиться къ сердцу Ольги; но тошъ увѣряешь, что въ душѣ Ольги нѣтъ прежней любви, что она хочетъ заключиться въ монастырь; онъ велитъ проводить ее до горъ Уральскихъ. Кольцо увѣщаетъ Ашамана, по крайней мѣрѣ, не брать съ собой Мещеряка, но Ермакъ упорно вѣритъ преданности этого злодѣя, и расставшись съ Кольцомъ, читаетъ поэтическій монологъ. Только что ушелъ Кольцо, какъ Ермакъ начинаетъ подозрѣвать Мещеряка въ измѣнѣ; но уже поздно. Приказавъ Заруцкому быть бдительнымъ, онъ уходитъ въ станъ. Заруцкій поймалъ (изъ *бутылки*) спорожеваго Казака, и сонное зелье смыкаетъ очи безвѣснаго. Является Мещерякъ; закалываетъ соннаго Казака; за нимъ идетъ Шаманъ, съ шолпою Остриковъ; всѣ врываются въ станъ — и сцена остается пуста. Это должно быть удивительно эффектно, особенно когда изъ-за кулис слышны крики: *Измѣна! бейте! мстите за Сибирь!* На сценѣ Ермакъ съ За-

руцкимъ, кошораго онъ убиваетъ такъ, что тотъ падаетъ за кулисы. Но двѣ стрѣлы вонзались въ броню Ермака — и онъ читаетъ длинный, прощальный монологъ. Онъ всходитъ на скалу надъ Иртышемъ. Мещерякъ и прочіе хошатъ убить его, но онъ убиваетъ Мещеряка, бросается въ Иртышъ — и конецъ трагедіи!

Мы вѣрно пересказали содержаніе *Ермака* Г-на Хомякова, и пошому можемъ спросить у читателя: видѣлъ-ли онъ въ этой пьесѣ завоевателя Сибири? Единственная сторона, съ которой Ермакъ доступенъ Поэзіи, просмотрѣна Авторомъ, который хотѣлъ замѣнить нипересъ историческій собственнымъ вымысломъ, и исполнилъ это весьма неудачно. Онъ хотѣлъ выставить Ермака не тѣмъ, что былъ Ермакъ въ самомъ дѣлѣ, не грубымъ, хотя и мужественнымъ Казакомъ, не протосердечнымъ, цѣломудреннымъ (по словамъ самой Исторіи), вѣрнымъ слугою Царскимъ, но героемъ, рыцаремъ, Баярдомъ, и вмѣстѣ нѣжнымъ вздыхателемъ по небывалой Ольгѣ. Ошѣбка непоспѣжимая! Если Авторъ не хотѣлъ слѣдовать прямо Исторіи, если нахѣдилъ разсказъ ея не довольно краспорѣчивымъ, если само событіе не казалось ему довольно поэтическимъ, то онъ могъ, онъ долженъ былъ олицетворить народную славу Ермака, представить его такъ, какъ живетъ онъ въ преданіяхъ. Народъ не знаетъ ни цѣли Спрогоновыхъ, ни истины въ дѣяніяхъ Ермака, но онъ воображаетъ его и вѣрно и поэтически, представляя себѣ Ермака богомъ побѣды, грознымъ завоевателемъ, укрѣпленнымъ, находя-

вышъ во всѣхъ положеніяхъ; онъ говоритъ о единборствѣ его съ Мемешкудомъ, о слѣпомъ Кучумѣ, приведенномъ въ опочаіііе Ермакомъ; онъ наименовалъ его именемъ множесііво урочищъ, гдѣ побѣждалъ, гдѣ дѣлалъ засады, гдѣ странствовалъ и гдѣ погибъ Ермакъ. Въ темныхъ преданіяхъ народа могъ-бы найти Авторъ поэзію неподдѣльную, и представить намъ *Казака, завоевателя Сибири*, ибо повсроремъ, что это единственная и превосходная въ Исторіи Ермака сторона, которою должна воспользоваться Поэзія.

Но что сдѣлалъ Авторъ? Ермакъ и всѣ добрыя лица его трагедіи ни сколько не похожи на дерзкихъ, мужесіівенныхъ Казаковъ: это Нѣмецкіе студенты, прекрасно разговаривающіе по-Русски. Если-бы на завоеваніе Сибири отправился какой-нибудь Буршъ Гёттингенскаго Университета, съ толпою товарищей и филистеровъ, то въ трагедіи Г-на Хомякова была-бы истина. Но теперь — ея нѣтъ и слѣда.

Видимъ, что въ умѣ Автора остались глубокіе слѣды Классической трагедіи. Онъ только наружно сложилъ съ себя эластическіе оковы, въ конхъ расхаживали Французскіе прагматики. Несоблюденіе единствъ не послужило ему ни къ чему. Оно даже болѣе сдѣлало ему вреда, нежели пользы, ибо вмѣстѣ съ единствомъ мѣста и времени, онъ отбросилъ и единственное, необходимое единство дѣйсствія. Мы показали, что онъ не воспользовался поэзіею самаго подвига, поэзіею истины; но если су-

дѣлать его и по сдѣланному имъ плану, то не многое можно сказать въ его пользу. Зачѣмъ онъ пыталъ безвинную память Мещеряка? Развѣ не могъ Ермакъ погибнуть просто отъ непостоянства счастья, какъ было въ самомъ дѣлѣ? Развѣ не могъ Авторъ найдти развязки въ мужественномъ оповѣщеніи Ашамановъ, которые среди гибели говорили: «Воспомянемъ, братіе, обѣщаніе свое, какъ мы честными людьми предъ Богомъ обѣщали и слово дали, «ошину» не побѣжимъ, хотя до единого всѣхъ умремъ... И по смерти нашей память наша не оскудѣетъ, и слава наша вѣчна будетъ.» Не знаю, не болѣе ли поэзіи въ этихъ немногихъ словахъ, чѣмъ во всѣхъ, хитро-изысканныхъ заговорахъ Мещеряка, Заруцкаго и Шамана. Для чего прицѣплена къ трагедіи любовь Ольги? Къ чему самое лицо старика отца, который только задерживаетъ ходъ пьесы? Зачѣмъ ѣхала Ольга въ Сибирь? На что Софья? Но какими вопросамъ нѣтъ конца, и можно сказать положительно, что въ трагедіи *Ермакъ* нѣтъ никакого плана, никакого направленія къ одной, единой цѣли, которая совершившись, показала-бы полную, поэтическую мысль. Касательно мелкихъ несообразностей въ положеніяхъ, въ сценахъ, мы сдѣлали нѣсколько замѣчаній, излагая содержаніе пьесы. Пристрастіе Автора къ *эффектнымъ* сценамъ не имѣетъ границъ. Какъ самый изыскательный Классикъ, онъ пользуется всякими словомъ дѣйствующихъ лицъ, и доводитъ все это до необычайной тонины, шаквы, на примѣръ, сцены встрѣчи Тимофея съ Казаками и съ сыномъ. Тушъ подальше все державша на нишочкѣ. Пусть скажутъ

дѣйствующія лица одно слово, и цѣлаго дѣйствія какъ не бывало.

Наконецъ, надобно упомянуть и объ языкѣ дѣйствующихъ лицъ, что онъ вовсе не сообразенъ, ни съ вѣкомъ, ни съ историческою истиною, ни даже съ понятіемъ какого угодно чисташеля. Трагедія Г-на Хомякова извѣстна давно, и недоспашокъ сей оцѣненъ всѣми. Посему не почитаемъ себя обязанными подкрѣплять общаго мнѣнія выписками и указаніями. Разверните какую угодно страницу, и рѣшайте, кто это говоритъ : Русскіе-ли мужики и Русскія крестьянки, или Нѣмцкіе студены и воспитанные на романахъ Нѣмочки нашего времени ?

Но, высказывая откровенно все, что кажется намъ достойнымъ осужденія въ трагедіи Г-на Хомякова, мы хранили до конца удовольствіе сказать и то, что не зрѣлое, очень несовершенное произведеніе его доказываетъ въ немъ истиннаго поэта. Все, что говорили мы до сихъ поръ, доказываетъ только то, что Г-нъ Хомяковъ не трагикъ, что онъ не знаетъ своего истиннаго призванія. Но прочитавъ его трагедію, всякій убѣдился, что какъ Лирикъ, онъ не много имѣетъ себѣ соперниковъ во всѣхъ поэтахъ Русскихъ. Забудьте, что слѣдующіе стихи говоритъ Ермакъ, и наслаждайтесь красотою картинъ и гармонією звуковъ :

Какъ я люблю, подъ темнымъ кровомъ ночи
Прохладнымъ воздухомъ дышать ,

И съ шихимъ вдохновенемъ оти.
 Къ лазури неба подымають !
 Тамъ звѣзды яркія капляшся
 Вокругъ невидимыхъ осей ;
 Онъ шекуть , онъ спремѣяшся ,
 Рѣка не гаснущихъ огней.
 О спражи соннаго зѣбра ,
 Средь черныхъ и угрюмыхъ тучъ
 Залогъ спокойствія и мира !
 Какъ мнѣ пріятенъ вашъ дрожащій лучъ !
 Мнѣ кажется , онъ въ сердце проникаеть ,
 И силой пайной , неземной ,
 Успалой груди возвращаетъ
 Давно упратенный покой.

Еще болѣе поэзія въ слѣдующихъ словахъ молодого,
 будто-бы Казака :

Смотри ,
 Какъ вдалекѣ , волнистыми грядями,
 Ложился упреній шуманъ ;
 Какъ всходитъ солнце , неба великанъ ,
 Увѣнчанный безсмертными огнями :
 Вокругъ него , какъ раболѣпный дворъ ,
 Сѣдыя облака спадѣяшся ,
 И отъ лучей его злѣяшся ;
 Но онъ , увы , мой ослѣпляетъ взоръ !

 Земля прекрасна. Свѣтлою росою ,
 Какъ свѣтлою серебряной , покрылися поля :
 Но шамъ , подъ твердью голубою ,
 Все , все прекраснѣй тѣмъ земля.
 Тамъ жаворонки пѣснь шакъ сладко раздаются ;
 Игралъ съ вѣтрами , къ нему , къ Царю/свѣтлѣ ,

Орелъ такъ весело несется.

Ахъ! широкно вслѣдъ за нимъ душа кипитъ и
рвется:

у смертныхъ нѣтъ его могущихъ крылъ.

Признаюсь, именно эти стихи я люблю страстно: съ ними соединено для меня прогнательное воспоминаніе!.. Въ одно прелестное утро, въ кругу искреннемъ, незабвенный Веневитиновъ читалъ ихъ, подъ открытымъ небомъ, глядя на восходящее солнце, доверчиво предаваясь надеждѣ, и не предчувствуя, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ уже не будешь видѣть красотъ природы, не будешь одащать ихъ своимъ высокимъ одушевленіемъ!... Можешь быть это нескромность; но я не стыжусь ея!..

Вообще стихи Г-на Хомякова прекрасны. Трагедія его, написанная разномѣрными, вольными стихами, большею частію безъ рифмъ, служитъ самымъ громкимъ опроверженіемъ всѣхъ восклицаній защитниковъ шестистопнаго ямба съ рифмами. Кто и послѣ сего опыта не убѣдился въ превосходствѣ для трагедіи избраннаго Авторомъ рода стиховъ, съ тѣмъ не должно спорить.

Не смѣя указывать пупи дарованію истинному, мы жалѣемъ, что Г-нъ Хомяковъ не болѣе обращаетъ вниманія на Поэзію Лирическую.

К. П.

СОВРЕМЕННАЯ БИБЛИОГРАФІЯ.

РУССКАЯ ЛИТТЕРАТУРА.

Брошюрки. Издаваемые Иваномъ Кронебергомъ. № V, VI, VII. Харьковъ. Въ Университетской типографіи. 1831. 67, 82, 98 стр. in-8.

Мы долго замедляли извѣщеніемъ о трехъ послѣднихъ нумерахъ *Брошюрокъ*, издаваемыхъ Г-мъ Кронебергомъ. Чшожь дѣлать! Множество разныхъ обстоятельствъ опымають иногда всѣ средства заниматься предметами важными, глубокими, къ которымъ принадлежать и издаваемые Г-мъ Кронебергомъ книжки, основанныя на вѣрныхъ началахъ Философіи, глубокомысленныя, полныя идей, слѣдственно ускользающія отъ взгляда бѣглаго, мимущаго, къ какому чаще бываетъ расположенъ Журналистъ, и какого чаще требуютъ наши книги, столь-же не глубокія, легкія, прозрачныя, какъ и общество наше, это вѣрное подражаніе Кипа йскимъ шѣнямъ.

Отдохнемъ отъ этихъ эфемерныхъ явленій за плодоноснымъ трудомъ челоѣка истинно ученаго, Европейца съ Русскою душою.

№ 5-й *Брошюрокъ* заключаешь въ себѣ любопытную статью *О переселеніи твореній Искуства изъ*

звоеванныхъ земель въ Римъ. Дивный Римъ, средоточеніе міра въ продолженіе многихъ столѣтій, покорялъ оружіемъ народы: таковъ общій адѣжъ, который найдете вы и въ первой учебной книгѣ, и въ устахъ нашихъ образованныхъ людей. Но умъ нашего времени, вникая въ Исторію Рима, и разсматривая героевъ его (ибо Исторія каждого народа заключается въ его герояхъ), видишь, что завоеванія Рима были совершены не пошому только, что Римскіе солдаты дрались храбрѣ Картагенскихъ или Греческихъ. Нѣтъ! Римляне были выше и могущественнѣ всѣхъ современныхъ народовъ, не однимъ мужествомъ на полѣ битвы: добродѣтели ихъ, сдѣлавшіяся пословицею, въ противоположности вѣроломству Картагенянъ, fides rupta; ихъ неутомимая дѣятельность, и жалкая изнѣженность Грековъ; ихъ гражданская образованность, и грубое варварство народовъ Галліи и Германіи — вотъ истинная сила и оружіе, которыми Римляне покорили себѣ міръ. Когда Историческая чреда Рима кончилась, когда доблестныхъ сыновъ его замѣнили потомки недостойные, поддавшіеся гнусному эгоизму и страстямъ Цезарей, тогда Римское оружіе потеряло свою волшебную силу, и Римъ началъ клониться къ паденію. Воины Римскіе поддерживали свою славу и во времена Императоровъ, но вожди ихъ забыли свои добродѣтели, и выигрывая поля сраженій, не пріобрѣтали ничего болѣе. Замѣчательно, что вмѣстѣ съ доблестію, Римскіе властители потеряли и вкусъ къ произведеніямъ Искусства, ибо со временъ Нерона прекратился безпрерывный вывозъ статуи и картинъ изъ Греціи.

Можно почестъ грабительствомъ сіе насильственное лишеніе предѣстной Греціи лучшаго ея украшенія ; но какое-же завоеваніе не есть насильство? И въ наше время , человекъ , достойный Рима , силою завоеваній собралъ въ столицѣ Европы лучшія сокровища Искусствъ. Многіе называютъ сіе грабительствомъ ; но едва-ли справедливо. Въ гражданахъ Римской Республики была какая-то особенная спрасъ къ похищенію сокровищъ Искусства Греческаго. Картина , представляемая Г-мъ Кронебергомъ , въ этомъ отношеніи разительна и любопытна. Не знаеше , чему изумляться болѣе : ненадышимости-ли Римскихъ собирателей сихъ сокровищъ , или непостижимому множеству оныхъ , неисчерпаемому богатству , котораго не могло исчислить ничто , кромѣ времени. Одно исчисленіе драгоценностей , похищенныхъ Варрономъ , споль славнымъ по обвиненію Цицеронову , кажется упомянешъ воображеніе; но такихъ Варроновъ были тысячи !

Для полноты картины , представляемой Г-мъ Кронебергомъ , не худо напередъ прочестъ , нмъ-же помѣщенное въ *Амалтеѣ* , изслѣдованіе о причинахъ изобилія пластическихъ произведеній въ Греціи , сочиненное Якобомъ. Къ сожалѣнію , оно не кончено.

Гораздо замѣчательнѣе и важнѣе № 6-й Брошюрокъ , гдѣ Г-нъ Кронебергъ помѣстилъ *Матеріалы для Исторіи Эстетики*. « Каждая Наука ищетъ свою Исторію , и справедливо поступающъ тѣ , кои Исторію Науки излагающъ , изложивши напередъ

самую Науку, потому что чрезъ сіе самое Исторія оной содѣлывается яснѣе.» Но у насъ Эстетика почти не существуетъ, и все, «что до сихъ поръ писано, представляетъ наборъ мыслей и понятій неосновательныхъ, незрѣлыхъ, несвязныхъ, большею частію ложныхъ, или есть иностранное дерево, пересаженное на почву, для онаго еще неприготовленную. Переводы Нѣмецкихъ Эстетикъ никакой у насъ не принесутъ пользы, ибо онѣ всѣ основаны на Философіи своего времени, которой у насъ вообще нѣтъ. А когда и у насъ Философія возникнетъ къ жизни, тогда всѣ таковыя труды будутъ имѣть только историческую значительность. Не чрезъ то обогащается государство и пріобрѣтаетъ силы, что оно получаетъ извнѣ, но чрезъ то, что собственная его почва пораждаетъ и производитъ... Познакомимся напередъ съ происхожденіемъ Эстетики, съ разными понятіями, которыя съ оною сопрягали, съ успѣхами ея, и нынѣшнимъ ея состояніемъ. Изъ сего, кажешся мнѣ, явствовать будетъ, чего по сіе время искали, чего искашь не должно, и въ чемъ собственно состоятъ задача Эстетики (смр. 5, 6, 7-я).» Вотъ причины, побудившія Г-на Кронеберга заняться Исторіею сей Науки. Послѣ сего онъ начинаетъ изложеніе свое, разумѣется, Баумгаршеномъ. Мы говорили уже, въ извѣстнѣмъ о 1-мъ № *Брошюрокъ*, гдѣ также шла рѣчь объ Эстетикѣ, что не полагаемъ начала сей Науки у Нѣмцевъ. Каждый вѣкъ и каждый образованный народъ имѣетъ свою Философію, слѣдственно и свои понятія объ Изыщномъ, свою Эстетику. Но сія Наука не была *систематизирована*,

говоряшъ намъ ; мы согласимся съ этимъ положеніемъ , если намъ докажутъ , что не только во время Баумгаршена , но и въ наше время система-тизирована Философія . Мы съ благоговѣніемъ смо-тримъ на успѣхи сей послѣдней въ концѣ осмнадцатого вѣка , но съ тѣмъ вмѣстѣ не думаемъ , чтобы Философія была приведена въ систему . Такъ и Баумгаршенъ въ Наукѣ Изящнаго былъ снупенью , но не первымъ началомъ . Хотя не прямо , однакожъ наше мнѣніе оспариваетъ Г-нъ Кронебергъ , въ сспашъ о Баумгаршенѣ ; посему и почитаемъ мы себя въ правѣ подкрѣпить свое мнѣніе *собственными словами* Г-на Кронеберга : « Баумгаршенъ не со всею шочностію представилъ себѣ объектъ своей Науки , ибо онъ называетъ ее и Теоріей Изящныхъ Искусствъ , и яисшей Гнозеологіей , и Искусшвомъ прекрасно мыслишь ; почему у него и повторяются : *pulchritudo cognitionis sensitivæ , pulchre cogitare , pulchre cogitata* , и ш. п. *Его Эстетика* , оставшаяся по причинѣ его смерти неконченною , *есть въ сущности только теорія такъ называемыхъ Словесныхъ Искусствъ* » (стр. 11-я). И еще , говоря о Башшѣ : « Теорія Изящныхъ Искусствъ и Эстетика суть два дѣла розныя (стр. 14-я). » Какъ согласить сіи слова съ слѣдующими : « Если мы послѣдуемъ за посшепенно развивавшимися за симъ поняпіями о Природѣ , Искусствѣ , Идеѣ , и сравнимъ Баумгаршеново опредѣленіе *соответственности предмета съ его понятіемъ* , съ аксіомою нынѣшнихъ Эстетиковъ , *творенія исходящаго отъ идеи* , то мы видимъ шущъ не только первое и послѣднее кольцо цѣпи Эстетическихъ мысленій , но и

всѣ прочія кольца, связующія послѣднее съ первымъ (стр. 12-я). »

Добросовѣстно представивъ наше неогласіе съ мнѣніемъ Г-на Кронеберга, слѣдующаго въ семъ случаѣ мыслителямъ Нѣмецкимъ, мы ошнудъ не почитаемъ себя непогрѣшительными : напрошивъ, мы готовы сознаться въ ошибкѣ, если докажутъ, что наше мнѣніе несправедливо.

Послѣ сего Г-нъ Кронебергъ излагаетъ понятія объ Изящномъ слѣдующихъ писателей : Баштѣ, Винкельмана, Мендельзона, Зульцера, Канша, Гейденрейха, Шиллера, Шеллинга, Жанъ-Поля. Съ досадою встрѣтили мы въ концѣ спашья о Жанъ-Полѣ: *Продолженіе впрѣдъ*, ибо чрезвычайно любопытно видѣть изложеніе дальнѣйшаго развитія Эстетики, и особенно мнѣнія Г-на Кронеберга о нѣкоторыхъ изъ новѣйшихъ объяснителей Изящнаго, какъ-то Шлегеляхъ, Экштейнѣ, и современныхъ Французѣ школы Шотландско-Нѣмецкой. Не лзя представить себѣ, съ какимъ искусствомъ излагаетъ Г-нъ Кронебергъ многообъемлющія теоріи. Особенно замѣчательны спашья его о Каншѣ и Шеллингѣ. О семъ послѣднемъ онъ сказалъ на нѣсколькихъ страницахъ все, что было должно сказать, и при томъ представилъ вкратцѣ все введеніе Шеллинга къ его *System des transcendentalen Idealismus*. Это образецъ ошчетистаго, яснаго изложенія Философическихъ идей. Справедливо почитая Шеллинга блистательнѣйшею звѣздою въ мірѣ Философіи, Г-нъ Кронебергъ говоритъ : « Шиллеръ заключаетъ минувшее столѣтіе ; Шеллингъ начинаетъ текущее. Шел-

лингъ, какъ и всѣ великіе люди, имѣлъ и слѣпыхъ обожателей, и зоркихъ порицателей. Одни превозносили похвалами, другіе подавали презрѣніемъ и насмѣшкамъ его Философію. Достоинство оной здѣсь разсматривать не у мѣста. Извѣстно, что она имѣла и нынѣ еще имѣетъ великое вліяніе на обра-
ботываніе Наукъ. Эстетика получила чрезъ нее совершенно новую жизнь и форму, и заняла между философскими науками первое мѣсто.»

Въ 7-мъ № *Брошюрокъ* напечатано довольно большое сочиненіе: *О Рыцарской Поэзіи Германцевъ* (стр. 37 — 98-я). Сей предметъ, важный и новый на Русскомъ языкѣ, представленъ Г-мъ Кронебергомъ чрезвычайно занимательно. Сообщуемъ многимъ изъ нашихъ соотечественниковъ, часто и безъ толку толкующимъ о Рыцарской Поэзіи Среднихъ вѣковъ вообще, прочесть диссертацию Г-на Кронеберга. Они увидятъ огромность и величественность сего предмета. Впрочемъ и для всякаго, даже знакомаго съ подлинными сочиненіями, или съ подробными Исторіями Рыцарской Поэзіи, изложеніе Г-на Кронеберга не будетъ лишнимъ, ибо ссй Писатель умѣетъ всегда освѣщать свой предметъ яснымъ свѣтомъ идей глубокихъ, философскихъ.

Первыя 30 страницъ № 7-го *Брошюрокъ* заняты отдѣльными мыслями о разныхъ предметахъ, почти исключительно относящимися къ теоріи и практикѣ Изящнаго. Многія изъ нихъ превосходны. Душа и умъ чувствуютъ какой-то благородный восторгъ, встрѣчая, напримѣръ, слѣдующія мысли:

«Кромѣ Бога, никто не понимаетъ нашей Музыки: мы ее производимъ какъ глухо-пѣтые образуюшъ слова, и не понимаемъ языка, которымъ говоримъ.

«Сшановись какъ хочешь, ты все думаешь быть зрящимъ. Человѣкъ имѣеть сновидѣнія, можешь быть для того только, чтобы не переславаешь зрѣть. Весьма возможно, что внутренній свѣтъ изъ насъ когда нибудь выступишь, шакъ что не будемъ имѣть нужды въ другомъ.

«Есть люди, преисполненные колоссальныхъ оспашковъ, подобно землѣ самой; въ глубинѣ ихъ охладѣвшихъ сердець лежатъ окаменѣлые образы цвѣшовъ лучшаго времени; они уподобляются ствернымъ камнямъ, на коихъ видны изображенія Индѣйскихъ цвѣшовъ.

«Любовь умираетъ, какъ люди, чаще отъ пресыщенія нежели отъ голода; она живетъ любовью, но уподобляется Альпійскимъ растеніямъ, которыя питаются всасываніемъ въ себя влажности облаковъ, и истребляюшся орошеніемъ.

Лѣта юности! — вотъ наша Италія и наша Греція, наполненныя богами, храмами, радостію и весельемъ — но увы! часто, часто опустошаемыя Гошеами и Вандалами.

« Книги составляютъ новый родъ историческихъ существъ , но весьма значительный. Онъ , можетъ быть , поступилъ на что-то преданій.

« Три періода духовной жизни челоѣка. Въ первомъ , челоѣкъ живетъ внѣ міра ; во второмъ , въ мірѣ ; въ третьемъ , міръ живетъ въ немъ.

« Челоѣкъ можетъ только къ тому имѣть чувство , что уже въ немъ находишься ; мы понимаемъ только то , что органически въ насъ развивается ; ученіе есть только пища , возбужденіе организма.

« Винкельманъ говоритъ , что несогласіе мнѣній о красотѣ въ природѣ основывается на чувственныхъ наслажденіяхъ. — Отъ чего-же происходитъ то , что и послѣ удовлетворенія чувственного остается таже привязанность къ предмету , и его форма шоже доставляетъ удовольствіе , хотябъ она и не принадлежала къ прекраснымъ ? Даже и на умъ не приходится сравнивать ее съ лучшими формами. Отъ чего происходитъ то , что чувственность не болѣе привлекается красотой , какъ и не красотой , какъ-бы ожидать должно ? Не сокрыта-ли въ челоѣкъ форма , ищущая или ожидающая встрѣчи со свойственнымъ предметомъ ? и мнѣ Аристотель у Платона въ Симпозионѣ не болѣе-ли нежеланъ мнѣ ? Или и люди неблагообразные имѣютъ фулгураціи красоты , покрывающіи блескомъ

Мартъ 1832.

17

своимъ непригожствомъ, и озаряющія для души созерцателя внутреннюю красоту, какъ предъ физическимъ взоромъ нашимъ молнія разверзаетъ небо? И не достаточно-ли сей, однажды узрѣнной красоты, чтобы прильпнись къ ея, хотя и не красивой ободочкѣ? И не возможно-ли и то, чтобы сія, въ душу созерцателя блеснувшая красота, изъ оной опьянь высекала, озаряла образъ, и облекала его въ прелести, конхъ онъ иначе не имѣетъ? Тѣмъ болѣе, что красота не есть ничто мертвое, слѣдовательно не одна форма, но ничто живое, духъ живущій въ формѣ.»

Во всѣхъ сихъ мысляхъ видимъ ничто знакомое; но кто станетъ доискиваться, принадлежатъ-ли онѣ кому нибудь другому, кромѣ Г-на Кронеберга, или знакомство ихъ съ нами основано только на истинѣ, общей всѣмъ мыслящимъ? Самый языкъ Г-на Кронеберга, почти вездѣ правильный, смѣлый, оригинальный, заключаетъ въ себѣ особенную прелесть.

Съ нешерпѣніемъ ожидаемъ продолженія *Брошюрокъ*, ибо надѣемся вмѣстѣ съ новыми имѣть новое наслажденіе и новую пользу.

— *Статистическая Записка о Москвѣ*. Сочиненіе В. Андрossoва. М. 1832. Въ Т. Селивановскаго. X к 185 стр. in-8.

Съ нѣкотораго времени безпрестанно слышались слова: *числа управляютъ міромъ; числа суть важнѣйшіе факты; все повинуется числамъ*. Эти слова, подслушанныя у какого нибудь Дюнена, повторяшъ у насъ, въ Россіи, значить не понимаешь ихъ. Неоспоримо все сказанное о числахъ, или лучше

сказать, о Спятистикѣ; но у насъ истина чиселъ не имѣетъ примѣненій. Объяснимся.

Спятистика можетъ быть двухъ родовъ: или таблицы, расположенныя по какой либо системѣ, но безъ всякихъ выводовъ; или главные числа, иногда сѣхъ таблицъ, разсматриваемыя по основаніямъ Политической Экономіи. Примѣромъ Спятистики перваго рода могутъ служить издаваемые у насъ отчеты Департамента Внѣшней Торговли, Спятистическія таблицы Рязанской Губерніи, изданныя по распоряженію бывшаго Генераль-Губернатора Балашева, и проч.; въ примѣръ другой Спятистики можно назвать Дюпеново сочиненіе: *Forces productives et commerciales de la France*. Сочиненія перваго разряда служатъ основаніемъ всякой Спятистики, и могутъ быть разсматриваемы каждымъ, смотря по степени его потребностей и образованія; сочиненія втораго разряда бывають удѣломъ обществъ, находящихся на извѣстной степени образованности. Имъ обыкновенно доказывається какая либо истина Политической Экономіи, гдѣ числа служатъ только данными, по которымъ судятъ и дѣлають выводы. Въ семъ последнемъ случаѣ можно сказать, что *числамъ повинуются все*, ибо не лзя оспаривать того, что доказывається самымъ событіемъ. Въ этомъ-то отношеніи важно и любопытно сочиненіе Дюпена, раскрывающее и доказывающее многія, великія истины. Но у насъ, въ Россіи, сочиненія сего рода невозможны по многимъ причинамъ, и слѣдственно у насъ *числа не управляютъ міромъ и повинуются имъ не все*.

Г. Андроссовъ , кажется , не подумалъ о сей истинѣ , и вмѣсто единой возможной у насъ Статистики , *таблицъ* , издалъ книгу , наполненную по большей части его сужденіями и выводами. Нужно ли говорить , каковы сіи выводы ? Они не могутъ быть вѣрны еще и по тому , что не лзя 'доувѣрять' представляемымъ имъ числамъ , которые , по видимому , собраны большею частію Полицейскимъ управленіемъ ; а всякому извѣстно , какъ собираются , и каковы свѣдѣнія сего рода.

Вотъ общее раздѣленіе книги Г-на Андроссова :
 I. Физическая топографія. II. Политическая (?) топографія. III. Дома. IV. Народонаселеніе. V. Смертность. VI. Количество (ш. е. *число*) родящихся. VII. Потребленіе. За симъ , подъ особою рубрикою : *Гражданственность* , слѣдуютъ : VIII. Вѣроисповѣданіе. IX. Просвѣщеніе. X. Общественная благотворительность. XI. Театръ. XII. Народные памятники. XIII. Промышленность. На каждое изъ сихъ отдѣленій можно было-бы слать много замѣчаній ; мы ограничимся немногими , изъ коихъ однакожь читатели увидятъ доскопѣшество книги.

Ни въ одномъ изъ сихъ отдѣленій нѣтъ полноты. Напримѣръ , въ статистикѣ о водахъ , упущенъ изъ виду важнѣйшій предметъ : прекрасные и огромные фонтаны , устроенные въ последнее время , и хотя въ нѣкоторыхъ частяхъ города они открыты лѣтъ около двухъ , но въ *Запискѣ* названы *предположеніемъ* ; сверхъ того , ни слова не сказано ,

какъ и откуда доставляется вода въ сіи фонтаны, и что еще хочешь сдѣлать попечительное Начальство касательно сего предмета. — Не упомянуто, сколько въ Москвѣ *Частей* и *Кварталовъ*. Вообще объ устройствѣ Полиціи и Пожарной команды не сказано почти ничего: а это предметъ весьма важный въ огромномъ городѣ. О судебныхъ и вообще о Присущственныхъ мѣстахъ нѣтъ ни единого слова. — Нѣтъ никакихъ извѣстій о нищихъ и бродягахъ, которыхъ въ Москвѣ такое множество, что Правительство учредило особенную Комисію для искорененія сего зла. — Статьи о Просвѣщеніи ограничиваются сужденіями Авшора объ учебныхъ заведеніяхъ. Число учащихся въ Университетѣ показано только за одинъ годъ; а числа *учащихъ*, нѣтъ ни слова. Свѣдѣнія о другихъ учебныхъ заведеніяхъ чрезвычайно не полны. Каково на примѣръ слѣдующее извѣстіе: « Въ частныхъ пансіонахъ учаща: въ 13 мужскихъ 295 *человѣкъ*, и въ 14 женскихъ 505 *дѣвицъ* (дѣвица не *человѣкъ*!) » Но когда это? въ какомъ году? « Пансіоны всѣ содержатся иностранцами и иностранками: только въ шрехъ мужскихъ содержатели Русскіе. » Для чего же пишу слово *всѣ*? Говоря объ учебной части, Авторъ позволилъ себѣ много замѣчаній; почему же не сказалъ онъ ни слова объ этой толпѣ учителей, оставшихъ Студентовъ, Кандидатовъ, пріѣзжихъ и урожденныхъ иностранцевъ, которые цѣлый день ходятъ и издѣлаются, изъ дома въ домъ, *давать уроки*? Сказавъ, сколько роженицъ въ Университетскомъ Повивальномъ Институтѣ разрѣшилось отъ бремени, Авторъ не упомянулъ: сколько чиновни-

ковъ слушали Университетскія лекціи. — Вовсе пропущены Авторомъ слѣдующія учебныя заведенія: Александринскій Институтъ, Училище при Удѣльной Канцеляріи, Училище купцовъ Прохоровыхъ, и, кажется, всѣ Приходскія училища, ибо по неясности и сбивчивости извѣстій Автора, мы не могли ихъ доискаться. Впрочемъ, важный недостатокъ, если и одинъ читатель не находитъ того, чего ищешь. — О благошворительныхъ заведеніяхъ не лзя получишь никакого понятія изъ извѣстій Автора. Что сказалъ онъ о Голицынской, Марининской, Павловской, и другихъ больницахъ? Ничего! А это весьма важныя благошворительныя заведенія. — Извѣстія и понятія Автора о Театрѣ, прелестны! — Ни въ одномъ отдѣленіи нѣтъ извѣстія о достойномъ вниманія Заведеніи Искусственныхъ Минеральныхъ водъ.

Трудно уличать Автора въ ошибкахъ касательно чиселъ, ибо мы не знаемъ всѣхъ источниковъ, которыми онъ пользовался; но извѣстія его, не подкрѣпленныя указаніями, и безъ нашихъ замѣчаній будутъ имѣть въ глазахъ всякаго настоящую свою цѣну.

Однимъ словомъ: Авторъ, сей книги ни въ чемъ не достигъ своей цѣли. Онъ не далъ намъ ни таблицъ вѣрныхъ, ни выводовъ Дюпеневскихъ, ни даже характеристики Москвы. Въ нынѣшнемъ состояніи своемъ, Москва болѣе всего есть городъ промышленный и торговый, городъ средняго сословія. Вотъ съ какой точки долженъ былъ Авторъ смо-

прѣтъ да древнюю нашу столицу. Но, разсуждая обо всемъ, онъ именно это упустилъ изъ виду. — Помѣщенная въ концѣ статья о *Промышленности*, савшкомъ кратка, недоспашочна и сбивчива. Впрочемъ, Авторъ и самъ не доволенъ ею. Мы, съ своей стороны замѣтимъ, что онъ пропустилъ многія фабрики и заведенія; не упомянулъ даже о числѣ шипографій въ Москвѣ: самая его книга не напомнила ему, что онъ есть въ Москвѣ!

Главною причиною недостатковъ *Записки о Москвѣ* была сбмечивость пониманія, какое Авторъ имѣлъ о своемъ предметѣ. Чшо хотѣлъ онъ сдѣлать? Истинно, мы не понимаемъ! *Числа управляютъ всѣмъ! Все повинуется числамъ!* Но, видно что числа повинуются не всѣмъ и не всякому.

— *Éléments de Géographie moderne*, par M. I. F. Lamp, Professeur de Géographie et d'Histoire au Gymnase de Strasbourg. Nouvelle édition, entièrement revue et augmentée par Auguste Oldecop. (*Основанія Географіи Новой*. Сочиненіе Профессора Лампа, совершенно пересмотрѣнное и умноженное А. Ольдекономъ). Спб. Въ ш. III-го Отдѣленія собственной Канцеляріи Его Императорскаго Величества. 1832. XV и 245 стр. in-8.

Въ Предисловіи къ сей книгѣ Г. Ольдекопъ говоритъ: «Издашель сего сочиненія (Г. книгопродавецъ Брифъ) просилъ меня составить на Французскомъ языкѣ, для Россіи, Географію, совершенно по плану *Основаній Географіи*, соч. Г. Лампомъ. Я согласился, желая, по силамъ своимъ, написать

книгу, полезную для Русскаго юношества, ибо Г. Лампъ, Французъ, всего болѣе занимался своимъ отечествомъ. Онъ начинаеиъ подробнымъ описаніемъ Франціи; я начинаю Россією. Въ описаніи разныхъ государствъ Европы, именно Англіи, Германіи, Норвегіи, я измѣнилъ многое, и сократилъ описаніе Франціи. Для Бельгіи еще не было рѣшено, и я ничего не перемѣнилъ въ описаніи Нидерландовъ. Необходимымъ почелъ и присовокупить описаніе Греціи.

« Въ Азіи прибавилъ я описаніе Сибири, Картина Африки у меня совершенно иная; къ разнымъ государствамъ сей части Свѣта, прибавилъ я всѣ новыя открытія. Въ этомъ отношеніи я пользовался превосходнымъ Географическимъ Словаремъ, котораго издано 7 томовъ.

« Въ Сѣверной Америкѣ измѣнено немного; описаніе Америки Южной совершенно передѣлано, по новой Статистикѣ Америки, изданной Г-мъ Липсомъ.

« По желанію многихъ насавниковъ, я прибавилъ извлеченіе изъ Краткой Географіи Г-на Лампа касательно Географіи Физической, и счелъ полезнымъ окончить книгу алфавитною росписью Географическихъ именъ. »

Вотъ планъ, цѣль и объемъ новаго труда Г-на Олдекопа. Нужно-ли прибавлять, что сей Писатель, извѣстный своею точностію, тщательно обработалъ свою книгу во всѣхъ частяхъ? Послѣ

сего, кажется, можно рекомендовать ее для первоначальнаго обученія Географіи.

Справедливость потребуешь прибавить, что Г-нъ Брифъ, уже двадцать лѣтъ провозводящій торговлю книгами Нѣмецкими, Французскими, и на древнихъ языкахъ печатаемыми, съ нѣкотораго времени издалъ много пріятныхъ и полезныхъ книгъ. Имя передъ глазами реэспрь симиъ книгамъ, укажемъ на слѣдующія :

Теоретическія и практическія упражненія въ переводахъ съ Россійскаго языка на Французскій. Изд. Ег. Зоричемъ. 2 частн. 1830. 2 р. 50.

Schnitzler, Essai d'une Statistique générale de l'Empire de Russie. I v. 1829. 8 р.

Schnitzler, Notice sur les principaux tableaux de l'Ermitage de St. Pétersbourg. 1829. 1 vol. 5 р.

Сочиненія Г-на Булгарина, переведенныя на Нѣмецкій языкъ Г. Ольдекопомъ.

Сверхъ того Г. Брифъ печатаетъ *Договъ купца Жолобова*, въ Нѣмецкомъ переводѣ, и *Политическую Экономію Дроза*, на Русскомъ языкѣ.

Со всѣхъ сихъ книгъ, и многихъ другихъ, наиболѣе учебныхъ, Г. Брифъ уступаетъ отъ 20 до 33; процентовъ, смотря по большому или меньшему требованію; а для училищъ бѣдныхъ дѣтей прибавляетъ, сверхъ сего, еще по десяти экземпляровъ на сто. Ошноситься должно къ нему лично, въ С.Пешербургъ.

— *Ветера на хуторѣ близъ Диканьки*. Повѣсти, изданныя Пасичникомъ Рудымъ Пацькомъ. Книжка вторая. СПб. Въ ш. А. Плюшара. 1832. XVI и 354 стр. iq-12.

Разнообразныя сужденія Русскихъ Журналовъ о первой части сей книги, могли-бы, между прочимъ, послужить доказательствомъ, что у насъ нѣтъ Крышки. Смѣшно и жадко вспомнить, что въ доказательство превосходства сочиненія Пасичника, упопреблено было даже мнѣніе одного извѣстнаго Поэта! Въ опроверженіе не безусловной хвалы нашей *Ветерамъ на хуторѣ*, возставлено было подозрѣніе, что будто мы кого-то *подозрѣвали* въ сочиненіи этой книги! Такія логическія доказательства не заслужили-бы ни ошъ одного учителя Логикъ извѣстныхъ похвалъ учительскихъ: *изрядно*; *порядочно*; *довольно хорошо*. Еще въ одномъ Журналѣ была помѣщена цѣлая книга, или книжка, гдѣ исчислены всѣ отступленія Автора ошъ Малороссійскихъ повѣрій и присловій!.. И это у насъ называютъ Крышкою!

Ошкровенно сказавъ мнѣніе свое о первой части сей книги, мы не отступаемся ошъ него и теперь, когда первое впечатлѣніе миновалось, и когда указанія другихъ Крышниковъ могли-бы что нибудь пояснить намъ. Но, пора говорить о *второй книжкѣ*.

Она гораздо превосходитъ *первой*. Въ ней Авторъ открываетъ, или лучше сказать, поясняетъ

намъ то свойство Малороссійскаго характера, которое безспорно принадлежишь однимъ Малороссіянамъ, изъ всѣхъ разнородныхъ обитателей нашего отечества. Въ Русскомъ человѣкѣ почти нѣтъ этого юмора, непринужденнаго, веселаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ мѣлочнаго, не глубокаго. Русский любитъ сарказмъ, и живость его характера не даетъ ему времени хладнокровно задумываться надъ пустяками, для того чтобы представить ихъ въ смѣшномъ видѣ. Его насмѣшка есть брань или злая сатира. Въ этомъ мы наследники Римлянъ. Но Малороссіянинъ — совершенно иное! Какъ будто неспособный къ живому чувству, онъ преспокойно останавливается надъ уродливою рѣшю, или надъ исполинскимъ огурцомъ, и на досугъ читаетъ о нихъ предлинную *рацею*, прибирая въ ней всѣ смѣшныя сравненія, и высказывая свои критическіе намеки съ такимъ безстрашнымъ видомъ, что противоположность его рѣчи съ лицомъ, важнымъ, спешеннымъ, невольно смѣшитъ и развеселяетъ читателя. Таковы-же преданія и суетврія Малороссіянь. Сказаніе о чортѣ, укравшемъ мѣсяцъ съ неба, и обжегшемъ имъ свои руки, могло родиться только въ головѣ людей, на все умиющихъ смотрѣть съ комической, но по своему комической стороны. Во второй книжкѣ *Ветерова на хуторѣ*, Авторъ, во многихъ мѣстахъ, очень хорошо воспользовался юморомъ своихъ земляковъ, и многое представилъ въ живописномъ, истинномъ видѣ. Его неистощимая веселость дала ему средство оживить свои

разказы. Но здѣсь оканчивается вся наша похвала Автору. Въспомни съ преимуществами, принадлежащими почти каждому Малороссіянину, юморомъ, хладнокровною насмѣшливостью, смѣшными преданіями, умъ его сохранилъ не только всѣ недостатки Малороссіянина, но и многіе недостатки, принадлежащіе Авторамъ всѣхъ временъ и народовъ. Мы уже упомянули, что Малороссіянинъ не бываетъ глубоко въ своихъ замѣчаніяхъ: это ярко отражается въ сочиненіяхъ Автора *Вегеровъ на хуторѣ*. Шутки его минушны; сближенія, изобрѣшеніе, главные мысли не оставляютъ въ душѣ читателя никакого слѣда. Съ удовольствіемъ читаешь *Ночь передъ Рождествомъ, Ивана Федоровича Шпоньку, Заколдованное мѣсто*, но прочитавъ, забываешь все; ни одна мысль, ни одна картина, ни одно выраженіе не западаетъ въ душу. Это плясовая музыка: ласкаетъ слухъ, засыпляетъ даже старика бить тактъ и потопывать ногою — но съ послѣднею ногою, она исчезаетъ, не оставляя по себѣ ничего, подобно кругу на водѣ отъ брошеннаго камня. Но, кто не знаетъ, что и въ напѣвахъ и въ преданіяхъ каждаго народа есть многое, что переживаетъ столѣтія. Этого-то вообще недостаетъ Автору *Вегеровъ на хуторѣ*. Другой недостатокъ его — скудость изобрѣшенія, или, лучше сказать, воображенія. Всего болѣе жаль-бы онъ показавъ свою изобрѣтательную силу въ сказкѣ: *Страшная мѣсть*. Тамъ многія мѣста прекрасны, но цѣлое не имѣетъ связи, ибо не истекаетъ изъ одной мысли. Не знаю, изъ на-

роднаго-ли преданія взяла основа этой сказки, но не думаю, чтобы народное преданіе могло бытъ не прикрѣплено къ какому нибудь, болѣе плодотворному корню. Иуда Пешро могъ-бы бытъ испоконнымъ созданіемъ, если-бы Авторъ поглубже вникъ въ причину его нравственнаго паденія. Мысль о зломъ началѣ принадлежишь всѣмъ народамъ, но каждый народъ олицетворяешь ее по своему, и въ развишіи, въ показаніи сего олицетворенія могъ-бы открыть Авторъ силу и красоты неисчерпаемыя. Какъ развила и проявлена у Малороссіянъ мысль, существующая и у Браминъ, и у Египтянъ, и у Рускихъ, и у Германцевъ? Вошь что истинно любопытно и занимательно. Безъ такого взгляда, злодѣянія ошца Кашеринны ушомнительны, безцвѣтны, и не смотря на многія, ошдѣльно прекрасныя картины, не образують общности высокой. Какъ будто зная свою слабую сторону, Авторъ безпрестанно беретъ за шо оружіе, которыми лучше владѣешь онъ, за насмѣшку; но, насмѣшка и насмѣшка, въ продолженіе цѣлой книги; ошановишся наконецъ ушомительна.

Можешь бытъ скажешь, что мы слишкомъ высоко судимъ о произведеніи веселаго воображенія. Но мы, не умѣя вообразить всѣхъ прешензій и оправданій защитниковъ Автора, скажемъ въ свою очередь, и въ опповѣдь на всѣ подобныя возраженія, что судимъ ни низко ни высоко, а шакъ, какъ должно судишь о поэтическомъ созданіи. Намъ самымъ смѣшны привязки къ археологическимъ и мѣстнымъ невѣрностямъ Автора, которыми пишешь

не Курсь Археологич и не топографію Малороссійскаго края; но мы въ правѣ, мы должны замѣтить его отступленія отъ устава вкуса и законовъ Изыщнаго. Обращаемъ вашу обвинительную рѣчь къ гласному судилищу публики, и просимъ ее вникнуть въ наши обвиненія.

Наконецъ, важный недостатокъ Автора — что замѣтили мы и въ крики на первую часть его сочиненія — какая-то неопытность, шаткость въ языкъ, а иногда и явное незнаніе Грамматики. Непріятно высказывать такія истины, однакожъ должно. Авторъ избѣгъ по *Второй книжкѣ* отъ той высокопарности слога, въ которой мы упрекали его, и которая наводила непріятную тѣнь на его сочиненіе; но послѣ этого недостатка у него еще остались неумѣнье совладѣть съ фразою и большія неправильности въ языкъ. Подкрѣпляемъ себя доказательствами: «*Черезъ трубу — клубами повалился дымъ* (ср. 4).» Надобно было-бы сказать: *изъ* трубы — *повалилъ* дымъ. «*Удивительно видѣть чорта, пустившагося и себѣ шуда-же* (ср. 13).» — «*Много осталось ночевать у Есаула на шпро-комъ дворѣ; а еще больше козачества заснуло само непрошенное подъ лавками, на полу, возлѣ коня, близъ клева (хлѣва?), гдѣ пошатнулась съ хмѣля козачья голова, тамъ и лежишь и храпишь на весь Кіевъ.*» (ср. 138) Если на задачу пишешь несвязный періодъ, то лучше этого не удастся! — «*Оги швои такъ угрюмо надвинулись бровями.*» (ср. 143)» — «*Вѣшкіе креслы толпились въ кутку*

(сшр. 144).» — «Говорилъ — сухощавому, высокому въ короткомъ шулуцѣ мужику съ обросшею бородою, доказывавшею, и проч.» (сшр. 14). «Тихо вострепенувшія жиы (сшр. 26).» — Такихъ ошибокъ можно найдши въ книгѣ Пасичника сошны; а у кого встрѣчаются онѣ сошнями, потѣ едва-ли хорошо пишешь.

Непріятно также встрѣчашъ, на каждой страницѣ, ошибки противъ Правописанія. Авторъ пишешь: *теперишнія*, *проповѣдѣй*, *полѣнами* и *всемъ темъ* ни попало, *вымыстить* (вм. выместить), *здѣлалось*, *отламать*, *суставомъ*, *этаго*, *завидь*, *за темъ*, и проч. и проч. Въ хорошей книгѣ, Правописаніе, кажется, не было-бы лишнимъ.

УСПѢХИ

въ изслѣдованіи Восточной Литтературы.

Годовой отчетъ Парижскаго Азіатскаго Общества, читанный Секретаремъ онаго Евгеніемъ Бюрнуфомъ, въ торжественномъ собраніи Общества, 28-го Апрѣля 1831-го года ().*

Мм. Гг. !

Представляя вамъ отчетъ въ трудахъ, свершенныхъ въ продолженіе истекшаго года, Совѣтъ Общества одушевляешъ себя воспоминаніемъ о справедливости, съ какою умѣете вы оцѣнивать пріятствіа всѣхъ родовъ, встрѣчающіяся на пути къ исполненію обязанностей, возложенныхъ на него вашею довѣренностью. Увѣренный, что вамъ извѣстны постоянныя усилія его къ преодолѣнію

(*) Мы постоянно помѣщали ежегодные отчеты сего Общества, исключая 1830-й годъ, когда, по смущеннымъ обстоятельствомъ того времени, отчетъ ограничивался нѣсколькими страницами и былъ вовсе не занимателенъ. Представляемый нынѣ вознаграждаетъ за сей пропускъ. *Изд.*

сихъ препяствій , Совѣтъ находишь въ сей увѣренности правило для своихъ дѣйствій , какъ скоро насмѣаешь обязанность предшавишь вамъ , что сдѣлано имъ для прекраснаго рода учености, вами ободряемаго. Ваша снисходительность вызываетъ его ошкровенность; и если , прибавивъ что либо къ сокровищницѣ Восточной Литтературы , Совѣтъ съ удовольствіемъ извѣщаешь васъ , что успѣхъ увѣнчалъ труды его въ изданіи какого нибудь сочиненія , онъ умѣетъ также , когда сдѣдствія не ошвѣчали его надеждамъ , въ чувствахъ своей обязанности находишь смѣлость объявить вамъ и о томъ.

Если-бы Совѣтъ ошвергнулъ какой либо трудъ , проливающій новыи свѣтъ на физическую и нравственную Исторію одного изъ многочисленныхъ народовъ Востока; если-бы изъ числа прежде начатыхъ изданій было хотя одно, объ окончаніи коего не позаботился онъ , то , конечно , ему было-бы тяжело сознаться , что истекшій годъ не предшавляетъ столь обильной жатвы , какъ многіе изъ предшествовавшихъ. Но ободренію вашему не было предложено ни одного сочиненія; изъ нѣхъ же , коихъ печатаніе назначено прежде , нѣтъ ни одного , не обратившаго на себя усилій Совѣта , старающагося окончить оныя всѣми средствами , какія состоятъ въ его распоряженіи по Уставу. Вѣрныя мѣры приняты для дѣдательнаго надзора надъ сочиненіями начатыми. Въ числѣ сихъ мѣръ , одною изъ обѣщающихъ самую счастливыми послѣдствія , наименоуемъ ошчеты , ежемѣсячно предша-

Мартъ 1832.

18

вляемые авторами или издателями сочиненій, вами печатаемыхъ, или ободряемыхъ. Совѣтъ могъ, не страшась спѣшить независимости Авторовъ, требовать, чтобы они чаще представляли доказательства своего усердія къ окончанію изданій, вамъ принадлежащихъ, но крайней мѣрѣ по великодушному вашему покровительству. Принявши на себя бремя за пользы, столь драгоценными для васъ, Совѣтъ почелъ-бы не выполненною свою обязанность, если-бы поколебался употребить право, коимъ вы обладѣли его.

Изъ трехъ, печатанныхъ на счетъ Общества изданій, только одно окончано вполне: это извлечение изъ Грузинской лѣтописи, переведенное Г-мъ Броссе по рукописи Королевской Библіотеки. Вы не одинъ разъ ободряли ревность Г-на Броссе въ изученіи языка, дошолъ мало извѣстнаго у насъ, и прилежаніе, съ коимъ обрабатываетъ онъ сіе новое поле Восточной Филологіи. Любители основательныхъ свѣдѣній будутъ благодарны ему за то, что онъ умѣлъ обратиться своимъ познаніямъ на пользу изученій историческихъ. Грузинская лѣтопись, которой текстъ Г-нъ Броссе представилъ посредствомъ lithographie, начинается 1373 годомъ и оканчивается 1703-мъ. До 1529-го она содержитъ въ себѣ одно краткое изложеніе событій, но отъ 1575 года разсказъ ея становится весьма подробнымъ. Однакожъ, все еще есть нѣкоторые перерывы въ семъ повѣствованіи, которое могло-бы часто представлять намъ съ большею истиною героизмъ и рыцарскіе обычаи, коихъ мы привыкли

искать, по описаніямъ путешественниковъ, у сильныхъ горцевъ Грузіи. Впрочемъ, недостатокъ сей ни мало не уменьшаетъ достоинства изысканій, въ какія вошелъ Издашель, и тщательность его въ разсмотрѣніи всѣхъ, любопытныхъ для историка и филолога мѣстъ, заставляетъ жалѣть только о томъ, что Г-нъ Броссе не имѣлъ болѣе полной рукописи оригинала, или болѣе полной Исторіи народа, славнаго по многимъ отношеніямъ.

Изученіе одного изъ любопытнѣйшихъ Азіатскихъ языковъ, занимающее нашего ученаго Предсѣдателя, доставившаго онымъ новую славу Французской учености, сіе изученіе ожидало многого отъ искусства и широты Г-на Курца, которому Совѣтъ поручилъ надзоръ за изданіемъ Китайско-Латинскаго Словаря, Отца Базилія Глемонскаго. Это сочиненіе, изготовленное въ рукописи Г-мъ Курцомъ, долженствовало быть lithographировано Г-мъ Жуи, и первые листы онаго были представлены вамъ въ торжественномъ засѣданіи прошедшаго года. Но Г-нъ Курцъ не могъ остаться во Франціи до окончанія сего огромнаго сочиненія, и Совѣтъ былъ принужденъ остановить lithographированіе онаго. Въ послѣднее время, Г. Курцъ предложилъ разныя средства для улучшенія матеріальной части сего труда, и Совѣтъ былъ обязанъ, еще не рѣшая ничего касательно первоначальнаго плана, разсмотрѣть предлагаемыя средства въ отношеніи къ скорости и къ сбереженію издержекъ. Послѣдствія сего разсмотрѣнія должны быть вскоре извѣстны. Впрочемъ, Совѣтъ не можетъ упре-

касть себя въ замедленіи , котораго причины вамъ понятны , ибо вѣдѣшъ съ желаніемъ доставить посвящающимъ себя Кишайскому языку необходимую книгу , онъ чувствуетъ также , что сему изданію Словаря О. Базиля должно придать большее достоинство прошвѣ изданія , напечатаннаго въ 1813 году въ Императорской типографіи.

Тѣ-же причины , а въ послѣдніе мѣсяцы и перемѣщенія Восточнаго отдѣленія Королевской типографіи , заставили прекратить печатаніе Манчжурскаго Словаря и Грузинской Грамматки. Свѣдѣшъ надѣеся , что оба сіи сочиненія вскорѣ будутъ вновь продолжаемы , и что въ засѣданіи слѣдующаго года онъ будетъ вѣдѣть удовольствіе , уведомивъ объ успѣшнѣйшемъ печатаніи оныхъ. Распоряженія , которыя принуждена была сдѣлать Королевская типографія , для удобнѣйшаго употребленія многочисленныхъ средствъ своихъ въ печатаніи на Азіатскихъ языкахъ , ни мало не воспрепятствовали изданію *Азіатскаго Журнала*. Комисія , занимающаяся составленіемъ онаго , посложнымъ усердіемъ и неутомимымъ трудомъ привела въ порядокъ изданіе книжекъ , опаздывавшихъ многими мѣсяцами. Здѣсь усмотрите вы также , что изъ всѣхъ сочиненій Общества , самымъ правильнымъ и замѣчательнымъ по быстротѣ успѣховъ было то изданіе , которое непосредственно состоятъ подъ надзоромъ Совѣта.

Спашья , достойныя вниманія , отличили прошедшій годъ сего изданія Общества , и , смѣемъ сказать , поддержали его на первой степеніи въ числѣ

изданий, относящихся къ языкамъ, Литтературѣ и Исторіи народовъ Азіи. Нашъ Почетный Президентъ, Баронъ Сильвестръ де Саси, помѣстивъ тамъ глубокомысленныя замѣчанія о формулѣ, употребляемой въ надписяхъ нѣкоторыхъ монетъ Персидскихъ. Издаштельная Коммисія посѣтила въспити труда-же изслѣдованія двухъ иностраннѣхъ ученыхъ, Гг. Вильсона и Гогдзона, желая сдѣлать болѣе извѣстными ихъ труды о религіи Будды, дѣло для извѣстности не можетъ быть удобнымъ огромное и рѣдкое собраніе *Азіатскихъ Изысканій*, издаваемое въ Калькуттѣ. Въ то время, когда Журналъ нашъ отдавалъ сію справедливость двумъ заслуженно-славнымъ ученымъ, неутомимое усердіе Г-на Клапроша почти одно поддерживало сіе изданіе и обогащало его важными диссертаціями, плодомъ труда легкаго и разнообразнаго. Такимъ образомъ, кромѣ ученыхъ статей объ изданіяхъ О. Іакинѣа Бичурина, мы одолжены Г-ну Клапрошу переводомъ *Описанія Тибета*, увеличеннымъ столь обширными дополненіями, что онъ составляетъ новое сочиненіе, изданное, благодаря Г-ну Клапрошу, и охотѣльно. Двѣ другія статьи того-же Ашора, хронологическая таблица главнѣйшихъ событій касательно Буддизма, и превосходное изъясненіе священной формулы, знаменитой въ Тибетѣ, представляющъ объясненія предмета, особенно занимающаго Ориенталистовъ нашего времени. Г-нъ Вроссе продолжалъ сообщать въ *Азіатскій Журналъ* плоды своихъ изысканій о Грузинской Поэзіи и романѣ: Таріелѣ. Если, вѣстѣ съ сими диссертаціями, болѣею частію относящимися къ обы-

чаямъ и религіямъ народовъ Восточной Азии, къ сожалѣнію, не видно довольно числа отрывковъ, заимствованныхъ изъ Литтературъ Персидской и Арабской, по сему есть причина особенная. Въ изученіи языковъ Восточныхъ бываютъ эпохи, когда нѣкоторые народы, дошолъ не обращавшіе на себя вниманія ученыхъ, становятся предметомъ ближайшихъ изслѣдованій, и требуютъ у публики должнаго вниманія. Впрочемъ, какъ-бы ни изъясняли означаемый нами случай, мы можемъ увѣрить васъ, что Совѣтъ и Комиссія Журнала, съ особенною готовностью спѣшили помѣщать воѣ представленные имъ о народахъ Арабскихъ и Персидскихъ статьи.

Есть изданія другого рода, на кои Совѣтъ не можешь имѣть столь прямого дѣйствія, потому что они печатаются не вполнѣ на издѣіе Общества, и, въ замѣну болѣе или менѣе значительной подписки своей, Совѣтъ не можешь требовать столь строгаго отчета, на какой приобретаешь оное право касательно сочиненій, единственно вашимъ пособіемъ издаваемыхъ. Можно было ожидать, что замѣщательства, уже болѣе года стѣсняющія книжную торговлю, подѣйствуютъ непріятнымъ образомъ и на изданіе тѣхъ сочиненій, которыя не поддерживаются ободреніемъ публики. Но послѣ этого, конечно съ удовольствіемъ узнаете вы, что изъ цѣли сочиненій, на которыя подписалось Общество, только два подверглись остановкѣ, оказывающейся въ литтературныхъ предпріятіяхъ: это шекспъ Китайскаго романа

Лу Кіао-Ли, и шексть Арабской Географіи Абуль-Феды. Совѣтъ можешь удостовѣрять васъ, что не отъ ревности издашелей, Г-дѣ Левассёра и Жуи, завистло ускореніе сихъ двухъ, литографируемыхъ сочиненій. Другія частныя предпріятія, на которыхъ подписался Совѣтъ, шли довольно удѣлительно. *Вендидагъ-Саде* оппечатано шесть тетрадей; опписки седьмой находящяся передъ вами. Въ послѣдней, Г-нѣ Жуи, занимающійся литографированіемъ шекспира, оказалъ прежнюю тщательность и прежнее искусство. Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ явилась третья тетрадь *Законовъ Маму*, трудъ Г-на Луазелёръ-Делоншана. Она содержитъ въ себѣ извлеченіе изъ Санскритскаго Комментарія Кулуки, уже напечатаннаго въ Индіи, и варіянтъ, заимствованные изъ прекраснаго Гаугенова изданія того-же сочиненія. Первый томъ *И-Кинга* окончанъ и явится вскорѣ со вторымъ, котораго первые листы нынѣ представлени вамъ.

Теперь, Мм. Гг., вамъ извѣстны труды, свершенныя попеченіемъ Совѣта въ истекшемъ году, и вы можете убѣдиться, что, исключая два сочиненія, во всѣхъ другихъ оказаны быстрые успѣхи, конхъ можно было ожидать отъ усердія Издашелей. Моя обязанность теперь была-бы кончена, если-бы знаменитый ученый, призванный вашимъ избраніемъ предсѣдательствовашъ въ Совѣтъ, не приучилъ васъ, въ донесеніяхъ о трудахъ Общества, находить извѣстіе о всемъ важнѣйшемъ, что сдѣлано въ Европѣ и Азіи касательно предмета, коего распространенію посвящаемъ мы труды

свои. Званіе, коньмъ облекла меня благосклонность
ваша, налагаетъ на меня исполненіе той-же обя-
занности. Но могу-ли надѣяться представитъ вамъ
сужденія, всегда столь вѣрные истинной Критикѣ,
и въ то-же время запечатлѣнные снисходитель-
ностію? Могу-ли, еще болѣе, представитъ вамъ съ та-
кими искусствомъ характеристику каждаго труда,
и чрезъ то назначитъ настоящее мѣсто оному въ
общности открытій и предпріятій, непрерывно
совершаемыхъ? Это выше моихъ способностей,
Мн. Гг.! и если я осмѣливаюсь, послѣ Г-на Абеля-
Ремюза, судить о столь важномъ предметѣ, то
мнѣ необходима увѣренность, что вы не предпо-
лагаете во мнѣ ни самолюбія идущи въ состязаніе,
ни страха, можете быть не менѣе самолюбиваго,
быть побѣжденныхъ.

Изъ всѣхъ ученыхъ сообществъ, имѣющихъ цѣлю
распространеніе свѣдѣній о языкахъ и образова-
нностіи Азіи, ни одно не оказало Наукѣ заслугъ
столь блистательныхъ, какъ Азіятское Общество
въ Калькуттѣ, коего учрежденіе служило образ-
цомъ для обществъ Бомбейскаго, Мадрасскаго и
Лондонскаго, имѣющихъ ту-же цѣль. Ученый міръ
уже могъ оцѣнить достоинство спашей, наполня-
ющихъ шестнадцатый томъ Transactions, изданный
символическимъ сообществомъ. Послѣ великихъ
изысканій Кольбука и Вильсона, казалось, трудно
было-бы прибавить что либо къ высокой славѣ сей
драгоценной коллекціи. Шестнадцатый томъ рѣ-
шилъ сію задачу. Не говоря подробно о всѣхъ ча-
стяхъ онаго, можно-ли безъ живаго чувства при-

знаменитости читать статьи Гг. Вильсона и Гогдона, одну о сектах Индійских, другую о Буддизмъ въ Непалъ? Особенно сія послѣдняя достойна вниманія, не только по свѣдѣніямъ, въ ней находящимся, но и по чрезвычайной занимательности выводовъ. Сіе сочиненіе, столь полное и оригинальное, конечно получитъ новую цѣну въ глазахъ вашихъ, когда вы узнаете, что оно имѣетъ связь съ изысканіями о догматахъ и Исторіи религій Саманейской, недавно начавшими особенно занимать насъ. Первая часть семнадцатаго тома той-же коллекціи, явившаяся послѣ сего, заключаетъ въ себѣ нѣсколько статей о Геологій Индійской, вмѣстѣ со множествомъ гравированныхъ рисунковъ. Это первый томъ, изданный съ того времени когда сіе Общество, которому не чуждо ни одно знаніе человеческое, рѣшилось вносить въ отдѣльныя части своихъ трудовъ статьи, относящіяся къ Естествознанію, и диссертациі, посвященныя Наукамъ Историческимъ.

На ряду съ такими высокими трудами, мы должны обратитъ уважительное вниманіе ваше на произведенія не столь славныя, но не менѣе полезныя, принадлежація Обществу, которое конечно по одному скромному наименованію своему не приобрѣло тѣхъ похвалъ, коихъ достойно его трудолюбіе. Четыре года назадъ составилъ въ Калькуштѣ, подъ покровительствомъ Остъ-Индской Компаніи, Комитетъ для общественнаго просвѣщенія. Онъ имѣетъ цѣлю распространять между Индусами Классическія сочиненія ихъ обширной литературы.

Книгопечатаніе служило дѣйствительнымъ средствомъ для сего почтеннаго общества, которое, сколько можемъ мы судить о намѣреніяхъ его по слѣдствіямъ, предполагаетъ, что для воззванія сего падшаго народа къ лучшему состоянію, необходимо внушить ему любовь къ изученіямъ, нѣкогда прославившимъ его предковъ, и возвращенію Индіи народности Науки, въ вознагражденіе за политическую независимость, не однажды похищенную у нея чуждыми властителями. Намъ кажется, что предпріятіе сіе показываетъ глубокое познаніе духа, потребности Восточныхъ народовъ, и особенно безпристрастную оцѣнку того вліянія, какое могутъ имѣть на сія, столь отличные отъ насъ народы; наши идеи, наши методы. Благоразуміе людей, предпринявшихъ и выполнившихъ сей планъ, полагало, что надѣявшись вполне примѣнить къ народу, завязшему мисіонерскими размышленіями, раздѣленному языками и настами, слѣдствія, черезъ долгое время пріобрѣтенныя въ Европѣ духомъ изыскательности, значить не понимаютъ собственнаго характера Индійскаго народа. Они думали, что если дѣйствительно должно исполниться предвѣщаніе о всемірномъ распространеніи нашей образованности, то вѣрнѣйшимъ средствомъ для приготовленія къ оной Индусовъ можетъ послужить участіе всѣхъ классовъ сего общества, столь сложнаго, въ посвященіи ихъ древнихъ мудрецовъ, коимъ доселѣ исключительно пользовалась одна каста. Такимъ образомъ, желая облегчить изученіе языка ученаго, Санскритскаго, Комитетъ издалъ двѣ Грамматики: одну, *Лагукаумоди*, довольно краткое извлеченіе

изъ огромнаго сочиненія Панини, другую, *Могдобола*, особенно употребляемую въ Бенгалѣ. Къ сими учебнымъ сочиненіямъ должно присовокупить поэму, называемую *Баатти*, въ которой Авторъ, бывши глубокимъ грамматикомъ, умѣлъ, съ чисто грамматическою цѣлью, раскрыть всѣ богатства Санскритскаго языка. Два сочиненія о Риторикѣ: *Сагитѣа дарпана*, и *Кавіа дарша*, съ величайшею подробностью представляя правила многочисленныхъ сочиненій, извѣстныхъ Индійцамъ, общающъ Кришнѣ виды новые и занимательные. Въ самомъ дѣлѣ, если Кришика наша, столь усовершенствованная въ Европѣ и опирающаяся на сравнительный разборъ произведеній столькихъ различныхъ Литтературъ, можешь вѣрно означить истинный характеръ Индійскихъ стихотвореній, то не менѣе любопытно изслѣдовать, какое мнѣніе Кришики Индійскіе, лѣтвенные всѣхъ сношеній съ другими народами, и предоставленные природнымъ вдохновеніямъ, какое мнѣніе могли составить они о великихъ произведеніяхъ, ознаменовавшихъ могущество ихъ генія? За сими дидактическими сочиненіями слѣдовало изданіе драмы: *Вольгми*. Это чрезвычайно любопытное сочиненіе было помѣщено въ знаменитомъ Вильсоновомъ собраніи Индійскаго Театра. До сихъ поръ, вотъ уже другая драма, на Санскритскомъ и Пракриптскомъ, которою обладаетъ Европа въ подлинникѣ. Сосображая, какъ мало рукописей Индійскихъ театралныхъ сочиненій находишь въ нашихъ библіотекахъ, и какъ важенъ Театръ въ общности Браминской Литтературы, можно понять, сколько признательны должны быть Индіанисты Комитету Калькуттско-

му, за счастливый выборъ *Мрихакаши*. Произведенія, болѣе строгаго характера, не остались чужды собранію, долженствующему представить самыя важныя памятники генія Браминовъ. Ошдѣльныя сочиненія о различныхъ частяхъ Юриспруденціи, предназначены для распространенія между Индусами познанія ихъ законодательства, а изданія аксіомъ Философіи Ніаіа и системы Веданша, соотвѣтствующія склонности Браминовъ къ созерцательной учености, дають надежду, что Комитетъ вскорѣ умножитъ, посредствомъ шисненія, число такихъ древнихъ книгъ, каковы Веды и огромныя Мифологическія поэмы, уважаемыя Индусами какъ божественное основаніе ихъ религіи, и ожидаемыя въ Европѣ съ нетерпѣніемъ.

Сія различные Санскритскіе тексты назначающіяся для высшихъ классовъ, которые могутъ читать сочиненія, писанныя на языкѣ ученомъ. Но, поскольку большая часть народонаселенія въ Бенгалѣ употребляетъ нарѣчіе простонародное, то Комитетъ издалъ, на Бенгальскомъ, множество сочиненій о религіи, нравственности, Философіи, Юриспруденціи, которыя преимущественно суть только переводы самыхъ уважаемыхъ сочиненій Браминской Литтературы. Въ этомъ отношеніи они для насъ не такъ важны, какъ оригинальныя сочиненія на Санскритскомъ, и мы упоминаемъ о нихъ потому только, что вы имѣете право знать обо всемъ, что дѣлаетъ для человѣчества сіе полезное общество.

Счастливыя дѣйствія великодушныхъ предантій оказались также и въ отношеніи къ преж-

нимъ завоевателямъ Индіи; нынѣ подвластнымъ Компаніи. Между изданіями на языкахъ Арабскомъ и Персидскомъ, назначенными для Мусульманъ, должно отличить произведеніе, важное для изученія Мугаммеданскаго законодательства: *Фетавъ Алемгвири*, и извлеченіе изъ *Секръ-Алмутахери*, новой Исторіи Индіи. Можешь бышь должно пожелашъ, чтобы издано было все сочиненіе, вполне, а не отрывокъ, хотя и значительный. Другія сочиненія на Персидскомъ языкѣ могли-бы доказашъ, въ случаѣ надобности, истинно ученый духъ Комишета, который, принимая иногда въ свое собраніе переводы изъ книгъ Европейскихъ, рѣдко подражалъ другому, также почтенному *Обществу учебныхъ книгъ*, кажешся, по плану своему не достигающему столь удовлетворительныхъ послѣдствій.

Сія великія заслуги, оказанныя Англичанами, могли-бы уже доставить имъ почетное мѣсто среди народовъ, привлекаемыхъ благороднымъ любопытствомъ къ изученію Востока. Но, благодаря пособіямъ, доставляемымъ Англіи удивительнымъ положеніемъ ея въ Азіи, она съ гордостью можешь указашъ еще на услуги, непрерывно оказываемыя Восточной Лаштерашурѣ Королевскимъ Азіатскимъ Обществомъ Великобританіи. Вамъ извѣстно, какой блескъ получили *Transactions* сего Общества отъ ученыхъ и оригинальныхъ диссертацій Кольбука, касательно различныхъ системъ Философіи у Индусовъ. Вторая часть втораго тома, явившаяся въ продолженіе 1830 года, занимаешъ достойное мѣсто подлѣ предшествовавшихъ частей. Въ

сташъ Г-на Гарріота, множество сближеній о язы-
кѣ полпъ, извѣстныхъ въ разныхъ странахъ Евро-
пы подъ именемъ Цыгановъ и Египтянъ (*), под-
тверждаетъ принятое мнѣніе, что покровніе сіе
происхожденіи Индійскаго. Сташъ Г-на Девиса,
подъ заглавіемъ *Poeseos Sinicae commentarii*, есть родъ
Аншологіи, состоящей изъ отрывковъ, запечатлѣн-
ныхъ благопрістойношью, которая заслуживаетъ
вниманіе въ Китайской Поэзіи. Она заставляетъ
желать, чтобы Авторъ употребилъ свои познанія
въ слоги сего рода къ развитію поэтическаго язы-
ка, весьма затрудняющаго синологовъ. Ученый
Гаугстонъ глубокомысленно объяснилъ еще одну Ку-
фическую надпись. Г-нъ Бриггсъ, извѣстный перево-
домъ Истории поведѣтельства Мусульманскаго въ
Индіи, сочиненія Ферриштаха, сообщилъ подробную
Біографію сего славнаго Автора. Наконецъ ; Г-нъ
Тодъ, по случаю Индійскаго перстня, найденнаго

(*) Замѣчательно многообразіе названій сихъ бро-
дящихъ полпъ у разныхъ народовъ. Рускіе и Нѣм-
цы называютъ ихъ Цыганами (*Zigeuner*), Голландцы
Языкиками, Шведы и Датчане Тапарами, Англича-
не Египтянами (*Gypsies*), Французы Богемцами, Ис-
панцы Гипаносоми (что вообще означаетъ *лукаваца*,
хитреца), Итальянцы Влахами или Волохами, Тур-
ки Цингарами и Чинганами. Сами себя именуютъ они,
въ иныхъ мѣстахъ Фараонами, въ другихъ Сигтами,
что напоминаетъ Египетъ и Индію. *Примѣч. Пер.*

въ Англіи , уиѣлъ снова извлечь любопытныя сближенія , уже не одинъ разъ занимавшія его , о сходствѣ между обычаями и мѣтніями Индусовъ , и преданіями народовъ Сѣверной Европы.

Труды , совершаемые Лондонскимъ Азіятскимъ Обществомъ , ни сколько не задерживали дѣятельности Комитета , учрежденнаго въ ономъ для перевода книгъ восточныхъ. Разнообразныя изданія , изъ коихъ многія займуть почетное мѣсто въ наукѣ , доказываютъ превосходный духъ , управляющій Комитетомъ , и ревность принадлежащихъ къ нему ученыхъ. Переводъ *Записокъ Тимура* , сдѣланный Маіоромъ Спюаршомъ , пополняетъ трудъ Виша , и представляя для Исторіи Азіи въ XIV-мъ вѣкѣ новыя свѣдѣнія , заключаешь въ себѣ еще и шу занимаемость , которая нераздѣльна съ Біографіями знаменитыхъ людей , когда онѣ писаны ими самими. Г-нъ Бальфуръ издалъ *Біографію Шенха Мугаммеда Али-Гассима* , гдѣ видимъ живое изображеніе частной жизни благороднаго Персіянина , и несчастій отечества его въ половинѣ прошедшаго столѣтія. Нѣмецкій Оріенталистъ , Г-нъ Нейманнъ , перевелъ съ Армянскаго *Исторію Короля Вартана* , во многомъ объясняющую войны за религію , между Армянами и Персами V-го столѣтія нашей эры. Одно изъ сочиненій фантастическихъ , какими изобилуетъ Востокъ , романъ *Гатимъ Тамъ* , переведенъ Г-мъ Форбесомъ. Но самымъ оригинальнымъ изданіемъ Комитета можно почестъ Малайскую книгу , переведенную ученымъ Марсденомъ. Записки семейства Малайскихъ купцовъ лю-

бопытны и по исторической занимательности, и по многимъ подробностямъ нравовъ, и по прелестной простотѣ слога. Онѣ даютъ столь-же выгодное понятіе о народномъ характерѣ Малайцевъ, сколь невыгодное о Голландскомъ Правительствѣ шой эпохи. Наконецъ, въ числѣ переводовъ, которыми Комитетъ обѣщаетъ издать вскорѣ, мы должны упомянуть о книгѣ Г-на Бриггса, намѣреающагося прибавить къ прежнимъ, огромнымъ трудамъ своимъ объ Исторіи Мусульманской Индіи, трудъ новый. Это предложеніе *Сейралмутахерима*, которое можно признавать новымъ, потому что прежнее, сдѣланное въ Бенгалѣ однимъ Французомъ-ре-негатомъ, было очень дурно, да и самое изданіе онаго почти все погребло въ кораблекрушеніи.

Лестно вамъ, Мн. Гг., считать въ числѣ учреждений, наиболѣе способствовавшихъ успѣхамъ Восточной Литтературы, почтенное Общество Библейское. Не намъ судить о благородной цѣли его и безкорыстныхъ усиліяхъ; но мы не можемъ забыть неоцѣненныхъ услугъ его въ сферѣ менѣе возвышенной, въ Филологіи и Этнографіи. Не говоря объ изданіяхъ Библіи и Новаго Заветъа на нѣкоторыхъ, вообще изучаемыхъ языкахъ, какъ-то на Еврейскомъ, Арабскомъ, Персидскомъ, Ново-Греческомъ, мы знаемъ, что вскорѣ будутъ изданы Священные Писанія на языкѣ Берберовъ Африканскихъ, и часть Новаго Заветъа на Яванскомъ, печатаемая въ Серампортѣ, попеченіями Г-на Брюкисра. На Югѣ Индіи Общество продолжаетъ тщательный пересмотръ Тамульскаго перевода Г-на Рениуса, и ста-

рается придать сему труду несомненное преимущество надъ предложениемъ Фабриціевымъ. Изданія Нового Заѣша на *Малайяламскомъ* (Malayalam) и *Канараскомъ* (Canara) печатающа. Не съ меньшимъ удовольствіемъ узнають также, что Комитетъ Коломбскій (*) рѣшился начать печатаніе Нового Заѣша на языкъ Пали, Барманскими буквами. Г-нъ Джодзонъ, составитель перваго Словаря Бармано-Англійскаго, напечаталъ при религіозныхъ Разсужденіяхъ на языкъ Барманскомъ, въ конѣ находится изложеніе Христіанской религіи, въ четырехъ частяхъ, Кашехизисъ для дѣтей, и, наконецъ, Разсужденіе, подъ заглавіемъ : *Золотые вѣсы*, представляющее сравненіе Христіанства съ Буддизмомъ. Два первыя изъ сихъ сочиненій переведены на Сіамскій, и всѣ три на *Таингскій*, языкъ, употребляемый въ большей части Пегу. Въ то же время, почтенный Томлинъ началъ переводить Евангелія съ Китайскаго на Сіамскій, при пособіи Сіамскаго полмача, Китайца по рожденію. Легко предвидѣть, какія объясненія получаша для многихъ, еще мало извѣстныхъ нарѣчій, отъ сихъ различныхъ изданій, и мы не можемъ довольно возблагодарить ревностныхъ Миссіонеровъ, предпринимающихъ оныя. Какъ важное улучшеніе, надобно означить стараніе Общества Библейскаго присовокупить къ себѣ отаичнаго Оріенталиста, Г-на Гринфильда, которому

(*) *Коломбо*, главный городъ Англичанъ на островѣ Цейланѣ. *Прим. Перев.*

поручено строго разсмотрѣть часть Филологическаго Восточнаго Общества. Избраніе сіе удостовѣряетъ, что Библейское Общество не ослабѣетъ въ своихъ трудахъ, и мы въ правѣ надѣяться, что въ надзоръ Г-на Гринфильда найдетъ оно обезпеченіе отъ ошибокъ, въ какія можешь увлекать иногда самое желаніе скорѣе достигнуть цѣли благородной и полезной.

Если подвиги ученыхъ Обществъ, изложенные въ семъ обзорѣ, имѣютъ право на почтеніе всѣхъ, принимающихъ участіе въ успѣхахъ человѣческихъ знаній, то какую признательность должны мы питать къ тѣмъ трудолюбивымъ людямъ, которые одни, безъ могущественныхъ пособій, доставляемыхъ духомъ сообщенія, стараются увеличивать и умножать открытія, безпрерывно производимыя на Востоку Европейцами? Надежды, подкрѣпляющія ихъ, наши надежды; цѣль, къ которой стремимся мы Обществомъ, есть цѣль каждаго изъ нихъ отдѣльно. Такимъ образомъ имѣютъ они двойное право на ваше вниманіе, коимъ удостоиваете вы все, что можешь разливать свѣтъ на Физическую и Нравственную Исторію народовъ Восточныхъ.

Литература и языкъ одного изъ древнѣйшихъ Азійскихъ народовъ, Евреевъ, продолжаетъ бытъ предметомъ трудовъ, долженствующихъ болѣе и болѣе обобщать знаніе оныхъ. Г-нъ Ли въ Лондонѣ издалъ Еврейскій Словарь; Г-нъ Глеръ издалъ такой же въ Парижѣ. Трудъ Г-на Глера, тщательнѣе исполненный по лучшимъ лексиконамъ, имѣетъ особенною цѣлью одушевить юныхъ Членовъ Французскаго Духовенства любовью къ изученію, слишкомъ пре-

небреженному. Почтенныя желанія Авшора конечно не останутся безплодными, когда онъ издастъ Еврейскую Грамматику, соспавляемую по тому же плану. Съ другой стороны, Г-нъ Кармоли, желая распространить между Израильянами познаніе ихъ Исторіи, издаеъ на Еврейскомъ: *Біографіи знаменитыхъ Израильтянъ*. Первая часть сей книги заслужила одобреніе особъ, свидущихъ въ Липшерашуръ Раввинской. Въ Германіи, славный гебраистъ Розенмюллеръ издалъ двадцатый (заключающій въ себѣ *Экклезіаста* и *Псалмъ псалмъ*) томъ *Слохій*, огромнаго репершорія всего, что Критика произвела самаго точнаго и глубокомысленнаго касательно Вещаго Завета. Томъ-же ученый издалъ новый томъ четвершой части *Библейской Археологіи*, содержащій въ себѣ Минералогію и Ботанику Библейскую. Сія послѣдняя гораздо превосходитъ Цельзіева сочиненія: *Hierobotanicon*, которое, впрочемъ, сдѣлалось очень рѣдко. Кромѣ сихъ отдѣльныхъ сочиненій, въ Германіи явилось изданіе, имѣющее болѣе общую занимательность; это: *Критическая Исторія религіозныхъ идей Вещаго Завета*, Г-на Грамберга. Сіе обширное сочиненіе, плодъ Критики самой смѣлой, кажется, должно занять мѣсто въ числѣ тѣхъ трудовъ, которыми гордишся Нѣмецкая ученость.

Изученіе Арабскаго языка обогатилось въ семь году важными пріобрѣтеніями, конми одолжены мы Г-ну Фрейшагу, въ Боннѣ. Первый томъ новаго изданія Словаря Голіуса явился въ свѣтъ, и половина втораго, какъ увѣряюшъ, окончена. Множество

прибавленій дѣлають сіе сочиненіе совершенно новымъ; сверхъ сего, оно имѣетъ то неоспоримое преимущество, что дѣлаетъ доступнымъ занимающимся изученіемъ Арабскаго языка Словарь, съ давняго времени бывшій рѣдкимъ. Г-нъ Фрейтагъ издалъ еще полное изслѣдованіе о стихотворныхъ мѣстрахъ Арабскихъ, отчасти въ опроверженіе системы другаго Нѣмецкаго ученаго, Г-на Эвальда. Г-нъ Рёдигеръ, въ Галлѣ, издалъ вновь Басни Локмана; вскорѣ явившся сіе-же сочиненіе, литографированное въ Парижѣ Г-мъ Прайсомъ. Къ числу книгъ, долженствующихъ вскорѣ явиться въ свѣтъ, отнесемъ прежде всего новое изданіе большой, прекрасной Грамматики Г-на Сильвестра де Саси. Намъ обѣщаютъ, что вскорѣ будетъ довершено сличеніе Курана, полезный трудъ, которымъ занимается много лѣтъ Г-нъ Глеръ. Въ Лондонѣ, Африканское Общество напечатало послѣднюю часть Записокъ Буркхардта. Онѣ состоятъ изъ сочиненій о Бедуинахъ, исполненнаго подробностей новыхъ, и изъ книги пословицъ, собранныхъ Буркхардтомъ у степныхъ Арабовъ, и объясненныхъ исторически и грамматически. Сиръ В. Оузелей, благосклонно принявъ на себя смѣлѣніе за сямъ изданіемъ, отдалъ тѣмъ послѣдній долгъ одному изъ самыхъ добросовѣстныхъ и дѣятельныхъ путешественниковъ нашего времени. На ряду съ сямъ изданіемъ должно поставить чисто историческій трудъ, превосходную книгу Г-на Вилькена о Крестовыхъ походахъ. Недавно вышедшій, VI-й томъ оной, начинается XIII-мъ столѣтіемъ, послѣ взятія Константинополя Крестоносцами, и оканчивается 1247-мъ го-

домъ , обнимаа такимъ образомъ періодъ , уже тщательнѣо объясненный изысканіями Гг. Мишо и Рейно. Ученый Г-нъ Вилькенъ , частыми ссылками отдавая справедливостъ трудамъ своихъ предшественниковъ , не оставляетъ однакожъ безъ критическаго разсмотрѣнія источниковъ , упошребляемыхъ имъ самими , и , сколько можно , черпаетъ свѣдѣнія изъ Авторовъ оригинальныхъ. Драгоцѣнное достоинство разнообразія и обилія въ подробностяхъ , приобретаемое только познаніемъ текстовъ , отличаетъ также знаменитый Историческій трудъ Г-на Гаммера : *Исторію Оттоманской Имперіи* , которая не одинъ разъ заслужила ошъ Совѣта нашего свѣдѣтельствва уваженія , коихъ въ семь быстрое обозрѣніи не можемъ мы представить. Если политическая потребность , знавъ причины возвышенія и ослабленія могущества Оттоманскаго , способствовала ошчассти успѣху огромнаго сочиненія Г-на Гаммера , то одинакая причина , иишересь дипломатическій , заставляетъ обращать вниманіе на Крашкіе Французско-Турецкіе Словари , изданные Г-мъ Аршинъ-Гиндуглу , въ Вънѣ , Г-мъ Разисомъ , и нашимъ соотечесшвенникомъ Г-мъ Біанки.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ.)

ФИЗИОГНОМИЧЕСКІЯ

и

Хиромантическія свѣдѣнія Древнихъ Россіанъ.

Желая знать *народность* нашу, мы должны видѣть прошедшій и настоящій бытъ Руси во всѣхъ, даже самыхъ мѣлочныхъ отношеніяхъ. Вотъ почему, мы думаемъ, что помѣщая различныя свѣдѣнія, поясняющія намъ характеръ, мѣтвія, повѣрья, свѣдѣнія нашихъ предковъ, мы не обременяемъ вниманія просвѣщенныхъ читателей Телеграфа предмѣтами ничтожными и бесполезными. Все это также матеріалъ для Исторіи Русской, какъ и граматы, списки съ старинныхъ актовъ.

Въ одномъ изъ старинныхъ сборниковъ, XVII-го вѣка, мы нашли извѣстіе о Физиогномическихкихъ и Хиромантическихкихъ замѣчаніяхъ нашихъ предковъ. Не можемъ сказать: самобытное-ли это произведеніе, или переводъ? Въ томъ и другомъ случаѣ, оно любопытно; этому *сѣри*ли старики наши. Они вообще не умѣли сомнѣваться въ писанномъ, или печатномъ. «Такъ въ книгѣ пишется,» говорили они, думая, что говорятъ о сильнѣйшемъ доказательствѣ. Выписываемъ упоминаемое извѣстіе, въ

совершенной точности , безъ наблюденія только правописанія стариннаго .

« Се о знаменіяхъ теловѣскихъ .

« Аще у чловѣка будетъ знамя на челѣ , многинъ господинъ будетъ , аще изъ добраго рода , а изъ худаго , то самъ послужишь .

« Аще знамя будетъ между бровьми , то жену Христіанину поймешь .

« Аще знамя будетъ на брадѣ , тому съ мѣста на мѣсто переходиши .

« Аще знамя будетъ на ксбрыніе , или на устѣ , то богашъ будетъ .

« Аще знамя будетъ на чревѣ , то дѣлница и многоядецъ будетъ .

« Аще знамя на руцѣ , то многоплодець будетъ .

« Аще знамя надъ сердцемъ , промышленникъ будетъ .

« Аще знамя на персѣхъ , то убогій сирота .

« Аще велико чело у кого , то мудръ есть ; аще-ли мало , то есть мыслію , словесы и дѣломъ разумынь . Аще-же кругло чело , то щцнъ и гтѣвлнъ , и шужливъ .

« Аще брови приклонилися къ носу , то ярокъ , и высокъ , сердитъ , и ужасливъ . Аще брови приклонилися ко скорымъямъ , то ругашель и пронырливъ .

«Аще будешь очи закрышы, шо многими любими будешь.

«Аще очи лисы, временемъ страшливъ, а временемъ укрьпихся.

«Аще очи черны, шо есть временемъ крошокъ и высокоумень. Аще-же очи велицы черны, шо пышливъ чужаго жишя. Аще-же велицы и стры, многоглаголивъ, и въ немъ *разсмотръ* есть.

«Аще очи, аки-бы шрещены, въ шомъ нѣсть ума: что видишь, шо и разумѣешь.

«Аще очи внутрь впаи, острѣйшій мыслию бываешь.

«Аще часто мигаешь, шо умъ не устояшь на единомъ мѣстѣ. Аще-же не часто мигаешь, шо не спыдлишь.

«Аще знамя на колѣнѣ, шо жену поймешь богашу Христіаниню.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

отъ Сочинителя повѣсти :

Андрей, Князь Переславскій.

I.

« Нашего полку прибыло , прибыло ,
Ой Дидъ Ладо прибыло ! »

Старикнал пѣсня.

Въ лѣто, отъ сотворенія міра, по Греческимъ хронографамъ 7335-е, я нижеподписавшійся лежалъ на кровати своей, перелистывая черепословную систему Доктора Гаала, развѣшную Спурцгеймомъ, и очень досадуя на природу, что она не выставила нумеровъ на мозговыхъ моихъ органахъ, для легчайшаго прѣиска. Щупая и перещупывая однакожь всѣ выпуклости на кивотѣ моего генія, весьма былъ я изумленъ, когда указательный мой перстъ вспрѣтилъ на немъ шишку воображенія и пошомъ пирамиду сравненія, двухъ несомѣнныхъ спутниковъ Поэзіи. Чоршъ меня возми! вскричалъ я тогда (грѣшный человекъ, эшо мое любимое восклицаніе), мудрено-ль, что у меня издавна чesались руки на стихотворство, когда сама природа предназначила меня бытъ поэшомъ! И какъ до

сихъ поръ не послѣдовала я своему призванію?.. Не говорилъ-ли мнѣ Нѣмецъ, сапожникъ и эстетикъ вмѣстѣ, что въ ногахъ моихъ есть что-то поэтическое! Не пожаловала-ли меня въ Русскаго Парня полдюжина пріятелей, съ которыми осушила я двѣ дюжины Шампанскаго! Не называли-ли меня двѣ премилыя дамы поэмомъ за то, что въ альбомахъ я поставила ихъ, кажешся двумя градусами, выше всѣхъ языческихъ богинь! А собственное сознаніе, Мн. Гг., развѣ копѣйка? Я съ мааденчества чувствовала, что во мнѣ шевелился эксцентрическое сердце, и если подъ розгами не плакала гексаметромъ, подобно славному Латинскому Поэту, за то ранѣ могъ отличить ямбъ отъ хорея, чѣмъ внимательный падежъ отъ предложнаго. Пришомъ же два Доктора, съѣвшіе на черепахъ зубы, должны знать свое дѣло, и мадамъ-природа вѣрно не такъ не учтила, чтобы избрать мою голову для забавнаго исключенія. Рѣшено и подписано: я пою; поэтъ на зло судьбѣ!

Нечего и сомнѣваться, что по духу времени и вкусу я была романистъ до конца ногтей. Нечего и сказывать, что я хотѣла первую попытку свою вылить въ историческую форму. Не доставало мнѣ только героя, а герои, въ нашъ героическій вѣкъ, отъ ссеченія ихъ на базаръ славы, стали шакъ рѣдки, что самъ Байронъ перечелъ сошны двѣ именъ не зацѣпясь ни за одно. Надобно было простѣвать пепелъ Русской шаррины, а на бѣду я жилъ тогда въ чужой землѣ, безъ Русскихъ книгъ, даже безъ Русскихъ знакомцевъ. Перерывая въ сумкѣ памяти

(которой крѣпостию не могу похвалиться), пональ я на Андрея Князя Переяславскаго, проименованнаго *Добрымъ* : его-то избралъ я козломъ грѣхотосцемъ ; на него-то навьючилъ всѣ грѣхи своего поэтическаго Израиля, всѣ ошибки воспоминанія. Разъ , два — и повѣсть , носящая на себѣ это имя, выдѣла изъ головы моеѣ до половины , какъ Минерва изъ головы Юпитера , въ заржавой , старинной кольчугѣ , только въ недошитомъ кафтанѣ и съ носомъ недорослемъ , который злая судьба грозила уже ему приставить безъ моего содѣйствія. Господа стихотворцы знаютъ , какъ пишушся нынѣшнія поэмы , и потому не для чего мнѣ распространяться , какъ я бросалъ мысли за недочетомъ рифмъ , или рифмы за неявкою мыслей : пѣзъ десятишачашныхъ картинокъ , едва-ли дѣѣ доходили до половины , и я было хотѣлъ , по вольности словеснаго цеха , сшивать окончанныя бѣлыми спихами , какъ бѣлыми нитками. Одиночество удивительно какъ надудаетъ самолюбіе : самъ пишешь , самъ себя похваливаешь. Сперва смиренно говоришь : « Кажется , это не дурно ! » Потомъ , кажется превращаешься въ *тогню* , и точно въ *несомѣнно*. Нѣкому оспоришь , покришиковашь , исправить. Скоро однако-же простылъ творческій жаръ мой : я усталъ прыгать по спрекозинуму отъ предмета къ предмету , не имѣя шерпѣнія скленывать ихъ гладко. Два мѣсяца потомъ мое разбросанное сочиненіе казалось мнѣ прекраснымъ ; еще черезъ два хорошими , тамъ изрядными , и черезъ полгода я нашелъ его только , только что сноснымъ. Лица въ немъ были замысловаши не по своему вѣку , рѣчи

пышны не по людям; однимъ словомъ: я обулъ въ Русскіе лапти Нѣмецкую Философію. Это сознаніе, соединенное съ божественною лѣтнью, по которой я самъ могу мѣшны въ полубоги, было виной, что Князь мой остался о двухъ головахъ, хотя я предполагалъ его сдѣлать, какъ змѣя Горыныча, шестиглавымъ. Не то, чтобы я отрицалъ въ этой повѣсти всѣ достоинства: въ ней есть свѣжія картины, удачныя сравненія, звонкіе стихи, нигдѣ не заимствованныя мысли; смѣю сказать, что если-бъ я продолжалъ ее, остальные главы, возвышаясь занимательностію, могли-бы искупить недосадки предыдущихъ; но все таки я убѣдился, что въ ней не было-бы этой купности, этого цѣлаго, знаменующаго фізіогномію геніальныхъ произведеній, и бросилъ поприще, на которомъ не льстился опередить многихъ. Для себя собственно, я не на всегда отказался отъ прелестной болтушки Поэзіи, которая дарила меня столь сладостными часами забвенья страданій; но теперь я удовольствуюсь однимъ прогулками, а не дальними путешествіями съ нею. И такъ, Мн. Гг., не смотря на свою поэтическую звѣзду, на свои призывательныя шипки на черепѣ, подъ № 16 и 30-мъ (зри Френологію), даже не смотря на увѣренность, что я съ большою легкостію могу писать такъ-же вздорно какъ другіе, я отказался отъ бумажнаго вѣнка поэта. Очень-бы радъ былъ, если-бъ моя исповѣдь послужила урокомъ для многихъ молодыхъ стихотворцевъ.

Впослѣдствіи, перестѣкая Россію, чтобы отправиться въ одну изъ дальнихъ ея провинцій, я ош-

далъ одной, душевно уважаемой мною, знакомой дамѣ, единственную черновую тетрадь, въ которой заключались двѣ главы Андрея Переславскаго, и нѣкоторые отрывки слѣдующихъ, ошдавъ, какъ обломокъ Вавилонскаго столба, на кошоромъ хотѣлъ я спастись отъ потопа забвенія, какъ лешучій слѣдъ моея пролешной мстроманіи.

Вотъ, въ одно прекрасное утро, въ 1828 году, приносятъ ко мнѣ Московскія Вѣдомости; и что-же? Между продажными пустопорозжими мѣстами, потѣженными дормезами, и прачками, кошорыя умѣютъ шить и гладить и проч. и проч., отпущаемыми въ услуженіе, напишываю, что мой безкорыстный Андрей Переславскій напечатанъ и пошуппелъ въ продажу! Если справедливо выраженіе, что люди падаютъ съ облаковъ отъ изумленья, такъ это былъ я. Вообразите себѣ лунашика, пробудившагося посреди полнаго партера въ халашѣ и калпакѣ, и вы еще будете пмѣть не совершенную идею объ Авторѣ, кошораго въ шакомъ не приборномъ видѣ вывели въ публику! Никогда не приходила мнѣ мысль, даже въ самомъ пылу спинохворной горячки, печаташъ неконченную пьесу, не шолько едва набросанную главу ея. Донъ Жуанъ не указъ для тѣхъ, кто не рожденъ съ гениемъ Байрона, и по пословицѣ: «Первый кусъ разбойникъ,» я зналъ; что завтракъ поршишь вкусные обѣды. Какова-же была моя досада, увидѣвъ себя такъ напечатаннымъ! Я хотѣлъ писать отрицаніе, ссориться съ Издашелемъ, бѣсновался какъ Шаманъ, но до почтоваго дня уходился, пришихъ

и размыслилъ, что публика навѣрно пропуститъ безъ вниманія пьесу, написанную безъ связи, сдѣ-
ственно забвеніе постигнетъ ее шакъ-же хорошо
въ книжномъ анбарѣ, какъ и въ чемоданѣ моемъ.
Дѣло вышло однакожь не совсѣмъ по моему. Г-да
Журналисты вытиснули ее на мигъ изъ Лешы свои-
ми вопросительными удочками: одинъ сказалъ, что
повѣсть эша грѣшитъ надмѣрною отдѣлкою сти-
ховъ, другой, что они слишкомъ небрежны, но
никто не замѣтилъ важнаго промаха моей памяти,
что я, Богъ вѣсть за какую вину, сослалъ Андрея,
Князя Навитпровскаго Переяслава, подъ Карпат-
скія горы, на Дунай. Не желая накликашъ на себя
большой грозы, я притаялся, и благодаря все уми-
ряющему сопѣстному судѣ, времени, повѣсть моя,
кришика на нее, и рецензія на кришику — все ка-
нуло въ воду.

Вдругъ, ровно черезъ три года, явилась 2-я
глава моего Андрея, въ 41-мъ № Журнала *Gazette*,
съ повѣсткою, что она продается и особо — яви-
лась, в, признашся сказать, еще неумышле спар-
шей сестрицы своей. Вельми изукрашена была пер-
вая пропусками, описками, недописками, ошибка-
ми самородными и привитыми корректоромъ; но
вспорая далеко оставила ее за собой: она, по сло-
вамъ Валшеръ-Скошпа, представилась « въ самомъ
удивительномъ безпорядкѣ. » Я думаю, крѣпко аха-
ли разногласные отрывки и параграфы, когда моч-
ная рука переплетчика свела ихъ на очную сшавку!
Во многихъ мѣстахъ не доставало цѣлыхъ страницъ,
въ другихъ не вписано поправленныхъ или вычерк-

нутыхъ стиховъ , полустигній , пирада ; да кромѣ того, рука моя такъ походила на гусарскую цифровку , что не мудрено было перемѣнить смыслъ ошибками , и надо признаться , что ихъ куча, и презабавныхъ для всѣхъ , кромѣ Автора (*).

Публика , не вѣдающая ни отношеній , ни намѣреній Сочинителя , была въ полномъ правѣ ожидать , что онъ , послѣ шрехъ-лѣтняго молчанія , вѣроятно посвященнаго ошдѣлкѣ , поподчуешь ее чѣмъ либудь совершеннѣйшимъ перваго образчика ; что разсказъ его будетъ плавнѣе , дѣйствіе живѣе , поэзія блистательнѣе — и увидѣла вмѣсто того какой-то сонъ Жанъ-Поля , съ намсками , связанными бу-сами почекъ , многозначащихъ и ничего не сшоящихъ ! . . Она не можетъ не осуждать Автора за такую небрежность ; но , съ своей стороны невинный въ этомъ Авторъ , т. е. я , не дѣлавшій никакого своимъ душеприкащикомъ , объяснивъ происхожденіе Андрея Переяславскаго , считаю долгомъ объявить почтеннымъ читателямъ , которые были привлечены на чтеніе онаго любопытствомъ , и по-

(*) Напримѣръ , возьмемъ послѣдній параграфъ , когда Любомуру во всемъ слышатся ужасы , то вмѣсто : « и тяжекъ *стонѣ* коростеля » — изпечатаано : « и тяжекъ *сонѣ* коростеля . » Желая знать , какой смыслъ находилъ тупъ Издатель ? Многіе наблюдали мѣчтанія спящихъ собакъ , но никто еще не проникъ въ тайны грезъ ппичьихъ ; да если-бъ и было такъ , я все еще не понимаю , почему эти грезы могутъ казаться тяжкими . Прим. Сот.

кинули его ошъ нешеритіи, что повѣсть сія напечатана не только безъ моего вѣдома, но противъ моей воли. Въ отношеніи-же къ неизвѣстному даже мнѣ Издашелю 1-й главы, я приславшему къ Г-ну Ранчу 2-ю, я сожалею если это нескромности, и негодую если спекуляція.

Александръ Марлинскій.

Дагестанъ.

1831.

II.

Еще нѣсколько словъ его-же къ Издашелю
Московского Телеграфа.

Съ удивленіемъ начиналъ я въ 53 № *Литтературныхъ Прибавленій* къ Инвалиду, отрывокъ изъ моей Повѣсти: Андрей, Князь Перелеславскій, напечатанный съ подписью Г-на Петрова, изъ Енисейска. Не смѣя чести знать Г-на Петрова, не только передавать ему право печатать подъ своимъ именемъ чужіе стихи, съ прибавкою поправокъ, пропусковъ и ошибокъ всѣхъ родовъ, я полагаю, что эта выходка принадлежитъ вполне Г-ну Воинову Для сего прошу васъ перепечатать, если будешь можно, сіе стихотвореніе, съ имѣющагося у васъ списка, а о поступкѣ Г-на Издашеля *Литтературныхъ Прибавленій* къ Русскому Инвалиду упомянуть нѣсколькими словами. Не потому желаю сей гласности, чтобы я высоко цѣнилъ слабое свое произ-

веденіе, но во избѣжаніе впредъ подобныхъ похищеній. Не довольно того, что уже двѣ главы оной повѣсти напечатаны безъ моего позволенія и протѣивъ моей воли, шеперь находятся люди, которые подписываютъ подъ отрывками изъ ней свое имя.

А. М.

Дагестанъ. 1831 года.

Издатель Телеграфа, печатающій справедливыя возраженія Автора Повѣсти: *Андрей, Князь Перелазскій*, не считаешь нужнымъ прибавлять что либо отъ себя. Дѣло такъ явно и ясно, что всякій можешь по достоинству оцѣнить поступокъ Гг. Равча и Воейкова.

Издатель Телеграфа сожалеетъ только о томъ, что не могъ раньше напечатать возраженій Г-на Маринскаго, полученныхъ имъ уже довольно давно.

Мартъ, 1832.

20

С М Ъ С Ъ.

Изъясненіе картинки. — Очеркъ съ картины , приложенный къ сей книжкѣ нашего Журнала, представляетъ одно изъ лучшихъ произведеній Мециса. Самое изображеніе , видимое въ сей картинѣ , служившъ предметомъ спора между Англійскими и Французскими знатоками. Издатель *Британской Галлерей* утверждаетъ , что Мецисъ изобразилъ здѣсь двухъ скупыхъ; Французскіе Издатели *Музея Живописи и Скульптуры* , напрошивъ , хотяшъ видѣть въ сей картинѣ совсѣмъ иное. « Это Банкиръ , говорятъ они , или негоціантъ : онъ сосчитывалъ деньги и заносилъ ихъ въ главную книгу. Онъ чрезвычайно занятъ своимъ счетомъ , и жена , кажется , напоминаетъ ему , что онъ ошибся , забывъ разницу въ цѣнности монетъ , находящихся подъ его рукою , и другіе , которыя лежатъ на столѣ. »

Мы думаемъ , что банкиръ и банкирша , скупой и скупая , не дѣлаютъ здѣсь никакой разницы. Главная прелесть картины въ выраженіи лицъ , и въ искусствѣ , съ коимъ живописецъ изобразилъ всѣ принадлежности. Вы видите тайное заведеніе

человѣка, состарѣвшагося въ богатствѣ, вѣстна съ милою половиною его.

Кенъ Мейсъ, иногда называемый Антверпенскимъ кузнецомъ, родился въ городѣ Антверпенѣ. Сначала онъ дѣйствительно былъ кузнецъ, но послѣ болѣзни, приключившейся ему на двадцатомъ году, оставилъ сіе тяжелое занятіе, и вскорѣ сдѣлался однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ живописцевъ Фламандской Школы. Представляемая здѣсь картина его, писанная на деревѣ, долго хранилась въ Амстердамѣ; но, къ шестидесятому, она куплена Англійскимъ Королемъ, и теперь находится въ Виндзорской галлерей. Вышина ея 3 фута 5 дюймовъ, ширина 2 фута 10 дюймовъ. Два раза были сняты съ нея вѣстанки: Ричардомъ Эрломъ, en mezzotinte, и Фишлеромъ, en gravé.

— *Вызовъ, сдѣланный Академикомъ Д. М. Велланскимъ.* Въ № 133-мъ Сѣверной Пчелы напечатано слѣдующее объявленіе, достойное любопытства и вниманія всѣхъ любителей Наукъ:

«*Опытная, наблюдательная и умозрительная Физика, сочиненная Академикомъ и Профессоромъ Д. Велланскимъ, вышла въ свѣтъ въ послѣднихъ числахъ Октября 1831 года. Со стороны ученой публики не воспослѣдовало еще никакого отзыва о семъ сочиненіи, которое опровергаетъ рѣшительно всю систему обыкновеннаго Физическаго*

ученія, въ есotericическомъ его смыслѣ, и представляеть Науку въ другой формѣ, сообразно прочтѣйшему основанію идеальнаго ея устройства. Авторъ считаетъ сочиненіе свое первымъ произведеніемъ Физической Литературы въ Россійскомъ Ученомъ Свѣтѣ, и проситъ знатоковъ подвергнуть, хотя нѣкоторыя статьи изъ онаго, безпристрастному критическому разбору.

«Надѣ снмъ сочиненіемъ Авторъ трудился 8 лѣтъ, да приготавлился къ оному 20 лѣтъ; а по сему и точный разборъ онаго долженъ бытъ не малотруденъ. Движимый любовью къ истинному познанію, Авторъ предлагаетъ ученымъ людямъ въ Россіи: вступить съ нимъ въ ястолковательную полемику, о какомъ нибудь предметѣ, изложенномъ въ его Физикѣ. Если полемизаторъ разрушитъ есotericическую конструкцію сего предмета, и на мѣсто оной созиждетъ основательнѣйшее умственное зданіе, то Авторъ дастъ ему тысячу рублей *преми*, и съ благодарностію признаетъ его есotericію. Когда-же прошивное изложеніе не будетъ выведено изъ высшихъ началъ умозраптельнаго понятія, и Авторъ докажетъ неосновательность онаго, то въ такомъ случаѣ, полемизаторъ долженъ дать Автору половину предлагаемой нмъ *преми*, то есть пять сотъ рублей ассигнаціями.

«Предметы, о которыхъ Авторъ желалъ-бы полемизировать, суть: *свѣтъ*, *тяжесть*, *теплота*, *магнетизмъ*, *электризмъ*, *химизмъ* и *гальванизмъ*, кои въ особенной Физикѣ излагаются весьма слабыми и превращенными гипотезами,

« Сколько Авторъ ни старался написать Физику свою ясно и вразумительно, однако многимъ она не понятна, по особливому способу изложенія, для котораго нужно предуготовительное свѣдѣніе. Для удобнѣйшаго обзора столь сложнаго и обширнаго сочиненія, Авторъ составилъ крашкое извлеченіе изъ онаго, которое имѣешь бытъ напечатано въ Сынѣ Ошечества.

« Авторъ занимается сочиненіемъ Общей Физиологій, или Органической Физики, которая безъ предварительнаго изложенія неорганической природы не могла бытъ представлена въ собственномъ ея значеніи, и коюрой основное начертаніе можешь бытъ кончено въ шеченіе нынѣшняго года. »

Любопытно наблюдать, какое дѣйствіе произведетъ столь оригинальное объявленіе? Довольно хорошо зная нашъ ученый и литерашурный міръ, мы могли-бы предсказать Автору, что . . . но де времени удержимся отъ этого.

— *Египетскіе сфинксы въ С. Петербургѣ.* Въ одномъ письмѣ изъ Сѣверной столицы пишутъ къ намъ слѣдующее: « Недавно ходилъ я смотрѣть прѣзжихъ сфинксовъ, которые куплены въ Египтѣ, какъ говорятъ, за 70 тысячъ рублей, и привезены сюда на Греческомъ кораблѣ. Что за корабль! Мачты преввысокія, бока только что обшиты шесомъ; вездѣ прочностію пожертвовано легкости. Видно, что онъ принадлежитъ такому народу, ко-

торый знаетъ, что въ промышленности, самыя дешевыя средства суть лучшія. Сфинксы Египетскіе вообще походятъ на обыкновенно видимыхъ намъ; только на голову ихъ прикрѣпляется остроконечная шапка, а сзади подобіе косы, завитой и торчащей. Они изъ гранита, пѣскольно красноватаго, и весьма мѣлкаго зерна; оштѣлапы съ чрезвычайною чистотою. Я удивлялся въ нихъ правильному образованію лица, которое однакожь носитъ на себѣ отпечатокъ отдаленной древности. Полагаютъ, основываясь на догадкахъ Шамполіона, что они сдѣланы почти за тысячу лѣтъ до Рождества Христова, слѣдственно имъ теперь около 3000 лѣтъ, ибо для такой древности, сошнѣ двѣ лѣтъ недочета тоже что для нашей жизни два мѣсяца! Сфинксы сіи колоссальны: вѣсу въ нихъ, какъ увѣряли меня, 10 тысячъ пудовъ; длина, по плинту, болѣе 7 аршинъ, ширина два аршина слишкомъ. Они предназначены для украшенія гранитной пристани, строющейся противъ Академіи Художествъ. Петербургъ пріобрѣлъ въ сей рѣдкости предметъ чрезвычайно замѣчательный.»

КАМЕРЬ-ОБСКУРА.

№ 6.

ТРУДОЛЮБИВЫЙ МУРАВЕЙ,

Историческо-политическо-литтературная Газета, издаваемая въ городѣ N. N., Яковомъ Ротозѣвымъ и Ооюю Низкопоклоннымъ.

(Мы должны предувѣдомить читателей Камерь-Обскуры, что намъ случайно попался № сей Газеты, издаваемой, какъ мы слышали, въ городѣ N. N., съ начала сего года, въ неопредѣленное время. Намъ показалось такъ любопытно содержаніе сего повременнаго изданія, о которомъ до сего времени мы ничего не слыхали, что не боясь придирки Издашелей за контрафакцію, рѣшились мы перепечатать появившійся намъ № вполне, и немедленно писали къ Издашелямъ, чтобы они выслали намъ полный экземпляръ ихъ Газеты).

КЪ ВЕСЬ.

Опять лазурными лучами
Взошло на вѣшній небосклонъ,
Опять привычными мечтами
Тобой разсѣять зимній сонъ,
Природы баловень могучій,
Любовникъ осени пахучей,

Женихъ весны, зны супругъ
 И лѣша благодатный другъ...
 Нѣтъ, нѣтъ! не развѣвай унынья,
 Не грѣй чела и не лови
 Въ глазахъ обманчивой любви
 Моей слезы
 Убитый рокомъ — я опнынѣ,
 Посхищенъ горестью на вѣкъ —
 Моя судьба судьбѣ упрекъ,
 Упрекъ безжалостной судьбинѣ...
 Надежды свѣтъ мнѣ не запынѣ,
 Бывалой предестыю долины,
 Не золошнѣ весны карпны,
 И солнцемъ счастья не горитъ...
 Я — мершвеца жываго видѣ,
 Пугаю всѣхъ моею мечтою,
 Разстался съ дѣвой не-земною,
 И погубилъ свой идеалъ!
 Подай мнѣ тяжкій свой фіаль,
 Моя знакомая, привѣтомъ
 Меня мирившая со свѣтомъ,
 И съ благодатью пѣжнѣхъ мукъ —
 Ты исцѣли мнѣ мой недугъ,
 Ты, мой сопушникъ неизмѣнной,
 Ошрада горести блаженной,
 Костявый гостъ моей весны!
 Мой конченъ ширъ, ошочнены
 Мгновенья радости живыя,
 И сны надежды золошны!

И. Пр. . . из.

Политическія новости.

Англія. Говорятъ, что Лордъ Норфолькъ вчера обѣдалъ у Лорда Пальмерстона; но другіе увѣряютъ, что Его Свѣтлость только позавтракалъ, а обѣдать изволилъ у себя дома.

Бельгія. Вчера проѣхалъ черезъ Бриссель курьеръ, съ важными депешами.

Египетъ. Мегеммедъ-Али съ нѣкотораго времени куритъ по одной лишней трубки табаку, каждые послѣ обѣда.

Португалія. Донъ Мигуэль недавно осмапиривалъ укрѣпленія Лиссабона, и готовился къ отплытію флота Донъ Педро, который до сихъ поръ не вышелъ еще изъ Терсейры.

Новости не-политическія.

20 ч. сего мѣсяца, съ утра была у насъ прекрасная погода, но потомъ сталъ накрапывать дождикъ; хопя-же и скоро онъ пересталъ, но многія дамы побоялись нарядицъ на бывшее въ этотъ день гулянье, и поному публика, весьма многочисленная, не опличилась нарядами.

— Пишутъ, что Г-нъ Мансонъ сдѣлалъ новыя, важныя усовершенствованія въ паровыхъ машинахъ.

— Одинъ Ліонскій фабрикантъ изобрѣлъ машину, замѣняющую руки для нюханья табаку. Онъ намѣренъ просить привиллегіи. Недавно выдана шамъ привиллегія на вѣтряную мѣльницу, кошорая, особенно устроенными на крыльяхъ ея бришвами, брѣшетъ весьма чисто и ловко въ двѣ минуты. Стоишь только подойди къ крылу и подспавишь рыло.

Что дѣлать съ дѣтьми?

Въ № 7-мъ 1832-го *Телескопа*, издаваемого въ Москвѣ Г-мъ Надеждинымъ, помѣщенъ превосходный разборъ *Статистической записки о Москвѣ*, соч. Г-мъ Андроссовымъ. Съ изумленіемъ видѣли мы въ этомъ разборѣ глубокія соображенія Рецензента, подписавшагося буквами: *N. N.*, видѣли много предметовъ для размышленія, до котораго рѣдко могутъ доводить текущія (?) бумаги, и проч. и проч. — Намъ особенно понравились папіріопическія выходки Рецензента: «Такого статистическаго сочиненія, въ духѣ *Дюпеневома*» — говоритъ Г-нъ *N. N.* о книгѣ Г-на Андроссова — «не бывало еще у насъ въ Россіи, не исключая *Французскихъ* разсужденій о смертности, самоубійствахъ, и прочемъ, Г-на Германа, лѣтъ тридцать, кажешся, сидящаго на почетныхъ *Академическихъ*

*креслахъ , и начальствующаго Спашиспическимъ
Опдѣленіемъ въ Петербургѣ.» Поразишь такимъ
образомъ поненькою книжечкою Г-на Андрossoва
тридцати-лѣтніе труды старца, котораго, не
только мы, невѣжды, но и Европа почитали
однимъ изъ первыхъ современныхъ Спашиспи-
жовъ, Рецензентъ, само по себѣ разумѣется,
уже безъ всякой жалости убиваетъ Кирилова,
за котораго нѣкогда заступался Г-нъ Пого-
динъ, Вирста, Шторха, и проч. и проч. — Но
этого мало: Рецензентъ грозно насупаетъ на
самую СПбургскую Академію Наукъ, и подска-
зываетъ ей, что она должна дать Г-ну Андрос-
сову 5,000 рублей за его книгу. «Дай Богъ» —
говоритъ онъ — «чтобы Академія Наукъ, ли-
шущая и читающая до сихъ поръ, къ стыду
нашему, только по-Французски и по-Нѣмецки,
оцѣнила по достоинству это Русское сочиненіе
и увѣнчала его Демидовскою наградой!»*

Все это довольно скромно, прекрасно, пре-
восходно. Но верхъ всего составляютъ мечш
Рецензента, *мечты пылкія и сладостныя*, какъ
онъ называетъ ихъ (1832 *Телескопъ*, стр. 388).
Сіи мечш показываютъ, сколь высоко можешь
залетѣть воображеніе въ жару филантропиче-
скихъ мечтаній. Со слезами радости видимъ
мы въ достойномъ нашемъ соотечественникѣ
соперника басурману Мальшусу, и другимъ не-

вѣждамъ-чужеземцамъ, которые ломали голову, но никакъ не могли рѣшить важнаго вопроса Политической Экономіи, о соразмѣрности народонаселенія съ способами прокормленія и воспитанія народнаго.

Слава Богу! Г-нъ N.N. совершенно разрѣшилъ этотъ вопросъ. Онъ привелъ его въ кратчайшее и простѣйшее значеніе. *Что дѣлать съ дѣтьми?* спрашиваетъ онъ. Да, Мм. Гг., извѣстное дѣло: всякій-бы радъ женишься, да чѣмъ дѣшей кормить, и какъ воспитать ихъ? — Не беспокойтесь-же объ этомъ болѣе — дѣло кончено! Внимайте рѣшеніе вопроса:

Съ нѣхъ поръ, какъ учрежденъ Воспитательный Домъ, число родящихся увеличилось въ Москвѣ почти *третью*, а число браковъ *третью* уменьшилось (Телеск. стр. 388). Это доказываетъ, что при ошкрывшемся удобствѣ сбывашъ дѣшей, спали родить ихъ свободнѣе. Чего же шущъ думать? Г-нъ Андроссовъ предложилъ первый — учредить Воспитательный Домъ для законно-рождающихся, а Г-нъ N.N. распространяетъ и поясняетъ эту истинно Платоновскую мысль.

Надобно, говоритъ онъ — 1-е, учредить дѣшскія кассы въ каждомъ городѣ. Кто не способенъ жершвовашъ на такое прекрасное дѣло? «Клянусь Богомъ», восклицаетъ Г-нъ N. N.,

« что я, бѣдный человѣкъ, получающій въ годъ 1000 рублей жалованья, прибѣжалъ-бы съ нею, безъ памяти опѣ радости, при первомъ извѣстїи о такомъ учрежденїи» . . .

2-е, на сіи деньги, продолжаетъ Г-нъ N.N., должно устроить Воспитательные Дома, въ коихъ всякій бѣднякъ могъ-бы отдавать своихъ дѣтей.

Какова мысль, Мм. Гг.? Я, признаюсь, при разѣ снялъ калпакъ съ головы моеѣ, и заочно поклонился шрижды Г-ну N.N.

« Если-бы у насъ, по всѣмъ городамъ, были учреждены Воспитательные Дома для законнорожденныхъ дѣтей, куда всякій гражданинъ, безъ малѣйшаго затрудненія, могъ-бы отдавать дѣтей на воспитаніе, какого-бы возраста они ни были, то довольство, спокойствіе, благоденствіе гражданъ вдругъ увеличилось-бы въ нѣсколько кратъ. Слѣдствія немечетныя. . . »

Г-нъ N.N. исчисляетъ сіи слѣдствія :

1, касательно *нравственности*, ибо всякій-бы женился, не думая о томъ, чѣмъ содержитъ дѣтей;

2, касательно *народонаселенія*, ибо отъ усиленія браковъ усилилось-бы рожденіе дѣтей;

3, касательно *промышленности*, ибо каждый тогда занимался-бы работою для себя и жены,

копилъ денежки, пускалъ ихъ въ торгъ, или проживалъ, а не раззорялся на дѣшей, а опъ сего,

4-е, обращеніе денегъ сдѣлалось-бы живѣе, и умножилось-бы народное богатство; а сверхъ того,

5-е, усилилось-бы самое просвѣщеніе, ибо всѣ дѣши получали-бы надлежащее воспишаніе, и, само по себѣ разумѣтся,

6-е, явилось-бы тогда общее благоденствіе, какъ «результатъ вышеписанныхъ факторовъ» (1832-й, *Телескопъ*, стр. 390).

Великая мысль, великое предпріятіе! Такъ нѣкогда одному помѣщику доносилъ управитель: куда прикажешь онъ дѣвать мусоръ, скопившійся горами, послѣ построенія огромныхъ его палатъ? — «Выкопай, братецъ, большую яму, и свали въ нее мусоръ.» — Но куда-же прикажешь положить землю, изъ ямы вынутую? — спросилъ управитель. — «Ахъ, какъ ты глупъ!» возразилъ помѣщикъ — разумѣтся, положишь ее въ ту-же яму!»

Восхищенный глубокими свѣдѣніями въ Политической Экономіи нашихъ соотечественниковъ, искренно благодаря Г-на N. N., я осмѣлюсь прибавить, что также пишу проэкштъ. Г-нъ N. N., вѣроятно, еще не женатъ, а потому не знаетъ, что не только боясь дѣшей, но и не зная

тѣмъ жену содержатъ, многіе не женятся. Можешь быть, это остановить и его отъ вступленія въ супружество — но, не бойсь, Г-нъ N. N., не бойсь — средства мною найдены!

- Я хочу предложить слѣдующее: учредишь заведеніе, куда всякій-бы долженъ былъ отдавать свою жену, гдѣ спануть ее кормить, поить, содержать, и упражнять въ работѣ. Мужья могутъ къ женамъ приходишь иногда, но жить должны дома, на кварширѣ, или тамъ, кто гдѣ занятъ. Слѣдствія неосмыслимы! Женъ не спануть шалишь, ссорись и драись съ мужьями, видѣсь съ ними, какъ съ любовниками; дѣтей прямо передавай въ Воспитательныя Дома будешь легче; женъ не будешь спосишь расходовъ ни одного гроша, и еще скопятъ капиталы своею работою, народное богатство умножится, промышленность оживится, просвѣщеніе усилятся (ибо въ часы досуга женъ нашихъ спануть учишь), и общее благоденствіе явится — какъ результатъ вышесказанныхъ фактовъ. — Меня останавливаютъ въ моемъ проэктѣ маленькія затрудненія. Желалъ-бы я посоветоваться объ нихъ съ великимъ Г-мъ N. N., который смѣло можешь деперь назваться — *Русскій Анти-Мальтусъ*.

Доровей Неженатый.

БИБЛІОГРАФІЯ.

— *Сокольники*, или поколебаніе владичесиwa Ташаръ надъ Россією. Историческій романъ XIV вѣка. Эпизодъ изъ княженія Димитрія Донскаго. Сочиненіе Сергѣя . . . каго. Часпъ I. М. 1832 года, въ Универ. ш., in-42, VIII и 168 стр., съ каршиною, изображающею, какъ Русскій вишазъ, Всеславъ, сътепъ плешью Ташарскаго вишазя, Бешара.

Въ то время, когда вся просвѣщенная Европа, не могши отнять у гордой Британніи презубца, успремилась обрывать лавры лишперанурные съ смѣлыхъ сыновъ ея, мы, Рускіе, не опсцаемъ опъ другихъ народовъ въ семъ подвигѣ, папріопическомъ и опшважномъ. И когда-же опсцавали мы опъ другихъ, шла-ли рѣчь о томъ, чшобы колошпшь надменнаго Наполеона, или о томъ, чшобы вмѣсто паряковъ носить волосы *à la Titus*, или о томъ, чшобы писашъ стихи *à l'eau de rose*, или *à la Byron*?

Такъ и нынѣ. Шотландскій монополистъ *Историческихъ романовъ* едва-ли не съ горя умираетъ, а не опъ паралича, какъ писали въ новѣйшихъ извѣстіяхъ. И можно-ли не горевашъ ему, видя, чшо при жизни еще его, повсюду его преслѣдовали, догоняли, догнали и перегнали? Но если-бы зналъ В. Скопшъ, съ какою чеспію сшали оплщашъся на поприщѣ Истори-

ческаго романа наши Русскіе Литтераторы ,
онъ , конечно , давно-бы умеръ съ досады.

Вновь вышедшій романъ: *Сокольники*, блестящимъ образомъ подтверждаетъ истину словъ нашихъ. Юный Авторъ умѣлъ соединить съ истинною Исторіею занимательность Романа , въ такой высокой степени , что читая его книгу , сомнѣваетесь , и спрашиваете сами себя : что это — *Наталья Болрская дочь* , или *Исторія государства Россійскаго* ? Слогъ романа , роскошью выраженій и нѣжною чувствъ , напоминаетъ первое , а силою мыслей , патріотизмомъ и идеальностью героевъ второе. Проникнутый любовью къ опечаленной славѣ , Авторъ изображаетъ намъ cadaго Русскаго спарца мудрымъ , cadaго юношу героемъ , каждую дѣву Русскую образцомъ красоты. Въ прошивоположность сему , Татары представлены у него истинными чудовищами , копоры душатъ , грабятъ , рѣжутъ , жгутъ , распушничаютъ , какъ сумасшедшіе. Русскіе непрерывно бьютъ ихъ , ругаютъ , побѣждаютъ , и читатель соглашается , что они достойны этого за свои злодѣйства , свою подлость , развратъ и трусость.

Въ первой части еще ничего *Историческаго* вѣтъ , хотя глубокія познанія Автора въ Русской Археографіи видны уже изъ словъ: *охотень* , *баскахъ* , *гридница* , *пулы* , и проч. , что вслѣд-

чаемъ мы безпрестанно. — Вся первая часть состоитъ изъ слѣдующаго : прелестная Марія хотѣла любить кого нибудь, увидѣла и полюбила Всеслава. Сердце ея сказала: *это онъ*. Всеславъ взаимно полюбилъ Марію. — Въ это время, въ Москву пріѣхалъ Баскакъ Татарскій, извергъ, который убилъ двухъ своихъ женъ, брата и опца, готовъ отдать душу чорту, и при всемъ этомъ спрашнй волокипа. Описывается драка Москвичей съ его свилою; потомъ Великій Князь угощаетъ Баскака обѣдомъ, и дѣлаетъ для него *карусель* (?), на которой герой романа, Всеславъ, не только сбиваетъ съ коня Татарскаго богатыря, но еще и сѣчетъ его, очень больно, плетью. Потомъ слѣдуетъ охота, и разговоръ охотниковъ, о предполагаемомъ походѣ Великаго Князя на Татаръ. За симъ описывается гулянье въ Троицынъ день въ Сокольникахъ, гдѣ Марія играетъ въ горѣлки съ подругами. Вдругъ спрашнй дождь и громъ! Марія бѣжитъ спасаться въ лѣсъ. Тутъ она находитъ Всеслава. «Ты-ли это, милое созданіе прекрасной природы? Громъ и бури даютъ мнѣ тебя!» кричитъ онъ. — «Ахъ! это ты, тотъ незнакомецъ, знакомый мнѣ давно!» отвѣчаетъ Марія. Они цѣлуются, обнимаются, клянутся въ любви. — Слѣдуетъ ночь. Татары пихонько собираются въ Сокольникахъ. Баскакъ — извергъ — хочетъ убить Всеслава и похитить Марію; онъ влюбился въ нее смер-

тельно. Съ нимъ сговаривается другой извергъ, Елисей колдунъ, и этою ужасающею, Микель-Анджеловскою сценою кончена первая часть. Съ нетерпѣніемъ ждемъ слѣдующихъ.

Ни одинъ изъ Русскихъ Историческихъ романовъ не отличался еще такою прелестію слога, какъ *Соколыники*. Вотъ начало: «*Отгравнутая слава временъ минувшихъ должна бытъ священна и въ безбрежномъ хаосѣ будущности! Сколько столѣтій кануло въ вѣчность послѣ того, кошорое я вызываю изъ прѣха забвенія, чтобъ оно осквало неизблемое владычество въ памяти Рускихъ не подобно молніи, кошорая мгновенно вспыхнетъ, зарѣетъ на небѣ — и угаснетъ. Дѣла знаменитыя не тронетъ время; все разрушающая коса его несоскоблитъ съ души патриотизма мечшы умиленія,*» и проч. — Описываетъ-ли Авторъ Марію, вотъ какъ говоритъ онъ: «*Вся она облечена была въ формы небесныя, вся она была прекрасна, вся она сіяла, какъ въ лучахъ.*» — Но, вотъ идетъ бракъ ея: «*Природа опимѣшила характеръ его врожденною флегмою.*» Здѣсь строгій кришникъ замѣшля-бы, что *флегма* значить вообще мокроту, *слиюу*, и *отмѣтитъ флегмою* что нибудь, значить, говоря проспо, *плюнуть на тотъ предметъ*; но кто не забудетъ сей нешочности выраженій, чѣшая далѣе, что «*привѣшы самой ду-*

ши его были ничто иное, какъ лобзаніе могильнаго остова.» — Хошите-ли *наивной* прелести? Вотъ разговоръ Маріи съ сестрою: «Милая Надежда! какъ названіе эшо чувствіе... что, вотъ такъ шевелитъ сердце, такъ двигаетъ душу... такъ *нудитъ* взглянушь... бышь вмѣстѣ — *поближе*... — Да къ чему, къ кому эшо, мой другъ? спросила ее Надежда. — «Къ *мужикамъ*» — опивчала Марія запинаясь». . — Но не думайте, чтобы Авторъ неумѣлъ бытъ ужаснымъ. Вотъ какъ говоритъ у него извергъ-Баскакъ: «Полно, сперва! Да разлепишся языкъ твой въ дребезги! Чпо-жь ты, подлый рабъ, не закапиль ему ножа въ горло? Дьяволъ! все зарево ада раздулъ онъ въ душѣ моей своими разсказами! — Залилъ-бы тебѣ глошку свинцомъ! О сю пору ужъ дьяволъ называетъ меня своимъ... я твой! Говори, требуй смѣло — я не боюсь тебя, со всѣмъ адскимъ причетомъ твоимъ! Чего хочешь: души что-ли?»... Какой мерзавецъ! настоящій Ташаринъ!

Поздравляемъ Русскую публику съ эшимъ прекраснымъ литературнымъ явленіемъ, и вперпѣливо ждемъ окончанія.

Библіографическія новости.

Много блестящихъ надеждъ могутъ имѣть читатели Русскіе для наступающей осени. Мы слышали, что извѣстный поэтъ и критикъ, Сѣргѣй Тимоѣевичъ Аксаковъ готовитъ новое изданіе, своего перевода, *Филоклетъ*, трагедіи Лагарпа; Александръ Анѣимовичъ Орловъ хочетъ издать липшерашурную переписку свою съ А. С. Пушкинымъ, и другими Русскими липшерапорами; нашъ Русскій Омиръ, Г-нъ Свѣчинъ, оканчиваетъ новую эпическую поэму, а Г-нъ Пуговичниковъ рѣшается издать къ свѣткѣмъ новый Альманахъ. Даруй Фебъ, чтобы все это сбылось, и слухи не оказались ложными!

О Б Ъ Я В Л Е Н І Е.

1. Вчерашняго числа, изъ квартиры одного Повытчика, неизвѣстно кѣмъ, покрадены разныя вещи, составлявшія небольшое движимое его имущество, скопленное изъ маленькаго, получаемого имъ жалованья, по 350 рублей въ годъ. Онныя вещи суть: прои часы золотыя, одни съ ренетиціею, и прои часы серебряныя, два фрака Англійскаго сукна, плащъ альмавива, Голландскаго сукна, полдюжины шабакерокъ серебряныхъ и золотыхъ, чепыре дю-

ши его были ничто иное, какъ
 гильнаго остова.» — Хошите-л'
 лести? Вотъ разговоръ Ма.
 «Милая Надежда! какъ наз'
 чшо, вотъ накъ шевелишъ
 ешъ душу... такъ нудитъ... есен.
 спшъ — поближе... — Д... , въ Сохр..
 мой другъ? спросила ... аждый въ 5,00
 нъ» — отвѣчала М... около 2,000 рублей.
 майте, чшобы А;
 Вотъ какъ гов... вавшей, вхавши претшя..
 «Полно, сп... ронилъ списокъ именинъ и дней
 въ дребезг... ленихъ своихъ друзей, пріятелей
 капилъ е... сениковъ, сославляющій 120 страницъ,
 во ада... ественный въ сафьянъ, съ бѣлыми листва-
 сказан... записки вновь прибывающихъ друзей и
 О сг... ди, съ ихъ дядюшками, шепушками, ба-
 л... башками, дѣдушками, племянниками, племян-
 ницами, кумами и кумами, свашьями и сваша-
 ми, благодѣтелями и покровителями. А какъ
 обронившій имѣетъ крайнюю надобность въ се-
 драгоцѣнной росписи, по случаю наступающихъ
 праздниковъ, то покорнѣйше проситъ нашедша-
 го оную принести къ нему, за чшо получишъ.
 кромѣ благодарности, пятьдесятъ увѣреній въ
 искренней дружбѣ.

городскомъ Театрѣ представлена бу-
 рашій день: Окровавленная рука,
 ого себя, романтическая мелоді

что Рускіе давно уже прои-
 ного революціонера, обманщи-
 — Цѣна за при шма, со-
 менѣе 8-ми печатныхъ ли-
 амая умѣренная — по два
 шшея. Якобы деньги обращаются
 Исландскіе семейства, которое
 манцами. Перео своей бѣдности
 дешъ: *Оплеуха*, а
 номъ акціѣ, а въ заключе мка симъ объяв-
 цѣнскіе гондольеры, диверс чему, для вы-
 поромъ представленъ будешъ бѣтъ. осаженныхъ,
 дѣвица Пискунова будешъ пѣть стихи мѣщанинъ
 ва: *Тихо Брента протекала, серебряная*. малень-
 Г-нъ Безголовый прочишаетъ стихи Пуха дрых-
Ночной зефиръ душитъ вѣтеръ; серенада, со-
 славленная Г-нъ Безу-
 вымъ Соскнвалъ въ
 тисел продол-
 жипъ
 до
 извѣщ
 ка: *Abbaïen*
sient d
 де
 и
 ти.

жины ложекъ столовыхъ, двѣ дюжины чайныхъ ложечекъ, одна позолоченая, два перстня съ брилльянсами, одинъ съ бирюзой, чайный приборъ Саксонскаго фарфора, и другія мѣлочи, а всего не упоминуть. Да сверхъ того украденны еще 4 билета, на сумму, внесенную, на имя неизвѣстнаго, въ разное время, въ Сохранившую Казну Воспиташельнаго Дома, каждый въ 5,000 рублей, и наличными деньгами около 2,000 рублей.

2. Одинъ изъ обывателей, ѣхавши прешьяго дня по улицѣ, обронилъ списокъ именинъ и дней рожденія почтенныхъ своихъ друзей, пріятелей и родственниковъ, составляющій 120 страницъ, и переплешенный въ сафьянъ, съ бѣлыми листами, для записки вновь прибывающихъ друзей и родни, съ ихъ дядюшками, тетушками, бабушками, дѣдушками, племянниками, племянницами, кумами и кумами, сватьбами и сватьбами, благодарителями и покровителями. А какъ обронившій имѣетъ крайнюю надобность въ сей драгоценной росписи, по случаю наступающихъ праздниковъ, то покорнѣйше проситъ нашедшаго оную принести къ нему, за что получишь, кромѣ благодарности, пятьдесятъ увѣреній въ искренней дружбѣ.

3. На городскомъ Театрѣ представлена будетъ завтрашній день: *Окровавленная рука*, или *пазлы самого себя*, романтическая мелодрама

въ 3-хъ дѣйствіяхъ, съ хорами, балетами, похоронною процессіею, сраженіями, военными маршами, и изображеніемъ казни преступника. За оною послѣдуетъ: *Балакиревъ съ гостяхъ*, Историческій водевиль, въ 5-ти актахъ, съ Русскими, Гошшенпошскими, Казацкими, Калмыцкими, Исландскими, Эскимосскими и Турецкими танцами. Передъ началомъ спектакля дана будетъ: *Оплеуха*, анекдотическая шушка въ одномъ актѣ, а въ заключеніе спектакля: *Венеціанскіе гондольеры*, дивертисманъ, въ которомъ представленъ будетъ бѣгъ въ гондолахъ; дѣвица Пяскунова будетъ пѣть стихи Козлова: *Тихо Брента протекала, серебряная луной*; Г-нъ Безголосовъ прочитаетъ стихи Пушкина: *Ногной зефиръ струитъ звиръ*; серенада, составленная изъ Русскихъ пѣсенъ Г-мъ Безуховымъ, заключаетъ дивертисманъ. Спектакль начнется въ 5-ть часовъ по полудни, и продолжится, считая половину времени на антръ-акты, до 4-часовъ по полуночи.

4. Господа занимающіеся переводами симъ извѣщающся, что новое сочиненіе Г-на Бальзака: *Les cent comtes drolatiques*, colligez és abbaies de Touraine, et mis en lumière par le sieur de Balzac (Парижъ, 1832 года), переведенное для поспѣшности въ шесть рукъ, скоро поступитъ въ печать. Переводъ украсится картинкою, изображающею пажа Рене и Бланку,

какъ представлени онъ и она въ 4-й главѣ повѣсти : *Le rêché vesniel*. Переводчики надѣются, что почтенная публика поблагодаритъ ихъ за поспѣшность, съ какою постарались они представить ей это прекрасное, нравственное сочиненіе.

5. Въ книжной лавкѣ Амоса Курносѣва принимается подписка на новую книгу, подъ названіемъ : *Сорванная маска съ Философа-Самозванца, или Кузень предъ судомъ Аристарха Никодимовича Недоумки*, филологико-критико-историческо-ирришабильно-сапирическое изслѣдованіе, въ 3-хъ томахъ, сочиненное Иваномъ Белоомушовымъ, съ эниграфомъ изъ повѣсти М. П. Ногодина : « *Гдѣ я? Въ вертепѣ нищихъ, воровъ, площадныхъ мошенниковъ...* И вотъ какія происшествія, другъ мой, не производятъ во мнѣ никакого болѣзненнаго ощущенія. Удивительное явленіе! (Телескопъ 1832 года, № 7, стр. 362). Въ семъ новомъ, достойномъ особеннаго вниманія твореніи Г-на Белоомушова, доказывається явно, что Кузень есть шарлапанъ и обманщикъ; что онъ обокралъ Нѣмецкихъ Философовъ, не понялъ ихъ, перевралъ, и только гнуснымъ краснорѣчіемъ своимъ заславилъ Европу думать, будто и онъ не послѣдняя спица въ колесницѣ современнаго мышленія. Ясно также доказывается и подтверждается шутъ, что каждый Русскій студентъ смыслитъ Философію луч-

ше Кузена, и что Рускіе давно уже проникали умысли этого революціонера, обманщика и мыслекрада. — Цѣна за ширь шомы, содержащіе въ себѣ не менѣе 8-ми печатныхъ листовъ, полагается самая умѣренная — по *два деугривенныхъ*. Вырученныя деньги обращаются въ пользу одного бѣднаго семейства, которое пятьдесятъ разъ объявляло о своей бѣдности въ газетахъ.

6. Смотришель Тюремнаго Замка симъ объявляешъ, что доставлено было къ нему, для выкупа бѣдныхъ, за долги въ тюрьму посаженныхъ, 300 рублей, на которые и выкупленъ мѣщанинъ Осипъ Лолмошевъ, отецъ девятихъ маленькихъ дѣтей, и единственныи кормилецъ дряхлой старухи матери, и больной жены. Онъ содержался полшора года, за долгъ здѣшнему первосшашейному купцу и заводчику Фокъ Фомичу Обдиралову. И хотя прещензія, съ проценшани и рекамбіо, составляла 302 р. 79 $\frac{3}{4}$ коп., но желая оказати христіанское милосердіе, Г-нъ Обдираловъ успунилъ 2 р. 79 $\frac{3}{4}$ коп., и согласился взять только 300 рублей ровно. О шаковомъ благодѣштельномъ посшупкѣ Г-на Обдиралова, симъ доводились до свѣдѣнія публики. — Въ то же время Г-нъ Обдираловъ пожертвовалъ въ шюрешнюю кружку 10 коп. серебромъ, сосшавляющихъ съ лажемъ 42 коп. — *Доброхотнаго да теле любитъ Богъ.*

7. Вновь прїѣхавшій въ сей городъ порпной, учившійся у иносправныхъ мастеровъ, чеснѣ имѣетъ извѣстнѣшъ почтенныхъ охошниковъ, чпо онъ шѣетъ разное плашье, по новѣйшимъ моднымъ каршинкамъ, кошорыхъ привезъ онъ съ собою до 100. Живетъ онъ въ Шарлашанской улицѣ, подѣ вывѣскою : « *Матвей Сукнокрадовъ, Лондонскій, военный и пратикулярный портъ-ной.* »

ОБОЗРѢНІЕ

СОВРЕМЕННЫХЪ РУССКИХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Скажете , ради испины : чего признакомъ бываетъ фнашизмъ , въ какомъ-бы ни являлся онъ видѣ ? Невѣжества , самаго дурнаго невѣжества , кошорое губитъ всѣхъ Мусульманъ и раскольниковъ. Кажется , не лзя дать ннаго отвѣта на предложенный выше сего вопросъ. Неужели-же Издашель 1832-го *Телескопа* станетъ упрямиться и *фанатизировать* , не соглашаясь съ нашими обличеніями въ томъ , что языкъ Русскій , это упрямое днша , не повинующаяся его ошлично-устроеному воображенію , и златошвенныя фразы его превращаетъ въ нечѣпости ? Нужны-ли еще доказательсва ? За ними дѣло не станетъ. Ксшати намъ говоритъ шеперь о *Телескопѣ* 1832-го года , или 1832-мъ *Телескопѣ* , какъ назваъ его самъ Издашель.

Прежде всего, совѣтуемъ ему признаться , что это

заглавіе неправильно, а признавшисьъ, исправишь свою ошибку. Неужели ему весело, что читатели, за каждою новою книжкою начинающъ снова смѣяться? Далѣе: для чего изгналъ онъ изъ своего Правописанія точки? Это знакъ необходимый. Сопытуемъ ему спросить у кого нибудь, кто знаетъ Русскій языкъ: можно-ли безъ точекъ писать: 1832-й *Телескопъ* № 1 *Оглавленіе* I. . . . Можно-ли писать: *Телескопъ* годъ *второй*? Что за *второй*? Второй, М. Г., а не *второй*. И это въ заглавіи! Что-же должно бытъ въ самой книжкѣ? Посмотримъ.

Съ какой стороны угодно вамъ смотрѣть на 1832-й *Телескопъ*? Со стороны языка? Изложенія? Даже скучно выписывать періоды, подобные слѣдующему: «Если *иногда* кипящій сокъ разыгравшейся жизни *приммаетъ* (?) съ особенною силою, въ необыкновенномъ количествѣ, то сіе особенное напряженіе выражается разрушеніемъ обыкновенныхъ пропорцій, выступленіемъ изъ общихъ формъ, дикой оригинальностью, *величественнымъ уродствомъ*.» Такимъ языкомъ пишетъ Издатель *Телескопа* о Русской Литтературѣ! И такими-то хитро-сплешенными фразами думаетъ онъ нравиться и даже научать! Но, если вездѣ дурень, исправленъ, даже неспособенъ языкъ Г-на Надеждина, то въ сужденіяхъ о Французской Литтературѣ онъ принимаетъ какой-то особенный характеръ. Послушайте, напримѣръ: «Говоришься обыкновенно, что *левъ* реветъ (*), собака воетъ, голубъ воркуетъ;

(*) Реветъ корова, реветъ оселъ, а левъ *рыкаетъ*.
Справьшесь въ Академическомъ Словарѣ.

«въ нѣкоторыхъ современныхъ Французскихъ романахъ мычаніе верблюда выражаешь звуками: «бдгргдгдг (*), но для выраженія рычанья Гана «Исландскаго алфавища» не имѣешь довольно согласныхъ. Второе лицо мелодрамы — бѣлый медвѣдь, «другъ и сопутникъ Гана. Сцена дѣйствія переносится безпрестанно: изъ оштрога (!) въ домъ «палача, отъ палача къ вистлицѣ, отъ вистлицы въ «берлогу. Развязка — пожаръ шюрьмы, гдѣ все «взлетаетъ на воздухъ. Говоришь, что еще не видано было нигдѣ столько палачей, череповъ, крошки, зноя, костей, слраду, однимъ словомъ, всѣхъ «элементовъ современной драмы.» Фай!... Не вѣрю глазамъ своимъ, что элементарными современной драмы почищаютъ такіе гадости! Но это говоришь Г-нъ Надеждинъ, и я вѣрю, что онъ такъ думаешь. Но имѣешь-ли онъ право такъ думать, что есть понимаешь-ли онъ, знаешь-ли Французскую Лишперашуру? Въ послѣдней книжкѣ Телеграфа мы показали образчики его переводовъ; теперь укажемъ на образчики его знанія.

Выписавъ заглавіе книги: *Saynettes, par M. Paul Foucher*, онъ спрашиваетъ: «Что такое *сейнеты*?» И послѣ нѣсколькихъ словъ прибавляетъ: «И такъ *сейнеты* не что иное какъ — *сейнеты*! Болѣе сказать нечего!» Французскій Авторъ не виноватъ, что Г-нъ Надеждинъ не умѣетъ ничего сказать и не

(*) Жаль, что Издатель *Телескопа* не приложилъ перевода этого выраженія: онъ знаетъ такъ много языковъ, и знаетъ ихъ такъ *слабо*!

знаешь, что *Saynettes* называются въ Испаніи просто народныя театральныя пьесы, родъ буффонадъ. Въ такомъ смыслѣ принялъ слово сіе и Французскій Авторъ. « Въ современной школѣ Французской Лит-
« пературы, *гексаметръ* Расина и Вольтера ка-
« жется слишкомъ однозвучнымъ: Фушеру то и на
« руку (?): онъ разбиваетъ его на *тысячи кусковъ*,
« *толокъ*, такъ сказать, въ ступѣ. Современные
« поэты любящъ мрачность, ужасы: Фушеръ пу-
« скается въ *душегубство*, *омокаетъ* руки въ кровь
« по локоть (1832-й *Телескопъ*, кн. 3-я, стр. 430-я).»

Мы уже замѣтили, что Издатель *Телескопа* не можешь говорить о Французской Литпературѣ, не приходя въ какое-то особенное состояніе, и потому не станемъ говорить, можно-ли *разбивать стихи на тысячу кусковъ*, и *толокъ его въ ступѣ*; пропустимъ *душегубство*, и *руки, омочаемыя въ кровь по локоть*; остановимся только надъ неслыханною диковинкою: надъ *гексаметромъ Расина и Вольтера*. Эпошъ гексаметръ доказываетъ: 1-е, что Г-ня Надеждинъ не читалъ ни Расина, ни Вольтера, ибо иначе онъ зналъ-бы, что ни у того, ни у другаго нѣтъ гексаметровъ; 2-е, онъ не знаетъ Французскаго языка и стихосложенія, ибо иначе ему было-бы вѣдомо, что у Французовъ нѣтъ гексаметра, и что стихосложеніе у нихъ силлабическое; 3-е, онъ однакожъ судитъ о томъ и о другомъ, слѣдственно судитъ о томъ, чего не понимаетъ, въ чемъ не видитъ зги. Вѣрше послѣ этого сужденіемъ Г-на Надеждина!

Хороши будутъ свидѣнія объ иностранныхъ Литпературахъ отъ такого знатока! Однакожъ онъ

общается: « Знакомишь Русскую публику съ бо-
 « гашством Нѣмецкой Словесности, освѣщая каж-
 « дое замѣчательное явленіе ея краткимъ разбо-
 « ромъ. » Я боюсь только, чтобы это освѣщеніе,
 на которое употребляются самые дурные мате-
 ріалы, не закопшило, не выѣло глазъ читателямъ.
 Каково, напримѣръ, слѣдующее сужденіе о Нѣмец-
 кой Литтературѣ: « Не смотря на множество *хла-*
 « *ма и мусора*, конемъ *загроможденъ* еще послѣдній
 « *кашалогъ*, замѣчаютъ, что *отложеніе грубыхъ*
 « *веществъ*, составляющее главную причину особен-
 « *наго дородства* Германской библіографіи, обна-
 « *руживается* въ немъ нѣсколько слабѣе; что *пухлымъ*
 « *нарослы*, коними она покрывалась, ошчасти из-
 « *дрябли*; и что слѣдовательно для будущности
 « *предвидится*, съ *возрастающимъ оскуденіемъ*
 « *излишней тугности*, большая *сосредоточенность*
 « *въ производимельныхъ силахъ умственной дѣя-*
 « *тельности*, кошорая должна принести плоды бо-
 « *лѣе проныи и основательныи.* » Но, всего забав-
 нѣе, что послѣ этого пустословія, Г-нъ Наде-
 ждинъ, какъ будто понимая слова свои, говоритъ:
 « Надежды сіи кажутся и намъ основательными. »
 Я думаю, не только истинные любители Нѣмец-
 кой Литтературы, но и Нѣмецкіе сапожники не бу-
 дуть довольны эшимъ *хламомъ и мусоромъ*, кошо-
 рый Г-нъ Надеждинъ видѣтъ въ Нѣмецкихъ авто-
 рахъ, шакъ-же какъ *кровь, гной и смрадъ* во Фран-
 цузскихъ.

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ (*).

Les bonnets du matin se font extrêmement simples. Le fond, arrondi, à la forme de la tête, est quelquefois à trois pièces dont la coupe varie. Un nœud de ruban est posé sur le côté ou sur le haut de la tête, où il semble serrer les extrémités pour les réunir. Trois rangs de dentelle, égaux dans toute la longueur, et hauts seulement de quatre petits doigts, font la garniture.

Quelquefois toutes les garnitures ne sont pas relevées d'une façon semblable. Le premier rang est à petits tuyaux, et le rang supérieur à plis irréguliers.

A une promenade nous avons observé un élégant landeau, dans lequel étaient deux femmes mises avec un goût parfait. Leurs peignoirs de mousseline étaient à pélerine toute de dentelle; de longues plumes safran et vert-pomme ornaient leurs chapeaux de crêpe des mêmes couleurs. Voici comment étaient leurs manteaux et comment ils sont tous à la couleur près :

En marceline vert-émeraude, doublé d'une simple marceline vert-pomme; et l'autre en marceline aventurine, doublé de blanc. Un seul col carré tient au petit collet. Point de pélerine. Ce manteau beaucoup plus léger qu'un schall, garantit de l'air mieux que tout.

Les jupes de robes se font depuis long-temps plutôt longues que courtes, venant au coude-pied.

(*) Въ Парижѣ до 15-го Іюня (н. ст.)

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ.

On rencontre des capotes de paille cousue, grossières, très-grossières, aussi grossières que possible, autant que les chapeaux de glaneuses ou de porteuses d'eau. Et bien, qu'elles soient coupées d'une pure forme anglaise, doublées sous la passe de florence couleur paille, une touffe de fleurs des champs, ou une verdure, ou enfin toute autre fleur simple, posée, élevée sur le côté de la tête, et elles seront d'une élégance recherchée.

On voit des canezous de batiste dont les garnitures, festonnées et à petits plis, semblent une étoffe rayée. Les plis sont séparés de distance en distance par des intervalles unis.

On porte peu de ruches de cou. Des cols arrondis, droits par devant.

Une des jolies imitations nouvelles sont les applications d'Angleterre. Sur un fond de tulle on fixe des fleurs de dentelle. On donne ainsi à un col, à une pélerine, la forme qui convient, sans qu'il soit nécessaire de couper, joindre des parties, de même que lorsque cette dentelle ne se faisait qu'en bandes.

Упреніе чепчики дѣлаюцца чрезвычайно просто. Верхняя часть ихъ, кругловатая, по формѣ головы, иногда состоить изъ трехъ частей, которыя выкраиваюцца различно. Леночный бантъ накладывается на верхушку или на одну сторону головы, гдѣ онъ какъ будто соединяетъ части. Уборку составляютъ три ряда кружевъ, равные на всей длинѣ, и шириною только въ чешыре мизинца. — Иногда не вся уборка бываетъ одинакаго фасона: пер-

Парижскія моды.

вый рядъ состоишь изъ маленькихъ шрубчекъ , а верхній изъ неровныхъ складокъ.

Французскій Журналистъ съ восхищеніемъ описываетъ нарядъ двухъ дамъ, видѣнныхъ имъ на прогулкѣ. Онѣ были въ кисейныхъ пудерманшеляхъ , съ пелеринами изъ кружева ; длинныя перья , шафраннаго и зеленаго цвѣта, украшали ихъ шляпы , креповыя, цѣхъ-же цвѣтовъ. Манто , которыя нынѣ у всѣхъ одинаковы , и только разнообразятся цвѣтомъ , были у одной изъ зелено-изумруднаго марселина , подбитыя прѣснымъ зеленымъ марселиномъ ; у другой изъ авантюриноваго марселина , подбитыя бѣлымъ. Одинъ , четырехугольный ворошникъ около шеи ; всякаго ворошника , или пелерины , вовсе нѣтъ. Такое манто легче всякой шали и защищаетъ отъ воздуха лучше, нежели что либо другое.

Съ давняго уже времени плащя дѣлаются длинныя.

Встрѣчаются шляпки-капоты, соломенные сшивныя , грубыя , очень грубыя , такъ грубыя , какъ только можно: почти какъ у работницъ и крестьянокъ. Чшо-же ? Если онѣ имѣють настоящую Англійскую форму , подбиты флорансомъ соломеннаго цвѣта подъ полями, украшены цукомъ полевыхъ цвѣтовъ , или зеленью, или какимъ нибудь самымъ прѣснымъ цвѣткомъ на боку — то это будетъ самая изысканно-модная шляпка-капотъ !

Носятъ башмачковыя канзу , которыхъ уборка , фешонами и въ маленькихъ складкахъ , кажется полосатою тканью. Между складками оставляется нѣкоторое разстояніе.

Кругомъ шем мало носятъ рюшей. Воротнички круглыя, и прямыя напереди.

Одно, изъ прелестнѣйшихъ подражаній — Англійскія накладки. На шюль нашиваются кружевные цвѣты. Такимъ образомъ, воротничку, пелеринкѣ, придается форма приличная, и уже нѣтъ надобности раздѣлывать, сшивать, шакъ-же какъ и изъ полосы кружева.

НА ПРИЛОЖЕННОЙ КАРТИНКѢ:

Дам. Прическа изобрѣшенія Г-на Сержана, цвѣты Г-на Натъе. — Плащъ изъ волнистой ткани, съ уборкой блондами.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по оппечатаваніи представлены были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Москва, Іюня 15 дня 1832 года.

Ценсоръ и Кавалеръ Левъ Цвѣтаевъ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АРГУСТА СЕМЕНА.

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

ОБЪ ЭНЦИКЛОПЕДІЯХЪ.

(Окончаніе).

Въ послѣднія шридесятъ лѣтъ, во Франціи, въ Англіи, въ Германіи, было двѣ попышки, противоположныя, судя по первому взгляду, однакожь происшедшія отъ одинакихъ причинъ. Вездѣ, въ одно и тоже время, явились Энциклопедіи болѣе народныя, вмѣстѣ съ Энциклопедіями болѣе учеными.

Во Франціи, когда Издатели *Энциклопедіи Методической* старались предсавить для каждой науки словарь, самый обширный и полный, какъ будто наука сія одна занимала ихъ, было издано, подъ заглавіями: *Духъ Энциклопедіи*, *Карманный Словарь*, *Карманная Энциклопедія*, *Краткій Лексиконъ*, *Словарь Наукъ и Искусствъ*, и проч., множествено книгъ, въ родѣ первоначальныхъ Энциклопедій, удобныхъ для большей части читающихъ.

Апрѣль 1832.

24

Въ Англіи находимъ: *Энциклопедію домашнюю*, *Краткій Словарь Наукъ и Искусствъ*, *Энциклопедію Британскую*, въ 6 томахъ in-8, *Основанія всѣхъ Наукъ*, и проч., и въ тоже время три обширныя Энциклопедіи, изъ коихъ новѣйшая, Единбургская, содержитъ въ себѣ цѣлыя огромныя сочиненія о главнѣйшихъ вопросахъ Науки человѣческой и быта общественнаго.

Въ Германіи, вмѣстѣ съ *Всеобщей Энциклопедіею Наукъ и Искусствъ*, Эрша и Грубера, неоконченною донныѣ, изданы: *Рутная Энциклопедія*, *Энциклопедія Экономическая*, *Сокращеніе Энциклопедіи Экономической*, *Лексиконъ для разговоровъ*, и проч. и проч.

Видимъ, что вездѣ труды Энциклопедическіе приняли направленіе одинакое: исправивъ выславленный мною двоякій недоснашокъ первыхъ Энциклопедій, слишкомъ ученыхъ для публики вообще, слишкомъ крашкихъ для вопросовъ великихъ.

Изъ сихъ различныхъ попытокъ, особенно двѣ: *Лексиконъ для разговоровъ*, въ Германіи, и *Единбургская Энциклопедія* въ Шотландіи, имѣли успѣхъ безмѣрный; отъ чего?

Лексиконъ для разговоровъ, изданный въ Лейпцигѣ книгопродавцемъ Брокгаузомъ, есть самая

полная изъ народныхъ Энциклопедій. Издашель не далъ себѣ вѣрнаго отчета ни въ своемъ на-
мѣреніи, ни въ пошребностяхъ своихъ чиша-
телей; книга его сосшавлена не вслѣдствіе
одной, яснои мысли, кошорой надлежало слѣ-
довашъ во всѣхъ примѣненіяхъ; многіхъ спа-
шей недостаешъ въ ней; нѣкошорыя часши,
напримѣръ біографіи людей здравспвующихъ,
занимающъ слишкомъ много мѣста, между шми
какъ другія часши, напримѣръ искушва и ре-
месла, слишкомъ неполны. Но книга сочинена
съ цѣлю истинно пракшческою, для общаго
наученія людей, не имѣющихъ времени сдѣлать-
ся учеными; отъ сей цѣли Издашель не ошвлек-
ся никакимъ шребованіемъ ученымъ и лиштера-
турнымъ. Онъ спарался собрать, о безчислен-
номъ множествѣ предметовъ, свѣдѣнія, изъяс-
ненія, извѣстія, для самаго большаго, еже-
дневнаго употребленія; онъ сжалъ въ шсномъ
объемѣ огромную массу познаній первоначаль-
ныхъ, и не смопра на всѣ недосташки сего
сочиненія, кошорое конечно могло-бы бышь го-
раздо болѣе полнымъ, гораздо болѣе вѣрнымъ
главной своей мысли, оно достигло уже седь-
мага изданія, оно находишся почти во всѣхъ,
сколькo нибудъ досташочныхъ семейшвахъ;
наконецъ, оно много способствовало шей об-
щей образованности, шому домашнему просвѣ-

щенію, которое въ Германіи гораздо всеобъемлющее, нежели въ другихъ странахъ (*).

Сотрудники *Эдинбургской Энциклопедіи*, изданной подъ сѣюпрѣніемъ Брюстера, имѣли планъ и цѣль совершенно противоположныя *Брокгаузовой Энциклопедіи*. Они разсуждали: Къ чему это множество мѣлкихъ спашей, обременяющихъ большія сочиненія сего рода? Онѣ вообще относятся къ словамъ не важнымъ, или мало упошибительнымъ, которыя или объяснены вездѣ, или никогда не пребуютъ объясненія; между тѣмъ, онѣ занимаютъ много мѣста и не даютъ возможности, даже въ самыхъ многотомныхъ *Энциклопедіяхъ*, излагать предмѣты важныя въ надлежащемъ объемѣ и съ надлежащимъ пщаніемъ. Надобно удалить этотъ сборъ; пусшой и безполезный, который вносятся въ *Энциклопедіи* только для того, чтобы придать имъ обманчивый видъ полнаго объ-

(*) Со времени перваго появленія сего Лексикона, въ 33 года его разошлось, въ оригинальныхъ изданіяхъ Брокгауза, 80,000 экземпляровъ. Если причислить къ сему экземпляры трехъ перепечатокъ, сдѣланныхъ въ Германіи, и переводовъ, изданныхъ на Датскомъ, Шведскомъ, Голландскомъ языкахъ, и на Англійскомъ въ Сѣверной Америкѣ, то все число экземпляровъ сей книги, распроданныхъ до 1830 года, простирается за 100,000. *Прим. Пер.*

ема человѣческихъ знаній. Надобно избирать предметы, дѣйствительно важные для всѣхъ, и связанные съ многими идеями и явленіями; надобно излагать ихъ такъ, чтобы это удовлетворяло ученыхъ людей и самый требовательный умъ.

Этотъ планъ былъ выполненъ. *Эдинбургская Энциклопедія* содержишь въ себѣ, обо всѣхъ великихъ вопросахъ Наукъ Нравственныхъ, Политическихъ, Историческихъ, Естественныхъ, точныхъ, обо всѣхъ предметяхъ, сколько нибудь важныхъ философически или практически, истинныя сочиненія, куда отличнѣйшіе люди внесли плоды своихъ размышленій и трудовъ. Успѣхъ увѣнчалъ сіе предпріятіе. Какъ *Лексиконъ для разговоровъ* проникъ въ Германію даже въ среду мѣлкихъ горожанъ, такъ *Эдинбургская Энциклопедія* въ Шотландіи сдѣлалась рукою книгою образованныхъ людей, и вездѣ, гдѣ только заводится публичная библіотека или общество для чтенія, спараются имѣшь это сочиненіе прежде другихъ.

Что составляетъ общій характеръ этихъ двухъ Энциклопедій, столь различныхъ происхожденіемъ, склонностью, цѣлю, достоинствомъ? Та и другая были начаты съ намѣреніемъ совершенно практическимъ, безъ систематики, единственно для удовлетворенія нѣко-

шорыхъ пошребностей общества. Цѣль ихъ: расшросшранишь просвѣщеніе, ускорить ходъ образованности: посшредствомъ одной, между людьми уже учившимися, кошорые могутъ удѣлять время для наученія себя; посшредствомъ другой, между шѣмъ многочисленнымъ классомъ, кошорый не хочешъ оспашаться въ невѣжествѣ, хоша для ученія мало имѣешъ досуга.

Слѣдшвенно, въ ашомъ случаѣ, какъ почти всегда и во всемъ, событіе предшесшвовало теоріи; оно рѣшило вопросъ объ истинномъ свойствѣ Энциклопедій, прежде нежели оный былъ предложенъ.

Надобно вѣришь событіямъ, особенно если они развивающаь свободно, произвольно, какъ слѣдшвіе естешсшвеннаго хода дѣлъ, а не какъ произведеніе челошвческаго размышленія, всегда шѣснаго и присшрасшнаго. Не удивляйпесь указаннымъ ими недосшашкамъ въ планѣ первыхъ Энциклопедій, ибо ашо недосшашки всего 18-го вѣка, всѣхъ явленій его. Тогда общимъ заблужденіемъ была увѣренность въ обладанія полною наукою, способною удовлетворить всему, и покорить себѣ все. Вышло прощиворѣчіе, сшранное толькo по наружности: никогда умы не были шакъ заняты намѣреніями пракшическими и пошребностью примѣнять идеи къ событіямъ,

и никогда столько не презирали событий, никогда такъ мало не уважали примѣровъ, воспоминаній, различій, препяшпвій, словомъ, всѣхъ обспояшельствъ существенныхъ и внѣшнихъ. Среди надеждъ и предпріятій, совершенно чуждыхъ Наукъ, спраспное желаніе единства и строгости ученой господствовало во всемъ; вѣкъ, можеть бытъ менѣе всѣхъ великихъ вѣковъ совершенствовавшій теорію чистую, былъ именно тѣмъ вѣкомъ, когда теоріямъ покорялись и вѣрили самымъ слѣпымъ, фанатическимъ образомъ. Опытъ скоро показалъ, какъ много ошибокъ влекло за собою это незрѣлое, мнимое единство; непонятыя событія опспистили за себя, обличивъ во лжи ученія, и человѣческій умъ долженъ былъ сознаться, что дѣла міра сего не такъ просты, а наука не такъ полна, и могущество ума не такъ несокрушимо, какъ онъ представлялъ себѣ. Исторія Энциклопедій есть крашкая сцена изъ этого обширнаго зрѣлища, сокращенный выводъ изъ этой огромной ошибки. Тамъ не думали о различіи состояній, расположеній, нуждъ, о неравенствѣ образованности, достоянія; хотѣли вѣрить, что обращающся къ публикѣ единой, однородной, и что одно сочиненіе должно бытъ прилично и удовлетворительно равно для всѣхъ читателей. Заблужденіе неизмѣримое! Подъ именами публики, народа, общества, скрывается

множество обществъ , публикъ , народовъ , чрезвычайно различныхъ , коихъ умственныхъ потребностей и средства можетъ быть гораздо разнообразіе ихъ нарядовъ и привычекъ. Поэтъ , художникъ , даже философъ , мало заботятся о сихъ различіяхъ ; они свободно предаются своему воображенію или своей мысли , занимаясь единственно своимъ трудомъ ; одни изыскиваютъ чистую истину , другіе обращаются къ вѣчнымъ и неизмѣннымъ склонностямъ природы человѣческой , къ ощущеніямъ , всегда одинаковымъ , съ тѣхъ поръ какъ они существуютъ , къ способностямъ умственнымъ , кошорыя , подобно богамъ Омировымъ , касающіяся своей цѣли , какъ только приходятъ въ движеніе. Но выходя изъ этой высшей области , гдѣ пребываютъ только ощущеній или мыслей ; желая прямо и практически дѣйствовать на міръ существенный , желая образовывать , научать , необходимо должно соображаться съ общественнымъ состояніемъ , съ степенью образованности , съ досугомъ , съ просвѣщеніемъ : это событія повелительныя , и потому одна Энциклопедія столько-же пригодна для всѣхъ классовъ гражданъ , сколько одинакія училища.

Настало время понять это безчисленное разнообразіе и отдать ему должное ; умы склонились къ тому ; они постигаютъ , что мнимое ,

искусственное единство есть только тщесла-
віе ; они безъ труда сознавъся, что изданіе
Энциклопедій различныхъ, ошюдь не равныхъ
объемомъ и Наукою, есть слѣдствіе самыхъ
событій, законъ, налагаемый необходимостью
удовлетворить требованіямъ, весьма различ-
нымъ и равно существеннымъ.

Но вѣкъ нашъ долженъ не только удостовѣ-
риться въ ошибкахъ XVIII вѣка, не только
избѣгнувъ ихъ: эпохѣ трудъ Критики конченъ;
вѣкъ нашъ, въ свою очередь, долженъ спу-
стить впередъ, возобладать новыми испинами
и возвысить ихъ своими трудами. Если мы
ограничимся только тѣмъ, что признаемъ об-
щественныя различія и обязанность уважать
оныя, это будетъ повтореніе того, что го-
ворили философамъ ихъ противники. Заблужде-
ніе доказано давно, только доказано почти
вездѣ съ дурнымъ намѣреніемъ

.
.
.
.
.
.
.
.
.
.
.
.

Справедливо, что во всякомъ обществѣ, особенно сполъ древнемъ какъ Французское, есть множество положеній различныхъ, и развишій природы человѣческой неравныхъ, на которыя можно смотрѣть какъ на степени лѣсвицы образованности. Но существуесть между всѣми классами связь, ибо всѣ они образушъ одинъ народъ, и каково-бы ни было неравенство ихъ, всѣ они другъ другу не чужіе; одна судьба господствуесть ими; они могушъ бояться или уважать другъ друга, служишъ или вредишъ одинъ другому, но не могушъ жишъ ошдѣльно.

Что-же бываетъ, по ходу дѣлъ, тамъ гдѣ общество возвышается и процвѣтаесть? Сношенія различныхъ классовъ умножающа; вѣрованія, чувствованія, взаимныя пользы сближающа и соединяющъ ихъ болѣе и болѣе; изъ одного класса переходяшъ въ другой чаще и свободнѣе; движеніе общее и восходящее совершаесть на всей лѣсвицѣ; высшія званія ускоряющъ свой ходъ и между тѣмъ менѣе тяготяшъ званія низшія. Обращишесь къ Исторіи; взгляните на вѣкъ возрастанія, силы, славы всѣхъ народовъ: шакъ всегда совершались событія.

Такимъ образомъ, постепенное сближеніе всѣхъ классовъ, стремленіе къ единству

развишіемъ различноспей — вошъ законъ, или, почнѣе, вошъ событіе образованности! Эшо еспешественный ходъ жизни, котороу Провидѣнію было угодно одушевити собирашельныя существа, называемыя обществами.

Слѣдственно, всякое общественное соединеніе, которое признавши различіе состоишій, образованности, просвѣщенія, оплачающихъ разные классы гражданъ, спремилса съ одной сшороны опдѣлишь сіи классы одинъ отъ другаго, пошому что они различны, а съ другой стараешся удержать ихъ въ сихъ различноспяхъ, было-бы дурно въ основаніи своемъ, и прошиворѣчило-бы еспешественному ходу. . . .

Такимъ образомъ, задача общественного соединенія состоишъ въ слѣдующемъ: уважашъ различія и неравенства существенныя; соображашъ съ ними во всякомъ случаѣ; въ поже время, установишь между раздѣленными классами необходимую связь и сношенія, шакъ что-бы они знали себя взаимно, чтобы обращеніе одного съ другимъ всегда было свободно и опкрыто, и наконецъ, чтобы они безпрестанно чувствовали себя призываемыми, даже принуждаемыми одинъ отъ другаго, идти вмѣстѣ по пути усовершенспиванія.

Я полагаю, что особеннымъ призваніемъ и новымъ достоинствомъ нашего вѣка будетъ: хорошо уразумѣть и ясно утвердить сію великую задачу; ошкровенно принять всѣ условія оной; не жертвовашъ стремленіемъ существованности и существованностью стремленію; наконецъ, отвергнувъ всякое ложное единство, но не переснавая думать и помышлять о единствѣ истинномъ и чистомъ, къ которому постоянно стремишься человѣчество, хотя и не можешь достигнуть онаго.

. Снова обращаюсь къ сочиненію Энциклопедій, и вижу, что если хотяшь дѣйствовать на всю публику, если хотяшь успѣха образованности вообще, то какое ни употребили-бы средство, законы или книги, представляется опять та-же задача и пребудетъ того-же рѣшенія.

Какъ необходимо издавать Энциклопедіи различныя и неравныя, сообразныя различнымъ потребностямъ и неравнымъ средствамъ различныхъ классовъ читателей, точно такъ-же необходимо сближать ихъ, соединять, устанавливая между ими такое сношеніе, чтобы онѣ взаимно поддерживали и дополняли одна другую, чтобы одна вела къ другой, и чтобы рядомъ съ источниками средней образованности

стекли источники науки болѣе глубокой, всегда близкіе, хотя и раздѣленные, всегда доступные тому, кто желаетъ черпать изъ нихъ.

Воображаю себѣ хорошую Энциклопедію первоначальную, гдѣ собраны всѣ слова языка, общепопребытельнаго и ученаго, всѣ свѣдѣнія и объясненія, самыя полезныя большому числу читателей. Она, во множествѣ случаевъ, будетъ не полна чрезвычайно; но, опиюдъ не скрывая своей неудовлетворительности, она громко объявляетъ о ней, ибо во всѣхъ случаяхъ, гдѣ важность предмета превосходитъ объемъ оныхъ, она щцательно означаетъ это, опсылая читателя къ другой Энциклопедіи, также слишкомъ неполной въ отношеніи къ числу словъ, но за то разсуждающей подробно обо всемъ, что вошло въ составъ ея, предназначенной для тѣхъ, кто хочетъ внимательнѣе изучать великіе вопросы, и даже, если то прилично, представляющей публикѣ опдѣльныя небольшія сочиненія, собранныя въ одно цѣлое. Такимъ образомъ богатства человѣческихъ свѣдѣній распределяющіяся удобно для каждаго; каждый можетъ брать изъ нихъ что нужно ему; но опъ этого часпи не расположены, не размѣрены, не представлены для каждаго окончательнo, какъ будто онъ уже не имѣетъ права ни на что болѣе. Различія понятий и приняты въ

соображеніе ; ограниченій нѣтъ ; напрошивъ, между разными степенями науки и умственного развитія устроено непрерывное, шѣсное сношеніе ; въ самой книгѣ, гдѣ собраны основныя свѣдѣнія для шѣхъ, кто не хочетъ или не можетъ идти далѣе, говорится безпрестанно, что представляемая такимъ образомъ наука не полна, ограничена, пригодна только для разсѣянна невѣжества ; что о всѣхъ, сколько нибудь важныхъ предметахъ, надобно искать науки истинной не здѣсь. И свѣдѣнія болѣе обширныя, болѣе опредѣленныя, сдѣланы доступными для чашелей : они могутъ почерпать ихъ въ другомъ сочиненіи, которое назначено, такъ сказать, оповѣщать на вопросы, предлагаемые первымъ, но которое, если хотѣшь простиеръ свое изученіе далѣе, также укажетъ на опдѣльныя, большія сочиненія, гдѣ каждый предметъ изслѣдованъ во всей глубинѣ его. Этимъ предупредится порокъ, часто порождаемый Энциклопедіями : надменность легкопріобрѣтенной науки; но въ тоже время область науки высшей, всегда открытая для ищущихъ образованности средней, распространитъ горизонтъ ихъ идей, пробудитъ новыя умственные потребности, можешь быть даже послужитъ къ развитію шѣхъ расположеній, шѣхъ естественныхъ способностей, которымъ часто надобенъ только случай для собственнаго со-

знанія , надобно первое движеніе , чтобы явить себя.

Выполнены-ли всѣ условія задачи ? Такъ признанныя къ событіямъ , такъ составленныя , въ различіи и въ отношеніяхъ своихъ , по плану хорошаго , законнаго соединенія общественнаго , даютъ-ли Энциклопедіи право надѣяться , что онѣ исполнѣ достигнутъ своей настоящей цѣли , что для пользы образованности онѣ разовьютъ все свое могущество ?

Онѣ дѣйствительно выполнятъ сіе назначеніе , если останутся вѣрны первой идеѣ своей , если во всѣхъ подробностяхъ исполненія ихъ будешь господствовать мысль о публикѣ , для коей назначаются онѣ , и объ услугахъ , коихъ она въ правѣ ожидать отъ нихъ.

Ясно , что изъ Энциклопедіи первоначальной должны быть удалены всѣ ученыя и литературныя требованія . Сочиненіе такого рода назначается не для чтенія послѣдовательнаго , не для того , чтобы о какомъ либо порядкѣ идей или событій , болѣе нежели о другомъ , доставить средства наученія . Оно для тѣхъ , чья жизнь проходитъ въ непрерывныхъ занятіяхъ , кто не много досуговъ можешь отдѣлять для чтенія , кто , собственно говоря , не учится ничему особенно , однакожъ , не желая останавливаться въ невѣжествѣ , имѣешь нужду въ книгѣ ,

гдѣ пошчасъ находишь онъ , обо всѣхъ предметахъ , какіе могутъ встрѣниться въ разговорѣ и въ жизни , свѣдѣнія , указанія , достаточныя для того , чшобы разсѣять ему невѣдѣнія его и удовлетворишь его любопытство. Эта публика не пребуешь , чшобы передъ нею излагали и оспоривали различныя мнѣнія , приводили въ движеніе мыслящую силу ея новыми и смѣлыми идеями , и доспавляли ей обманчивое наслажденіе почиташъ себя ученою безъ шруда : ей надобенъ положительный отвѣтъ на вопросы не высокіе , не запушанные , но безчисленные , касаемо Исторіи , Географіи , Наукъ Нравственныхъ , шочныхъ , Естествознагельныхъ , Медицинскихъ , Искусствъ , ремеслъ , и проч. Въ такой Энциклопедіи , ни одна статья не можешъ имѣть шребованія , чшобы ее замѣшили особенно ; ни одна наука не должна даже предполагашъ о возбужденіи особеннаго участія ; но за то , всѣ науки должны заняты въ ней мѣсто ; объясненія должны быты въ ней на такое число словъ , какое шолько можешъ она заключить въ себя , оспаваясь доступною величайшему числу читашелей. Къ ней не будутъ обращаться съ вопросами учеными , но могутъ спрашивашъ ее обо всемъ , и она должна быты всегда готова отвѣчашъ , всегда служишь какъ-бы сокращеніемъ всѣхъ частныхъ Словарей , имѣвшихъ предметомъ человѣческія знанія. Чѣмъ менѣе въ

каждой статьѣ будетъ она ученою, шѣмъ болѣе въ общности должна стремившися обнять все. Истинное достоинство первоначальной Энциклопедіи: бытъ столь полною, столь энциклопедическою, сколько позволено того надѣялся.

Нечего распространяться о томъ, что статьи должны бытъ, по необходимости, кратки, ибо число ихъ гораздо важнѣе нежели объемъ. Онѣ могутъ содержать въ себѣ только: 1-е, опредѣленіе слова; 2-е, различныя значенія онаго, если значеніе не одно; 3-е, общее показаніе главныхъ предметовъ и главныхъ идей, относящихся къ оному. Въ біографіяхъ, напримѣръ, удовольствовуясь означеніемъ мѣста, времени рожденія и смерти лицъ, и краткимъ извѣстіемъ о жизни и важнѣйшихъ дѣяніяхъ или сочиненіяхъ. Въ Географіи означать положеніе городовъ, народонаселеніе, важнѣйшія заведенія. Говоря о расшеніи, о живописномъ, укажутъ родъ, къ коему оно принадлежитъ въ классификаціяхъ Науки, его опочество, его практическую пользу, если можно извлекать оную, и проч. Тщательно постараются избѣгнуть всякаго предпочтенія той или другой науки, всякаго пристрастнаго развитія тѣхъ или тѣхъ сташей, въ ущербъ другихъ; ни на минушу не потеряютъ изъ виду, что сочиненіе сіе не

Апрѣль 1832.

22

имѣетъ ничего особеннаго , ни въ публикѣ своей , ни въ предметѣ , и что назначался болѣе для справокъ , нежели для чтенія , оно должно всего болѣе ошвѣчать на вопросы самими предметами и выводами опредѣленными , ясными.

Метода , столь удобная , естественная въ наукахъ , имѣющихъ предметомъ явленія міра вещественнаго , примѣняется не столь легко къ наукамъ нравственнымъ , занимающимся предметами трудными для объясненія , часто спорными , и породившими множество различныхъ системъ. Разсказывая жизнь человѣка , описывая страну , излагая слѣдствія наблюденій природы физической , или приемы Искусства , обыкновенно почти не лѣзя дѣлать выбора , нечего оспаривать : надобно сказать , что есть , или по крайней мѣрѣ что можно считать общепринятымъ. Но въ предметахъ философическихъ , когда , напримѣръ , дѣло идетъ о словѣ : *душа* , или *излучное* , не лѣзя избѣгнуть необходимости избрать изъ различныхъ мнѣній одно ; роль историка идей человеческихъ могла-бы освободить отъ этого , но въ Энциклопедіи первоначальной она невозможна , ибо тогда надлежало-бы слишкомъ распространить спашья. Надобно пристань къ какой нибудь спорной , и составить всѣ спашья сего рода по одному , опредѣленному мнѣнію и направленію. Въ семъ

случаѣ , только успѣхъ можетъ оправдать выборъ.

Впрочемъ , не о философическихъ предметахъ будутъ всего чаще справляться въ Энциклопедіи первоначальной ; изъ нея не должно исключать ни одного слова , относящагося къ симъ предметамъ ; но будучи въ необходимости принявъ систематическія мнѣнія , и не имѣя средствъ доказать оныя , она должна ограничиться , касательно сихъ важныхъ вопросовъ , самыми простыми опредѣленіями , и каждый разъ ссылаться на другую , ученую Энциклопедію.

Сія послѣдняя будетъ сочиненіе не только совершенно новаго размѣра , но и совершенно другое въ основаніи своемъ . Она должна удовлетворять не потребности въ наученіи общемъ , поверхностномъ , но потребности въ свѣдѣніяхъ частныхъ и болѣе опредѣленныхъ . Въ Энциклопедіи первоначальной ищутъ указаній и объясненій того , чего не знаютъ ; ошъ Энциклопедіи ученой пребудутъ , чпобы она подробно и точно разсмотрѣла вопросы , уже знакомые . Главное достоинство первой есть всеобъемлемость ; каждая спрашиваетъ въ ней , часпно взятая , по необходимости , значить не много ; во второй надобно заботиться не объ общности сочиненія , но о достоинствѣ каждой спрашиваемой ои-

дѣльно ; въ ней не думаютъ говорить обо всемъ, ибо это значило-бы ошибиться въ границахъ ея могущества и впасть снова въ шопъ порока , коимъ означены первыя Энциклопедія , но обязываются представить обо всѣхъ предметахъ , которые вошли въ составъ ея , извѣстія точныя и довольно пространныя. Конечно, не лзя не желать , чтобы въ ней помѣщены были всѣ важные вопросы ; неоспоримо и то , что хорошо было-бы напередъ опредѣлить , какія слова въ каждой буквѣ алфавита пребудутъ довольно обширныхъ развитій , и какія удобны для сего , дабы непременно внести ихъ въ Энциклопедію ; но всего важнѣе , чтобы потомъ каждое изъ сихъ словъ , въ рукахъ человека , вполне обладающаго наукою , къ которой принадлежитъ оно , сдѣлалось предметомъ небольшого Разсужденія , гдѣ была-бы извлечена и представлена публикѣ вся сущность отдѣльныхъ сочиненій , писанныхъ учеными мужами. Изданныя вмѣстѣ и подъ однимъ общимъ заглавіемъ, Разсужденія сіи, правда , будутъ принадлежать къ одной книгѣ , но не будутъ они сочинены одно для другаго , съ систематическою цѣлью и подъ закономъ мнимаго единства. Надобно даже , чтобы въ случаѣ нужды они отдѣлялись отъ общаго собранія и чтобы каждый , кто пожелаетъ ихъ , о томъ или другомъ предметѣ , извѣстія нѣсколько опредѣленные , могъ

пріобрѣсти одну, относящуюся къ нему спашью, не будучи принужденъ покупать всю Энциклопедію. Надобно также, какъ скоро то или другое изученіе, пошъ или другой вопросъ будущъ особенно занимашъ вниманіе публики, чтобы они пошчасъ дѣлались цѣлью, къ коей особенно стремятся періодическія изданія Энциклопедіи; такимъ образомъ не только удовлетворяшся общественныя потребности при первомъ ихъ появленіи, но и просвѣщеніе гораздо легче проникнетъ и надежнѣе ушвердится въ умахъ, ибо оно будетъ связано съ событіями настоящими и представлено во имя необходимости. Наконецъ надобно, когда успѣхи изученій, открытій, идей, озаряшъ пошъ или другой предметъ новымъ свѣтомъ, и слѣдственно спашья, относящаяся къ оному, ушарѣшъ, чтобы новая спашья замѣнила ее, и чтобы собраніе оспавалось такимъ образомъ всегда въ усовершенствованіи, всегда рядомъ съ наукой и обществомъ.

Только при сихъ условіяхъ Энциклопедія ученая будетъ истинно полезна, будетъ имѣть великое дѣйствіе въ пользу образованности. Она будетъ, шакъ сказать, слѣдовашъ по шеченію образованности, распространяя Науку сообразно требованію и нуждѣ, разливая свѣтъ въ ту сторону, куда обращаются взоры, слу-

жа посредствомъ и связи между людьми, посвящающими всю жизнь свою изученіямъ отдѣльнымъ, и тѣми, которые хотятъ примѣнять оныя, или по крайней мѣрѣ знать слѣдствія оныхъ. Сверхъ того, многіе, по необходимости или по склонности, щепетельно занимаясь тѣмъ или другимъ предметомъ, никогда не рѣшились-бы изложить своихъ познаній въ книгъ; но въ подобное собраніе они охотно внесутъ плоды своихъ размышленій или своей опытности, и слѣдственно идеи, изысканія, которыми можетъ быть погнѣби-бы невозвратно, или были-бы полезны въ небольшомъ кругу, войдутъ въ обращеніе всеобщее. Такимъ образомъ, по указанію общесшвенныхъ потребностей, по мѣрѣ того, какъ будутъ представляться средства удовлетворять онымъ, Разсужденія будутъ присовокупляться къ Разсужденіямъ; слова, напередъ означенныя въ первоначальной Энциклопедіи требующими болѣе обширныхъ развитій, мало по малу будутъ исчерпаны, и ученая Энциклопедія составившись естественнымъ, послѣдовательнымъ, всегда на ряду съ событіями, всегда въ границахъ возможности и своего назначенія.

Трудно означить напередъ и въ общихъ чертахъ, по какому плану должны быть составлены отдѣльныя сочиненія, которыя надобно

соединить въ ней. Иное дѣло статьи крашкія, поверхностныя, вносимыя въ Энциклопедію первоначальную: ихъ можно, до нѣкоторой степени, ошливать въ одну форму, и можно преподавать касательно ихъ нѣкоторыя правила, пригодныя всюду; но вмѣстѣ съ развитіемъ усиливающимся различности, подобно дѣтямъ, у которыхъ черты бываютъ столь сходны въ колыбели и перестаютъ сходствовать въ извѣстномъ возрастѣ. Могутъ-ли быть приличны одни и тѣ-же правила сочиненія для біографіи, для вопроса изъ Политической Экономіи, и для диссертациі о какомъ нибудь предметѣ Естествознанія, напримѣръ въ слѣдующихъ: *Аристотель*, *Анатомія*, *Капиталъ*, *Млекопитающія*, *Паровая машина*? Иногда предметъ долженъ быть разсматриваемъ болѣе со стороны практической, въ примѣненіяхъ Науки къ обществу; въ другихъ случаяхъ, напротивъ, должны первоначально идти общія и поле принадлежатъ теоріи. Когда предметъ есть біографія великаго человѣка, Платона, Декарта, Кромвеля, Лютера, Сюлли, Боссюэта, то могутъ-ли имѣть какую нибудь цѣну анекдотическія подробности о его жизни или особѣ въ сочиненіи, которое не можешь собрать ихъ всѣхъ, исполнѣ? Онъ занимаетъ мѣсто въ ученой Энциклопедіи сообразно тому дѣйствию, какое имѣлъ на судьбу народовъ или развитіе человѣческаго ума, и тогда его исторія со-

спавляешъ часть Исторіи Человѣчества. Съ этой точки зрѣнія и въ отношеніи его къ своему вѣку надобно изображать и судить его. Въ Наукахъ Нравственныхъ, напримѣръ въ Психологіи, въ Политической Философіи, и проч., могутъ быть излагаемы одни общія начала, и пошому представлять образцы методы, или, если возможно, какіе нибудь новые, приводящіе въ движеніе умъ взгляды на великія задачи Науки, гораздо важнѣе, нежели останавливаться надъ вопросами частными, кошорые могутъ быть рѣшены только при самыхъ событіяхъ, и кошорыхъ число всегда превзойдетъ пространство, назначаемое для нихъ. Разсуждающъ-ли, напримѣръ, о какомъ нибудь предметѣ изъ наукъ точныхъ или физическихъ, изъ Механики, Физики, Химіи, Ботаники? Тогда, конечно надобно болѣе держаться примѣненій и употребительныхъ выводовъ Науки, ибо этого будутъ преимущественно искать въ Энциклопедіи; ученіе по занятію, или шѣ, кто пускается во всю глубину чистой науки, обращающагося къ отдѣльнымъ большимъ сочиненіямъ. Такимъ образомъ, спашь, сообразно свойству предметовъ и потребностей, къ коимъ обращается Энциклопедія, будутъ иногда философическими, иногда практическими; теорія и примѣненіе должны господствовать въ ней попеременно.

Но если непременно надобно дашь нѣкопору общія правила, коимъ можно было-бы слѣдовать при составленіи сихъ небольшихъ диссертаций, то я скажу, что, мнѣ кажется, въ нихъ желательна было-бы видѣть: 1-е, Исторію предмета, шо есть историческій очеркъ идей и событій, относящихся къ оному, дабы читатель зналъ, какъ постепенно раскрывался вопросъ, и какъ образовывалась наука, прежде нежели доспѣгла до него; 2-е, изложеніе ныняшняго состоянія свѣдѣній и началъ, утвержденныхъ касательно того предмета, о коемъ идеешь дѣло; изложеніе о томъ собсѣвенныхъ идей Авшора; 3-е, указаніе на недосматки, еще существующіе, на затрудненія, которыя оспасаются еще разрѣшать, и на желаемыя или возможные успѣхи въ будущемъ; 4-е, наконецъ, исчисленіе главнѣйшихъ сочиненій, въ коихъ предметъ сей былъ изслѣдываемъ учеными различныхъ странъ, и краткая оцѣнка достоинствъ сихъ изслѣдованій. Мнѣ кажется, что написанныя по сему плану статьи соотвѣтствовали-бы всѣмъ потребностямъ, какія можешь удовлетворить ученая Энциклопедія.

Впрочемъ, повторяю, что это не иное что какъ темныя намеки; страсть преподавать правила примѣняеши шакъ-же худо къ сочиненію Энциклопедіи, какъ и ко все-

му другому: и здѣсь она непрерывно неволилабы природу вещей и развитіе умовъ: два могущества, великія послѣдствіями и достойныя уваженія. Назначеніе предметовъ, по своей важности или по требованію публики заслуживающихъ бытъ изслѣдованными въ ученой Энциклопедіи, и выборъ писателей, способныхъ къ сему изслѣдованію — вошъ опъ чего зависить успѣхъ. Въ атомъ случаѣ не лзя указать ни на какія правила.

Я спарался измѣрить могущество Энциклопедій, опредѣлишь истинное свойство ихъ, вывести изъ сего законы ихъ составленія, и слѣдовалъ въ примѣненіи послѣдствій сихъ законовъ до той точки, гдѣ законодательная предусмотрительность ума оспанавливается передъ безчисленнымъ разнообразіемъ событій, и не можешь надѣяться привести ихъ въ правила, ни а ргіогі, ни вообще. Мнѣ кажется, что довольно взглянуть на нынѣшнее состояніе общества во Франціи, дабы удостовѣриться, что оба сочиненія, коихъ планъ изложилъ я, вызывающія самими событіями, и что будучи изобрѣщеніемъ дѣятельности, которая всюду ищетъ себя занятія и пищи, они ошнудъ не могутъ назваться предпріятіемъ случайнымъ и произвольнымъ, ибо ихъ пребуесть необходимость. Начало или источникъ ихъ не въ

одномъ желаніи просвѣщаешься и учишься, всегда сопровождающемъ вѣка, сколько нибудь дѣятельные, и общеснва, идущія впередъ; они соотвѣтствуютъ потребностямъ, болѣе необходимымъ, болѣе примымъ: ихъ пребуешь общеснвенное положеніе и нравснвенное соснвеніе современниковъ. Нынѣшній составъ общества во Франціи основанъ на существующемъ расположеніи умовъ и утвержденъ на обстоятельснвахъ мѣстныхъ. Почти всѣ имѣють причину бытъ довольны справедливостью взаимныхъ опношеній, свободою въ занятіяхъ, и всѣмъ, что окружаетъ путь ихъ жизни. Но этому общественному соснвенію не доспаетъ чего-то; всѣ чувствуютъ это, всѣ ищутъ, часно сами не зная, что имъ не доспаетъ умснвеннаго соснвенія, которое соотвѣтснвовало-бм и служило дополненіемъ общеснвенному ихъ соснвенію.

.
 ,

. Теперь есть множество людей честныхъ, значительныхъ, важныхъ по своему богашству, своей дѣятельности, своей силѣ; но ихъ просвѣщеніе не соотвѣтснвуетъ ихъ положенію; ихъ свѣдѣнія не соотвѣтснвуютъ ихъ влдію, правила поведенію, вѣ-

рованія чувствованіямъ; однимъ словомъ: умственная образованность гораздо ниже образованности общественной. Слѣдственно, усилимъ умственной образованности надобно помогать

.

. надобно утверждать эту гармонию, которая составляетъ славу и упрочиваетъ спокойствіе общества. Вошъ первая и самая благородная потребность нашей эпохи! Кажется, никто не станетъ оспаривать этого, ибо въ наше время удостовѣрились, что просвѣщеніе есть основа всѣхъ добрыхъ началъ для государства. И какъ все измѣнилось! Различные классы общества находятся нынѣ въ томъ положеніи, которое прилично имъ; это всего лучше доказывается незыблемостью государственнаго шѣла, при всѣхъ, даже неблагопріятныхъ потрясеніяхъ. Нынѣ стремятся къ развитію, къ усовершенствованію нравственнаго быта, ибо онъ хочетъ находиться въ согласіи съ сущевенностью. Не толпы бѣдныхъ желаютъ просвѣщаться, для того чтобы быть богатыми, а богатые вещественнымъ капиталомъ ищутъ богатства умственнаго. Слѣдственно, въ наше время просвѣщеніе и распространеніе положительныхъ знаній, и полное развитіе умовъ,

A 10x10 grid of dots on a white background. The dots are arranged in a regular pattern, with 10 dots per row and 10 dots per column, totaling 100 dots. The dots are small, solid black circles.

Digitized by Google

надъ раздорами паршій ; онѣ только по мнѣнію безразсудныхъ должны бытъ оспивляемы безъ удовлетворенія. Человѣкъ здравомыслящій не спрashiлся того, въ чемъ видишь благо.

Съ Французскаго. Б.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ РОМАНА :

Семейство Холмскихъ.

(Окантіе).

Пронскій нашелъ Сундукова съ компанією у воротъ дома. Сундуковъ посмогрѣлъ на него съ явнымъ негодованіемъ, замѣшивъ что на немъ не было звѣзды и ни одного ордена ; но ему нѣкогда было долго гнѣваться ; почти въ одно время съ Пронскимъ подѣхала коляска , гдѣ сидѣли Секретарь и камердинеръ Его Высокопревосходительства. Сундуковъ бросился помогать имъ выходить изъ коляски. Для угощенія камердинера былъ командированъ Судья, а около Секретаря хлопоталъ самъ хозяинъ. « Скоро-ли будешь Его Высокопревосходительство ? » спросилъ Сундуковъ. — Сей часъ. Мы вернемъ за

нѣшь оставили его. — « Князь Ѳедоръ Александровичъ ! » кричалъ онъ своему зяню. « Скажи дамамъ , чтобы онѣ выходили. »

Между тѣмъ Пронскій отошелъ въ сторону , и вмѣшался въ толпу мѣлочныхъ гостей во фракахъ , которые стояли поодаль. Сундукову нѣкогда было заниматься имъ ; все вниманіе его обращено было на Секретаря ; припомъ-же шоржесивенная минуша приближіи вельможи приближалась ; у него сильно билось сердце отъ неизвѣстности , успѣетъ-ли онъ угодишь ему.

Пронскій увидѣлъ слѣдующія распоряженія. У ворошъ ожидалъ самъ хозяинъ , въ мундирѣ и въ башмакахъ. Его окружали всѣ дворянскіе чиновники и много дворянъ , также въ мундирахъ. Не въ дальнемъ отъ нихъ разстояніи стоялъ оркестръ роговой музыки ; подлѣ крыльца , на которое вышли разряженные , въ бриллиантахъ и жемчугахъ , жена и дочери Сундукова , находилась духовая музыка ; въ открытыя окна дома видѣнъ былъ оркестръ инструментальной музыки и пѣвчіе ; подлѣ ворошъ , вдоль забора сада , поставлено было нѣсколько пушекъ ; доморощенные артиллеристы стояли съ зажженными фашилами и ожидали только начашъ канонаду. Вскорѣ прискакалъ человекъ , поставленный вѣроятно для того , чтобы дашь знашь , когда покажешся экипажъ въ во-

одем лошадей. За нимъ явился Исправникъ, въ шлѣгѣ, на шроикѣ, весь въ пыли. Сундуковъ бѣгалъ, кричалъ, чтобы всѣ становились по мѣстамъ, и самъ спѣшилъ на свой постъ. Наконецъ прискакалъ опкидной дормезъ въ восемь лошадей; кучеръ кричалъ на фореитпоровъ, чтобы поворачивали во дворъ; но вельможа, увидѣвъ что хозяинъ ожидаетъ его у ворошъ, велѣлъ ошановишся и вышелъ изъ дормеза. Онъ былъ въ сюртукѣ и фуражкѣ, кошорую снялъ, и хотѣлъ поцѣловашся съ хозяиномъ; но тошъ, не ожидая такой благосклонности, бросился цѣловать его въ плечо и шакъ низко передъ нимъ кланялся, что чуть-чуть не упалъ. Вельможа сухо поклонился прочимъ и вмѣстѣ съ Сундуковимъ пошелъ къ крыльцу. Но лишь только онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, раздалися звуки роговой музыки, началась пушечная пальба и звонъ въ колокола на колокольнѣ. «Звоняшъ въ колокола только для Архїереевъ,» сказалъ ему вельможа съ нѣкошорымъ неудовольствїемъ.—Сегодня, Ваше Высокопревосходительство, былъ благодарственный молебень за побѣды нашихъ войскъ, пошому звоняшъ въ колокола — опвѣчалъ Сундуковъ, кошорый, желая придашъ болѣе блеску и шуму своему празднику колокольнымъ звономъ, напередъ приготошвился къ опвѣту. «А, это дѣло другое!» сказалъ вельможа. На крыльцѣ, при звукѣ духовой

музыки, началъ хозяинъ рекомендовать ему жену, Его Сіятельство зятя своего, и дочерей. Княгиня Прасковья Тимоеевна, разумѣется, занимала первое мѣсто; потомъ предсѣвѣлась Полковница Глафира Тимоеевна Чадская, и наконецъ дочери, которыя были не замужемъ.

Лѣстница была уставлена померанцовыми и лимонными деревьями, уставлена краснымъ сукномъ, и по ступенямъ стояли официаншныя и лакеи, въ богатыхъ ливреяхъ и въ башмакахъ. При входѣ въ залу раздались звуки инструментальной музыки, и хоръ пѣвчихъ торжественно прославилъ добродѣтели знаменитаго постипшеля. Его Высокопревосходительство изволилъ выслушать пѣніе, и, поблагодаривъ хозяина, просилъ, чтобы онъ показалъ ему комнату, гдѣ-бы ему можно было переодѣться съ дороги. Тотчасъ самъ онъ повелъ его въ великолѣпно убранную комнату, гдѣ камердинеръ уже ожидалъ его. Между шѣмъ дамы сѣли по мѣстамъ въ обширной гостиной, гдѣ уже приготовленъ былъ на длинныхъ столахъ завѣракъ. Пѣвчіе и музыканты отправились изъ залы и хозяинъ хлопоталъ, чтобы скорѣе подвезли къ крыльцу экипажъ, въ кошоромъ Его Высокопревосх. хотѣлъ ѣхать передъ обѣдомъ, обозрѣвать новое устройство его деревни. Пушечная пальба и

колокольный звонъ продолжали оглушать всѣхъ, покаместъ самъ вельможа не высласть сказать, чтобы перестали. Черезъ нѣсколько минутъ хозяинъ закричалъ: шшъ! шшъ! Это значило, что Его Высокопревосх. вышелъ изъ своей комнаты. Онъ былъ въ мундирѣ и звѣздахъ своихъ. Сундуковъ, кланяясь ему униженно, просилъ его сдѣлать милость пожаловать въ гостиную; всѣ дамы поспѣхъ вспали и присѣли передъ нимъ; онъ вѣжливо поклонился и просилъ ихъ садиться. Одна хозяйка, бывшая Княжна, осмѣлилась начать говорить съ нимъ, прося его чтонибудь закусить. Онъ подошелъ къ столу, выпилъ водки, и взялъ кусокъ хлѣба и сыру; тогда началось представленіе, прежде почешныхъ дворянъ уѣзда, потомъ чиновниковъ.

«Позвольте представить вамъ, Ваше Высокопревосх.,» сказалъ Сундуковъ, «почтеннаго нашего дворянина, Г. Коллежскаго Совѣтника Савелья Петровича Рифенашова.» Толстая фигура, съ большими орлинымъ носомъ, который почти касался до губъ, съ одушлыми щеками и выжученными глазами, въ шпашскомъ мундирѣ стариннаго покроя, и съ большимъ Анненскимъ крестомъ прежней формы на шеѣ, переваливаясь подошла къ Его Высокопревосходительству и низко поклонилась. — Очень радъ познакомиться съ вами — сказалъ вельможа. — Гдѣ вы

служили? — «Прежде въ Коммерцъ-Коллегіи, а носалъ при шаможахъ,» ошвѣчала фигура гущицъ басомъ. — Чшо, имѣніе у васъ родовое, или купленное въ здѣшнемъ уѣздѣ? — «Благопріобрѣтенное, Ваше Высочкопревосходишельство, на имя жены моей.» — А! понимаю; очень хорошо — прибавилъ вельможа и ошвернулся отъ него. За нимъ слѣдовалъ маленькій, худошавый чловѣчекъ, замка, въ сшаринномъ гвардейскомъ мундирѣ. «Вопъ изъ лучшихъ и богатыхъ нашихъ помѣщиковъ, опскавной Гвардіи Шшабсъ-Капишанъ Сергѣй Аркадьичъ Пущельгинъ.» — А! на васъ шакой-же мундиръ, дакой и я довольно долго носилъ — сказалъ вельможа. — И я служилъ въ эшомъ-же полку. Давно-ли вы въ ошставкѣ? — Пущельгинъ хопѣлъ шощаеъ ошвѣчашъ, занкнулся и покамѣспъ еще предспавляли двухъ или прехъ дворянъ, не могъ ничего выговоришъ; наконецъ, къ общему всѣхъ удивленію, вдругъ вскрикнулъ: 20-ше лѣтъ! Его Высочкопревосходишельство закусилъ себѣ губы, чшобы не засмѣяшъся, но Княгиня Прасковья Тимоѣевна, дочь Сундукова, дама веселаго характера, кошпоя и прежде смѣялась и ненавидѣла Пущельгина за то, чшо ошецъ принуждалъ было ее видѣти за него за-мужъ, захохотала во все горло и по знаку ошца спѣшила уйдѣти въ другую коннату.

Послѣ рекомендаціи дворянъ, которые были всѣ въ мундирахъ, (а во фракѣ ни одного не осмѣлился Сундуковъ подвесить къ Его Высокопревосх.), началось представленіе дворянскихъ чиновниковъ. «Имѣю честь представить Ваше-му Высокопревосх.» — продолжалъ хозяинъ — «Уѣзднаго Судью нашего Г. Кривошолкова: очень хорошій человѣкъ, смѣю вамъ рекомендовать его. Вотъ Гг. Засѣдатели Лѣншагинъ и Бульбулькинъ. Пожалуйте, извольте подойти сюда, господа,» сказалъ Сундуковъ вызывая ихъ впередъ. Судья, съ большимъ брюхомъ, съ багровымъ лакомъ на лицѣ, въ старинномъ армейскомъ свѣтлозеленомъ мундирѣ; Лѣншагинъ, высокій росломъ и также весьма дебелый и плотный, и Бульбулькинъ въ милиціонномъ мундирѣ, который опъ шолстошны его не могъ уже застегиваться, и съ лицомъ весьма раскраснѣвшимся, потому что онъ нѣсколько разъ въ продолженіе упра прикладывался къ шпофу съ ерофеичемъ, споявшимъ виѣспѣ съ закускою въ нижнемъ этажѣ для гостей такого разбора — всѣ они, выпянувшись и сдѣлавъ низкіе поклоны, предстали предъ лицо Его Высокопревосх. — А! это Гг. чиновники Уѣзднаго Суда. Смолрите, сохрани васъ Богъ, ежели я найду у васъ такой-же безпорядокъ и такую-же мерзость, какъ у вашихъ сосѣдей въ Е... уѣздѣ. Они меня вывели изъ всякаго терпѣнія и будущъ

примѣрно наказаны. — «Мы надѣемся, что Ваше Высокопревосх. будете довольны нашимъ городомъ,» сказалъ Сундуковъ, а Судья и Засѣдашели низко кланялись. «Воптъ нашъ Г. Исправникъ Обираловъ,» продолжалъ онъ, взявъ его за руку и представляя весьма плюшовскую, блѣдную фигуру. «Рекомендую его Вашему Высокопревосх. и сіѣло могу сослаться на всѣхъ господъ дворянъ, что мы всѣ имъ очень довольны. Не правда-ли, господа?» сказалъ Сундуковъ, обращаясь къ дворянамъ, стоявшимъ въ безмолвіи у дверей; они вмѣсто ошвіша кланялись. — Очень радъ слышать такой отзывъ объ васъ — продолжалъ вельможа, намазывая масло на кусокъ хлѣба. — А я хотѣлъ было съ вами поссориться: дорога вездѣ порядочная, только на одномъ мосту меня толкнуло. Какъ вы не осмолрили и не поправили эшого полчка? — «Сознаюсь въ винѣ моей, В. В., и прошу великодушнаго прощенія,» ошвічалъ съ подобострастіемъ Исправникъ. «Причина тому та, что я некусъ о благососполніи поселянъ; теперь рабочая пора и я пощадилъ ихъ.» — Какъ, М. Г.! вы говорите неправду. Не далѣе какъ на послѣдней станціи, въ однодворческомъ селѣ, гдѣ перемѣняли мнѣ лошадей, подана жалоба на васъ, что вы всѣхъ выслали поголовно на большую дорогу, и собирали, будпо-бы для моего проѣзда, по 100. лошадей, когда мнѣ

всего нужно только 20-ть. — «Клевеша, Ваше Высокопревосх., суцая ложь!» продолжалъ Исправникъ, стараясь скрыть свое замѣшательство. — Мы посмотримъ; я велѣлъ написашь бумагу къ Г. Предводителю, нашему почтенному хозяину, Тимоѣю Игнашевичу, ашобы онъ сдѣлалъ слѣдствіе по этой жалобѣ. — «Повѣрьте, В. Высокопр., что слѣдствіе будетъ произведено съ безпристрастіемъ,» отвѣчалъ Сундуковъ. «Только я напередъ осмѣливаюсь доложить, что просьба несправедлива; я самъ наблюдаю за шѣмъ, ашобы поселинамъ не было никакихъ припѣсненій; какъ-же бы мнѣ не знашь, что Исправникъ позволилъ себѣ выгонять всѣхъ поголовно въ рабочую пору? Вѣрно подана вамъ просьба въ однодворческомъ селѣ Разграбленномъ?» продолжалъ онъ. «Тамъ волосиной писарь, мѣщанинъ Правдухинъ, извѣстный ябедникъ и клеветникъ; я уже давно его замѣшилъ: онъ вѣрно написалъ эту пущую просьбу.» — Ежели такъ — отвѣчалъ вельможа — то я слѣдствія производишь не надобно, а прикажише посадишь этого писаря въ шюрьму на мѣсяцъ, на хлѣбъ и воду, ашобы онъ впредь не осмѣливался писашь несправедливыхъ и вздорныхъ жалобъ.

«Бездѣльники, безсовѣстные, безбожные бездѣльники!» сказалъ пошухоньку одинъ пожи-

дой помѣщикъ, Кондрашій Ивановичъ Всмышкинъ, стоявшій сзади всѣхъ подлѣ Пронскаго, обращаясь къ сосѣду своему, также помѣщику, Андрею Васильевичу Лужницкому. — Да! — отвѣчалъ поштъ — Бога не боюсь грабишь, обижаешь и пошомъ наказываешь невиннаго человѣка, который осмѣлился возвысить свой голосъ и искать правосудія. — «А мы дворяне! Въ нашихъ глазахъ совершающагося такіа беззаконія, и мы молчимъ!» продолжалъ Всмышкинъ, возвысивъ нѣсколько голосъ. — Шш! шше, шше! отвѣчалъ Лужницкій. Чѣмъ ты будешь говорить и къ чему все это, приведишь? Тебя-же назовутъ либераломъ и безпокойнымъ человѣкомъ. Ты знаешь, кажется, уже по опыту, каковъ общій нашъ другъ и представитель нашего сословія, Тимоѣей Игнатъевичъ; онъ вѣкъ не забудетъ и станешь испить тебя, ежели ты осмѣлишься сказать что нибудь противъ него. Терпи и молчи: спѣшу лбомъ не пробьешь, говоришь пословица. Всмышкинъ, покраснѣвъ весь отъ досады и нестерпнѣя, отошелъ отъ него и сѣлъ въ опшденномъ углу комнаты, подлѣ окна.

«А давно-ли онъ Исправникомъ?» продолжалъ вельможа, обращаясь къ Сундукову. — Уже четвертый выборъ, и я осмѣлюсь доложить В. Высокопр., что мы всѣ имъ довольны; такого

Исправника еще у насъ не бывало. — «Ежели шакъ, шо можно и къ награжденію его предсхавишь; не забудыте мнѣ напомнишь объ немъ.» — Слушаю, В. Высокопревосходительство — ошвѣчалъ Сундуковъ, низко кланаясь. — Благодари, Карпъ Аншоновичъ, Его Высокопр. за милосшивое расположеніе къ тебѣ. — И Карпъ Аншоновичъ шакъ низко поклонился, что чущь не ударился лбомъ о парке. «А лучше всего, чшобы не забышь, Тимоеей Игнашьевичъ, дай записку объ немъ моему Секретарю Ивану Оомичу.» — Слушаю, Ваше Высокопр. — и опѣшь возобновились поклоны его и Исправника. — Но не угодно-ли будешь Вашему Высокопр. поѣхашъ, осмошрѣшь новое устройство моей деревни? Вы хошѣли сдѣлашь мнѣ эту милость. Экипажъ уже давно гошовъ. — «Хорошо, поѣдемъ покажѣмъ до обѣда. Велише подашь мою фуражку.» Исправникъ, Судья и нѣсколько дворянъ бросились исполнить его приказаніе, но Сундуковъ выхвачилъ ее изъ рукъ другихъ и шоржешественно поднесъ ему. Въ продолженіе всей сцены сихъ разнообразныхъ рекомендацій, Пронскому нѣсколько разъ приходили въ голову извѣстные стихи Грессеша: «*Des protégés si bas, des protecteurs si bêtes*» (Какъ низки покровительствуемые, и какъ глупы покровители)!.

Его Высокопревосходительство, вмѣстѣ съ хозяиномъ, сѣлъ въ коляску, запряженную въ шесть прекрасныхъ вороныхъ лошадей, съ двумя фореяторами; два высокіе лакея въ новой красной ливреѣ, залишшой золотомъ, спали сзади. Исправникъ, кошорому что-то Его Высокопр. приказывалъ, бѣжалъ долго у колеса безъ шляпы. Для прочихъ гостей приготовлено было нѣсколько длинныхъ дрожекъ, на которыхъ могло помѣститься человекъ по 15-ти на каждыя: въ числѣ прочихъ сѣлъ и Пронскій. Всѣ отправились за коляскою, и по прекрасному и гладкому шоссе подѣхали прежде къ башнѣ, стоявшей среди площади. Осмотръ начался съ главной вошчинной конторы. Сундуковъ, зная чѣмъ болѣе понравится своему посѣстителю, убралъ комнаты, гдѣ находилась контора, роскошно и со вкусомъ. Спѣвны и потолокъ были раскрашены, полъ парке, на окнахъ висѣли шторы и гардины. Нѣсколько писарей хорошей наружности, прекрасно одѣтыхъ, сидѣли за письменными столами краснаго дерева, которые были покрыты зеленымъ сукномъ. Въ углу стояли дорогіе спѣвныя часы; въ шкафахъ краснаго дерева за стеклами разложены были по годамъ бумаги. Словомъ, все находилось въ шакомъ оплечномъ порядкѣ и чистотѣ, что Его Высокопр. былъ въ полномъ восторгѣ. Оттуда пошли смотрѣть хлѣбный магазинъ и пожарные инстру-

менши. Но Пронскій оставилъ компанію, отпра-
вился къ крестьянамъ, которые въ сапогахъ,
синихъ кафтанахъ, держа въ рукахъ хорошія,
новыя шпаты, стояли каждый у воротъ своего
дома.

«Какъ у васъ все хорошо!» сказалъ онъ, обра-
щаясь къ одному спаричку. «Какое изобиліе во
всемъ! какъ вы славно одѣшъ? какой добрый ба-
ринъ у васъ! Эшо отецъ, а не помѣщикъ. Вы
должны безпрестанно Богу молишься за него.
Я еще ошъ роду лучше эшого ничего не види-
валъ.» — Отецъ.... — ошвѣчалъ спарикъ, сквозь
зубы, унылымъ голосомъ. — Чишаемъ мы ему мо-
лишвы! Чтобы ему ни дна, ни покрывки не бы-
ло! Раззорилъ насъ до корня, измучилъ пого-
ловною работою; мы изъ зажиточныхъ крестьянъ,
покаймъсь за грѣхи наши ему не попались,
пришли шеперь, что называється, въ конецъ. —
«Какъ-же ты раззоренъ? На тебѣ сапоги, си-
ній прекрасный кафтанъ и новая шляпа...» — Нѣ-
шшо эшо мое? Все барское. Вошъ какъ вы шоль-
ко уѣдете, все неси назадъ въ *гамазю*; а еже-
ли кшо, упаси Боже, изодралъ или измаралъ,
шо шакъ еще спину нагрѣюшъ, что ничему не
будешъ радъ. Домъ наши тебѣ, баринъ, вра-
вшись; но пословица говоришъ: не красна изба
углами, а красна пирогами. Да и домъ-шо эшо
не наши; мы въ нихъ никогда не живемъ; выго-

няюшъ насъ сюда только на-показъ, на время ; а ежели хочешь посмотришь , то пройди въ именьскую калишку черезъ дворъ : тамъ увидишь наши хаты и посмотришь наше житье-бытье. Бабь мои , я чаю , обѣдають. Насъ выслали съ упренней зары и велѣли стоять у воротъ. Бабь проголодались и пошли поѣсть , а я умираю съ голоду , но не смѣю ошойдши. Не посмотришь , что я спаръ : прикащикъ такой озорникъ , такой нехристь , что изуродуешь на вѣкъ.

Пронскій отправился посмотришь въ настоящемъ видѣ житье крестьянъ , у *отца-помѣщика* , у котораго повсюду видно было изобиліе и споль отличный порядокъ. Онъ прошелъ черезъ калишку въ огородъ , и увидѣлъ подъ горою полуразвалившуюся черную избу , крытую соломою , въ которой нашелъ всю семью за обѣдомъ. Въ числѣ ихъ увидѣлъ двухъ бабъ и одного мальчика и дѣвочку , одѣтыхъ въ праздничныя чистыя платья. Они по видимому сѣли ѣсть , чшобы поскорѣй поспѣть къ своему мѣсту. Прочіе были въ изодранныхъ , запачканныхъ рубашкахъ , ошврашишельной нечистоты , и босикомъ. Пустые щи и блюдо варенаго картофеля соснавлили весь обѣдъ ихъ. Хлѣбъ былъ пополамъ съ макною , и даже , какъ замѣнилъ Пронскій , въ соли нѣтъ большой недоспашокъ. Спаруха

бабушка, вѣроятно жена старика, съ которыми онъ говорилъ, держала подлѣ себя въ вешешкѣ немного соли, и маленькими щепотками одѣла всѣхъ. На столѣ стояло ведро воды, изъ котораго черпали и пили ковшиками. Всѣ удивились входу Пронскаго и хотѣли встать. «Не всавайше! не всавайше!» сказалъ онъ. «Хлѣбъ да соль! кушайте на здоровье! Я шакъ, нечаянно зашелъ къ вамъ.» — А ты что, кормилецъ, видно холопъ прѣзжихъ господъ? — «Да, голубушка, я лакей.» — Какой-то, вишь, *Ендаралъ* прѣхалъ къ нашему барину, и весь въ звѣздахъ; посмотрѣла-бы я на него, что это за *Ендаралъ* такіе. — «Да кто-жъ тебѣ мѣшаетъ? Видь на улицу: онъ сей часъ здѣсь пройдетъ.» — Да поди-ка ты! Покажись только при немъ на улицѣ въ этомъ зипунѣ, шакъ изуродуютъ, что не скоро забудешь. — Пронскій съ состраданіемъ смотрѣлъ на нихъ. «Скажи, старушка: неужели у васъ и квасу нѣтъ, что вы воду пьете?» — Вишь ты какой! да откуда взять квасу? Мы и хлѣбъ пополамъ съ макиною ѣдимъ.... Да что вы, молодицы, шакъ тунѣ замѣшались? После поѣдиге; спускайте-ка, спускайте; шого и гляди, что за васъ еще старика моего побьютъ. — Пронскій вынулъ десятирублевую ассигнацію и подалъ старушкѣ. «На, тебѣ, бабушка! Купи соли, да чистой хорошей муки, на хлѣбъ и на квасъ.» Старуха смотрѣла на него,

выпучивъ глаза, и опъ удивленія не знала, что́ опвѣчашъ. Съ спѣсненнымъ сердцемъ вышелъ онъ изъ избы.

У воротъ нашелъ онъ того-же спарика, сильно атакованнаго молодымъ парнемъ, десятишскимъ, который хотѣлъ его бить за то, что бабъ и ребяшишекъ нѣшъ. «Э, полно, Сидорка, лаять-ся-то!» опвѣчалъ спарикъ. «И безъ тебя тошно. Съ ушра маковой росинки во ршу не было, а ны еще ругаешься. Довольно и одной собаки прикащика, а тебѣ-бы не кснати бранишь спарика и дядю. Бабы проголодались и пошли поѣсть; за-разъ будущъ назадъ.» — Да не лзя-же; самъ ты вѣдаешь, коли прикащикъ увидишъ, что ихъ нѣшъ, шо мнѣ-же доспанешся. Но, по-стой, я побѣгу позову ихъ. Еще демонъ нашъ (такъ называли они своего помѣщика) во дворѣ у дѣдушки Кузьмы; вѣспимо бабы пвои и ребяшишки успѣюшъ подойдши.— Онѣ въ самомъ дѣлѣ пришли въ эшо время, и десятскій опсправился далѣе.

Пронскій, не бывъ ни кѣмъ замѣченъ, присоединился къ компаніи, и вмѣстѣ съ прочими ходилъ по крестьянскимъ домамъ. Вездѣ была необыкновенная чистота: все было прибрано и на мѣстѣ; каменные парелки, чашки, ложки, лежали въ порядкѣ въ шкафахъ; полы, лавки, столы, все было вымыто и вычищено. Въ нѣкоторыхъ

домахъ нашихъ они какъ будто приготовленные обѣды. Сундуковъ утѣшалъ, что хозяева недавно возвратились съ работы, и привлеченные любовью къ своему вѣдѣнію Его Высокопр. не успѣли ошобѣдаться. Хорошо выпеченный хлѣбъ, жирные щи съ вѣтчиною, жареная курица, ушка, или поросенокъ и пшенная каша съ масломъ, сплывали на столѣ для гды крестьянъ; вкусный квасъ, въ бѣлыхъ глиняныхъ кувшинахъ, готовъ былъ утолять ихъ жажду. Самъ Его Высокопр. все опробовывалъ и находилъ прекраснымъ. — Вообразите—сказалъ Пронскому на ухо потѣше покойной дворянини Лужницкій, который удержалъ восклицаніе сосѣда своего Вспышкина, при разсказѣ Сундукова о доблестяхъ Исправника—вонъ эшопъ жареный поросенокъ весьма мнѣ знакомъ. Въ пяти или шести домахъ вижу я его; онъ очень проворно и искусно перебѣгаетъ; мы вѣроятно еще встрѣшимся съ нимъ; я нарочно для замѣшки опорвалъ ему ухо.—Пронскій горько улыбнулся и не отвѣчалъ ничего. Ему извѣстно было, чѣмъ и какъ питаются благополучные крестьяне Сундукова.

«Ну что, ребяща?» сказалъ вельможа, обращаясь къ нѣкоторымъ крестьянамъ. «Вѣдь вамъ гораздо лучше и покойнѣе жить въ чистыхъ бѣлыхъ домахъ, чѣмъ въ прежнихъ черныхъ избахъ вашихъ?» — Какъ-же, кормилецъ, Ваше Прон-

ходительство, вѣшнимо лучше — отвѣчали они съ низкими поклонами по знаку помѣщика. «Я вижу у васъ во всемъ шакое изобиліе и довольство; вы должны Бога молить; у васъ не баринъ, а ошецъ.» — Такъ, Ваше *Присходительство*, много довольны его милостію: не баринъ, а ошецъ. — «Вошъ, господа!» продолжалъ вельможа, относясь къ дворянамъ, «вамъ-бы всѣмъ должно браться примѣръ съ Тимоея Игнашьевача, и устроитъ въ своихъ деревняхъ такой-же порядокъ. Очень, очень все хорошо и превзошло мое ожиданіе, почтенный нашъ хозяинъ! Я поставлю себя долгомъ представитъ объ васъ, какъ о благомыслящемъ помѣщикѣ, дѣлающемъ честь своему сословію!» — прибавилъ онъ, садясь въ коляску, и Тимоеей Игнашьевичъ, опустивъ нѣсколько пренизкихъ поклоновъ, сѣлъ подлѣ него. «У меня память не хороша,» сказалъ онъ, оставшись съ нимъ наединѣ въ коляскѣ — «скажише моему Секретарю, чтобы онъ напомнилъ мнѣ.» Сундуковъ, зная, что значить это *напамятованіе*, не сомнѣвался уже послѣ того, что онъ будетъ представленъ къ награжденію.

Пронекій остался нарочно изъ любонимства въ деревнѣ, чтобы посмотрѣть дальнѣйшія распоряженія послѣ *показа*. Прикащикъ съ староокою и десятишками ходили по дворамъ, ошби-

рали ошъ всѣхъ *показныхъ* плащъ, сапоги и шляпы, осматривали и складывали на особыя подводы. Нѣкоторые крестьяне, имѣвшіе несчасіе замарать или прорвать кафшаны, тушъ-же на мѣстѣ были прибиты пракащикомъ, а одному сверхъ побой объявлено, чшобы онъ къ вечеру привесть корову свою на господскій дворъ, за шо, чшо нашлось большое дегтарное пашно на его кафшанѣ. Кушанье, посшавленное *на показъ* въ нѣкоторыхъ домахъ, шакже отбиралось, и было отправляемо въ застольную, для госпшныхъ людей.

Попомъ пошелъ нарядъ въ городъ, въ барскую больницу. Человѣкъ сорокъ *здоровыхъ больныхъ* назначены были на сію продѣлку. Всякому изъ нихъ прикащикъ объявлялъ его ролю. «Смотрише-же: не забывайше!» восклицалъ онъ. «Ты, Архицка, долженъ совсѣмъ лечь въ постелю, надѣвъ калпакъ, закрышьсѣ одѣяломъ и не говоришь ни слова: шы боленъ горячкою. Ты, Евспрашка, долженъ подвязать руку: шы порубилъ ее нечаянно шопоромъ. У шебя, Лозушка, бываешъ лихоманка черезъ два дня. Ты, Евспашка, возьми костыль: шы упалъ съ возу и разшибъ себѣ ногу.» Такимъ образомъ всѣмъ имъ объяснилъ онъ ихъ роли, съ наиспрожайшимъ подшверженіемъ не забывашъ, кому чшо говоришь, и шопчасъ ѣхашъ въ городъ, въ больницу.

Послѣ сего прикащикъ отправился домой, а Пронскій еще прошелъ по деревнѣ, и слышалъ, что крестыяне разсуждали между собою. Ежели-бъ добрый отецъ-помѣщикъ зналъ, какъ они благословляли его имя и какія чинили ему похвалы!!!

Пронскій возвратился передъ самымъ обѣдомъ. Столъ накрытъ былъ человѣкъ на 70-ть. Большія серебряныя суповыя чаши стояли по концамъ; въ срединѣ помѣщены были бронзовые дорогіе канделябры, съ пригошовленными свѣчами, кошорихъ по лѣтнему тогдашнему времени никакой не было нужды зажигать; но Сундуковъ видалъ эшо за большими обѣдами въ Пешербургѣ и Москвѣ; припомъ, когда-же удобнѣе и приличнѣе ему было показатъ ихъ и блеснутъ своими дорогими бронзами? Подъ нихъ и вдоль стола, между хрустальными тарелками и чашами съ фруктами, конфетками и вареньемъ, стояли прекрасныя фарфоровыя вазы съ цвѣтами; на срединѣ стола помѣщено было большое померанцевое дерево. Словомъ: шакъ все было убрано и украшено, какъ для свадебнаго пиршества. Для Его Высокопревосходительства пригошовлено было особое почетное мѣсто; приборъ поставленъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ прочихъ. Золотыя: ложка, вилка и ножикъ положены были для него, и къ его мѣсту при-

двинувши большія кресла, обивши бархатомъ. Сундуковъ самъ вездѣ бѣгалъ, суешился, осматривалъ, и когда все было готово, доложилъ Его Высокопревосходительству. Онъ подавъ руку спарушкѣ, матери хозяина; съ нѣсию мога уговорить ее снять плашокъ, который она всегда носила на головѣ, и для шакого торжественнаго дня надѣтъ чепчикъ.

Когда Его Высокопревосх. занялъ свое мѣсто, то и всѣ прочіе осмѣлились сѣсть: дамы помѣстились по обѣимъ сторонамъ, вблизи его; мужчины по чинамъ и спаршинству сѣли даѣе. Сундуковъ, размѣщая гостей своихъ, цаконецъ замѣпилъ Пронскаго и просилъ его занять мѣсто выше; онъ поблагодарилъ и сѣлъ ниже всѣхъ, напросивъ героя праздника, чтобы имѣть возможность видѣть, что еще будетъ даѣе. Хозяину неизвѣстно было, что Пронскій знакомъ съ Его Высокопревосх. Какимъ образомъ, думалъ онъ, посадить *фривника*, на которомъ не было никакого знака опличія, выше прочихъ? Онъ не насмѣивалъ и былъ очень радъ, что Пронскій сѣлъ на концѣ. Честь приложена, а опъ убытка Богъ избавилъ, думалъ Сундуковъ; а самое главное: ему нѣкогда было заниматься Пронскимъ: все вниманіе его устремлено было на то, чтобы угостить Его Высокопревосх. и сохранить должный порядокъ въ подаваніи кушанья и вина.

Лишь только всё помѣстились, раздались звуки инструментальной музыки и хоръ воспѣлъ новое прославленіе доблестей Его Высокопревосх. Не всё слова можно было понять, однакожъ Пронскій слышалъ: *отецъ, вѣнецъ, сердецъ*. Послѣ сего одна доморощенная пѣвица, у которой былъ довольно громкій и звонкій, но не обработанный голосъ, запѣла соло, арію изъ Русалки: *Приди въ тертогъ ко мнѣ златой, приди, о Князь мой дорогой!* Капельмейстеръ думалъ, что приличіе эшой аріи ничего бытъ не можеть. Князь, разумѣется, вельможа, а чертогъ златой домъ его помѣщика, гдѣ онъ угощаетъ Его Высокопревосх. Пѣвица отпущала при эшомъ шакія чудесныя рулады, что Пронскій насилу могъ держаться отъ смѣха; замѣтно было, что и Его Высокопревосх. съ трудомъ сохранялъ свою важность. Между тѣмъ хозяинъ не садился за столъ, споялъ почти безоплачно при вельможѣ, и при всякомъ блюдѣ низко кланялся, съ просьбою покушашъ. Украшеніе обѣда былъ ужасной величины осетръ: чешіре челоуѣка съ трудомъ носили его кругомъ сполы; на немъ основывалъ Сундуковъ всю надежду свою, и торжественная улыбка показалась на лицѣ его, когда осетръ явился въ залу и Его Высокопревосходительство изволилъ сказать, что онъ никогда такой величины не видывалъ. Тутъ сердце Сундукова

успокоилось, и онъ на нѣкоторое время ошлутился, чтобы поѣсть чего нибудь, и узнать, все-ли готово и ждетъ-ли на назначенномъ мѣстѣ человекъ пускить ракету, для возвѣщенія о пушечной пальбѣ, тогда какъ будутъ пить здоровье знаменишаго поѣшителя.

Въ продолженіе сего времени, изъ вѣжливости, Его Высокопревосх. изволилъ вступить въ разговоръ съ сидѣвшею близъ него старушкою, наперью хозяйна. «Какой добрый и почтенный человекъ вашъ Тимошей Игнатьевичъ!» сказалъ онъ. «Въ какомъ у него все порядкѣ! Ваше рѣдительское сердце должно радоваться, смотря на него.» — Да, бабюшка, Ваше Высокое-превосходительство, много всѣмъ довольна, по милости Божіей.—«У васъ есть еще дѣти? Всѣ они приспособлены? и всѣ такъ-же хорошо живутъ, какъ Тимошей Игнатьевичъ?» — Такъ, Ваше Высокое-Превосх., всѣ приспособлены, дочки замужемъ, сынки поженлись.—«Такого примѣрнаго согласія, какъ въ вашемъ семействѣ, рѣдко найдти можно; все это вамъ дѣлаетъ честь, вы такъ хорошо воспитали дѣтей,» прибавилъ Его Высокопревосх., хотя онъ зналъ, что почтенный Тимошей Игнатьевичъ обидѣлъ всѣхъ братьевъ и сестеръ, присвоилъ себѣ большую часть ошцовскаго капитала, покупкою на свое имя значительнаго имѣнія, и попомъ, по смер-

ши отца, вошелъ въ участіе во всемъ, что послѣ него осмалось. Ему извѣстно было, что онъ въ явной враждѣ со всѣми родными, и что даже самой маменькѣ бываешь иногда худое жишье отъ него, особенно-же гдѣ коснешся до интереса. Все это зналъ Его Высокопревосх.; "но даръ слова данъ человѣку за шѣмъ, чтобы «не говоришь правды и скрывать, что онъ ду-«маешь,» сказалъ извѣстный Министръ покойнаго Наполеона. Спарушка Лукерья Ильинишна, мать Сундукова, не знала сего прекраснаго правила, и, можетъ быть, выболшала-бы все, что у нея было на сердцѣ, ежели-бъ разговоръ ея съ вельможею не былъ прерванъ. Приближалась важная эпоха: пишье за здоровье Его Высокопревосходительства. Хозяинъ подошелъ къ нему; у всѣхъ гостей были налиты бокалы Шампанскимъ; по данному знаку всѣ вспали, поклонились ему и выпили за его здоровье. Въ тоже время пущена была ракета, началась сильная и продолжительная пальба изъ пушекъ; прубы, валторны и лишавры заиграли шумъ; потомъ хоръ пѣвчихъ воспѣлъ аллегро: новое прославимъ, прославимъ. Его Высокопрев. самъ изволилъ подняться съ своихъ креселъ, и гости опять вспали; онъ благодарилъ и на всѣ спороны раскланивался съ милосивною улыбкою. Когда все успокомлось, и доморощенная пѣвица вновь пропѣла съ такимъ-же искусствомъ арію

Зломѣки, изъ Оперы: *Илья богатырь*, съ аккомпанированіемъ всего хора, Его Высокопревосходительство, взявъ недопишій свой бокалъ Шампанскаго, опять приподнялся съ своего мѣста, сказавъ: «За здоровье хозяина и всего почтеннаго его семейства!» Жена и дочери Сундукова низко присѣдали ему; но ошарушка Лукеры Ильинишна, маменька его, оглушенная пильбою и лишаврами, не вслушалась, о чемъ дѣло, и покойно сидѣла. Съ негодованіемъ подбѣжалъ къ ней сынъ и шолкал ея подъ бокаъ сказавъ, чѣмбы она встала и кланялась Его Высокопревосх. Въ то-же время выхватилъ онъ за руку изъ-за сполы зямя своего, Князя Буасекова, и подошедши вмѣстѣ съ нимъ къ вельможѣ, кланялись и благодарили. Сундуковъ былъ въ полномъ восхищеніи, чѣмъ Его Высокопрев. споль торжественно и въ споль многочисленномъ обществѣ удостоилъ выпить его здоровье; онъ бросился цѣловашъ его въ плечо.

Наконецъ обѣдъ, продолжавшійся около трехъ часовъ, кончился. Его Высокопревосх. повелѣлъ опять Лукерью Ильинишну въ гостиную. Тотчасъ подали кофе, и сама хозяйка, жена Сундукова, зная, чѣмъ вельможа любитъ и привыкъ куришь послѣ обѣда, поднесла ему трубку его, а дочь ея, Княгиня Прасковья Тимоѣевна, воюковую свѣчку, чѣмбы раскуришь. Онъ долго не

соглашался, говоря, что ему совѣстно безпокойшь дамъ; но онѣ всѣ молча присѣдали передъ нимъ и не смѣли садиться прежде его. Онъ закурилъ трубку, на диванѣ, и поставилъ подлѣ себя чашку съ кофеемъ; въ это время и дамы заняли мѣста свои; но мужчины всѣ сполли въ молчаніи подлѣ дверей. Пронскій продолжалъ свои наблюденія, находясь сзади всѣхъ. Къ нему подошелъ опять шотъ-же помѣщикъ Лужницкій, и показывая на оспанки обѣда въ залѣ, сказалъ: «Вы вѣрно хорошо покушали, а я такъ совѣмъ напрошивъ: мнѣ недоспалося мѣста за большимъ споломъ; а въ нижнемъ этажѣ, гдѣ было приготовлено для нашей братьи мѣлкопомѣстныхъ, ничего почти не подавали. Весьма не много доходило съ вашего сполла до насъ; всѣ блюда послѣ васъ носили прежде къ камердинеру Его Высокопревосх., пошомъ къ собственному его кучеру и лакеямъ, а что уже опъ нихъ оспавалось, подавали намъ, и шо не все, а чѣмъ угодно было пожаловать споловому дворецкому. А насъ внизу было человѣкъ прирдацашъ: вы можеше вообразить, какъ мы хорошо накормлены. Я такъ голоденъ, что ст удовольствіемъ-бы поѣхалъ домой ѣсть свои щи, да не смѣю.» — Какъ не смѣение? — ошвѣчалъ Пронскій. — Кто вамъ можеть запрешить? — «Да, сохрани Богъ, еще какъ нибудь вспомнишь и хвашишь меня хозяинъ! Съ нимъ послѣ

вѣкъ не раздѣлаешься.» — Помилуйте! чего вамъ боишься? Вы не только такой-же дворянинъ какъ онъ, но вѣрно лучше его. Я слышалъ: есть еще сытарики, которые помнятъ отца его цѣловальникомъ. — « Я самъ это помню, и видалъ шеперешняго почтеннаго представителя нашего сословія, Тимофея Игнатьевича, обстриженнаго въ кружокъ, въ одной рубашкѣ и босикомъ, играющаго съ деревенскими мальчишками въ томъ селѣ, гдѣ отецъ его былъ цѣловальникомъ. Но времена перемѣнились; шеперь онъ знашій баринъ, первый въ нашемъ уѣздѣ; онъ способенъ разсердиться за всякій вздоръ, а что онъ злопамышленъ и мститель, я къ несчастію знаю по опыту. Только недавно, слава Богу, мы кое-какъ помирились и опять сошлись съ нимъ, а то приходило-было мнѣ очень жутко. Не мудрено нашего брата бѣднаго дворянина припѣшишь и раззорить.»

Между тѣмъ Его Высокопревосх. отказался отъ парши въ висшъ, для него составленной, и, сяди на диванъ, переважно изволилъ курить шрубку, и, бесѣдуя съ хозяйкою, пускалъ дымъ прямо ей въ носъ. Онъ говорилъ съ нею о Москвѣ, гдѣ она родилась и до замужства жила безвыѣздно; рассказывалъ объ опцѣ ея Князѣ Развращовѣ, съ кошорымъ они служили вмѣстѣ въ Гвардіи и много дѣлали проказъ въ своей

молодости. Сундуковъ съ удовольствіемъ слушалъ рассказы его и внутренно радовался, что онъ имѣешь честь принадлежать къ такому семейству, которое извѣстно Его Высокопр., кспаша улыбался и нрѣдка осмѣливался вѣшиваться въ разговоръ.

Вельможа сказалъ хозяину, чтобы онъ познакомилъ его съ дочерьми своими. Тогдашья Княгиня Прасковья Тимоѣевна Буасекова и Полковница Глазира Тимоѣевна Чадская, были вновь подведены къ Его Высокопр., и рекомендованы ошдемъ, а меньшія дочери, которыя еще не были замужемъ, никакъ не отважились подойти вѣстѣ съ сестрами. Вельможа просилъ ихъ сѣсть подлѣ себя и обратился съ разговорами къ нимъ: онъ, въ особенности-же Глазире, былъ не застѣчивъ и умѣлъ поддерживать бесѣду съ нимъ. «Вашего Кнзя я имѣлъ честь видѣть; а гдѣ-же вашъ супругъ?»—спросилъ онъ у Глазире. Сундуковъ воспользовался симъ случаемъ, чтобы очернить и оклеветать Чадскаго, рассказывая о минимыхъ недостойныхъ поступкахъ его противъ жены, которые наконецъ вывели ее изъ терпѣнія и принудили возвратиться въ родишельскій домъ; по естѣ, онъ самъ-же обманувъ и поспунивъ съ нимъ столь вѣроломно, его-же обвинялъ и клеветалъ. Но это очень обыкновенно; и какимъ образомъ дѣйствоваешь

иначе людямъ шакого разбора, каковъ былъ Сундуковъ ?

Въ шакихъ и шому подобныхъ разговорахъ шло время. Иныя дамы осмѣливались шопотомъ говорить между собою ; но мужнины спояли у дверей, сохраняя глубокое безмолвіе. Все эшо наконецъ надоѣло Пронскому ; онъ искалъ шляпу свою и хотѣлъ уѣхать домой. « Что вы ищете ? » сказалъ ему Лужницкій. — Шляпу ; я хочу ѣхать домой. — « Да вы, видно, никогда еще не бывали на праздникахъ Тимошова Игнатъевича, и вамъ здѣшній обычай неизвѣстенъ ? Позвольте спросишь , съ кѣмъ я имѣю честь говорить ? » — Я Генераль-Маіоръ Пронскій. — « Ахъ , В. Пр., извинише , что я осмѣлился шакъ фамиліарно говорить съ вами. » — Помилуйте — опивчалъ Пронскій , пожавъ его руку. — Но скажите , какой-же здѣсь обычай ? Ежели шотъ , что Г-нъ Сундуковъ изволишь сердиться на шѣхъ , ишо рано уѣзжаетъ , шо я очень равнодушенъ къ его гнѣву , шотому что , кажелся, я въ первый и въ послѣдній разъ въ его домѣ. — « Эшо первое , что онъ гнѣвается на шѣхъ , ишо не досматриваешь праздниковъ его до конца ; по, разумѣется, для Вашего Превосходительства все равно , будетъ-ли онъ сердиться или нѣтъ ; а самое главное : вы не дождеетесь вашего экипажа. Всѣ гостинныя лошади опшмлаются на ху-

поръ, версшы за шри, и здѣшнимъ людямъ строго запрещено, не только по приказанію го- еша ходишь за его экипажемъ, но даже звашь и собственнаго его слугу, котораго-бы могъ онъ послать на хуторъ. Игнацій Тимоѣевичъ, очень часто, и съ свойственною ему учтиво- стію говоришь намъ, что домъ его не прак- ширъ, чтобы поѣвши пошчасъ уѣхать, и что ежели онъ дѣлаетъ честь, зовешь кого къ себѣ, то надобно знашь этому цѣну; изъ чего-же онъ убытчишь? Словомъ: ежели кто пріѣхалъ къ нему на праздникъ, то жди до конца.» — Вошь прекрасное угощеніе! — ошвѣчалъ со смѣхомъ Пронскій. — Но, видно, дѣлашь нечего; надобно вооружиться терпѣніемъ. Да что-жь такое еще будешь? — «О, Ваше Превосходительство! уви- дите еще много чудесъ.» — Посмотримъ, по- смотримъ; въ чужой приходъ съ своимъ уша- вомъ не ходи — прибавилъ Пронскій. — Впрочемъ, я и не въ прешензіи, что по необходимости должно еще здѣсь оспавашься; весьма любопы- шенъ досмотрѣшь до конца праздникъ Г-на Сун- дукова: сидемъ покажѣшь. — Собесѣдникъ его кланялся, но сѣсть подлѣ Его Превосходитель- ства никакъ не ошважился.

Изъ-за стола вспали въ 6-ть часовъ. Прон- скій посмотрѣлъ на свои часы: уже было 8-го половина. «Что-жь шакъ долго длился бездѣй-

ствіе?» сказалъ онъ. «Пора-бы начинашь еще какія нибудь штуки.» — Теперь вѣрно мы скоро пойдемъ въ театръ — ошвѣчалъ Луницкій. И дѣйствительно, въ то-же время сдѣлался шумъ въ гостиной. Его Высокопревосх., по приглашенію хозяйина, вспалъ съ своего мѣста, и прямо по лѣстницѣ, черезъ балконъ, ошправился въ театръ, бившій въ саду; за нимъ гурьбой послѣдовали всѣ гости.

Спектакль начался Прологомъ въ честь Его Высокопревосходительства. Прологъ сей былъ сочиненъ, или лучше сказано, составленъ домашнимъ секретаремъ и главнымъ конпорщикомъ Сундукова, въ родѣ Пана Чупкевича (*Полубарскіа затѣи*, Ком. соч. Кн. А. А. Шаховскаго). Онъ очень удачно извлекъ нѣкоторые мѣста изъ описанія Державина праздника, даннаго Княземъ Пошекинскимъ Великой Еккатеринѣ, приклеилъ къ тому много стиховъ изъ его-же описанія *обители Добрады*, и заимствовалъ даже ошшуда весьма ксташи: ау! ау! ау! Изъ всей эшой смѣси, украшенной нѣкоторыми чудесными стихами собственнаго сочиненія самаго Автора, вышла такая галиматія, что безъ смѣха слушать было не лзя. Стихи говорилъ самъ конпорщикъ-авторъ, одѣтый въ какой-то древній хитонъ, а домашняя пѣвица, въ видѣ Нимфы, прочла похвальные стихи, и надѣла лав-

ровый вѣнокъ на бюстъ Его Высокопревосходительства. Потомъ, оба дѣйствующія лица подошли къ оркестру, низко поклонились, и чрезъ капельмейстера подали говоренные и пѣнные ими стихи Сундукову, кошорый торжественно поднесъ ихъ Его Высокопревосходительству.

Крѣпостная шруппа Сундукова уже давно разстроилась. Доморощенные его Милоны, Честоны, Валеры, Эрасмы и Эндимионы, нѣкошорые въ 1842-мъ году посшупили въ ополченіе, другіе послѣ того, за пьянство и буйство, согнаны были съ верха и опредѣлены въ низкія должности. Прелѣстная, но уже поуспарѣвшая *Примадонна* его, за дурное поведеніе, ошдана была за крестьянина за-мужъ; словомъ: всѣ его Діаны, Флоры, Нимфы и Дріады пораспрашились, и нѣкошорыя со славою исправляли должности скошницъ и стряпухъ для зашольныхъ людей. Но Сундуковъ выписалъ для сего торжественнаго дня шруппу акшеровъ изъ Губернскаго города. Первая піеса, представленная ими, была шаринная, впротемъ хорошая Комедія: *Тотъ съ тотъ*. Въ ней весьма шакже *кстати* были на сценѣ пьяница и взяточникъ вошвода, грабитель подзѣчій, глупая и злая госпожа, шо ешть, представлена была въ лицахъ исторія многихъ изъ гостей; но разумѣется, эшого никакшо на свой счетъ не бралъ и всѣ смѣялись опѣ

чистваго сердца. Спекшакль окончился Комедією Князя А. А. Шаховскаго: *Ссора, или два сосѣда*. Тушъ также было многое не въ бровь, а прямо въ глазъ. Въ анпръ-акшахъ подавали госпіямъ чай, и вельможа, по убѣжденію хозяйки, опять курилъ шрубку.

Въ 10-ть часовъ спектакль кончился, и гости, возвращаясь черезъ садъ въ домъ, обозрѣли иллюминацію. Передъ окнами горѣлъ большой щипъ, съ вензелемъ Его Высокопревосх., и съ надписью кругомъ: *Отъ признательнаго сердца хозяина высокопозтенцоу почитателю*. Зала и всѣ комнаты были ярко освѣщены, и топчасъ открылся балъ. Вельможа прошелъ нѣсколько разъ въ Польскомъ съ хозяйкою и съ дочерьми ея, опять опшказался опъ картъ и сѣлъ въ залѣ, въ приготовленных для него особия кресла.

Пронскій, при выходѣ изъ театра, увидѣлъ наконецъ своего слугу и послалъ его омыскать и привестъ топчасъ коляску, а самъ покамѣспъ опшправился въ залу, смошрѣтъ на провинціальные панцы. Хозяинъ, за недосугами, не успѣлъ оппрекомендовать его женѣ и дочерямъ. Пронскій не находилъ нужнымъ подходить къ нимъ, и не располагаясь уже никогда впередъ бытъ въ домѣ Сундуковыхъ, очень радъ былъ, что сохранилъ инкогнишо и можешъ уѣхать,

не бывъ никѣмъ замѣченъ. Въ ожиданіи коляски сползъ онъ въ залъ, въ шолпѣ *фратниковъ*, но Каролина Карловна, проходя въ Польскомъ близъ него, вскричала: «Ахъ! Ваше Превосходительство, и вы здѣсь? Я думала, вы не пожалуете сюда.» Слово: Ваше Превосходительство, поразило слухъ вельможи; онъ обратился лорнетъ свой въ ту сторону, и увидѣвъ Пронскаго въ шолпѣ, поспѣшъ вспалъ и подошелъ къ нему. Всѣ почтительно ошступили передъ нимъ, и хозяинъ, замѣчая всякое движеніе вельможи, далъ знакъ музыкѣ переспашъ, и самъ поспѣшилъ за нимъ.

«Ахъ! Ваше Превосходительство, Николай Димітріевичъ! Какъ я радъ васъ видѣть! Какимъ образомъ вы здѣсь?» сказалъ вельможа, бросаясь цѣловать его. — Я пріѣхалъ вмѣстѣ съ женою къ брашу ея... — «Какъ! вы женились? Я не зналъ эшого; позвольте мнѣ поздравить васъ,» продолжалъ вельможа и снова началъ цѣловать его. — На крестинахъ сына, у брата жены моей, имѣлъ я удовольствіе познакомиться съ Тимоѣемъ Игнатъевичемъ и приглашенъ имъ былъ на его праздникъ. — «Такъ вы здѣсь уже давно?» — Съ утра. — «И обѣдали здѣсь?» сказалъ вельможа, посмотрѣвъ съ неудовольствіемъ на Сундукова. — Я имѣлъ честь всепокорнѣйше просить Его Превосходительство,

Николая Димітріевича, занявъ за обѣдомъ мѣсто подлѣ Вашего Высокопревосходительства; но Его Превосходительства самому не угодно было — ошвѣчалъ въ большемъ смущеніи Сундуковъ. — «Я не хотѣлъ беспокоить васъ, припомню же думалъ пошлѣ послѣ обѣда уѣхать; но почтенный нашъ хозяинъ угощаетъ по старинному Русскому обычаю: не любитъ, чтобы гости его скоро развѣзались, и употребляетъ самыя благонадежныя средства къ тому: ошсылаетъ куда-то далеко экипажи ихъ, такъ что я до сего времени не могу дождаться своей коляски. Впрочемъ, я ни сколько не въ претензіи за это,» прибавилъ Пронскій, пожимая руку у Сундукова. «Я очень благодаренъ за угощеніе ваше, и пріятно провелъ время въ вашемъ обществѣ.»

«Но что-жъ мы стоимъ? Не угодно-ли Вашему Превосходительству, садимъ вѣспѣ,» сказалъ вельможа, и взявъ Пронскаго подъ руку, повелъ къ своему мѣсту. Всѣ съ удивленіемъ смотрѣли на эту сцену. Хозяинъ былъ въ большемъ смущеніи, видѣвъ неудовольствіе вельможи. «Отъ чего прекратились ваши танцы?» сказалъ онъ ему, посморгнувъ на него опять съ негодованіемъ. Сундуковъ еще больше сконфузился, сдѣлалъ знакъ музыкантамъ, чтобы играли, и самъ вышалкивалъ изъ толпы шпанцо-

ровъ, не смотря уже, кто былъ въ мундирѣ или во фракѣ. Между прочими, онъ спраха, толстый Судья Кривосудовъ, Исправникъ и два Засѣдателя пустились прыгати въ экосезъ, можешъ быниъ, иные еще въ первый разъ онъ роду.

Вельможа былъ внутренно избѣщенъ; онъ никакъ не воображалъ имѣти шакого свидѣтеля всѣхъ *продѣлокъ* своихъ, въ продолженіе того дня. Пронскій былъ извѣстенъ и принявъ въ лучшемъ кругу въ Петербургѣ и Москвѣ; онъ могъ рассказать, какимъ образомъ обходился онъ съ дворянами и чиновниками, и какъ еще при томъ курить трубку при дамахъ. Воспоминаніе о такихъ подвигахъ и мысль, что они могутъ быть представлены въ весьма смѣшномъ видѣ, усиливали досаду его. Однакожъ онъ преодолѣлъ себя; на лицѣ его не замѣтно было никакой переменѣ, и онъ, сидя съ Пронскимъ вдвоемъ, самъ первый началъ смѣяться надъ хозяиномъ и угощеніемъ его. «Каковъ молодецъ!» сказалъ вельможа. «Это Мѣщанинъ въ Дворянствѣ, Комедія Мольерова въ лицахъ и во всей силѣ слова, попому что онъ именно родился въ мѣщанствѣ. Князь Шаховской много заимствовалъ отсюда, и вѣрно съ него списалъ своего Транжирина. А каковы спешки, пѣтые мнѣ въ честь сегодня нѣсколько разъ, особенно-же въ Прологъ? Чудо! Я насилу могъ держаться онъ смѣха.

Апрѣль 1332.

25

Вамъ вѣрно было веселѣе чѣмъ мнѣ? Вы могли, на свободѣ, не бывать никѣмъ замѣченъ, нахохотаться досыта.» — Да, признаюсь: — отвѣчалъ Пронскій — Прологъ въ самомъ дѣлѣ чудо; и какъ къшаши взяло самое лучшее изъ стиховъ Державина: ау! ау! Какъ удачно и къ мѣсту помѣщено эпо было въ Прологъ. — Они оба хохотали опъ всего сердца, къ общему удивленію гостей, которые опъ роду не видывали ни съ кѣмъ такого фамиліарства Его Высокопр. — «Вообразите-же себѣ, каково мнѣ было сохранять всю свою важность!» продолжалъ вельможа. «Я, ей Богу! нарочно зашѣмъ сшалъ куришь трубку, чтобы какъ нибудь удержашъ свой смѣхъ. Хоша и не совсѣмъ вѣжливо куришь при дамахъ, но все, я думалъ, учтивѣе, чѣмъ захохоташъ во все горло. Вошъ съ какими скопами долженъ я имѣшъ дѣло и присутствовать на ихъ праздникахъ! Припомъ-же, я очень знаю, что почтенный нашъ хозяинъ большой мошенникъ, но мнѣ должно щадить его и показывать мое хорошее расположеніе, зашѣмъ чтобы поощрить его усердіе къ учрежденію полезныхъ и богоугодныхъ заведеній, или, называя вещи настоящимъ именемъ, я обязанъ поддерживать желаніе его сохранить мою благосклонность, имѣя въ виду воспользоваться этимъ и побудить его къ пожертвованіямъ для общаго блага. Вы не видали, какую огромную и прекрасную больницу вы-

спроилъ онъ въ своемъ уздномъ городѣ? Теперь хочу я склонить его къ новымъ пожертвованіямъ, для учрежденія Инвалиднаго дома. Вашъ настоящая цѣль посѣщенія моего и необыкновеннаго терпѣнія смотрѣть и слушать всѣ его глупости. Вы согласитесь, что это по крайней мѣрѣ богоугодное дѣло съ моей стороны.»

Въ продолженіе этого разговора вельможи съ Пронскимъ, Сундуковъ былъ въ опчаяніи, что имѣлъ несчастіе обратиться на себя гнѣвъ Его Высокопревосходительства. Онъ бранился и говорилъ грубости гостямъ, которые попались ему, въ особенности-же ругалъ жену и дочерей, что онѣ не умѣли принять и угостить какъ надобно Пронскаго. Досталось и заступо его Князю Буасекову: онъ называлъ его ропозѣемъ, и жаловался, что никто не хотѣлъ ему помочь, а одному распянувшись вездѣ невозможно. Тщешно оправдывались они, что онъ самъ виноватъ, затѣмъ не познакомилъ ихъ съ нимъ, или хотя по крайней мѣрѣ сказалъ-бы, что онъ у нихъ въ домѣ, а по они даже и этого не знали. Сундуковъ ничего не слушалъ и продолжалъ браниться, пошому что и ему надобно-же было сорвать на комъ нибудь свое сердце. Но болѣе всего онъ былъ взбѣшенъ на Пронскаго, затѣмъ не надѣлъ онъ звѣзды своей и орденовъ. Сундуковъ называлъ его либераломъ, вольнодумцемъ,

Вольперіанцемъ , карбонаріемъ , и ежели-бъ можно было , съ удовольствіемъ побилъ-бы его.

Между шѣмъ была уже 12-го половина , а по церемоніалу , предварительно соснавленному , назначенъ былъ въ 11-шъ часовъ фейерверкъ , а въ 12-шъ ужинъ. Все давно было готово , и конпорщикъ Сундукова , главный всему распорядишель , подошелъ къ нему съ докладомъ , не пора-ли зажигать фейерверкъ. Онъ прогналъ его отъ себя въ сердцахъ безъ отвѣта , но послѣ одумавшись оспановилъ и съ препеномъ приблизился къ вельможѣ.

« Извините , Ваше Высокопр. , » сказалъ онъ тихимъ , подобострастнымъ голосомъ. « Я пришелъ доложить Вашему Высокопр. ; не прикажете-ли зажигать фейерверкъ? » — Все отъ васъ зависить , любезный и почтенный нашъ хозяинъ — сказалъ ласково вельможа , который самъ нѣсколько развеселился , думая , что очень искусно , рассказами своими Провскому , далъ благовидный оборотъ всѣмъ подвигамъ своимъ того дня. — Вы , я думаю , очень устали ? — прибавилъ онъ. — Весь день на ногахъ ; отдохните , присядьте съ нами. — « Помилуйте , Ваше Высокопревосходительство ! » отвѣчалъ Сундуковъ , ободренный ласковостію и милостію вельможи. « Радости и восхищеніе мое , видѣть у себя въ домѣ столь высокопочтеннаго гостя , придаетъ

мнѣ силы. Но, ежели Вашему Высокопр. угодно будетъ, мы просимъ васъ на балконъ. Удостоюте сами зажечь голубка, который полепишь по воздуху, и тогда начнешься фейерверкъ.» — Изволь, изволь, любезный хозяинъ! Только не сыро-ли теперь? Мнѣ нужды нѣтъ, но, можетъ быть, Николаю Дмитриевичу угодно будетъ надѣть свою шинель — опивчалъ вельможа. — «Эй! Г-нъ Исправникъ, спроси у человека Его Превосходительства шинель.» — Тотчасъ Исправникъ, два Засѣдателя и самъ Сундуковъ спремглавъ бросились въ лакейскую. Сундуковъ, въ порогѣ, схватилъ у перваго попавшагося ему человека, вмѣсто шинели, дамскій салопъ; но, къ счастью, самъ запутавшись въ немъ, упалъ со всѣхъ ногъ въ дверяхъ, и въ то время, покаместъ онъ вставалъ, Исправникъ отыскалъ слугу Пронскаго и принесъ его плащъ. Пронскій благодарилъ его. Между тѣмъ Секретарь вельможи принесъ и его шинель и фуражку.

Всѣ отправились на балконъ; но Его Высокопр. съ тѣхъ поръ, какъ увидѣлъ Пронскаго, совсѣмъ уже перемѣнилъ свой тонъ и обращеніе: онъ ошказался самъ зажечь голубка, говоря, что честь сія должна принадлежать дамѣ, и что онъ проситъ почтенную хозяйку взять на себя это дѣло.

Фейерверкъ былъ прекрасный и стоилъ дорого; все выписано было изъ Москвы. На щипъ

опашь горѣлъ, въ золошомъ и брилльяншовомъ огнѣ, вензель вельможи, съ надписью кругомъ: *Отцу и Нагальнику.... Губерніа въ знакъ благодарности.* Пронскій не дождался конца фейерверка, расцѣловался съ вельможею, пожелалъ ему спокойной ночи и отправился въ свою коляску. Но, по выходѣ его съ балкона, вельможа напомнилъ хозяину, что онъ обязанъ проводить госпа. Сундуковъ со всѣхъ ногъ побѣжалъ за нимъ, догналъ на крыльцѣ и убѣдительноше просилъ оспашься ужинашь. Пронскій ошговорился шѣмъ, что онъ никогда не ужинаешъ, и что уже поздно, а ему довольно далеко ѣхашъ. Сундуковъ низко кланялся, благодаря за посѣщеніе, и помогалъ ему сѣсть въ коляску.

Душенька, древняя повѣсть въ вольныхъ спискахъ. Сочиненіе Ипполита Ѳедоровича Богдановича. *Изданіе десятое*, печатанное съ изданія 1824 года, безъ исправленій. М. Въ т. Лазаревыхъ Ин-стишуша Восточи. языковъ. 1832. 118 стр. in-12.

«Богдановичъ, Ипполитъ, Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ Переводчикъ, человекъ молодой, но искусный во Словесныхъ Наукахъ; также во Французскомъ, Итальянскомъ и Россійскомъ языкахъ. Сочинилъ поэму: *Сугубое блаженство*, довольно шоржесивенныхъ, духовныхъ и анакреоническихкихъ одъ, эпистолъ, стансовъ, басень, сказокъ, сонешовъ, эклогъ, элегій, идиллій, эпиграммъ, писемъ и другихъ сатирическихкихъ сочиненій, кошорыя всѣ напечатаны въ ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ, *Полезномъ увеселеніи* 1760, 1761 и 1762 г., въ Москвѣ, и другихъ книгахъ. Перевелъ съ Итальянскаго языка Г. Мишеля Анжело Жіанеша *Пѣснь* Ея Императорскому Величеству съ совершеннымъ искусствомъ. Означенныя его поэма, пѣснь и нѣкошорыя оды, напечатаны въ Санкшпетербургѣ и похваляющыя много знающими людьми.»

Такъ писалъ о творцѣ *Душеньки* одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей своего времени, Новиковъ, за шесшьдесять лѣтъ до насъ, въ *Опытѣ Словаря о Россійскихъ писателяхъ* (СПб. 1772 г.). Лѣтъ че-

резъ двадцать , вскорѣ послѣ смерти Богдановича , знаменитый Карамзинъ начерталъ жизнь его и разсматрѣлъ почти всѣ его сочиненія. Еще лѣтъ черезъ двадцать , Н. И. Гречъ , въ *Опытѣ Исторіи Русской Литтературы* помѣстилъ краткую біографію Богдановича , слегка коснувшись его сочиненій. Изъ другихъ литтераторовъ , Батюшковъ , къ которому была столь благосклонна Муза нѣжныхъ , прелестныхъ стиховъ , Батюшковъ съ особеннымъ восторгомъ отзывался о Богдановичѣ. Но всего славнѣе для памяти сего стихотворца постоянная благосклонность публики къ его *Душенькѣ*. Передъ нами *десятое изданіе!*... Ни одинъ поэтъ Русскій еще не выслужилъ такой чести. Послѣ сего любопытно разсмотрѣть , что составляетъ причину столь необыкновеннаго явленія : существенное-ли достоинство , или слава , основанная на преданіяхъ? Въ нашъ скептическій вѣкъ , неужели не удѣлимъ мы вниманія славному творцу *Душеньки*? Неужели разсуждая о многихъ мѣлкихъ современныхъ явленіяхъ , не захошимъ посудить о писателѣ , пользующемся прочною славою? Читатели , конечно , ошатадутъ справедливость , по крайней мѣрѣ нашему искреннему желанію , представивъ имъ разборъ *Душеньки* , до сихъ поръ не оцѣненной надлежащимъ образомъ.

Достойно замѣчанія , что изъ всѣхъ произведеній Богдановича , который писалъ очень много , все предано забвенію , кромѣ его *Душеньки*. Невольно спрашивается себя : Развѣ Богдановичъ былъ то-же что Рубанъ , оставшійся у всѣхъ на памяти

за одну свою надпись къ монументу Великаго Петра? Развѣ какой нибудь добрый, и разумѣтся умный, геній нашепталь ему прелестное сказаніе о Душенькѣ, а остальное предалъ злему врагу поэшовъ, генію дурныхъ стиховъ? Или Богдановичъ самъ молился шому и другому, подобно доброму Каполяку, спавившему свѣчку и своему покровищенію, и главному врагу всѣхъ людей? Жаль, что прошли мнѣологическія времена; шогда, можеть бышь, мы удовольствовались-бы, ошвѣчавъ на сім шри вопроса: Да, да, да! Но шеперь, шеперь надобно сыскашь другой ошвѣтъ, и по возможности приблизышь къ истинной причинѣ.

Удивительно, какъ прививается къ человѣку все окружающее его! Поживише въ обществѣ дамъ, хотя-бы то были самыя милыя изъ нихъ, поживише, разумѣтся, въ шѣ лѣша, когда сердце, умъ и душа способны принимають впечатлѣнія, и вы сами будете немножко походишь на даму. Жаль, что у насъ, для выраженія этого состоянія, нѣтъ приличнаго слова, кошорымъ можно было-бы перевести Французское *efféminé*. Или не угодно-ли поживишь въ обществѣ волковъ и медвѣдей? Тогда, можеть бышь; бормоча какъ ваши собѣстники, вы подтвердите пословицу: *съ волками воють*. Сдѣлайте еще опышъ: ступайте подышайте придворною атмосферою... Никакой Овидій не вообразить вашего превращенія! Голова выпянуша впередъ, спина гнется какъ тонкій камышь, на устахъ вѣчная улыбка, ноги ходяшь не слышными шопами, и, не умѣя шагашъ, масшерски шаркають. Правда, шущъ

бывасть исключеніе : иногда, вмѣсто этого , превращаются въ грубіяна , въ пахала , въ *правдолюбца* ; но знайте , что это оболочка , шутовская маска ; подъ нею скрываешься тотъ-же гибкій придворный , и роль его едва-ли не жалче первого.

Да и что значить наша слабая личность ! Что значить одинъ человѣкъ . Цѣлыя народы не могутъ избавишься отъ дѣйствія обстоятельствъ , и современнаго , то есть окружающаго и проникающаго ихъ духа . Въ наши дни , вся Франція занимается полишкою , и нѣтъ лавочника , нѣтъ приказнаго , который не разсуждалъ-бы о Камерѣ Депутатовъ , о свободѣ писменія , о паршіяхъ , о Шуанахъ и Вандейцахъ . При Наполеонѣ , кажется недавно , однакожь было совсѣмъ иное : каждый мальчикъ думалъ бытъ героемъ , каждый мясникъ , разрубая быка , шолковалъ о великой націи и мечалъ о всемірной , то есть Французской монархіи . А Мирабо ? А Неккеръ ? А Людовикъ XV-й и ничтожной памяти Регентъ ? Развѣ не настраивалась Франція по ихъ камеръ-шону ? Однакожь мы дошли почти до Людовика XIV-го : довольно далекое отступленіе ; постараемся употребить его въ пользу .

Вѣкъ Людовика XIV-го , то есть общество , отражавшее въ себѣ все , что было хорошаго и дурнаго при Дворѣ этого великолѣпнаго , шумнаго , славнаго , однакожь недалековиднаго Монарха , общество его продолжалось до ужаснаго взрыва Революціи . Не станемъ проникать глубже въ причины , породившія самый вѣкъ Людовика XIV-го , и

подраздѣляешь его на эпизоды Регенша и двухъ сѣдовавшихъ за нимъ Государей: это подлинно были эпизоды въ одной большой драмѣ. Сдѣлаемъ вѣстн дѣтскоечисленіе до-революціоннаго общества во Франціи отъ Людовика XIV-го, и посмотримъ, что представляло собою это общество?

A 10x10 grid of dots on a white background. The dots are arranged in a regular pattern, with 10 dots per row and 10 dots per column. There are some minor scanning artifacts, such as small dark specks and faint lines, scattered across the grid.

Быль классъ людей, сосредоточившій въ себѣ все: люди богатые и знатные. Они обладали всѣмъ: и землею, и правленіемъ, и Лишшерашурою. Разсуждая о Лишшерашурѣ, мы предославимъ намъ все остальное; но посмотримъ, какъ управляли они Лишшерашурою?

**Матеріалізм, грубий, безумний, отрицавшій
божественное въ природѣ и чловѣкѣ, владѣлъ снмъ**

обществомъ. Всего сильнѣе дѣйствуетъ на общество большинство голосовъ, и всего болѣе ослабляешь его наружный блескъ. Воспитанные безъ Философіи, ибо симъ высокимъ именемъ не удостоимъ мы ученія тогдашнихъ умниковъ, знатные и богатые люди спокойно, безотчетно предались чувственнымъ наслажденіямъ. Общій примѣръ и блескъ Двора увлекалъ ихъ; Философія не подкрѣпляла слабого духа человѣческаго, и наконецъ все заключилось въ наслажденіяхъ будуаровъ и гостиныхъ. О прекрасномъ исчезло самое преданіе: довольствовались лучшимъ, избраннымъ; а что было тогда лучшимъ? То, что поражало чувства, не проникая въ глубину душъ и сердецъ.

Такое общество не могло быть жилищемъ Литературы и особенно Поэзіи. Поэзія есть дѣла непринужденнаго развитія духа человѣческаго. Она умираетъ въ тѣсномъ проспранствѣ и душевной ашмоферѣ гостиныхъ. Мѣжакія страсти отвращаютъ ее отъ себя: она боится ихъ какъ человѣкъ, который не можетъ существовать безъ огня солнечнаго, любитъ благошворную теплоту, но страшится пожара; и не приближаетъ свѣчки ни къ спѣтнамъ своего жилища, ни къ самому себѣ, ибо дѣйствіе ея было-бы пагубно. Устрашенная пожаромъ мѣжкихъ страстей, этимъ огнемъ отъ сальныхъ свѣчъ, а не благошворнымъ жаромъ солнца, Поэзія на долго оставила гостиныя Французскихъ богачей, скрылась въ уединеніе, въ народныя пѣсни, и готовила себѣ торжественный праздникъ въ будущихъ подвигахъ забывшихъ ее людей.

Между тѣмъ , что дѣлало общество?

Оно съ какими-то безумнымъ наслажденіемъ утопало въ сирасяхъ чувственныхъ и ничтожныхъ. Не понимая сирощства Литшерауры безъ Поэзіи, оно , подобно древнимъ Израильщинамъ , вылило золотого тельца , и заспавило несчастныхъ литшерауторовъ поклоняясь ему ; но , увы ! между ими не было высокодушнаго Монсея , который разбилъ-бы скрижали свои при взглядѣ на бездушный истуканъ , выставленный для вдохновенія. Грустно видѣть , какъ преклоняли свои колѣна превосходнѣйшіе гении ! Ни чистая душа Расина , ни могущественная ненависть къ пороку безсмертнаго Мольера , не могли выдержать борьбы съ позлащенной толпою. Многіе изумляются , видя , что Шекспиръ , по гражданскимъ разрядамъ принадлежавшій къ классу мужиковъ , ненавидѣлъ чернь , презиралъ , клеймилъ ее названіемъ тысячеглаваго чудовища , и выставялъ вездѣ со всѣми ея пороками. Дивлюсь этому изумленію ! Неужели и въ наше время еще не понимаютъ , что *чернь* , *толпа* не заключается въ границахъ , ошмѣренныхъ масштабомъ гражданскихъ установленій ? Неужели только на площадяхъ подпишся чернь ? Нѣтъ , она не повинуется гражданскимъ законамъ , наряжается въ платье почешныхъ людей , и наводняетъ собою гостинныя , такъ-же какъ грязныя улицы и кабаки. Къ этой-то , не повинующейся общимъ законамъ толпѣ , пишаль ненависть Шекспиръ. Если принять въ собственномъ значеніи слово *душегубецъ* , то никто не погубилъ столько душъ , какъ эта разнорѣзная и разнотинная толпа , эта чернь , под-

раздѣляющаяся и на знатныхъ и на мѣлкихъ, и на богатыхъ и на нищихъ. Она-то, подъ именемъ знати обладая Французскимъ обществомъ, погубила столько душъ во Французскихъ Императорахъ. Рѣшительно ни одинъ изъ нихъ не спасся отъ ея обольстительныхъ увлеченій, и не избѣгнулъ отъ ея убійственнаго дыханія. Она олицетворяла баснь о Сиренахъ, которыя привлекають къ себѣ усланительными пѣніемъ и прелестною половиною шѣла, но, схвативъ обманутаго, шопяшъ въ волнахъ и захлестывають своимъ отвращительнымъ хвостомъ.

Доказательствомъ сего могутъ служить всѣ тогдашніе Императоры. Они хотѣли подражать въ своихъ произведеніяхъ тому, что почишалось лучшимъ; а лучшимъ почишалось придворное общество, со своими нравами и духомъ. Чтобы увидѣть и постигнуть, что значило это общество, надобно только прочесть Записки Мадамъ Дюбарри и Записки Дюбуа, называвшагося Кардиналомъ. Възливость, образованность свѣтская, и языкъ, до нечѣпости подчиненный приличіямъ, служилъ покровомъ и лакомъ для всего, что можно вообразить себѣ развратнаго, ничтожнаго, отвращительнаго. Это несчастное состояніе общества, бывшаго тогда представителемъ Франціи, отражается во всѣхъ сочиненіяхъ современныхъ писателей. Какого угодно вамъ избрать? Не станемъ говорить о Дорашахъ, Буало, Реньярахъ, Бернарахъ, Шольё, Бернисахъ, Башомонахъ, Лафарахъ, и другихъ, еще болѣе посредственныхъ пи-

сашеляхъ ; остановимся на минушу при именахъ громкихъ , и досшойныхъ громкой славы , при именахъ Расина , Мольера , Лафоншена .

Расинъ , одаренный высокимъ поэтическимъ гениемъ , былъ способенъ , былъ рожденъ для Поэзии религіозной . Его чистая душа , его строгаѧ добродѣтель , его гармоническій языкъ должны были развивашься и выражашь себя въ предметахъ величественныхъ , великолѣпныхъ , основанныхъ на преданности сердца вѣрующаго . Но , какъ мы сказали , религiи не было ; Философію замѣнила сухая изыскательность и тѣсный взглядъ вещественнаго Крипицизма ; въ Классическихъ Авторахъ видѣли буквы , не понимая внутренняго смысла оныхъ ; народныя преданія считались пошлостью ; народа не было . Между тѣмъ , все блестящее , все обольстительное для чувствъ и для ума современнаго , который надобно ошличашь ошъ ума , отдѣльно каждому принадлежащаго , все эшо увлекало робкаго , слабаго характеромъ Расина . Онъ оспался вѣренъ благородному призванію поэта , но думая выражашь то , къ чему стремился его религіозный геній , онъ выражалъ окружающій его эпикешъ Двора , чинность во всѣхъ ощущеніяхъ , и холодное , бездушное великолѣпіе паркетныхъ власшелиновъ . Ему надобна была вѣра , при безвѣрiи общественномъ , и онъ думалъ найдти ее почти въ божескомъ поклоненiи Двору . Такимъ образомъ ложное ученіе , обманчивый блескъ , и самый духъ Расина , способный къ вѣрованію , къ преданности , лишили пошомство одного изъ блмшательнѣйшихъ геніевъ .

Мольеръ , бывшій актеромъ , былъ въ тоже время и собесѣдникомъ Нияоны , и придворнымъ. Это видимо мы во всѣхъ сочиненіяхъ его. Надобно признаться , что большую часть своихъ комедій онъ почерпнулъ изъ чужеземныхъ источниковъ : изъ Тесафра Испанскаго, изъ Итальянскихъ и старинныхъ Французскихъ буффонадъ , наконецъ изъ Плавта и Теренція. Но и въ заимствованіяхъ онъ умѣлъ быть оригинальнымъ. Въ немъ удивительна его живая , смѣлая кисть , его умѣнье воспользоваться каждымъ положеніемъ , развитъ его , показать въ немъ новыя стороны. Сильная душа его не довольствовалась эпимъ ; негодование къ пороку хотѣло выразиться яснѣе , могущественнѣе , и онъ создалъ высокую комедію (*La haute comédie, la comédie de caractère*). Въ этомъ-то родѣ , почти всѣ комедіи его искажены несчастнымъ положеніемъ , въ какомъ находился Поэтъ. Въ *Мизантропѣ* , напримѣръ , вмѣсто того , чтобы глубоко проникнуть и представить то , что столь простодушно и пошлему превосходно изображаютъ Записки Маркиза Сень-Симона : этошъ ничтожный міръ свѣтскихъ людей , этошъ эгонизмъ , доведенный до высшей степени , эти гнусныя интриги , эти низкія страсти и подлость , прикрытыя лакомъ вѣжливости , пріятности въ обхожденіи , онъ представилъ самыя общіе , всегдашніе , почти неизбѣжныя недоспадки людей : кокетство женское , страсть къ стихоплешенію , угодливость побочныхъ лицъ и несправедливость судей. Отъ того вся комедія холодна какъ ледъ , не смотря на многія , превосходныя отдѣльныя чершы. Въ *Тартюфѣ* болѣе современности; но за те

и болѣе односторонности ; болѣе желанія уронить
набожность вообще , нежели изобразить лицемѣріе ,
подъ какою маскою ни являлось-бы оно. Таршюфы
отвратительны и вредны не потому только , что
они прикрываютъ злодѣйскіе умыслы крыломъ ре-
лигіозности , но потому что употребляютъ во зло
и испровергаютъ всѣ священные предметы. А
въ этомъ отношеніи , менѣе-ли лицемѣрны бы-
ли поступки Ришельё ? Сшодиль-
ли стрѣлъ Тація ничтожный нищій , желавшій
обольстить женщину и завладѣть имѣніемъ ея му-
жа , когда великодушные Таршюфы дѣлали тоже съ
цѣлымъ государствомъ ? Ошъ того , опять несооб-
разность предмета съ высокою цѣлью дѣлаетъ про-
изведеніе Комика нѣлочнымъ и мало разительнымъ.
Мольеръ могъ-бы создать истинно высокую и ха-
рактерную комедію , если-бы судьба не приковала
его къ колесницѣ Людовика и къ шлейфу Ниноны.
Въ свободномъ полетѣ своемъ , комическій гений
его представилъ-бы намъ то , что смѣшили и бѣ-
сили насъ въ историческихъ памятникахъ Франціи.
Теперь-же , истинную славу и не умирающую ко-
мизмъ его составляютъ комедіи , гдѣ изображалъ
онъ средній и высшій классъ людей , и гдѣ не былъ
онъ связанъ никакими отношеніями.

Всѣхъ болѣе противоположнымъ современному
духу казался Лафоншенъ , со своимъ просодушіемъ ,
своею доброшою и неискательностью. Но и въ
немъ видимъ мы придворнаго , болѣе хитраго не-
жели другіе , и , сверхъ того , сластолюбца , пре-
дававшагося всѣмъ низостямъ чувственныхъ насла-

Апрѣль 1832.

жденій. Басни, которыя составляютъ вѣнокъ безсмертія Лафонтена, Басни его патетическими не внутреннимъ смысломъ своимъ, но выраженіемъ, всегда очаровательнымъ, всегда истиннымъ, и часто нѣжнымъ. Онѣ для Французовъ другой и новый міръ пословицъ. Вотъ въ чемъ, по нашему мнѣнію, истинное ихъ достоинство, и въ чемъ вообще заключается достоинство славнѣйшихъ Баснописцевъ, по большей части переписывающихъ другъ друга. И развѣ мало оно, это достоинство? Развѣ не довольно для вѣнка безсмертія, облечь поэтическимъ выраженіемъ нравственныя истины, и въ одномъ лицѣ своемъ сосредоточить умъ цѣлаго народа? Истина одна для всѣхъ; только каждый народъ понимаетъ и выражаетъ ее по своему.

Но посмотрите на Лафонтена съ другой стороны; взгляните въ общность его сочиненій, или хотя вспомните его Сказки. Оставаясь прелестнымъ стихотворцемъ, онъ предавался шамъ всей склонности своей къ наслажденіямъ буйнымъ, хочешь и старается плѣнять одну чувственность. Правда, что многія отдѣльныя стихотворенія, и особенно многіе эпилогы его Басень выказываютъ въ немъ душу нѣжную, часто даже, являютъ вѣрные слѣды поэтической меланхоліи и грусти; но этому причиной было именно противорѣчіе личности его съ вѣкомъ, въ которомъ онъ жилъ. Лафонтенъ былъ ошъ природы безпечнаго, и еще болѣе робкаго характера; но общество сдѣлало его буйнымъ развратникомъ; онъ былъ способенъ любить, и не разъ въ жизнь свою любилъ нѣжно,

испущенно ; однакожь , проведши день въ Платоническихъ вздыханіяхъ подлѣ предмета страсти своей , онъ предавался ночью разврату самому низкому. Все это раскрылъ нашъ изыскательный вѣкъ.

Такъ былъ губителенъ воздухъ , конимъ дышали во Франціи всѣ люди , принадлежащіе къ придворному обществу. Поэзія палилась на дѣлѣ иныхъ сердець , но не смѣла появляться наружу , гдѣ заразительная атмосфера убила-бы ее. Но чѣмъ однакожь замѣнили ее люди , которые чувствовали въ себѣ что-то высшее , и не могли не передавать ощущеній , конимъ одѣваетъ насъ Провидѣніе для того , чтобы мы дѣлились ими съ міромъ ? Они замѣнили ее желаніемъ *нравиться* въ томъ обществѣ , гдѣ предполагали средоточіе всякой жизни , всего высокаго и прекраснаго.

Съ какою-то недоувѣряющею самой себѣ ироніею говоритъ Лафонтенъ , въ Предисловіи къ своимъ *Les amours de Psyché et de Cupidon* : « Главная цѣль « моя все шаже: нравиться. Для этого , я сообра- « жаюсь со вкусомъ вѣка , и , послѣ многихъ опы- « товъ , мнѣ кажется , что онъ склоненъ къ при- « ятному и шутивому (*au galant et à la plaisanterie*). « Онъ не презираетъ и страстей ; совѣтъ нѣтъ ! « Не находя ихъ въ романѣ , въ поэмѣ , въ шеа- « тральной пьесѣ , жалуюсь на это ; но въ такой « Сказкѣ какъ моя , гдѣ , правда , много чудеснаго , « но перемѣшаннаго съ шушками , и годнаго заба- « влять дѣтей , надлежало шутить съ начала до « конца , надобно было искать пріятнаго и шуш- « ка дѣлаго. »

Вотъ какія понятія имѣли объ изящномъ , вотъ къ чему стремились величайшіе гении !

Продолжительное отщупленіе наше отъ Поэмы Богдановича могло-бы показаться излишнимъ , если-бы мы писали не о явленіи того времени , когда духъ нашихъ писателей былъ одинаковъ съ духомъ Французскихъ ; когда такъ-же точно чувствуя и глядя на предметы , какъ Французы , наши заимствовали у нихъ даже всѣ ихъ изобрѣшенія и всѣ ихъ заимствованія . Писавши о Французахъ , мы писали о Рускихъ . Однимъ изъ тысячи доказательствъ послужить намъ *Душенька* .

Богдановичъ заимствовалъ предметъ ея и почти всѣ подробности у Лафоншена ; Лафоншень у Апулея ; Апулей у Лукіана , а Лукіанъ , по видимому , самъ заимствовалъ ее изъ народныхъ преданій . Любопытно замѣтишь , какъ переходило это преданіе .

Лукій , или Лукій Патрасскій написалъ прелестную сказку : *Оселъ* , гдѣ описываетъ свое превращеніе въ осла и разныя приключенія , случившіяся съ нимъ въ этомъ образѣ . Сказка его крашка , написана замысловато , и въ истинномъ духѣ Грековъ , не современниковъ золотого вѣка Греческой Поэзіи , но Грековъ , уже нѣсколько упавшихъ . Ему , какъ кажется , подражалъ Лукіанъ ; говоримъ *кажется* , ибо подлинное сочиненіе Лукіана не дошло до насъ . За то мы имѣемъ Лашинское подражаніе оному , извѣстное подъ именемъ Апулея *Золотого осла* . Если Апулей все заимствовалъ у Лукіана , то сей послѣдній есть первый творецъ *Душеньки* ,

ибо у него Лудіевъ *Оселъ* распространень и обременень множествомъ эпизодовъ и вставокъ, но большей части нелѣпныхъ, но за то онъ-же обогащенъ и драгоценнымъ сказаніемъ о Душенькѣ. Странно даже встрѣтишь этотъ очаровательный вымыселъ посреди глупыхъ разсказовъ о челоѣкѣ, очарованномъ старухой, и о томъ, какъ у другаго вѣдѣмы отрѣзали носъ, когда онъ заснулъ податъ мершвеца. Посреди разныхъ подобныхъ вздоровъ, Душенька блеститъ какъ звѣзда во мракѣ. Посему-то съ достовѣрностью можно заключать, что Лукіанъ, котораго сочиненіе знаемъ мы изъ Апулея, невиненъ въ изобрѣшеніи Душеньки, и что онъ безъ умысла помѣстилъ, на ряду съ другими, и этотъ драгоценный цвѣшокъ Древности (*).

Какъ-бы то ни было, но сказаніе о страсти самой *Любен*, или *Амура*, къ *Душѣ* или *Психеѣ*, не принадлежащъ опшдаленной Древности. Любовь боговъ къ душѣ челоѣческой наоминаетъ многія идеи Ново-Платонниковъ. Поэзія воспользовалась этимъ прелестнымъ мифомъ, которому, какъ говоритъ Гердеръ, нѣтъ равнаго въ красотѣ, и выше котораго не дѣля создать ничего. Вошъ содержаніе его, въ самомъ крашкомъ и простомъ разсказѣ.

(*) На Русскомъ языкѣ есть любопытный переводъ Апулея *Золатаго осла*, надъ которымъ трудился Баккалаевъ Ермилъ Костровъ, впоследствии знаменитый переводчикъ *Иліады*.

Жилъ Царь , у котораго было три дочери. Дѣтъ первыя были красавицы , но третья , которая называлась Психеею , была такъ прекрасна , что люди оставили храмы Венеры и начали почитать Психею богинею красоты. Оскорбленная Венера приказала Амуру заставить эту смертную нагланку влюбиться въ самаго отвратительнаго челоуѣка. Амуръ взглянулъ на Психею и влюбился въ нее самъ. Между тѣмъ отецъ , думая за кого-бы выдать младшую дочь , посоветовался съ Оракуломъ , и тотъ изрекъ ему , что Психею надобно нарядить въ траурное платье , и въ печальной процессіи отвести къ одной горѣ , гдѣ найдетъ она своего жениха , чудовище , страшное богамъ и людямъ. Отецъ повиновался. Отвезъ дочь на ужасную скалу и оставилъ ее тамъ. Зефиръ подхватилъ Психею и отнесъ въ очарованный дворецъ , гдѣ наслаждалась она всею возможною роскошью и счастьемъ , и куда каждую ночь , во время мрака , прилетала къ ней Амуръ. Онъ сказалъ ей , что она до тѣхъ поръ будетъ наслаждаться своимъ блаженствомъ , пока не вздумаетъ увидѣть его , ибо послѣ этого ожидаютъ ее ужасныя несчастія. Психея не послушала его приказанія : убѣжденная сестрами , которыя также безъ воли Амура пришли къ ней , и пѣтъ зависти увѣрили ее , что всякую ночь прилетаетъ къ ней отвратительное чудовище ; она запаслась лампадою , и въ то время какъ Амуръ спалъ глубокимъ сномъ , подошла къ нему , и въ восторгѣ , въ изумленіи , при видѣ самой Любви , капнула на него горящимъ масломъ. Амуръ вспорхнулъ и съ укорами оставилъ ее. Долго бродила безутѣшная Психея ; хо-

шла утопиться, но не могла; искала всюду Амура и наконецъ явилась къ самой Венерѣ. Злая богиня красоты налагала на нее самыя тяжкія работы и испытанія; но Амуръ тайно помогалъ своей возлюбленной. Последнимъ и самымъ опаснымъ испытаніемъ для Психеи было приказаніе: сойдти въ область тѣней и принести отъ Прозерпины ящичекъ съ назью красоты. Она однакожь счастливо совершила и эшотъ подвигъ, но полюбоществовала, открыла ящичекъ, и смертный ярь поразилъ ее. Къ бездыханной явился Амуръ и прикосновеніемъ стрѣлы оживилъ ее. Наконецъ Венера умилостивилась; Юпитеръ принялъ Психею въ саннъ бессмертныхъ, и она соединилась съ Амуромъ. Это происшествіе праздновали на Олимпѣ съ величайшимъ торжешествомъ. Зависшьяя сестры Психеи убивались, бросившись со скали.

Изящный геній Лафоншена постигъ прелесть эшого сказанія; но умъ его, прикованный къ вѣку золотую цѣпью современнаго общества, охолодилъ и даже во многомъ исказилъ очаровательный Греческій мифъ. Онъ глядѣлъ на него какъ на забавную сказку, гдѣ можно вкешить много милыхъ вещей о любви, о женщинахъ, о красотѣ, и прочемъ. Такъ и сдѣлано. Не смотря на то, что любовь *Психеи и Купидона* описана у Лафоншена прекраснымъ языкомъ, самый рассказъ его не совсѣмъ сообразенъ съ предметомъ, который требовалъ большей простоты. А кто-бы, кажется, могъ быть для эшого способнѣе Лафоншена, названнаго и современниками и потомствомъ *простодушнымъ*? Но

много необыкновенный гений не могъ предаться своему сердечному стремленію. Что сказали-бы о немъ Буало? Что сказали-бы придворныя дамы? Передъ нимъ было два пути: или сдѣлать великолѣпную поэму, воскресить въ ней всю Мифологію Греческую, обогатить ее нѣсколькими эпизодами; и написать надушымъ слогомъ; или, выдавъ свое сочиненіе за пріятную шушку, за бездѣлку, за искру веселаго досуга. Слава ему, что онъ предпочелъ послѣднее. Онъ написалъ свою *Психею* прозою, и въ Предисловіи признается, что проза сшюма ему такихъ трудовъ, какъ стихи. «Я не зналъ, говоритъ онъ, какой характеръ избрать? Характеръ Исторіи? слишкомъ простъ. Романа? еще не довольно цвѣтистъ; а характеръ Поэмы уже былъ-бы слишкомъ изукрашеннымъ. Лица мои требовали *пріятнаго*; приключенія ихъ, во многихъ мѣстахъ исполненныя чудеснаго, требовали чего-то *геронческаго* и *возвышеннаго*. Употребить въ немъ мѣстъ одно, въ другомъ другое — не позволяешь: единообразіе слога есть самое тѣсное изъ всѣхъ нашихъ правилъ.»

Видите-ли въ этихъ словахъ, какъ худо понимали тогда древнюю простоту? Прелесть самаго вымысла ни сколько не поражала гениальнаго человѣка, и не входила въ его соображеніе. Разсказъ, хорошій разсказъ, *приличный*, по *правиламъ* разсказъ: вотъ что было нужно ему! Какъ будто предчувствуя будущую Кришку, Лафоншенъ говоритъ между прочимъ: «Смотрите на мое сочиненіе безъ отношеній къ тому, что сдѣлалъ Апу-

лей ; а на то , что сдѣлать Апулей , безъ отноше-
ній къ моей книгѣ : предоставляете рѣшеніе вкусу . »
Нѣтъ , великій , неподражаемый Баснописецъ ! Мы
согласимся , что отъ вкуса зависяшъ дѣлать двухъ-
аршинную или вровень съ головой прическу , на-
зашъ лицо румянами и лѣпить на него мушки ; но
не согласимся никогда , чтобы отъ вкуса зависѣло
надѣвать кафтанъ или женское платье на Грече-
скую спашую : шутъ не вкусъ , шутъ чувство изя-
щнаго есть верховный судія . А изящное равно и
въ глазахъ Грека , и въ глазахъ насъ , жителей хо-
лоднаго , далекаго сѣвера .

Но въ шакомъ видѣ , въ разсказѣ придворнаго по-
ята досталась нашему Богдановичу басня о Ду-
шенькѣ .

Мы представили очеркъ тогдашняго общества ,
бывшаго одинакимъ и во Франціи и во всѣхъ обра-
зованныхъ странахъ , разумеется съ разными от-
тѣнками . По крайней мѣрѣ у насъ , въ Россіи , по-
нятія лиштературныя были цѣликомъ перенесены
изъ Франціи . Явленіе сіе шло страннѣе , что у
Французовъ , какъ мы видѣли , оно было сѣдствіемъ
общихъ событій ; но у насъ , умы , ослабленные
слагою Французскихъ писателей , безъ разсужденій
приняли всѣ условія , всѣ причуды и прихоти чу-
жого устава Лиштературы . Это имѣло чрезвычай-
но губительное вліяніе на общій ходъ Лиштерату-
ры , ибо лишило Поэзію нашу развитія самобыт-
наго .

Удивимся-ли , что Богдановичъ , котораго не лзя
и подуматъ сравнивать съ Лафонтеномъ , удиви-
ся-ли , что и онъ былъ увлеченъ общимъ примѣромъ ,

что и онъ просто воссѣдовалъ своему образцу, передавъ на Русскомъ стихами то, что нашелъ у Лафонтена?

Конечно, это не было-бы удивительно. Удивительно то, что Богдановичъ пошелъ своею дорогою. Онъ, правда, заимствовалъ все изъ Лафонтена, однакожь придавъ всему особенный характеръ, особенный цвѣтъ, отличающійся въ рассказѣ его на тысячу општыковъ.

Что въ *Душенькѣ* принадлежитъ собственно Богдановичу? Что заимствовалъ онъ у Лафонтена, кромѣ основанія разсказа, которое безспорно принадлежитъ сему послѣднему? Какое вліяніе имѣли на Русскаго Поэта современныя понятія Литтературныя и вообще въкъ? Наконецъ: въ чемъ заключается достоинство его произведенія, пережившаго множество явленій литтературныхъ, и еще надежнаго къ долгой жизни?

Вотъ вопросы, которые постараемся мы разрешить въ слѣдующей статьѣ нашей. Мы видѣли сферу, гдѣ жилъ нашъ Поэтъ; видѣли происхожденіе и переходы басни, которую взялъ онъ въ основаніе своей повѣсти; видѣли, что сдѣлалъ изъ нея геніальный Французскій писатель. Посмотримъ, какое превращеніе совершилось съ нею при звукахъ лиры Поэта Русскаго.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ).

СОВРЕМЕННАЯ БИБЛИОГРАФІЯ.

РУССКАЯ ЛИТТЕРАТУРА.

— Recueil des actes de la séance publique de l'Académie IMPÉRIALE des sciences de St. Pétersbourg, tenue le 29 Décembre 1831 (*Собрание актов публичнаго заведенія Императорской Академіи Наукъ*, бывшаго 29 Декабря 1831 года). 1832. Въ т. Акад. Наукъ. XVI и 140 стр. in-4.

С. Петербургская Академія Наукъ, основанная по мысли Великаго Петра, оказавшая незабвенныя услуги Наукъ и Отечеству, заключавшая въ средѣ своей Бернуллиевъ, Эйлеровъ, Байеровъ, Миллеровъ, Шлецеровъ, Ломоносовыхъ, и нынѣ гордящаяся именами Шторховъ, Круговъ, Френовъ, Остроградскихъ, конечно есть первое изъ Россійскихъ ученыхъ заведеній. Труды нашей Академіи Наукъ могутъ показывать, на какой почкѣ находящися у насъ — не просвѣщеніе, не образованность, коихъ должно искать въ кругу общественномъ — а Наука, въ высшемъ ея значеніи. Это, можно сказать, *представительство* учености въ нашемъ ошечествѣ. Съ сей точки зрѣнія всегда любопытно и поучительно

видѣшь: что совершила Академія въ истекшій годъ, и въ какомъ состояніи находишься она ?

Въ книгѣ *Собраніе актовъ* заключаются слѣдующія свѣдѣнія : *Состояніе Академіи въ концѣ 1831 года*, или списокъ Академиковъ и Членовъ Почетныхъ и Корреспондентовъ ; *Отгетъ за 1831-й годъ*, читанный Непремѣннымъ Секретаремъ , Г-мъ Фусомъ ; *Краткое обозрѣніе успѣховъ* , коими познаніе животныхъ тѣлъ обязано *СПбурской Академіи Наукъ* (на Нѣмецкомъ, сочиненіе Академика Брандта), съ двумя приложеніями , содержащими въ себѣ *Хронологическій списокъ ученыхъ Разсужденій Зоологическихъ* и проч., помѣщенныхъ въ сочиненіяхъ Академіи ; *Краткія Біографіи Мессершмидта, Дювернуа, Вейтбрехта, Шрейбера, Аммана, Вильде, Вольфа* ; — *Состязаніе о Технологической задачѣ*, предложенной въ 1829 году ; *Математическая задача на 1833-й годъ* ; *Списокъ сочиненій, принесенныхъ въ даръ Академіи.*

Ясно , что изъ всѣхъ сихъ свѣдѣній , особенное вниманіе наше должна обратишь на себя *Исторія Академіи* за 1831-й годъ , изъ коей можемъ мы видѣть занятія , подвиги и надежды Академіи. Другія свѣдѣнія обращаютъ на себя одно любопытство, или ученое вниманіе людей , исключительно посвящающихъ себя *Наукѣ* ; но отчепь , читанный Г-мъ Фусомъ , любопытенъ для всякаго просвѣщеннаго человека. Представляемъ извлеченіе изъ онаго, въ которомъ будемъ слѣдовать за изложеніемъ Г-на Непремѣннаго Секретаря.

1831-й годъ былъ тяжелымъ годомъ для всего Отечества нашего. Академія также не избѣгла отъ

важныя обстоятельства неблагопріятныхъ. Многіе Члены ея были принуждены, во время господствовавшей въ Петербургѣ эпидеміи, искать въ окрестностяхъ города отдохна для души и тѣла. Два мѣсяца не было засѣданій въ Академіи, и внѣшнія сношенія ея пріостановились. Впрочемъ дѣятельность Академіи не прерывалась.

Въ продолженіе года Высочайше утверждены въ званіи Академиковъ: Г-нъ Брандшъ, изъ Берлина, по части Зоологіи; Г-нъ Гессъ, по Химіи; Г-нъ Остроградскій, по части Прикладной Математики; избраны: Г-нъ Шмидтъ и Г-нъ Шёгрень, первый для Литературы и Древностей Восточныхъ, другой для Исторіи и Древностей Русскихъ; уволенъ Г-нъ Лангсдорфъ, съ пожизненною пенсіею въ 5000 рублей, и съ сохраненіемъ ежегодно получаемыхъ имъ 300 червонцевъ, за кругосвѣтное путешествіе съ Г-мъ Крузенштерномъ. Академія лишилась одиннадцати изъ своихъ Почетныхъ Членовъ и Корреспондентовъ, коими были: Его Императорское Высочество Цесаревичъ Константинъ Павловичъ, Генералъ Графъ Шшейнгейль, Адмиралъ Сениavinъ, Фельдмаршалъ Графъ Дибичъ-Забалканскій, Генералъ Графъ Опперманъ, Дѣйств. Сшашск. Совѣтъ. Вярстъ, Адмиралъ Сарычевъ, Баршольдъ Георгъ Нибуръ, Графъ Каподистріа, Профессоръ Щегловъ, Вице-Адмиралъ Головинъ. Вновь избраны, въ Почетные Члены: Каммергеръ П. Н. Демидовъ; Адмиралъ Князь А. С. Меньщиковъ; Министръ и Сшашск-Секретарь Д. В. Дашковъ; Директоръ Ночшов. Деп., Тайный Совѣтникъ К. Я. Булгаковъ; Августинъ Луи Коши, знаменитый Математикъ,

Членъ Парижской Академіи Наукъ ; въ Члены-Корреспонденты : Г-нъ Германъ, Управляющій Техническою частью Московскаго заведенія искусственныхъ минеральныхъ водъ ; Полевой, Издаватель Московскаго Телеграфа и Авторъ Исторіи Русскаго народа ; Г-нъ Вейнманъ, Ботаникъ Павловскаго сада ; Г-нъ Фрейшагъ, Профессоръ Восточныхъ языковъ въ Берлинскомъ Университетѣ ; Г-нъ Серюласъ, Членъ Парижской Академіи Наукъ.

Академическіе Кабинеты не сдѣлали приобрѣтеній важныхъ, огромныхъ, однакожъ, изъ числа многихъ можно замѣтить : 95 поршѣлей славнаго Исторіографа Миллера, по Высочайшему повелѣнію ошданныхъ Академіи, и превосходный кусокъ изумрудной руды, найденный близъ Екатеринбурга, и также присланный по Высочайшему повелѣнію.

Въ продолженіе года, Академія издала шринадцать ошдѣльныхъ сочиненій, не считая изданныхъ Академиками на свой счетъ. Болѣе сорока диссертцій было читано въ засѣданіяхъ; въ томъ числѣ 33 сочиненія Академиковъ.

Первый томъ ошдѣленія Наукъ Математико-Физическихъ, и первый Собранія Записокъ различныхъ ученыхъ, окончены. Ошдѣленіе Наукъ Историческихъ, Филологическихъ и Политическихъ, не могло издать книги, пошому что многіе изъ Членовъ сего ошдѣленія представили сочиненія слишкомъ обширныя, или, по разнымъ причинамъ неоконченныя. Впрочемъ, четвертая шестрадь тома издана.

За сию, въ отчетѣ Г-на Непремѣннаго Секретаря слѣдуешь извѣстіе объ отдѣльных трудахъ Академиковъ, какъ-то : о Курсѣ Небесной Механики и Математической Физики, Г-на Остроградскаго, о Русскомъ переводѣ сочиненія Коши, Г-на Буяковского (см. Тел. 1831 г. № 15), о Химіи Г-на Гесса, объ огромномъ сочиненіи Г-на Купфера касательно Кристаллографіи, о продолженіи Ботаническаго сочиненія Г-на Триніуса, о донесеніи Г-на Мейера, ботаника, путешествующаго на Кавказѣ, о ботаническомъ сочиненіи Г-на Брандта, касательно ядовитыхъ растений Германіи, издаваемомъ вмѣстѣ съ Г-мъ Рацебургомъ, и наконецъ о Монгольской Грамматикѣ Г-на Шмидша. Академія также приобрѣла два неоконченныя, но важныя сочиненія знаменитыхъ ботаниковъ, Палласа и Маршала-Биберштейна, и намѣрена издашь ихъ, дополнивъ своими трудами.

Предѣлы спашья нашей не позволяють намъ заняться важнымъ отдѣленіемъ трудовъ Академіи: *Записками*, читанными въ частныхъ собраніяхъ оной. Здѣсь многіе предметы, изслѣдованные Гг. Академиками, достойны особеннаго вниманія. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что міръ ученыхъ приобрететь важныя наблюденія и глубокомысленныя изслѣдованія, когда будутъ изданы сіи труды Гг. Академиковъ.

Изъ ученыхъ предпріятій Академіи, особенно замѣчательны: Проектъ объ изданіи полной Флоры Россійской, и труды Гг. Купфера и Ленца, касательно точнаго опредѣленія барометрической вы-

сошны при берегахъ моря. Предметы сія кажутся намъ такъ важны, что здѣсь мы будемъ просить переводить слова Г-на Непремѣннаго Секретаря.

« Потребность въ общей Флорѣ Россійской была чувствуема еще во времена Екатерины II-й. Тѣмъ ошущительнѣе потребность сія нынѣ, когда въ познаніи растений почти всѣхъ частей свѣта совершаются постепенные успѣхи. Россія, занимающая девяшую часть всей обитаемой земли, и двадцать осьмую всей земной поверхности, еще очень мало извѣстна въ ботаническомъ отношеніи. Съ этимъ не лзя не согласиться, вспоминая, какъ не велико число нашихъ мѣстныхъ Флоръ, и какъ недоспачны росписи, за шридацать лѣтъ извлеченія, трудами Георга, изъ путешествій Академиковъ. Но сія-то мѣстная Флора (например, Алтайская Гг. Ледебура, Мейера и Бунге), столь богатая, возбуждаютъ желаніе узнать сокровища другихъ мѣстъ нашей обширной Имперіи, между тѣмъ какъ Ингрійская Флора Соболевскаго, и даже Тавро-Кавказская Маршала-Биберштейна, требуютъ важныхъ исправленій, чтобы сдѣлаться дѣйствительно полезными Наукѣ. Впрочемъ, даже не думая о выгодахъ, какія получила-бы отъ сего Ботаника систематическая, собственно такъ называемая, легко понять, сколь полезно было-бы для самой Географіи растений, узнать въ точности мѣстоположеніе произрастаемыхъ на обширной почвѣ Россіи.

« Но одинъ ботаникъ, сколько-бы ни былъ богатъ его собранія Русскихъ произрастаемыхъ, не въ слѣ-

лѣхъ выполнить требованій Науки : только содѣйствіе всѣхъ отечественныхъ ботаниковъ можетъ дать надежду достигнуть сей цѣли , и не однимъ , вдругъ написаннымъ сочиненіемъ , но посредствомъ трудовъ продолжительныхъ и постоянныхъ. Академія предлагала указать путь къ сему важному послѣдствію. Она постановила , согласно съ лучшими ботаниками Петербургскими и Дерптскими , пригласить программу всѣхъ Русскихъ ботаниковъ соединиться , и общими силами составить *Продромъ Флоры Россійской* , ибо прежде всего надобно собрать матеріалы , которые со временемъ послужатъ къ составленію большаго , предполагаемаго сочиненія.

« Число всѣхъ сотрудниковъ и собирателей , къ коимъ отнеслась Академія съ приглашеніемъ , простирается до 60-ти. Въ семъ спискѣ находятся имена Гг. Фишера , Триніуса , Вонгарда , Брандта , Мейера , Прескошта , Петербургскихъ , и , сверхъ того , всѣ Профессоры Ботаники въ отечественныхъ Университетахъ , и многіе ревностные ботаники , находящіеся на всемъ пространствѣ Имперіи , отъ границъ Польши до Петропавловскаго Порта и Сѣверо-Западнаго берега Америки , и отъ Архангельска до Персидскихъ , вновь завоеванныхъ областей. Академія твердо увѣрена , что предпріятіе сіе совершенно согласно съ желаніемъ всѣхъ Русскихъ Ботаниковъ , и что каждый изъ нихъ приметъ живѣйшее участіе въ семъ важномъ трудѣ.

« Сначала надобно будетъ согласиться , какое семейство растений изберетъ себѣ каждый сотрудникъ ; но , дабы трудъ былъ по возможности еди-

Апрѣль 1832.

27

нообразенъ, къ каждому экземпляру программы присоединенъ образецъ описанія цѣлаго семейства. После раздѣленія семействъ, каждый изъ сотрудниковъ, кто имѣетъ собраніе травъ, будетъ долженъ, и для пользы предпріятія конечно поспѣшествуя самъ, сообщить сотрудникамъ своимъ всѣ виды, какіе есть у него изъ другихъ семействъ, избранныхъ ими. Сама Академія подастъ къ тому первый примѣръ, и ея богатыя гербаріи дадутъ ей въ семъ случаѣ средство могущественнаго пособія. Само собою разумѣется однакожъ, что не только всѣ растенія, сообщенныя такимъ образомъ отъ одного другому, должны быть тщательно возвращены по окончаніи труда, но и что сверхъ сего, всѣ сотрудники постараются, для собственной ихъ чести, внести въ гербаріи Академіи, какъ въ центральный архивъ сего учрежденія, по нѣскольку экземпляровъ, дабы оныя служили оригинальными свидѣтельствами и представительствами семействъ, обработанныхъ ими. Окончательная редакція сочиненія будетъ произведена подъ смотрѣніемъ Академіи, Центральнымъ Комитетомъ, который учредится въ Санкт-Петербургѣ. Трудъ сей будетъ издаваться тетрадями, изъ коихъ первыя надѣмся мы представить публикѣ года черезъ три или четыре. Каждый сотрудникъ получитъ изъ оныхъ по одному экземпляру, сверхъ условленнаго вознагражденія за каждый представленный трудъ. Только послѣ совершеннаго окончанія Продрома прислуплено будетъ къ составленію самой Флоры. Почитаемъ излишнимъ прибавлять, что каждое семейство явится подъ именемъ того, кто занимался онымъ, и что даже объ

именахъ простыхъ собирателей будетъ упомянуто съ признательностью. Для доставленія симъ послѣднимъ средства сопровождать свои присылки точными указаніями Географическими, къ программѣ прибавлено наставленіе, какъ употреблять барометръ для измѣренія высотъ.

« Знаменитый Лапласъ, о смерти котораго не перестанешь стновать ученый міръ, Лапласъ, въ послѣднее время жизни своей, обратилъ вниманіе Парижской Академіи на нѣкоторые предметы, особенно подлежащіе изслѣдованію Академій. Каждый ученый отдѣльно, по эгоизму, весьма естественному и извинительному, предпочтительно посвящаетъ себя трудамъ, коихъ самъ надѣется видѣть сѣдствія; Академіи должны покровительствовать и начинать изслѣдованія, которыя имѣють цѣль болѣе отдаленную, хотя не менѣе вѣрную, и которыя должны принести плоды одному потомству. Къ такимъ трудамъ принадлежатъ, между прочимъ, точное опредѣленіе состава и давленія атмосферы, измѣреніе дѣятельности магнетическихъ силъ на различныхъ точкахъ земли, изслѣдованіе средней температуры воздуха и почвы въ тѣхъ-же мѣстахъ, и проч. Всякій согласится, что если-бы въ первые вѣка образованности рода человѣческаго собирали подобныя наблюденія, какими обладаетъ Астрономія съ самыхъ отдаленныхъ временъ, то теперь, при всей неполнотѣ оныхъ, мы уже знали-бы перемѣны, испытанныя сими элементами въ теченіе вѣковъ, и Физика земнаго шара не была-бы сборомъ гипотезъ, болѣею частію неосновательныхъ: она за-

нимала-бы почетное мѣсто въ кругу Наукъ точныхъ, на ряду съ Астрономіею.

«Г-нъ Купферъ, имѣя рѣшительную склонность къ изысканіямъ сего рода, даръ наблюденія и поспоянство неутомимое, изъявляъ Академіи желаніе, посвятивши часть своего времени одной изъ сихъ задачъ, для чего самое мѣстоположеніе нашей столицы представляетъ всѣ необходимыя удобства. Задача сія: точное опредѣленіе барометрической высоты на берегу моря. Кто занимался сего частію Физики, тому извѣстно, какъ недостаточны средства наши для точнаго опредѣленія высшаго давленія атмосферы, или, иными словами, для отысканія всегдашней истѣрности барометра. Правда, есть превосходныя изслѣдованія измѣненій сего давленія. Надобно только вспомнить труды Карлани, Буvara и Гелльштрома. Но при сравненіи двухъ барометровъ открываеиъ такая великая разница, что донныъ, среди сихъ неправильностей, было невозможно опредѣлить высшей величины. И между тѣмъ, великій вопросъ, измѣнился-ли среднее давленіе атмосферы, или нѣтъ, можеть бытъ рѣшенъ только посредствомъ сихъ высшихъ величинъ, и сравненіемъ оныхъ въ вѣкахъ. Надобно, чтобы пріиѣръ Г-на Купфера нашелъ подражателей, и мы будемъ знать, по крайней мѣрѣ, одинаково-ли сіе среднее давленіе на берегахъ всѣхъ морей.

«Другая выгода, представляемая Петербургомъ для сихъ изысканій: долгоевременныя и чрезвычайно точныя барометрическія наблюденія Г-на Вишневскаго. Высота моря наблюдается въ Кроншта-

нѣ ежедневно, и она не подвержена такимъ большимъ измѣненіямъ, какія производить въ другихъ моряхъ приливъ и отливъ. Относительная высота между Петербургомъ и Кронштадомъ менѣе быль съ величайшею точностью опредѣлена, посредствомъ соотвѣствующихъ наблюденій. Слѣдственно, всѣ части труда были приготовлены; оставалось только найти методу для точнѣйшаго опредѣленія постоянной ошибки въ барометръ Г-на Вишневскаго. Метода найдена, и Г-нъ Купферъ началъ свой трудъ, въ которомъ обѣщалъ помогать ему Г-нъ Ленцъ. Академія не колебалась ободрить сіе полезное предпріятіе, и объ успѣхахъ оного будемъ поспешно увѣдомлять публику.»

Далѣе Г-нъ Непременный Секретарь представилъ свѣдѣнія объ Археографическомъ путешествіи Г-на Строева, на которое Академія употребляетъ большія издержки, и о Физическо-Астрономическомъ путешествіи въ Кышанъ и Сибирь, Гг. Георга Фуса и Бунге. За симъ слѣдуютъ: извѣстія о разныхъ рукописяхъ и предметахъ, разсмотрѣнныхъ Академіею по препорученію Правительсва, и краткое извѣстіе объ учрежденіи Демидовскихъ наградъ.

Числаиеліи наши видятъ и важность трудовъ, занимающихъ Академію, и направленіе къ предметамъ высшей учености, достойныхъ столь знаменитаго сообщества. Мы увѣрены, что будущій отчетъ ея представитъ послѣдствія, еще болѣе удовлетворительныя и блистательныя.

— *Государственная вѣтшняя торговля 1831 года, въ разныхъ ея видахъ.* СПб. 1832. Въ т. Деп. Вѣтшней Торговли. 76 стр. in-4.

Почитая книгу сію однимъ изъ важнѣйшихъ документовъ Государственной Статистики Россіи, мы постоянно извѣщаемъ читателей нашихъ о каждагодномъ выходѣ ея въ свѣтъ, и, по возможности, представляемъ главнѣйшіе выводы изъ оной. Такъ поступимъ и нынѣ.

Неблагопріятныя обстоятельства, коими начался для Россіи 1831-й годъ, заставляли опасаться, что вѣтшняя торговля наша потерпитъ большое сѣщеніе. Распространеніе холеры до портовъ Архангельскаго, С. Петербургскаго, Рижскаго, Ревельскаго, и другихъ; строгія карантинныя мѣры, принятыя въ иностранныхъ земляхъ; война въ Польшѣ и безпокойства въ западныхъ губерніяхъ, чрезвычайно затрудняли торговые обороты; даже на Каспійскомъ морѣ и въ Грузіи торговля пострадала отъ бывшихъ въ Персіи безпокойствъ и заразы. « Не взирая однако на всѣ сіи неблагопріятныя событія, вѣтшняя торговля наша, сверхъ всякаго ожиданія, немногимъ уменьшилась поспѣвъ 1830-го года, который, какъ извѣстно, превышалъ предшествовавшіе годы: доказательство, что дѣятельность частная нашла возможность преодолѣть или смягчить всѣ препоны. »

Всѣхъ товаровъ отпущено было въ 1831 году,

за границу, на 244,424,257 р.

въ Финляндію на 1,909,341 —

всего на 246,333,598 р.

Привезено :

изъ-за границы на . . . 176,358,626 р.

— Финляндіи на . . . 637,088 —

всего на . . 176,995,714 р.

изъ Россіи отпущено товаровъ болѣе на 69,337,884 р.

Торговля съ Царствомъ Польскимъ, по причинѣ бывшей войны, прекратилась совершенно, и начала возникать уже въ исходѣ 1831 года, но по малозначительности своей не могла войти въ соображеніе при составленіи торговаго баланса. Торговля съ Бессарабією, сдѣлавшаяся, по перенесеніи въ началѣ 1831 года Днѣстровской таможенной черты на Прушь и Дунай, внутреннею, также не входитъ въ балансъ торговли заграничной.

Главнѣйшими статьями отвозной торговли были: пшеница (на 40,804,289 р.), рожь (на 14,340,994 р.), ленъ, (на 23,119,005 р.), пенька, (на 17,688,509 р.), сало, (на 40,235,804 р.), сѣмя льняное, (на 15,291,606 р.).

Въ привозѣ всего болѣе было бумаги бѣлой *пряденой*: на 30,600,458 р. (582,720 пудовъ), тогда какъ хлопчатой получено только на 2,179,727 рубл. (104,549 пудовъ). Свѣдѣніе, чрезвычайно любопытное! Оно показываетъ, какъ много еще должно намъ заводить бумагопрядильнъ, и оправдываетъ рвеніе, съ коимъ учреждающся сіи заведенія. За сими важнѣйшими статьями были: сахаръ (на 24,621,265 р.), бумажныя издѣлія (на 10,028,607 р.),

и виноградныя вина (Шампанскаго 373,545 бут., на 2,262,194 р., и другихъ винъ на 8,389,284 р.). Еще замѣчательно, что одного индиго получено на 5,440,608 р., и соли поваренной на 6,866,787 руб.!

Цѣны на Россійскіе товары не только не уменьшились, но на нѣкоторые еще и возвысились; иностранные-же товары вообще въ цѣнахъ своихъ прѣмѣнно упали.

Россійской золотой и серебряной монеты (вывозъ коей разрѣшенъ Указомъ 4 Октябрю 1830 года) вывезено за границу только на 695,834 р., между тѣмъ какъ привезено въ Россію золота и серебра на 44 милліона рублей. Это доказываетъ неосновательность опасеній, что дозволеніе вывозить звонкую монету можешь произвести недостатокъ въ благородныхъ металлахъ.

Собственно таможенныхъ доходовъ поступило въ казну 69,182,169 р. 74 коп.; пошлороннихъ въ пользу Государственнаго Казначейства 995,151 р. 23¹/₂ к.; въ пользу разныхъ городовъ и мѣстъ 1,404,554 р. 78 к.; всего 71,581,895 р. 75¹/₂ к.; прошлымъ 1830 года болѣе 3,217,797 р. 35¹/₂ коп. Важнѣйшій торгъ, то есть отпускъ товаровъ за границу и полученіе оныхъ въ Россію, производили слѣдующіе купеческіе дома: Шлегель на 30,294,932 р.; Томсонъ, Вильсонъ и Харвей на 15,444,898 р.; Клеменъ и Тундеръ на 15,397,951 р.; Гольфордъ на 12,588,423 р.; Мишчель и Компанія на 10,238,933 р.; Брандъ съ сыномъ (Архангельскій) на 10,128,387 р.; Амиро 9,997,253 р.; обороты всѣхъ другихъ не достигали 10 милліоновъ.

— *Рѣчь о необходимости отечественнаго воспитанія*, произнесенная въ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ, 11 Декабря 1831 года, Инспекторомъ и Ординарнымъ Профессоромъ М. Талызинымъ, при торжественномъ (?) испытаніи воспитанниковъ, произведенномъ по окончаніи двухгодичнаго предварительнаго курса. Спб. 1832. Въ ш. 1 Кадетскаго Корпуса 10 стр. in-4.

Мы конечно не упомянули-бы объ этой книжкѣ въ Библіографіи нашей, можешь быть даже пошуму, что торжественныя рѣчи обыкновенно исчезающъ, вѣтъ съ звуками лшавръ, улаждающими слухъ пошшителей, и не доходящъ до самыхъ усердныхъ библіомановъ.

Но мы получили Рѣчь Г-на Талызина отъ незнакомой особы, при письмѣ, въ которомъ просишь насъ выикнуть въ нее и бытъ къ ней безприсшрасшнго Издашелей Сѣверной Пчелы. Благодаримъ незнакомую особу, и уларяемъ ее, что мы будемъ безприсшрасшны къ сочиненію Г-на Талызина. Не помнимъ, чшбъ сказала о немъ Сѣверная Пчела, и даже не хотимъ справляшсь объ этомъ: шзмъ независимій будешъ наше мѣнше.

Г-нъ Талызинъ былъ извѣстенъ намъ до сихъ поръ какъ сочинишсь Логики, умно и хорошо написанной, и какъ авторъ прекрасныхъ, дѣльных и благородныхъ статей о книгѣ: *Военное Краснорѣчіе*. Имя Г-на Талызина всегда пробуждало въ насъ воспоминанія пріятныя.

Тѣмъ съ большимъ изумленіемъ прочли мы Рѣчь его, и даже нѣсколько времени сомнѣвались: пошѣ-

ли это Авторъ , который доставилъ намъ нѣкогда столько удовольствія? Послѣ этого мы должны объяснить: отъ чего родилось наше сомнѣнiе? Просимъ читатьъ.

Предметъ , избранный Г-мъ Талызнымъ , былъ достоинъ глубокомыслия Платонова и Краснорѣчiя Цицероновскаго. Что можешь быть выше , свяще , прекраснѣ любви къ отечеству , и слѣдственно воспитанiя , развивающаго эту любовь , эту страсть душъ благородныхъ и народовъ великихъ? Если вообще страсти необходимы для блестящихъ , великихъ подвиговъ , то предметомъ страсти цѣлаго народа; даже единственную страсть его должна быть любовь къ отечеству; ею мы , Рускiе , въ 1612-мъ и Испанцы въ 1812-мъ спасли свое отечество отъ чуждаго ига ; ею даже Китайцы прожили нѣсколько тысячъ лѣтъ : доказательство , что любовь къ роднымъ камнямъ и воздуху даетъ жизнь и долготѣ , и что ею творится все великое , все прочное... Но истины сiя въ душѣ каждого изъ просвѣщенныхъ читателей нашихъ: оправдываемся въ ошущенiи нашемъ не новою , однакожь всегда вѣрною аксиомою , что о близкихъ предметахъ заговариваешься невольно.

Посмотримъ , какiя средства предлагаетъ Г-нъ Талызный , для развитiя священной любви къ отечеству.

Сказать , что общество , достигшее извѣстной степени образованности , не можетъ обойтись безъ умственныхъ сношенiй съ другими народами ,

онъ начинаешь вопіяшь прѣшивъ иноземнаго воспитанія Рускихъ , и въ доказательство приводишь или исключенія , или небывалое ; а это никогда не убѣдительно. Зачѣмъ представляешь предметы въ неистинномъ видѣ ихъ ? Когда , напримѣръ , было время , что мы : « Подъ смотрѣніемъ иноплеменниковъ раздружились было съ отечественнымъ словомъ , отчуждились многихъ священныхъ обрядовъ « Вѣры , съ пренебреженіемъ смотримъ издали на « дѣдовскіе обычаи и забавы нашей меньшей братіи : « все это кажется намъ грубо. »

Мы знаемъ Россію не по одному Петербургу , и смѣемъ увѣрить Г-на Сочинителя , что этого не было въ отечествѣ нашемъ и нѣтъ нигдѣ , начиная отъ великолѣпныхъ столицъ , до деревушекъ на берегахъ Ангарты и Чернаго моря. Сочинитель ссылается на книгу, изданную противъ чужезычія. При всемъ уваженіи нашемъ къ Автору сей книги , скажемъ , что не она обратила Рускихъ къ большому усовершенію книжнаго языка. Тамъ споръ шелъ о сочиненіяхъ нѣсколькихъ писателей , которые или всѣ умерли , или остались неисправимы : нынѣ дѣйствуетъ поколѣніе новое.

Вотъ еще нѣсколько обвиненій Г-на Сочинителя : « Не знаю , славно-ли было для насъ , что дѣла « Россіи рассказывали съ подробностію о дѣлахъ « Фараона и Королей шунедцевъ , и оказывали « сомнѣніе , когда имъ повѣствовали о подвигахъ « Святослава , Владиміра Великаго , Мономаха , Невскаго , Донскаго , ибо иностранцами было замолковано имъ , что Исторія Россіи начинается съ

« Петра Великаго , и то не занимашельма? Не знаю, сколько получала Россія пользы отъ шого , что они въ состояніи были переселишывашь всѣ горо- « да и пригороды Зарейскіе , а на каршѣ ошече- « ства могли показашь только Москву и Пешербургъ, « извѣстные имъ пошому, что шамъ были Немецкіе « и Французскіе театры? Умножишся-ли въ дѣшахъ « любовь къ ошечеству и согражданахъ отъ любви « къ чужеземнымъ обычаямъ и ушѣхамъ , и отъ мы- « сля, поселяемой въ нихъ съ молокомъ кормилицы , « что нравы Россійскіе суть нравы варваровъ? » Кто не согласишся, что эша картина слишкомъ и слишкомъ перекрашена въ шемный цвѣтъ? Но все- го удивишесь, что Сочинишель думашь дока- зывашь одно, а изъ словъ его выходитъ другое. Развѣ эшо худо, что у насъ дѣши рассказывали подробностями историческія и сомнѣвались о подвигѣ Святослава, въ самомъ дѣлѣ полу-баснослов- ныхъ? Развѣ отъ эшого менѣе могли они любить свое ошечество? Развѣ не справедливо, что новая Исторія Россіи начинается съ Петра? Между шѣмъ эша-же дѣши знали и подвиги Святослава; слѣд- ственно они хорошо знали Исторію. Только я не думаю, чтобы все эшо было когда нибудь, шакъ-же какъ не вѣрю, чтобы дѣши понимали всѣ пригороды Зарейскіе, а въ Россіи знали только Москву и Пе- шербургъ по вноспраннымъ театрамъ, кошорыхъ даже и не было шамъ, и которые учреждены въ издавнее время. Но, вотъ до чего доводишь при- сшрасшный взглядъ : и молоко кормилицъ нашихъ показалось Г-ну Сочинишесю чужеземнымъ! Но чѣмъ-

не прикажете кормить дѣшей? Неужели древними харшіями?

Просимъ однакожь подумать, и, если можно, догадаться, чѣмъ предлагаетъ Г-нъ Сочинитель замѣнить или исправить мнимо-чужеземное восписаніе? Вѣрно не угадаетъ никто! Онъ рекомендуетъ: *кулачные бои, борьбу, ристанія на коняхъ, бѣгніе въ запуски, быстрыя устремленія на крутизны, смѣлые скачки съ высотъ въ глубокіе потоки*, и прибавляетъ: «Ежели, возстановить сіи *отечественныя* (*) игры, мы не увеличили-бы храбрости сыновъ нашихъ, то, по крайней мѣрѣ, не должны-бы были закутывать ихъ во фланель, посылать на воды и покупать имъ очки на 18-мъ году ихъ возраста.» Конечно это превзошло ожиданія каждаго изъ нашихъ читателей! Но вотъ еще средство: «Предки наши любили собираться въ извѣстные дни на могилы отцовъ своихъ, выходя изъ домовъ съ семействами, цѣлыми городами и селеніями, и, совершивъ благоговѣйный обрядъ Вѣры, бесѣдовали о почившихъ предъ дѣшьюми своими, раздѣляли между собою печаль о преждевременной ушрашѣ ихъ, воспоминали ихъ заслуги и добродѣтели. Чтѣ если-бы и мы, въ сіи священные дни поминovenія, стали водить дѣшей своихъ ко гробамъ отцовъ нашихъ?» Если-бы Г-нъ Сочинитель зналъ Россію, то ему было-бы извѣстно, что эшотъ обрядъ сохраняется между простыми народомъ, и что послѣ поминове-

(*) Полю, такъ-ли? Отчественныя-ли?

ніа обыкновенно начинаешся попойка , часто оканчивающаяся такими оргіями , отъ которыхъ да избавишь насъ Богъ! Неужели онъ отъ чистаго сердца хочеть распространенія этого обычая? . . .

Мы вѣримъ , что Г-нъ Талызинъ имѣлъ хорошее намѣреніе , писавши свою Рѣчь ; но , 1-е) онъ представлялъ злоупотребленія чужеземнаго поспитанія въ шакомъ преувеличенномъ , небываломъ видѣ , что никто не узнаеть въ его изображеніи своихъ ошибокъ , и слѣдственно слова его будутъ щещны ; 2-е , онъ предложилъ такіа средства для замѣны любви къ чужеземному , которыа не согласны ни съ временемъ , ни съ нравами , ни съ гражданскимъ устройствомъ нашимъ ; 3-е , будучи увлечень своею излишнею пылкостью , онъ такъ не логически , такими дурнымъ слогомъ написалъ свою Рѣчь , что она не производитъ того впечатлѣнія , которое желалъ произвешти Авторъ.

— *Хрестоматія* , извлеченная изъ лучшихъ Французскихъ писателей въ стихахъ и прозѣ. Въ концѣ приобщень Словарь Французскаго и Россійскаго языка. Издана Л. Нувелемъ. Спб. 1832. Въ ш. Гинце. 105 и 114 стр. in-8.

Назначеніе Хрестоматій : представить дѣтшмъ образцы языка во всѣхъ родахъ. Книга , изданная Г-мъ Нувелемъ , съ сей стороны достойна вниманія учащихся Французскому языку. Въ ней найдуть они хорошо избранные примѣры Французскаго языка. Половину книги занимаетъ Словарь всѣхъ находя-

щихся въ крѣпкихъ словъ, кратко, но вѣрно переведенныхъ на Русскій языкъ.

— *Abrégé des Aventures de Télémaque, fils d'Ulysse, d'après l'ouvrage de Fénelon. A l'usage de la jeunesse par J. Einerling. Сокращеніе странствованій Телемака, сына Улисса. Твореніе Фенелона, примѣненное къ юному возрасту И. Эйнерлингомъ. Съ присовокупленіемъ жизнеописанія Автора, перевода на Россійскій языкъ труднѣйшихъ выраженій и краткаго Историческаго, Географическаго и Мѣтодическаго Словаря. Съ каршою странствованій Телемака. Новое изданіе, тщательно пересмотрѣнное и исправленное. СПб. 1832. Въ ш. Гинде. XII и 285 стр. in-12.*

— *Краткая Латинская Грамматика. Сочиненіе Лефранка, Почетнаго Профессора Парижскаго Университета. Примѣненное къ Россійскому языку И. Эйнерлингомъ. СПб. 1832. Въ ш. Гинде. XIV и 278 стр. in-12.*

При появленіи въ свѣтъ перваго изданія *Телемака*, сокращеннаго Г-мъ Эйнерлингомъ, мы отдали должную справедливость его труду. Теперь, въ доказательство, съ какимъ вниманіемъ принята книга сія учпщнымъ Начальствомъ, прибавимъ, что она одобрена Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія и назначена для Гимназій. Сверхъ того, ее ввели въ употребленіе многія казенныя и частныя учебныя заведенія.

Латинская Грамматика Лефранка, безспорно есть лучшая изъ всѣхъ Латинскихъ Грамматикъ. Авторъ ея принявъ въ основаніе Грамматику Ломона, напечатанную множество разъ, исправилъ Этимологию оной, и совершенно переделалъ Синтаксисъ. Общее одобреніе было наградой Автора, и его трудъ сдѣлался во Франціи Классическимъ. Г-нъ Эйнерлингъ весьма удачно и отчешливо примѣнилъ книгу сію къ Русскому языку, ибо многія правила, необходимыя только для Француза, надлежало исключить или переделать, и многое, что не нужно знающему Французскій языкъ, прибавилъ. Такимъ образомъ, трудъ Лефранка явился на Русскомъ языкѣ въ обдуманномъ примѣненіи, и мы съ удовольствіемъ рекомендуемъ оное для изученія Латинской Грамматики.

Книга сія принадлежитъ къ *Избранной Латинской Библіотекѣ*, издаваемой Г-нъ Эйнерлингомъ.

У С П Ъ Х И

въ изслѣдованіи Восточной Литературы.

(Окончаніе.)

Какъ ни замѣчательны всѣ сія труды ; но , должно признаться , что Литпература главныхъ Мусульманскихъ народовъ не обогащена въ истекшемъ году столь большимъ числомъ сочиненій , какъ нѣкоторыя другія отрасли Восточной Словесности. Изученіе языка и преданій Персидскихъ однакожь пріобрѣло пособія многочисленные и разнообразныя. Г. Шармуа издалъ , съ обширными прибавленіями , извлеченіе изъ *Эскендеръ-Наме* , поэмы Низами о походѣ Александра Великаго пропущъ Руссовъ , въ переводѣ Л. Шпицнагеля. Первый томъ сей книги представленъ вамъ въ прошлѣдномъ торжественномъ заведеніи ; второй не замедлитъ явиться. Персидскій текстъ огромнаго сочиненія Феришшаха , пересмотрѣнный Г-мъ Бриггсомъ , ошлагографированъ въ Бомбей , на изданіи Ост-Индской Компаніи. Счастливымъ нововведеніемъ можно почестъ приженіе сего средства къ печатанію Восточныхъ текстовъ ; ибо если и въ Европѣ литографія произвела слѣдствія неожиданныя , то мы въ правѣ надѣяться , что еще обширнѣшій произведетъ она на Востоцѣ , гдѣ шакъ легко

Апрѣль 1832.

28

воспользоваться рѣдкимъ искусствомъ каллиграфовъ. И дѣйствительно, удобство сего средства породило многія предпріятія въ различныхъ частяхъ Индіи. Замѣчаютъ съ удовольствіемъ, что матеріальная часть сего искусства совершенствуется, вмѣстѣ съ распространеніемъ онаго. Первые опыты, сдѣланные въ Калькутѣ за нѣсколько лѣтъ, представляли еще желаніе нѣкотораго улучшенія. *Анвари Согаи*, Бомбейское изданіе, показываетъ успѣхъ значительный; а послѣдніе образцы огромныхъ изданій Библейскаго Общества, печатаемыхъ въ Мадрасъ, равняющіяся въ совершенствѣ самымъ изящнымъ рукописямъ. Кажется, что литографію можно примѣнить съ равнымъ успѣхомъ ко всѣмъ родамъ изданій: насъ извѣщаютъ, напримѣръ, что въ Бомбей скоро явится въ новомъ изданіи *Бургани-хати*, лексиконъ, необходимый для изученія Персидскаго языка, и уже рѣдкій въ Европѣ послѣ одного изданія. Сиръ Гарфордъ Джонсъ, бывшій Посланникомъ въ Персію, обѣщаетъ вскорѣ издать Исторію царствующей тамъ фамиліи: онъ получилъ сочиненіе сіе изъ рукъ нынѣшняго Персидскаго Государя, и ввѣрилъ переводъ онаго ученому Г-ву Шэ, который уже подарилъ насъ переводомъ перваго тома Исторіи Мирхонда. Отрывокъ изъ *Шахъ-Наме* снова изданъ Г-мъ Робертсономъ, съ буквальнымъ переводомъ. Но изъ всѣхъ относящихся къ Персіи изданій самое важное, безъ сомнѣнія, есть полный текстъ *Шахъ-наме* Фирдуси, напечатанный въ четырехъ томахъ, Капитаномъ Маканомъ. Довершеніе сего почешнаго, великаго предпріятія принадлежитъ щедрости Короля Аудскаго,

который принялъ на себя издержки, послѣ того какъ Остъ-Индская Компанія, начавшая печатаніе, отказалась продолжать оное. Такимъ образомъ сей Государь, другъ Словесности, уже оказавшій оной многія заслуги, подарилъ ученому міру первое полное изданіе огромной эпопеи, эшого драгоценнаго собранія историческихъ и поэтическихъ преданій древней Персіи. Г-нъ Маканъ прибавилъ къ самому тексту *Фергенгуи Шахъ-наме*, или словарь древнихъ словъ. Сіе прекрасное изданіе можно было-бы назвать совершеннымъ, если-бы Издашель присовокупилъ къ нему избранные варіанты: прибавленіе, необходимое для текста столь искаженнаго, надъ которымъ Кришникъ осмается еще много труда.

Если должно по числу трудовъ, относящихся къ какой либо Литтературѣ, судить о важности, которую соединяютъ съ познаніемъ народа, ею обладающаго, то можно сказать, что изъ всѣхъ странъ Азіи, въ наше время наиболѣе обращаетъ на себя вниманіе ученой Европы Индія. Сіимъ преимуществомъ она обязана высокой славѣ, которою уже вѣка пользуются ея философы, особенно-же яркому свѣту, какой пролили на ея Поэзію, языкъ, и религіозныя системы извѣстія Англійскихъ изыскателей и труды Европейскихъ ученыхъ. Въ то время, когда Исторія Человѣчества призываетъ усилія и занимается любопытствомъ умовъ, какъ-бы отказавшихся отъ живаго участія въ движеніи обществъ новыхъ, народъ, столь древне просвѣщенный, столь оригинальный, столь независимый въ своемъ развитіи, долженъ былъ занять важное мѣ-

сто въ общности историческихъ трудовъ , конѣ предметомъ сдѣлалась Азія. Впрочемъ , иракъ , облекаящій Исторію образованности ея , отнюдь не разстѣялъ , и въ важности предмета присоединяется еще самая новостъ изученія , которое обѣщаетъ всѣмъ занимающимся онымъ сладостныя , по состоянію науки долженствующія еще много времени имѣть существенную цѣну. Такъ Германія , сія классическая земля учености , безпрестанно порождаетъ труды , прибавляющіе новыя имена къ справедливо прославленнымъ именамъ Вопновъ , Шлетей и Лассеновъ. Въ С.Петербургѣ , Г. Аделунгъ издалъ , подъ заглавіемъ: *Literatur der Sanskrita-Sprache*, пространную Индійскую Библіографію. Въ Берлинѣ , Г. Бенари издалъ Латинскій переводъ небольшой поэмы : *Налодіа* , которой шекстъ уже изданъ въ Индіи. Г. Франкъ выдалъ вторую и третью тетради своего собранія , называемаго *Viaza*. Это изданіе достойно вниманія , по любопытнымъ изысканіямъ о различныхъ частяхъ Индійской Философіи. Древнее законодательство Браминновъ приобрѣтешъ новыя объясненія , въ конхъ нуждается оно , если сей-же ученый исполнитъ обѣщаніе свое , вскорѣ напечатать истинно-кришическое изданіе древнѣйшаго Индійскаго Уложенія : *Законы Ману* , и если къ объясненію шекста прибавитъ онъ достойный комменсарій , касательно религіозныхъ и гражданскихъ установленій Индіи , безъ чего перепечашанія древнихъ изданій будутъ всегда приносить пользу ограниченную. Необходимость въ чрезвычайной исправности , столь живо ощущаемая въ странѣ , гдѣ кришика словъ сдѣлала успѣхи

великіе, побудила Г-на Боппа начать новое издание прелестнаго эпизода *Налы*, который всегда будешь уважать, какъ первый Санскритскій шекстъ, изданный въ Европѣ, тогда какъ не было еще драгоценнаго пособия, Санскритскаго Словаря Вильсона. Половина шекста, съ Лашинскимъ переводомъ, уже явилась въ свѣтъ; можно ожидать скораго появленія второй части и замѣчаній. Въ Боннѣ, изданіе Басень *Гитопадезы*, столь ученымъ образомъ выполненное Г-ми Шлегелемъ и Лассеномъ, вскорѣ обогатится Лашинскимъ переводомъ и замѣчаніями, гдѣ любители Индійской Литтературы найдутъ, вмѣстѣ съ полнымъ объясненіемъ шекста, необходимыя подробности о нравахъ и обычаяхъ Индіи, которыя одни могутъ придавать филологическимъ трудамъ пользу и прочную будущность. Сія различныя перепечатанія шекстовъ подкрѣпляются ученымъ разборомъ языка. Такъ Грамматики Г-на Боппа, столь замѣчательная, сдѣлалась предметомъ тщательнаго разбора и обширныхъ замѣчаній Г-на Лассена, гдѣ въ первый разъ узнаемъ труды Грамматиковъ Индійскихъ, касательно первобытнаго состоянія ихъ языка. Понявъ того-же рода придаетъ *Отрывку изъ Ригведы*, Г-на Розена, значительность, какой не былъ, казалось-бы, приписать столь крашнему отрывку. Не столько пошому, что въ немъ представляются первыя оригинальныя стихотворенія изъ сего древняго сборника Индійской Оселогіи и Философіи, столько съ точки зрѣнія, по видимому болѣе ограниченной, однакожь не менѣе обширной, въ отношеніи филологическомъ *Отрывокъ изъ Ригведы*

заслуживаетъ все вниманіе ученой публики. Тамъ видимъ большую часть грамматическихъ формъ , которыхъ тайну похитилъ Г-нъ Лассенъ , самымъ изумительнымъ предвѣдніемъ , изъ оригинальныхъ Грамматикъ Браманскихъ , и , что не менѣе разительно , тамъ находимъ главныя черты Зендскаго языка книгъ Зороастровыхъ , который уже сдѣлался во Франціи предметомъ особенныхъ изысканій. Такимъ образомъ , теперь и въ Исторіи Литературы Индійской уже можно возвыситься до эпохи , безъ сомнѣнія чрезвычайно древней , когда , можешь быть , два самые ученые языка въ Азіи , Санскритскій на берегахъ Гангеса , и Зендскій въ Бактріанѣ , почти сливались въ одно нарѣчіе. Сіе сдѣлавшее великаго историческаго воззрѣнія пріобрѣтаетъ новую важность , когда сообразимъ глубокія отношенія , связующія Санскритскій и Зендскій съ первобытными языками Европы.

Въ то время когда Филологія , приготовляя для Восточной Исторіи столь драгоценныя пособія , даетъ будущимъ изысканіямъ могущественную опору событій , люди , болѣе отважные , стараются привести въ исполненіе планъ заданія обширнаго , для коего матеріалы отовсюду собираетъ трудолюбивая ученость. Множество событій касательно Индіи было представлено любопытству публики. Труды Общества Калькуттскаго и переводъ многихъ текстовъ пояснили разныя подробности. Но до сихъ поръ не было книги , гдѣ излагались-бы въ послѣдовательномъ порядкѣ общія слѣдствія изысканій , начавшихъ хѣтъ за двадцать. Не думая изъ

лишнее унижать труда Варда объ Индусах, можно прибавить, что доказанная невѣрность его переводовъ, и худо скрытое пристрастіе его къ народу, коего нравы и обычаи описываетъ онъ, уменьшаютъ достоинство компиляціи, нѣкогда бывшей полезною. Съ бѣдшими безпристрастіемъ, и съ начитанностью болѣе разнообразною и основательною, Г. Боленъ хотѣлъ представить полную картину Индійской образованности. Это, по справедливости, первый добросовѣстный трудъ, утвержденный на изысканіяхъ новѣйшихъ. Не говоря о сравненіи Индійскихъ установленій съ тѣми, что указываетъ намъ Классическая Древность касательно Египта, книга Г-на Боленъ отличается частями отдѣльными, составленными весьма тщательно. Науки точныя занимаютъ тамъ мѣсто значительное, и слѣдствія, до коихъ достигъ Авторъ, кажется, должны утвердить за Браминами большую часть великихъ открытій Древней Астрономіи. Наконецъ, всего болѣе достойны уваженія сей почтенный трудъ потому, что Авторъ показываетъ обширныя познанія въ языкъ и Литтературѣ Санскрипской, изъ коей заимствуетъ онъ доказательство. Въ этомъ родѣ сочиненій, явленіе сіе столь замѣчательно, что мы не можемъ не обратить на него уваженія людей, которыхъ число непрерывно увеличивается, и которые думаютъ, что настало время замѣнить событія тщеславными гипотезами, и черпать Исторію Востока изъ настоящихъ ея источниковъ.

Въ Европѣ, быстрые успѣхи изученія Санскрипскаго языка, а въ Англіи выгоды колоссальнаго мо-

гущества, съ каждымъ днемъ открывающъ науки неизмѣримое поприще изысканій, неисчерпаемыхъ для вѣковъ. Пренія, недавно обращающія вниманіе Парламента на вопросъ о привилегіи Остѣ-Индской Компаніи, дали поводъ ко множеству изданій, относящихся къ обычаямъ, къ общественному быту, и къ разнымъ народамъ, подвластнымъ Компаніи. Комиссія Англійскаго Парламента издала четырнадцать дописаній, бывшихъ свидѣіемъ глаубагого изслѣдованія, и заключающихъ въ себѣ объясненія, написанныя достойнѣйшими людьми, касавшеся всѣхъ политическихъ выгодъ испанской Имперіи. Поучительно видѣть шагнѣ людей, какъ Альфонсонъ, Джедкильсъ, Робинзонъ, и многіе другіе, открывающихъ пружины прежнихъ Правительствъ, и доказывающихъ, какія благоразумныя мѣры приняла Компанія для замѣны шугемныхъ владѣній, съ пользою для Англійскаго могущества, но и съ уваженіемъ къ предразсудкамъ, шѣмъ болѣе драгоценнымъ для побѣжденныхъ, что почши ихъ единственно оставили имъ побѣжденные. Объ этомъ предметѣ явилось много сочиненій, достойныхъ размышленій историка и публициста. Но, можешъ быть, ни одно не равняешся въ обширности и важности съ превосходною книгою Г-на Брингса: *О земельномъ налогѣ въ Индіи*. Не колеблясь означаешъ сію книгу, какъ полное изслѣдованіе о Политической Экономіи у Восточныхъ народовъ.

Въ тоже время, когда общественный бытъ Индіи являешся въ яркомъ свѣтѣ новой гласности,

труды, предназначенные для поприща не столь обширного, должны поподнить свѣдѣнія, уже собранныя Англичанами о религіяхъ и нарѣчіяхъ сей древней страны. Въ Калькуттѣ, знаменитый Вильсонъ обѣщаетъ переводъ *Яджуреды*, и между тѣмъ приготавливаетъ второе изданіе своего Санскритскаго Словаря, уже доведенное далеко. Въ Лондонѣ, Г. Гаугтонъ началъ печатаніе большаго Словаря Санскритскаго, Бенгальскаго и Англійскаго, который будетъ изданъ подъ покровительствомъ Остъ-Индской Компаніи. Сочиненіе сіе, плодъ долготѣвшихъ трудовъ одного изъ достойнѣйшихъ Англійскихъ ученыхъ, послужитъ въ извѣстному объясненію двухъ богатѣйшихъ царствъ, процвѣтавшихъ въ Индіи еще самыхъ древнихъ до нашихъ временъ. Наконецъ, царствіе Южной Индіи, доселѣ мало изучаемое, Сивгальское, обращаетъ на себя вниманіе Англійскихъ миссіонеровъ. Достопочтенный Кларъ издаетъ въ двухъ томахъ Словарь сего языка, который умножаетъ собою пособія всѣмъ родомъ, собраннымъ въ послѣднее время, какъ будто для пролитія неожиданнаго свѣта на одну изъ религій Азійскихъ, наименѣе извѣстныхъ, на религію Будды.

Изъ числа сихъ пособій, вы уже знаете многочисленные собранія *Канджур* и *Танджур*, коими Калькуттское Азіатское Общество обязано счастливымъ усиліямъ Г-на Гогдзона. Приобрѣтеніе сихъ религіозныхъ архивовъ Буддизма, которые конечно найдутъ со временемъ шрудолюбивыхъ изслѣдователей, было-бы уже достаточно для славы

Г-на Гогдзона. Но сей знаменитый путешественникъ сдѣлалъ болѣе: онъ хотѣлъ, чтобы Европа воспользовалась свѣдѣніями, какія прибрѣлъ онъ, какъ во время пребыванія своего въ Непалѣ, такъ и въ продолжительныхъ разговорахъ съ умными священнослужителями. Записки, помѣщенные имъ въ собраніяхъ Калькуттскомъ и Лондонскомъ, и уже указанныя нами вашему вниманію, содержатъ въ себѣ слѣдствія наблюденій и вопросовъ, вѣрно направленныхъ къ самымъ возвышеннымъ точкамъ ученія Саманейскаго. Свѣдѣнія, дошолъ собранныя, оставляли нѣкоторое сомнѣніе касательно философическаго основанія сей религіи. Не лзя было вполнѣ понять отношеній Будды къ вселенной, ибо сей феноменъ казался не имѣющимъ ни дѣйствительности, ни даже причины. Существованіе тройства, совершенно философическаго, которое слѣзуется въ Высшемъ Умѣ, представляетъ окончательное рѣшеніе сихъ великихъ задачъ, и даетъ средство означить отношеніе между Буддизмомъ и Браманизмомъ, въ коемъ родился оный. Г. Гогдзонъ прежде всѣхъ означилъ истинный характеръ сихъ темныхъ ученій, и ясно отличилъ философическое основаніе отъ символической формы. Честъ сего открытія принадлежитъ ему тѣмъ основательнѣе, что самый новый изъ его выводовъ подтвержденъ во Франціи неоспоримо. Г. Абель-Ремюза, котораго изслѣдованія уже во многомъ пояснили Исторію вѣры *Шакіа*, показалъ, въ новомъ разборѣ нѣкоторыхъ произвольныхъ мнѣній славнаго Дегиня, что вѣрованіе тройству Буддѣйскому было основнымъ догматомъ, принятымъ также

ученѣйшими Кишайскими Саманеями. Такимъ образомъ разсѣяны сомнѣнія, которыя могло-бы возбудишь, касательно достоверности онаго, сходство догмата сего съ догматами Браманизма, и существованіе онаго въ Непалѣ. Въ изслѣдованіи своемъ, представленномъ Совѣту и помѣщенномъ въ Азіятскомъ Журналѣ, Г. Абель-Ремюза разрѣшилъ другіе, не менѣе важные вопросы, относящіеся къ философическимъ и религіознымъ мнѣніямъ сектаторовъ Будды. Но изъ всѣхъ трудовъ его надъ симъ нестерпимымъ предметомъ, одинъ ожидается нестерпимѣе всѣхъ другихъ, ибо выводы онаго болѣе всѣхъ разительны: это путешествіе *Фа-Хіена* въ Индію, около 399 года по Рожд. Христа. Китайскій духовный, въ IV вѣкѣ перетѣзжаетъ черезъ Тамирію и Гималайскія горы; углубляется въ Сѣверъ Индустана; посѣщаетъ мѣста, гдѣ жилъ богъ, чтимый имъ; проводитъ пятнадцать лѣтъ въ семъ благочестивомъ странствіи, и пользуясь своимъ пребываніемъ въ Индіи, изучаетъ Санскритскій языкъ и собираетъ книги закона: это одно изъ тѣхъ любопытныхъ явленій, какихъ нельзя ожидать въ глубинѣ Азіи, въ эпоху столь отдаленную. Но необычайность сей книги составляетъ малѣйшее достоинство ея. *Фа-Хіенъ* наблюдалъ обычаи видѣнныхъ имъ странъ съ такою точностію, что она сдѣлала-бы честь и Европейцу. Его извѣстіе есть полная Исторія Буддизма въ Индіи того времени, когда онъ былъ тамъ. Наконецъ, путешествіе сіе имѣетъ большое достоинство историческое, потому что даетъ средство съ точностію опредѣлить мѣста, гдѣ родился и гдѣ

умеръ основатель ея знаменитой д-ры, Г. Абаль-Ремюза помѣстивъ, впереди повѣствованія Фа-Хіена, объясненія, являющія огромной значащности. Онъ некорѣй надася переводъ всего сочиненія, и мы надеемся, что за онымъ послѣдуютъ другія описанія сего рода, хотя не столь древнія, однакожь заключающія въ себѣ столь-же драгоценныя подробности о древней Географіи Индустана, еще мало извѣстной. Тѣмъ образомъ, при пособіи ученыхъ собраній и сравненій, сего рода основательныхъ, Китайскія книги носятъ вопросы, для рѣшенія коихъ одна Индія, казалось, не представляла никакого средства.

Впрочемъ, смѣшимъ сказать, что какъ въ первые вѣка нашей эры Китайскіе духовные шли на цѣль мѣста, гдѣ возникла ихъ религія, такъ и мы должны обращаться къ Индіи, къ ея языку, къ ея философическимъ сдѣланіямъ, дабы вполнѣ понять основанія Буддизма и внутренній смыслъ терминологіи его, чисто Индійской. Вѣра *Шакіа* родилась въ Индіи; языкъ Санскритскій долго былъ священнымъ языкомъ ея книгъ и служителей, и донныя остается еще и у Бармановъ (Бермановъ) и Сингапурсцевъ, ибо *Пали* есть не иное что какъ языкъ Брамановъ, нѣсколько измѣненный. Китайцы, вездѣ отличающіеся точностью и изыскательностью, подали примѣръ сего обращенія къ Индіи, которое должно принести богатые плоды при изученіи Буддической религіи. Въ примѣръ можно поставитъ знаменитый япнско-китайскій Словарь, напечатанный въ Пекинѣ: имѣетъ огромный репер-

сторій Буддійскихъ терминѣвъ , написанный на пяти главнѣйшихъ языкахъ Азіи , заключаетъ въ себѣ Санскритское выраженіе каждаго изъ нихъ , Тибетскими буквами. Труды Г-на Абель-Ремюза достаточно показывають , сколько шемныхъ мѣстъ въ Меташизикъ и Нравоученіи Будды можетъ объяснить такого рода сочиненіе , въ рукахъ знатока. Слѣдственно , сочиненіе сіе , будучи издано со всѣми примѣчаніями , какихъ необходимо требуетъ каждая страница и каждое слово , будетъ , можно сказать , изложеніемъ главнѣйшихъ догматовъ и основныхъ началъ религіи , коей вѣзотерическое ученіе доселѣ было разбираемо поверхностно. Трудъ сей требовалъ , чтобы предпринимающій его зналъ всѣ пять ученыхъ языковъ Азіи , и могъ подвергнуть всѣ части Словаря точной повѣркѣ. Г. Абель-Ремюза собралъ уже много матеріаловъ для сего изданія , и поручилъ Санскритскую часть одному изъ Членовъ вашего Совѣща , посвятившему себя съ давнихъ лѣтъ сравненію ученыхъ нарѣчій Индіи съ Санскритскимъ языкомъ.

Изученіе одного изъ сихъ нарѣчій , Пали , благодаря усердію многихъ путешественниковъ , пріобрѣло пособія , которыхъ , надѣемся мы , обратятся въ новое средство для изысканій о религіи Будды. Вамъ извѣстно прекрасное собраніе рукописей , на языкахъ Пали и Барманскомъ , составленное Г-мъ Беланже , Ботаникомъ сада въ Пондичери: Вы , безъ сомнѣнія , съ особеннымъ удовольствіемъ услышите , что Министръ Внутреннихъ Дѣлъ передалъ сія любопытныя рукописи въ Королевскую Библио-

шеку. Г-нъ Беланже предложилъ Правительству это единственное въ Европѣ собраніе, изъ признательности за ободренія, коихъ удостоилось описаніе его путешествій по Азіи. Такимъ образомъ Королевская Библіотека обогащена собраніемъ, которое гораздо важнѣе составленнаго ученымъ миссіонеромъ Тольфреемъ, и приобрѣтеннаго Кабинетомъ Рукописей, по старанію усерднаго блюстителя онаго, Г-на Абель-Ремюза. Сверхъ сего, Библіотека недавно приобрѣла значительное сочиненіе, на языкѣ Пали, о древнихъ обрядахъ и релігіозныхъ церемоніяхъ въ Королевствѣ Авскомъ, вывезенное изъ Англіи Г-мъ Ликомъ. Во время всѣхъ приобрѣщеній, блистательно доказанная благосклонность Короля еще умножила наши богатства. Два отличные офицера Французскаго флота, Г-нъ Панисъ, и пославъ него Г-нъ Пушье, поднесли Королю чешыре рукописи на языкѣ Пали, украшенныя со всею Восточною роскошью. Король, приказавъ отдать сіи два прекрасныя произведенія въ Кабинетъ Рукописей, повелѣлъ наградить просвѣщенное усердіе Гг. Паниса и Пушье, и въ то же время изъявить постоянное вниманіе свое къ драгоценному собранію, котораго сокровища, по признанію иностранцевъ, составляютъ часть славы нашей.

Королевская Библіотека обогащалась въ послѣднее время; но сіи обогащенія могутъ быть только началомъ приобрѣтеній болѣе обширныхъ и разнообразныхъ, если Правительство, любящее просвѣщеніе и строгую ученость, будетъ по прежнему

ободрять путешественниковъ. Повсюду распространившаяся въ наше время любовь къ наукѣ, побуждаешь усердствовать многихъ людей частныхъ. Ни одинъ предметъ, занимательный въ Исторіи человека, не остается нынѣ чуждымъ любопытству многочисленныхъ изыскателей въ Азіи. Французскій Естествоиспытатель, Г-нъ Ламаръ-Пико, обращая неизмѣнное вниманіе на ту отрасль человѣческихъ знаній, которою особенно занимается онъ, нашелъ средство присовокупить къ богатымъ собраніямъ своимъ по Исторіи Естественной, конечно болѣе новое и не менѣе драгоцѣнное собраніе. Пораженный важнымъ зрѣлищемъ Индійскихъ церемоній, странностію обычаевъ и особенно разнообразіемъ чертъ и оштѣнковъ, отличающихъ касты Бенгальскія, Г-нъ Ламаръ-Пико занялся собираніемъ истукановъ, снарядовъ, употребляемыхъ въ религіозныхъ церемоніяхъ, мебели, оружія, и особенно небольшихъ статуя, изображающихъ Индусовъ различныхъ сословій. Собраніе его заключаетъ въ себѣ многіе образцы тѣхъ грубыхъ изображеній Индійскихъ божествъ, которыя являются на нихъ духовныхъ торжествахъ, и, получивъ дань народнаго суевѣрія, бывають разбиваемы. Множество разнообразныхъ мѣдныхъ фигурокъ, представляютъ болѣе уважаемыя изображенія главнѣйшихъ предметовъ обожанія. Вазы, лампы, и другіе снаряды могутъ служить къ объясненію нѣкоторыхъ особенностей церемоній, предписываемыхъ Браманскою религіею. Но изъ всѣхъ предметовъ сихъ, столь достойныхъ вниманія, особенно любопытны статуи Индусской работы, изъ коихъ нѣкоторыя ошдѣла-

ны съ большими совершенствомъ. Это почти полная галерея Бенгальскихъ кастъ, отъ Брамана до послѣдняго ремесленника, и, что весьма замѣчательно, въ нихъ означены различія ясными опшѣями въ цвѣтъ кожи, а иногда и болѣе глубокими измѣненіями въ чертахъ лица. Такимъ образомъ, кромѣ положительныхъ свѣдѣній о гражданской и религіозной жизни Индусовъ, собраніе сіе представляетъ еще любопытные матеріалы для ихъ прѣвосходныхъ изысканій этнографическихъ, копоры бывають иногда единственною исторіею народовъ. Наконецъ, въ немъ есть болѣе двадцати статуъ Будды, доставшихся Г-ну Ламару-Пико по случаю вторженія Англичанъ къ Барманамъ. Многія изъ нихъ статуъ огромнаго размѣра; другія замѣчательны красотою матеріи. Ими достойнымъ образомъ пополняется собраніе, представляющее такимъ образомъ божествъ двухъ первоначальныхъ религій Индійскихъ, Браманизма и Буддизма, которые болѣе всѣхъ другихъ имѣють послѣдователей въ Азіи.

Обстоятельства, благопріятствовавшія введенію Буддизма въ Азію Восточную, и успѣхъ, съ которымъ онъ былъ принятъ народами, еще варварскими, подѣйствовали замѣчательнымъ образомъ на первобытныя преданія сихъ народовъ, и на повѣствованія писателей, обратившихся къ Буддизму. Прекрасный и огромный трудъ Г-на Шмидта, Петербургскаго ученаго, *Исторія Восточныхъ Моголовъ*, есть новое доказательство, какъ сильно дѣйствуетъ на народъ, еще мало образованный,

неуклонная сила религіозныхъ вѣрованій. У Монголовъ было почти такое-же явленіе, какое видимъ въ первыхъ памятникахъ романической и исторической Литературы народовъ новыхъ, когда изученіе Классицизма изгладило народныя преданія, замѣнивъ ихъ воспоминаніями объ Исторіи Греческой, и когда лѣтописатели искали въ Римѣ происхожденія героевъ Британскихъ. До Чингисъ-Хана, Исторія Монголовъ, говоря собственно, есть Исторія Буддѣйской вѣры. Но сей недостатокъ значительно выкупается важными подробностями о Буддѣйской Мифологіи, занимающими первую часть Исторіи Санангъ-Зешценовой. Впрочемъ, повѣствованіе дѣлается чисто историческимъ со времени изгнанія Монголовъ изъ Китая. Но не одни сіи достоинства ошачаютъ трудъ Г-на Шмидта. Исторія Санангъ-Зешценова есть первое историческое сочиненіе, изданное съ Монгольскимъ текстомъ, съ комменсаріемъ и съ значительными объясненіями, которыми разсказываютъ много свѣта на Тибетскую Исторію. И какъ Санангъ-Зешценъ есть первый, извѣстный въ Европѣ Монголъ, представляющій разныя подробности о своемъ народѣ, почти вездѣ достоверныя, такъ Г-нъ Шмидтъ послѣ Іериха, есть первый Европеецъ, до такой степени обладающій языкомъ Монгольскимъ, что онъ съ успѣхомъ могъ перевести столь обширное сочиненіе.

Исторія Монголовъ также была предметомъ двухъ сочиненій О. Іакпова Бичурина, изданныхъ, первое подъ заглавіемъ: *Записки о Монголіи*, другое: *Исторія первыхъ четырехъ Хановъ дома Чингисова*, съ
 Апрель 1832.

каршою походовъ ихъ на Юго-Востокъ Азіи. Сочиненіе сіе, объемлющее Исторію Монгольскаго владычества отъ рожденія основателя онаго, въ 1161-мъ году, до смерти Монгухана въ 1250-мъ, дало нашему ученому собрату, Г-ну Клапроту, поводъ къ глубокомысленной критикѣ, гдѣ оспаривая историческія основанія Кишайскихъ подлинниковъ, переведенныхъ О. Іакинѣомъ, онъ возстановляетъ событія, искаженные систематическими мнѣніями нѣкоторыхъ Монгольскихъ ученыхъ (*). Четырнадцатилѣтнее пребываніе въ Пекинѣ, и свобода ходить по сему обширному городу, которому пользуются живущіе въ Пекинѣ Рускіе, доставилъ О. Іакинѣу средство сослаться описаніе столицы Кишайской Имперіи. Для сего онъ также съ пользою употребилъ и подлинное, гораздо обширнѣе описаніе, которое извѣстно намъ, изъ написаннаго Г-ни Клапротомъ и Эйріесомъ ученаго обозрѣнія различныхъ платовъ Пекина, донынѣ изданныхъ. Кромѣ сихъ сочиненій, О. Іакинѣй издалъ Кишайскій текстъ *Санъ-Це-Кинга*, съ Русскимъ переводомъ и замѣчаніями, находящимися въ подлинникѣ. Книга сія, написанная въ XIII-мъ столѣтіи, въ трехъ-сложныхъ стихахъ, есть родъ дѣтской энциклопедіи, и слѣдственно можетъ

(*) Въ Журналѣ нашемъ, 1831 года, были помѣщены какъ критика Г-на Клапрота, въ Русскомъ переводѣ, такъ и новыя замѣчанія на оную О. Іакинѣа, коими ниспровергается почти вся с.-стема Г-на Клапрота. *Прим. Изд.*

дать ясное понятіе о свидѣніяхъ , составляющихъ основаніе Китайскаго воспитанія. Текстъ наизюграфированъ , подъ смѣривіемъ Г-на Барона Шиллинга фонъ Канштадтъ , очень хорошо , и переводъ имѣетъ неоспоримое преимущество надъ прежнимъ Русскимъ переводомъ Леоптьева , и Англійскимъ Моррисона , напечатаннымъ въ 1812-мъ году , въ его *Notae Sinicae*.

Китайская Литтература обогатилась и другими , еще болѣе важными произведеніями. Г-нъ Коалльсъ , бывшій начальникомъ Англо-Китайскаго училища въ Малаккѣ , перевелъ очень хорошо четыре книги , называемыя Конфуціевыми , и уже много разъ переведенныя ; однакожь новый Переводчикъ , кажется , не пользовался трудами ни одного изъ своихъ предшественниковъ. Какъ ни мало , по видимому , занимательны сіи нравственныя книги въ наше время , по еще долго будутъ онѣ предметомъ изученія для Европейцевъ , ибо основаніе ихъ встрѣчается во всѣхъ Китайскихъ книгахъ , и правила оныхъ служили основою Китайской образованности. Одинъ изъ любопытѣйшихъ памятниковъ сей образованности : *Ши-Кингъ* , переведенъ Г-мъ Модемъ , хотя и былъ уже старинный переводъ онаго , Французскаго миссіонера Лашарма. Это собраніе древнихъ стихотвореній , сіюль занимательныхъ со стороны литературной , есть однакожь слѣдствіе мысли , по видимому принадлежащей вполнѣ нашему крѣпическому времени. *Ши-Кингъ* , гдѣ подъ самыми разнообразными формами скрыты мнѣнія полимическія , почивался у древнихъ Китайцевъ самымъ про-

сподушнымъ и вѣрнымъ выраженіемъ народныхъ по-
вѣрій. Это обратило на себя вниманіе Конфуція ,
и также причина заставить Европу читать его съ
любопытствомъ , не смотря на чрезвычайную про-
стошу нѣкоторыхъ , и странность образовъ , изо-
блующихъ въ другихъ изъ сихъ стихотвореній.
Вамъ извѣстно , что вскорѣ мы будемъ обязаны
Г-ну Молю другимъ , чрезвычайно важнымъ сочи-
неніемъ: это таинственная *Книга Триграммъ*, стран-
ная и почти непонятная , состоящая не изъ словъ
и фразъ , а изъ чертъ и эмблемъ , подъ коими не-
извѣстные философы , кажется , хотѣли скрыть
всю систему физическую , нравственную и поли-
тическую , и , если можно такъ сказать , всю эн-
циклопедію первобытныхъ народовъ Восточной Азіи.
Надобно было , чтобы рукописи Латинскаго пере-
вода сей книги были пересмотрѣны человекомъ , глу-
боко постигшимъ Китайскій языкъ и Философскія Сис-
темы Востока. Г-нъ Молю выполнилъ сіе трудное
и утомительное дѣло , какъ надлежало ожидать , и
такимъ образомъ , вмѣстѣ съ двумя изданіями ,
нынѣ прибавившимися къ *Шу-Книгѣ* Гобіля , мы
имѣемъ теперь три изъ пяти сочиненій , столь
славныхъ въ Китаѣ и въ Европѣ подъ названіемъ
Книга. Конфуціевъ *Чеунъ-Сіеу* , котораго рукопис-
ный переводъ , Дезотере , хранится въ Королев-
ской библіотекѣ , сдѣлался предметомъ новаго тру-
да Г-на Гушманна , такъ что вскорѣ только *Обряд-
никъ* , любопытное собраніе законовъ , повѣрій и
древнихъ обычаевъ , будетъ единственнымъ не пе-
реведеннымъ *Книгомъ*.

Въ последнее время были замѣчены отношенія между философическими идеями древнихъ Индусовъ и Кишайцевъ; особенно-же старались удостовѣриться, что сія отношенія были связаны не съ однимъ введеніемъ Буддизма въ Кишай, въ первомъ вѣкѣ нашей эры. Г-нь Пошье, остроумнымъ сравненіемъ ученія *Лао-тзеу* съ другимъ ученіемъ, находящимся въ Упанишадахъ Ведъ, хотѣлъ представить въ новомъ свѣтѣ нѣкоторые вопросы, явившіеся отъ изученія сихъ древнихъ памятниковъ. Его диссертація о происхожденіи и распространеніи Философіи *Таоссе*, обогащенная заимствованіями изъ книгъ Кишайскихъ и Санскритскихъ, содержишь въ себѣ, кромѣ сего, вновь напечатанный Санскритскій текстъ двухъ Упанишадъ, съ Персидскимъ переводомъ, взятымъ изъ Персидскихъ Упнехатъ Королевской Библіотеки. Наконецъ, Г-нь Жаке намѣренъ издать въ переводѣ *Книгу тайныхъ предзнаменій*, съ обширнымъ комментариемъ. Это небольшое сочиненіе, принадлежащее къ нравственной части *Таоссе*, взято изъ любопытнаго Кишайскаго сборника, называемаго *Тан-Кун-тси*.

Но не одна Исторія и Философія пользуются нынѣ успѣхами въ изученіи Восточныхъ языковъ. Думаемъ, что Естествознаніе совершенно чуждо изученію Азіи. Но Г-нь Абель-Ремюза обратилъ на него вниманіе. Двадцать лѣтъ занимается онъ собираніемъ матеріаловъ для Ботаники, Зоологіи, Минералогіи, знаній Медицинскихъ, Экономическихъ, и промышленности Кишайцевъ, Японцевъ и Ташаръ. Доселѣ весьма несовершенно знали произ-

веденія сихъ обширныхъ странъ. Французскіе миссіонеры, владѣя хорошо Китайскимъ языкомъ, не занимались Естествознаніемъ, а Европейскіе Естествоиспытатели, впрочемъ весьма не многіе, которымъ удавалось проникнуть въ Китай и въ Японію, мало знакомые съ Восточными языками, посему не имѣли драгоцѣннаго пособія, какое представляють описанія и рисунки, собранные Китайскими и Японскими Естествоиспытателями. Такого рода сочиненій есть множество у сихъ народовъ, и они-то служили основаніемъ огромному труду Г-на Абель-Ремюза, гдѣ въ двухъ томахъ in-4 будетъ заключаться Естественная Исторія Восточныхъ странъ Азіи, или полная картина трехъ царствъ природы, по описаніямъ Китайскихъ, Японскихъ и Татарскихъ Естествоиспытателей, конхъ оригинальныхъ разсужденій въ первый разъ являясь въ переводѣ. Также, синонимія, тщательно установленная между народными названіями и учеными именами Европы, вмѣстѣ съ показаніемъ всѣхъ Медицинскихъ и домашнихъ употребленій каждаго рода у Восточныхъ народовъ, однимъ словомъ, все удостовѣряешь, что сей безмѣрный трудъ займѣтъ высокое мѣсто между замѣчательнѣйшими произведеніями нашего времени, и доставитъ Автору *Изысканій о языкахъ Татарскихъ* новую славу.

Мы представили вамъ, Мм. Гг., краткое обозрѣніе трудовъ относительно Востока, свершенныхъ въ теченіе прошедшаго года въ Европѣ и Азіи. Если Франція не принимала въ оныхъ столь большого участія, какъ два другіе ученые народа Европы, то надобно вспомнить, что она не обладаетъ

Индію, какъ Англія, и не видить, какъ Германія, на всѣхъ точкахъ земли своей, тѣхъ блестящихъ Университетовъ, которые предлагаютъ учености мирное убѣжище, не заграждая пути ни къ богатству, ни къ почестямъ. Сверхъ сего, у насъ дарованіе можешь обшачать себѣ успѣхи на другихъ поприщахъ, и въ общественной службѣ; дѣятельность умовъ стремится къ этимъ занятіямъ и отвлекается отъ продолжительныхъ и тяжкихъ трудовъ, коихъ единственная награда уваженіе небольшого числа ученыхъ людей. Не колеблясь скажемъ, что среди важныхъ польвъ, занимающихъ столь сильно умы, надобно нѣкоторое мужество, дабы упорно оставаться на темномъ поприщѣ учености: для сего надобно дѣйствительно знать чистыя наслажденія умственного труда, и наконецъ, надобно надѣяться на будущее Науки въ новыхъ обществахъ. Но вашу ревность, ваше усердіе, Мн. Гг., поддерживаешь сознаніе, что вы принесли пользу и будете приписать се впередъ. Соединенное самою благородною мыслію, изысканіемъ истины, Азіатское Общество удвоить успѣхи, чтобы снять завѣсу, еще скрывающую Востокъ отъ нашихъ взоровъ, ибо оно увѣрено, что въ Европѣ уваженіе всѣхъ просвѣщенныхъ людей, и во Франціи покровительство Государя, любящаго все что возвышаетъ и питаетъ умъ, останутся всегдашнею наградою трудовъ его.

Съ Французскаго. Б.

—*—

ИЗВѢСТІЕ

О РУКОПИСИ XVII-го вѣка.

*(Статья сія посвящается памяти незабвеннаго
моего друга, В-ры П-вны А-вой).*

Древнія письмена , уже давно обратившія на себя тщательное и постоянное вниманіе одного трудолюбиваго Археографа , еще не всѣ извѣстны , не всѣ разсмотрѣны , мало очищены Критикою , и многія не напечатаны ; слѣдственно , намѣреніе наше: увѣдомить читателей о рукописи XVII-го вѣка, будетъ не только не излишнимъ , но и согласнымъ съ требованіемъ нѣкоторыхъ любителей отечественной старины. Мы еще не такъ богаты матеріалами , чтобы могли отвергать рѣшительно всѣ памятники, не заключающіе въ себѣ важныхъ историческихъ документовъ. Иногда маловажныя, по видимому, письмена предковъ нашихъ , служили твердымъ доводомъ , или объясненіемъ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствъ въ высшей Исторической Критикѣ.

Рукопись , о которой мы намѣрены говорить , есть : Книга копій съ жалованныхъ грамотъ , хранящаяся въ скудной библіотекѣ Симонова мона-

спыря, въ Москвѣ, и, какъ единственный остатокъ отъ архива сей обители, разграбленнаго и совершенно уничтоженнаго непріятелемъ въ 1812-мъ году, любопытна (*). Книга сія писана при Царѣ Алексіѣ Михайловичѣ, въ 1666-мъ году, на бѣлой, плотной бумагѣ, крупною, но весьма связною древнею скорописью, въ листъ, коихъ слѣшкомъ 900 (**). Граматы, въ рукописяхъ находящіеся, восходящіе немного далѣе половины XV вѣка, изъ чего, ка-

(*) Книга *Кормовая*, о которой упоминаетъ Карамзинъ (И. Г. Р. V, примѣч. 122) тогда-же погибла. *Синодикъ*, принадлежащій сей обители, писанъ въ 1662-мъ году. Онъ любопытенъ за неимѣніемъ важнѣйшихъ монастырскихъ докуменговъ. Писецъ передалъ о немъ слѣдующее извѣстіе. «Лѣта 7170 мѣсяца Генваря въ 25 день писана сія книга Синодикъ, церковное поминанье въ дому Пресвятыя Богородицы, честнаго и славнаго Ея Успенія Симонова монастыря, по повелѣнію и благословенію сей обители Опца Архимандрита Прохора, ꙗже о Христѣ, съ братією. А писалъ сію книгу, Синодикъ, многогрѣшный рабъ, чернецъ Іосифъ Устюжанинъ».

(**) Граматы Царей: Феодора (1678 года), Іоанна и Петра (1687 и 1689 годовъ). по видимому, внесены въ книгу сію послѣ, и писаны другою рукою, на оставшихся въ ней бѣлыхъ листахъ. При семъ долгомъ почитаемъ благодарить достопочтеннаго Опца *Иларіона*, Ризничаго Симонова монастыря, за дозволеніе намъ свободного доступа въ книгохранилище, ему вѣренное.

жется, можно заключить, что обитель сія уже 165 лѣтъ тому назадъ, не имѣла въ архивѣ своемъ древнѣйшихъ документовъ на недвижимую свою собственность. Сія грамоты суть крѣпостные акты: Тархатныя, Разъѣзжія, Льгошныя, Правыя, Насудимыя, Ставныя, Дозорныя; сверхъ того здѣсь находятся акты и частныхъ лицъ: Давныя, Закладныя, Купчія, Духовныя, Поскупныя записи, Мѣновныя, Очистныя, Разводныя, Обхожія, и, наконецъ, судныя дѣла, Соборные приговоры, Памятки и Выписи изъ писцовыхъ книгъ. Вотъ предисловіе въ упомянутой рукописи:

«Лѣта 7174-го, Іюля въ 31-й день, Пречистыя Богородицы, честнаго и славнаго Ея Успенія, Симонова монастыря Архимандритъ Михайло, да келарь старецъ Іосифъ Чирковъ приговорили на соборъ съ братією: въ монастырской казнѣ прежнихъ Государей Великихъ Князей и Великихъ Государей Царей, и блаженныхъ памяти Великаго Государя Царя и Великаго Князя Михаила Феодоровича всеа Руссіи и Великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, ихъ Государскія, жалованныя грамоты, и всякія монастырскія вотчинныя крѣпости списати въ книгу, слово въ слово, для того, чтобы монастырскимъ всякимъ крѣпостямъ и монастырской казны истари не было. А кошорыя Государей Великихъ Князей, и Великихъ Государей Царей, шѣ ихъ Государскія, вотчинныя крѣпости, и кошораго мѣсяца и числа, и на кошорыя вотчины, и то написано въ сей книгѣ по-

рознь. А для прииску Государевъ подлинныя жалованныя грамоты, и всякія монастырскія вопіщныя крѣпости связаны въ связкахъ по городомъ, испомѣщены числами порознь, противъ сей же книгѣ, какъ писано въ сей книгѣ ниже сего.»

Слѣдуетъ подробный алфавитъ содержанію документовъ. Мы означимъ здѣсь только тѣ уѣзды, въ коихъ находились помѣстья, принадлежавшія Симонову монастырю, вѣроятно, до самаго учрежденія духовныхъ пшатовъ. Сіи помѣстья находились въ слѣдующихъ уѣздахъ: Московскомъ, Бѣжецкомъ, Верху, Каширскомъ, Ярославскомъ, Владимирскомъ, Переяславль Залѣскомъ, Дмитровскомъ, Можайскомъ, Рузскомъ, Волоцкомъ, Ржевскомъ, Муромскомъ, Суздальскомъ, Углицкомъ, Галицкомъ, Коломенскомъ, Нижегородскомъ и Бѣлозерскомъ.

Разсмотрѣвъ сію рукопись, сколько позволяла крашкость времени, мы рѣшились выписать изъ оной слѣдующіе акты, находя въ нихъ особенное достоинство:

I-е. Списки съ двухъ судныхъ (слѣдственныхъ) дѣлъ, носящіе на себѣ отпечатокъ юридическаго изложенія писемъ XV и XVI вѣковъ, заслуживающіе общую извѣстность. Относя, такъ называемую, *правую* грамоту (писанную безъ означенія года), къ XV вѣку, мы основались на историческихъ соображеніяхъ. Упоминаемая въ сей грамотѣ лица: Симоновскій Архимандритъ Зосима, прозванный *Братимъ*, въ началѣ 1490 года уже возведенъ былъ на Митрополию Всероссійскую; Намѣстникъ Московскій, Князь Иванъ Юрьевичъ Па-

трикесъ , праправнукъ Ольгерда , родной племянникъ Темнаго , скончался въ 1499 году — вотъ доказательство мѣстна нашего , кажешся , неподлежащія опроверженію (*). Мы не знали доселѣ ни судебной формы писемъ предковъ нашихъ , означеннаго вѣка , ни самыхъ обрядовъ при производствѣ слѣдствій. Сверхъ того , Правая наша грамота замѣчательна уже и тѣмъ , что она писана еще за долго до Уложенія В. К. Ивана Васильевича , обнародованнаго , какъ извѣстно , въ 1497-мъ году. Словомъ : объ Правыхъ грамотахъ сіи подають нѣкоторое понятіе о судѣ Государевомъ — судѣ , о коемъ мы имѣли донынѣ не совсѣмъ удовлетворительныя свѣдѣнія. Если означенные списки не сдѣлаются достояніемъ самой Исторіи , то , по крайней мѣрѣ , они займутъ не послѣднее мѣсто между памятниками , объясняющими наше древнее судопроизводство. Надѣмся услужить любителямъ старины , сообщая сіи любопытныя акты.

II-е. Жалованная Тархашная грамота 1602 года, отъ Царя Бориса Θεодоровича, въ коей упоминается о сынѣ Донскаго , Князѣ Константинѣ Димитріевичѣ , названномъ въ инокесствѣ *Кассіаномъ*.

По единодушному свидѣтельству многихъ лѣтописей нашихъ , Константинъ Димитріевичъ родился въ 1389-мъ году , 15 Мая , за четыре дня до кончины Донскаго , отца его. Димитрій Іоанновичъ , въ

(*) И. Г. Р. IV. 197 , 276, 280, и примѣх. 321 и 454.

духовномъ завѣщаніи, писанномъ, какъ извѣстно, еще до рожденія Константина, говоритъ: «А дастъ ми Богъ сына, и Княгиня моя подѣлитъ его, возмѣ по частямъ у большіе его братіи» (*). Въ силу сего завѣщанія, ему отданы были впослѣдствіи: Ржевъ, Угличъ, нѣсколько селъ въ уѣздахъ: Звенигородскомъ, Московскомъ, и Бѣжецкомъ Верху, право держать по годамъ часть Москвы, и часть Соли Галицкой. Политическое бытіе сего Князя замѣчательно единственно тѣмъ, что онъ былъ христіанинъ благочестивый; предводительствуя ратными полками, неоднократно бывалъ въ походахъ противъ Ливонцевъ, Татаръ и брата своего Юрія, храбро сражался въ рядахъ дружины, и одерживалъ побѣды; всегда послушный, по видимому, повелѣніямъ старшаго брата своего, долго жилъ онъ, то во Псковѣ, то въ Новгородѣ, въ качествѣ Намѣстника (**). Вотъ, что передали

(*) Собр. Госуд. грам. и догов. 1. 60. Замѣтимъ, что въ первой духовной грамотѣ В. К. Василія Дмитріевича (1406 года) сказано: «А брата своего и сына благословляю Князя Коспьянтина, даю ему въ удѣлъ Тохню, да Устюжву по душевной грамотѣ отца нашего Великаго Князя. (ibidem 73).

(**) Древн. Визліоѣика 1. 159, 161, 170, 198 и 211. И. Г. Р. У. примѣч. 202 и 254. Собран. Государ. грам. и догов. 1. 87. Софійск. Временникъ (смотри въ росписи подъ словомъ: *Константинъ*). Въ сей лѣтописи (1. 434) читаемъ: «Того же лѣта (1407 года), Князь Константинъ Дмитріевичъ иде ратию

намъ лѣтописи, и другія извѣстія о молодшемъ сынѣ Донскаго; но въ Исторіи Государства Россійскаго встрѣчаюся нѣкоторыя обстоятельства, подавшія намъ поводъ къ замѣчаніямъ. Разсмотримъ ихъ.

на Нѣмца, со Псковичи, и много зла учинися Нѣмецской земли, оныхъ посякоша, множество и полониша, и взя Нѣмецкий градъ Порховъ.» Далѣ читаемъ подъ тѣмъ-же годомъ (ibidem 437): «Тогда же Князь Костянтинъ Дмипріевичъ ходи ратию на Нѣмци, со Псковичи, и много повоеванъ, и поплѣни, и изсѣче; и градъ взя, именемъ: *Язвинѣ*.» (Въ Никоновской: *Лѣтина* V. 10). Въ лѣтописяхъ: Воскресенской, Архивской, Псковской и Львова упоминается о сѣй битвѣ, но вездѣ говорится о взятіи Порхова, а не Язвина. Извѣстно, что Порховъ нынѣ уѣздный городъ Псковской губерніи, лежашъ по обоимъ берегамъ рѣки Шелони, впадающей въ озеро Ильмень. Щекаповъ пишетъ: «у Новогородцевъ назывался онъ *городомъ на Шелонѣ*, также *Демономъ*.» Геогр. Словарь, часть IV, 1265. Думаемъ, что сочинитель Словаря ошибся. Шелонъ, Порховъ и Демонъ различные города и вопшъ тому доказательства. Въ Новог. лѣт. Попа Іоанна подъ 1345 годомъ сказано: «И взя Шелону и Лугу на щитъ, а съ Порховскаго городка, и со Опски, взя окупъ.» (И. Г. Р. IV. прим. 340. Въ Псков. лѣт.) . . . и идоша къ Порхову, и стояша 3 дни. . . а Князь Великій споялъ подъ Демономъ» (ibidem V. прим. 235). Въ лѣтописи отъ Академіи Наукъ изданной: «Того же лѣта (1398 года) убиенъ бысть Князь Романъ Юрьевичъ на Шелонѣ, и положи-

« Ссора Василя Димширевича съ братомъ Констаншиномъ , въ 1420 году (говоришь Писторіографъ) подала Новгородцамъ случай сдѣлать не малую досаду первому. Слѣдуя новому уставу въ правахъ наслѣдственныхъ , Великій Князь требовалъ отъ братьевъ , чтобы они кляшесно успили старѣйшинство пшпашнему сыну его , именемъ Василю. Констаншинъ не хотѣлъ сдѣлать того , и лишился удѣла ; Боярь его взялъ подъ стражу ; имѣніе ихъ описали. Злобствуя на Великаго Князя , онъ уѣхалъ въ Новгородъ , гдѣ Правительство , ни мало не боясь Васильева гнѣва , съ отмычными ласками приняло Констаншина Димширевича , дало ему въ удѣлъ всѣ города , бывшіе за Лугвеніемъ , и какой-то особенный денежный сборъ , пменуемый *Коробейщиною* (*). »

Знающимъ лѣтописи нашего отечества извѣстно , что ссора Великаго Князя съ меньшимъ его братомъ , о которой упоминаешь Карамзинъ , состоялась по случаю довольно странныхъ преребаній перваго , и вошь , что о ней рассказываютъ

но бысть шѣло его у Св. Спаса въ Порховѣ» (стр. 347). Ясно , что Шелонъ , Порховъ и Демонъ не одно и то же. Выписавъ совершенно сходныя извѣстія изъ Соф. Временника , признаннаго за исправѣйшій , мы думаемъ , что второе сказаніе онаго есть не что иное , какъ повторыніе предыдущаго. И шакъ *Порховѣ* именовался *Язвиномъ* ?

(*) И. Г. Р. V. 214.

сами Лѣтописцы : « Въ лѣто 6927 (1419), Князь Великій Василій Дмитріевичъ восхотѣ подписати подъ сына своего меньшаго, Кослянина; Князь же Кослянинъ не восхотѣ сотворити воли его, и про то отпяти у него отчину; онъ же иде въ Пювгородъ, и пріяша его Новгородци съ честію, и подаваша ему пригороды, которые были за Лугвенемъ » (*). *Никоновская* прибавляетъ : « Князь Кослянинъ Дмитріевичъ глаголя: нѣсть сія отъ начала бывало, и ты нынѣ на мнѣ почто хочешь силу сотворити? И братъ его, Князь Великій Василій Дмитріевичъ, про то разгнѣвася на него, и отпѣя у него отчину его » (**). Вотъ подлинныя слова лѣтописей! Къ сожалѣнію, въ примѣчаніяхъ къ И. Г. Р. (V. 221) не помѣщенъ самый текстъ Новгород. лѣтописи попа Іоанна, которою руководствовался Исторіографъ, описывая событія 1420 года. Сверхъ того, и въ выпискѣ изъ разныхъ лѣтописей не находится сказанія о столь важномъ историческомъ происшествіи. (ibidem стр. 167). Замѣтимъ, что въ Софійскомъ Временникѣ, Лѣт. Русск. Львова, Русскомъ Временникѣ, и лѣтописи Академической, нѣтъ 6527 года.

Спрашиваемъ : обстоятельства, бывшія главнымъ предметомъ ссоры, служили-ль хотя нѣкоторымъ извѣщеніемъ Великому Князю, настоятельно желавшему лишить брата удѣла, ссылаясь единствен-

(*) См. продолженіе Нестора, 245 и 246.

(*) Ник. Лѣт. V, 73. О томъ-же упоминаетъ и Древній лѣт. II, 444.

но на новый усталъ наслѣдства, имъ-же начертанный? Ни слова о Юріи; но Константина едва-ли можно упрекнуть въ нравственномъ порокѣ—честолюбіи!.. Надлежитъ взять въ соображеніе слѣдующее: Константины имѣлъ тогда (въ 1419 году) ровно шредашь, а племянникъ его, Василій Васильевичъ, не болѣе пяти лѣтъ; слѣдовательно, возможно-ли было требовать Великому Князю добровольной уступки удѣла, для сына, столь юнаго, не возбудивъ справедливаго негодованія брата, негодованія весьма естественнаго, обнаруживающаго и благородство характера, и смѣлый, не робащій духъ сего Князя? Неужели онъ обязанъ былъ изъяснить равнодушное самоотверженіе въ семъ случаѣ, видѣвъ себя *одного* жершвою странной полишки и чувствительнаго оскорбленія?.. Неужели можно назвать его *противникомъ новому Уставу наслѣдства*, когда онъ защищалъ свое достоинствіе, ничтожное въ сравненіи съ княжесствомъ большаго брата, какъ-бы презиравшаго и духовнымъ завіщаніемъ отца, и правами гражданскими, и правами родства! Можно-ли предполагать, чтобы другіе братья Константиновы, безпреніяшственно владѣвшіе своими удѣлами, были безмолвными свидѣтелями столь несправедливаго требованія, столь явной обиды, по видимому любимаго ими брата? Сверхъ того, они должны были предвидѣть и дальнѣйшія послѣдствія ошъ сего насилія, и собственная безопасность заставляла-бы ихъ принять мѣры строгія. И такъ, вошъ полишки Васиіева,

Апрѣль 1832.

30

посредствомъ которой желалъ онъ утвердить въ отечествѣ нашемъ новыя права! Нѣтъ: обстоятельство сіе, по надлежащемъ разсмотрѣніи, подвергаетъ укоризнѣ Василя Димитріевича, хотя Исторія признала его, если не Великимъ, то, по крайней мѣрѣ, однимъ изъ достойнѣйшихъ Князей Русскихъ. Предлагаемъ читателямъ еще нѣсколько доказательствъ, подтверждающихъ мнѣніе наше, относительно ложнаго обвиненія Константина Димитріевича.

Начинаемъ съ того, что описанія наши (извѣстныя, всѣ безъ исключенія) не упоминають, ни о честолюбіи Константиновомъ, ни о строптивости его характера, ни о дѣйствіяхъ его противъ братьевъ, жившихъ съ нимъ въ родственной любви, правдѣ, безъ хитрости. Напротивъ, Константинъ былъ, во-первыхъ, всегда послушнымъ, почтительнымъ въ отношеніи къ Великому Князю, ибо видѣлъ въ немъ и Государя умнаго, и старшаго брата, и вмѣстѣ духовнаго отца своего; во-вторыхъ, онъ былъ и ревностнымъ защитникомъ правъ племянника, хотя еще юнаго, но уже законнаго Государя Великаго Княжества. Не есть-ли это дѣйствіе дружбы и любви, основанной на родственныхъ узакъ, всегда священныхъ для душъ истинно благородныхъ? Ссылаясь на второе духовное завѣщаніе Василя Димитр., многіе полагали, что Константинъ не упоминается въ ономъ единственно потому, что онъ (вмѣстѣ съ Юріемъ) недоброжелательствовалъ Великому Князю, и не

хотѣлъ подписать граматы, противясь новому уставу наслѣдства. . . Но Андрей и Пешрь развѣ уступали когда нибудь ихъ родишельское наслѣдіе? Развѣ духъ удѣльной системы не существовалъ до самой кончины Василя Темнаго? Положимъ, что Василій, дѣйствительно, отнималъ у брата своего удѣлъ, положимъ даже, что онъ дѣлалъ это для того, чтобы нанести вдругъ, уже поколебавшейся системы Удѣловъ, рѣшительный ударъ. . . Спрашивается: какую его политику означало возвращеніе того-же самаго удѣла брату, ибо договоры того времени ясно доказываютъ, что Ржевъ и Угличъ постоянно принадлежали Константину Димитріевичу до самаго 1433 года? «Великій Князь долженъ былъ оскорбиться» (отказомъ) — говоритъ Карамзинъ — «но скрылъ гнѣвъ, и примирился съ братомъ, огорчаемый тогда ужасными естественными бѣдствіями отечества» (*). Изъ сего слѣдуетъ, что Василій, по мнѣнію Исторіографа, болѣе оскорбленный Константиномъ, нежели оскорбленный сего послѣдняго, не равнодушно смотрѣлъ на собственность брата, возвращенную ему противъ желанія, и скрылъ гнѣвъ для того, чтобы въ удобнѣйшее время снова отнять оную. . . Но послѣдствія доказываютъ, что Великій Князь раздумалъ лишать его удѣла, и Константинъ не злобствовалъ, а великодушно простилъ Василя, ибо

(*) И. Г. Р. Г., 214.

возвратился въ Москву въ 1421 году: Далѣе говорить Карамзинъ : « Василій . . . зналъ честолобіе братьевъ , въ особенности Юрія и Константина ; предвидѣлъ , что они могутъ воспротивиться новому Уставу наследова, подчинявшемуся дядей племяннику (*). » И такъ Василій скончался недругомъ , питая подозрѣніе и месть къ меньшому брату , между тѣмъ какъ тотъ-же Великій Князь , если вѣрять Кормовой книгѣ , дѣлалъ вклады въ Симоновъ по душѣ Константиновой на поминки жизни . . . Убѣжденные собственными разысканіями въ дѣйствительности сихъ Историческихъ обстоятельствъ , но недовѣря себѣ , мы желали-бы знать источники , изъ коихъ почерпнуты были извѣстія , подавшія поводъ назвать Константина Димитріевича честолобивымъ . Да не падаютъ пороки и оскорбленія на мертвыхъ , но самоволію живыхъ ! . .

Былъ-ли Константинъ женатъ? Вопросъ , не подлежащій доселѣ никакому изслѣдованію . Лѣтописи наши не упоминаютъ о томъ ни слова . Однакожъ есть нѣкоторое подозрѣніе , что сей Князь едва-ли не имѣлъ супруги . Въ прощальной грамотѣ , или Духовной Митрополича Фомія , писанной въ 1431 году , читаемъ слѣдующее : « Тако-же возлюбленнымъ Княземъ , Князю Андрею Димитріевичу и Князю Ко-

(*) И. Г. Р. V, 220.

стѣннѣ Димитріевичу, тако-же даю имъ благословеніе и прощеніе и миръ въ сей вѣкъ и въ будущій, и съ ихъ Князьями и дѣтьми (*).» Добродѣтельный, но несчастный, первосвященникъ конечно разумѣлъ не будущихъ супруговъ сихъ удавшихся Князей (ибо Андрей Димитріевичъ еще въ 1403 году женился на Княжнѣ Стародубской Агриппинѣ), а Княгиню, конхъ безъ сомнѣнія зналъ лично. Такъ мы думаемъ.

Карамзинъ помѣстилъ, въ примѣчаніяхъ къ И. Г. Р. крашкую выписку (въ видѣ отрывковъ) изъ *Кормовой книги*, уже болѣе не существующей; о чемъ мы сказали выше сего. Онъ говоритъ: «Слѣдственно, Князь Константинъ Димитріевичъ скончался многою Симонова Монашья, чего мы не знали. (**).» Напрямъ: обстоятельство сіе давно было извѣстно. Сочинитель *Родословной книги Князей и дворянъ Россійскихъ*, напечатанной еще въ 1787 году, по самовѣрнѣйшимъ спискамъ, книги весьма не рѣдкой, и на кошторную часню самъ-же Ишоріографъ ссыдался въ своихъ примѣчаніяхъ, такъ упоминаетъ о немъ: «Князь Константинъ Димитріевичъ, бездѣтенъ, во иноцѣхъ Кассіанъ, лежавшъ на Симоновѣ.» Въ грамахъ Царя Бориса Федоровича, ниже сего слѣдующей, дѣйствительно

(*) Соф. Врем. II, 7.

(**) И. Г. Р. V, прим. 122.

сказано то, въ чемъ утѣраешь Сочинитель Родословной книги. Спрашивается : что именно понудило Константина оставить свой удѣлъ и вступить въ число братьевъ упомянутого монастыря ? Выступивъ въ положеніе дѣлъ государственныхъ временъ Василия Темнаго, мы полагаемъ, что онъ предвидѣлъ политическій переворотъ, долженствовавшій лишить Удѣльныхъ Князей ихъ наслѣдственной собственности. Сверхъ того братья его (Андрей и Пётръ) не могли подать ему руку помощи, ибо ихъ уже не было на свѣтѣ, а Юрій (въ 1433 году) взявъ Москву, объявилъ себя Великимъ Княземъ. Мы думаемъ даже, что Юрій, видѣвъ опаснаго врага въ Константины, врага несправедливости и беззаконія, принудилъ его принять иноческій санъ. По крайней мѣрѣ не должно предполагать, чтобы Константинъ вступилъ въ монашество, находясь по выраженію Лѣтописца, *на конемъ издыханіи*, слѣдуя обыкновенію своего вѣка, ибо въ большомъ Синодикѣ читаемъ сіи слова : *Князя монаха Кассіана*, слѣдовательно мы можемъ утвердительно сказать, что младшій сынъ Донскаго, не только что скончался *многъ*, но принадлежалъ и при жизни къ монашескующей братіи сей славной обители.

Какимъ образомъ Василій Дмитріевичъ, зная коротко честолюбивыя свойства души Константиновой, могъ совмѣстить въ себѣ совершенно различные чувствованія : и подозрѣніе, и любовь чисто брашскую ? Не обнаруживается-ли изъ словъ

выписки новое, совѣтъ прошивное мнѣнію Исторіографа обстоятельство, а именно, что Василій болѣе другихъ братьевъ своихъ любилъ *молодшаго*? Поводомъ къ такому заключенію былъ для насъ сіи слова Кормовой книги: «Далъ Кн. Вел. Василій Димитріевичъ (слѣдуешь исчисленіе вкладовъ), по своей душѣ и своему братѣ, по Князѣ Константинѣ Димитріевичѣ, внокѣ Касіянѣ, на поминокъ.» Вѣроятно все это было вписано въ Кормовую книгу уже гораздо послѣ кончины Василіевой, ибо Константинъ не былъ еще внокомъ въ его государствованіе. Лѣтописи наши утверждаютъ, что въ Княженіе своего племянника В. В. Темнаго, онъ жилъ и дѣйствовалъ не въ шѣсной келліи монастырской обители, но въ полѣ, съ мечемъ въ рукахъ, съ намѣреніями совѣтъ прошивными вноческой жизни. Изъ всего этого слѣдуешь:

І-е, Исторіографъ совершенно несправедливо обвинялъ Константина Димитріевича, въ намѣреніи прошиваться новому уставу наслѣдства, ибо всѣ дѣйствія его на поприщѣ жизни доказываютъ, что честолюбія не было и шѣни въ характеръ сего Князя. Сверхъ того, Царь Іоаннъ IV Васильевичъ почтилъ его память нѣкоторыми вкладами въ Симоновъ монастырь. Слѣдовательно, Константинъ достоинъ былъ воспоминанія сего Государя.

И-е, Константиинъ Димитріевичъ дѣйствительно принадлежалъ къ монашесствующей браніи Симоновской общины: это истина, неподлежащая болѣе никакому сомнѣнію.

Да не упрекнутъ насъ въ неблагодарности къ великому труду Карамзина. Кришическое обсадованіе наше нѣсколькихъ страниць сего огромнаго созданія, есть плодъ постояннаго изученія онаго. Мы скорѣе согласимся признашь ничтожность нашихъ замѣчаній (буде исторически докажутъ намъ ихъ неосновательность), чѣмъ уступимъ кому нибудь уваженіе къ памяти незабвеннаго...

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ.)

С М Ъ С Ъ.

Письмо Китайскаго Князя къ Русскому брату. — Мы имѣли удовольствіе сообщить читателямъ нашимъ, пріятное для каждаго Русскаго извѣстіе о почести, какую воздали Китайцы ученому Медіку, соотечественнику нашему (см. *Телеграфъ* № III, стр. 436 — 439), бывшему въ Пекинѣ. Теперь получили мы отъ почтеннаго П. Т. Басина и объятанный переводъ письма, писаннаго Китайскимъ Княземъ, при отъѣздѣ Г-на Войцеховскаго изъ Пекина. Слѣдимъ сообщить читателямъ сей замѣчательный актъ. Вошь, онъ слово въ слово:

« Россія, въ древности подъ именемъ Царства Динь-Динь извѣстная, со временъ Императора Консіа начала присылать ученыхъ воспитанниковъ въ Пекинъ, для изученія языковъ, и черезъ каждое десятилѣтіе Миссіи снѣгаются. Въ столичномъ нашемъ городѣ, Пекинѣ, назначено особое подворье для ить пребыванія, подъ особеннымъ покровительствомъ нашего Двора.

« Въ числѣ Членовъ насшоящей Миссіи прибылъ ученѣйшій Докшоръ , Іосифъ Войцеховскій , по отличныѣмъ знаніямъ въ Медициѣ не только превосходящій въ знаніяхъ нашего знаменишаго Бянь-Ціо , коему Древность столь много приписываетъ , но могущій сшашъ на ряду съ безсмертными Ця-бо и Хуань-ди (Императоромъ , основашелемъ Кишайской Медицины).

« Въ девяшомъ году царшвованія Дао-гуань (свѣшлаго правленія), 1829-го года , я былъ пораженъ эпидемическою болѣзнію , ошъ кошорой хотя и былъ излеченъ , но подѣ конецъ выздоровленія ядѣ болѣзни бросился на околоушныя желѣза , и произвелъ твердую , большую опухоль , для разрѣшенія коей многіе наши прославишіеся Докшора , болѣе года , безъ успѣха шрудались.

« Для леченія моеѣ болѣзни , прошу я наконецъ Г-на Докшора Войцеховскаго. Онъ лечишъ меня , и окрѣпость , въ короткое время , разрѣшается ; я прихожу въ совершеное выздоровленіе , и наслаждаюсь новымъ бышіемъ. Въ изъясленіе моеѣ слабой признашельности посшавилъ я памяшникъ въ Россійскомъ подворьѣ.

« Нынѣ , Г-нъ Войцеховскій возвращаешся въ свое ошечество , и я , съ полною признашельностію за великое одолженіе , съ душевнымъ прискорбіемъ о разлуцѣ , подношу ему еще чешыре нескладныхъ стиха , мною написанные.

«Послѣ десятилѣтнихъ , неуспынныхъ трудовъ въ изученіи языковъ , находившійся въ столицѣ , вожделѣнный гость , отдаленнымъ путемъ , возвращается въ свое отечество. — Государь мой ! вы вѣрно и въ другомъ мѣстѣ были искуснѣйшимъ врачомъ Хуан-шо , ибо отъ одного уже вашего воззрѣнія , или прикосновенія , больные оживаютъ !

«Вамъ угодно было и меня призвать , въ моей мучительной болѣзни , многіе мѣсяцы продолжавшейся ; но , къ стыду моему , я не воздалъ достойнаго трудамъ вашимъ возмездія !

«Въ прекрасный Майскій день , когда на досугъ слѣдовало-бы въ полной мѣрѣ наслаждаться разнообразными , прелестными видами природы , вспомнивъ о скоромъ вашемъ отъѣздѣ , я предался печальнымъ чувствованіямъ !

«Мнѣ ясно представляется , какъ ваши экипажи начинаютъ отправляться ; отъ движенія ихъ пыль поднимается столбомъ , и тысячи препятствій не могутъ остановить вашего отбытія !

«Провожая васъ , умоляю увѣрить меня , что я буду имѣть счастье — еще встрѣтиться и обнять васъ , въ предмѣстіяхъ нашей Столицы.

Князь Цюань-Чань.

— *Нѣсколько замѣчаній о Папскихъ владѣніяхъ.*

До половины осьмитаго столѣтія Папы не имѣли никакой власти политической и свѣтской. Прежде всѣхъ Пепинъ, желая вознаградить снисходительность Папы Стефана II-го, воздвигъ свѣтскую власть Папъ, и первый призналъ право ихъ изъяснять власть Божескую въ распредѣленіи престоловъ. Побѣдивъ Астольфа, въ 754-мъ году, Пепинъ отдалъ Церкви Святаго Петра Экзархію Равеннскую; Карлъ Великій прибавилъ къ этому Перуджино и Герцогство Сполешно. Въ одиннадцатомъ столѣтіи Папы получили отъ Императора Генриха III-го Герцогство Беневентское; около двѣнадцатаго, отъ знаменитой Матильды Тосканской, землю, извѣстную подъ именемъ *отчины Святаго Петра*. Въ 1532-мъ, Людовикъ Гонзаго, военачальникъ Климента VII-го, присовокупилъ къ Церковной Области Мархію Анконскую, а Герцогство Урбинское сдѣлалось собственностью ея отъ избранія Юлія II-го, которому принадлежало оно. Послѣднія пріобрѣтенія Папъ были: Орвіето, Герцогство Кастро и Графство Романіоне.

Въ 1796-мъ году Папское Правительство было уничтожено, и земля его превратилась въ Республику, тотчасъ павшую, какъ скоро Французы вышли изъ нея. Въ 1808-мъ году Церковная Область была присоединена къ Италіи, но постановленіемъ 17 Февраля 1810 года вошла въ составъ Французской Имперіи. Событія 1814-го года возвратили Папъ всѣ владѣнія его. Съ того времени, управле-

ніе оныхъ было измѣнено нѣсколько разъ, но 25 Октября 1824 года утверждено окончательно. Нынѣ владѣнія Папы раздѣляются на 14 областей, изъ коихъ Римская называется *Комарка*; Болонская, Феррарская, Равеннская и Форли именуются *Легатіями*, ибо ими управляютъ *Легаты*; другія носятъ названіе *Делегаций*, отъ титула управляющихъ ими, *Делегатовъ*. Делегация Беневентская есть округъ прежняго Княжества, въ Королевствѣ Неаполитанскомъ; земля Понше-Корво составляетъ часть делегации Фрозинионской, и также заключается въ Неаполитанскомъ Королевствѣ. Вотъ народонаселеніе каждой изъ 14-ти Папскихъ областей, по переписи 1827 года:

Области.	Народона- селеніе.	Главные города.
Римъ	292,529	Римъ.
Болонія	306,675	Болонія.
Феррара	205,084	Феррара.
Равенна	148,989	Равенна.
Форли	188,097	Форли.
Урбинно и Пезаро	216,071	Урбинно.
Анкона	155,397	Анкона.
Мачерата и Камерино . . .	143,820	Мачерата.
Фермо и Асколи	160,936	Фермо.
Перуза	188,598	Перуза.
Сполешто	148,598	Сполешто.
Витербе и Чивита-Веккіа .	145,022	Витербе.
Фрозиноне	169,037	Фрозиноне.
Беневенто	22,704	Беневенто.
Всего	<u>2,592,329.</u>	

Духовенство во владѣніяхъ Папы многочисленно, однакожь бѣдно. Самыя богатшыя изъ епархій не даютъ дохода болѣе 32,000 рублей. Доходы приходскихъ Священниковъ едва доставляютъ существованіе. Прежде несчастій Рима въ 1797 году, духовенство въ одномъ Римскомъ округѣ имѣло недвижимаго имѣнія почти на 78 милліоновъ р., а имѣніе онаго во всей Церковной Области простиралось до 214 милліоновъ.

Церковная Область (Stato della Chiesa) заключаетъ въ себѣ 811 кв. миль, 90 городовъ, 206 мѣстечекъ и 3863 деревни. Государственные доходы простираются до 12 милліоновъ, а государственный долгъ до 250 милл. гульденовъ. Военная сухопутная сила состоитъ изъ 9000 человекъ войска, морская изъ 2-хъ фрегатовъ и нѣсколькихъ мѣлкихъ судовъ. Промышленность и гражданская образованность въ большомъ упадкѣ.

КАМЕРЪ - ОБСКУРА.

№ 7.

ТРУДОЛЮБИВЫЙ МУРАВЕЙ,

Историческо - политическо - литературная Газета, издаваемая въ городѣ N. N., Яковомъ Ротозевымъ и Омою Низкопоклоннымъ.

Р И М Ъ.

Какъ тѣнь сѣдаго великана,
Въ могильномъ саванѣ, какъ дымъ
Подъ ледяной корою волкана,
Такъ ты, великій, дивный Римъ!
Время минувшихъ окликъ дикій,
Костями безсмертныхъ помощень,
Какъ твой пухляканный Пантеонъ,
Стоишь, въ развалинахъ, великій!
Не говори, не повторяй
Твоихъ заговоровъ и преданій,
Не возбуждай воспоминаній,
Души поэта не смущай!
Пусть безсмертнаго могила
Не произноситъ мѣлкихъ словъ,

Пока тебѣ языкъ боговъ ,
 Моей угрюмой Музы сила
 Упрямыхъ , Сѣверныхъ стиховъ
 Въ завѣтъ потомку не дарила !
 Молчи , краснорѣчивый Римъ ;

.
 Твоя развалины святыя ,
 Твои ошаташки гробовые ,
 Я оживлю моимъ стихомъ !
 Какъ-бы на Ціеіи шреножники ,
 Съ поникшимъ сяду я челомъ
 На тѣ мѣста , гдѣ Скинѣ-безбожники
 Съ огнемъ являлся и съ мечемъ ;
 Спадами думы зароятся
 Въ душѣ повѣща : смѣло онъ
 Глядишь на міръ , когда шѣсняиши
 Къ нему стихи со всѣхъ сторонъ !
 Онъ обнялъ выпренииъ пожаромъ ,
 Онъ презираешь вкусъ и умъ ,
 Воспламененный чуднымъ даромъ ,
 Онъ дикъ , онъ сиѣлъ , какъ бури шумъ !
 Себѣ единому поняиень ,
 Для черни смыслъ онъ потерялъ —
 И черни гласъ ему невяиень ,
 И ей не знашь , что онъ писалъ !

Картофельнѣ.

Римъ ,

1832 г. Марта 3 д.

Иностранныя известія.

Лейпцигъ. Вчера скончался здѣсь, извѣстный въ ученѣмъ свѣстѣ своими филологическими изслѣдованіями о Гренландской азбукѣ, Г-нъ Докторъ Философъ, Городовой Совѣтникъ, Іоаннъ Фридрихъ Клаусъ, на 87-мъ году.

Пишутъ, что въ Ниренбергѣ шелъ дождь, а въ Мадридѣ выпалъ снѣгъ.

Князь Рейсъ - Лобенштейнскій, Гейнрихъ LXXII-й, изволилъ отправиться на охоту.

Лондонъ. На биржѣ носились слухи, что кофе нынѣшній годъ подорожаетъ. По другимъ извѣстіямъ, это совершенно несправедливо.

Новости не-политическія.

Паганини давалъ въ Парижѣ концертъ, но сборъ его не сравнялся однакожъ съ сборами прежнихъ его концертовъ.

Г-нъ Арнольдъ, нарочно путешествовавшій по всѣмъ нѣмъ мѣстамъ, гдѣ, какъ полагали донынѣ, Арминій разбилъ Вара, занимается теперь сочиненіемъ о семъ любопытнѣйшемъ пред-

нешѣ, гдѣ хочешъ доказашъ, что всѣ извѣстныя донынѣ догадки о мѣстѣ разбишя Вара были невѣрны.

Въ Англіи полагають до 16 милліоновъ жителей, а по другимъ извѣстіямъ 15, или 17.

Славный Ахардъ утверждалъ, что выжимки свекловицы (betterave) рѣшительно могутъ замѣнять кофе, если ихъ поджарить, и пить, въ пивердомъ увѣреніи, что вкусъ энихъ поджаренныхъ выжимокъ совершенно сходенъ со вкусомъ кофе (см. его *Traité sur le sucre européen de betterave*, пер. Г-на Дерона). Можно-бы не повѣрить Ахарду, потому, что онъ такъ-же былъ помѣшанъ на свекловичѣ, какъ одинъ изъ нашихъ ученыхъ влюбился въ Исландскій мохъ, и дѣлалъ изъ него сахаръ, пирожное, хлѣбъ, шоколатъ, и проч. Но Г-нъ Дейзъ, въ *Instruction sur l'extraction du sucre de betterave*, подшверждаетъ поже; въ Шампенуазскомъ Альманахѣ 1812 года поже говорится. Г-нъ Дюбрюно, въ *Agriculteur manufacturier*, Т. I, Май, 1830 г., увѣряешъ, что въ Валансьеннѣ всю негодную свекловицу обращають нынѣ въ кофе. Въ *Экономическомъ Журналѣ*, Г-на Кукольника, Т. 2, N° 3, стр. 210, 1807 года, подшверждается извѣстіе о вкусѣ и здоровости свекловичнаго кофе, и въ *Anna-*

les des manufactures, 1843 г. № 444, стр. 280 и 281, Издатели смѣло говорятъ, что свекловичный кофе Моккскому не уступаетъ. Читатели наши могутъ сказать, что извѣстія о предметѣ, подобномъ свекловичному кофе, бесполезны, а свидѣтельства, приведенныя нами, можно назвать *промышленными сплетнями* (commérage industrielle), потому, что всѣ писатели, о которыхъ мы упомянули, *самыя*, но никто изъ нихъ не испыталъ самъ, а испытывавшій не замѣнилъ для себя свекловицею настоящаго кофе. Тогда-бы повѣрили мы — прибавя къ этому наши читатели — когда-бы Г-да Ахардъ, Дюбрюно, Кукольникъ, или ктонибудь другой, сказалъ: Мм. Гг., я узналъ на опытъ, и теперь самъ пью этотъ кофе. Безъ этого ссылки на нихъ не похожи-ли на ссылки Кутейкина, который тоже видѣлъ въ большой Псалпири, что напечатано въ маленькой, замѣченной имъ у отца Прошопопа? Но мы возразимъ, что наше дѣло только *сообщать новости* по части Промышленности, и обращать вниманіе читателей на новыя вѣщи современной фабрикаціи. А въ самомъ-ли дѣлѣ, гадкія выжимки свекловичныя на кофе походятъ — читатели, если имъ угодно, могутъ испытать сами. Это уже не наше дѣло!

Ученія извѣстія.

Одинъ изъ знаменитыхъ Литтераторовъ нашего города недавно ѣздилъ въ Москву. Онъ говоритъ, что былъ тамъ въ обществѣ многихъ почтеннѣйшихъ Литтераторовъ, видѣлъ многія созрѣвшія и зрѣющія надежды нашей Литтературы. Эпошъ путешественникъ сообщилъ намъ, между прочимъ, что нѣкто изъ Литтераторовъ Московскихъ занимается составленіемъ *Словаря рифмъ*. Пособіе, необходимое для поэтовъ, дѣло важное и обширное! Что такое *стихи*? Слова, которые поставлены въ известномъ порядкѣ, и заоспрены на концѣ строчекъ рифмою. О механизмѣ стиховъ писано уже было довольно. Язвическіе, Меморскіе, Бушовскіе, Вербишскіе, Кавецкіе, Орловскіе, Орнатовскіе, и другіе великіе филологи Русскіе, уже многократно толковали, что такое *ямбъ*, и *хорей*; что такое *рифма женская*, мужская; что такое *цезура*, и проч. Впрочемъ, многіе, какъ-то, Г-нъ * * *, доказали, что въ наше время можно писать стихи, и не зная всей этой дряни. Но *рифма* необходима, и весьма часто дѣлаея она мушкетершею поэта, уничтожаея его восторгъ....

Повторить: Словарь рифмъ необходимъ. Однакожь виноваты сами поэты наши, если они не знаютъ, что Словарь рифмъ, даннымъ давно, и именно — 32 года тому назадъ, былъ изданъ. Предпріятіе Московскаго Липпераншора показываешь, что эюптъ прежній Словарь не всѣмъ извѣстенъ. Такое небреженіе пѣтъ непроспичельнѣе, что старинный Словарь эюптъ есть швореніе оригинальное, удивительное, споншшіе сочинителю труда ужаснаго. Мы долгомъ почишаемъ представить чинаптелямъ нашимъ извѣстіе о сей превосходной книгѣ.

Вошъ названіе оной : « *Рномальный Лексиконъ, или Славено-Россійскаго витійства Словарь*, содержащій въ себѣ всѣ частши Грамматиической рѣчи, и миеологическія названія, извращенныя по всѣмъ Славено-Россійской Грамматики измѣненіямъ, приведенныя къ одинаковымъ, отношоннымъ слово-кончаніямъ, на ямбъ, или хорей исходящимъ, и расположенныя по обыкновенному алфавиту. Сочиненъ, для упошребленія и благоуспѣшества желающимъ упражняшся въ стихошвореніи, Секретаремъ Иваномъ Тодорскимъ, а напечатанъ иждивеніемъ желающихъ (М. 1800 г. въ ш. В. Окорокова, in-4, 107 стр.).

Не знаемъ : писалъ-ли что нибудь еще Г-нъ Тодорскій? Но уже одно заглавіе сего труда показываешь, что это былъ человекъ, какъ говаривалъ Тредьяковскій, *весьма острый*, и съ знаніемъ *Риторикки зело искусный*. Но дабы вполнѣ могли чипашели оцѣнить его вкусъ, умъ, и даровитость, предлагаемъ здѣсь посвященіе книги его Хераскову, бывшему тогда Кураторомъ Московскаго Университета. Вотъ оно :

Былъ нѣкогда всеобщаго Наукъ соборища обита-
тель, имѣлъ честь и я пользоваться Вашимъ надо-
мною начальствомъ, гдѣ находясь покоился въ про-
хладной стѣни покровительства, и наслаждался ча-
стію всѣхъ и на вся богато изливаемыхъ Вами ще-
дростъ и милостей, каковыми и донесъ сопребыва-
ющіе шуть Музюлюбцы обилуютъ. — Сіе вѣрно по-
тому, что гласъ упоминаемаго народа, сущій гласъ
Божій, съ благодарнымъ къ своему попечителю
сердцемъ, ошъ презбышечествованія онаго, не-
лестными устами вопіешъ всюду любя ния, хваля
свойства, и величая доброту души Твоея. — Сей
пріятный слухъ поражаетъ уши и, плѣняя духъ во
иссозможное къ Вашему Превосходительству, яко
истинному учености любителю благоговѣніе, ну-
дитъ меня къ изъявленію шоль благошворной и до-
бродушной Особи приличнаго починанія; дабы ис-
полнишь долгъ на благоговѣнной душѣ лежащій,
или, по крайней мѣрѣ, засвидѣтельствовашъ при-

знательность Вашихъ добротамъ. — Ибо опытно
 шо, что Ваше Превосходительство, во слѣдъ знаш-
 наго, Россійскаго языка Возрождителя, Исправ-
 шеея и гладкіе пуши къ двоякому, въ Прозѣ и Схи-
 хахъ преподаваніемъ попомству нѣкоторыхъ правилъ
 и превосходныхъ для подражанія примѣровъ Вишій-
 ству положившаго, достойно и праведно въ памя-
 ти ученыхъ оставшагося Господина Ломоносова,
 грядете, и не только шествуете по прошереннымъ
 сшеямъ его, но будучи Самъ усердный благород-
 ныхъ наукъ любитель, а потому учащихся недре-
 шлющій Попечитель, Свои оказывать изволите опы-
 ты въ красотѣ Славено-Россійскаго слова, кото-
 раго вкусомъ довольно сердца наши улаждаете. —
 Не говоря о прочихъ, привлекающихъ соотчическое
 вниманіе, швореніяхъ, одни только, пусть скажу,
 несравненные Ваши, въ сшихахъ Россіяда и Возрож-
 денный Владимиръ, а въ прозѣ Камень и Гармонія,
 улаждая слухъ, восхищая мысль и духъ плѣняя,
 всѣхъ читающихъ и разумѣющихъ оныя къ себѣ ош-
 вденяють. Слава Богу, показавшему намъ ревни-
 шеея по Славено-Россійскомъ Вишійствѣ, что есть
 за кѣмъ во слѣдъ ишши охошникамъ до онаго! Я,
 далекій послѣдователь въ пуши семъ, мысленно вз-
 рая на лице Ваше, душевно-жъ почиая ими, съ
 восхищеніемъ чшу сіи шворенія. — Удивляясь-же
 ошпротѣ мыслей; глубинѣ замысловъ, чистотѣ
 ишшиа, крашкому, но ясному и полному выраженію
 и, во всѣхъ частяхъ, вольному и гладкому слово-
 шеченію, съ жадностію приѣмлю на себя о всѣхъ и
 за вся долгъ благоговѣнія, соединеннаго съ чистотою

Вашему Превосходительству благодарностию; хотя, какую принести, недоумѣваю. Но, какъ вѣрно то, что всякому свое прилично, на примѣръ: Богу вѣра и поклоненіе, Царю дань и вѣрность, Священнику ошнѣи, воину мечъ, купцу злато, земледѣльцу плугъ, а Стихотворцу нужна Рѣма. Извѣстно-жъ и то, что въ Особѣ Вашей есть съ прензбышечествомъ высокопарный и глубокомысленный духъ Славено-Россійскаго Стихотворства, и способность, сопряженная съ навыкомъ къ выраженію толковыхъ твореній, каковымъ многіе ревную, да, такъ скажу, завидуютъ. Желая-жъ уравнишься въ оныхъ, но не имѣя въ себѣ чего нибудь изъ сихъ талантовъ, не только въ мысляхъ уподобиться, но иногда за недостаткомъ въ скопѣ рѣмъ, ниже гладкаго, складнаго и сходношонаго одного другому словоокончанія, приличнаго матеріи, приложити не могушь; нерѣдко-жъ съ немалымъ умовращеніемъ, или головоломаніемъ, сыскавъ понравившуюся себѣ по шону только рѣму, прикладываютъ оную со всѣмъ не прилично матеріи, чрезъ что и ошъ предмета своего удаляются, и заходятъ въ неизвѣстность чѣмъ кончить свое предпріятіе. А дабы таковыя до стихотворенія охотники, наипаче-жъ начѣнающіе еще писать стихи, могли имѣть изобиліе приличныхъ и надобныхъ для нихъ рѣмъ, и дабы всѣ оныя, какія только есть и были могушь въ Славено-Россійскомъ нашемъ языкѣ, какъ-бы въ зеркалѣ предъ глазами своими видѣть, и изъ числа оныхъ одну по приличію къ матеріи соотвѣтствующую шономъ предыдущей, при-

загади къ другой строчкѣ стиха , изъ любви къ со-
отчичамъ , и изъ усердія , елико могъ , услужить но-
вымъ стихослагателямъ (ибо старыи и навѣкъшіи
въ стихосланіи шворецъ , каково есть въ Вишійста-
шой и Замысловашой Особѣ Вашей , такой , гово-
рю , не имѣешь большой нужды въ рѣмѣ , послѣку
сей не за рѣмою гоняешься , но углубляешься паче
въ мысляхъ , и выражая свой предметъ крашко , по-
ясно , не мысли къ рѣмѣ , но рѣму къ мыслямъ
приклоняешь) , для шаковыхъ-шо стихопворцовъ ,
или , лучше сказать , для начинающихъ только пи-
сашъ стихи , и ради удобнѣйшаго плодопринесенія
въ ихъ начинаніяхъ , сочинилъ я , съ Божіею помо-
щію , выбравъ одношонныя изъ Россійскихъ Грамма-
тическихъ Словарей , реченія по одинакимъ гласо-
удареніямъ и окончаніямъ , рѣмальный , не бывадыи
еще доселѣ на Россійскомъ Парнассѣ , Лексиконъ ,
или Славено-Россійскаго Вишійства Словарь , кото-
рый , по превосходству существующаго въ Вашей
Особѣ Вишійственнаго духа , и по преклонности
моей къ почипанію оной , усерднѣйше Тебѣ посвя-
щаю . При чемъ ласкаю себя , что оный трудъ , яко
посвященный Главѣ Вишійства , и не ошринушый
ею , можешь нѣмъ болѣе приносить пользы желаю-
щимъ упражняшся въ стихосложеніи . — Но успѣлъ
ли я въ своемъ благонамѣреніи , или нѣтъ , ошдаю
шо на разсужденіе безпристрастнаго о будущемъ
гаданія . Впрочемъ , дабы пользующіеся сею книгою ,
могли изъ собраннаго въ ней многоаго выбирать ,
каждой для себя немногое , но нужное и лучшее ,

а пришло готовое, сей мой трудъ съ глубочайшимъ моимъ почитаніемъ издаю въ руки Твоя, съ преданіемъ и самого сочинителя во благоволеніе.

Въ *Предисловіи* объясняешь послѣ сего Авторъ, что, какъ воинъ запасается оружіемъ, а экономъ, прежде поспроитъ дома, матеріалами, «равнымъ образомъ и поэтъ, кто желаетъ приводить въ совершенство мысленное свое зданіе, или писать стихи,» долженъ знать механизмъ стиховъ, и имѣть запасъ рифмъ. Рифма, говоритъ онъ, «немалую придаетъ красоту, пріятность и важность творенію, наподобіе, какъ сановитую, спатную и складную женщину красивый уборъ творитъ болѣе на нее взвращаемою. А дабы ты, чисташель, не имѣлъ нужды при сочиненіи, въ выдумкѣ и пріисканіи нужныхъ рифмъ, и имѣлъ-бы головы своей не ломалъ понапрасну, вотъ тебѣ цѣлое поле предложи здѣсь оныхъ.» Изъяснивъ, какъ пріискивать надобно рифмы въ Словарѣ его, Авторъ заключаетъ: «Усерднѣйше желаю тебѣ, любезный соопачитъ, пользоваться сею книгою, и успѣвать въ витійственныхнхъ твореніяхъ, съ употребленіемъ богатыхъ рифмъ,» и проч.

Если все это прелестъ, какъ, вѣроятно, всякій согласишся, то мы прибавимъ, что самый Словарь Г-на Тодорскаго есть прелестъ,

ни съ тѣмъ несоравнима! Подлинно — поле кра-
сошъ , гдѣ ня развернете. Взгляните напри-
мѣръ, на слѣдующій рядъ созвучій: ворона, дро-
тона, икона, корона, оборона, персона, попо-
на, препона, амвона, звона, трезвона, козогона,
погона, ефимона, макарона, утона; или на эшошъ:
блаже, глаже, гаже, даже, млаже, раже, та-
же; или на слѣдующіе: вскоска, соска, за-
носка, засоска, криваноска, лососка, откоска,
толстоноска, тезка — ведромѣра, гофъ-фурьера,
живодера, канонера, штабъ-офицера, фузелера—
тервяка, тествяка, шелудяка, голяка, земляка,
кыляка, мерзляка, сопляка, обиняка, дубняка,
и — наконецъ — шакого ка, копорое нмкогда
не случалось намъ ведашь ни въ прозѣ, ни въ
спихажъ и копорое, съ непоняшнымъ добро-
душіемъ, Г-нъ Тодорскій напечаталъ на 3-й
страни. въ 4-й колоннѣ словъ.

Явленіе, любопытное для всякаго чипателя,
сполько-же, сколько поучительное и полезное
для поэта. Порадуемся, если спашья наша не-
хипишъ Словарь Г-на Тодорскаго изъ мрака заб-
венія.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

1. На Городскомъ шеашрѣ завпрашній день
предспавлена будешъ, по возобновленіи саль-

дыхъ огарковъ въ оркестръ въ первый, а въ шеченіе года въ 32-й разъ: *Азинусъ азинусъ фрикать*, или *оселъ осла дурачить*, водевиля, соч. Князя А. А. Шаховскаго; за ними послѣдуетъ: *Скупой*, комедія Мольера, пер. С. Т. Аксакова. Въ заключеніе спектакля данъ будетъ: *Филатка въ пазну у Алжирцевъ*, большой, героико-комическій балетъ, съ новыми декораціями, бурями, полешами, превращеніями, пушечною пальбою и колокольнымъ звономъ. Во второмъ актѣ, Г-нъ Пискуновъ будетъ пѣть Русскую пѣсню: *Не были-то сиза во имстомъ полѣ*, а Г-нъ Безголосовъ прочитаетъ стихи А. С. Пушкина: *Прощай, свободная стихія*. Разбитіе корабля, въ 3-мъ дѣйствіи, изображеніе Г-на Фирюлькина; буря и пѣсня: съ молнією Г-на Кисточкина; свистъ вѣтра: будетъ производимъ рыкомъ, и особеннаго рода дудочкою, Г-нъ * * *; въ концѣ балета — всеобщій ножаръ, истребленіи Алжиръ, гора Апласъ падаетъ, и Филатка идетъ шехардою на Алжирскомъ Дѣл. — Многіе изъ зрителей изъявили свое мнѣніе, что *Азинусъ*, *Скупой*, *Благородный театр*, и другія пьесы, безпреснанно играемы на нашемъ театрѣ, чрезвычайно всѣмъ надоели. Но, звать никому въ театрѣ не запрещается, и зрители могутъ приходить къ началу балета. Вычитаны-же деньги за пьесы, ко-

спорыхъ зрители смотрѣть не хотѣли, какіе предлагали многіе, содержатель театра не можеть, для того, чтобы избѣжать нѣмнотныхъ разсѣпновъ и споровъ, необходимыхъ при подобномъ случаѣ.

2. Судья Городовому потребно исправитъ починкою, пришедшую въ вѣхоспъ опъ времени, совѣспъ, и вновь перемоспипъ разохпшіяся правспвенныя его правила. Желающіе подрядипсь на сіи работы могутъ являться къ споргамъ ежедневно.

3. Г-жа Эмилія Гѣзъ сипъ часопъ нипѣспъ извѣспипъ, что она ошкрыла въ семѣ городѣ пансіонъ, для благородныхъ дѣвицъ. Имѣя цѣлю доспавипть нзпцное и полное воспиппаніе, она предположила испкючипъ изъ курса ученія всѣ не нужные для дамъ предмети, и пѣмъ болѣе заняпсь немногими, важнѣйшими предметами, кои сущъ: шанцованье, Французскій языкъ, музыка и пѣніе. Воспиппаннцы будутъ изучать, не шолько всѣ лучшіе общеспвенные шанцы, но и пріучатъсь къ балетнымъ и характернымъ шанцамъ, шакъ, чтобы въ случаѣ нужды могли онѣ на домашнихъ театрахъ шанцовать балетш. Французскій языкъ будешъ преподаваться наиболѣе изъ разговоровъ, шакъ, чтобы воспиппаннцы, съ шрудомъ поминя двѣ строкы въ днѣ

гѣ , могли узнатьъ всѣ каламбуры и понюски Французскаго разговора. Музыка и пѣніе преподаваемы будущъ въ высокой степени , до того , чтобы воспитанницы могли , не только разобрашь аккомпаньманъ къ каждому романсу , но и пропѣть самый романсъ. Кромѣ того , Г-жа Гёзъ постарается внушать воспитанницамъ вкусъ къ изящнымъ нарядамъ , всегда будешь водить ихъ въ узкихъ корсетахъ и маленькихъ башмачкахъ , пріучить мило кланяться , ксаться краснѣть , пошуплять и подымать глаза съ возможною выразительностію , и вообще науку нравиться преподавать имъ въ самомъ обширномъ и полномъ объемѣ , такъ , чтобы вышедши изъ ея пансіона , дѣвушка не засидѣлась долго въ домѣ родимельскомъ , и за всѣмъ шѣмъ успѣла-бы покружить головы многимъ женихамъ. Объ условіяхъ узнать у самой Г-жи Гёзъ.

4. Поступило въ продажу недавно напечатанное , новое сочиненіе : *Историческія изслѣдованія , касательно Русской Исторіи* , издавныя Баккалавромъ Т. П. Желпяковымъ. Въ сей книгѣ содержащяся слѣдующія сшашья : « Неоспоримыя доказательства , что Рускіе происходятъ отъ Хазаръ — Разысканія о хохлѣ Свяшослава « Игоревича , какъ доказательствѣ Восточнаго « происхожденія Руссовъ — Изысканія о перене-

« сеніи въ Россію Нѣмецкаго городского Уло-
 « женія, названнаго въ переводѣ *Русскою Прав-*
 « *дою* — О судебныхъ поединкахъ въ Россіи. —
 Цѣна 5 рублей.

5. Нижеподписавшійся, съ испивнымъ, сердечнымъ прискорбіемъ объявляетъ о кончинѣ родителея своего, Луки Сидоровича Промошаева, послѣ коего оспался онъ единспивнымъ законнымъ наслѣдникомъ. А шакъ, какъ всѣ деревни покойнаго въ закладѣ, денегъ наличныхъ не найдено, да и вещей движимыхъ не оказалось почти никакиѣ, въ похищеніи коихъ сильно подозрѣвается дочь покойнаго, сестра нижеподписавшагося, Токла Лукина, по мужѣ Царапаева, о чемъ и явочное прошеніе подано, по и рѣшается онъ, нижеподписавшійся, продать разное поношенное покойнаго родителея платье. Желаютъ могутъ явиться для покупки къ нему немедленно, въ деревню Безхлѣбову.

Помѣщикъ, отставной Канцеля-
ристъ Филатъ Лукинъ сынъ,
Глузоголововъ.

6. Вновь пріѣхавшій Химикъ, Физикъ и Ко-
 смешиспъ симъ извѣщаетъ почтенную публику,
 что онъ имѣетъ съ собою разные секреты,

какъ-то : можешъ выращашъ волосы на головѣ, голой какъ ладонь ; почииваетъ гнилые зубы , шакъ , что они пойдутъ заново ; обчииваетъ щеки для очковъ , шакъ , что слѣпой увидишь ; и сверхъ того умѣешъ : выгоняшь мухъ , шаракановъ , мишей ; сгоняшь веснушки ; лица шарухъ дѣлашь свѣжими и розовыми , какъ у 15-ти лѣтнихъ дѣвушекъ ; унимаешь кашель у шариковъ душистыми лепешками ; выправляешь кривыя ноги ; красишь волосы въ прелестный русый цвѣтъ ; возвращаешь блѣднымъ румянецъ , утомленнымъ свѣжестъ , и проч. и проч. Полагаясь на то , что публика до сихъ поръ вѣрила Макассарскому маслу , Одезальцъ , Іерусалимскому бальзаму , Жизненной эссенціи , мозольнымъ пилоткамъ , красота дамъ на балѣ , честности картежныхъ игроковъ , водѣ Грацій , и проч. , онъ надѣется , что и ему повѣришь публика , и что онъ будетъ еще не послѣдній , кому повѣришь она.

ОБОЗРѢНІЕ

СОВРЕМЕННЫХЪ РУССКИХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Лѣтъ за двадцать, у насъ на Руси, чудное было время для многихъ, такъ называемыхъ ученыхъ! Какъ умѣлъ обождать какого нибудь чужеземца трудолюбца, и выдать заемный трудъ за свою собственную ученую диссертацию, шло безусловно считался *ученымъ*. Послѣ этого, ему надобно было только поддерживать ученость свою какими нибудь спашейками, съ прикрасою Лашинскихъ фразъ и ссылокъ на Фабриціа, на Записки Академіи Наукъ, на Мюллеріевъ Лексиконъ; при этомъ, съ презрѣніемъ говорить о всѣхъ чужихъ трудахъ, шлоко-вать о томъ, какихъ подвиговъ, какихъ изысканій стоить ученость; *общать* безпрестанно свои ученые изысканія, долженствующія преобразить все — и всѣ кандидаты на подобную ученость снимали шапмы, произнося имя нашего эрудита, всѣ были увѣрены, что это истинный ученый, достойный наследникъ Эразмовъ, Гейнзиевъ, Эрнестіевъ, Вольфовъ.

Прошло это благое, или лучше сказать, блажное время! И теперь у насъ много охотниковъ наряжаться въ чужія шоры, но ихъ шепчется оцѣни-

вяжешь и говоришь публикѣ, кто нарядился въ павлиньи перья, или въ львиный тулупъ. За то, какъ и ненавидишь, какъ проклинаешь эти мнимо-ученные гонимые своихъ, Журналистовъ, вѣчныхъ, неутомимыхъ преслѣдователей всѣхъ самозванцевъ, а особенно самозванцевъ ученыхъ. Мы, съ своей стороны, не дадимъ отпѣша Музамъ въ бездѣйствіи: мы имѣли счастье обличить не одного самохвала, уронить не одного враля, сорвать маску не съ одного самозванца. Читатели могутъ быть увѣрены, что мы не упустили въ этомъ подезномъ шрудѣ.

Но, это дѣло постороннее; обратимся къ ближайшему, къ Журналу, все еще носящему заглавіе 1832 *Телескопа*. До сихъ поръ мы замѣчали въ этомъ Журналѣ частныя ошибки и промахи. Такъ въ двухъ предшествовавшихъ статьяхъ доказано нами, что Г-нъ Издатель Телескопа не знаетъ ни Русскаго, ни Французскаго языка; не знаешь Нѣмецкой Литтературы и судить о ней по наслышкѣ, называя Цшокке Швейцарскимъ писателемъ; не имѣешь ни какого понятія о Французской Словесности, ибо онъ нашелъ гексаметры у Расина и Вольтера, чего нѣтъ и быть не можетъ, ибо этому противится природа Французскаго языка. Правда, такого незнанія довольно, чтобы перескочить вѣрши Журналу Г-на Надеждина; однакожь мы взглянемъ еще на общность, на духъ и направленіе онаго, дабы сдѣлать окончательный выводъ объ этомъ странномъ явленіи.

Полтора года *Телескопа* доказываютъ, что Издатель его не имѣлъ никакой мысли, никакого на-
 1

литературнаго побужденія при эшомъ важномъ предпріятіи. «Давай-ка издавать Журналь!» вопль что было мыслью его. А какъ издать? Для чего? Об эшомъ придется ему подумать шеперь.

Не говоря уже об общей цѣли, скажемъ, что нѣтъ ни одной части, которую-бы *Телескопъ* обрабатывалъ съ знаніемъ, съ любовью къ предмету. Напрошивъ, каждая часть его скрипнѣтъ и оплываеца ошъ непрочнаго фундамента. Издашеть *Телескопа* хопѣлъ подражать другимъ Журналамъ, но ошлался со своимъ духомъ и средствами, шо есть съ духомъ и средствами покойныхъ *Галатен* и *Вѣстника Европы*. Все это разцвѣтиль онъ своимъ несноснымъ слогомъ, своимъ невѣднѣемъ, своими смѣшными требованіями на ученость, своимъ пристрастіемъ въ сужденіяхъ — и диво-ли, что Журналь его шакъ плохъ и шакъ неуважаемъ? Онъ не представляеть читателямъ ни одной свѣжей, глубокой идеи; переводя спашьи иноштранныя, искажаешь ихъ своими нелѣпѣйшими, несносными переводами; даже передавая извѣстія о современныхъ явленіяхъ, онъ обыкновенно обезображиваетъ и главные идеи; и подробности.

Посмотрише, напрімѣръ, каковъ разборъ *Людвика XI-го* помѣщенъ въ 5-й книжкѣ нынѣшняго года! Это образецъ безобразія, какъ оспроумно сказалъ одинъ Литтераторъ. Прежде всего, Издашеть составляеть пріумвиратъ изъ К. Делавиня, Ламаршина и В. Гюго. Поэтическіе пріумвираты давно признаны игрою словъ, и давно брошены; а здѣсь

это спавить во главу угла. И почему Издашель нашелъ во Франціи только шрекъ поэтовъ? Развѣ А. де Вийи, Жаненъ, Шатобріанъ, Вите, Мериме, Дашшмеръ и Каве не поэты современные, ибо онъ сравниваетъ поэтовъ не одного рода?.. Не Издашель *Телескопа* говоритъ это, ибо не хотимъ разсуждать съ нимъ о Французской Литтературѣ: говоримъ знающимъ Французскую Литтературу. А сколько ошибокъ въ подробностяхъ этой рецензіи. Напримѣръ, въ ней сказано, что изъ драматическихъ произведеній Делавиня удержалась на театрѣ одна *Школа стариковъ*. Не судить-ли Издашель о Французскомъ театрѣ по Московскому? Въ Парижѣ до сихъ поръ предшавляютъ и *Парію*, и *Комедіантовъ*, и даже *Сирыйскія Вестерки Делавиня*. Забавнѣе всего, что единственная мысль во всей рецензіи, а именно, что Делавинъ несообразно вывелъ въ Трагедіи комическое лицо Людовика XI-го, эта мысль чужая: она пошитонокъ взята изъ *Journal des Débats*, безъ оговороки. Принимайне слово, какъ называешся такое похищеніе. О слога рецензіи и говорить нечего: извѣстно, какъ пишетъ Издашель 1832-го *Телескопа*. Періоды въ полъ-страницы, гдѣ не доберешься смысла, у него еще красоты. Тамъ есть и подобныя прелести: «*Принцесса Аврелія* возбуждала ропотъ при самомъ первомъ явленіи и упала немедленно; ея холодная бездушность, изблѣвшая въ ней мертвый шрупъ Французскаго Классицизма, и проч.» *Бездушность, изблѣвшая шрупъ!!* И какое искусство говорить плеоназмами: *самый первый, упала немедленно, холодная бездуш-*

*мостъ, мертвый трупъ — какъ будто можешь быть
живой трупъ и гордая бездушность!*

Еще забавите сказаніе о Поэтѣ Барбье. Не станемъ выписывать Костромскихъ фразъ самого Изда-
шеля; посмотришь, какъ переводитъ, и слѣдственно,
какъ понимаетъ онъ Барбье. Поэтъ предста-
влялъ Францію кобылицею:

Tout son poil était vierge, et, belle vagabonde,
L'oeil haut, la croupe en mouvement,
Sur ses jarrets dressée, elle effrayait le monde
Du bruit de son hennissement.

Вотъ переводъ Телескопа: «Ея шерсть была дѣв-
ственно неприкосновенна: и, вольная странница,
морду вверхъ, на твердо неизблемыхъ ногахъ, съ
шрепешаніемъ жизни въ чреслахъ, устрашала міръ
своимъ громозвучнымъ ржаньемъ.» Довольно-ли это-
го для доказательства, что Г-нъ Издашеля не по-
нимаетъ того, что переводитъ?... L'oeil haut зна-
читъ у него морду вверхъ!... Но шумъ шма ново-
стей: belle (прекестная) по переводу Г-на Надеж-
дина — вольная, vierge (дѣвственная) дѣвственно-
неприкосновенна. А милая привычка къ палеоназму:
твердо-неизблемыя?

Окончимъ замѣчанія наши смѣшною чершою Из-
дашеля Телескопа. Онъ подписывается подъ многими
переводными сшашьями: Изъ Blackwood's Magazine,
изъ Foreign Review, изъ Foreign Quarterly Review,
изъ Edinburgh Review, изъ New Monthly Magazine,

изъ Literary Journal, и проч.» Какое изобиліе въ Англійскихъ Журналахъ!» съ удивленіемъ скажешь иной читатель. Но удивленіе его будетъ совѣтъ иного рода, когда онъ узнаетъ, что Издатель Телескопа и не видывалъ ни одного изъ сихъ Англійскихъ изданій! Источникъ его—Revue Britannique, гдѣ помѣщаются переводныя статьи изъ Англійскихъ Журналовъ. И такъ переводя съ Французскаго (и какъ *переводя!*), онъ только пускаетъ въ глаза Англійскую пыль.

Видяшь-ли теперь читатели наши, чѣмъ знаешь 1832-й Телескопъ?

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ (*).

Les bonnets habillés ont les garnitures beaucoup moins hautes que précédemment. Entre deux rangs de blonde, trois fleurs à égales distances, la tige peu longue; en tout la garniture ne s'élève, autour du visage, qu'environ de la hauteur d'une main.

Les formes des calottes de chapeaux se font très-étroites du haut, cela donne infiniment plus de grâce à la tête que les formes rondes, qui sont lourdes. Toujours la fleur posée droite; plus du tout de fleur tombante.

A la première représentation de la *Tentation*, les robes blanches étaient en majorité; organdi ou mousseline rayée. Des corsages décolétés avec des tours de gorge en tulle ou dentelle à tuyaux dont les rangs étagés tombent en s'étendant beaucoup sur l'épaule.

Avec une coiffure un peu recherchée, on porte des manches courtes, des gants longs.

Les coiffures en cheveux, sont toujours peu élevées; elles étaient pour la plupart en couronne, avec une natte tournée, au milieu de laquelle était un nœud de ruban. Les couleurs les plus remarquées sont rose vif, cerise ou bleu-ciel; les autres perdent à la lumière.

Les écharpes en gaze étaient de couleur tout unie, point de dessins brochés.

Les imitations d'Angleterre sont très-riches lorsque la garniture de pélerine ou du canezou en est faite entièrement, c'est-à-dire lorsque le corps du fichu a des fleurs

(*) Въ Парижѣ до 10-го Іюля (н. ст.)

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ.

jetées ou une guirlande , et le bord des bandes est une dent qui renferme la fleur à jour et bordée de picots.

Toutes les femmes , dès qu'elles ne sont pas en négligé , portent des bouquets et des éventails de peau peinte , à montures de bambou.

Avec une robe de batiste de soie à dessins cerise sur blanc , une pélerine de blonde double , à petit collet rabattant , un haut de cou en gaze cerise , glacé de blanc. Chapeau de paille de riz , avec un bouquet de bruyère du Cap ; une cornette de blonde.

Une redingote de mousseline brodée , doublée de gros-de-Naples citron , le devant bordé d'une dentelle ainsi que la pélerine qui restait un peu ouverte ; des nœuds de gaze citron , diminuant de grandeur , la fermaient. Un col double , carré arrondi , garni de dentelle. Une petite cravate de gros-de-Naples à damiers violets et blancs. Un chapeau de paille de riz avec un bouquet de pensées.

Des mouchoirs brodés , ou garnis de dentelle.

Beaucoup de femmes attachent leurs ceintures , de côté sous le bras , avec des épingles , pas même de coques plates , de manière qu'on ne voit nullement où sont renfermés les bouts du ruban.

Уборка нарядныхъ чепчиковъ дѣлается гораздо ниже , чѣмъ прежде. Между двухъ рядовъ блондъ находится шри цвѣтка , въ равномъ одинъ ось другого разстояніи , на не длинномъ стеблѣ. Вообще уборка вокругъ чепчика не выше какъ на ладонь.

Тулья у шляпокъ дѣлающіяся къ верху очень узкія : это придаетъ головѣ гораздо болѣе прелести , нежели круглая форма шляпокъ , вообще тяжелая. Цвѣ-

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ.

токъ прикалывается къ шляпкѣ прямо ; всякихъ цвѣтковыхъ не носяшь.

Въ одномъ блестящемъ спектаклѣ замѣчено всего болѣе плашье въ бѣлыхъ, изъ органди или полосатой кисеи. Лифъ, довольно вырѣзанный, обшитъ тюлемъ или кружевомъ въ шрубочкахъ , которыхъ ряды упадаютъ на плеча.

Съ прическою , нѣсколько изысканною , носяшь короткіе рукава и длинныя перчатки.

Голову причесываютъ все еще не высоко. Въ спектаклѣ, прически были по большей части въ видѣ вѣнца , изъ плешушки , посреди которой находишся ленточный бантъ. Самые замѣтные цвѣта : ярко-розовый, вишневый и голубой-небесный; другіе мало видны при освѣщеніи.

Газовые шарфы были одноцвѣтные , безъ всякихъ шптыхъ узоровъ.

Англійскія накладки великолѣпны , если вся уборка пелерины или канъзу сдѣлана изъ нихъ , то-есть если на самой косынкѣ отдѣльные цвѣты или гирлянда , а на краяхъ полосъ большіе зубчики, съ цвѣтами ажуръ , которые обшиты мѣлыми зубчиками.

Какъ скоро дама одѣта не за-просто, она непременно должна имѣть въ рукахъ букетъ , и вѣеръ изъ кожи , съ живописью и съ бамбуковою опдкою.

Вотъ самые новые наряды :

Плашье изъ шелковаго башиша, съ вишневыми по бѣлому цвѣтами ; двойная пелеринка изъ блондъ , съ опкладнымъ воротничкомъ , и съ галстучкомъ изъ вишневаго газа , съ бѣлымъ оптѣнкомъ. Бастовая шляпка, съ букетомъ зелени и съ блондовою вышущею.

Реденгошъ изъ вышитой кпсем, подбитый гроденаплемъ лимоннаго цвѣта, обшитый на переди кружевомъ, шакъ-же какъ и пелеринка, нѣсколько опкрытая. Банты изъ газа лимоннаго цвѣта, постепенно уменьшающіеся, застегиваютъ его. Ворошнякъ двойной, округленный, убранный кружевомъ. Галстучекъ гроденаплевой, съ узоромъ шахматныхъ клітокъ, фіолетовыхъ и бѣлыхъ. Бастовая шляпка съ букетомъ цвѣтковъ *renées*.

Плашки съ шитьемъ или съ кружевной обшивкой.

Многія дамы прикалываютъ свои пояса булавками, на боку, подъ рукою, но гладко, шакъ что нельзя замѣтить, гдѣ сходятся концы ленты.

НА ПРИЛОЖЕННЫХЪ КАРТИНКАХЪ:

Дама. Шляпка соломенная, сшивная, съ цвѣтами. Шляпка бастовая. Плашье изъ жаконета, и вышитая пелеринка.

Мужина. Фракъ Англійскій. Жилетъ изъ пике. Панталоны нанковые. Сюршукъ съ браддебургамъ и бархашнымъ ворошникомъ шалью. Панталоны казимировые.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по оппечатаііи представлены были въ Ценсурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва, Іюля 15 дня 1832 года.

Ценсоръ и Кавалеръ Николай Лазаревъ.

Въ типографіи АВГУСТА СЕМЕНА.

10000

1000000

10000000

100000000

4000

№ 1. 8. Мок. Мавр. 1832.

Тео. Гюген.

П. Леонардо.

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

ВЗГЛЯДЪ

НА РИМСКУЮ ИСТОРИЮ.

Сочиненіе Мишеле ().*

Уже далеко то время , когда начали думать , что Исторія первобытнаго Рима можешь быть совсѣмъ не Исторія. Это былъ одинъ изъ первыхъ предметовъ , на которые обратился воскресавшій духъ Криштики. Римъ не властвовалъ

(*) Сего спашьею выполняемъ мы одну изъ обязанностей Журналиста: знакомимъ читателей своихъ съ необыкновенными явленіями въ мірѣ Наукъ и Литтературы. *Римская Исторія* , Мишеле , изданная въ концѣ 1831 года , безспорно принадлежитъ къ симъ явленіямъ , ибо Авшоръ ея умѣлъ постигнути и соединити всѣ взгляды , всѣ изысканія Вико , Нибура и другихъ великихъ людей , занимавшихся Исторіею Рима. Онъ одушевилъ это общностью единой мысли , превосходнымъ изложеніемъ , и далъ просвѣщенному

Апрѣль 1832.

34

болѣ надъ міромъ мечемъ легионовъ, но онъ управлялъ имъ двумя писаніями: Правомъ Церковнымъ и Правомъ Римскимъ. Онъ указывалъ на сіе Право какъ на истину, какъ на *Разумъ писанный*, и даже какъ на власть. Онъ искалъ законности его въ древнемъ владычествѣ Имперіи, въ своей Исторіи. Это заставило оспариваться Исторію его. Предшественникъ Эразма, Лавренцій Валла подалъ знакъ въ началѣ пятнадцатаго столѣтія. Въ шестнадцатомъ, одинъ изъ друзей Эразма рѣшился разсмотрѣть Типа Ливія, однакожь уклончиво и робко, такъ-же какъ благоразумный другъ его писалъ о Библии. Эпошъ криникъ, первый Профессоръ Словесности во Французскомъ Коллегіумѣ (1524), былъ Швейцаръ, соотечественникъ Цвинглія, уроженецъ Гларуса, по имени Глареанусъ. Швейцарія земля умишловашелей. Не смотря на

міру Исторію Рима, какой не было. Для насъ, Рускихъ, швореніе его должно быть особенно замѣчательно, ибо у насъ еще до сихъ поръ безоптченно слѣдуютъ Роллену и не знаютъ истинной Исторіи Римской. Посему надѣмся сообщить пріятное извѣстіе, сказавъ, что Исторія Мишеле переводится на Русскій языкъ и не замедлитъ явиться въ свѣтъ. Печатаемые нами опрывки изъ сего перевода составляютъ *Предисловіе* и первую главу *Введенія*. Изд.

исполинскую поэзію Альповъ , холодъ ледяныхъ горъ дышитъ прозою ; онъ навѣваетъ сомнѣніе.

Въ семнадцатомъ вѣкѣ настала очередь переплывой и важной Голландіи. Скалигеры и Юсты Липсіи, новая Древность Лейденскаго Университета, почти столь-же почтенная какъ та, которую изъясняла она, придала Крипикъ силу своего всезнанія. Въ Исторію, даже въ Филологію, вкрадывался духъ сомнѣнія, порожденный геологическими распрями, но мало по малу распространившійся и на другіе предметы. Этошъ духъ явенъ въ Animadversiones умнаго и копошливаго Перизонія, Лейденскаго Профессора (1685). Онъ сближалъ, сводилъ разныя мѣста, часно показывалъ противорѣчія эшихъ, столь чшмныхъ Древнихъ, и впревожилъ не одно старинное вѣрованіе учености. Его книга, сказала Бель, естъ исчисленіе ошибокъ Историковъ и Крипиковъ. Славнѣйшее достоинство Перизонія въ томъ, что онъ призналъ слѣды народныхъ пѣсенъ первобытнаго Рима въ однообразной, ораторской рѣчи Тиша Ливія ; онъ угадалъ поэзію подъ личиною романа.

Наконецъ явился испинный преобразователь. Это былъ Французъ, поселившійся въ Голландіи, Луи Бофоръ, наставникъ Принца Гессенъ-Гомбургскаго и Членъ Королевскаго Лондонскаго Общества, къ которому принадлежало

много другихъ свободныхъ мыслителей. Онъ завелъ настоящую плясбу съ условною Исторією первыхъ временъ Рима. Въ дивной книжечкѣ своей (*De l'incertitude, etc.*, 1738), которую спомало-бы напечатать вновь, онъ оцѣнилъ испотички, означилъ пропуски, прошиворѣчія, генеалогическія поддѣлки. Эта книга низвергла старыи романъ. Возстановляй его кто можеть.

Бозоръ былъ только разрушитель. Его крипика, совершенно отрицательная, неплодоносна, даже неполна. Кто умѣеть лишь сомнѣваться, у шого нѣтъ глубины и объемлемости даже въ сомнѣніи. Чтобы довершишь разрушеніе романа, чтобы снова начать и пересоздать Исторію, надлежало возвыситься до истинной идеи Рима. Каждое швореніе предполагаетъ идею. Идея возникла въ старыи идеализма, въ великой Греціи, въ ошчизинѣ Джіордано Бруно. Геній Пиеагора первое вдохновеніе сей земли. Но цѣлый міръ прибавлялъ къ нему; каждый народъ, каждое шпорженіе оставило шамъ мысль, какъ каждое изверженіе лаву. Пелазги и Элины, Этруски и Самниты, Римляне и Варвары, Лонгобарды, Сарацины, Нордманны, Швабы, Провансалы, Испанцы, весь родъ человѣческій, поколѣніе за поколѣніемъ, являлся у подошвы Везувія. Старый геній чисель и схо-

ластическая ошчепливостъ, Философія Спиритуалистовъ и Школа Салернская, Право Римское и Право Феодальное, во взаимной противоположности: тамъ все существовало вмѣстѣ. И надъ всѣмъ эшимъ, необъятная поэзія историческая, вдохновеніе могилы Virgilіевой, опголосокъ двухъ Тосканцевъ, воспитанникъ обидренности Италіи: Virgilій и Данте. Наконецъ, задумчивый отъзвѣвъ Эпирускаго ученія о возрастахъ земныхъ, мысль о правильномъ круговращеніи міра естесственнаго и гражданскаго, гдѣ передъ окомъ Провидѣнія всѣ народы составляютъ вѣчный хоръ жизни и смерти: вошь Неаполь, вошь Вико.

Въ обширной системѣ основашеля Исторической Метафизики уже существуютъ, по крайней мѣрѣ въ зародышѣ, всѣ пруды новѣйшаго знанія. Какъ Вольфъ, онъ сказалъ, что Иліада была произведеніе народа, произведеніе ученое, его высшее выраженіе, послѣ многихъ вѣковъ поэзіи вдохновенной. Какъ Крейцеръ и Гёррестъ, онъ показалъ идеи, символы въ героическихъ или божескихъ фигурахъ первоначальной Исторіи. Прежде Моншескѣ, прежде Ганса онъ объяснилъ, какъ Право исходитъ изъ нравовъ народныхъ и вѣрно представляешь: всѣ шаги Исторіи. Что Нибуръ долженъ былъ найдши обширными изысканіями, что Вико угадалъ: онъ

открылъ Римъ Пашрицевъ, онъ оживилъ его Куріи и gentes. Если Пиагоръ вспоминалъ, что въ первоначальной жизни онъ радовалъ подѣ съзнами Трои, то эти знаменитые Германцы, право, могли-бы припомнить, что вѣкогда всѣ они жили въ Вико (*). Въ этомъ маломъ Пандемоніумѣ: la Scienza nuova, уже заключены, и довольно свободно, всѣ исполнимы Криштики.

Основная мысль его системы сѣла, можетъ быть болѣе нежели подозрѣвалъ самъ шворецъ ея. Она касается всѣхъ, занимающихъ міръ великихъ вопросовъ, политическихъ и религіозныхъ. Испинкшъ противниковъ Вико не просиошрѣлъ этого: ненависть ясновидяща. Къ счастью, книга была посвящена Клименту XII-му. *Новая Наука* хранилась на алтарѣ, доколѣ время не разломило семи пегатей ея.

(*) Причисляемъ къ нимъ нашего Баллаша: это великій поэтъ, святая душа, гений, соединившій въ себѣ оптепливость Александрійскую и опкровенность Христіанскую. Духъ Вико оспанавливается на Баллашѣ, который восплаетъ за нимъ непосредственно, жажжешся мало дорожипъ всѣмъ, что наука и жизнь показали намъ послѣ Неаполитанскаго философа. *Прим. Сог.*

. Эпхи мифическіе герои, эпхи Геркулесы, раздвигающіе горы, эпхи Ликурги и Ромулы, быстрые законодатели, въ одну жизнь человѣческую совершающіе медленный трудъ вѣковъ, сушь созданія мысли народовъ. Одинъ Богъ великъ. Но человѣкъ хотѣлъ полубоговъ, и долженъ былъ сполплять моколѣнія въ одномъ лицѣ, сосредоточивашъ въ одномъ героѣ созданія цѣлаго круга поэпического. Такою цѣною купилъ онъ себѣ идоловъ историческихъ, Ромуловъ и Нумъ. Народы лежали ницъ передъ эпхими исполинскими шѣнями. Философъ подъи-
лешъ ихъ и говоритъ имъ: Знаете-ли, что обо-
жаете вы? Самихъ себя, ваши собственныя со-
зданія. Спранные, неизъяснимые образы, пла-
вавшіе въ воздухѣ, предметы удивленія дѣш-
окаго, спановашся доступны уму. Они оспав-
ляютъ Поэзію и входятъ въ Науку. Чудеса ош-
дѣльнаго генія подчиняются закону общему. Уро-
вень Криники проходитъ по человѣческому ро-
ду. Но радикализмъ историческій не уничто-
жаетъ великихъ людей. Есть люди, повелители
полны головой или перевязью; во чело ихъ уже
не теряется въ облакахъ. Не другаго рода они:
Человѣчество можетъ узнать себя во всей Ис-
торіи своей, единымъ и тожеспственнымъ са-
мому себѣ.

Всего оригинальнѣе доказательство, что эпхи

историческіе вымыслы были необходимою нашей природы. Человѣчество, вначалѣ грубое, вещественное, не могло, на языкахъ, еще совершенно пригошовишельныхъ, выражать мысль отвлеченную: надобно было дать ей шло, человѣческую личность, или собственное. Потребность въ упрощеніи, столь сродномъ слабости, заставила также означать цѣлое собраніе лицъ именемъ челоуѣка. Этою мнѣстескій челоуѣкъ, этою смѣ народноу мисли, означалъ вѣстѣ и народъ, и идею народа. Ромулъ есть сила и народъ силы.

Такъ опъ символа идетъ Человѣчество въ Исторію, въ Правъ, и въ Религію. Но, оставшая идея овеществленную, объединенную, оно приходитъ къ идеѣ чистой, общей. Въ неподвижной хризалидѣ символа совершается таинство преобразованія духа, который растетъ, раздвигается, докоу можно, наконецъ раздираетъ оболочку, и она падаетъ, изсохшая, вешая. Это особенно замѣтно въ Правѣ: оно означаетъ свои перевороты и вырѣзываетъ ихъ на мѣди. Перевороты религіи, языковъ, литературы, необходимо должны бытъ освѣщаемы, дополняемы Исторіей Законодательства и Юриспруденціи. Римъ, этою мѣръ Права, долженъ занять важное мѣсто въ формулѣ Исторіи чело-

вѣческаго рода; нигдѣ не являешь болѣе явною, болѣе драматическою борьба символа съ идеею, буквы съ духомъ.

Въ примѣрѣ Права Римскаго постигнулъ Вико общій законъ движенія Человѣчества. Онъ разгадалъ истинную тайну величія Рима, копорою и не подозрѣвалъ Монтескьё, а именно, что эшопъ двойственныи народъ, чшпшель спаринны и вмѣстѣ нововводителъ, принимающій каждую идею, но медленно и съ бою, величлася не иначе какъ укрѣпляясь. «Измѣняя форму правленія, говоритъ онъ, Римъ всегда опирался на одни и тѣже начала, начала обществачеловѣческаго. Отъ того была у Римлянъ самая мудрая Юриспруденція, отъ того Имперія ихъ была самою обширною и прочною изъ всѣхъ Имперій.»

Такъ заняшой Римомъ, Вико видѣлъ мѣръ подъ симметрическою формою города. Онъ хотѣлъ глядѣть на движеніе Человѣчества какъ на вѣчное круговращеніе, *corso*, *ricorso*. Онъ не видалъ, или по крайней мѣрѣ не сказалъ, что если Человѣчество идетъ кругообразно, то круги его безпрестанно увеличивающся. Отселѣ мало объемлющій и мѣлко остроумный характеръ является въ книгѣ его при Среднихъ Вѣкахъ. Гений чиселъ и мѣрности, о которомъ говорилъ я въ другомъ мѣстѣ, вездѣ ограничиваетъ по-

мышленія Италіи. Адъ Данше, столь хорошо измѣренный, обрисованный, вычисленный въ гармоніи его девяти круговъ, глубока оня неба до бездны; но оня не широкъ и не мраченъ какъ адъ Мильшона. Въ тѣсной вышинѣ его есть всѣ ужасы, кромѣ одного ужаса безконечности. Міръ Сѣвера совсѣмъ иначе непостижимъ, нежели міръ Юга; оня менѣе рѣзокъ, болѣе неопредѣленъ, какъ начашое созданіе. Виды Аппениновъ спрости и начертаны рѣзкомъ. На Югѣ есть что-то изыщное, утонченное, однакожъ сухое какъ благоуханія. Хошите-ли жизни и свѣжести? Сступайте на Сѣверъ, въ глубину безконечныхъ и безграничныхъ лѣсовъ, подъ зеленѣющіе дубы, медленно утишанные продолжительнымъ дождемъ. Тамъ есть еще останки варваровъ, съ ихъ блондурами волосами, съ ихъ свѣжими ланинами, съ ихъ вѣчною юностью. Ихъ жребій: обновлять міръ. Римъ былъ обновленъ вторженіемъ киммерій Сѣвера, и для обновленія Исторіи Рима былъ надобенъ опять урожденецъ Сѣвера . . .

«Въ моей странѣ, говоритъ съ гордостью Нибуръ, у Дишмарсенцевъ, никогда не было рабовъ.» Это небольшое, мужественное народонаселеніе держалося свободнымъ до семнадцатаго столѣтія, не смотря на то что его окружали большія государства. Тамъ, среди столь-

кихъ переворотовъ, сохранился духъ личной независимости старинныхъ народовъ Саксонскихъ. Германцы, по словамъ Тацита, жили опдѣльно и не любили запирашья въ города. Дитмарсенцы и нмѣ разсыяны по деревнямъ. Феодальный духъ Среднихъ Вѣковъ не проникъ въ ихъ болоша. Дитмарсенъ и Фризія всего лучше изображаютъ первобытную Германію.

Сынъ знаменитаго Оріеншалиста, сѣвернаго человека, Нибуръ не глядѣлъ ни на Сѣверъ, ни на Востокъ. Онъ оставилъ финансы и подпиху (*), и рано обрапилъ свои мысли къ Риму. Когда Австрійскія арміи снова открыли Нѣмцамъ входъ въ Италію, въ 1845-мъ году, онъ также пошелъ въ походъ и началъ свое учение въпорженіе. Первая побѣда его, какъ побѣда великаго Теодорика, была въ Веронѣ. Онъ прибылъ туда, и въ городской библіотекѣ взялъ рукопись Институцій Гаія, которая столько лѣтъ покоилась тамъ и никто не зналъ о ней. Побѣднымъ гостемъ явился онъ въ Римъ, неся вмѣсто доспѣховъ убишаго военачальника драгоценный палимпсестъ, и вызвалъ на бой Аббаца Ман, въ его Вапиканѣ.

(*) В. Г. Нибуръ былъ Деректоромъ Копенгагенскаго Банка и Совѣтникомъ Короля Прусскаго.

Нѣтъ сомнѣнiя, что завоеватель-варваръ имѣлъ право на шомъ городъ, куда принесъ онъ древнiе законы во всей чистотѣ ихъ первоначальнаго шекота. Онъ овладѣлъ Римомъ по праву занятiя, *tanquam in rem nullius*, и въ театрѣ Марцелла разбилъ свой *praetorium*. Четыре года жилъ онъ шамъ, дерзко рылся въ древнемъ городѣ и повелительно раздѣлялъ оный между основавшими поколѣнiями, присуждая его по Этрускамъ, по Латинамъ (*). Онъ въспревожилъ прахъ Королей Римскихъ и развѣлъ ихъ шѣни. Италiя возсепенала; но, какъ во времена Аларика, должно было исполниться предвѣщанiе: *Barbarus! heu! cineres... ossa Quirini, nefas videre! dissipabit insolens.*

Онъ истребилъ, но и создалъ вновь; создалъ, разумѣется, сколько могъ; книга его то-же что *Forum boarium*, столь величественный своими памяшниками, хорошо или худо возстановленными. Не рѣдко чувствуешь руку Гомера, но всегда дивишься, съ какимъ могущесшвомъ эпомъ варваръ воздвигаетъ исполинскiе обломки.

(*) Каковы-бы ни были сiи перемѣны, однакожь Нибуру принадлежитъ слава, что еще въ 1812 году, за двѣнадцать лѣтъ до изумительнаго творенiя Тьерри, онъ понялъ всю важность вопроса о племенахъ.
Прим. Сокин.

Надобно согласишься, что Нибуръ зналъ Древность, какъ не всегда знала она сама себя. Что значить подлѣ него Плутархъ и многіе другіе Греки, когда надобно постигашъ грубый геній первыхъ вѣковъ? Онъ шѣмъ лучше понимаетъ древній, варварскій Римъ, что въ немъ самомъ есть нѣчто изъ него. Это какъ-бы одинъ изъ длинновласыхъ создателей Салическаго закона, Визогастъ или Виндогастъ, пріобрѣтшій право гражданства, и застѣдающій выѣснѣ съ мудрымъ Корунканіусомъ, разсудительнымъ Сцеволомъ и древнимъ Капономъ. Не опшваживайшесъ нападать на этого собрата Децемвировъ, или говоришь о немъ поверхностно.

И шеперь еще, когда уже нѣтъ этого великаго человека, онъ оставилъ въ своемъ Римѣ Германскую колонію. Его поселенцы дали намъ смѣшпу и описаніе своихъ завоеваній (*).

А мы, Французы, неужели мы не пошребуемъ никакого участка въ этомъ Римѣ, кошорый былъ и нашимъ? Правда, шажель огромный, широкій мечъ Германцевъ; но развѣ не ошпрѣ его мечъ Франціи? . . . По крайней мѣрѣ я не могъ покориться безусловно. Даже на первыхъ

(*) *Описаніе Рима*, Гг. Бунсена, Гергарда, и проч. Томъ 1-й. Часть геологическая и физическая.

страницахъ своей книги, гдѣ единственно встрѣчаюсь я съ книгою Нибура, я не слѣдовалъ ему рабски. Часто я не дорожилъ смѣлыми гипотезами его, ибо знаю, что иногда нѣтъ возможности извлечь настоящую Исторію эпохи, копіей всѣ памятники погибли.

Италія дала идею, Германія веществу и жизнь; что остается Франціи? Можетъ быть, метода и изложеніе. Полное изложеніе развитія народа также освѣщаетъ колыбель его. Желая описывать происхожденіе, можешь быть не всегда надобно шарить въ окружающемъ оное мрактѣ; надобно спастись въ свѣтъ эпохъ болѣе извѣстныхъ, и навѣсти эпохъ свѣтъ на эпохи мало вѣдомыя. Чтобы иначе выразить свою мысль, скажу, что объ органическомъ плѣтѣ можно судить только по его общности. Знаніе частей существующихъ, и свѣдѣніе о ихъ гармоническихъ размѣрахъ, могутъ одни оправдать выводъ о томъ, чего недостаетъ и будешь недоспавать вѣчно.

Все что говорилъ я, относился лишь къ четвертому первому вѣку Рима. Въ слѣдующихъ, и до самаго конца Республики, надобно создавать все вновь: путь Германія не представляетъ никакого пособія. Остается говорить о томъ, что полагаютъ извѣстнымъ и чего не знаютъ. Что за люди были Аннибалъ и Цезарь? Какъ, отъ Сципіона до Марка-Аврелія, Римъ

былъ покоренъ Греціей и Востокомъ, думая покорять ихъ? Ошъ Граховъ до Маріа, ошъ Маріа до Помпея и Цицерона, ошаеца слѣдовать за всепожирающимъ усиленіемъ могущесшва Всадниковъ, эшой кормшомлюбивою аристокраціи, кошорая уничтожила жишелей сначалаъ въ Ишпаліи, а мало по малу и въ обласіяхъ, захватывая всѣ земли, обрабошывая ихъ рабами, или ошавляя дикимъ распеніямъ. Чшо касаецца до Имперіи, то Исторія оной обрацаецца кругомъ чешырехъ шочекъ; эшо, послѣднее развишіе Права Римскаго, первое развишіе Христіансшва, размашриваемаго въ самомъ себѣ и въ борьбѣ съ Философіею Александрійцевъ, и наконецъ, соспязаніе генія Римскаго съ геніемъ Германскимъ. Какъ ни велико мое удивленіе къ превосходной учености Гиббона, но я смѣю сказашъ, чшо, въ своемъ огромномъ швореніи, онъ лишь слегка коснулся эшихъ чешырехъ шочекъ.

Въ первой часши, издаваемой мною, естъ пропуски неизбѣжные; но естъ и произвольные. Чашо говорю о рабствѣ, и все еще не довольно; едва означаю начало Римскаго Права и Лапинской Липшерашуры. Они будутъ развиты удобіе во вшорой часши; въ эшой мнѣ было досшашочно означитъ единштво прекраснѣйшей жизни народа, какой не было нигдѣ. Одно сло-

во объ этомъ единствѣ и о возможныхъ дѣленіяхъ онаго.

Было при возраста Римской образованности. Возрастъ *Италійскій*, или народный, оканчивается Капономъ Старшимъ. Возрастъ *Грегескій*, начавшій подъ вліяніемъ Сципіоновъ, коего плодомъ былъ вѣкъ Августа въ Лиштерашурѣ и Маркъ-Аврелій въ Философіи. Наконецъ, духъ *Восточный*, вошедшій въ Римъ пшжеле, медленнѣе, но напоследокъ побѣдившій побѣдителевъ Востока и давшій имъ своихъ боговъ. Цибелла принесена въ Италію во время второй Пунической войны; но потребно было еще чешпреша лѣтъ, чтобы два Сирійца, Геліогабалъ и Александръ Северъ заставили предпочесть боговъ своей сшраны. Еще прошекъ одинъ вѣкъ, и Христіанство вознеслось надъ Имперією, при Константинѣ.

Полишическая Исторія Рима, шо есть Исторія города Римскаго, повинуется сообразному раздѣленію. I. Въ первую эпоху, *Городъ* образуется уравниемъ и смѣшеніемъ двухъ, обитающихъ въ сѣѣнахъ его народовъ, пашприцевъ и плебеевъ. Это событіе довершено за 350 лѣтъ до Христіанской эры. II. Во вторую эпоху образуется *Имперія*, завоеваніемъ, смѣшеніемъ и уравниемъ всѣхъ народовъ; *Имперія* образуется, но *городъ* распадается и *разобразуется*

(*se déforme*): да позволяють мнѣ это выраженіе. До войнъ Нуманційской и Нумидійской включительно, или, если угодно, до междоусобной войны (около сша лишь до Р. Х.), Римъ покоряетъ міръ, умножаетъ число подданныхъ; послѣ междоусобной или Ишалійской войны, онъ увеличиваетъ число Римлянъ, гражданъ. Какъ скоро Ишалійцы ворвались въ городъ, то мало по малу войдушъ въ него и всѣ народы.

За всѣмъ тѣмъ, обыкновенное раздѣленіе на *Республику* и *Имперію* представляетъ большую выгоду. Римъ перестаетъ покоряться многимъ главамъ, и повинуется одному военачальнику или Императору въ то самое время, когда начинается Христіанская эра. Имперія соединяется и успокоивается, какъ-бы желая съ болышею покорностью принять Слово Божіе. Это Слово заключаетъ въ себѣ жизнь и смерть:

.

Въ то же время, когда уничтоженіемъ Римской аристократіи и равенствомъ Права Гражданскаго начинается уравненіе Императорское, ученіе Христіанскаго равенства распространяется неслышимо. Невзи-
 Апрель 1332.

дная республика воздвигается на развалинахъ шой, которая ничего не знаетъ о ней. Иисусъ Христосъ ошдалъ духъ свой при Тиберіи.

ВВЕДЕНІЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Видъ Рима и вышшняго Лаціума.

Съ высошы Аппениновъ, образующихъ длинную, отъ Ломбардіи до Сициліи цѣпь, которую можно назвашъ хребтомъ Италіи, съ высошы Аппениновъ къ западу льются двѣ бысприя, глубокія рѣки, Тибръ и Аніо, Tevere, Teverone; соединясь, онѣ вмѣстѣ впадаютъ въ море. Во времена ошдаленной Древности, страны, лежащія на сѣверѣ отъ Тибра и на югѣ отъ Аніо, были заселены двумя образованными народами, Тусками и Осками или Авзонами. Между двухъ рѣкъ и двухъ народовъ, подобна копью проспиралась къ морю воинственная, варварская земля Сабиновъ. На сей-ию дельшѣ, за семь сошъ или восемь сошъ лѣтъ до нашей эры, воздвигся Римъ, великій городъ Италіи, который ошкрылъ свои нѣдра окружавшимъ его различнымъ племенамъ, и покорилъ Италію Лаціумомъ, а Италією міръ.

Нынѣ эша спрана пустыня. Изъ пѣрідцати
лѣтъ племень, большая часнѣ едва означены ка-
кою нибудь полуразвалившеюся *виллою*. И нынѣ
Римъ городъ большой, но пустыни встрѣчающ-
ся и въ самой срединѣ его. Лисицы кроются въ
развалинахъ Палашинскихъ и выходятъ ночью
пить изъ Велабра. Спада козъ, воловъ, полу-
дикихъ лошадей встрѣчаются вамъ среди шума
и роскоши новой столицы, и напоминають,
что городъ окруженъ пустынею. Оставьте за
собою воропа, подише къ одному изъ голубыхъ
возвышеній, вѣнчающихъ эшу карпину, наводя-
щую задумчивость, или направьте шаги свои,
черезъ Понпинскія болопа, по неиспробимой
дорогѣ Аппія, вы встрѣтите гробницы, водо-
проводы, можетъ быть и какую нибудь осжав-
ленную ферму съ ея монументальными арками;
но нѣтъ нигдѣ обработки, движенія, жизни!
Кой-гдѣ увидите спадю, хранимое свирѣпой
собакой, копорал какъ волкъ кидается на про-
хожаго, или буйвола, выказывающаго изъ бо-
лопа свою черную голову, между тѣмъ какъ
тучи воронъ препенуща на восшокъ и съ хрип-
лымъ крикомъ поднимаются съ горъ. Обращи-
тесь къ Остіи, къ Ардеѣ: вамъ представлятся
несчастные люди, въ рубищахъ, истощенные до
безобразія, дрожащіе отъ лихорадки. Въ началѣ
нынѣшняго столѣтія, одинъ путешественникъ
нашелъ въ Остіи, вмѣсто всѣхъ жителей,

прехъ старухъ , оберегающихъ городъ дѣломъ. Юний проводникъ его , пинадцатилѣтнее дѣшя , раздѣлялъ съ нимъ пищу и говорилъ блестящими отъ лихорадки глазами : И я знаю , что значишь мясо , и я ошвѣдалъ его.

Но , среди нищеты и опустошенія , справа хранилъ свой чудный характеръ величія и важности. Эпи нагорныя озера , въ рамкахъ изъ прелестныхъ буковъ и величественныхъ дубовъ ; это Неми , зеркало Діаны , *sacellum Dianæ* ; это Альбано , древнее мѣстопребываніе религіи Лаціума ; эти возвышенія , отовсюду господствующія долиною : это вѣнецъ , достойный Рима. Съ Monte Musino , ага *montis Etrusco* , ошшуда , изъ шемнаго лѣса надобно смотрѣть на эту Пуссеневу картину. Въ дни бури особенно , когда пажкій Сирокко власнвусиъ долиной , и пыль начинаетъ взываться облаками , столица пустыни является во всеиъ мрачномъ величіи своемъ.

Когда вы прошли Площадь Народа и Египетскій обелискъ , украшающій ее , вы углубляетесь въ эту длинную и печальную улицу Корсо , еще самую оживленную въ Римѣ. Идите до Капитолія ; взойдите во дворецъ Сенаторскій , между спатуею Марка-Аврелія и шрофеями Марія , и вы находите въ убѣжищѣ Ромула , *intermontium*. Это возвышенное мѣсто раздѣля-

есть городъ живыхъ и городъ мертвыхъ. Въ первомъ, гдѣ было прежде Марсово поле, вышлагаеше колонны Траяна и Антонина, ротонду Пантеона, и самое смѣлое изъ зданій новаго міра: куполь Свѣтлаго Пепира.

Оборонитесь: подъ ногами вашими Форумъ, Триумфальная дорога и новая госпитальница Уиншменія, подлѣ скалы Тарпейской. Тутъ въ безпорядкѣ сброшены всѣ обломки, всѣ вѣка Древности: арки Септимія-Севера и Тина, колонны Юлиана Громовержца и Согласія. Далѣе, на горѣ Паладинской, страшныя развалины, мрачныя основанія дворцовъ Императорскихъ. Еще далѣе, на лѣво, необъятная громада Колизея. Этого единственнаго вида заставилъ философа Монпана вскрикнуть отъ ужаса и удивленія.

Колоссальный амфитеатръ (Colosseum, Колизей), гдѣ столько Христіанъ претерпѣвало мученія, уничтожаетъ величіемъ своимъ всѣ другія зданія человѣческія. Это чудовищная гора камней, съ пятидесяти семи футовъ въ вышину, и шестидесяти соотъ сорока въ окружности. На этой полуразвалившейся, но богато украшенной природою горѣ, есть свои расщепленія, свои деревья, своя флора. Варварство новыхъ временъ взяло изъ нея, какъ изъ каменоломни, цѣлыя дворцы. Назначеніе этого па-

памятника убійствъ, гдѣ Траянъ погубилъ десѣны тысячъ плѣнниковъ во сто дней, видно во всѣхъ его развалинахъ: вы омыщете двоѣ вороша, изъ коихъ въ одни выходили живые шрупи, между тѣмъ какъ въ другія выносили шрупи мертвые, *sapavivaria*, *sandapilaria*.

У ворошъ Колизея видѣнъ фонтанъ, гдѣ, какъ говоритъ преданіе, гладіаторы омывали свои раны послѣ битвы. Граница этого фонтана была также первымъ дорожнымъ столбомъ Имперіи: всѣ дороги Римскаго міра шли отъ этого памятника

За Колизеемъ и горою Палатинскою, далѣе Авентина, Римъ продолжается своими могилами. Тамъ найдете вы подземный склепъ Сципионовъ, пирамиду Цеспія, башню Цецилія Метелла, и Кашакомбы, убѣжище и гробницу мучениковъ, проспирающіяся, какъ говорятъ, подъ Римомъ до самаго русла Тибра.

Такъ разсматривая съ Капихолія этотъ прагическій городъ, вы легко постигнете, въ главнѣйшихъ памятникахъ его, поспешенный ходъ и единство его Исторіи. Форумъ изображаетъ вамъ Республику, а Пантеонъ Августа и Агриппы соединеніе всѣхъ народовъ и всѣхъ боговъ древняго міра въ одной Имперіи, въ одномъ и томъ-же храмѣ. Этотъ памятникъ

средоточной эпохи Римской Исторіи занима-
 етъ средоточіе Рима, тогда какъ на двухъ
 оконечностяхъ его видишь вы — Колизей, пер-
 выя борьбы Христіанства, и — церковь Св. Пе-
 тра, торжествъ и господство Святой Вѣры.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Н У Ч А.

Якутскій разсказъ.

Ночь ненастна, темна!
 Въ черныхъ шугахъ луна!
 Шумно бьются валы
 О крутые скалы.
 Торопись, мой конь!
 Близокъ въ юртахъ огонь!

Кто полночной порой
 Бродишь тамъ, надъ рѣкой,
 Въ непогоду одинъ?...
 Круто шема стреминиъ,
 Скользокъ пушъ по горамъ;
 Чшо-же ищешь онъ тамъ?

Онъ глядишь съ береговъ
На плесканье валовъ ;
Воронъ вьсется надъ нимъ. . .
Онъ сповшь недвижимъ. . .
Торопись, мой конь!
Близокъ въ юртахъ огонь !

Здѣсь пустая страна,
И дика , и страшна ,
Здѣсь собранье духовъ ;
Съ вѣчно-снѣжныхъ гольцовъ
Ихъ слетается рой
Въ часъ полночи глухой.

Они бродящъ въ хребтахъ ,
По лѣсамъ, на лугахъ,
По рѣчнымъ берегамъ ,
По заглохшимъ жильямъ ;
Но имъ болѣе миль
Прахъ забытыхъ могилъ.

Но во мглѣ на берегу
Распознашь я могу ,
Будто въ солнечный день ,
Нучи скорбную шѣнь.
Хищный вранъ на горахъ
Расклевалъ его прахъ.

Я бывалъ съ нимъ знакомъ ,
Посѣщалъ онъ мой домъ ;
Онъ пивалъ мой кумысъ ,
Мы друзьями звались ;
Но веселой порой
Онъ бывалъ намъ чужой.

Равнодушенъ и шихъ
Онъ смотрѣлъ на Исыхъ.
Пляски стройныя дѣвъ ,
Ихъ веселый напѣвъ ,
Ихъ роскошный уборъ
Не влекли его взоръ.

Вѣчно дикъ и суровъ ,
Полюбилъ онъ лѣсовъ
Безпробудную тѣнь ;
Тамъ, бродя ночь и день
Средь безжизненныхъ скалъ,
Онъ волюнѣ дышалъ.

Говорили , что онъ
Вѣдалъ тайный законъ
Призыванья духовъ ,
Что будилъ мертвецовъ ,
Что гроба вопрошалъ ,
Что Шаманство онъ зналъ.

Но правдивъ-ли разсказъ ?
Не видалъ я ни разъ ,
Чшобъ въ дюгюрь онъ бивалъ ,
Чшобъ власы распускалъ ,
Чшобъ безумствовалъ онъ ,
Чародѣйствомъ смущенъ.

Нуча былъ не шаковъ !
Презиралъ онъ духовъ !
Онъ безспрашно бродилъ
Вкругъ Шаманскихъ могилъ,
Гдѣ властительный прахъ
Схороненъ на древахъ.

Разъ, осенней порой ,
Друженъ съ жизнью простой ,
Шелъ онъ вслѣдъ Тунгусамъ
По пустыннымъ хребтамъ.
Пусть змѣей имъ лежалъ
Межъ разлоговъ и скалъ.

Вошъ спойшъ на пуши ,
Гдѣ имъ должно пройди ,
Вѣковая сосна ;
Почишалась она
Ошо всѣхъ Тунгусовъ
Пребываньемъ духовъ.

Всѣ съ оленей сошли
И дары принесли
Властелинамъ стреминнѣ ;
Только Нуча одинъ ,
Покачать головой ,
Не далъ жершвы дѣсной.

Пусть ихъ далѣ лежалъ.
Тихо день погасалъ ;
Подвигалъ мѣсяцъ рога.
Вошь вверху кабарга
На висящихъ скалахъ
Пришамлалась въ кустахъ.

Нуча страха не знала ,
Былъ легокъ и удалъ.
Онъ какъ горный орелъ
Къ кабаргѣ полетѣлъ —
Прочь она — онъ за ней ,
Все быстрѣй и быстрѣй.

Вошь пропала изъ глазъ !
Знать пробилъ его часъ ...
Только съ горныхъ стреминнѣ
Песъ къ ночлегу одинъ
Безъ стрѣлка прибѣжалъ —
Онъ назадъ не бывалъ.

Какъ хозяинъ исчезъ,
 Не сказалъ про шо песь.
 Только выль онъ порой
 Надъ стремниной крушой,
 Гдѣ на каменномъ днѣ
 Бьешъ пошокъ въ глубинѣ.

—

Съ того времени шѣнь,
 Когда скроется день,
 Бродишь въ мракъ ночей
 До разсвѣтннхъ лучей.
 Страшно мщенье духовъ!
 Жребій казни суровъ!

Н. Чижовъ.

Олекма.

П Р И М Ъ Ч А Н І Я .

Нута. Эшимъ именемъ называющъ Якушы Русскихъ. Содержаніе сказокъ своихъ они заимствуютъ по большей части изъ частной жизни. Хорошіе рассказчики говорятъ и поютъ попеременно.

Исыхъ или Ысыхъ. Такъ называется празднество Якушовъ, бывающее лѣтомъ, въ шо время когда посѣдываетъ кумысъ. Собравшись на лугу, они раскладываютъ огонь, дѣлають воз-

ліаніе духамъ, поюшъ и пляшущъ. Иногда шутъ-же бываюшъ конскія скачки, бѣганье, борьба, и проч.

Дюгюръ. Бубень, въ который бьютъ Шаманы, призывая духовъ.

Гдѣ властительный прахъ

Схороненъ на древахъ.

Якушы имѣли обычай хоронить покойниковъ на деревьяхъ. Гробъ ставили или между вѣтвями, или, срубая дерева, утверждали его какъ-бы на снопяхъ. Симвъ правомъ долѣ всѣхъ пользовались Шаманы. Еще и теперь можно видѣть ошашки подобныхъ могилъ, въ споронѣ ошъ дорогъ и жилыхъ мѣстъ.

Вотъ стоитъ на пути, и проч.

Якушы оказываюшъ ко многимъ мѣстамъ нѣкоторый родъ суевѣрнаго благоговѣнія. Наибольше оно относится къ устарѣвшимъ деревьямъ, почишаемымъ мѣстопребываніемъ духовъ. На нихъ вѣшаютъ вязы конскихъ волосовъ, звѣриныя шкуры и другія вещи, чтобы симъ снискашъ благосклонность духовъ, могущихъ вредить имъ на пути или въ промыслѣ.

ПОЭТАМЪ

Архипелага Нелѣпостей, въ морѣ пустозвучія.

Печальной Музы кавалеры!
Признайшесь: шолько стопы вы
Обули въ новые размѣры,
Не убирая головы!
И рады, что нашли возможность,
На разумъ вѣка не смотря,
Свою распухлую ничтожность
Прикрышь цвѣтами словаря!

А. М.

ЖИЗНЬ ТРЕХЪ ДРУЗЕЙ.

Повѣсть Гоффмана (*).

На другой день послѣ Троицы, такъ называемая Веберова палатка, мѣсто, гдѣ собирающіеся гуляющіе въ Берлинскомъ паркѣ, была до такой степени наполнена всякаго рода и разбора людьми, что Александръ съ большимъ трудомъ выхлопшалъ себѣ у заботливаго, шуда и сюда шолпою увлекаемаго шракширищика сполникъ, копюрій велѣлъ поставившъ подѣ прекрасными деревьями, на площадкѣ близъ воды, и поимѣспился шущъ съ обоими друзьями своими, Севериномъ и Марцеллоиъ, которые между шѣмъ не безъ спрашегическаго искуства доспали спульевъ. Всѣ шрое были въ самомъ лучшемъ расположеніи духа. Лишь за нѣсколько дней предѣ симъ каждый изъ нихъ пріѣхалъ въ

(*) Это отрывокъ изъ перевода *Серапионовыхъ братьевъ*, о которыхъ говорили мы въ 5-й книжкѣ нашего Журнала. Переводъ всей книги вскорѣ будетъ изданъ. Изд.

Берлигъ : Александръ изъ опдаленной провинціи, для того чтобы вступить во владѣніе наслѣдствомъ послѣ старой пешки, умершей дѣвицею, Марцелль и Северинъ съ нѣмъ, чтобы снова поступить въ гражданскую службу, давно оставленную ими для участія въ походѣ, въ кошораго они только что возвратились. Теперь хотѣлось имъ въ полной мѣрѣ насладиться свиданіемъ и, какъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ водились, мысли ихъ были заняты не роковымъ минувшимъ временемъ : нѣтъ ! они думали о наслоащемъ, о томъ, съ чего начать и къ чему стремиться въ жизни. « Въ самомъ дѣлѣ — сказалъ Александръ, взявъ кофейникъ и наливая чашки для друзей — въ самомъ дѣлѣ, если-бъ вы видѣли меня въ опдаленномъ домѣ покойной пешки моей, какъ я пошушу, въ задумчивомъ молчаніи, пашепитески расхаживаю по высокимъ, обитымъ темными обоями комнашамъ; какъ пошомъ сшаруха Анна, бывшая домоводкой при покойницѣ, маленькое сущесство, подобное привидѣнію, задыхалась и кашляла, приносила мнѣ въ дрожащихъ рукахъ, на оловянномъ подносѣ, завтракъ, ставила его на столъ, отступала назадъ и дѣлаешь книасень; наконецъ, не говоря ни слова, удаляется, вадыхая и спуча выскриками каблуками своихъ шулей, подобно нищей изъ Локарно; какъ моська и котъ, бросаа на меня съ боку

•

недовѣрчивые , косые взгляды , слѣдуютъ за нею ; какъ наконецъ я оспаяюсь одинъ , привѣшшзвующий меланхолическою бранью попугая и насмѣшливо « глупою улыбкою фарфоровыхъ куколъ , пью одну чашку за другою , и едва осмѣливаюсь недостойнымъ куреніемъ табаку нарушать святыню дѣвическихъ покоевъ , гдѣ прежде приносились однѣ яптарныя и масшиковыя жершвы.... если бы вы меня видѣли тогда , то непременно приняли-бы по крайней мѣрѣ за околдованнаго .

« Надобно сказать вамъ , что одна свойственная холосшымъ людямъ беззаботливость , въ кошпорой вы часто упрекали меня , причиною того , что я , не искавши другой кварширы , помѣстился въ опустѣломъ домѣ моей тещки , который , по педантской аккуратности душеприкащика , сдѣлался для меня весьма непріятнымъ жилищемъ . Возлѣ роскошной постели , гдѣ бросается въ глаза снѣжно-бѣлый башишъ и зеленая шелковая машерія , и шеперь еще стоитъ небольшой шабурешъ , на кошпоромъ лежитъ прекрасное ночное платье и щегольской , множствомъ бантовъ убранный чепецъ ; на полу споятъ великолѣпно вышитыя шуэли ; серебряная , ярко полированная сирена , вмѣстѣ ручки какого-то необходимаго сосуда , блещутъ изъ подъ бѣлаго , разными цвѣтами усыпаннаго одѣяла . Въ одной комнатѣ лежитъ не окончанное вязанье ,

начальное покойницей не задолго до кончины ; шупъ-же раскрыша и книга Ариадна о Истинномъ Христіанствѣ; но всего неприятнѣе , и можно сказать ужаснѣе для меня то , что въ этой-же комнаѣ висѣли порпиретъ шеники моей , во весь ростъ , гдѣ она , назадъ тому лѣтъ шридцать пять или сорокъ , велѣла изобразить себя въ вѣнчальномъ платьѣ , и что она , какъ сказывала мнѣ , заливалась слезами , старуха Анна... похоронена въ томъ-же самомъ уборѣ.— « Что за странная мысль ! » сказалъ Марцелль . « Которая впрочемъ весьма понятна , » прервалъ Северинъ , « пошому что дѣвицы , умершія невѣстами , невѣстами и оспіаюцца . Я думаю , что никто не будетъ имѣть духу принимать въ смѣшную сторону эту благочестивую вѣру , споль своей сшвенную пожилон дѣвицѣ , хопъ я и не понимаю , почему швоа пешушка въ молодосши велѣла изобразить себя именно невѣстою ?

« Такъ какъ мнѣ сказывали , пешушка дѣйствительно была разъ помолвлена ; самый день свадьбы былъ уже назначенъ , и она , въ полномъ вѣнчальномъ нарядѣ , ожидала жениха , который однакожъ не пріѣхалъ , разсудивъ за благо , вмѣстѣ съ одною , прежде любимую имъ дѣвушкою , въ томъ-же день удалишся изъ города . Пешушка чрезвычайно огорчилась этимъ , и , не обнаруживая ни малѣйшаго помѣшательства въ умѣ , съ того самаго времени начала , довольно стран-

нынѣ образомъ , праздновать день , назначенный для бракосочетанія . Рано утромъ надѣвала она полный вѣнчальный нарядъ , приказывала , какъ то было въ первый день , накрывать въ уборной комнаѣ , опрятно прибранной , не большой столикъ орѣховаго дерева съ позолоченною насѣчкою , ставили шоколадъ , вино и бисквиты для двухъ особъ ; вздыхая и тихо жалуясь , ходила она взадъ и впередъ по комнаѣ , и до 10-ти часовъ вечера дожидалась жениха ; пошомъ молилась съ усердіемъ , раздѣвалась и , погруженная съ самою себя , тихо ложилась въ постель . » — Все это чрезвычайно прогашельно — сказалъ Марцеллъ . — Горе вѣроломному , виновнику столь глубокой , роковой горести . — « На это случай — возразилъ Александръ — надобно взглянуть и съ другой стороны . Какой-то добрый геній предохранилъ этого человѣка , котораго называешь ты вѣроломнымъ , какимъ онъ дѣйствительно и былъ , хотя-бы имѣлъ на то многія причины ; или , если хочешь , собственное благоразуміе отклонило его отъ подобнаго супружества . Ему правилось одно только имѣніе пѣшки моей : вѣдь онъ зналъ , что она была властолюбива , сварлива , скупа , словомъ , настоящій духъ-мучитель въ образѣ человѣка .

« Пусть такъ — сказалъ Северинъ , положивъ на столъ трубку , сложивъ накрестъ руки и съ

важнымъ, задумчивымъ видомъ устремивъ взоры впередъ—но откуда такое тихое, шрогашельное погребальное торжество, и покорныя судьбы, только внутренно произносимыя жалобы на вѣроломнаго, если не изъ глубины вѣжной души, кошорая должна быть тужда земныхъ пороковъ, какими укоряешь ты бѣдную свою шешку. Ахъ! какъ часно такое огорченіе, кошорому едва можемъ мы противишься, жестоко пораженные въ жизни, какъ часто такое огорченіе обнаруживается уродливымъ образомъ! Такъ все окружающее покойницу дѣйствовало на нее возмущительно; но эпомъ постоянно наспуपाющій день благочестія загладилъ-бы, для меня по крайней мѣрѣ, мученія цѣлаго года. —Согласенъ съ шобою, Северинъ — сказалъ Марцелль — старая шешушка (дай Богъ ей царство небесное), не могла бытъ шакъ зла, какъ утверждаетъ Александръ, хоша шолько по слуху. Впрочемъ, я не люблю имѣть дѣла съ людьми, огорченными въ жизни самою жизнью; лучше, если-бы Александръ, благоговѣя предъ свадебно-погребальнымъ торжествомъ почтенной шарушки, рылся въ сундукахъ и ящикахъ со всякою мелюзгою или пересматривалъ богатые описи, нежели живо представлялъ намъ покинушую невѣсту, въ вѣнчалномъ нарядѣ ожидающую жениха и рассказывающую около спюлика, усшавленнаго шоколадпомъ, виномъ и бисквитами. —Съ сильнымъ дви-

женіемъ поставилъ Александръ на столъ чашку кофе, кофорую только что поднесъ было коршу, и вскричалъ, всплеснувъ руками: Отпьялись вы опъ меня съ такими мыслями и образами! И здѣсь, подъ прекраснымъ, свѣтлымъ небомъ мнѣ чудится, будто спарая пешка моя, вонъ шамъ, изъ той группы молодыхъ дѣвушекъ, какъ привидѣніе выглядываетъ въ своемъ вѣнчалномъ нарядѣ.» — Это страшное чувство—сказалъ Северинъ, слегка улыбаясь и пуская синія, маленькія облака дыму изъ трубки, кофорую онъ взялъ снова — это страшное чувство есть справедливое наказаніе за свою дерзость, потому что вы дурно отзывались о покойницѣ, которая, умирая, сдѣлала себѣ добро. — «Знаете-ли вы, господа — началъ опять Александръ—мнѣ кажется, будто и воздухъ въ моемъ жилищѣ до такой степени напоитанъ духомъ и бытіемъ старой дѣвицы, что сподобъ только побыть шамъ суши двои, для того чтобы самому заразиться?» Въ эту минуту Марцелль и Северинъ пододвинули пустыя чашки свои къ Александру, кофоруѣ преловко и въ мѣру положивъ сахару, съ такою-же соразмѣрностью налилъ кофе и сливокъ; потомъ продолжалъ: «Уже одно это, что я шакъ скоро пріобрѣлъ талантъ наливать кофе; что я, какъ будто по должности, шѣпчасъ берусь за кофейникъ, обладая искусствомъ приводить въ гармо-

вію сладкое съ горькимъ , не пролью капли , наливая чашки , ужь одно это должно казаться вамъ въ особенності таинственнымъ ; но вы еще болѣе удивитесь , если я скажу вамъ , что во мнѣ открылась необыкновенная страсть къ оловянной и мѣдной посудѣ , къ бѣлымъ серебрянымъ приборамъ , фарфору , хрусталу , словомъ , къ полному хозяйству , шакъ какъ оно заведено въ оставленномъ мнѣ покойной пешкою имѣніи . На все это смотрю я съ какимъ-то удовольствіемъ , и мнѣ шакъ весело владѣть болѣе нежели только постелью , споломъ , стуломъ , подсвѣчникомъ и чернильницею ! Г-нъ душеприкащикъ иногда смѣется надо мною , говоря , что мнѣ надобно только жениться , не заботясь ни о чемъ иномъ , кромѣ невѣсты и священника . Въ душѣ-то онъ думаетъ и болѣе , а именно , что не для чего ходить далеко за невѣстою . Дѣло въ томъ , что у него есть дочка , маленькое , разряженное существо , кошорая все еще ребячится ; какъ Гурли , говоритъ всегда шакъ простодушно , и вѣчно повертываясь , подпрыгиваетъ , какъ прыгоузка . Все это , при ея маленькомъ , бѣленькомъ личикѣ , можно-бы простить ей , лѣтъ шестнадцати тому назадъ , но теперь , въ тридцать два года , такія проказы хоть кому шакъ покажутся прищорымъ . » — Оно шакъ — вскричалъ Северинъ — однако-же нѣтъ ничего естественнѣе этой губительной , странной миссифика-

ція! Кто укажетъ на эту шутку, на которой основана-бы дѣвушка, по какой-бы ни было причинѣ перерѣзавшая для замужества, и сказала-бы самой себѣ: Я уже не то, что была прежде; цвѣты, которыми когда-то украшалась я, сохранили свѣжесть и юность свою, но лицо мое покрылось блѣдностью, и вошь шерпи, переноси! Такая дѣвушка, лишь невнимымъ заблужденіемъ увлекаемая, наводитъ на меня глубокую грусть, и ужь для одного этого мнѣ-бы хотѣлось быть ея ангеломъ-утѣшителемъ. — «Замѣчаешь-ли Александръ—сказалъ Марцелль—что нашъ любезный Северинъ весь проникнутъ нынче духомъ терпимости? Сперва онъ вступился за старую тешушку, а теперь за пивого душеприкащика (вѣдь это Военный Совѣтникъ Фальперъ); тридцатидвухлѣтняя Фальшера Сивилла, которую я очень хорошо знаю, наводитъ на него грустное чувство, и вошь, того смотри, онъ присовѣтуетъ тебѣ жениться на ней, для того только, чтобы избавить ее отъ несноснаго простодушія; отъ котораго, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ тебѣ, она откажется тотчасъ послѣ помолвки. Но смотри, не слушайся его; вѣдь по опыту извѣстно, что маленькія простодушныя дѣвицы шакого рода, иногда, или лучше сказать довольно часто, имѣютъ кошачью природу; изъ бархатныхъ лапокъ, которыми онѣ глядятъ до свадьбы, вско-

рѣ послѣ того, при удобномъ случаѣ, выпуска-
ють не совсѣмъ тупые когти. — «Боже мой!»
прервалъ Александръ друга, «что за болтовня!
Ня Фальшерева тридцатидвухлѣтняя Сивил-
ла, ни какая другая, будь она въ десять
разъ прекраснѣе, моложе и прелестнѣе, не за-
спавишь меня даромъ погубишь золотые годы
юношеской свободы, кою теперь только,
съ добрымъ запасомъ денегъ и имѣнія, хочу я
въ полной мѣрѣ насладиться. Въ самомъ дѣлѣ,
старая невѣста-петушка до такой степени дѣй-
ствуетъ на меня какъ привидѣніе, что я съ
словомъ: невѣста, невольно соединяю понятіе
о какомъ-то зломомъ, ужасномъ, всякую ра-
дость оправляющемъ существо.» — Жалѣю тебя—
сказалъ Марцелль. — Что касается до меня,
но я чувствую, что сладостный внушенный
препетъ проникаетъ меня, какъ скоро я вообра-
жаю дѣвушку, убранную подъ вѣнецъ; если-же
мнѣ случается когда дѣйствительно видѣть та-
кое существо, то, кажешся, будто духъ
мой стремится къ нему съ какою-то высокою
любовью, кою не имѣешь ничего общаго съ
земнымъ. — «О, я это знаю — возразилъ Алек-
сандръ — ты влюбляешься во всѣхъ невѣстъ безъ
исключенія, и во святилищѣ, которое ты фан-
тасматически создаешь въ душѣ своей, не рѣдко
занимаешь мѣсто возлюбленная другаго.» — Онъ
любитъ вмѣстѣ съ любящими — сказалъ Севе-

рынъ. — и пошому-то я ошъ всего сердца люблю его! — «Посшойше-же — сказалъ Александръ — вошъ я наважу ему на шею спарую мою пешушкx, и пакишъ образомъ ошдѣлаюсь ошъ приви-дѣнїа, кошорое не даешъ мнѣ покоя. Вы смот-прише на меня вопрошающими взорами? ну да, конечно! Природа спарой дѣвицы обнаружи-васшся во мнѣ и шѣмъ, что я спрадаю, несно-сною боязнью привидѣнїй, и шренещу, какъ ма-ленькій шалунъ, кошораго няня спращаешъ какой нибудь букой. Знаеше-ли, мнѣ случается видѣшъ возлѣ себя острый носъ спарой моей пешки, и ея длинныя, сухощавыя пальцы, копо-рые роюшся въ бѣлѣ и плашѣ. Беру-ли я когда чайникъ или кастрюлю, то прочїа шевелятса сами собою, и я думаю: ну вошъ шеперь, шого гляди, пешушкина рука подасшъ мнѣ другой чайникъ, другую кастрюлю. Тушъ я все бросаю въ сторону, бѣгу со всѣхъ ногъ, безъ оглядки, въ свою комнашу, и пою или насвистываю что нибудь, сшоя подѣ ошкрытымъ окномъ на улицу, а спаруха Анна примѣшно сер-дишся на меня за это. Но въ шомъ нѣшъ ника-кого сомнѣнїа, что пешушка, каждую ночь, ровно въ 12-шъ часовъ, спранспшуетъ по комна-шѣ.» Марцеллъ громко засмѣялся, а Северинъ, храня важный видъ, вскричалъ: — Разсказывай, такъ и бышъ, когда ужъ дѣло дошло до нелѣпицы, пошому что съ швоимъ просвѣще-

ніемъ, какъ могъ шь сдѣлаться духовидцемъ ? — «Северинъ — продолжалъ Александръ — и шь, Марцеллъ, вы оба знаете, что никто больше меня не возскавалъ прошивъ вѣрованъ въ духовъ. Никогда въ жизни моей, до сихъ поръ, не случалось со мной ничего чрезвычайнаго; я былъ чуждъ и той странной, умъ и чувство поражающей болзни, кошорую производить явленіе духовъ. Но теперь выслушайте, что случилось со мной въ первую ночь послѣ моего прїѣзда.» — Разскажи пошше — прервалъ Марцеллъ — мнѣ кажется, что насъ стараются подслушать.» — Никто посторонній не долженъ знать этого — возразилъ Александръ — и шѣмъ болѣе, что я и опъ васъ хопѣлъ ушантъ свою повѣсть о привидѣніи, но, шакъ и бытъ, я разскажу ! Слушайте ! Старуха Анна вспрѣшила меня въ глубокомъ пѣраурѣ и съ глубокой грустью на лицѣ. Держа серебряный фонарь въ дрожащей рукѣ своей, стоная и задыхалась, шла она впереди меня по опущѣннымъ комнашамъ до самой спальни. Здѣсь извоцикъ поснавилъ мой дорожный сундукъ. Этошъ добрый малый, распахнувъ свой широкій, длинный кашанъ, съ усердною благодарностью положилъ въ кожаный кошелекъ щедрою рукою данныя ему на водку деньги. Онъ съ улыбкою окинувъ взоромъ комнашу, остановилъ взглядъ на высоко взгроможденной постели съ зеленымъ занавѣсомъ, о кошорой я говорилъ вамъ, и на-

конецъ вскричалъ: «Ага! шумъ шо, баринъ, вы уснете на раздолѣ, поспокойте чѣмъ въ почтовой тѣлѣжкѣ; а вѣшь и халашецъ съ калпачкомъ!» Эпошъ проказникъ говорилъ о почтенномъ ночномъ плашѣ моей пшшки. Спаруха Анна, отступивъ назадъ и споткнувшись, чужь не уронила фонаря, но я еще во время схватилъ его и проводилъ извозчика, который удалился, лукаво посморгнувъ на спарушку. Возвратясь въ комнату, я примѣшилъ, что Анна шрслась и пренемала: она думала, что наступило время спрашнаго переворопа въ домѣ, а именно, что я, отправивъ ее на покой, расположусь на дѣвической поспели. Она пришла въ себя, когда я ласково и скромно объявилъ ей, что не привыкъ спать на шакихъ мягкихъ поспеляхъ, и чтобы она, безъ дальнихъ хлопотъ, послала мнѣ что нибудь пожесще въ одной изъ другихъ комнатъ. Такимъ образомъ спрашнаго перевороша не было, но случилось не слыханное дѣло: покрытое морщинами, печальное лицо Анны прояснилось радоспною улыбкою, шакъ, что я никогда послѣ того не видалъ ее въ такомъ восторженномъ сосшоянн; она бросилась мнѣ въ ноги, опираясь длинными коспявыми руками о полъ; попомъ выправила смятые задки своихъ шуфелей, ловко напянула ихъ на острые пашки, и сказавъ тихимъ, полубоязливымъ, полурадоспнымъ голосомъ: «Очень хорошо, мой

добрый, почтенный баринъ,» со стукомъ и шопотомъ пустилась изъ комнаты. «А такъ какъ я расположенъ спать довольно долго, по прошу пригосовить мнѣ кофе не раньше девяти часовъ.» Съ этими, нѣкоторымъ образомъ Валленштейновыми словами, оплуснулъ я старушку. Смертельно утомленный, я думалъ, что сонъ въ минушу овладѣетъ мною; но разныя мысли и думы, вертѣвшіяся въ головѣ моей, прошивались сну. Теперь только со всею живостью представилась мнѣ быстрая перемѣна моего положенія. Теперь только, дѣйствительно владея новымъ имѣніемъ и находясь въ немъ, ясно видѣлъ я, какъ жизнь, со всѣми благодѣтельными удобствами и пріятностями своими, раскрывается для меня, выведеннаго изъ мучительной бѣдности. Несносная флейта ночного спорожа пропѣвала одиннадцать. . . . двѣнадцать, я былъ такъ бодръ, что могъ слышать бой своихъ карманныхъ часовъ и тихій стукъ сверчка, гнѣздившагося гдѣ-то въ комнатѣ. Но съ послѣднимъ ударомъ двѣнадцатью часовъ на одной изъ башенъ, откуда звуки глухо доходили до меня, послышались мѣрные, тихіе шаги, взадъ и впередъ по комнатѣ, и съ каждымъ шагомъ раздавался горестный вздохъ и стонъ, которые, усиливаясь болѣе и болѣе, обратились наконецъ въ раздирающія сердце жалобы существа, поминимо смертельной горести: ато существо всхли-

цывало и царапалось въ дверь сосѣдственной комнаты, и вошъ какая-то собака начала визжать и жалобно кричать голосомъ, похожимъ на человѣческій. Еще вечеромъ привѣтилъ я свою моську, любимицу покойной тещи: ея жалобы, безъ сомнѣнiя, я слышались мнѣ теперь. Я всталъ съ постели; началъ осматривать комнату, тускло освѣщаемую ночнымъ мерцанiемъ; все, что было въ ней, видѣлъ я довольно явственно, но не видалъ никого, взадъ и впередъ расхаживающаго, а между тѣмъ слышалъ шаги, и все еще кто-то вздыхалъ и споналъ, какъ прежде, проходя мимо самой постели моей. Вдругъ овладѣлъ мною ужасъ, производимый присуществiемъ духовъ, ужасъ, какого я никогда не зналъ: я чувствовалъ какъ холодный потъ выступалъ на лбу моемъ, и волосы, какъ-бы оледенѣвъ, спанились дыбомъ. Я не имѣлъ силъ сдѣлать ни малѣйшаго движенiя, ни закричать отъ ужаса; кровь моя сильно волновалась; я хранилъ внутреннее чувство сознанiя, которое однакожъ не могло повелѣвать внѣшними, какъ-бы въ смертной борьбѣ оцѣпенѣвшими органами. Вдругъ зашпили шаги, умолкли споны; вмѣсто того послышался удушливый кашель, заскрытла дверь шкафа, раздался спукъ серебряными ложками; потомъ, казалось, кто-то опхупорилъ и доспавилъ въ шкафъ бутылку.... справный ошврашительный

кашель. . . . продолжительный вздохъ. . . . Въ эту минушу, высокаго роста существо, въ бѣлой одеждѣ, начало двигаться отъ спѣимъ; меня обдало морозомъ, ужасъ дошелъ до высочайшей степенн, и я лишился чувствъ. Я проснулся съ ощущеніемъ, какое бываетъ всегда послѣ паденія съ высоты; вамъ извѣсны обыкновенныя сновидѣнія такого рода, но я не въ силахъ описать особеннаго чувства, которое наполняло тогда мою душу. Сперва мнѣ должно было образумиться, гдѣ находился я; но потомъ мнѣ казалось, будто нѣчто ужасное происходило со мною, но что продолжительный, глубокий, смертный сонъ изгладилъ всякое воспоминаніе объ этомъ. Наконецъ, мало по малу, я припомнилъ все случившееся и принялъ это за сновидѣніе, въ которомъ какое-то привидѣніе издѣвалось надо мною. Лишь только вспалъ я, какъ порипремъ невѣстны въ вѣнчалномъ платьѣ бросился мнѣ въ глаза, и холодная дрожь пробѣжала по спинѣ моей, пошому что мнѣ казалось, будто это самое изображеніе рассказывало ночью по комнати; но обстоятельство, что въ комнати вовсе не было шкафа, снова увѣрило меня, что я видѣлъ только сонъ. Старуха Анна принесла кофе и, взглянувъ на меня, сказала: «Господи швоя воля! что это вы такъ блѣды? Ужъ здоровы-ли вы? не приключилось-ли вамъ чего? «Вовсе не желая говорить съ нею о при-

видѣній, я жаловался на сильное давленіе въ груди, которое не давало мнѣ спать. «Такъ, такъ — проверчала старуха — вся бѣда отъ желудка; да этому мы нособинъ!» Тушъ подошла она къ спѣти, отворила прежде не замѣченный мною дверцы, и я увидѣлъ шкафъ, гдѣ были рюмки, маленькая буылка и пара серебряныхъ ложекъ. Со звономъ и спухомъ взяла она ложку, онкупорила буылку, налила нѣсколько капель какой-то жидкости, снова поставила въ шкафъ буылку и пошатила ко мнѣ. Я закричалъ отъ ужаса, пошому что воображенію моему представились явленія минувшей ночи. «И, полноше, полноше, любезный баринъ — проверчала старушка, спранныю улыбкою сморщивъ лицо свое—вѣдь это очень хорошее лекарство; покойница такъ же спрадала желудкомъ, и часню принимала эти капли!» Я ободрился и проглотилъ крѣпкій, жгучій желудочный эликсиръ. Взоры мои невольно устремились на поршреть невѣсты, который висѣлъ надъ самымъ шкафомъ въ спѣти. Чей это поршреть? спросилъ я. «Покойной шешушки вашей, сударь! упокойши ее, Царь Небесный!» сказала старуха, обливаясь слезами. Моська начала визжать точно такъ какъ ночью. Едва удерживая винулренній шренепъ, едва собравшись съ духомъ, сказалъ я: «Любезная Анна, я думаю, что покойная шешушка прошедшею ночью въ двѣнадцать

часовъ была у этого шкафа и выпила капель?» Сшаруха, казалось, ни сколько не удивилась этому, и сказала тихимъ голосомъ, между шѣмъ какъ смертная блѣдность погасила и послѣднюю искру жизни, на покрытомъ морщинами лицѣ ея: «Развѣ у насъ нынче опять день Обрѣшенія Креста? вѣдь прешье-то Мая давно уже прошло!» Я не могъ болѣе спрашивать; сшаруха удалилась; я наскоро одѣлся, вовсе не прикасаясь къ зашпраку, и выбѣжалъ на открытый воздухъ, для того чтобы избавишься отъ неснаснаго мечпашельнаго состоянія, кошорое снова начинало владѣть мною. Безъ моего приказанія, Анна перенесла вечеромъ мою постель въ веселый кабинетъ окошками на улицу. Я ни слова не говорилъ съ ней болѣе о привидѣніи, и вовсе не рассказывалъ о томъ Военному Совѣтнику. Сдѣлайте милость, молчите и вы объ этомъ, а не то подымеши ужасная болшовня, не будешь конца распросамъ и неснаснымъ изслѣдованіямъ любопытныхъ дилешпантовъ. Даже въ кабинетѣ моемъ, каждую ночь въ 12-ть часовъ, слышались мнѣ шаги и споны; но я хотчу еще нѣсколько дней побороться съ ужасомъ, и пошомъ, безъ дальнихъ хлопотъ, переѣду изъ дому на другую кварширу.» Александръ замолчалъ, и, не прежде какъ чрезъ нѣсколько секундъ, Марцелъ началъ разговоръ: — Твое приключеніе довольно чудно и спрашно, но, не

смотря на то, что я охотно вѣрю явленію духовъ, какиѣ-бы то ни было образомъ, все таки рассказанное тобою слишкомъ сбивается на обыкновенную матеріальность. Шаги, вздохи, споны, и тому подобное я совершенно допускаю; но что покойница, какъ и при жизни, пьешь желудочныя капли, это напоминаешь мнѣ о той женщинѣ, которая, являясь послѣ смерти, какъ кошенокъ ползаетъ по закрытымъ окнамъ. —

« Вотъ еще какая спранныя миспификація! » возразилъ Северинъ. « Допуская возможность явленія духовъ и признавая вліяніе ихъ на наши вѣщныя чувства, ты хочешь предписать имъ извѣстныя ограниченія въ разсужденіи того, какъ прилично или неприлично поступать. По твоей теоріи, любезный Марцелль, духъ можешь ходить въ шулахъ, вздыхать, спонать, но только опинудъ не опжуноривать бушмюкъ и не пить капель. Здѣсь надобно замѣнить, что духъ нашъ, въ своихъ мечтахъ о высшемъ, въ однихъ предощущеніяхъ представляющемся бытіи, не рѣдко попадаетъ на общія мѣста вседневной жизни, и поэтому бросаетъ на нее шнѣй какой-то горькой провни. Эта самая провнѣя, которая глубоко заключается въ природѣ, сознающей свое нерерожденіе, не можешь-ли быть также свойственна и душѣ, совлекшей

Апрѣль 1832.

34

съ себя тѣлесную оболочку и ускользнувшей изъ міра тѣней, если уже мы допускаемъ, что она можетъ принимать образъ оставленнаго тѣла? Такимъ образомъ сила воли и вліяніе какого нибудь духа, наяву увлекающаго насъ въ міръ тѣней, можетъ служить условіемъ всякаго рода привидѣній, которыя мы думаемъ ощущать внѣшними органами. Смѣшно было-бы, по нашему понятію предписывать эскимъ привидѣніямъ какой нибудь нравственный уставъ. Замѣчательно, что лунашники, эски настоящіе мечтатели, обращаются къ самымъ обыкновеннымъ дѣламъ житейскимъ: вспомните о томъ, который въ каждое новолуніе выводилъ свою лошадь изъ стойла, осѣдывалъ и оная разсѣдывалъ ее, споводилъ въ стойло и потомъ возвращался въ оставленную постель. Но все, что я ни говорю, есть нечто иное, какъ *terra disjecta*; но я думаю... «— Спало ты вѣришь появленію старой шешки моей? — не много поблѣднѣвъ прервалъ Александръ друга. «Какъ не вѣришь!» вскричалъ Марцелль. «Я развѣ не вѣрующій, хотя не такой записной духовидѣцъ, какъ нашъ Северинъ? Такъ не ушаю-же и я ошъ васъ, что на кварширъ мой, меня до смерти напугало привидѣніе, ужасное не менѣ Александровой шешки.» — А со мною развѣ не случилось того-же? — проворчалъ Северинъ. «Тотчасъ по прїѣздѣ моемъ — продолжалъ Мар-

целъ — навялъ я, на Фридриховой улицѣ, опрятную меблированную комнашу. Подобно Александру, смертельно утомленный, бросился я на постель, но не спалъ и часу, какъ вдругъ сквозь закрышныя вѣки свои примѣшилъ яркій свѣтъ. Открываю глаза и... представыше мой ужасъ! возлѣ самой кровати моей стоялъ длинный, сухощавый челоуѣкъ, съ лицомъ, покрытымъ смертною блѣдносшью, устремивъ прямо на меня свои впалые, мутные глаза. Бѣлая рубашка покрываешь весь спящъ его; грудь открыта и кажецца окровавленной; въ лѣвой рукѣ держитъ онъ фонарь съ двумя ярко горящими восковыми свѣчами, въ правой большой спаканъ, наполненный водою. Безмолвно смотрѣлъ я на это страшное существо, которое, съ ужасными визгливыми звуками, начало обводить большіе круги и спаканомъ и фонаремъ. Такъ-же какъ и Александромъ, мною овладѣлъ страхъ, какой производятъ привидѣнія. Тише и тише обводило оно круги фонаремъ и спаканомъ, и наконецъ совсѣмъ перестало. Тутъ показалось мнѣ, что тихое пѣніе раздалось въ комнашѣ; существо, оскаливъ зубы, улыбнулось и медленными шагами вышло изъ комнашы. Много времени прошло, пока я ободрился, вспалъ и поропливо замкнулъ дверь, копорую, какъ я тушъ примѣшилъ, забылъ заперешъ ложащъ въ постель. Сколько разъ бывало во время похода,

что посторонній человѣкъ неожиданно спомнитъ у моей постели , когда я просыпаюсь , и я не сколько не пугался этого ; но что здѣсь таившися какая-то чрезвычайность , что это даже привидѣніе , въ томъ я твердо былъ увѣренъ. Утромъ хотѣлъ я идти къ хозяйкѣ и рассказать ей , какимъ образомъ ужасное привидѣніе нарушило мой сонъ. Когда я вошелъ въ сѣни , предомною отворилась дверь , и высокій , сухощавый человѣкъ въ длинномъ халатѣ вышелъ ко мнѣ на встрѣчу. Я тотчасъ узналъ смертно-блѣдное лицо и впалые , мушные глаза злаго духа минувшей ночи , и хотя очень хорошо зналъ , что въ подобномъ случаѣ можно поколошиться или вышолкаться изъ дверей всякое привидѣніе , однако почувствовалъ страхъ и хотѣлъ скоро сбѣжать съ лѣстницы. Но этотъ человѣкъ загоролдвалъ мнѣ дорогу , тихо взялъ меня за руку , и , радушно улыбаясь , спросилъ тихимъ , ласковымъ голосомъ : « Дорогой мой сосѣдушка ! каково-то провели вы ночь на своей новой квартирѣ ? » Я подробно рассказалъ ему о случившемся , и прибавилъ , что , какъ кажется , онъ-то самъ и приходилъ ко мнѣ ночью. Я изъяснилъ радость , что не заспавилъ его съ урономъ обративъ шмыгъ , воображая себя на осадѣ непріятельскаго города , что легко могло придти въ голову мнѣ , недавно возвратившемуся изъ похода ; но впередъ не ручался за это. Въ

продолженіе моего разсказа незнакомецъ, улыбаясь, качалъ головою, и когда я окончилъ, сказалъ онъ очень тихо: «Дорогой мой сосѣдуска! не принимайше этого въ дурную сторону! Такъ, шакъ! я пошчасъ-же подумалъ, что это шѣмъ кончипся. Нынѣе упромъ я ужъ зналъ, что оно шакъ и вышло, потому что чувствовалъ себя очень хорошо, былъ совершенно спокоенъ внутренно. Я нѣсколько безпокойный человѣкъ: ужъ шакъ шому, вѣрно, и бытъ. Знаете-ли, говорятъ, что послѣ завтра...» Тушъ перешелъ онъ къ городскимъ новостямъ, за кошорыми слѣдовали другого рода извѣстій, очень любопытныя для прѣзжаго. Разсказъ его былъ живъ, иногда приправленъ тонкою ироніею. Находя въ незнакомецѣ человѣка очень занимательнаго, я снова завелъ рѣчь о починѣ приключеній, и просилъ, безъ всякихъ околѣтностей, сказать мнѣ, что заставляло его такимъ страннымъ, разительнымъ образомъ нарушить сонъ мой. «Ахъ, не принимайше въ дурную сторону, дорогой мой сосѣдуска — началъ онъ — что я, самъ не знаю какъ, осмѣлился. Это было для того только, чтобы имѣть понятіе о вашемъ ко мнѣ расположеніи; я безпокойный человѣкъ; всякій новый сосѣдъ спѣснелъ меня, если я не знаю, въ какихъ отношеніяхъ находитися онъ со мною.» Я утѣралъ страннаго незнакомца, что все это мнѣ ничего не объясня-

ешъ. Тупъ взялъ онъ меня за руку и повелъ въ свою комнату. «Для чего таишься мнѣ передъ вами, любезный сосѣдъ!» сказалъ онъ, подошедши со мною къ окошку. «Для чего скрывашъ дивный даръ, которымъ обладаю я? Господь силенъ въ слабыхъ, и попому мнѣ, бѣдному, ничѣмъ не огражденному отъ спрѣлъ враговъ моихъ, для обороны дана чудесная сила, по извѣстнымъ условіямъ заглядывашъ въ сердца людей и угадывашъ ихъ сокровеннѣйшія мысли. Такъ, напримѣръ, я беру эпомъ, изъ самаго чистаго стекла сдѣланный, чистѣйшею водою наполненный сосудъ (онъ взялъ съ окна бокалъ, и это былъ помъ самый, который держалъ онъ въ рукѣ ночью), всѣ мысли устремляю на ту особу, которой сердце хочу разоблачить, и, по опредѣленнымъ, мнѣ одному извѣстнымъ направленіямъ, обвожу круги спаканомъ. Въ спаканѣ начинаютъ подыматься и опускаются маленькіе пузырьки, образующіеся подобно зеркальной наводкѣ, и когда я смотрю въ воду, мнѣ кажется, что мой собственный духъ явственнѣе отражается въ ней, но какое-то высшее сознаніе усматриваетъ въ эпомъ отраженіи то существо, на которое устремлены мои мысли. Часто, когда близость посторонняго, еще не испытаннаго челоѣка слишкомъ тревожитъ меня, часто случается, что я произвожу свои операціи въ ночное время:

это самое происходило и въ послѣднюю ночь , потому что , признаюсь вамъ откровенно , вчера вечеромъ вы причинили мнѣ не малое безпокойство. » Вдругъ спранный незнакомецъ бросился обнимать меня, съ восторгомъ восклицая... «Но какая радость была мнѣ, когда узналъ я ваше доброе ко мнѣ расположеніе. О , мой любезный , неоцѣненный сосѣдъ ! Ужели ошибаюсь я ? Не правда-ли , что мы весело , счастливо жили съ вами въ Цейланѣ , назадъ тому не болѣе двухъ сотъ лѣтъ ? » Тупъ мой незнакомецъ потерся въ прескрасныхъ соображеніяхъ. Къ счастью , я догадался съ кѣмъ имѣю дѣло , и радъ , радъ былъ , когда , впрочемъ не безъ труда , отдѣлался отъ него. Послѣ подробныхъ распросовъ у хозяйки узналъ я , что мой сосѣдъ , долгое время слышій многосторонне образованнымъ ученимъ и искуснымъ дѣловымъ человекомъ , недавно впалъ въ глубокую меланхолію , въ которой ему мечталось , что вслѣдъ посторонній человекъ , съ дурной стороны расположенъ къ нему , и такимъ или инымъ образомъ ищетъ его гибели. Но вдругъ онъ замечалъ , что нашелъ способъ , узнавашъ враговъ своихъ и братья прошивъ нихъ мѣры предосторожности. Съ этою мыслию перешелъ онъ къ перешедшему спокойному , веселому состоянію постоянного сумасшествія. Онъ сидитъ ночи весь день подъ окномъ и производитъ

опыши посредствомъ спакана. Его опъ природѣ добрый, чистосердечный характеръ обнаруживается въ томъ , что онъ почти всякій разъ отпирывается въ людяхъ добрымъ настрѣніемъ , и что онъ не сердится , если встрѣчаетъ сомнительный характеръ , но впадаетъ въ тихую грусть. Слѣдственно, сумасшествіе его ни сколько не вредно , и его старшій братъ , подъ онекою копорого находится онъ , позволяетъ ему , безъ всякаго надзора , жить самому по себѣ гдѣ угодно. »

— Спало бытъ, ато привидѣніе — сказалъ Северинъ — принадлежитъ собственно къ числу описанныхъ Вагнеромъ, въ его книгѣ о духахъ , потому что объясненіе , какъ все естественнымъ образомъ происходило и какъ фантазія швоя благоразумно дѣйствовала при этомъ случаѣ, пишется такъ-же скучно, какъ и въ обыкновенныхъ разсказахъ , содержащихся въ той благоразумнѣйшей изъ всѣхъ книгъ. — « Если ты хочешь слышать вообще только о духахъ — возразилъ Марцелъ — въ такомъ случаѣ ты правъ; но всетаки мой сумасшедшій , съ которымъ я теперь въ большихъ ладахъ , чрезвычайно любопытное явленіе. Одно только не нравиться мнѣ , а именно то , что онъ начинаетъ нападать на другія постоянныя мысли , напримѣръ , воображаетъ , что онъ былъ Королемъ въ Амбоянѣ , взявъ въ плѣнъ , и въ продолженіе пашиде-

сати лѣтъ, за деньги показывался, какъ райская пшница. Такого рода небывицы могутъ довести до чрезвычайнаго бѣшенства. Я помню одного сумасшедшаго, который былъ очень спокоенъ ночью, воображая себя мѣсяцемъ; но пошастъ приходилъ въ бѣшенство днемъ, считая себя восходящимъ солнцемъ.» — Послушайте, господа — вскричалъ Александръ — что это за разговоры, здѣсь, среди множества раздраженныхъ, пирующихъ гостей, при яркомъ сіяніи солнца? Теперь очередь за Севериномъ, который смотритъ шакъ мрачно и задумчиво. Ужь не случилось-ли на дняхъ и съ нимъ чего нибудь, несравненно болѣе страшнаго, нежели съ нами, и не хочешь-ли онъ угостить насъ такимъ рассказомъ? — « Въ самомъ дѣлѣ — началъ Северинъ — привидѣнія мнѣ не являлись, но какая-то невѣдомая, ужасная сила до такой степени обнаруживала надо мною свое явленіе, что я, съ душевнымъ спѣсненіемъ, чувствовалъ узы, которыми она опутала какъ меня, такъ и всѣхъ насъ.» — Не правда-ли моя — сказалъ Александръ, обращаясь къ Марцеллу — что у Северина направление духа основано на чемъ-то чрезвычайномъ? —

« Мы сей часъ услышимъ шму баснословнаго! » возразилъ Марцеллъ, улыбаясь, на что Северинъ замѣтилъ: « Если Александрова покойная пешка принимала желудочныя ванны,

если Тайный Совѣтникъ Непшпельманъ (вѣдѣя давно знаю этого сумасшедшаго) видить въ спаканѣ доброе расположеніе Марцелла, то да позволено будетъ и мнѣ припомнить одно изъ самыхъ странныхъ предощущеній , которое таинственнымъ образомъ осуществилось для меня. Вы знаете , продолжалъ Северинъ , что я живу въ опдаленной сторонѣ звѣрнца, близъ придворнаго егеря. Въ первый день послѣ моего прїѣзда. . . .» Въ эту минуту одинъ пожилой , очень хорошо одѣтый мужчина прервалъ Северина , вѣжливо прося его подвинуть немного стулъ и позволить ему пройти. Северинъ вспалъ , и мужчина , поклонясь вѣжливо , провелъ пожилую даму , вѣроятно , свою супругу ; за ними шелъ мальчикъ лѣтъ двѣнадцати. Северинъ хотѣлъ опять сѣсть , какъ Александръ попихоньку сказалъ ему : «Поспой, вонъ эша дѣвушка , кажешся, принадлежащая также къ этому семейству. » Друзья увидѣли прелестное лицо красавицы , которая , глядя въ сторону, приближалась медленными , невѣрными шагами. Казалось , она искала кого-то ; можетъ быть , прошедшаго мимо. Вскорѣ потомъ одинъ молодой человѣкъ вывернулся изъ толпы , прямо къ ней , и подалъ записку , которую она прескоро спрятала на груди. Между тѣмъ пожилой мужчина , не вдалекѣ отъ друзей нашихъ , занялъ шолько чпо опроснав-

шійся сполъ и преподробно полковалъ шоропливому пракширщику , держа его за кафтанъ , чего и сколько именно подашь , а дама преусердно обивала пылъ со стульевъ , и такимъ образомъ они не замѣтили медленности своей дочери , которая , ни мало не обращая вниманія на вѣжливостъ Северина , все еще сполывшаго ошодвинувъ стулъ , скоро присоединилась къ нимъ . Она сѣла такъ , что друзья , на перекоръ большой соломенной шляпкѣ , могли прямо смотрѣть на прелестное лицо , и на черные , томные глаза красавицы . Во всѣхъ приемахъ , въ малѣйшемъ движеніи ея было что-то радостно-очаровательное . Она одѣта была съ большимъ вкусомъ , по послѣдней модѣ , даже слишкомъ нарядно для прогулки , но безъ всякой изысканности , сполъ свойственной дѣвушкамъ . Мать поклонилась одной поодаля сидящей дамѣ : обѣ вспали и приблизились другъ къ другу для разговора ; пожилой мужчина подошелъ между тѣмъ къ фонарю и закурилъ трубку . Дѣвушка воспользовалась эшой минушой , вынула записку и быстро пробѣжала ее . Тутъ друзья увидѣли , какъ кровь бросилась въ лицо красавицы , какъ слезы перлами навернулись на прекрасныхъ глазахъ ея , какъ грудь подымалась и опускалась ошъ внутреннего движенія . Она разорвала записку на множество маленькихъ лоскушковъ , и медленно бросала ихъ одинъ за дру-

гнѣ на вѣшеръ, какъ будио съ каждыиъ изъ нихъ улешала радосиная надежда. Спарики возвраиились. Оиецъ пристально посмолрѣлъ на заплаканные глаза дѣвушки и, казалось, спросилъ: «Чшо съ шобою?» Дѣвушка сказала нѣскольио шихо-жалобныхъ словъ, кошорыхъ друзья конечно не могли слышать; но шакъ какъ она шощасъ взяла плашокъ и закрыла имъ щеку, шо вѣрошно, что она жаловалась на зубную боль. Друзьямъ нашимъ справно показалось, что шарикъ, у кошораго вообще лицо было нѣскольио иронически каррикатурно, сдѣлалъ шутовскую гримасу и громко засмѣлся. Нишо до сихъ поръ, ни Александръ, ни Марцеллъ, ни Северинъ, не вымолвилъ слова; всѣ шрое не сводили глазъ съ дѣвушки, кошора я предавалась своей горесши. Мальчикъ шакже сѣлъ за шполъ, а сестра его перемѣнила мѣсто, но шакъ, что сидѣла уже спиной къ друзьямъ нашимъ. Тушъ рушилось очарованіе, и Александръ, вшавъ съ мѣста и шихо ударивъ Северина по плечу, сказалъ: «Ну любезный Северинъ, гдѣ-жъ разскалъ швой о предощущеніи, кошорое, осушесшвилось для тебя? Гдѣ Тайный Совѣшникъ Нешпельманъ и покойная шешка? Куда дѣвалась всѣ наши зашѣдливые разговоры? Скажише, что эшо за сущесшво, кошорое явилось шеперь всѣмъ намъ, связало языкъ и неподвижно осшановило

на себя взоры наши?»—Я знаю только — сказал Марцелль съ глубокимъ вздохомъ—чтооша жалкая дѣвушка... прелеснѣйшее , чистѣйшее , ангельское существо, какого я никогда не видывалъ.—«Ахъ—началъ Северинъ со вздохомъ еще болѣе глубокимъ, еще болѣе грустнымъ—и это небесное существо должно носить оковы земной жизни и страдать!» — Можешь бытъ — сказалъ Марцелль—въ эту минуту жестоко перзаемая желѣзною рукою судьбы...—«Я того-же мнѣнія—прибавилъ Александръ— и ужъ какъ-бы порадовался и напѣшился я, если-бы попался мнѣ въ руки эшотъ негодяй, который подалъ ей прокляшую записку. Безъ сомнѣнія, эшо былъ самъ неперпѣливо-ожидаемый возлюбленный, и вѣѣшо того, чтобы свободно войти въ кругъ эшого семейства, онъ, изъ какой нибудь нелѣпой ревности, или иной любовной досады, написалъ ей укорительныя строки.»— Но , любезный Александръ — прервалъ неперпѣливо Марцелль — какъ можешь ты , подобно вовсе неопытному въ жизни юношѣ, судить шакъ неосновательно ? Удары швой посыпались-бы на совершенно невиннаго, мирнаго передателя письма. Не замѣшилъ-ли ты по простодушно-улыбающемуся лицу , по вѣѣмъ пріемамъ , даже по самой походкѣ , что молодой человекъ былъ передателемъ , а не сочинителемъ письма ? Кто съ чего ни начини , но если слова посвящены въ насмѣшlichemъ значеніи своемъ , то содержаніе чѣшкими

буквами ошпечашивается на лицѣ! По крайней мѣрѣ, во всякомъ случаѣ лицо можно сравнить съ крашкимъ означеніемъ содержанія, высказываемаго на официальныхъ бумагахъ, которое всегда объясняетъ, о чемъ идетъ дѣло. Да и можно-ли безъ ироніи, слишкомъ непростишительной, самой безбожной, подавая своей возлюбленной записку въ такомъ низкопоклонномъ положеніи, въ какомъ явился эпостъ молодой человѣкъ? Вѣроятно же всего, что дѣвушка надѣялась найдши здѣсь втайнѣ любимаго ею человѣка, котораго не должна или не можетъ иначе видѣть. Ему встрѣшились неминуемыя препятствія, или, какъ думаетъ Александръ, какая нибудь пустая любовная досада удержала его, и онъ послалъ записку съ своимъ другомъ. Какъ-бы то ни было, но эта сцена раздражаетъ мнѣ сердце.—«Ахъ, любезный Марцелль — подхвалилъ Северинъ — и ты приводишь такія пошлыя причины спѣснющей грудь горести, кою спраждаетъ эта бѣдная дѣвушка? Она любитъ втайнѣ, можетъ быть, противъ воли отца; вся надежда была на какой нибудь случай, который нынче, именно нынче долженъ былъ дать послѣднее рѣшеніе, и оно произнесено наперекоръ самой любви! Все проспи! И свѣтлая звѣзда надежды, и счастье всей жизни! Видѣли-ль вы съ какою безнадежною, прямо въ душу пѣснющею грустью рвала она, на множество лоскушковъ, злобщее

письмо, и бросала на вѣтеръ, какъ Офелія гирлянду, или какъ Эмилиа Галошши розу? Ахъ! Я готовъ былъ пролить кровавыя слезы, когда вѣтеръ, какъ-бы ужасно издѣвался, крушилъ убійственныя слова въ воздухѣ! Уже ли нѣтъ болѣе утѣшенія на землѣ для этого ангела?» Ну вошъ, Северинъ — вскричалъ Александръ — ты опять занесся подѣ небеса! Трагедія готова! Нѣтъ, нѣтъ! Зачѣмъ лишаешь этого ангела всякой надежды, всего счастья жизни? Я, право, думаю, что она и сама не совсѣмъ опчаявается, потому что теперь, кажешся, совершенно успокоилась. Посмотри-те, какъ бережно кладетъ она бѣлыя перчатки на бѣлый плашокъ, и съ какою пріятностью опускаетъ сухарь въ чашку; какъ она ласково киваетъ головою сшарику, который наливаетъ ей нѣсколько капель рому въ чашку. Мальчикъ преусердно уписываетъ свой бутербродъ!...пузы! ну, вошъ онъ уронилъ его въ чай и обрызгалъ себя лицо... Старяки смѣются. Посмотрите, посмотрите, какъ дѣвушка помираетъ со смѣху. — «Ахъ!—прервалъ Северинъ наблюдателя—это-то и ужасно, что она бѣдная должна, обыкновенною вишнейю стороною жизни, прикрывать въ душѣ глубокую, убійственную горестъ. И при томъ не легче-ли смѣяться, нежели быть равнодушнымъ, когда духъ смущается въ насъ?» — Пе-

реснанъ , сдѣлай милость , Северинъ — сказалъ Марцеллъ — мы оправимъ всѣ наши чувства , если не забудемъ объ этой дѣвушкѣ . — Александръ былъ совершенно согласенъ съ Марцелломъ , и вошъ друзья спарались начать веселый , ошъ одного предмета къ другому свободно переходящій разговоръ . Имъ удалось это шѣмъ скорее , что они много шумѣли на счетъ вещей самыхъ обыкновенныхъ и находили ихъ чрезвычайно занимательными . Но все , что ни говорили они , нѣмо какой-то особенный ошпѣвнотъ , особенный шонъ , кошорый никакъ не ладилъ съ предметомъ , шакъ , что слова казались какими-то совершенно иное означающими цифрами . Они согласились наконецъ , за холоднымъ пуншемъ ошпраздновашъ незабвенный день свиданія , и уже за прѣшымъ спаканомъ , съ слезами на глазахъ , бросились въ объятія другъ къ другу . Дѣвушка вспала , подошла къ загородкѣ близъ воды , облокотилась , и грустно-задумчивыми взорами своими слѣдовала за мимо-лепящими облаками . « Высприя облака , вы , парусы воздушные ! » началъ Марцеллъ , прѣтно-жалобнымъ голосомъ ; но Северинъ , бросивъ спаканъ и сильно ударивъ по столу , рассказалъ , какъ однажды , при лсномъ свѣшѣ луны , проѣзжая полемъ битвы , онъ встрѣтилъ блѣдныхъ мертвецовъ , кошорые устремили на него полные жизни , искрашѣися взоры свои . « Боже сохрани и помилуй ! » вскри-

чалъ Александръ. «Что такое нашло на тебя, любезный братъ!» — Дѣвушка опять сѣла за столъ; друзья въ одинъ мигъ вскочили съ мѣста и въ запуски бросились къ загородкѣ; но смѣлымъ прыжкомъ, чрезъ два стула, Александръ опередилъ друзей своихъ, и облокошлся тамъ, гдѣ стояла дѣвушка, упорно хотѣлъ удержавъ за собой это мѣсто, не смоща на то, что Марцеллъ съ одной, а Северинъ съ другой стороны, подъ предлогомъ дружескихъ объятій, сжалились оптащипъ его. Северинъ шоржесственно и миснически говорилъ объ облакахъ и объ ихъ печеніи; спарался объяснишь, какъ нѣчто важное, образы, какіе они принимали; Марцеллъ, не слушая его, сравнивалъ Бельвию съ какою-то Римскою виллою, и не смоща на то, что тѣхалъ назадъ черезъ Швейцарію и Франконію, находилъ прекраснымъ, даже романшическимъ это скучное мѣсто, съ высокими, похожими на крючковапыя висѣлицы громовыми опводами на пороховыхъ магазинахъ, и называлъ ихъ мачтами, кошорыя увѣнчаны блестящими звѣздами. Александръ ограничился похвалою прекрасному вечеру и очаровательному времяпровожденію въ Веберовой паланкѣ. Семейство, къ кошорому принадлежала красавица, по видимому, собиралось уже домой, потому что спарикъ выбивалъ пирубку, мать и дочь укладывали свою

работу, а мальчикъ искалъ и спрашивалъ карпузу, который наконецъ услужливо подалъ ему рѣзвѣй пудель, давно игравшій карпузомъ. Друзья пришли въ какое-то смятеніе; все семейство прекрасной дѣвушки ласково поклонилось имъ; суебась и шоропливо оправляясь, они поклонились въ одно время, и довольно громко сплунулись головами. Пока они успѣли образумиться, семейство скрылось уже изъ виду. Тутъ возвратились они, молча и съ недовольнымъ видомъ, къ столу; принялись за холодный пуншъ, но онъ казался безвкуснымъ. Живописныя облака исчезали въ густомъ, мрачномъ туманѣ; Бельвю былъ просто Бельвю; всякой громовой отводъ просто громовой отводъ; а Веберова палатка казалась самой обыкновенной шаверной. Не оставалось болѣе ни одного человека; наступалъ непріятный холодъ; даже шрубки не раскуривались, и друзья, ведя разговоръ, который какъ догорающая свѣча, все еще, нѣтъ, нѣтъ, да вспыхнешъ, удалились изъ шаверны. Северинъ еще въ звѣринцѣ разспался съ ними и пошелъ домой; Марцелль, поворотивъ на Фридрихову улицу, также оставилъ своего пріятеля, который отправился въ отдаленный домъ покойной пешки. Единственно по причинѣ дальняго разстоянія жилищъ своихъ, пріятели выбрали публичное мѣсто, гдѣ и условились схо-

дигься въ назначенный день и часъ. Оно такъ и было. Но они приходили болѣе для того, чтобы сдержашь данное слово, а не по внушенному побужденію. Напрасно спарались они поспѣть на радушно-веселый шонъ, который нѣкогда господствовалъ между ними. Казалось, каждый носилъ въ душѣ своей что-то нарушающее и радость и свободу, какъ будто обремененный хранишь какую-то ядовитую, губительную шайну. Чрезъ нѣсколько времени Северина вдругъ не спало въ Берлинѣ. Вскорѣ попомъ Александръ, съ нѣкотораго рода опечаленіемъ, началъ жаловаться, что онъ напрасно хлопоталъ объ отсрочкѣ своего отъѣзда; что не успѣвъ привести въ порядокъ наслѣдственнаго имѣнія, онъ долженъ вѣхать и оставить спокойный, прекрасный домъ свой. «Но,» спросилъ Марцелль, «мнѣ кажешся, что ты находишь свое жилище несноснымъ? Ужели тебѣ не хочется разстаться съ нимъ? И что сдѣлалось съ привидѣніемъ покойной твоей тѣни?» — Ахъ — вскричалъ Александръ съ досадою — она ужъ давнымъ давно не является болѣе. Утѣрю себя, что я душой спремлюсь къ домашнему спокойствію, и, вѣроятно, скоро выйду въ отъѣздку, съ тѣмъ чтобы безпрепятственно посвятить себя Искусствамъ и Литтературѣ. — Александръ въ самомъ дѣлѣ чрезъ нѣсколько дней уѣхалъ. Вскорѣ попомъ снова вспыхнула война, и Марцелль,

вмѣсто того чтобы слѣдовать прежнему плану, отправился въ армію. Такъ распались наши пріямели, прежде нежели, въ собственномъ значеніи слова, сошлись другъ съ другомъ.

(До слѣд. книжки).

Душенька, древняя повѣсть въ вольныхъ стихахъ. Сочиненіе Ипполита Федоровича Богдановича. Изданіе десятое, печатанное съ изданія 1824 года, безъ исправленій. М. Въ ш. Лазаревыхъ Института Восточн. языковъ. 1832. 118 стр. in-12.

(Окончаніе).

Когда дитя, начиная лепетать, еще въ неясныхъ звукахъ высказываетъ намъ какое нибудь понятіе, какое нибудь наблюденіе, мы слушаемъ лепетъ его съ чувствомъ неяснимо-пріятнымъ! Почти съ такимъ-же чувствомъ смотримъ мы на Богдановича, который въ младенчествѣ Словесности нашей, и болѣе нежели въ младенчествѣ языка, передалъ намъ прелестное сказаніе, и можетъ быть высокій мнѣ объ Амуръ и Психеѣ. Одна мысль: усвоишь своему языку это созданіе, одинъ выборъ предмета, уже были-бы достаточны для славы поэта.

Но Богдановичъ показалъ и самобытность, не рабски слѣдовавши своему образцу, Лафонтену. Писатель обыкновенный просто перевелъ-бы Французскій оригиналъ, и конечно много смѣлости надлежало шаншъ въ душѣ своей, чтобы осмѣлиться на борьбу съ великаномъ, озареннымъ блестящею славою. Нашъ Поэтъ облекъ разсказъ Лафонтена цвѣтами Поэзіи. Стихи его часто грубы, слишкомъ часто напоминаютъ время, въ которое они писаны, однакожъ они часто и благозвучны, пгривы, легки, врѣзываются въ память, и украшаютъ ее не обременяя, подобно цвѣтамъ, украшающимъ голову прекрасной женщины.

Вопросъ о томъ, что причитаетъ было его предмету: стихи или проза, увлекъ-бы насъ въ разсужденіе о сущности и происхожденіи стиховъ; но мы не хотимъ этого. Всякій разсказъ хорошъ, когда онъ не скученъ; а разсказа Богдановича никто не назоветъ скучнымъ. Въ Лафонтенѣ видно болѣе поэтической смѣливости, когда онъ ведетъ повѣствованіе свое прозою, и только въ мѣстахъ лирическихъ, или въ шѣхъ, кошорыя надлежало выставлять изрѣченіями, переходилъ къ стихамъ. Но, впрочемъ, Богдановича могла увлечь и та ложная мысль, кошорую послѣ сказалъ Критикъ его, Карамзинъ: «Хорошіе стихи всегда лучше хорошей прозы; что шруднѣе, то имѣетъ и болѣе цѣны въ Искусствахъ.» Можетъ быть эта-же мысль заспавила и Тредьяковскаго переложить въ стихи Телемака. Тогда всѣ думали какъ Карамзинъ, а что принадлежатъ всѣмъ, въ томъ не виноваты никто.

Главная заслуга Богдановича, какъ мы думаемъ, та, что онъ попалъ въ разсказъ своимъ именно въ шопъ поэтической шопъ, кошорый былъ приличенъ его поэмъ. Русскія сказки составляли услажденіе досуговъ его: это могли-бы мы сказать и не знаяши подробностей его жизни, а прочитавъ одну *Душеньку*. Не многіе изъ поэшовъ нашихъ, и даже современниковъ, шакъ хорошо знаютъ и чувствуютъ прелестъ старинныхъ Русскихъ разсказовъ, какъ зналъ и чувствовалъ ее Богдановичъ. Онъ понималъ, что въ легкомъ разсказъ, единственное спасеніе Русскаго Поэта — наши старинныя были и небылицы, гдѣ ошвѣчивается, и, какъ лучъ солнца на волнѣ, играетъ поэтической духъ народа. Въ эшомъ отношеніи, двялюсь и привѣтствую Поэта, кошорый умѣлъ писать такъ обольстительно, какъ написаны слѣдующіе стихи:

Но шопъ, о коемъ я хочу сказать теперь,
Ни образомъ своимъ, ни правомъ не былъ зѣбрь.

.

И если находилъ онъ въ людяхъ зѣбрьски души,
Такимъ ослиныя приклеивалъ онъ уши,
Иный коровій хвостъ, инымъ двѣ пары ногъ,
Инымъ верблюжій горбъ, инымъ бараній рогъ.
Отъ ѣдкой древности, кошора все глопаешъ,
Архива дѣлъ его не вся сбережена;
Ошпашокъ правъ его, однако, почиташешъ
И самый поздній свѣпъ, по наши времена.
Зависливымъ велѣлъ безъ дѣла вѣкъ шрудаться,
Чтобъ счастье другихъ
Всегда крушило ихъ,

И не могли-бъ они покоемъ наслаждаться ;
 Скупымъ опредѣлилъ у золота сидѣть ,
 На золото глядѣть
 И золотомъ прельщаться ,
 Но имъ не насыщаться ;
 Спѣсивымъ предписалъ съ людьми не сообщаться ,
 И всѣмъ потомкамъ ихъ далъ въ казнь шаковую-жъ спѣсь,
 Какая видима оспалась и поднесъ ;
 Велѣлъ , чѣмъ міръ ни въ темъ не вѣрилъ ,
 Тому , кто льстилъ и лицемѣрилъ ;
 Клеветникамъ въ удѣлъ ,
 И доносителямъ неправды Государю ,
 Вездѣ носить велѣлъ
 Протививѣйшую харю ,
 Какая изъявлялъ клеветующихъ могла :
 Такая видима была ,
 Не въ давнемъ времени , въ Москвѣ на маскарадѣ ,
 Когда на Масляной , въ торжественномъ парадѣ ,
 Народъ осмѣивалъ позорныя дѣла.

Множество подобныхъ мѣстъ , и можетъ быть еще болѣе цвѣтисшихъ , яркихъ , ибо мы сдѣлали выписку безъ всякаго выбора, докажутъ любому невѣрующему , что Богдановичъ постигалъ прелесть языка народнаго. Все , что знаемъ мы плѣнительнаго , прекраснаго у Дмитріева и Пушкина , все это было сльдствіемъ мысли Богдановича , который угадалъ какъ поэтъ то , что оправдываетъ и доказываетъ опытъ и Критика нашего времени.

Но , бывши оригинальнымъ въ изложеніи своемъ , Богдановичъ воспользовался , и весьма счастливо , особеннымъ свойствомъ Лафоншена , подъ видомъ

шушки , мимоходомъ , какъ будто ненарочно высказывашь колкую и иѣзкую правду , задѣвашь разнородныя самолюбія , и въ комплименсахъ говоришь истину. До него , никто не умѣлъ у насъ владѣть такимъ оружіемъ. Впрочемъ , это почти единственный полезный заемъ , сдѣланный имъ у Лафонтена : все остальное , чѣмъ обольстился онъ у этого богача , дорого обошлось нашей Литтературѣ , ибо дурное собирать проценты скорѣе и вѣрнѣе , нежели доброе. Онъ заимствовалъ у него весьма вредный недостатокъ : безцвѣтность общаго характера поэмы. Спрашиваю : гдѣ было дѣйствіе ? Богдановичъ на слово увѣряетъ , что оно случилось въ Греціи , хотя ни Лафонтенъ , ни Апулей не говорятъ этого. Но согласимся , что Психея была Греческой породы. Гдѣ-же Греція у Богдановича ? Не все-ли равно , если-бы онъ сказалъ , что отецъ Душеньки былъ Русскій Князь : краски его такъ-же приличны Греціи , какъ и Руси. Но во Франціи , и во всей Европѣ , тогда не знали Греціи , и пошуму-то , одѣвая Ахиллеса во Французскій кафтанъ , ни разу не подумали , что Греція имѣла многія эпохи , столь различныя одна отъ другой , что въ нихъ почти не было ни какого сходства. Греція Омирова и Софоклова ; Греція Александра и Августа ; Греція Константина Великаго и Мугаммеда II-го : этого не видалъ никто. *Греція , все Греція !* Такъ одинъ Русскій , великій Поэтъ не умѣлъ различать размѣра стиховъ , и когда ему напоминали объ этомъ , онъ съ увѣренностію отвѣчалъ : « Ну , да что-жъ такое ? Все , братецъ , *дактиль !* » Все было дактиль.

Слѣдственно , почтивъ Богдановича первымъ образцомъ въ легкой Поэзіи нашей, мы однакожъ имѣемъ право обвинить его въ этой общій безощетности характера , которую впоследствии развѣили у насъ на мѣлкую монету , и заставили говорить пастуховъ Греческихъ какъ Камеръ-пажей , и Князей Русскихъ какъ рыцарей-крестоносцевъ. Конечно , въ этомъ виноватъ Богдановичъ какъ жилецъ вѣка , въ которомъ всѣ одинаково понимали Поэзію; однакожъ стѣмъ не менѣе это недоспашокъ его поэмы.

Вѣкъ! слово многозначашее. Мы уже говорили объ его общемъ характерѣ. Посмотримъ , что именно отразилось изъ этого вѣка въ *Душенькѣ*.

Форма сочиненія сего безспорно принадлежить не Богдановичу , а вѣку его. Можешъ быть убѣдившись словами Лафоншена , который , какъ мы видѣли , не зналъ , что такое пишешъ онъ : поэму , романъ , или Исторію , Богдановичъ не посмѣлъ выступить изъ указныхъ граней , и назвавши сказку свою Древнею Повѣстью , далъ ей мнимую форму поэмы , то естъ поставилъ въ началѣ *пою* , сдѣлалъ *воззваніе* , раздѣлилъ , какъ Телемака , на книги. Впрочемъ , это значило-бы не много , если-бы не заставило Богдановича въ нѣкоторыхъ мѣстахъ стать на ходули , и во многомъ удалиться отъ первобытной неизысканности оригинала. Такъ описаніе Дворца Душенькина , населеннаго Лафоншеномъ живыми существами , наперекоръ Апулею , лишено всей простоты : это описаніе обыкновеннаго дворца , съ прибавкой кой-какихъ волшебныхъ

принадлежностей. Персидскіе названіе зефиромъ , нимфъ , на Камеръ-пажей , Камеръ-фрейлинъ , и въ Версали , въ Фонтенбло , гдѣ угодно , только не въ волшебномъ замкѣ Амура. А отъ чего ? Отъ того , что не знали иныхъ дворцовъ , иныхъ садовъ , кромѣ Версальскихъ и Фонтенблосскихъ. Побѣжайте въ подмосковные Дворцы Шереметева : и тамъ увидите вы тоже , что въ поэмѣ Богдановича.

Еще можно указать на одну рѣзкую черту , принадлежащую вѣку и замѣтную въ разсказѣ Богдановича : это желаніе похвастаться какими-то безстыдствомъ , и показать , что мы не боимся строгой нравственности. Замѣчательно и то , что Карамзинъ , въ критикѣ своей , съ особеннымъ удовольствіемъ выписываетъ многія изъ такихъ мѣстъ , и между прочимъ извѣстное описаніе , какъ Душенька хотѣла повѣситься на дубовомъ суку , оканчивающееся слѣдующимъ :

Тогда увидѣлъ доль и лѣсъ ,
Другое чудо изъ чудесъ !

Но простимъ слабость , тогда общую , и скажемъ о главномъ недостаткѣ , ошличающемъ почти всѣ поэтическія произведенія XVIII вѣка , недостатокъ столь явномъ въ *Душенькѣ* , что онъ , какъ на Римской монетѣ имя Императора , можешь всегда показать , къ какому времени принадлежитъ повѣсть Богдановича. Это — ошущствіе вдохновенія поэтическаго.

Можно, безъ укора совѣсти, хвалишь хорошіе стихи, многія прелестныя подробности, выборъ предмета, остроуміе Богдановича, ибо все это есть въ повѣсти его; но едва-ли кто найдетъ въ ней истинное вдохновеніе. Впрочемъ, не будешь взыскашельны болѣе нежели должно. Каждый въкъ имѣетъ свой характеръ, свое одушевленіе. Богдановичъ не виноватъ, что его въкъ былъ униженъ матеріализмомъ и увлеченъ опъ истинной поэзіи въ сферу слишкомъ земную.

Поэзія обратилась тогда въ стихотворство, въ занятіе, которому посвящали себя такъ-же, какъ духовной или гражданской службѣ. Литтераторъ былъ то-же что чиновникъ въ нѣкоторыхъ современныхъ государствахъ. Съ названіемъ Литтератора можно было имѣть входъ въ лучшія общества. Чего-же болѣе? Занятые мѣлыми общественными отношеніями и жалкою существенностью, когда и гдѣ могли поэты найдши вдохновеніе? Такъ называемое лучшее общество было единственною ихъ цѣлью. Преданіе о страдальцахъ поэтахъ, о Дантѣ, Тассѣ, Сервантесѣ, сдѣлалась пріятною мистологією, которой однакожь никто не хотѣлъ испытывать на себѣ, пошому что протѣняясь на существенныя выгоды отдаленный, и часто не вѣрный вѣнокъ поэта, казалось безуміемъ. Удивленіе видѣли только въ загородныхъ дворцахъ баръ, и знали его только по книгѣ Циммермана. Образцы казались сосредоточенными въ Пиншикѣ Буало и Курсь Башнѣ. И кто осмѣлился-бы идти противъ такого авторитета? Кто подумалъ-бы обмуж-

имѣлся, читая Шекспира или народные стихотворенія? Слѣдствіемъ было то, что наконецъ думали единственно объ условныхъ законахъ пѣшническихъ, и о гладкости, выправкѣ стиховъ. «Чистише, выправляйте, полируйше стихи!» восклицалъ Буало. «Чистише, выправляйте!» повторялъ хоръ бездарныхъ стихотворцевъ, отъ береговъ Сены до Волги, отъ исполненнаго дарованій Вольтера, до нашего пустозвучнаго Хераскова. Желаніе выработывать стихи и ошаманѣться одними стихами породило фалангу стихотворцевъ, которые написали непостижимое множество сонетовъ, пріолетновъ, рондо, мадригаловъ, эпиграммъ, шарадъ, эпиграммъ, кеношмифовъ, и проч. и проч. Не понимая сущности всѣхъ сихъ стихотвореній, не зная вдохновенныхъ сонетовъ Петрарки и Шекспира, не думая что Французы въ сущности языка своего нашли многіе другіе роды, поэмы всѣхъ странъ пустились за ними, повторяя законъ Буало :

Un sonnet sans défaut vaut seul un long poëme.

При такомъ взглядѣ на стихотворство, естественно было не знать вдохновенія, и потерять о немъ даже преданіе. Винаватъ-ли Богдановичъ, что онъ жилъ въ это несчастное время? И онъ не зналъ вдохновенія. Онъ искалъ предметовъ, не ожидая что они сами придутъ къ нему, и повинувшись гармонической душѣ своей, писалъ оды, басни, пѣсни, посланія, эпиграммы. Вотъ причина всѣхъ неудачъ его, вотъ причина истинная, почему забыты всѣ его стихотворенія, кромѣ *Душеньки*.

Это просто стихотворенія, хотя въ нихъ часто встрѣчаются хорошіе стихи. Лишенная вдохновенія и поэзіи, они, какъ тяжелый грузъ, мало по малу осли на дво Лешы.

Но, спросятъ насъ : если мы отрицаемъ вдохновеніе во всѣхъ стихотвореніяхъ Богдановича, и даже въ самой *Душенькѣ* ; если описушество поэзіи спавимъ гранью между другими сочиненіями ея и попомствомъ, то что-же составляетъ жизненную силу самой *Душеньки* ? Въ чемъ заключаеца ея достоинство, которое, какъ мы сказали, общаеца ей долгую жизнь ?

Это будетъ выводомъ всей нашей статьи, слѣдствіемъ всѣхъ изысканій нашихъ, и къ сему-то важному, главному предмету должны мы приступить.

Помните-ли вы Наполеона ? Неудивительно если да, потому что этомъ человекъ навсегда остался памятенъ въ вѣкахъ, своими побѣдительными странствованіями во всѣхъ климатахъ. Но я увѣренъ, что вамъ извѣстны имена и всѣхъ знаменитыхъ соспрудниковъ его. Кто не знаетъ именъ Мюрата, Евгенія, Магдональда, Нел, Удино, Марс, Дюрока, и множества другихъ ? Такъ великія событія приковываютъ къ себѣ цѣлый рядъ именъ, которыхъ иначе остались-бы въ безвѣстности. Такъ Троя прославила имена многихъ Грековъ, такъ паденіе Рима вынесло изъ забвенія имена многихъ варваровъ.

Опусшимся нѣсколько ниже сихъ великихъ событийъ ; перейдемъ съ кроваваго поприща войны къ мирнымъ ручьямъ и лугамъ поэтовъ, къ предест-

нымъ вымысламъ Греція, къ очаровательной баснѣ о Душенькѣ. Что вы думаете: если-бы Богдановичъ просто перевелъ Душеньку Апулея или Лафонтена, перевелъ въ смыслъ пиндическомъ, стихами, не уронивъ, не исказивъ подлинника? Осталось-ли бы имя его въ числѣ почетныхъ именъ Русской Литтературы? Нѣтъ никакого сомнѣнія.

Но Богдановичъ сдѣлалъ болѣе. Онъ придавъ Душенькѣ характеръ, болѣе понятный для Русскихъ; онъ, правда, не сохранилъ ни свѣжести Греческаго вымысла, ни прелестнаго языка Французской передѣлки, но за то обогатилъ нашу Поэзію новыми, невиданными до него красками, заимствованными изъ народной Поэзіи и запечатлѣнными народною игривостью Русскаго ума. Поэтическая шѣнь его должна молиться Душенькѣ, или лучше сказать Греческому вымыслу о страсти Любви къ Душѣ, ибо сей вымыселъ заключаетъ въ себѣ столько много красотъ, что съ ними Русскій Поэтъ долженъ былъ вынырнуть изъ воли рѣки забвенія. Поэтическое вдохновеніе не постыгло его; но за то, какъ перелагатель, онъ вполне поддержалъ свое достоинство. Въ самомъ дѣлѣ: въ чемъ состоитъ заслуга Богдановича? Конечно не въ прибавкахъ его къ разсказу Апулея, большею частью изысканныхъ, лишнихъ, и не въ подробностяхъ, почти безъ исключенія заимствованныхъ у Лафонтена. Прелесть Душеньки заключается въ самомъ вымыслѣ повѣсти, который такъ изященъ, что его почти не лѣзя исказить: развѣ надобно было имѣть для этого могучія силы Тредьяковского или

Сумарокова. Но Богдановичъ былъ стихотворецъ отличный: прочтите забытые *шесть томовъ* его Сочиненій, и вы убѣдитесь въ томъ. Посмотрите какъ перевелъ онъ Вольтеру поэму на разрушеніе Лиссабона: вы увидите, что этотъ человѣкъ владѣлъ языкомъ стихотворнымъ. При этомъ дарованіи, онъ счастливо попалъ на предметъ, ибо мы видимъ, что не по внутреннему вдохновенію началъ онъ перелагать Душеньку въ стихи. Это попышка его, такая-же какъ и многія другія. Но попышка была сообразна его дарованію, его способу писать стихи, и *Душенька* осталась первымъ памятникомъ нашей легкой Поэзіи.

Такимъ образомъ, слѣдствіе сужденій нашихъ о *Душенькѣ* можно представить въ слѣдующихъ словахъ: достоинство ея заключается въ прелести самаго вымысла, и въ удачномъ переложеніи, которое показало первый образецъ легкихъ, истинно Русскихъ стиховъ.

До сихъ поръ *Душенька* пользовалась народною извѣстностью: тому доказательствомъ *десятое изданіе*, находящееся передъ нами. Но мы увѣрены, что въ этомъ отношеніи, счастливая звѣзда ея скоро померкнетъ. Грубость и жесткость многихъ стиховъ, языкъ, вообще устарѣвшій, и несообразность съ духомъ вымысла, вскорѣ заславятъ самую большую часть публики забыть это замѣчательное произведеніе нашей Словесности. Оно можетъ остаться въ народѣ какъ сказка, подобно тому, какъ остались сказаніе о взятіи Трои и Потерянный Рай, читаемые въ смѣшныхъ це-

реводахъ, слугами и лавочниками, въ переднихъ и за прилавками; но вообще для публики время *Душеньки* миновалось. За то, въ глазахъ истинныхъ любителей, слѣдующихъ за развитіемъ нашей Словесности, она останется вѣчнымъ памяникомъ, и въ этомъ-то смыслъ мы предсказываемъ ей несомнѣнное долголѣтіе.

Разборъ нашъ кончегъ. Но мы должны обратиться еще къ одному любопытному предмету, который связанъ съ воспоминаніемъ о *Душенькѣ*: это крипика, написанная Карамзинымъ. Нѣтъ надобности упоминать, ни о славѣ Карамзина, ни объ его образованности, извѣстныхъ всякому. Но посему-то необходимо взглянуть, какъ судилъ о произведеніи Богдановича этотъ необыкновенный человекъ? Взглядъ сей будетъ для насъ полезенъ въ двухъ отношеніяхъ: какъ подтвержденіе всего, что говорили мы о духѣ и направленіи времени, и какъ оправданіе Богдановича, который конечно не былъ выше Карамзина въ своихъ понятіяхъ.

Сказавъ, что хорошіе стихи лучше хорошей прозы, и что въ Искусствахъ имѣешь болѣе цѣны то, что труднѣе, Карамзинъ продолжаетъ: «Надобно также замѣтить, что нѣкоторые изобразенія и предметы необходимо требуютъ стиховъ, для большаго удовольствія читателей, и что никакая гармоническая, *цветная* проза не замѣнитъ ихъ. Все чудесное, явно несбыточное, принадлежитъ къ сему роду (слѣдственно и басня *Душеньки*). Случаи неестественные должны быть описаны и языкомъ необыкновеннымъ; должны

« были украшены всеми хитростями Искусства ,
« чтобы занимать насъ повѣстною, въ которой нѣтъ
« и стѣни лѣшныя , или вѣроугодности . »

Точно , какъ будто читаешь разсужденіе о какомъ нибудь ремеслѣ ! *Удовольствіе читателей :* вошѣ цѣль ; стихи или *цвѣтная* проза: вошѣ формы, безъ всякаго понятія о томъ , что форма бываетъ необходимымъ слѣдствіемъ сущности ! *Чудесное* значить *нестественное* , какъ будто все то неестественно, что не принадлежитъ къ стремъ царствамъ природы , слѣдственно и душа наша , насматривающая насъ ко всемъ фантазіямъ чудеснаго ! Въ *Душенькѣ* нѣтъ и стѣни вѣроугодности , по мнѣнію Карамзина , какъ будто невѣроятно то , что шворитъ фантазія , и какъ будто вдохновеніе поэта должно соображаться съ тѣмъ , что случается съ нами ежедневно ! И что за умозаключенія ! Не такъ-ли откровенно было-бы сказать: « Цвѣтная проза всегда можешь замѣнить стихи ; — случаи самые неестественные должны быть описаны языкомъ обыкновеннымъ . »

« Стихотворство есть пріятная игра ума , » говоришь далѣе Карамзинъ. Принимаемъ слово : *Стихотворство* въ подлинномъ его значеніи , и совѣшшимся даже напоминать читателямъ нашимъ , что стихи суть необходимое , въ нѣкоторыхъ случаяхъ , выраженіе , а отнюдь не игрушка . Но такое-то понятіе и обратило наконецъ Поэзію въ пустословіе , въ искусство писать стихи .

« *Душенька* не есть Поэма Героическая ; мы не можемъ , слѣдуя правиламъ Аристотеля , съ важ-
Апрѣль 1832. 36

«носию разсматривать ея *басню*, *правы*, *характеры* и *выраженіе* ихъ; не можемъ, къ счастію, «быть въ семъ случаѣ педантами, которыхъ бояшся Граціи и любимцы ихъ. *Душенька* есть легкая «игра воображенія, основанная на однихъ правихъ «лахъ нѣжнаго вкуса; а для нихъ нѣтъ Аристотелю-«шела.»

Карамзинъ говорилъ все это не шути. Криши-ка его показываетъ, что онъ въ самомъ дѣлѣ почиталъ *Душеньку* игрушкою, а не произведеніемъ творческимъ; хотѣлъ глядѣть на нее какъ на милый вздоръ, и потому-то назвалъ педантами людей, ищущихъ правилъ въ произведеніяхъ духа человѣческаго. «Для правилъ нѣжнаго вкуса нѣтъ Аристотеля!» говорилъ онъ, вѣроятно думая сказать что-то острое; но если есть *правила*, то какъ-же не слѣдовало имъ? Аристотель точно писалъ правила для *вкуса Греческаго*; но мы, въ своемъ новомъ мірѣ, имѣемъ свои, новыя правила для всѣхъ произведеній творящаго духа. Не только должно совѣтоваться съ ними, но и не лзя писать безъ нихъ. Иначе, вы погрѣшите противъ истины поэтической, а это проступокъ незагладимый ничѣмъ.

Въ заключеніе своего разбора, Карамзинъ говоритъ: «Замѣтивъ хорошія и прекрасныя мѣста въ «*Душенькѣ*, скажемъ, что она конечно не вся писана такими счастливыми стихами; но вообще «столь пріятна, что благоразумный Кришикъ, чув-«ствительный къ красотамъ Искусства и дарованія» (а судъ другихъ есть пустословіе или злословіе), «не захочетъ на счетъ ея доказывать своей шон-

« кой разборчивости, и не забудешь, что Ипцо-
« лишъ Богдановичъ *первыи* на Русскомъ языкѣ играалъ
« воображеніемъ въ легкихъ стихахъ. »

И такъ вошь чѣмъ ограничивался весь судъ Кри-
- шики! *Счастливые стихи, легкіе стихи* : вошь что
высоко цѣнили, вошь чѣмъ восхищались въ поэмѣ
Богдановича! Но стихи самого Карамзина развѣ
не глаже, не благозвучнѣе стиховъ Богдановича?
Ошъ чего-же ништо не чиняешь икъ нѣ наше вре-
мя? И ты, законодательный, умный Буало! Развѣ
твой стихи не сильны, не прѣкрасны, не изящно
ощдѣланы? Почему-же такъ мало уважають нѣхъ
наши современники? Пошому, что ни въ гладкихъ
стихахъ Карамзина, ни въ эпиграфическихъ сти-
хахъ Буало, нѣтъ души, нѣтъ поэзіи, нѣтъ сущ-
ности, достойной памяти и любви потомства.

Счастливы Богдановичъ, встрѣтившійся съ без-
смертнымъ вымысломъ Греческимъ, къ которому
неразлучно присоединилъ онъ свое имя, по край-
ней мѣрѣ для насъ Рускихъ. Не смонря на то,
что стихи въ другихъ произведеніяхъ его такъ-же
хороши какъ въ *Душенькѣ*, они погибли; но стихи
Душеньки проживуть еще долго. Это кусокъ пре-
дѣстнаго мрамора, который не страшится всераз-
рушающаго времени въ сшашуѣ Праксителя, тогда
какъ цѣлая громада его, изъ той-же самой лонни,
погибли давно, и не возвратно.

Скажемъ нѣсколько словъ о самомъ изданіи *Ду-
шеньки*, *десятомъ*, напечатанномъ въ типографіи
Лазаревыхъ Института. Грѣшно и непростишель-
но такъ издавать произведенія своихъ лучшихъ пи-

самелей, которыхъ у насъ очень не много. Непріятный форматъ и дурная бумага, еще не главные недосаатки *десятаго изданія Душеньки*, такъ же какъ и большей части нашихъ хорошихъ книгъ. Въ немъ нѣтъ никакихъ примѣчаній, никакихъ объясненій, вѣрѣяшовъ; нѣтъ извѣстїя о самомъ Авторѣ и его трудѣ. Но всякій-ли читатель имѣетъ возможность и даже досугъ искашь въ двадцати разныхъ книгахъ то, что надобно знать для полнаго пониманія о произведеніи классическомъ? Для сего-то необходимы были-бы многія приложенія къ *Душенькѣ Богдановича*. Какъ не вспомнить при этомъ случаѣ просвѣщенныхъ иностранцевъ!.. Невольно вздохнешь, зная удобныя, прекрасныя и обогащенныя критическими дополненіями изданія Дидловоу и Муррееву, и глядя на наши лучшія книги, въ первобытной простотѣ являющіяся въ 1832-мъ году!

К. П.

—*—

СОВРЕМЕННАЯ БИБЛИОГРАФІЯ.

—

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

— *Изображеніе характера и содержанія Исторіи трехъ послѣднихъ столѣтій. Ивана Шульгина. СПб. 1832. Въ ш. Н. Греча. VIII и 160 стр. in-8.*

Упрямые защитники неподвижности нашего вѣка, шакъ прослѣдушно осмѣивающіе его торжественное шествіе впередъ (а не назадъ, какъ-бы имъ хотѣлось), вѣроятно съ неудовольствіемъ встрѣтятъ книгу Г-на Шульгина, ибо она показываетъ, что и у насъ въ Россіи есть люди, которыми не страшны и не дикіи современныя понятія. Тутъ представляютъ намъ Исторію уже не сочиненіемъ, для пользы и удовольствія написанномъ, но наукою, необходимою въ кругу другихъ наукъ; показывающую сущность и чуждость ея не въ пустозвонныхъ опредѣленіяхъ, но въ глубокомысленныхъ выводахъ. Однимъ словомъ, это взглядъ, достойный Исторіи. По крайней мѣрѣ видно желаніе открыть и представить истину; а это уже много, и сравненіи съ безотчетнымъ переписываніемъ пустыхъ, ничего не значащихъ опредѣленій, и

всравненіи со взглядомъ , который хуже слѣпоты , ибо онъ ведетъ къ заблужденію.

Вотъ что говоришь Г. Шульгинъ объ Исторіи вообще : « Одна , истинно достойная своего высокаго назначенія Исторія есть та , которая изобразяетъ великіе перевороты въ ихъ взаимной связи , объясняетъ одинъ другимъ , и доказываетъ , что великія событія міра не были дѣломъ слѣплаго случая , и что всякое изъ нихъ въ судьбѣ человѣческаго рода имѣло свою цѣль , волею премудрою и всемогущею опредѣленную. « Такого попятія о Всеобщей Исторіи еще не было изложено у насъ , на Русскомъ языкѣ. Но Авторъ особенно занимается въ книгѣ своей Новою Исторіею. Взглянемъ на его сочиненіе въ семь отношеніи.

« Отличительный характеръ Исторіи Новой состоитъ въ тѣсной связи государствъ и народовъ историческихкихъ другъ съ другомъ. » (Стр. 9-я).

Это опредѣленіе едва-ли выдержишь Кришину. Можно доказать даже совершенно противоположное , то есть , что въ Древности народы сближались болѣе нежели въ новыя времена. Напримѣръ , въ наше время , только Россія и Англія состоятъ въ сношеніяхъ съ Азіатскими государствами ; напротивъ во времена Рима , и прежде еще болѣе , дѣла Азіатскія и Европейскія были въ непрерывной связи. Приводимыя Авторомъ доказательства слишкомъ слабы. Онъ говоритъ , что Александру Македонскому не хотѣли громить Персію; но въ наше время Наполеону , кто хотѣлъ идти на Россію ? Кто хотѣлъ и его безумной континентальной

существомъ? Кромѣ самихъ событій, нѣчто. Слѣдственно, какъ прежде, такъ и нынѣ, сила и умъ играютъ обыкновенную свою роль: они устанавливають отношенія между государствами.

Приступая къ Исторіи Новой, Авторъ указываетъ на нѣкоторые происшествія, будуще-бы наиболѣе перемѣнившія дѣла Европы. Это: 1-е, изобрѣтеніе компаса, 2-е, пороха, 3-е, книгопечатанія, 4-е, взятіе Турками Константинополя, 5 и 6-е, открытіе Америки и морскаго пути въ Остѣ-Индію.

Нѣтъ сомнѣнія, что происшествія сіи были важны и произвели послѣдствія великія; но полагаешь ихъ главными историческими событіями, значишь безъ изслѣдованія повторыть старое. Неужели менѣе важны были: Реформація и ограниченіе власти Папъ; общее введеніе Монархическаго правленія, когда напимѣръ во Франціи была уничтожена власть Парламентовъ; явленіе въ мірѣ Петра Великаго и сближеніе Россіи съ Европою; изобрѣтеніе газетъ и слѣдственно выраженіе общественнаго мнѣнія; освобожденіе Сѣверной Америки; изобрѣтеніе паровыхъ машинъ, и проч. и проч.? Но и всѣ сіи великія событія, что значать въ сравненіи съ общимъ ходомъ человѣчества, съ духомъ времени, съ неисповѣдимою волею судьбы? Авторъ прекрасно означилъ все это въ приведенныхъ паниспачалахъ; но здѣсь онъ увлекся событіями частными, или, вѣрнѣе, односторонними поимѣемъ объ оныхъ.

Сверхъ того, очень часто бываетъ, что теоретическое положеніе вѣрно, между тѣмъ какъ примѣненія, практика, совершенно удаляются отъ него. Такъ, напримеръ, Авшоръ находишь *сходство въ образѣ жизни и степени образованія народовъ Европейскихъ*. Онъ говоритъ: «Зѣтроловы и рыбо-«ловы», номады, бродящіе по степямъ необозримымъ, и наконецъ народы оскѣдые: вошь составъ «народонаселенія прочихъ частей Свѣта.» Можно ли сказать это объ Америкѣ и Азіи! Многія тамошнія государства и области находятся на равной степени съ Европейскими государствами: шаковы въ Америкѣ Соединенные Штаты, Англіійскія владѣнія, и ошчасти нѣкоторыя другія. Въ Азіи: Китай, Японія, Индія, Персія, Малая Азія, суть государства не *номадныхъ*, но имѣющія полное гражданское образованіе. Оно различно съ нашимъ; но меньше-ли различенъ быль и образованность Турокъ и Французовъ, Англичанъ и Испандцевъ, Рускихъ и Итальянцевъ? Тушъ сходство шакъ-же мало, какъ велико оно между Англичанами и Сѣверо-Американцами, между Персіянами и Турками. Послѣ сего можно видѣшь, справедливо-ли говорить Авшоръ, что: «Европа, напротивъ, *всѣ населена «народами образованными (*)*, которые живутъ «обществами, въ городахъ и деревняхъ.»

Далѣе Авшоръ находишь, что «Исторія трехъ «последнихъ вѣковъ можешь назваться *Исторією*

(*) А Турки? А Волохи, Молдаване, Булгары, Сербы, Греки, и проч. и проч.?

«системы *рыцарства Герондескиа* *государствъ*».

Онъ доказываетъ сіе положеніе довольно пространно. Мы, напримѣвъ, не только не видимъ въ Исторіи трехъ послѣднихъ столѣтій этого стремленія къ равновѣсію, но даже не понимаемъ, какъ Авторъ нашелъ его, послѣ всѣхъ доказательствъ, изложенныхъ многими, особенно Немецкими писателями, и послѣ могущественныхъ убѣжденій Истории, что сіе равновѣсіе никогда не существовало.

Но, обзоръ переворотовъ въ Европѣ, возведенныхъ къ сей одной, общей имъ причинѣ, сослѣдуетъ (по мнѣнію Г-на Шульгина) изображеніе сохраненія Истории трехъ послѣднихъ столѣтій.

Не мѣсто здѣсь доказывать, какъ невѣренъ сей взглядъ Автора. Не мѣсто исчислять и многія, важнѣйшія причины событій. Утвердивъ, что въ продолженіе трехъ послѣднихъ столѣтій Монархическій образъ правленія сдѣлался общимъ въ Европѣ, должно было въ направленіи и духѣ владѣвшихъ Государей, въ ихъ личномъ характерѣ и страстяхъ искать причины войнъ и другихъ великихъ событій. Въ самомъ дѣлѣ, неужели стремленіе къ равновѣсію произвело войны Людовика XIV-го? Неужели равновѣсіе государствъ было цѣлью буйнаго Карла XII-го? Неужели и нашъ Великій Петръ не имѣлъ другихъ, болѣе обширныхъ и больше близкихъ причинъ, смиривъ Карла и усвоивъ себѣ пограничныя области? А духъ вѣка и народовъ, развѣ не играетъ столь-же великой роли въ событіяхъ? Развѣ для равновѣсія горѣла Тридцатилѣтняя война?

Указывая на недосказанности сочинения Г-на Шульгина, мы не думаем унижать его прекрасного труда. Напротивъ, повторяемъ, что это первое явленіе въ своемъ родѣ, на Русскомъ языкѣ. Авторъ глядитъ на Исторію, какъ долженъ глядѣть на нее писатель XIX-го столѣтія: не изъ-за преданій сна-родавнихъ; но въ подробностяхъ причинъ онъ представляеть многое невѣрно. Можешь быть и этому есть какія нибудь особенныя причины, которыхъ проникать мы не хотимъ.

Слогъ Г-на Шульгина чистъ, ясенъ и опрятенъ. Во многихъ мѣстахъ видна душа и сильное чувство: два свойства, составляющія красу служителя Кляю.

— *Товарищи Черной шали.* Историческій романъ, извлеченный изъ Русскихъ Лѣтописей Сень Тома, Переводчикомъ Исторіи Государства Россійскаго сог. Карамзина. Четыре части. М. 1832. Въ ш. Н. Степанова. 204, 171, 161, 118 стр. in-12.

— *Якарей-Уасу или Тупинамбасы.* Бразильская Хроника. Сочиненіе Габета и Бушера. Переводъ съ Французскаго. Двѣ части. М. Въ ш. С. Седывановскаго. 1832. IV, 238 и 153 стр. in-12.

Русскій и Бразильскій романы!.. Вотъ что заставляеть насъ сказать нѣсколько словъ объ этихъ двухъ произведеніяхъ, подобныхъ многимъ другимъ явленіямъ не Литературы, а промышленности Французской.

Да, промышленности! Скажите, можешь-ли быть Литература у Бразильцевъ, едва всплывшихъ на

степень образованности, едва вошедшихъ въ кругъ государствъ всемірныхъ? Литтература бываетъ слѣдствіемъ роскоши просвѣщенія, когда умы, успокоенныя въ настоящемъ, върующіе въ будущее, образованные долгою жизнью общежитія и гражданского благоустройства, начинаютъ чувствовать потребности, такъ-же какъ и вещественность человѣческая. Но гдѣ спитъ умъ, гдѣ сердце бьется лишь ошъ заботъ о настоящемъ днѣ, тамъ Литтература будетъ тоже что Дворъ покойнаго Гангскаго Короля, а произведенія литтературныя будутъ похожи на Графовъ Мармеладовъ и Лимоновъ, которые у Короля Кристофа передразнивали иноземныхъ Министровъ и Камергеровъ.

Доказательствомъ сего можешь служить то, что не только Бразилія, на нашей памяти сдѣлавшаяся настоящимъ государствомъ, но и величественная Россія, уже болѣе чѣмъ за сто лѣтъ вступившая въ разрядъ образованныхъ Европейскихъ государствъ, и Россія еще не имѣетъ Литтературы, ибо, какъ говорятъ Французы, *одна ласточка не показываетъ весны*. Во снѣ лѣтъ, много-ли скопили мы богатства? Нѣсколько десятковъ помовъ и нѣсколько именъ, упрочившихъ себѣ историческую память! Любопытно, поучительнo развишіе нашего необъяснимаго Царства; но не въ Литтературѣ будемъ мы искать его въ настоящее время. Любопытна и сама Литтература наша, но не для иностранцевъ, а для насъ самихъ: это шалости и часто проказы мальчика, по которымъ родные могутъ судить о будущей судьбѣ

его ; но гостя съ улыбкой взглянешь на нашего ребенка , и шотчасъ забудешь даже то , отъ чего улыбнулся онъ . При зараждавшемся просвѣщеніи родился Данте ; въ глубинѣ дальней и уже далекой Россіи возникъ бессмертный Державинъ ; но искаженія сія не доказываютъ ничего .

И при такомъ-то состояніи Литературы хопяшь отъ насъ того-же , что есть въ Литературѣ Англійской ! Романовъ ! « А гдѣ ихъ взять ? Богъ вѣсть ! » повторяемъ мы съ Простодумомъ Княжнина .

Но Французы , или , лучше сказать , не Французы , а Парижскій книгопродавецъ Госселенъ и его соучастники , нажившіе себѣ много денегъ отъ романовъ Валшера Скотта , и вообще отъ переводовъ Г-на Дефоконпре , этого Тезея и Геркулеса переводовъ , хопяшь непременно еще денегъ , и слѣдственно еще романовъ . Но , какъ смѣшавые люди , хорошо понимающіе пребыванія времени , они знаютъ , что успѣхъ можешь быть только для романовъ оригинальныхъ , въ коихъ выражается народность . Подрядъ на всевѣдную народность ! Разумѣешь , что нашлись люди , которые выставили имъ цѣлыя коллекціи романовъ Ирландскихъ , Португальскихъ , Шведскихъ , Американскихъ , Датскихъ , Польскихъ , Русскихъ , и даже Бразильскихъ ! И надобно прибавить , что это не тѣ старинныя произведенія , которыя могли оштыкаться въ нѣкоторыхъ изъ означенныхъ Литературъ , но романые новые , написанные въ наше время . Впрочемъ , еще можно было оштыкаться въ Ирландіи Банима , въ

Польшѣ Брониковскаго , писателя не безъ дарованія , хотя , скажемъ мимоходомъ , романы Банина удобны для занятія самаго крѣпкаго уснившельнаго: съ трехъ страницъ положить самаго могучаго чистателя. Но гдѣ было взять романовъ Русскихъ и Бразильскихъ? Перевели *Выжигина* ; мало : только чепыре шомъ ! Напечатали въ переводѣ *Юрія Милославскаго* : нейдешь съ рукъ ! Одинъ путешественникъ , жившій въ послѣднее время въ Парижѣ , сказывалъ намъ , что *Милославскій* не произвелъ тамъ ни малѣйшаго впечатлѣнія ; да мы и здѣсь видѣли это изъ отзывовъ Французскихъ Журналистовъ. Но за всѣмъ тѣмъ коллекція была слишкомъ мала. Въ это время получена была рукопись Г-на Сень-Тома, Переводчика Исторіи Карамзина и Автора нѣкоторыхъ пріятныхъ стихотвореній , который и не думалъ выдавать новаго сочиненія своего за Русскій оригинальный романъ. Но Г-нъ Госселенъ придалъ роману Г-на Сень-Тома общую наружность своихъ изданій , напечаталъ на обвершкѣ: *Русскій романъ*, и предоставилъ публикѣ догадываться о новой спекуляціи своей.

И что-же ? Въ Россіи нашелся переводчикъ для этого романа , вѣроятно не знавшій о спекуляціи Г-на Госселена , и потому испрашившій на нее Русскую бумагу и Русскій трудъ. Какъ не пожалѣть объ этомъ ?

Прелестно самое посвященіе книги, *Его Высокоблагородію Михайлу Николаевичу Загоскину* , гдѣ Переводчикъ увѣряетъ , что истинное уваженіе къ Автору отечественныхъ Литтературныхъ произведеній заставило его принять снѣлокъ украсить

слабый труд именовъ Г-на Загоскина, и просить позволенія съ глубочайшимъ погтеніемъ и совершенною преданностію имѣть счастіе быть его покорнѣйшимъ слугою. Хорошо и уваженіе и счастіе!

Романъ, или, какъ называется онъ по-Русси, *Бразильская Хроника*, *Якарей-Уасу*, такая-же спекуляція, какъ и *Товарищи Черной шам*. И это сочиненіе Французское, потому что Бразильскаго самороднаго взять нѣтъ. Бразиліи нѣтъ и слѣду въ этомъ поддѣльномъ романѣ, кромѣ варварскихъ именъ и немногихъ подробностей, за которыя не ручается никто и ничто. Вообще совѣшуемъ читателямъ нашимъ остерегаться всѣхъ, такъ называемыхъ, Португальскихъ, Ташарскихъ и Калмыцкихъ — и Богъ знаетъ еще какихъ—романовъ, которые произведетъ Французская промышленность, и переведетъ Русское просподушіе или духъ спекуляціи. Если мы предупредимъ хоть одного изъ читателей нашихъ отъ покупки подобныхъ книгъ, и, что гораздо важнѣе, отъ траты времени на чтеніе оныхъ, то цѣль нашей сташь будетъ достигнута.

Говорить-ли о содержаніи обонхъ романовъ, Русскаго и Бразильскаго? Нѣтъ, пошому что сказать нечего о нихъ. Да, кажется, довольно и того, что уже сказано. «Каковы переводы?» спросятъ, можетъ быть, насъ? Переводы немножко хуже самихъ романовъ. Во многихъ мѣстахъ не найдете тамъ рѣшишельно никакого смысла. Ошибокъ противъ языка и противъ всѣхъ возможныхъ правилъ и условій, что песку на берегу моря! Напримѣръ, Переводчикъ Русскаго романа говоритъ: «*Рамаданъ*,

названіе Великаго Писма (!) у Магомешанъ,»—«Мол-
лаки равны саномъ Архієпископамъ , Кади Еписко-
памъ , Имаумы Протопопамъ!!!!»

— *Словацкія пѣсни*. Харьковъ. Въ Университет-
ской типографіи. 1832. 62 стр. in-16.

Словаки , попомни первобытныхъ Дунайскихъ
Славянъ , обитають нынѣ въ Сѣверо-Западной ча-
сти Венгріи ; но въ послѣднее время начали они
разселяться , отдѣльными колоніями , и по всей
странѣ. Чисто Словацкіе округи суть : Гренчинъ ,
Турочъ , Арва , Липшо и Золь ; округи Нейштра ,
Ципсъ , Шарошъ , Барсъ , Цеплинъ , Гёмёръ и Гоншъ
большею частію населены Словаками ; напротивъ
ихъ менѣе нежели другихъ жишелей въ округахъ
Пресбургскомъ , Неоградскомъ , Пестскомъ , и Абоій-
скомъ. Во многихъ другихъ Венгерскихъ округахъ
находятся лишь колоніи Словакіи. Трудно опре-
дѣлять общее число сего племени. Собирая ука-
занія разныхъ писателей , можно полагать Слова-
ковъ окло 2,000,000 человекъ (*), изъ коихъ одна
четверть Евангелическаго , а три четверти Ка-
толическаго исповѣданія.

Языкъ Словакій (Slowensky gazuk , Slowencina ,
какъ говорятъ сами Словаки (*), а не Slowácky

(*) Малтебрёнъ насчитываетъ ихъ 2,900,000 ,
Шаффарикъ 1,800,000.

(*) См. Schaffarik, Geschichte der slawischen Sprache
und Litteratur (1826. Ofen). стр. 375-я.

язык, какъ утверждають въкоформе изъ новыхъ писателей) есть особенное нарѣчіе, въ нѣкоторомъ состояніи своемъ наиболее сходное съ Богемскимъ. Это, и еще другое обстоятельство, что со времени Реформации Словаки избрали Богемское нарѣчіе для своего литературнаго языка, побудило Добровскаго сначала утверждать, что Словацкое, за исключеніемъ немногихъ особенностей, есть не иное что какъ Древне-Богемское. Но впоследствии ошеступился отъ сего мнѣнія, и уже въ *Исторіи Богемскаго языка*, и въ *Institut. Ling. Slav.*, призналъ Словацкое нарѣчіе особеннымъ, на ряду съ Богемскимъ, Вандійскимъ и Польскимъ. Такъ и должно быть, ибо Словацкое составляетъ переходъ отъ Богемскаго къ Виндійско-Кроашскому, и въ основаніи своемъ весьма сходно съ Церковно-Славянскимъ. Географическое положеніе народа, сосѣдство Богемцевъ, Поляковъ, Русняковъ, Сербовъ и Виндовъ, а сверхъ сего еще и то, что собственно Словацкій народный языкъ никогда не возвышался до языка письменнаго, не имѣлъ твердыхъ правилъ, и былъ предославленъ слѣпому образованію и искаженію отъ случайныхъ, внѣшнихъ обстоятельствъ, все это было причиной, что въ немъ находится множество подраздѣленій и отпѣнковъ, такъ что нынѣ даже чрезвычайно трудно подвести его подъ единообразныя правила. Впрочемъ, это почти всегдашнее явленіе въ языкахъ народовъ не самобытныхъ. Писатели Словацкіе пишутъ на Богемскомъ языкѣ, испещренномъ словами и оборотами Словацкими. Народъ погруженъ въ самое жалкое невѣжество.

Послѣ сего можно судить о заслугѣ Русскаго Издашея Словацкихъ пѣсенъ. Его собраніе, обломокъ отъ корабля, разбишаго бурей! Видимъ на немъ начертанія знакомыя; читаемъ эши буквы въковъ прошедшихъ: звуки отзываются чѣмъ-то не чужимъ для насъ. Но какое слѣдствіе, какую пользу можемъ мы извлечь изъ эшихъ немногихъ Словацкихъ пѣсенъ? Можемъ-ли мы по нимъ заключать о чемъ нибудь? Сомнѣваюсь.... Нѣтъ! не шакъ должно изучать и представлять повѣстическіе отзвуки народовъ, какъ будто забытыхъ судьбою, брошенныхъ, загнанныхъ въ горы, въ степи, окруженныхъ чуждыми племенами, которыя лишаютъ ихъ самаго драгоценнаго, родныхъ обычаевъ, языка, и даже родныхъ звуковъ. Образцовымъ, безсмертнымъ трудомъ въ семъ отношеніи почитаемъ мы трудъ Форіеля, ученаго, глубокомысленнаго, сильнаго духомъ, который умѣлъ извлечь изъ забленія отчужденныхъ Клефтовъ, и представилъ намъ ихъ гнѣвъ, ихъ стоны и клики радости, въ прекрасномъ переводѣ, обогащенномъ вѣтми подробностями, какихъ ждася пышашельный умъ человека. Но гдѣ Форіель для нашихъ Славянскихъ народовъ?... Будемъ, покуда, принимать съ благодарностью и то, что представляющъ намъ мимошешные пушешешники.

ОБОЗРѢНІЕ

НОВЫХЪ ОТКРЫТІЙ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВЪ.

Жители Великобританіи, сего совершенно отдѣльнаго острова, обладающіе могущественною морскою силою, и одушевляемые всегда одинакимъ стремленіемъ Правительства, имѣютъ драгоцѣнную выгоду, постоянно продолжая свои удивительныя открытія. Англіійскіе путешественники, побуждаемые спрасью къ изысканіямъ и вспомошествоемые патріотизмомъ соотечественниковъ, наблюдаютъ при семъ и частную пользу торговли и общую пользу образованности. Въ обоихъ сихъ отношеніяхъ, каждый годъ Великобританія увеличиваетъ свои богатства и надежды. Изъ того, что извѣстно уже о новѣйшихъ открытіяхъ въ трехъ частяхъ міра, можно заключить, что 1830-й и 1831-й годы были важны для нея не менѣе предшествовавшихъ.

Населеніе Новой Голландіи процвѣтаетъ и распространяется до странъ, прежде невѣдомыхъ. Но здѣсь распространеніе Британской гражданственности испытываетъ, во многихъ отношеніяхъ, препятствія, неизбѣжныя при великомъ прозябаніи сего материка. Скрывать ихъ отъ себя было-бы опасно. Новая Голландія, столь-же

обширная какъ Европа , изображается на картахъ нашихъ въ размѣрѣ , произвольно сѣтяемомъ отъ невѣднїя художниковъ , дѣлающихъ карты. Но когда сія обширная часть свѣта будетъ извѣстна лучше , когда Англійское народонаселеніе , вспоможенное многочисленными переселеніями , устремившись , въ свою очередь , распространять на всемъ Восточномъ Архипелагѣ языкъ , законы и установленія Англіи , тогда окружность Новой Голландіи будетъ очерчена достовернѣе и топографія сдѣлается извѣстнѣе.

Точное описаніе всѣхъ частей обширныхъ Британскихъ владѣній , извѣстныхъ подъ именемъ Австраліи , необходимо еще и потому , что областныя газетны , по какому-то пагубному соревнованію , безпрестанно помѣщаютъ свѣдѣнія о шаманскихъ спорахъ , невѣрныхъ или неполныхъ , такъ что многія семейства , которымъ полезно было-бы переселиться въ новыя колоніи , со всѣмъ , что есть у нихъ , остаются дома , или подвергаются бѣдствіямъ , отъ неопредѣленности и ложности извѣстій. Такъ , напримѣръ судя по Журналамъ , думаютъ , что среди Австраліи есть озеро или средиземное море , куда впадаютъ всѣ рѣки , вытекающія изъ окружающихъ горъ. Это предположеніе уничтожено недавнимъ открытіемъ рѣки Моромбюджи , соединившись съ Лахланомъ , сливается съ большою рѣкою Муррей и напослѣдокъ составляетъ морской рукавъ , въ шестьдесятъ Англійскихъ миль длины , при тридцати ширины. Правда и то , что намъ извѣстны лишь берега Австраліи ; да и тѣ

обозрѣны наскоро , безъ изслѣдованій , такъ что при внимательнѣйшемъ осмотрѣ , вѣроятно откроются тамъ устья рѣкъ , которыя нынѣ совершенно невѣдомы. Напримѣръ , по западному берегу , отъ мыса сѣверо-западнаго , до пролива Кларенскаго , на разстояніи болѣе нежели 1000 миль , находясь большіе , неизвѣстные заливы , куда , вѣроятно , впадаютъ великія рѣки.

Тамъ весь берегъ осыпанъ множествомъ острововъ , раздѣленныхъ страшно-быстрыми проливами. Земля Дампиера , простирающаяся отъ мыса Левисова до мѣста , названнаго по имени Ганшона , составляетъ островъ , отдѣленный проливомъ въ 80 миль , гдѣ , въ Архипелагѣ Буканьеровъ приливъ морской бываетъ отъ двадцати до шридцати футовъ , между тѣмъ какъ у другихъ частей берега онъ восходитъ не болѣе какъ на восемь или на девять футовъ. Всѣ извѣстія о сихъ водахъ возбуждаютъ живѣйшее вниманіе. Ширина залива , быстрота теченій , высота приливовъ показываютъ самый удивительный изъ всѣхъ извѣстныхъ рукавовъ морскихъ. Къ сожалѣнію , берега его такъ опасны , что ихъ можно изслѣдывать только съ твердой землѣ , при помощи лодокъ.

Колонія Рѣки Лебедей , основанная года за три , теперь самая цвѣтущая въ Австраліи. При устьѣ сей рѣки , и около залива , названнаго отъ морехода Флиндера *Заливомъ Опасности* , хотя опасности въ немъ нѣтъ никакой , Капитанъ Спирлингъ основалъ недавно колонію изъ соими переселенцевъ , которые , по видимому очень довольны своимъ водво-

реніемъ. Суда найдутъ тамъ превосходную воду и богатое снабженіе дровами, овощами и фруктами. Въ этомъ мѣстѣ ширина залива простирается на тридцать шесть миль; къ востоку отъ него идутъ обширныя земли, съ красивыми возвышеніями; окруженные луга, или обширныя долины представляють повсюду изобильныя пастбища. Далѣе находишь рѣчку, которую во время дождей можно почестъ большою рѣкою. Еще неизвѣстны ни истокъ ея, ни направленіе, и, что замѣчательно, до 40 градуса южной широты не усмотрѣно по сему берегу никакого устья рѣки. Къ юго-востоку, на протяженіи 86 миль, есть превосходная земля. Далѣе встрѣчается цѣль высокихъ косогоровъ, которые къ восточной сторонѣ соединяются съ крутыми боками исполинской горы, теряющейся въ облакахъ, и возвышающейся, вѣроятно, тысячъ на десять футовъ.

Флора странъ, омываемыхъ Рѣкою Лебедей, была описана Г-мъ Броуномъ. Сей знаменитый Ботаникъ говоритъ, что у него находится не болѣе ста сотрокъ видовъ; а это недостаточно для общихъ выводовъ о произрашеніяхъ сей части юго-западнаго берега Новой Голландіи; но, прибавляешь онъ, если собраніе его дастъ неблагопріятную идею о качествѣ почвы, то надобно замѣнить, что въ ономъ нѣтъ многихъ семействъ, которыхъ великое изобиліе въ тамошнихъ изслѣдованныхъ странахъ; что гербарій его былъ составленъ въ неблагопріятное время года; что трава, называемая *кангару* растетъ тамъ съ чрезвычайною силою; что

нѣкоторые виды растенія, именуемаго *банксіа*, бывающъ шамъ необыкновенно огромны; что наконецъ большое число родовъ было описано на мѣстѣ, безъ пособій для глазъ. Не останавливаясь на подробностяхъ, занимательныхъ только для ботаника, мы последуемъ за Г-мъ Броуномъ въ любопытныхъ замѣчаніяхъ его о двухъ родахъ, самыхъ общихъ и обильныхъ на западномъ берегу Австраліи: это *Eucaliptus* и *безлистная акація*.

Деревья сіи принадлежатъ къ различнымъ семействамъ, но имѣютъ разительное отношеніе между собою, такъ что дають особенную фizioномію лѣсамъ Австраліи. Такъ напримѣръ, ихъ листья (или то, что играетъ роль листьевъ въ обоихъ видахъ), расположены вертикально, то есть они держатся однимъ изъ краевъ за вѣтку, и составляютъ на ней родъ бахромы, высвѣтляющъ такимъ образомъ всю свою поверхность солнечнымъ лучамъ.

Это всегда единообразно является въ Австралійской акаціи, потому что листья развертывающъ на ней вертикально; но *Eucaliptus* не всегда показываетъ сіе явленіе, ибо тамъ оно происходитъ отъ сплѣсненія перепонки листа, послѣ того какъ онъ развернется. Прибавимъ, что въ обоихъ сихъ родахъ, назреваяшая шкани, которую Г-мъ Броунъ именуешь *накожными желѣзками*, находится на обоихъ сторонахъ листа, тогда какъ обыкновенно шкани сія, въ деревьяхъ и кустарникахъ, бываетъ на нижней, и лишь въ нѣкоторыхъ хвойныхъ растеніяхъ на верхней сторонѣ. Впрочемъ, и во

многихъ другихъ родахъ Флоры Австралійской, сіи драгоцѣнныя органы занимають обѣ стороны. Отъ этой-то организаціи вообще кажутся такъ мрачны лѣса Новой Голландіи.

Открытія, сдѣланныя въ Австраліи, благопріятствовали также другимъ открытіямъ, которыя весьма важны въ отношеніи къ Геологіи и Научкамъ Физическимъ. Мы разумѣемъ здѣсь нѣкоторыя острова Тихаго Океана, происшедшіе отъ подводныхъ вулкановъ. Таковы: островъ Измѣны, одинъ изъ Новыхъ Шетландскихъ; островъ Св. Павла и другіе.

Англійскому Капитану Смиту обязаны подробнымъ изслѣдованіемъ, или лучше сказать вторымъ открытіемъ Новыхъ Шетландскихъ острововъ. Голландецъ Диркъ Герицъ, Капитанъ одного изъ пяти кораблей, отправившихъ изъ Роттердама въ 1598 году, съ тѣмъ чѣмъбы пройти въ Индію западнымъ путемъ, былъ отбитъ отъ другихъ кораблей, на высотѣ мыса Горна, жесточайшею бурей, которая увлекла его до 64° южной широты. Онъ открылъ въ тамошнихъ моряхъ крутые берега, покрытые инеемъ, какъ берега Норвегіи. Нѣтъ сомнѣнія, что это былъ архипелагъ Шетландскій. Вѣроятно сіи острова суть продолженіе цѣпи Кордильеровъ Андскихъ и архипелага Огненной Земли. Видъ ихъ и геологическое сложеніе такіе-же какъ и у сихъ послѣднихъ. Между ими, островъ *Измѣны* есть не иное что какъ вулканъ, котораго кратеръ совершенно сходенъ съ кратеромъ острова Амстердамскаго, названнаго нѣкоторыми морс-

плаващелми островомъ *Св. Павла*, и находящагося между Мысомъ Добраго Надежды и Австраліею. Образованіемъ своимъ они совершенно сходны съ лагунами (*), встрѣчаемыми на большей части коралловыхъ острововъ, разсѣянныхъ въ между-тропической части Тихаго Океана; а послѣ этого можно съ вѣроятностію предположить (и таково мнѣніе Г-на Барроу), что кораллы, сіи странныя существа, которыхъ Естественныиспытатели отно-сятъ къ окончностямъ животнаго царства, умно-жающаея ошъ подводныхъ вулкановъ, ибо края кра-шера, силою послѣдовательныхъ изверженій, сбли-жающаея съ поверхностію моря до того, что снмъ міріадамъ живыхъ существъ уже достаточно свѣ-та и тепла для развитія и шачиственнаго ра-боты ихъ.

Сообразивъ внѣшнюю форму крашера подводнаго вулкана, и расположеніе коралловыхъ ошмѣлей во-кругъ лагунъ, опоясываемыхъ ими со всѣхъ сторонъ (кромя пролива, въ который вливается морская вода), можно легко понять ихъ сходство. Если-бы подводное дѣйствіе обратилось на коралловыя ош-опыли, конми устьянъ Тихій Океанъ, съ такою силою, что могло-бы поднять ихъ на большую вышину, то оно произвело-бы тысячи острововъ, подобныхъ островамъ Измѣны и Амстердамскому. Посему, хотя внутренность большей части сихъ

(*) Лагуна, озеро посреди острова, и самый остр-ровъ.

коралловыхъ острововъ не изслѣдована, однако можно думать, что ихъ лагуны суть настоящіе кратеры. Истина сія подтверждается тѣмъ, что на нихъ вообще находятъ цѣлые слои пемзы и другихъ вулканическихъ произведеній. Обыкновенно вплоть подлѣ вулкановъ бываетъ известковый грунтъ, и посему вѣроятно что *литифиты*, известные подъ именемъ коралловъ, имѣють непреодолимое влеченіе къ сему веществу, гдѣ кладуть они съ удивительнымъ искусствомъ покрывку, свою шемницу и могилу. Правда, что коралловые слои встрѣчаются и въ такихъ мѣстахъ, гдѣ не видно вулканическаго дѣйствія, какъ на примѣръ на восточномъ берегу Австраліи; но въ семъ случаѣ вѣроятно, что основаніемъ ихъ служить опять верхушка скалъ, составляющихъ окружность подводныхъ кратеровъ, и что они, называясь, продолжаютъ до такого мѣста, гдѣ другія известковыя громады, не принадлежащія къ вулканической системѣ, составляютъ опору для этой цѣпи гнѣздъ, продолжаемой міриадами поколѣній. Замѣчательный примѣръ сего видимъ въ коралловыхъ ошмѣяхъ, облегающихъ острова Сешельскіе. Одна изъ нихъ получила, ошъ образованія своего, названіе ошмѣи *Змѣиной*. Однакожь вообще, и особенно въ Тихомъ Океанѣ, онѣ образуютъ острова съ лагунами и утверждаютъ кругообразно на гребнѣ подводныхъ вулкановъ. Адмиралъ Крузенштернъ насчитываетъ ошмѣей сего рода не менѣе ста, между 24 и 20 градусами южной широты и 134 и 149 градусами западной долготы. Изъ шридцати двухъ коралловыхъ острововъ, изслѣдованныхъ Каптаномъ Вичи,

гдѣ наблюдалъ онъ работу лишофитовъ , двадцать девять составляли окрѣжность, заняшую лагунами.

Можетъ быть возражать, что на большей части сихъ острововъ не замѣчаютъ лавы и веществъ вулканическихъ ; но это не доказываетъ ничего. На островѣ, передъ нашими глазами выдвинувшемся между Пантелларією и берегомъ Сициліи, также не было лавы. Ни малѣйшаго слѣда ея не замѣчено, ни въ жидкихъ веществахъ, которыя подводная сила выкидывала на воздухъ, ни въ массахъ болѣе огустѣвшихъ, которыя поднялись изъ воды на 160 или 170 футовъ. Одинъ изъ зрителей замѣтилъ даже, что дымъ, или бывавшій паръ, выходившій изъ нихъ, не имѣлъ въ себѣ ничего сѣрнаго, и что онъ былъ только насыщенъ обугленнымъ водороднымъ газомъ. Г. Осборнъ, хирургъ корабля *Гамгеса*, сошелъ на островъ, и удостовѣрился, что онъ состоялъ только изъ пепла, изъ превращенныхъ въ порошокъ углей, освобожденныхъ отъ маслянистыхъ часшицъ, изъ желѣза, изъ шлаку и изъ особеннаго рода желѣзистаго мѣлу, но безъ всякаго признака лавы, вулканическаго пепла, пемзы, ракушекъ и морскихъ камней, обыкновенно находящихся въ извергаемыхъ изъ Эсны и Везувія веществахъ. По сему случаю мы замѣтимъ, что 28 Іюня, за двѣ недѣли до появленія острова, корабль Англійскаго Адмирала Пульшенея Малькольма, проходя по тому мѣсту, гдѣ выдвинулся островъ, получилъ такіе толчки, какъ будто-бы онъ ударился о песчаную мѣлу. *Географическій Журналъ*, въ статьѣ объ упоминаемомъ островѣ, говоритъ, что

народное преданіе въ Мальшѣ, съ начала послѣдняго столѣтія, именно на этомъ мѣстѣ означало существованіе волкана. На картѣ Средиземнаго моря, за нѣсколько времени изданной Фаденомъ, путь означено мѣлкое мѣсто, въ четыре сажени, названное имъ *Largour's Breakers*. Часть сего-то мѣста была выдвинута выше воды. Можешь быть, не запасный-ли это клапанъ подземныхъ горниль, для коихъ Этна и Везувій служатъ дымовыми трубами? Въ самомъ дѣлѣ, обѣ изверженія сихъ двухъ волкановъ не было слышно ничего около года. Но возвращимся къ нашему предмѣшу.

Въ числѣ физическихъ переворотовъ, являющихся на поверхности земнаго шара, и производимыхъ наиболѣе волканами, всѣхъ менѣе были наблюдаемы, но вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе всѣхъ любопытны означенные нами. Они выдвинули со дна морей, и поспешенно возвысили до поверхности воды, часть известковой оболочки нашего земнаго шара; а мнѣріады живыхъ существъ, копорымъ едва удостоиваютъ назначать послѣднее мѣсто въ обширной системѣ природы, превратили сіи возвышенія въ производящую землю. Мы худо знаемъ и организацію сихъ лишофитовъ, и способъ работы, производимой ими по тому инстинкту, копорый Гуншеръ называлъ побужденіемъ необходимости; но тѣмъ не менѣе справедливо, что симъ червячкамъ одолжены образованіемъ тысячи острововъ и миллионовъ акровъ земли, покрывающихъ Атлантическій Океанъ и особенно моря Индійскія и Тихій Океанъ! Разсматривая подъ водою ихъ известковыя шрубочки,

и безчисленное разнообразіе ихъ переплещеній, находясь иногда, что верхніе слои влажны и шагучи; другіе, напротивъ, не имѣють сей шагучести, кошорой и вовсе нѣтъ въ окаменѣлыхъ коралловыхъ ошмѣяхъ, видимыхъ надъ водою. Естественное слѣдствіе сего наблюденія, что лишюфиты работаютъ во всю свою жизнь, и что лишь послѣ смерти ихъ, фушляръ, гдѣ жили они, окрѣпляется и швердѣетъ. Не лзя сомнѣваться также, что коралловые острова и ошмѣи, непрерывно умножаются и распространяются. Къ сожалѣнію это дѣлается незамѣтно; а не имѣя ряда послѣдовательныхъ наблюденій, произведенныхъ на мѣстѣ явленія, не лзя съ точностью подтвердить этого. Однакожъ на Бермудскихъ островахъ сдѣланы были довольно точныя наблюденія, по коимъ можно заключать, что окружающія сія острова коралловыя ошмѣи возвысились, лѣтъ во сто, до того, что это замѣтно приблизило ихъ къ поверхности воды.

Для пользы Науки, Географическое Общество должно было-бы дать мореплавателямъ, обыкновенно посѣщающимъ Индійскія моря, цѣлый списокъ вопросовъ о семъ важномъ предметѣ, и препоручить имъ доставить образчики, какъ разныхъ родовъ образованія коралловъ, такъ и дна, на кошоромъ утверждены они. Всего важнѣе для изслѣдованій сего рода обширный архипелагъ Малавскій: это можешь быть самая удивительная изъ сихъ чудесныхъ фобрикъ. Мусульманскій путешественникъ Башута, посѣщавшій тамошніе острова въ тринадцатомъ столѣтіи, и давшій имъ названіе

Зобишь-эль-Магалъ, означашъ ихъ какъ одно изъ чудесъ міра. Онъ насчиталъ ихъ около двухъ тысячъ, изъ коихъ сто, расположенные рядомъ, соприкасающіяся какъ зерна ожерелья. Два другіе Мусульманскіе путешественника, шедшіе въ Китай въ девятомъ столѣтіи, полагаютъ число ихъ въ 1900; Марко Поло въ 12,700, а Линсхоузенъ до 11,000.

Знаменитый Девишъ видѣлъ острова сіи въ 1598 году; онъ не могъ сосчитать ихъ, но ему говорили, что число всѣхъ простирается до 11,000. Французъ, по имени Пейрардъ де Лаваль, претерпѣвшій кораблекрушеніе въ тамошнемъ архипелагѣ, въ 1602 году, и остававшійся въ плѣну пять лѣтъ, сказывалъ, что владѣлецъ его былъ Султанъ, именемъ Ибрагимъ, который называлъ себя Суданомъ Трнадцати Областей и двѣнадцати тысячъ острововъ. Эти Области суть тринадцать различныхъ купъ, составленныхъ изъ безчисленнаго множества омылей или островковъ, посреди коихъ находятся круглыя или эллиптическія лагуны, сообщающіяся съ моремъ посредствомъ пролива. Незмѣримыя гряды сихъ коралловъ простираются отъ 1-го градуса южной широты до 7½ широты сѣверной, на 600 Англійскихъ миль въ длину и на 70 и 80 въ ширину. Онъ покрытъ кокосовыми деревьями, которыя снабжаютъ пищею многочисленное народонаселеніе.

Прекраснымъ предметомъ для задачи, которую Географическое Общество предлагаетъ и награждаетъ каждаго, былъ-бы опытъ о образованіи

коралловъ и о естественной исторіи липтофитовъ ,
производящихъ оныя.

Въ то же время , когда Англіійскіе мореплаватели сообщаютъ геологу и естественныиспытателю плоды своей ревности къ путешествіямъ , они съ не меньшимъ жаромъ , на моряхъ ближайшихъ , но можетъ быть еще менѣе изслѣдованныхъ , даютъ пособія Криптикъ Исторической и Археологіи. Одна изъ любопытнѣйшихъ въ семъ отношеніи спашей , есть извѣстіе о путешествіи Г-на Гуденоу Старшнны Уэльскаго , по Черному морю , въ 1829 году , на корабль Англіійскаго флота *la Blonde*. Это первый военный корабль , которому было дозволено войти въ Понтъ Эвксинскій. До сихъ поръ , и особенно въ царствованіе Елисаветы и Карла II , море сіе было открыто однимъ купеческимъ кораблямъ , кошорые занимались только своею торговлею , и не оставляли ученому міру даже малѣйшаго слѣда своихъ путешествій.

« Ни варварскія толпы сѣверныхъ и западныхъ береговъ Эвксина , ни деспоты Азіійскіе , кошорыхъ владѣнія ограничивали оный съ юга и востока , говоритъ Г. Гуденоу , никогда не стремились бытъ властителями сего моря. Народы , обладавшіе Констаншинополемъ и его проливомъ , всегда сохраняли большое вліяніе на кораблеплаваніе и торговлю въ Черномъ морѣ. Безмѣрные поборы , коихъ требовали они отъ иностранныхъ купцовъ за входъ въ оное , конечно подвергали ихъ многочисленнымъ нападеніямъ и строгой ошпашѣ ; но , гораздо чаще , и даже при ослабленіи ихъ

могущества, они были одолжены единственно своему топографическому положенію уваженіями и снисхожденіемъ иностранныхъ Державъ. За сто пятьдесятъ лѣтъ до Рожд. Христова, Полибій писалъ: » Мѣстоположеніе Византіи очень слабо со стороны земли, но превосходно отъ Геллеспонта: ни одинъ корабль не можешь ни войти въ Поиннъ Евксинскій, ни выйти изъ онаго, безъ позволенія ея; пошому-то Византійцы и располагають тамошнею торговлею самовластно. Черезъ ихъ посредство идутъ на шоржища Средиземнаго моря всѣ славные предметы, коими снабжаешь тамошнее море, какъ то: спада и лучшіе невольники, медь, воскъ, и соленая рыба. » Тогда хлѣбъ не былъ, какъ нынѣ, единственнымъ важнымъ товаромъ, вывозимымъ изъ Чернаго моря. Въ отрывкѣ изъ Полибія, приводимомъ Аѳенеемъ (Кн. VI, гл. 21), находятся нѣкоторыя подробности о соленой рыбѣ, привозившейся изъ сего моря, и составлявшей такой предметъ роскоши въ Римѣ, что это обратило на себя спрососъ Катона Цензора. Онъ горько жаловался, что Римскіе граждане покупають горшокъ или боченокъ рыбы, сухой или маринованной, цѣною по триста драхмъ (около 250 рублей на наши деньги), и платяшъ за молодаго рабенка дороже чѣмъ за помѣстье. Впрочемъ, довольно взглянуть на монеты Византійскія и Греческихъ городовъ Чернаго моря, дошедшія до насъ, гдѣ изображены уды или рыбы, чтобы видѣть, какое вниманіе обращала на себя эта драгоцѣнная отрасль промышленности.

«Удивительно, какъ Полибій, столь благоразумный Историкъ и просвѣщенный Географъ, хвалившійся тѣмъ, что издастъ слѣдствія собственныя своихъ наблюденій, рѣшился предсказать, что вскорѣ, какъ полагаешь онъ, Эвксинъ перестанетъ бытъ судоходнымъ и превратится въ грязное болото. «Когда, говоритъ онъ, постоянная причина дѣйствуетъ на предметъ ограниченный, то, какъ бы ни было слабо ея дѣйствіе, она превозможетъ напослѣдокъ. Углубленіе Чернаго моря имѣетъ границы; но теченіе рѣкъ, прямо или черезъ Азовское море впадающихъ въ него и остающихся въ немъ наносы, ничѣмъ не ограничено въ продолжительности своей; слѣдственно, должно кончиться тѣмъ, что наносы завалятъ море: Если мы сообразимъ теперь необъяснимо количество водъ, вливающихъ въ него непрерывно, то будемъ явно, что причина, дѣйствующая съ такимъ могуществомъ и такъ постоянно, должна сблизить эпоху, когда исполнится предвидимое нами слѣдствіе.» Къ этому разсужденію Полибій прибавляетъ, что «Палусъ-Меопидесъ (Азовское или Гнилое море), по всѣмъ преданіямъ составлявшій прежде одну массу водъ съ Чернымъ моремъ, нынѣ есть не иное что какъ озеро прѣсной воды, въ пять или шесть сажень глубины, гдѣ шрехъ-палубныя галеры не могутъ ходитъ безъ пособія кормчаго.» Онъ упоминаетъ еще о наносахъ, заграждавшихъ въ его время устья Дуная.

«Не восходя къ пошлону Девкалионову, мы справимся только съ извѣстіемъ Г-на Джонса, Кани-

шапа Англійскаго флота, бывшаго въ Таганрогѣ въ 1823 году. «Вблизи отъ сего города, говоришь онъ, около устья Дона, воды чрезвычайно мѣлки, и вышина ихъ бываетъ отъ десяти до трехъ футовъ, сообразно направленію вѣтра. Когда онъ дуетъ отъ юго-запада, съ противоположной Таганрогу стороны, и подымаетъ воду до величайшей высоты ея, она становится солоновашою, хотя въ обыкновенное время можно употреблять ее въ кушанье. Взглянувъ на превосходную карту Чернаго моря, изданную въ Парижѣ въ 1822 году, съ исправленіями корабельнаго Капитана Гоме, и Г-на Бенуа, Инженеръ-Географа, въ точности которой мы увѣрились на мѣстѣ, можно видѣть, что исключая означенную нами отмель, глубина Азовскаго моря, на срединѣ составляетъ 40 футовъ, а около береговъ отъ 17-ти до 18-ти. Такимъ образомъ наносы, долженствовавшіе по гипотезѣ Полябія вскорѣ завалить Эвксинъ, не прибавились чувствительнѣе, въ продолженіе почти двухъ тысячъ лѣтъ, даже въ Азовскомъ морѣ.

«Такъ-же какъ во времена сего Историка, и нынѣ Босфоръ Киммерійскій, соединяющій море Азовское съ Чернымъ, и чрезвычайно сжатый со стороны перваго, описываетъ кривую линію, расширяющуюся ко второму. Сему-то расположенію пролива, мало выгодному для теченія отъ Сѣвера къ Югу, должно приписать заносы Южныхъ береговъ Азовскаго моря. Въ верхней части пролива высота водъ простирается только на 13 футовъ; но ниже, около Чернаго моря, много разъ брошенный

Апрѣль 1832.

38

лошъ показалъ ошъ 4-хъ до 20-ми сажень. Около восточнаго берега, дно сначала глинисто; пять миль далѣ глина смѣшана съ пескомъ; еще далѣ являющіяся ракушки. По срединѣ пролива совсѣмъ нѣтъ илу: дно состоятъ изъ слою раковинъ и песку. Такимъ образомъ нынѣшнее состояніе Босфора Киммерійскаго даетъ надежду, что ошъ не будетъ занесенъ и черезъ нѣсколько тысячъ лѣтъ.

«Касательно Чернаго моря, вотъ свѣдѣніе нашихъ наблюденій. Выходя изъ Босфора Фракійскаго, мы нашли 48 сажень глубины и дно изъ песку, смѣшаннаго съ ракушками. Вдоль береговъ, около устьевъ Дуная, лошъ показалъ дно глинистое, но глубины только ошъ 45 до 55 сажень, тогда какъ на 35 миль въ открытое море не лзя достать дна лошомъ въ 166 сажень, по указанію Французской карты. Извѣренія, сдѣланныя съ корабля *La Blonde*, представляють слѣдующій выводъ: при устьѣ Дуная 36 сажень; 18 миль далѣ къ сѣверо-востоку 50 сажень; около Севастополя 100, 120, и наконецъ лошомъ во 140 не достали дна. Сей послѣдній былъ брошенъ въ 16 миляхъ къ открытому морю ошъ мала, находящагося передъ городомъ.

«Такимъ образомъ, глубина Чернаго моря и Константиннопольскаго пролива, который усиливаетъ быстроту теченія самымъ свѣденіемъ своимъ (не смотря на видимую иногда убыль воды, производимую на поверхности его южными вѣтрами:) вотъ что всегда будетъ опровергать теорію Понбіа; а наносы важнѣйшихъ рѣкъ, выпадающихъ въ Эвксинъ, каковы Дунай, Борисѣенъ, Донъ, Фазисъ, Кубань и другія, смѣшиваясь съ волнами

моря и воздымалась вѣснѣ съ ними при бурѣ, которыя производилъ тамъ въ извѣстное время года сѣверный вѣтръ, еще долго будутъ находить себѣ выходъ по Константинопольскому проливу.»

Впрочемъ, Полицій не первый издржидъ мнѣніе, опровергнутое Г-мъ Гуденоу. Довольно любопытно, что Докторъ Кларкъ также согласился съ Полиціемъ, взглянувъ на болота Таганрогскія и опѣли при устьѣ Дона. «Послѣ этого, говоритъ ученый путешественникъ, естественнѣе заключить, что море Черное и Азовское, отъ безпрерывнаго возвышенія грунта образуютъ наконецъ множество болотъ, которыя будутъ раздѣляться теченіемъ рѣкъ, впадающихъ нынѣ въ море.» Г. Гуденоу замѣчаетъ при этомъ, что вѣроятно Г. Кларкъ удивлялся точности, съ какою Страбонъ описываетъ берега Крыма, и, взявши нѣкоторые замѣчанія сего писателя, о вѣроятномъ засореніи Эвксина, по ошибкѣ принявъ чужія замѣчанія за свои собственныя мысли, когда приводитъ въ порядокъ свою рукопись. Будемъ надѣяться, что Г. Гуденоу издася также свои наблюденія надъ любы пышными странами, находящимися между Чернымъ и Каспійскими моремъ, и омываемыми рѣкою Фазисомъ.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ).

ИЗВѢСТІЕ

О рукописи XVII-го вѣка.

(Окончаніе.)

Въ рукописи, о которой идешь рѣчь, находятся весьма любопытныя монастырскіе докуменшы, имѣющіе цѣнность въ отношеніи къ Исторіи Россійской Іерархіи. Такъ, напримѣръ, въ *Данной* Боярина Юрія Яншеевича Сулешева, писанной въ 7151 (1643) году, упоминается о сооруженіи храма въ Монастырь Симоновскомъ, во имя Знаменія Божіи Машери, и о другихъ не менѣе любопытныхъ историческихъ предметахъ, конхъ мы доселѣ совсѣмъ не знали. Выписываю изъ этой *Данной* слѣдующее:

..... «Да язъ же Бояринъ Князь Юрій Яншеевичъ въ Симоновъ Монастырь, въ Соборной церкви, обложилъ царскія двери серебромъ, въ чекань. А пошло на нихъ окладу, серебра и золоша, на тысячу рублей. Да по обѣщанію моему сооружена, церковь въ Симоновъ монастырь надъ гробами родителей моихъ во имя *Знаменія Прегистыя Богородицы* (*). И та церковь стоида со всѣмъ церков-

(*) Слѣдственно, воспомянутыя ворота подъ симъ храмомъ сдѣланы послѣ. Изъ спашья о надписяхъ въ Симоновъ Монастырь, помѣщенной въ *Древн. Росс.*

нимъ строеніемъ тысяча двѣсти пять рублевъ. Да изъ же Бояринъ, Князь Юрій Яншеевичъ Сулешевъ, далъ вкладу, по приказу брата своего, Крайчаго, Князя Василія Яншеевича, и невістки своей Княгини Оешины Ивановны, на городовое дѣло тысячу рублевъ И далъ есмь я вошчину ея прародительскую въ вѣчный ихъ поминокъ, при Архимандритѣ Іліѣ

Судное дѣло, и Правая грамота Великаго Князя Ивана Васильевича всея Русіи.

По Великаго Князя Ивана Васильевича слову, всея Русіи, сей судъ судилъ Князь Иванъ Юрьевичъ Тигался, Пречистыя Симонова Монастыря Архимандритъ Зосима, и за всю братью Симоновскихъ старцевъ, съ Ивашкомъ Соврасовымъ. Такъ

Вислювичъ, часть XIX, видно, что гробы Сулешевыхъ находятся подъ папершею Собора; но могиламъ Князя Юрія Яншеевича въ надписяхъ не значится. Достойно замѣчанія, что равнодушная невнимательность и всеразрушающее время, совершенно изгладили и самую память о сподвижникахъ монашескующей братіи сей древней обители. Іосифъ Волоколамскій, ревностный противникъ Новгородской ереси, въ книгѣ своей (X-я глава) упоминаетъ, о Преподобныхъ: Вареломѣѣ Строицелѣ, Іованнѣ Златомѣ, и Игнатіи Иконникѣ. Они, по увѣренію Іосифа, покоятся въ Симоновомъ монастырѣ; но гробы ихъ неизвѣстны, и имена ихъ не украшаютъ листовъ Исторіи нашей Іерархіи.

рекъ Архимандришъ Зосима: шотъ, господине, Иваншко, пооралъ нашу землю, Симоновскаго монастыря, Оедотовскую Нелидову. А далъ, господине, въ домъ Пречистыя, въ великій моръ, шу землю Оедотъ Нелидовъ по себѣ. И Князь Иванъ Юрьевичъ спросилъ Иваншка: ошъчай? — и Иваншко шакъ рекъ: чшо, господине, Архимандришъ Зосима называшъ монастырскою, землю Оедотовскую Нелидова, шу землю, кошорую азъ пооралъ, и шо, господине, земля Великаго Князя, Черная, Лелковская, да Оцуновская; а мнѣ, господине, далъ Князь Великій шу землю, осенью, о Покровѣ Свящыя Богородицы, а се, господине, Великаго Князя грамата предъ тобою. И Князь Иванъ Юрьевичъ, выслушавъ грамашу, спросилъ Архимандриша Зосиму: почему-же та земля ваша, Оедотовская Нелидова? И Архимандришъ Зосима шакъ рекъ: Была, господине, у насъ на шу землю *Данная* грамата Оедотова, да погорѣла, господине; въ городѣ, у насъ въ пожарахъ шѣ наши граматы, земныя и купчія, и данныя, всѣ погорѣли давно. А се, господине, у насъ Великихъ Князей грамата жалованная на всѣ на шѣ граматы, данныя и купчія, передъ тобою. И Князь Иванъ Юрьевичъ взръвъ въ грамашу, а въ граматѣ пишешъ: « По ошца своего, Великаго Князя Василя Васильевича граматѣ, се азъ, Князь Великій Иванъ Васильевичъ, пожаловалъ есми дому Свящыя Богородицы, монастыря своего Симоновскаго Архимандриша Аенасія, съ братією, или кто по немъ иной Архимандришъ будешъ, что у нихъ были граматы жалованныя въ монастырѣ, Прадѣда моего Великаго

Князя Дмитрія Ивановича, и дѣда моего, Василия Дмитріевича, и шѣ у нихъ грамоты погорѣли. Также кто довалъ что имъ, монастырю, землю, и воды, и луга, и лѣсы, и иные какія угодія, и что сами у кого купили, и шѣ у нихъ грамоты данныя и купчія погорѣли-жѣ. И что къ нимъ будешъ по шягло, и монастырю до того пожара, при Архимандритѣ Іонѣ, и при Архимандритѣ Иванѣ, землю, и воды, и лѣсы, и луга, или какіе иные угодія, что-нибудь, и то все къ нимъ пошлешъ, къ монастырю, пошому-жѣ, какъ и предъ сею шянуло. А невступаешся у нихъ въ то ни вочто, никушо. А дана грамота лѣта 6970-го, мѣсяца Іюня въ 5 день.» — И Князь Иванъ Юрьевичъ, выслушавъ грамоту, спросилъ Архимандрита Зосима: кому-жѣ то у васъ вѣдомо, что земля монастырская, Федотовская Нелидова? И Архимандритъ Зосима такъ рекъ: вѣдомо то, господине, у насъ, Великаго Князя Христіаномъ, людемъ добрымъ, старожильцамъ, Якушу Кучесалкову сыну, да Никону Илимову, да Сейкѣ Стодбову, да Степану Сергееву Описойцѣ, да Великаго Князю сыну боярскому Хваширеву Давиду, что то земля монастырская, Федотовская Нелидова. А се, господине, шѣ наши знахари передъ тобою. И Князь Иванъ Юрьевичъ спросилъ Ивашка: А у тебя кому вѣдомо, что Великаго Князя земля Черная? И Ивашко такъ рекъ: вѣдомо то, господине, Великаго Князя Христіаномъ старожильцамъ: Сенькѣ Гридину, да Якушу, Ивашкову сыну, Хрепинову, да Лучукѣ Лазареву десятичному, да Федукѣ Максимову, что та земля Великаго

Князя Черная, Левковская, да Якушевская. А се, господине, тѣ мои знахари передъ тобою. И Князь Иванъ Юрьевичъ спросилъ Архимандричьихъ Зосимовыхъ знахарей, Якушка, и Никоника, и Сейка, и Степанка, и Данилка: Скажите, какъ право передъ Богомъ, чья то земля, которую Ивашко ораалъ? И Якушъ, и Никонъ, и Сейка, и Степанко, и Данилко, такъ рекаш: Язъ, господине, Якушъ, помню, отъ сѣхъ мѣстъ за шестидесятъ лѣтъ, что то земля Оедоповская Нелидова, Симоновскаго монастыря, и пашутъ крестьяне монастырскіе. А язъ, господине, Никонъ, помню до *Момотыковщины* за десять лѣтъ, что то земля Оедоповская Нелидова, Симоновскаго монастыря, а пашутъ крестьяне монастырскіе. А язъ, господине, Сейка, помню отъ сѣхъ мѣстъ за пятьдесятъ лѣтъ, то земля Оедоповская Нелидова, Симоновскаго монастыря, а пашутъ крестьяне монастырскіе. А язъ, господине, Степанко, помню отъ сѣхъ мѣстъ за сорокъ лѣтъ, что та земля Оедоповская Нелидова, Симоновскаго монастыря, а пашутъ крестьяне монастырскіе. А язъ, господине, Данилко, помню за тридцать лѣтъ отъ сѣхъ мѣстъ, что то земля Оедоповская Нелидова, а пашутъ крестьяне монастырскіе. И Князь Иванъ Юрьевичъ спросилъ Ивашковыхъ Сопрасова знахарей, Сеньки Гридена, съ товарищи: Скажите, какъ предъ Богомъ право — чья то земля, которую Ивашко пооралъ? И Сенька Гридень, да Якушъ, и Лучука, и Оедко, такъ рекаш: Язъ, господине, Сенька, помню до великаго мору, что то Великаго Князя земля черная Якушевская, да Левковская. А

косили ее на Великаго Князя косу на становой. А язъ, господине, Якушь, помню отъ великаго мору, что та земля Левковская, да Якушевская Великаго Князя Черная, а косилъ ее, господине, Оедко Максимовъ да Саврасъ Товаровъ на Великаго Князя косу, на становой. А язъ, господине, Лучука Десяшко, помню, что дядя мой Анисимъ Писало косилъ Толсвской и Якушева на Великаго Князя косу на становой, станowymi крестьяны, при сошникѣ при Степанѣ при Сарычинѣ. Да въ той же, господине, Оедошовской землѣ вышла полоса Великаго Князя земли Еремкины, а пахали ее къ Оедошовской землѣ монастырскіе крестьяне. И язъ, господине, на ту землю, на Еремкину полосу, возводилъ Судью, Великаго Князя Тиуна, Карпа Ховрилева. И Карпъ, господине, ту полосу присудилъ мнѣ Еремкину, къ Великаго Князя землѣ, а граматы ми правыя, господине, не далъ. А на судѣ, господине, съ нимъ былъ Степанъ Сарычекъ. А язъ, господине, Оедко, помню до великаго мору, что та земля была боярская Оедота Нелидова. И Оедотъ, господине, послѣ своего живота, въ великой морѣ, далъ ее къ Пречистой, на Симоновъ монастырь. А Левкова и Якушева, господине, есми въ той Оедошовской землѣ не слыхалъ И Князь Иванъ Юрьевичъ спросилъ Ивашка: отъ сѣхъ мѣспѣ года за три, за чешыре, кто ту землю пахалъ, и если нынѣча на ней чей хлѣбъ, рожь ли, яри-ли? И Ивашко такъ рекъ: Пахали, господине, ту землю Христіане Симоновскаго монастыря, на монастырь, и нынѣча, господине, на той землѣ Симоновскаго монастыря сѣяна рожь. А язъ,

господине, си весны ее подъ ярь взоралъ. И Князь Иванъ Юрьевичъ передъ Великимъ Княземъ пошлавъ обоихъ исцовъ, Архимандрита Зосиму и Ивашка, судъ свой сказалъ. И Князь Великій Иванъ Васильевичъ всеа Русіи выслушавъ судъ, велѣлъ Князю Ивану Юрьевичу, Пречистыя Симоновскаго монастыря, Архимандрита Зосиму, съ братією, оправивши, и землю Федотовскую Нелдова, что было Ивашко Соврасовъ взоралъ, велѣлъ присудити Архимандриту Зосимѣ съ братією. А Ивашка Соврасова велѣлъ обвинити. И по Великаго Князя слову, Ивана Васильевича, всеа Русіи, Князь Иванъ Юрьевичъ, Пречистыя Симоновскаго монастыря, Зосиму Архимандрита, съ братією, оправилъ, и землю Федотовскую Нелдова, что было Ивашка Соврасовъ взоралъ, присудилъ Архимандриту Зосимѣ съ братією, а Ивашка Соврасова обвинилъ. А коли Князь Иванъ Юрьевичъ Великому Князю Ивану Васильевичу всеа Русіи судъ свой сказывалъ, и шую у Великаго Князя былъ Околицій Иванъ Васильевичъ Чебошъ. А на судъ у Князя у Ивана у Юрьевича были: Скриба Морезовъ, да Василій Чубаръ-Безобразовъ, да Великаго Князя Тіумъ Оладія Шешкаревъ. А подписалъ Дьякъ Василій Домнашовъ.

У подлиннаго суднаго списка печать черная.

Правая грамота безсудная.

Се била челомъ, Царю и Великому Князю Ивану Васильевичу, всея Русіи, Григорій Ивановъ сынъ Оключеевъ, на Федора Иванова сына Пестова. А сказалъ: держишь, государь, за собою правда моего вощину, Андрея Кузмина сына Оключеева, село Скушово, съ деревнями, въ Московскомъ уездѣ, невідомо почему. И Царь, и Великій Князь, выслушавъ челобитную велѣлъ по Федору по Пестову послать Недѣльщика Федора Тюшчева, съ грамотою, а велѣлъ его поставити предъ собою, предъ Царемъ и Великимъ Княземъ. Недѣльщикъ Федоръ Тюшчевъ, сказалъ: Посылалъ еси Государь меня съ грамотою, по Федору по Пестову, и велѣлъ его поставити передъ собою *высцовойску* Григорія Оключеева въ вощинѣ. А азъ, Государь, по Федору ѣздилъ, да его не изыскалъ, и азъ, Государь, взялъ человека его Мишку Урина, а се, Государь, тошъ Мишка передъ тобою. И Царь и Великій Князь спросилъ Федорова человека Пестова Мишку: гдѣ твой государь, Федоръ, и мочно-ли тебѣ его передо мною поставити? И Федоровъ человекъ, Мишка, сказалъ: Государь! государь мой Федоръ поѣхалъ ко племени гостити, а государя, Государь, мнѣ своего передъ тобою Государемъ поставити немочно. И Царь и Великій Князь велѣлъ по Федору по Пестову въ другое послать Недѣльщика Федора-жъ Тюшчева, съ записью, а велѣлъ его передъ собою поставити, и передъ Царемъ и Великимъ Княземъ. Недѣльщикъ Федоръ Тюшчевъ ска-

зая: Посылаю еси, Государь, меня, съ записью, по Ѳедора по Пестова, и язъ, Государь, по Ѳедора ѳзидя, и Ѳедоръ; Государь, у меня ушекъ на хтсь въ очехъ; и язъ, Государь, взялъ другаго человека его, Левку Филипова, и ес, Государь, и шопъ его человекъ, Левка, передъ тобою. И Царь и Великій Князь испросилъ Ѳедорова человека Пестова, Левка: гдѣ твой Государь Ѳедоръ, и мочно-ль тебѣ его поставили передо мною? И Ѳедоровъ человекъ Пестова Левка сказалъ: Государь! государь мой Ѳедоръ отъ Недѣльщика ушекъ на хтсь въ очехъ, а мнѣ, Государь, государя своего передъ тобою Государемъ поставили не мочно. И Царь и Великій Князь велѣлъ послашь въ ту вошчину подъячаго Ивашку Дмитріева, да велѣлъ въ той вошчинѣ переписать дворы, и хоромы, и люди въ нихъ по имяномъ, и землю пашенную, и не пашенную, и луги, и дѣсы, и всякія угоды. И передъ Царемъ и Великимъ Княземъ Подъячій Ивашко Дмитріевъ переписи своя положилъ списокъ. И въ переписномъ спискѣ написано: въ Московскомъ уѣздѣ, во Ждадьскомъ стану, въ селѣ въ Скишовѣ, пашни боярскія и крестьянскія тридцать четвертей въ полѣ, въ дву пошому-жъ. Сѣна по кустаремъ, боярскаго и крестьянскаго, одиннадцать десятинъ. Дѣсу пашеннаго кустарю десятиль десятинъ. Земля середняя. Да того-жъ селца, деревня Козье-болотцо пуста. Пашни въ полѣ двенадцать четвертей, въ дву пошому-жъ. Сѣна мѣхъ кустаря три десятины, земля середняя. И Царь, и Великій Князь Иванъ всеа Русіи, велѣлъ шое вошчину, селцо Скишово, да деревню Козье-

Болошце, отдасть Григорью Охлочеву; поному? посылашь по Федора по Пешкова, въ той волости Недальщикъ Федоръ Тюмчевъ дважды, а онъ онъ Недальщика бѣгаетъ, изъѣхавши его не мочно. А люди его, два человека, у Недальщика въ шомъ дѣлѣ сидѣли онъ Марша вѣсороганадесять чина по Май по десятое чина. И онъ людей своихъ сошупилася, и къ Москвѣ не ошѣну въ шомъ дѣлѣ не бывалъ. И велѣлъ шю волостию, сельцомъ Скашовымъ, да деревнею Козымъ болошцомъ владыи Григорью Охлочеву по сей грамашѣ: Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичъ всеа Русіи. Къ сей грамашѣ велѣлъ печашь свою приложши, лѣта 7076, Маія въ 26 день.

А у подлинной грамаши двѣ приписи, Дьяковъ: Рахмана Жишкова, да Булгака Безсенова.

А та грамаша за печашью, за черною.

Жалованная тарханная грамата.

Ошъ Царя и Великаго Князя Бориса Θεодоровича всеа Русіи, къ Галицкой Соли, Губному старостѣ Трешаку Черевину, да Городовому Прикащику пятому Сохонину, да посадскимъ пудовымъ цѣловальникамъ: Аеонъ Левоншьеву, съ шоварищи. Били намъ челомъ, Пречистыя Богородицы Симонова монастыря, Архимандришъ Іона, съ брашєю, а сказалъ: Пречистыя Богородицы въ дому, въ Симоновъ монастырь, наше жалованье у Соли у Га-

лиція, изъ дву колодезей сарятъ соль въ пятии сарницяхъ, а даише Великаго Князя Дмитрія Ивановича Донского, и сына его, Князя Константина, со иноцехъ Касяна, што лежить на Симоновѣ, и жалованныи-де граматы у нихъ нѣтъ. Монастырскіи варницы блаженныи памати Царя г. Великаго Князя Ивана Васильевича всеа Русія, естъ не на наше, на Царское имя подписаны. А по шой де нашей жалованной грамотѣ, съ шѣхъ ихъ, монастырскихъ, съ пятии варницъ, соли, шанги, и замышныхъ и пудовыхъ, и рублевыхъ, и отвозныхъ, и всякихъ пошлинъ имати не велѣтъ. А нынѣ-де ихъ монастырскихъ варницъ помянуся у Соли, для монастырскаго обихода, шелько двѣ варницы. И съ шое-де ихъ соли пудовые цѣловальники правяшъ на нихъ пудовыхъ пошлинъ, и наши-де жалованную грамоту Соли Галицкія пудовые цѣловальники судяшъ, и даи-бы ихъ, Смирнова монастыря Архимандрита Іону, съ братією, пожаловати, наши Царскіи жалованныи граматы судяшъ, и съ ихъ соли нашихъ, всякихъ пошлинъ, по нашей жалованной грамотѣ имати не велѣши. А въ нашей Царской, жалованной грамотѣ у нихъ написано: соль имъ варити на монастырь, изъ дву колодезей, въ пятии варницахъ, и съ шое ихъ соли, что варяшъ изъ дву колодезей, въ пятии варницахъ, пудовыя, и шаможія, и отобозныхъ, и замышныхъ, и рублевыхъ пошлинъ имати не велѣши, въ наше Царское имя ша ихъ прежия жалованная грамота подписана. И мы, Симонова монастыря Архимандрита Іону, съ братією, пожаловали, по нашей жалованной грамотѣ у Соли у Галицкія, съ ихъ, съ пятии

варницѣ соли, пудовыя пошлыны по прежнему имать не велѣли. И какъ къ вамъ ся наша жалованная грамата придетъ, и вы-бѣ по нашей жалованной граматы Симонова монастыря, съ монастырскихъ пѣши варницѣ соли пудовыя пошлыны, на старцехъ и на слугахъ не правили, и въ передъ на нихъ съ шѣхъ варницѣ ссоли пудовыя пошлыны имать не велѣли, чѣшобъ намъ о томъ, Симонова монастыря Архимандритъ Іона, съ братією, не били челомъ. А прочетъ сю нашу грамату, и списавъ съ нее прошивень, слово въ слово, ошдашь ее Симонова монастыря старцемъ и слугамъ, кого они съ сею нашею граматою пришлютъ, и они ее держашъ у себя, впередъ, для нѣмъ нашихъ приказныхъ людей, и пудовыхъ цѣловальниковъ. Подлинная жалованная грамата на Москвѣ, лѣта 7110, Маія въ 14 день.

У подлинныя жалов. граматы, на оборотѣ, написано: Царь и Великій Князь Борисъ Θεодоровичъ всеа Русіи; приписъ Дьяка Андрея Акифова; справа подъячаго Филипа Лазаревского; печать черная.

Н. Андреевъ.

1832 г.

Тула.

—*—

С М Ъ С Ъ.

— *Изъясненіе картинки.* — Кто изобразитъ могучую, необъятную, очаровательную, неизобразимую Поэзію Шекспира? Кто найдетъ символъ для этого дивнаго, безсмертнаго генія? Какія слова, чья кисть и чей рѣзецъ выразятъ намъ полную идею этого бога Поэзіи? Но въ человѣкѣ есть врожденное стремленіе объяснять идеи свои образами: это было основаніемъ всей Мифологіи языческой, это и нынѣ служишь пособіемъ для нашего ума и воображенія. Если Древніе съ именемъ и изображеніемъ Аполлона связывали идею Поэзіи, то наша новая Поэзія можетъ быть выражена именемъ и образомъ Шекспира. Это былъ человѣкъ, къ славіи рода человѣческаго, и пошому нѣтъ надобности изобрѣтать для него апопеезовъ и атрибутовъ. Пусть каждый, проникнувшій Поэзіею сего *человѣка*, взглянешь на портретъ его, изображаемый въ бюстѣ; это будетъ для него самымъ краснорѣчивымъ выраженіемъ идеи, которую соединяемъ мы съ словомъ: *Шекспиръ*.

Поэтому-то, думаемъ мы, не лзя созданіемъ самой пламенной фантазіи олицетворить сего исполнителя. Изобрѣтайте что угодно, созданіе ваше

всегда будешь бѣдно и невыразительно въ сравненіи съ самою идеею онаго.

Были однакожь счастливыя попытки въ семъ родѣ. Между прочимъ, Англіійскій Живописецъ Фюзели изобразилъ *воспитаніе Шекспира*, въ картинѣ, съ которой очеркъ приложенъ при сей книжкѣ нашего Журнала. Вотъ подробное изъясненіе /картины Фюзели, написанное Конинггамомъ, извѣстнымъ современнымъ писателемъ (См. Life of Fuseli).

«Прекрасная, задумчивая женщина пьетъ грудью своею будущаго пѣвца : это *Трагедія*. Какъ заняша она этою материнскою обязанностию! Губы дышаши омочены молокомъ ея; глаза его блистають вдохновеніемъ и здоровьемъ... Но онъ какъ будшо хочешь оставишь питающую его грудь; онъ обращается къ *Комедіи*. Это женщина, болѣе молодая и веселая; взглядъ ея пріятенъ, нарядъ небреженъ; лицо смѣющееся. Она уже забавляетъ своего любимца и спарается передать ему нѣкоторыя слова. Вокругъ этой купы, художникъ помѣстилъ разные характеры, созданные Поэтомъ: вотъ *Леди Констансъ* въ слезахъ; вотъ *Леди Макбетъ*, «которой открытые глаза затворены для всякаго впечатлѣнія.» Мученія совѣсти терзають ее. Три женщины, «чудныя, дикія видомъ:» по *свѣдѣніямъ*, изображенныя въ шуманъ; однакожь черты ихъ обрисованы ясно. Тутъ-же видите вы Сира Джона *Фальстофа*, этого «шута-рыпаря, со-смарѣвшагося въ распушснѣ.» Далѣе *Калибанъ*, «странное созданіе, что-то среднее между человекомъ и звѣремъ:» онъ подвигается пресмыкаясь,
Апрѣль 1832.

для того чтобы взглянуть на своего творца. Выше всѣхъ *тѣнь Гамлетова отца*: она покрываетъ все окружающее чѣмъ-то сверхъестественнымъ. Подъ маншіею Трагедіи маска *Отелло. Королева Мабъ* и одинъ изъ ея подвласныхъ играютъ въ колыбели Шекспира.»

Основная мысль художника прекрасна; не лзя сказать того-же объ исполненіи и подробностяхъ оной. Лицо и видъ младенца-Шекспира неудовлетворительны. Изображеніе Трагедіи также не соответствуетъ понятію нашему о трагедіяхъ Шекспира. Другія фигуры почти всѣ изобрѣшены превосходно. Впрочемъ, надобно прибавить, что Фальстафъ, Вѣдьмы, Калибанъ и многія другія изъ главныхъ созданій Шекспировскихъ, имѣютъ свою, извѣстную всѣмъ, определенную фізіономію, и всегда одинаково изображаются, такъ что Англичанинъ, взглянувъ на нихъ, тотчасъ скажетъ вамъ: «Это Калибанъ, эшо Фальстафъ, эшо Пукъ.» Такова сила гения! У Шекспира есть своя Мифологія, своя Иконографія, свой міръ!...

Эстампъ съ каршины Фюзели былъ выгравированъ Гаугшономъ.

Видъ Кремля, за два столѣтія до нашего времени.— При сей книжкѣ Телеграфа находится *точный снимокъ* съ изображенія Кремля, приложеннаго къ Путешествію Одеарія. Мы полагаемъ, что читателямъ любопышно узнать: каковъ былъ въ старину нашъ золотоголавый Кремль, *ровно за дѣтсти лѣтъ*,

ибо Олеарій отправился въ путь изъ Голштиніи, посломъ отъ тогдашняго Герцога Фридриха, въ Октябрѣ 1633 года, и въ Августѣ 1634 года прибылъ въ Москву, а выѣхалъ изъ нея въ Декабрѣ.

Видъ снятъ былъ рисовальщикомъ Олеарія съ Лобнаго мѣста, и рисунокъ обнимаетъ все пространство Кремля, отъ Никольскихъ вѣроу, почти до Константино-Еленскихъ (нынѣ заложенныхъ). Спасскую башню топчасть угадашь можно. Другія башни Кремлевскія, безъ ихъ верховъ, построенныхъ въ позднѣйшее время, не походяшь на нынѣшнія, а также вовсе не похожи на нынѣшнія, перестроенныя, Никольскія вѣрота. Успенскій Соборъ и Вознесенскій монастырь, почти не измѣнились, а также и церковь Василя Блаженнаго. Но Иванъ Великій, или лучше сказать строеніе, примыкающее къ колоссу Ивана Великаго, совсѣмъ передѣлано. Вообще надобно замѣнить, что множество фигурныхъ украшеній въ Кремлѣ и Кремлевскихъ строеніяхъ, считаемое многими за остатки глубокой древности, есть произведеніе новѣйшее. Общій характеръ древняго Кремля составляли простота, грубость, тяжесть. Много разъ были мы случаи говорить о томъ, что небрежность, съ какою разрушаемъ и передѣлываемъ мы все старинное, возбуждаешь невольное прискорбіе... Вскорѣ мы не будемъ узнавать Кремля, Троицкой Лавры, старинныхъ церквей и зданій нашихъ — такъ быстро и безжалостно обезображиваются они новыми перестройками, презрѣдной и великолѣпной архитектуры (какъ говорится въ описаніяхъ перестроекъ

прошедшаго вѣка)! Вокругъ всего Кремля былъ ровъ, выложенный кирпичемъ и обнесенный стѣнами. Къ воротамъ Кремлевскимъ вели мосты. Ровъ и мосты сіи, кромѣ Троицкаго, уничтожены уже послѣ нашествія Наполеона, и замѣнены садами и бульварами.

ВОЗРАЖЕНІЕ

НА СТАТЬЮ СѢВЕРНОЙ ПЧЕЛЫ (*).

Подъ великолѣпнымъ названіемъ: *Отечественная промышленность*, напечатано въ 149 и 150 № СѢВЕРНОЙ ПЧЕЛЫ огромное описаніе небольшой шелковой фабрики Санктпетербургскаго 3-й гильдіи купца Серебренникова, находящейся (по словамъ Сочинителя спашья) въ маленькомъ деревянномъ

(*) Спашья сія доставлена къ намъ отъ нѣсколькихъ Московскихъ фабриканшовъ. Сколько ни уважаемъ мы Сочинителя спашья въ СѢВЕРНОЙ ПЧЕЛѢ, но, правда дороже всего, и мы не могли не напечатать опыта почтенныхъ фабриканшовъ Московскихъ. Это можетъ послужить маленькимъ урокомъ, что не надобно говорить о томъ, чего мы хорошо не знаемъ. *Изд. Тел.*

флигель, гдѣ въ чешырехъ *залахъ* (*) расположены 14 спановъ, одинъ прессъ, два каландра, и проч. Если-бы статья Сѣверной Пчелы заключала въ себѣ шокмо описаніе фабрики, то намъ оставалось-бы сказать Сочинишелю оной, что онъ дѣйствительно увлекся *кизливо-патріотическимъ экванствомъ* (его слова), говоря, что у Г. Серебренникова «дѣлаются *тюлевый матеріи*, газовые и креповые плашочки, шарфы, ленны, косынки, плашки, печатные и крашеные, *какъ-бы à la gouache*, «и фулары, которые мы видимъ въ великолѣпныхъ «магазинахъ на Невскомъ Проспектѣ.» — Не нужно, кажется, быть очень свѣдущимъ въ мануфактурномъ дѣлѣ, чтобы убѣдиться въ несправедливости всего этого, ибо 14-ю ткацкими станками, безъ красиво-набивнаго заведенія, и безъ особеннаго устройства для не существующаго во все у насъ въ Россіи производства *тюлей*, не лзя производить всѣхъ вышеозначенныхъ, столь между собою различныхъ издѣлій для магазиновъ Невского Проспекта. Не въ шомъ однакожъ дѣло. Сочинишелю простишельно всякое преувеличеніе, потому что его *патріотизмъ* (какъ онъ самъ сознается) былъ *лелѣянъ* въ комнатахъ Г. Серебренникова. Но какъ могъ онъ, ошносительно личности почтеннаго Г. Серебренникова, рѣшиться на обидную для сего

(*) По сей метафорѣ, каждая хижина нашихъ Московскихъ куспарниковъ, заключающая въ себѣ иногда отъ 5 до 6 спановъ, есть *зала*; а какъ-же называть огромныя свѣщницы нашихъ фабриканшовъ?

фабриканта насмѣшку, приписывая ему такія науки и познанія, которыми и ученѣйшій изъ ученыхъ едва-ли похвалишься захочешь? Вошь вопросъ, кошорый шѣмъ шруднѣе къ разрѣшенію, чѣмъ справедливе пословица: *излишняя похвала хуже браня*.

Придерживаясь правила Вейса: *accordons par exemple ce que le simple donna par ignorance*, мы не споримъ, что изъ числа торгующихъ въ Санкт-петербургскомъ Гостиномъ дворѣ, Г. Серебренниковъ дѣйствительно отличается добрымъ значеніемъ мануфактурнаго дѣла, пишущаго уже и нынѣ на фабрикѣ его нѣсколько человѣкъ работниковъ, и могущаго (по мѣрѣ *улучшенія кредита* Г. Серебренникова и распространенія его производства), содѣлаться источникомъ пропитанія для многихъ десятковъ людей и многихъ бѣдныхъ семействъ. Но не угодно-ли послушать, что говоритъ объ немъ Г. Сочинитель сшашъ?

Послѣ смѣлой и забавной укоризны всѣмъ отечественнымъ мануфактуристамъ, что они сами рѣшительно почти большею частію ничего не дѣлать, и лишь тщеславясь своими заведеніями, выписываютъ Нѣмцевъ, Французовъ, Англичанъ, Италіянцевъ и Швейцарцевъ, отъ которыхъ узнаютъ, что это, что то, какую пользу можно извлечь изъ такого-то изобрѣтенія, и прог., Г. Сочинитель сшашъ продолжаетъ слѣдующимъ образомъ:

« Но Серебренниковъ, слѣдуя пословицѣ старика Лафоншена: *l'œil du maître est toujours le meilleur*,

все знаетъ самъ и всѣмъ стѣлямъ своего производства даетъ ходъ своими свѣдѣніями: онъ подѣлъ и Химикъ, и Физикъ, и Рисовальщикъ, и Механикъ; послѣдняя часть особенно ему извѣстна: сіе доказываешься тѣмъ, что онъ имѣешь на своей фабрикѣ машины собственнаго изобрѣтенія, кои суть: 1). Прессъ съ рѣзальною машиною, для рѣзки картъ, употребляемыхъ на Жакардовой машинѣ, которая въ особенностяхъ полезна для сего рода фабрикаціи, и механизмъ коей еще нѣсколько здѣсь усовершенствованъ. Посредствомъ особеннаго способа рѣзки картъ, приходишь то, что рисунокъ на волнистыхъ матеріалъ удивительно ровекъ, и чрезъ то много способствуетъ къ красотѣ издѣлій. 2). Часы, для измѣренія лентъ. Это роскошь, довольно однако нужная, ибо при измѣреніи лентъ аршиномъ, оныя рвутся (?!), сстишающій можешь легко ошибиться; но здѣсь вы кладете сѣю аршинъ, и они наматываются очень быстро; когда дошло до 25, вы перебѣняете ходъ колеса, и такимъ образомъ идешь далѣе. Нѣчто подобное для канашовъ существуетъ въ Англіи, но нашъ изобрѣтатель не зналъ о семъ въ то время, и нечаянно совпалъ съ Бришанскимъ Механикомъ. 3). Машина для размотки шелку, весьма полезная, не только пошому, что она предохраняетъ шелковину отъ запыленности, но также и для того что посредствомъ оной весьма сокращается число рукъ, ибо она въ 6 шпуль, и вмѣсто шести работниковъ, все это дѣлается однимъ мальчикомъ.» —

Послѣ сего чинатели Сѣверной Пчелы, вѣрно, видяшь въ Г-нѣ Серебренниковѣ необыкновеннаго

генія — изобрѣтателя по части Механики. Но мы почитаемъ долгомъ вывести Публику изъ сего заблужденія.

Первая изъ вышеозначенныхъ машинъ, которую Г. Сочинитель спашь, по незнанію своему, называетъ *Прессомъ*, есть извѣстная *Лизажъ машина* (lisages), безъ которой изготовленіе кардъ для Жакардова станка производилось бы весьма медленно. Машина сія, изобрѣтенная во Франціи, почти въ одно время съ Жакардовою, усроена была въ Россіи въ первый разъ, лѣтъ девять тому назадъ, на фабрикѣ Господъ братьевъ Рогожиныхъ; а потомъ число оныхъ машинъ распространялось въ Москвѣ и ея Губерніи такъ быстро, что теперь нѣтъ уже ни одного крестьянина, производящаго узорчатые издѣлія, который-бы не имѣлъ оной машины, для болѣе успѣшной настрѣлки рисуночныхъ кардъ. На большихъ-же фабрикахъ имѣется по нѣскольку шаковыхъ машинъ различной величины, ш. е. въ 400, 600, 800, 1000 снурковъ и ш. д. — Вѣроятно, что находящаяся и у Г. Серебренникова *Лизажъ машина* сработана въ Москвѣ, ибо даже для огромнаго заведенія Санктпетербургскихъ фабрикантовъ *Бинара и Пимельзридера*, подобный снарядъ сдѣланъ былъ Московскимъ мастеромъ *Семеновымъ*.

Вторую машину, для измѣренія издѣлій, всякій постигшишель Императорской Александровской Мануфактуры могъ видѣть, нѣсколько лѣтъ прежде усроенія Г-мъ Серебренниковымъ знаменитыхъ 14 станковъ, двухъ *каландровъ*, и проч.

Что же касается до третьей, то есть *шпальной машины*, то, не угодно ли будетъ Г-ну Сочинителю сшашъ и пожаловать въ Москву, гдѣ мы покажемъ ему на фабрикѣ Г-дѣ братьевъ Рогожиныхъ шаковую-же, еще въ 1825 году изъ за границы привезенную. Сожалѣемъ что Г. Сочинитель не придумываетъ для себя средства, находящагося въ выхвальной имъ *шпальной машинѣ*, *предохраняющей отъ запутанности*; ибо онъ неоднократно подвергся сему неудобству, въ сшашѣ своей, *оригинально-замысловатыми* (*) *прошиворѣзками*. Вотъ два примѣра :

а). Сказавъ, что на первый вопросъ : « могу ли видѣть Г. Серебренникова » ? Хозяинъ, сбросивъ свой *пулукъ*, *отвѣчалъ* : имѣю честь быть къ услугамъ вашимъ, и *повелъ его на фабрику*, Сочинитель говоритъ въ другомъ мѣстѣ : « *входъ на сію фабрику возбраненъ постороннимъ лицамъ*. Видно, что Сочинитель не *постороннее* лицо для Г-на Серебренникова.

б). Сказавъ, что Г-нъ Серебренниковъ подѣ часъ и *Химикъ*, и *Физикъ*, и *Рисовальщикъ*, и *Механикъ*, все знаешь самъ и вѣдѣвъ въшивамъ своего производсва даешь ходъ своими свѣдѣніями, онъ увѣряетъ насъ далѣе, что Г-нъ Серебренниковъ *платитъ своему первому мастеру 3000 р. въ годъ*, *кроме квартиры, отопленія и освѣщенія* — и все это для наблюденія за 14-ю *сшашами*, двумя *кала-*

(*) Мы заимствуемъ сіе выраженіе у самого Г-на Сочинителя сшашъ.

драми и прессомъ? Гдѣ же шутъ пословица Лафонтена : *l'œil du maître est toujours le meilleur* ?

Если хотите удостовѣриться въ познаніяхъ Г-на Сочинителя въ мануфактурной производимости, прочтите упреки, дѣлаемые имъ нынѣшнимъ Французскимъ фабрикантамъ, коихъ ленты, по его «*словамъ стали весьма плохи : онѣ бѣдны шелкомъ, а потому жидки; на красный цвѣтъ, вмѣсто драгоцѣннаго кармина (!!!) употребляется обыкновенная кошениль.*» — Вотъ новыя средства для достиженія оного цвѣта на лентахъ! Сожалѣемъ только, что Г-нъ Сочинитель не описываетъ намъ живописи, на пошолкахъ тѣхъ комнатъ, гдѣ былъ дѣламъ его патриотизмъ, ибо, судя по вышесказанному сафлоръ игралъ-бы главную роль въ семъ описаніи!

Истощивъ все краснорѣчіе свое въ такихъ похвалахъ Г-ну Серебренникову, которыхъ ни одинъ изъ посѣтителей Сентъ-Уанской фабрики не ошдалъ бы и *злчменитому Терно* (питающему многочисленными мануфактурами своими до 11,000 семействъ, а не 40 только человекъ работниковъ), Г-нъ Сочинитель статьи говоритъ наконецъ: «*теперь погово-римъ о самомъ Г-нѣ Серебренниковѣ*», и послѣ краш-кой біографіи его присовокупляетъ, «*что онъ въ 1829 году началъ удовлетворять своей страсти къ мануфактурному производству, и тогда же безъ всякаго — замѣтьте — пособія Правительства завелъ эту маленькую фабрику, на которой въ это время было . . .*» сколько-бы вы думали? . . . Четыре работника! Воля ваша, а это, право, походило

на известный анекдотъ : Кто идетъ ? — Калмыки! — Много-ли васъ ? — Одна Калмыка! —

Забавите всего правоучительный урокъ нашему Купечеству, которому Г. Сочинитель спашья поспавляетъ въ примѣръ самоошверженіе Г. Серебренникова, не жаждущаго, какъ онъ говоритъ, « славы, почестей и извѣстности ; не подобнаго « этимъ хитростнымъ монополистамъ, которымъ « въ ихъ гнусной жадности хотѣлось-бы все захва-
« тить, все присвоить лишь себѣ однимъ, и не « сходнаго съ этими сынками, полугнившими отъ « батюшекъ милліоны, и проматывающими золото « на всѣ руки въ обществѣ нароковъ, цыганокъ, пса-
« рей и льстецовъ, составляющихъ ихъ дворъ и уви-
« сающихся около ихъ меркантильнаго трона. »

Тутъ похвала Г. Серебренникову отрицательная, но обода для нашего Купечества положительная, а пошому и совѣшуемъ Г. Сочинителю воздерживаться въ правоученіяхъ своихъ отъ общихъ примѣненій. Во всякомъ сословіи, безспорно, есть люди порочные и добродѣтельные ; Купечество-же наше, Русское, вообще отличается болѣе гражданскими добродѣтелями, нежели тѣми гнусными пороками, о которыхъ говоритъ Г. Сочинитель. Что касается до воспорга, съ которымъ онъ говоритъ обо всемъ до Г. Серебренникова касающемся, то напоминаемъ ему слова Дюпена : « Тошъ патріотизмъ безразсу-
« денъ и пагубенъ, который трубитъ о своемъ пре-
« восходствѣ не заслуживъ онаго. »

КАМЕРЪ - ОБСКУРА.

№ 8.

ТРУДОЛЮБИВЫЙ МУРАВЕЙ,

Историческо - политическо - литературная Газета, издаваемая въ городѣ N. N., Яковомъ Ротозѣвымъ и Ѳомою Низкопоклоннымъ.

ПОЭТЪ.

(Посвящено Ѳ. Ѳ. Мотылкоу).

« Самовластительный губитель
Забавъ и доблестей своихъ,
То добрый геній, то мучилецъ,
Мертвецъ средь радостей земныхъ
И гость веселый на кладбищѣ,
Поэтъ! скажи мнѣ: гдѣ жилище,
Гдѣ домъ твой, дивный чародѣй?
Небрежной лирою своей,
Ты насъ то мучишь, то терзаешь
То радуешь, то веселишь;
Къ ногамъ порока упадаешь,
Добро презрѣніемъ даришь;
То надъ неопытною дѣвой,
Какъ старый грѣшникъ, шутишь ты

И спрашиваешь дикія мечты

.

Скажи : за чѣмъ твои сомнѣнья ,
 Твои безумныя волненія ,
 Зачѣмъ въ тебѣ пороки и зло
 Блещущимъ даромъ облекло
 Судьбы счастливой заблужденіе ?
 Зачѣмъ къ тебѣ — суешь дѣшя ,
 Вползли , взгнѣздились пороки :
 Лжи , лести , низости уроки ,
 Ты проповѣдуешь шуша ?
 Съ твоимъ божественнымъ искусствомъ ,
 Зачѣмъ , презрѣнной славы льстецъ ,
 За чѣмъ предашельскимъ ты чувствомъ
 Мрачишь лавровый свой вѣнецъ ? »

Такъ говорила чернь сѣдая ,
 Поэту дивному внимая ;
 Онъ горделиво посмощрѣлъ
 На вопль и кланьи черни дикой ,
 Не дорожа ея улыкой ,
 Какъ юный , бодрственный орелъ ,
 Ударилъ въ струны золошья ,
 Съ земли далеко улещѣлъ ,
 Въ передней у вельможи сѣлъ ,
 И пѣсни дивныя , живыя ,
 Въ восторгъ радости запѣлъ .

Безсмысловъ.

СПб. , 1832.

Новости политическія.

По причинѣ позднаго полученія мноошранной почты, мы ничего не можемъ сообщить нашимъ читателямъ.

Афоризмы (*).

Изобрѣшательность человѣческая *торопатѣ* природы на выдумки, особенно, когда все дѣло зависишь отъ одного навыка *пускать гусиное перо по широкому полю бумаги*. Нуженъ только чичероне, который-бы умѣлъ, не только *назвать имена*, но и *растолковать по родимымъ ятканьямъ курьёзные свойства* всѣхъ многочисленныхъ и многоразличныхъ *издѣлій* пишущаго Человѣчества (*Телескопъ*, 1831, Т. I, стр. 445).

Что хорошаго въ поэмѣ Козлова: *Безумная*?
— «Безумная, какъ *идеальное лицо*, изображена

(*) Мы рѣшились собирать и записывать въ нашу Газету всѣ рѣзкія, прекрасныя идеи, которыя найдемъ въ сочиненіяхъ современныхъ Русскихъ писателей. Такимъ образомъ составимъ мы для потомковъ; да и для тѣхъ современниковъ, которые лѣнятся читать много, *духъ* современнаго намъ просвѣщенія и образованности. *Изд. Муравьѣвъ.*

прекрасно. *Фантастическое скитаніе* разспро-
енныхъ мыслей, *порываемыхъ бурною силою кло-*
коущей страсти, представлено также масшер-
ски (*Телескопъ*, Т. I, стр. 117).

Кажется, будто Поэзія наша нѣсколько дре-
млетъ; но сія *дремота прерывается* нерѣдко
плѣнительными *грезами*. Жизнь поэтическая про-
сѣиваетъ въ нихъ, болѣе или менѣе яркими
блестками... *Прозѣ Изящной* сооруженъ вели-
чественный памятникъ въ *Исторіи государства*
Россійскаго, памятникъ, объ который время
изломаетъ свою *косу*!.. Для насъ зачинается
эра живой народной Словесности, ибо мы имѣ-
емъ — *Басни Крылова* и *Юрія Милославскаго*
(*Телеск.* Т. I, стр. 45).

Характеристическая черта 1830 года отмѣ-
тится въ лѣтописяхъ нашей Литтературы, не
какъ начало новой жизни, но какъ послѣдняя,
высшая степень *лихорадочнаго пароксизма*, дол-
женствовавшаго приготовить переходъ нашей
младенцествующей Словесности къ зрѣлой воз-
мужалости. Природа физическая возобновляетъ
себя бурями и землетрясеніями: для природы
нашей *литтературной* необходимы также пері-
оды бурь, и сотрясеній, чрезъ посредство ко-
ихъ всѣ тлетворныя нечистоты, накопившія-

ся съ ея недрахъ, должны отдѣлаться, раз-
вѣстись, и облегчить путь ей къ даль-
нѣйшему преслѣнію. Такъ и было въ послѣднія
времена нашей Словесности. Лихорадка, स्वा-
тенная ею въ неоспороженныхъ прогулкахъ по
чужеземной слякоти, истрепала ее до горлест-
наго сумасбродства. Любая желчь развилась у
ней во всѣхъ суставахъ, и только судорож-
ныя конвульсіи и дикіе вопли были признака-
ми ея жизни. Въ началѣ 1830 г. это болѣзнен-
ное расстройство находилось въ своемъ апогее
(Телеск. Т. I, стр. 578).

НОВОСТИ,

ПО ЧАСТИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ТОРГОВЛИ.

Въ то время, когда просвѣщеніе и образо-
ванность распространяютъ побѣды Промышлен-
ности и Торговли на всѣ царства природы и
на всѣ части свѣта, мы не отешаемъ опъ дру-
гихъ издашелей Газетъ и Журналовъ, даже и
шашихъ, которые посвящены исключительно тор-
говлѣ и промышленности. Поспоянно сообщаемъ
мы извѣстія о ходѣ и положеніи всемірной
торговли, и важнѣйшихъ усѣхахъ по части
фабрикъ и заводовъ. Въ то время, когда Ан-
гличане пролагаютъ новыя пути среди льдовъ
Сѣверной Америки, заселяютъ цѣлыя царства

въ Австраліи, роюгъ нуши подъ рѣками, захватываютъ торговлю Леванта, проникають въ Африканскія пустыни пароходами по Нигеру, пробиваютъ горы чугунными дорогами, и перекидываютъ сіи дороги сверхъ долинъ — мы соревнуемъ ихъ подвигамъ, и прилагаемъ силы къ силамъ, чтобы газетными извѣстіями поспѣвать нашу промышленность и торговлю на ряду съ другими Европейскими промышленностями и торговыми. Такъ въ прошедшихъ нумерахъ нашего *Муравъ*, мы сообщали читателямъ важныя извѣстія о просѣваніи сора на волоочильныхъ фабрикахъ новыми, механическими силами; объ упоиребленіи соломы, вмѣсто шрепы, для бумаги; о новозобрѣтенномъ способѣ наводить на фарфоровыхъ чашкахъ золотыя полоски; о новомъ способѣ смачивать табакъ въ табакеркѣ, когда онъ очень высохъ, и о машинкѣ, коихорю шкать можеть вышоркать носъ, не оставая своей работы. Не менѣе важны и полезны для нашихъ соотечественниковъ извѣстія о торговлѣ рогожами между Лаосомъ и Сіамомъ; о числѣ кораблей, ежегодно приходящихъ изъ Отаиши въ Новую Зеландію; о количествѣ чая, ежегодно потребляемаго Кантонскимъ Губернаціею, и о синей краскѣ, коихорю извлекають на островѣ Ениео, изъ корней растенія, называемаго: *Австралийскій пирей*. Не наша вина, если промышленники и

торговцы не читають нашего *Муравья*, и не пользуются свѣдѣніями и извѣстіями, въ немъ помѣщаемыми.

Теперь получили мы, съ послѣдней Лейпцигской ярмарки, десять маленькихъ брошюрочъ, по части торговли и промышленности, написанныхъ оцъ нечего дѣлать, или за нѣсколько грошей разными Нѣмецкими студентами, и постараемся передатьъ содержаніе ихъ читателямъ нашимъ.

Спѣшимъ извѣстить также, что одинъ почтенный липператоръ, сотрудникъ нашъ, занимается переводомъ съ Французскаго книги: *Руководство, какъ держать сапожнику шило, при строгѣ сапоговъ въ рантъ*, и съ Нѣмецкаго языка переводитъ онъ драгоцѣнное и любопытное Руководство, какъ выдувать разнодѣшныя, мыльные пузыри.

Мангеймскій корреспондентъ пишетъ къ Издателю Аугсбургской Газеты, о вновь открывшемся предметѣ потребления на Востоцѣ. Турецкіе щеголи вздумали чистить зубы, послѣ кушанья, особеннаго рода деревянными крючками. Такихъ крючковъ отправлено было въ прошломъ году изъ одного Мангейма болѣе 2,000, и сошны ихъ продавалась въ Смирнѣ по 4 шалера ча, когда въ Смирну обходятся они, омъ, не дороже 2 талеровъ. Знаменимскій механикъ, Товія, Іаковъ Цук-

керъ , пригошовляешъ шеперь болѣе 100 дюжинъ такихъ крючковъ , по заказу Вѣнскаго торговаго дома І. Х. Лейба-Гершковича.

Желательно, чтобы наши фабриканты воспользовались сею важною , и совершенно новою отраслью торговли. Они имѣють всѣ удобствы для Мусульманскихъ щеголей. Къ одному изъ слѣдующихъ № *Муравья*, мы приложимъ рисунки оныхъ.

(Продолженіе впрѣдъ).

Отечественныя извѣстія.

По извѣстіямъ изъ Москвы , на паномшнемъ театрѣ вновь играли, давно невиданныя пьесы : *Мужъ и любовникъ* , комедія ; *Актеръ на родинѣ* , водевилъ ; *Гулянье перваго Мая въ Сокольникахъ* , дивертисманъ , и *Зефиръ* , или *вѣтренникъ* , сдѣлавшійся (?) постояннымъ , балешъ. Пишуть , что едва доставало билетовъ , для всѣхъ мѣстъ , кто желалъ видѣть эти прекрасныя новоспѣ.

На Петербургскомъ театрѣ недавно давали новое, превосходное драматическое произведеніе : *Сальваторъ* , *атаманъ братьевъ кавказскихъ* , или *разбойники въ скалахъ Мадонны* — ужасную драму ! Воображаемъ себѣ воспоргъ зрительей ,

при эпюмъ необыкновенномъ произведеніи.—Также не забыли шамъ вновь дашь прелестный дивертисмантъ: *Митавская ярмарка, или Физатка въ маскарадѣ.*

Бошь новыя, замѣчательныя библіографическія явленія, поступившія въ продажу, въ разныхъ Московскихъ книжныхъ лавкахъ :

— *Обзоръ главнѣйшихъ происшествій въ Россіи, съ кончины Петра Великаго, до вступленія на престолъ Елисаветы Петровны.* Соч. Александра Вейдемейера. *Изданіе второе, исправленное и дополненное.* 3 части. СПб. 1832 года, въ ш. Плюшара; цѣна на вел. бумагъ 11 рублей.

Робертсоны и Гиббоны, Гизо и Тьерри — бездѣлки противъ сего великаго историческаго сочиненія: спыдно читають ихъ послѣ эпой книги. Пусть читатели наши судяють о достоинствахъ книги Г-на Вейдемейера потому, что менѣе нежели въ годъ вышло оной цѣлое изданіе, и напечатано уже второе.

— *Подарокъ матерямъ, или искусство пособлять однолѣтнему малюшкѣ правильно и въ скоромъ времени говоришь, а двухлѣтнаго учить читають по слуху.* Соч. А. Гуслистаго. М. 1832 г. въ ш. Кн. Львова. Цѣна 5 рублей.

Если нѣмыхъ учать говоришь, шо какъ не пособишь нашуръ-дурѣ, и не поучишь говоря-

щаго говорить скоро и правильно? *Читать по слуху* — намъ кажется, изобрѣшеніе очень остроумное. Не лѣзя-ли теперь придумать, какъ-бы *писать по обоянью*? Вотъ предметъ, который осмѣливаемся мы рекомендовать для новыхъ за-
нашій Г-на Гуслишаго.

Ученныя извѣстія.

Г-нъ Штудіусъ, Докторъ и Профессоръ Вирцбургскаго Университета, рѣшился наконецъ напечатать вторымъ изданіемъ свою небольшую книгу о достовѣрности твореній Пепровія. Увѣряютъ, что книгопродавецъ Арнольдъ, въ Дрезденѣ, взялъ изданіе это на свой счетъ. Когда дождемся мы подобныхъ трудовъ отъ нашихъ Писателей? Когда и книгопродавцы наши станутъ опваживаться на изданіе подобныхъ книгъ, которыхъ хотя никто не читаетъ, но которыхъ, не смотря на то, сошными выходятъ въ Германіи? Подобно повару, дорогому и малотребуемому, сіи книги составляютъ прочную литературную славу народа. Пора, пора намъ ревновать сей славѣ, и показать свѣту своихъ Штудіусовъ!

«Покажи мнѣ записную книгу твоихъ приходовъ и расходовъ, и я скажу, кто ты, и ка-

ковъ ты.» Такъ говорилъ одинъ умный чело-
вѣкъ. Бюджетъ Франціи на 1832 годъ, неволь-
но заставляетъ повторить сіи слова. Изъ до-
ходовъ Франціи, на Министерство Военное
предположено испрашивать въ 1832 году, 307
милліоновъ; на содержаніе Католическаго Духо-
венства около 34-хъ милліоновъ, а на воспи-
таніе народное — только два съ половиною мил-
ліона. Между тѣмъ Министерство Финансовъ
испрашивать около 23-хъ милліоновъ, а на по-
лученіе и сборъ 1000 милліоновъ дохода, ош-
тнено у Французскаго Правительсва около
420 милліоновъ франковъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

1. Нижеподписавшійся, Русскій Императоръ,
симъ чesно имѣетъ извѣстить, что по заказу
принимаетъ онъ на себя поставку, оригиналь-
ныхъ, Историческихъ романовъ, Романтическихъ
трагедій, и передѣланныхъ на Русскіе нравы
водевилей, романовъ, переведенныхъ съ Фран-
цузскаго, и проч. За оригинальный Историческій
романъ, въ 4-хъ томахъ, съ любовью, Русскими
и мужицкими фразами, множествомъ собствен-
ныхъ именъ, и, по крайней мѣрѣ, пятьюдесятью
выписками изъ Исторіи Карамзина, и двадцатью

описаніями нравовъ, обычаевъ и одеждъ, взятыми изъ книги Успенскаго — цѣна 300 *рублей ассигнаціями*. За Романтическую трагедію, съ совершеннымъ несоблюденіемъ единства дѣйствія, времени, и мѣста, въ пятистопныхъ стихахъ, безъ рифмъ — 400 *рублей*. За передѣланный водевиль, онъ доволенъ будетъ хорошимъ обѣдомъ и бутылкою Шампанскаго, а за переводъ романа съ Французскаго возьметъ, съ перепискою его на бѣло, по 25 *рублей* за томъ. Онъ ручается, что все это поставишь скоро, исправно, и въ самомъ новомъ, современномъ вкусѣ. У него-же продаются, по мѣлочамъ, разные Романтическіе списки, какъ-то: ошрывки изъ Трагедій, Комедій, Поэмъ, весьма годные въ Альманахи, и могущіе сослужить порядочную литературную извѣстность; купленные для водевилей, гдѣ помѣщены совершенно новыя насмѣшки надъ судьями, женщинами и Журналистами; цѣлыя стихотворныя пьески, отъ 10 до 50 стиховъ, съ рифмами, гдѣ изъясняются разные воспоминанія объ утраченной молодости, о бываломъ весельѣ, о глазахъ, рукахъ и ногахъ дѣвъ, о кипящемъ винѣ, о студенческой жизни, и проч. — Имѣешь онъ также готовые пьески, писанныя къ разнымъ людямъ, въ разные мѣста и по разнымъ дѣламъ, съ пробѣлами, гдѣ можно вставляешь собственныя имена, и потому весьма удобно примѣняешь и подносишь ихъ

кому слѣдуетъ, или кому угодно. Спросить у нашего городского Ладьока, Г-на Вздороноргуева, или въ пракширѣ, подлѣ находящемся.

С. Рифмоскриповъ.

2. Потребны въ опѣздѣ кучеръ, порядочнаго поведенія, садовникъ, знающій свое дѣло, *мусье* гувернёръ, изъ Нѣмцовъ, для хожденія гулять съ дѣтьми, и развлеченія ихъ чѣмъ нибудь дома, въ сырую и пасмурную погоду, а также *мадамъ*, или, по нуждѣ, *мамзель*, немолдыхъ лѣтъ, кошорая знала-бы Французскій языкъ, и могла говоришь на немъ съ дѣтьми. Нѣжные и попечительные родинели не пожалѣють денегъ, и готовымъ заплашишь *Мусье* рублей 300, а *Мадамъ* даже до 500 рублей въ годъ. Адресоваться въ деревню Чадолубову, къ шамошнему помѣщику Пуспоголовскому.

3. Симъ вызываються подрядчики, на перештриску шрехъ перинъ и 6 подушекъ, и перебивку полудюжины сипульевъ, новою кожею, съ мѣдными гвоздями; также потребны 2 палочки сургучу, дюжина перьевъ, и кусочекъ резинаспичку, для канцеляріи. Желаящіе взять на себя сей подрядъ и сію поставку, могутъ являться къ шоргамъ, первые 7, 14 и 21 числѣ, и къ перешпоржкѣ 22 числа, а послѣдніе 8, 15, 23-го, и къ перешпоржкѣ 24 числѣ, текущаго мѣсяца.

4. Продаются обрывки старых веревко́въ, обломки колесъ, каретный, вешій кузовъ, нѣсколько пучковъ мочалъ, или оспашковъ роговъ, что все определено, для сбереженія интереса, за излившемся, продать съ публичнаго торгоу. Торги назначаются, 1, 7 и 14-го числа, въ присушствіи.

5. Въ книжной лавкѣ Н. О. Шилобришвина продаются слѣдующія, вновь оппечатанные книги:

— *Новѣйшій, самый полный, подробный и самовѣрный лексиконъ, хозяинъ, садовникъ, прагма, поваръ, сургульникъ, цирюльникъ, птицеводъ и земледѣлецъ, или энциклопедическое собраніе всѣхъ донныхъ неизвѣстныхъ секретовъ, по части городского и сельскаго хозяйства, извлеченный изъ сочиненій самолучшихъ и извѣстнѣйшихъ хозяевъ и агрономовъ, и расположенный удобнѣйшимъ образомъ, для употребленія помѣщиковъ, хозяевъ, жваровъ, прачекъ, цирюльниковъ, и проч.* — Цѣна, за два тома, содержащіе въ себѣ до 300 страницъ, въ цвѣтной обвершкѣ 5 рублѣй.

— *Нашествіе Батыя, или героическій прикитръ любви и великодушія древнихъ Россіянъ. Историческій романъ XIII-го столѣтія, сочиненіе И. П. Безазова-Безбукина, въ 4-хъ частяхъ. Въ цвѣтной обвершкѣ, цѣна 15 рублѣй.*

Въ семъ романѣ, пламенными терпани изображено ужасное бѣдствіе отечества, при нашествіи Башня, и героическое самоотверженіе, какое древніе Русскіе Рыцари оказывали всегда, одушевленные патриотизмомъ и мудрою любовью къ истинѣ и славѣ. Среди сей мрачной рамы, являешъ потомъ Авшоръ чашашелмъ любовь и прагическую смерть Рязанской Книгини Евпраксіи, и основаніе города Зарайска, или Зарзска. Балъ у Башня, карусель у Георгія Всеволодовича, любовь Башня къ Евпраксіи, и разные романсы и куплеты, которые сытъ Башня сочиняшъ для Русскихъ красавицъ — сущъ мѣсна истинно поэпическія и романическія.

— *Недотыка*, Альманахъ, или карманная книжка для любителей и любительницъ отечественной Словесности, изданная И. Пузырьковымъ и Ф. Безмыслинымъ, съ лубочною картинкою, изображающею Недотыку. Цѣна, на обверточной бумагѣ 10 руб. асс., а на строй лучшей, или анши-веленовой 15 рублей.

Сей Альманахъ содержишъ въ себѣ прозу и стихи извѣстныхъ авторовъ. Не означая здѣсь именъ ихъ, мы означимъ только содержаніе главнѣйшихъ пьесъ. *Проза*. Обзоръ Русской Литтературы за минувшій годъ — Юма и Лукерья. Русская повѣсть — Опырьвокъ изъ романа: *Вла*

дмїръ Мономахъ , или взятіе Кафы — Письма къ другу , о шомъ , что если дождь идетъ , то на улицахъ бываетъ грязно — Бамбалыкъ-Камбалыкъ Эгорза. Ташарская цовѣсь. — Стихи. Гинь на побѣды Русскихъ — Къ ней — Мечта — Соловей Разбойникъ. Русская Баллада — Бывало му счастью — Къ Филлидѣ (переводъ съ Португальскаго) — Опытъ перевода Даншева Ада двухъ-сипоними стихами — Подражанія Древнимъ : Другу — Собакъ — Красавицъ — Ошривокъ изъ вольнаго перевода Шекспирова Цимбелина — Къ Мирзѣ (переводъ съ Арабскаго), и проч.

6. Содержатель Городоваго Театра симъ объявляетъ , что завтра представлена будетъ трагедія : *Пожарскій*; за нею послѣдуетъ водевилъ : *Гусарскія шутки , или у семи нянекъ дитя безъ глаза* , переведенный Г-мъ Грошевиковымъ. Въ заключеніе данъ будетъ *дивертисманъ* , гдѣ , для знамоковъ Драмапическаго Искусства , вновь прїѣхавшій Цыганъ будетъ плясать по Цыгански , а знаменитый Гротескъ Бреславскаго театра , Г-нъ Шпрингеръ , представитъ комическую паншомиму *Чортова ступа* (*Teufelsmörser*), и будетъ ломаться и кривляться , а наконецъ спанетъ обѣдавъ на слабо напληнушомъ канатѣ. Г-нъ Шпрингеръ немедленно послѣ сего уѣдетъ , почему содержатель театра надѣется , что знамоки послѣшатъ доставить на эшомъ разѣ

пеатру хорошій сборъ , и насладишься искусствомъ Г-на Шпрингера. А если кто нибудь изъ нихъ спанептъ жаловашься , что подобныя зрѣлища годящся только для гаерскихъ балагановъ , а не для храма Таліи и Мельпомены, то содержатель, симъ честь имѣеть объявить, что его дѣло больше собратъ денегъ , а о Драматическомъ Искусствѣ думай потъ , кому угодно.

7. Приказнымъ служивелемъ, М. П. Полушкинымъ, найденъ послѣ присутствія забытый, неизвѣстно кѣмъ, снурокъ, изъ тонкой шесмы, 18 вершковъ въ длину , которыми вътрошно, связаны были бумаги. Потерявшій сей снурокъ благоволилъ явиться въ присутствіе Суда, съ ясными о принадлежности снурка доказательствиями. Надѣется , что безкорыстіе нашего конечно вознаградится приличнымъ даромъ.

ОБОЗРѢНІЕ

СОВРЕМЕННЫХЪ РУССКИХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Оставимъ на время 1832-й *Телескопъ*, со всѣми его красотою. Пусть покуда онъ расшпигуетъ свои волчцы и терны и заготовляетъ новую жашву Кришкѣ.

Надобно признаться, что мы съ большою неохотою поглядываемъ нѣсколько минушь времени зачитаніемъ на Русскіе Журналы. Но это необходимо. Это должно принести существенную пользу, ибо нѣкоторые Журналы наши представляютъ чудеса, невиданныя и неслыханныя, отъ начала Журналистики и похожія на дѣйствіе и опиума; пошлѣ того благонамѣренный писатель долженъ разсматривать и объяснять ихъ, чтобы предохранить неопытныхъ или довѣрчивыхъ.

Впрочемъ, на этотъ разъ мы обратимся къ предмету вовсе не досадному, но за то смѣшному въ самой высокой степени: мы будемъ говорить о 58-мъ № *Молвы*, гдѣ напечатана дерзкая и опшальная выходка противъ насъ. Это послѣднее усиліе обличенной и оскорбленной страсти писать о томъ, чего не знаешь, и что выше силъ пишущаго. Не угодно-ли посмотрѣть Русскихъ чудесъ?

Мы обличили Издашеля *Телескопа* въ незнаніи: 1-е, Французскаго языка; 2-е, въ незнаніи Нѣмец-

кой Липшерашуры; 3-е, въ незнаніи Французской Липшерашуры, о которой однакожь онъ позволяетъ себѣ судить; 4-е, въ незнаніи Русскаго языка. Теперь онъ оправдывается въ этомъ. Наконецъ!.. Видно что поддѣльное равнодушіе его было не убѣдительно; видно что онъ увидѣлъ дѣйствіе не многихъ, но вѣрныхъ обличительныхъ словъ. Совѣтуемъ однакожь ему быть осторожнѣе въ своихъ оправданіяхъ, ибо въ напечатанномъ имъ онъ опушмываетъ себя новыми грѣхами, которые и хошимъ мы ему растолковать.

Мы привели въ примѣръ его незнанія Французскаго языка выписки изъ Шамполліона, и переводъ оныхъ, гдѣ *эстамль* принятъ за *гравировку*, *оваль* за *рамку*, и проч., гдѣ искажены слова и мысли Шамполліона. Онъ говоритъ, что это переводъ не его. Но Г-нъ Издашель забылъ, что подѣ перевода напечатанъ въ его Журналъ и текстъ, слѣдовательно онъ могъ, онъ *долженъ былъ* видѣть невѣрность перевода. Мы и говорили не о самой спашѣ, а о выпискахъ. Г-нъ Издашель долженъ сознаться въ одномъ изъ двухъ: или онъ не знаетъ что печатается въ его Журналъ, или не знаетъ Французскаго языка. Пусть скажешь, что онъ не знаетъ и не видитъ печатаемыхъ у него спашей; тогда мы укажемъ ему на *глазъ*, превратившійся въ *морду*, на Расина и Вольтера, которые запѣли гексаметрами... Но объ этомъ поговоримъ далѣе.

Оставимъ въ покоѣ Г-на Гулянова, за котораго вступается Г-нъ Надеждинъ. Сознанія Г-на Гулянова съ Шамполліономъ нейдуть къ нашему

разбору. Пишущій строки сіи обязанъ сказать однакожъ, что не Издашель *Московского Телеграфа* писалъ и пишеть въ Телеграфъ статьи о Русскихъ Журналахъ; слѣдственно гнѣвъ Г-на Надеждина на Издашеля сего Журнала напрасень. Но при семъ вѣрномъ случаѣ Г-нъ Надеждинъ припоминалъ, что самъ Издашель Телеграфа иногда ошибался. Какое дивное дѣло! Но, видно, ему показалось мало эшой важной истины, и потому онъ рѣшился выдумать какое-то *разстрѣливаніе изъ пушекъ*, будто-бы сказанное Издашелемъ Телеграфа вышло слова: *канонизація*. Эшо — коротко и ясно — неправда! Пусть Г-нъ Надеждинъ укажеть книгу и страницу, гдѣ было эшо напечатано, или, въ прошивномъ случаѣ, пусть признается что онъ послѣдовалъ правилу Фигаро: *Calomnions, calomnions, il en reste toujours quelque chose!*.. Если Г-нъ Надеждинъ хочеть знать смыслъ эшихъ словъ, то пусть попросишь кого нибудь перевести ихъ.

Послѣ эшого Издашель *Телескопа* вооружился всею своею ученостью и сблизилъ всѣ запасы ея для доказательства, что онъ знаетъ значеніе слова *сейнеты*. Онъ съ самою комическою важностью рассказываетъ намъ, что у него есть *Испанскій Лексиконъ*, слѣдственно онъ знаетъ, что значить эшо роковое слово!... Смирямся передъ ученостью Г-на Надеждина, но съ своей стороны смиренно объявляемъ, что и у насъ давно есть эшощъ *Лексиконъ*, только мы не справляемся въ немъ когда рѣчь идетъ о Французскомъ словѣ, какого-бы ни было оно происхожденія, Испанскаго, Арабскаго или

Гопескаго. Дѣло въ томъ, какъ употребляютъ, какъ понимаютъ его Французы. Посмотримъ однакожь, что нашелъ въ своемъ Испанскомъ Лексиконѣ Г. Надеждинъ.

«Sainete есть слово Испанское, происходящее отъ «Испанскаго-же слова *sauno*, которое значить по-Русски *свинью*.» Къ чему эта генеалогія свиньи? Не понимаю; только вижу, что Г. Надеждинъ не знаетъ, что свинья по-Испански называется *cochi*-*no*, а *sauno* или *saïno* значить особое животное, въ родѣ называемаго Французами *cochon d'Inde* (*). Зачѣмъ-же онъ говоритъ о томъ, чего не знаетъ? «Само оно означаетъ собственно *мясо и жиръ*, «которымъ кормятъ соколовъ, потомъ *переносно* (?), «всякой *лакомой кусокъ*, далѣе *сладость и припра-* «*ва*, потомъ вообще *украшеніе и пріятность*, и «наконецъ въ самомъ уже частномъ и переносномъ «смыслѣ, не просонародныя театральныя пьесы, «а интермедіи въ комедіяхъ, балетахъ и другихъ «театральныхъ пьесахъ!» Удивительная ученость! Только мы не повѣрили ей на слово, справились въ Испанскомъ Лексиконѣ, и нашли, что Г-нъ Надеждинъ и здѣсь перепуталъ все. *Sainete* значить не *мясо и жиръ*, а *можжегекъ*, который даютъ соколу, когда онъ возвращающа сь добычею, и въ переносномъ смыслѣ, кромѣ *лакомаго куска и приправы*, означаетъ оно все *пріятное*, также *укра-*

(*) Conejillo de Indias, mas pequeno que el regular, y que grune como el lechoncillo.

ни языка Французскаго , яи Словесности Французской. Кажется, дѣло шакъ ясно, что и говоришь не о чемъ. Но Издашель *Телескопа* рѣшился подкрѣпить наши обличенія , и сдѣлалъ это какъ не лъзя лучше.

Онъ говоришь во-первыхъ , что « значеніе слова гексаметръ извѣстно каждому школьнику. » Не спорю , но доказываю что Г-нъ Надеждинъ не знаетъ сего значенія. Далѣе онъ говоришь обо мнѣ : « Онъ *проговорился* , что подъ именемъ *гексаметра* раз-
« умѣетъ только шестистопный дактило-хоренче-
« скій стихъ , образованный въ новѣйшія времена у
« Нѣмцевъ и у насъ , по образцу древняго , количе-
« ственнаго шестистопнаго стиха Грековъ и Рим-
« лянъ. »

Я нигдѣ не говоришь этого : новое доказательство , какимъ оружіемъ дѣйствуетъ Г-нъ Надеждинъ ! Но забавно , что и здѣсь онъ ошибся , сказавъ будто Нѣмецкій гексаметръ состоитъ изъ *дактилей* и *хореевъ*. Напрошивъ , Нѣмецкій гексаметръ образованъ изъ дактилей , прохеевъ и спондеевъ , хотя нѣкоторые изъ Нѣмецкихъ поэтовъ доказывали , что можно обходиться даже безъ прохеевъ.

Но , мало было всѣхъ этихъ ошибокъ. Къ нимъ прибавлено еще слѣдующее : « *Гексаметръ* означаетъ *всякій шестистопный стихъ* : шакъ упо-
« требляется сіе слово во всѣхъ древнихъ и
« новыхъ Писанияхъ. » Не опечашка-ли это ? Быть не можешь , чтобы , кромѣ Гг. * * * ,

кто нибудь такъ понималъ гексаметръ! *Волкій шестистопный стихъ есть гексаметръ!* Совѣстно изъяснять передъ глазами публики, что значить гексаметръ, но должно, ибо Г-нъ Надеждинъ — увы! — не знаетъ этого. Онъ ссылается на *древнія Пинтики*. Напрасно! Мы посовѣтуемъ ему лучше заглянуть въ *Опытъ о Русскомъ стихосложеніи*, Г-на Востокова, а не въ *древнія Пинтики*, ибо во времена Аристотеля, и даже въ золотой вѣкъ Лиштерашуры Лашинской, не было еще ни Нѣмцевъ, ни Рускихъ, ни Французовъ, слѣдственно тогдашніе сочинители Пинтикъ не могли изъяснять, есть ли у Французовъ и Рускихъ гексаметръ. Въ *Опытѣ* Г-на Востокова узнаешь онъ, что значить гексаметръ, какъ составляется онъ, и также, что значить стопа, чѣмъ ошличается она отъ слога, и можно-ли почищать за одно стихъ составленный изъ стопы, и стихъ изъ слоговъ. Мы ограничимся только однимъ вопросомъ: На какомъ языкѣ писалъ Г. Надеждинъ о гексаметрахъ Расина и Вольтера? На Русскомъ? Слѣдственно, пусть докажешь онъ, что по-Русски имѣють одинакое значеніе слова: *гексаметръ* и *Александрійскій стихъ* (а не *Александринскій*, какъ говоришь онъ: это опять ошибка). Если онъ докажешь это, то я соглашусь, что всѣ просвѣщенные Рускіе ошибаются, почищая гексаметръ стихомъ, ошличнымъ отъ Александрійскаго. Въ ожиданіи этого, мы остаемся удословѣрены, что онъ такъ-же понимаетъ различіе между *стопой* и *слогомъ*, какъ между *театральною пысою* и *мясомъ*.

Но, желая еще лучше показать свое невѣдѣніе, Г-нъ Надеждинъ утверждаетъ, что Французы называютъ гексаметромъ стихъ Александрійскій. Напроставъ, вѣтъ извѣстно, что подъ названіемъ гексаметра Французы всегда разумѣютъ гексаметръ древній, а не свой двѣнадцатисложный стихъ, называемый героическимъ и Александрійскимъ. Г-нъ Надеждинъ не знаетъ этого, и, думая поразить насъ совершенно, ссылается на Палладіумъ своей учености, на *Journal des Débats*, гдѣ о Людовикѣ XI-мъ Деламина сказано: «*Des unités avec ce bonhomme! des hexamètres à Louis XI!*» Но что-жь это доказываетъ? спроситъ читатель. А вотъ что: Г. Надеждинъ не знаетъ Французскаго языка, и потому онъ вообразилъ, что *des hexamètres à Louis XI* значитъ: «гексаметры съ Людовикѣ XI-мъ! Вѣрно такъ! Отъ него все станется! Но пусть кто нибудь, жалостливый человѣкъ, растолкуетъ ему эти загадочныя слова.

Далѣе онъ говоритъ, что я доказываю его незнаніе Нѣмецкой Литтературы выпискою, будтобы переведенною имъ изъ Менцеля; нѣтъ! я указывалъ на эту выписку какъ на образчикъ его сужденій о Нѣмецкой Литтературѣ. А незнаніе его въ семъ предметѣ доказалъ я тѣмъ, что онъ видитъ въ Цшокке Швейцарскаго писателя, и восхищается его Швейцаризмомъ, тогда какъ Цшокке чистый Нѣмецъ!..

Наконецъ, Г-нъ Надеждинъ превосходно оправдывается въ незнаніи Русскаго языка. Онъ называетъ « замѣчательнымъ пунктомъ недоспашокъ точки въ его Журналѣ. » Какой пишешь! Не знаешь и того, что *пунктъ* и *точка* одно и то же! Онъ говоритъ: « Точка эша какъ « бѣльмо на глазу у Издателя Телеграфа. Онъ пошощалъ надъ ней все свое остроуміе: прозвалъ « мой Журналъ 1832-мъ *Телескопомъ*... » Вотъ эшо я люблю! прозвалъ! Кто прозвалъ? Развѣ не самъ Издатель *Телескопа*? Я не понимаю
 : драматическую пьесу называетъ онъ мясомъ, гексаметръ Александрійскимъ стихомъ, и самъ напишешь безсмыслицу, да и хочешь чтобы другіе признали ее своею! .. Не я прозвалъ *Телескопъ* 1832-мъ, а самъ Издатель его; я только совѣтовалъ ему переимѣнить эшо заглавіе, ибо мнѣ самому жалъ смѣяться надъ нимъ, да жалъ и видѣть какъ смѣются другіе. Совѣтую ему и шеперь, не только поправить все заглавіе (ибо я доказалъ ему, что оно *все* ошибочно), но и вообще поучиться Русской граматѣ. Для эшого есть прекрасная книга: *Натальныя Правила Русской Грамматки*, изданныя *Николаемъ Грегемъ*. СПб. 1830. Изд. 2-е. Думаю что шеперь совѣшь мой будетъ принятъ, ибо Г-нъ Надеждинъ уже признается, что у него *недостаетъ точки*. Одной-ли точки! Недостаетъ очень многого. Эша *точка* лишь одинъ *пунктъ*, какъ говоритъ онъ самъ.

Желалъ-бы я еще, чтобы Г-нъ Надеждинъ по-

учился бытъ вѣжливымъ въ своихъ кришикахъ и аншикришикахъ, и чтобы не называлъ онъ чѣхъ-бы то ни было кришикъ *клевстоу*, *ложю*, *грубою клевстоу*, *помѣстительствомъ* и подобными богатырскими именами. Онъ можешь бытъ увѣренъ, что брань ни сколько не оправдываетъ его; напротивъ, она показываетъ, что онъ не знаетъ условій образованнаго общества.

Кажется, я начисто расквитался съ своимъ противникомъ. Подтвердилъ доказательствами все, что утверждалъ прежде, и показалъ еще новыя ошибки и новыя свидѣтельства его невѣдѣнія. Ихъ накопилось уже шакъ много, что я рѣшаюсь исчислить главнѣйшія обвинительныя сшашы. Пусть Г-нъ Надеждинъ оправдывается, а я уличаю его въ слѣдующемъ: 1-е, что выписки изъ Шамполліона переведены безъ всякаго знанія языка Французскаго, такъ-же какъ и стихотвореніе Барбье, гдѣ *глазъ* названъ *мордою*, и что слѣдственно онъ не знаетъ Французскаго языка; 2-е, что ни у Расина, ни у Вольтера нѣтъ гексаметровъ; что Французы не называютъ своего двѣнадцатисложнаго стиха гексаметромъ; что по-Русски гексаметръ не значить одно и тоже что Александрійскій шестистопный стихъ; что *стопа* и *слогъ* не одно и то же, и что Г-нъ Надеждинъ, утверждающій противное, не знаетъ ни Французской Литтературы, ни Русской, ни Французской версификаціи; 3-е, что Цшокке не уроженецъ Швейцаріи, что онъ не Швейцарскій писатель, и что Г-нъ Надеждинъ,

который восхищается Швейцаризмом его, не знает Нѣмецкой Литтературы и восхищается тѣмъ того не знаетъ; 4-е, что онъ напрасно превращалъ заупо въ свинью, а заупете въ мясо, и все остъ того, что не только не знаетъ Испанскаго языка, но не умѣетъ справиться и въ Лексиконъ; . . .

.

. 5-е, что Нѣмецкій гексаметръ состоятъ не изъ дактилей и хореевъ, а изъ дактилей, шрохеевъ и спондеевъ, и Г. Надеждинъ, утверждающій первое, не читалъ Нѣмецкихъ гексаметровъ и потому не понимаетъ ихъ; 6-е, что онъ не понялъ выраженія: *des hexamètres à Louis XI*, и слѣдственно опять судитъ о томъ того не понимаетъ; 7-е, что онъ самъ назвалъ свой Журналъ 1832-мъ *Телескопомъ*, не потому чтобы хотѣлъ этого, а потому что не знаетъ Русскаго языка; 8-е, онъ пишетъ варварскими, испещренными ошибками слогомъ, что доказано нами множествомъ выписокъ изъ его Журнала, слѣдственно не умѣетъ писать по-Русски.

. Но дозволю! Пусть оправдается Г. Надеждинъ.

Я съ своей стороны объявляю, что всѣ статьи о Журналахъ Г-на Надеждина писаны не Издавателемъ *Телеграфа*, а мною, который, какъ благородный рыцарь, готовъ былъ-бы объявить свое

нмя; но для прошивника, находящагося шеперь въ
непріятельской дистанціи ошь меня, я и не при-
коснусь къ забраву моего шлема.

Въ възбжаніе недоразумѣній я однакожь буду
подписывашь полемическія статьи свои такимъ сло-
вомъ, которое всегда покажеть, что я не Изда-
тель Телеграфа, а, просто,

Анонимъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

XLIV-й ЧАСТИ.

	Стран.
Походныя Записки Василья Мирошевскаго....	3
Объ Энциклопедіяхъ. Сочиненіе Гизо.....	157, 307
Взглядъ на Римскую Исторію. Сочиненіе Мишеле.....	465
Замѣтанія объ Индійскомъ Архипелагѣ. изъ Соч. Реффлеса.....	126
Успѣхи въ изслѣдованіи Восточной Липптерашуры.....	268, 419
Обозрѣніе новыхъ открытій путешественниковъ.....	562
Уставъ Казиміра, Короля Польскаго.....	144
Физиогномическія и хироманшическія свѣдѣнія древнихъ Россіянъ.....	250
Извѣстіе о рукописи XVII вѣка (Г-на Андреева).	419 и

Первое дѣйствіе Шекспировой трагедіи: <i>Король Лиръ</i> . Переводъ Г-на Якимова.....	19
Стихотворенія:	
— Нуча, Якутскій разсказъ (Г-на Чижела).....	487
— Поэмаъ Архипелага Нелѣностей, въ морѣ пустозвучія (А. М.).....	494
Отрывокъ изъ претѣей Часни <i>Страники</i> (А. Ѳ. Вельшмана).....	223
Примѣчаніе къ Повѣсти <i>Аммалатъ-Бекъ</i>	80
Отрывокъ изъ романа: <i>Семейство Холыскихъ</i>	187, 336
Жизнь прехъ друзей. Повѣсть Гоффмана.....	495

Ideen über die Politik etc. — De la Politique, etc. (О политикѣ , сношеніяхъ и торговлѣ Древнихъ народовъ. Сочиненіе Геерена (продолженіе).....	84
Разборъ трагедіи: <i>Ермакъ сот. Г-на Хомякова</i>	225
Разборъ повѣсти Богдановича: <i>Душенька</i>	377, и

Современная Русская Библиографія.....	107,245,397 и
Нѣсколько словъ оиъ Сочинителя Повѣсти : <i>Андрей, Князь Переяславскій</i>	243
Еще нѣсколько словъ его-же.....	300
Смѣсь.....	150,302,459 и

Камеръ-Овскура книгъ и людей № 5, 6, 7, 8. Общество беззубыхъ Литшерапоровъ (<i>оконтаніе</i>). Трудолюбивый Муравей, историческо-политическо- литшерапурная газета, издаваемая въ городѣ N. N., Яковомъ Рошозѣвымъ и Омою Низко- поклоннымъ.....	105,129,
Обозрѣніе современныхъ Русскихъ Журна- ловъ.....	98,124,147 и 170
При сей части Телеграфа находящіяся: <i>Два отерка съ картинъ Мециса и Фюзели; Видъ Кремля за дѣвсти лѣтъ; Два изображенія: столика и модной драпировки оконъ; Шесть картинокъ Парижскихъ дамскихъ и мужскихъ модъ.</i>	

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ (*).

Les robes blanches, et les peignoirs, en jaconas ou en mousseline, sont toujours des toilettes de distinction plus ou moins négligées, selon qu'ils sont ornés de broderies ou de dentelle.

Les chapeaux de paille d'Italie, avec une ou plusieurs plumes blanches, conviennent aussi bien le matin, avec une robe de mousseline de couleur, que le soir avec une robe d'étoffe.

Les guingams avec lesquels on fait des peignoirs du matin, doivent être à petits quadrilles; ils imitent exactement les gros-de-Naples.

Les ceintures, à nœuds, ou les écharpes de ruban, se portent beaucoup avec des robes de mousseline blanche, ou de légères gazes de couleur.

Nous avons eu l'occasion de voir un trousseau dont voici quelques détails :

Les chemisettes en batiste brodées et garnies de dentelle; quelques-unes brodées en cœur pour mettre avec des robes à draperies ouvertes.

Une robe, en chaly rose, si pur et si frais qu'on ne peut le désigner que comme une *feuille de rose*. Le corsage drapé avec une mantille de tulle à petits toyaux.

Une redingote de gros-de-Naples *Pompadour*, couleur toute nouvelle, avec des pélerines.

Une élégante et belle robe de cachemire jaune-turc avec une bordure à palmes arlequin, le bord frangé; le corsage

(*) Въ Парижѣ до 25-го Іюля (н. ст.)

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ.

drapé à la tyrolienne ; des manches courtes , et des manches longues pour ajouter en négligé.

Les parures complètes de bal , étaient variées à l'infini.

Outre les cachemires , une écharpe en cachemire de l'Inde , jaune à bordure arlequin.

Une écharpe en point de Bruxelles, bordée d'une petite guirlande , dessins de fleurs , au bas et au milieu.

Une écharpe de blonde , se rapportant de dessins avec une mantille, un volant et des manches. Fleurs très-légères. Des demi-voiles de blonde.

Une robe de mousseline de soie était de la plus élégante recherche , en sortant de toutes les broderies d'or lamé ; le plain était semé de pierres de couleurs ; les broderies en soie unie formaient toute la branche , et la grappe de lilas était d'améthiste. Le corsage et les manches bordés de petites guirlandes.

Puis , ce qui méritait un examen d'admiration , était une robe de gros-de-Tours , peinte dans son entier en bouquet de fleurs , par un élève de Redouté. Elle était renfermée avec soin dans un étui chinois , peint également en fleurs , et relevé d'or.

Il y avait des mouchoirs de poche de forme octogone , brodés.

Бѣлыя платья и пудермантели , изъ законеша или кисен , все еще въ большемъ употребленіи , и смотря по ошдаѣ , съ шитьемъ или съ кружевомъ , составляютъ нарядъ болѣе или менѣе простой.

Шляпы изъ Испальянской соломы , съ однимъ или нѣсколькими бѣлыми перьями , въ такомъ-же употребленіи упрости , съ цвѣтными кисейными платьемъ , какъ и вечеромъ съ шелковымъ.

Парижскія моды.

Ткань, называемая *генгамъ*, изъ которой дѣлають упреннiе пудерманшели, должна быть въ мѣлкихъ кѣтъшкахъ. Она чрезвычайно похожа на гроденаплъ.

Въ большомъ употребленіи также пояса съ бантамп, или ленточные шарфы, съ бѣлымъ кисейнымъ, или легкаго цвѣтнаго газу платьемъ.

Мы имѣли случай, говорить Издатель Парижскаго Журнала, видѣть приданое, о которомъ сообщаемъ нѣсколько подробностей.

Батистовыя шемизетки всѣ вышиты и убраны кружевомъ; нѣкоторыя вышиты въ видѣ сердца. Ихъ надѣвають съ платьемъ, вырѣзаннымъ на груди и драпированнымъ.

Платье изъ розоваго шали, цвѣту чистаго и пѣжнаго какъ *розовый листъ*. Лицо драпированный школею, въ мѣлкихъ трубочкахъ маншилей.

Реденготъ съ целеривками, изъ гроденапля, цвѣта *Помпадура*: это цвѣтъ совершенно новый.

Нарядное и прекрасное кашемировое платье, желтаго-шурецакаго цвѣта, съ каймою пестрыхъ пальмъ; края бахромчатые; лицо драпированный *à la Tugotlienne*. Къ этому платью рукава короткіе и рукава длинныя, которые надѣвають запросто.

Полныя наряды для баловъ, были разнообразны до безконечности.

Кромѣ шалей, мы замѣтили шарфъ изъ Индiйскаго кашемиру, желтый съ пестрою каймою.

Шарфъ Бриссельскаго шитья, украшенный небольшою гирляндю; на немъ узоръ изъ цвѣтовъ по концамъ и по срединѣ.

Блондовый шарфъ, одинакаго узора съ маншилей, уборкой и рукавами. Цвѣты чрезвычайно нѣжныя.

Блондовые } полувуали.

Платье изъ шелковой кисеи, превосходило всѣ платья съ блесками. Оно было устьяно цвѣтными каменьями; шитье, изъ несученаго шелку, составляло на немъ вышки; кисей синели была изъ аметистовъ. Лифъ и рукава были украшены маленькими гирляндами.

Болѣе всего заслуживало вниманіе платье изъ гродетуръ, гдѣ букеты цвѣтовъ были нарисованы ученикомъ Редуте. Оно было бережно вложено въ Китайскій футляръ, также разрисованный цвѣтами и украшенный золотомъ.

Замѣчены также оснугольные плашки носовые, вышишые.

На приложенной картинкѣ:

Дама. Платье и пелеринка изъ вышиштой кисеи. Креповый капотъ-шляпка, съ полувуалемъ.

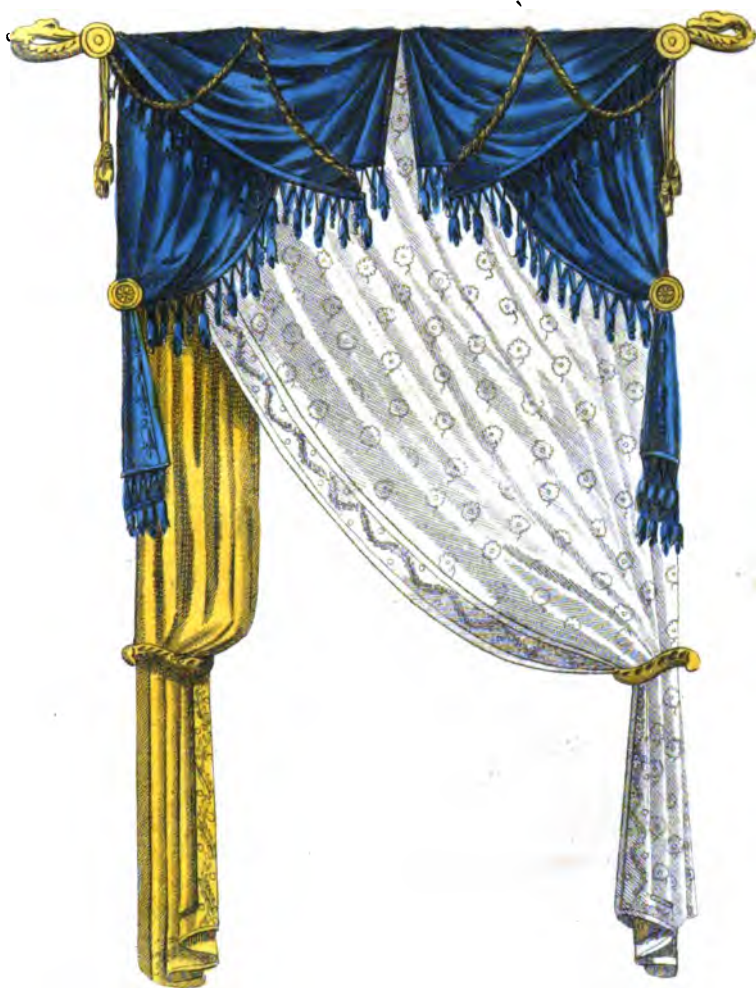
ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по оппечатаваніи представлены были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Москва, Іюля 15 дня, 1832 года.

Ценсоръ и Кавалеръ Николай Лазаревъ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА.

№ N. 3 Канепо-одетыр 1832 г.

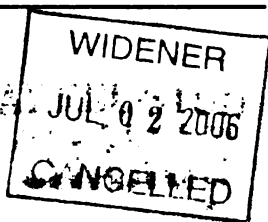

3 2044 022 600 720

The borrower must return this item on or before the last date stamped below. If another user places a recall for this item, the borrower will be notified of the need for an earlier return.

Non-receipt of overdue notices does not exempt the borrower from overdue fines.

Harvard College Widener Library
Cambridge, MA 02138 617-495-2413

Please handle with care.
Thank you for helping to preserve
library collections at Harvard

